1000 лирических стихотворений от Тредиаковского до Соловьева

Составил Илья Франк

Последняя редакция файла на www.russianeurope.ru — 7 июня 2026 г.

Как устроен сборник и в чем смысл такого устройства

Стихотворения следуют в алфавитном порядке (по первой строке), что, во-первых, дает возможность «сталкивать» разные поэтические эпохи, разных поэтов, разные возрасты одного поэта, во-вторых, делает чтение более увлекательным (благодаря как случайности «всплывания» того или иного стихотворения, так и разнообразию произведений). В-третьих, это позволяет заметить и оценить стихотворения менее известных поэтов — на фоне корифеев. В-четвертых, подобным образом легче входить в старую поэзию филологически неподготовленному читателю (чем, например, начинать с Тредиаковского и Ломоносова и др. Собственно говоря, сама идея возникла у составителя при занятиях литературой с дочерью-подростком.)

Автор указывается под стихотворением, при первом появлении автора указаны также годы его жизни. В конце сборника есть список авторов. Некоторые произведения приведены не полностью, в таких случаях, если это не указано в сноске, в конце произведения стоит звездочка.

Читателю, которому нужно чтение поэтов именно в хронологическом порядке, данный сборник не подойдет. Может быть, ему стоит посмотреть на проекте Русская Европа (russianeurope.ru) сборник, составленный мною ранее: Собрание лирических стихотворений от Жуковского до Соловьева. В этом сборнике всё идет по хронологии, стихотворений в нем значительно больше (благодаря более «доброму» отбору). На том же проекте есть еще два собрания стихотворений (произведения в них размещены в алфавитном порядке): Собрание русских лирических стихотворений от Анненского до Окуджавы и Собрание лирических стихотворений «Бронзового века» русской поэзии.

18 сентября 2024

В музеуме скульптурных произведений

Ага! — Вы здесь, мои возлюбленные боги!
Здорово, старики-сатиры козлоноги[1]
И нимфы юные! Виновник нежных мук —
Амур-мальчишка здесь, прищурясь, держит лук
И верною стрелой мне прямо в сердце метит,
Да нет, брат, опоздал: грудь каменную встретит
Стрела твоя; шалишь!.. над сердцем старика
Бессильна власть твоя. Смеюсь исподтишка
Коварным замыслам. — А, это ты — Венера!
Какая стройность форм, гармония и мера!
Из рук божественных одною грудь прикрыв,
Другую наискось в полтела опустив,
Стоишь, богиня, ты — светла, лепоообразна;
И дышишь в мраморе всей роскошью соблазна;
А там — в углу, в тени — полуземной урод
Любуется тобой, скривив беззубый рот,
А позади тебя, с подглядкой плутоватой,
Присел на корточки повеса — фавн мохнатый.[2]
А тут, крылатые, в гирлянду сплетены
Малютки, мальчики, плутишки, шалуны —
Побочные сынки! прелюбодейства крошки!
Ручонки пухлые и скорченные ножки,
Заброшенные вверх. — Задумчиво поник
Здесь целомудрия богини важный лик;

---

[1] *Сатиры* — (в греческой мифологии) лесные божества, спутники бога вина и винограда Диониса.
[2] *Фавн* — (в римской мифологии) бог полей, лесов и гор; обладал даром пророчества; изображался с козлиными ногами и острыми ушами.

Смотрю и думаю, — и всё сомненья боле:
Не зависть ли уж тут! Не девство ль поневоле!
Вот нимфы разные от пиндовых вершин:[3]
Та выгнутой рукой склоняет свой кувшин
И льет незримую, божественную влагу;
Та силится бежать — и замерла... ни шагу!
Страсть догнала ее… Противиться нельзя!
Покровы падают, с плеча ее скользя,
И разъясняются последние загадки, —
И мягки, нежны так одежд упавших складки,
Что ощупью рукой проверить я хочу,
Не горный ли виссон перстами захвачу;[4]
Касаюсь — камень, да!.. Нет, всё еще немножко
Сомнительно. — А как прелестна эта ножка!
Коснулся б до нее, да страх меня берет…

.....

Вот — вижу — Геркулес! Надулись мышцы, жилы;
Подъята палица… Я трус; громадной силы
Боюсь: я тощ и слаб — итак, прощай, силач,
Рази немейских львов![5] А я вприпрыжку, вскачь
Спешу к другим. Прощай! — А! Вот где, вот приманка!..
Сладчайшим, крепким сном покоится вакханка,[6]

---

[3] *Нимфы* — божества, олицетворяющие силы и явления природы (греч. миф.). *Пинд* — горный хребет в Греции, на горах которого обитали Аполлон и музы (греч. миф.).
[4] *Виссон* — дорогая, тончайшая ткань белого или пурпурного цвета (возможно, из льна).
[5] *Немейский лев* — (в греческой мифологии) лев чудовищной величины с невероятно прочной шкурой, которую не могло пробить ни одно оружие. Зверь опустошал окрестности городов Немея, Клеоны и поселка Бембина. Убийство немейского льва стало первым заданием, которое поручил выполнить Гераклу микенский царь Еврисфей.
[6] *Вакханки* — спутницы Диониса, сопровождавшие его во время шествий, носивших экстатический характер (греч. миф.).

Под тяжесть головы, сронившей вязь венка,
В упругой полноте закинута рука,
В разбросе волосы объемлют выгиб шеи
И падают на грудь, как вьющиеся змеи.
Как в чувственности здесь ваятель стал высок!
Мне в мраморе сквозит и кровь и гроздий сок.
А вот стоят в кусках, но и в кусках велики,
Священной пылью лет подернуты антики:[7]
Привет вам, ветхие! — Кто ж это, кто такой
Стоит без головы, с отшибленной рукой?
У тех чуть держатся испорченные ноги;
Там — только торс один. Изломанные боги!
Мы сходны участью: я так же изможден,
Расшиблен страстию и в членах поврежден;
Но есть и разница великая меж нами:
Все восхищаются и в переломке вами,
Тогда как мне — увы! — сужден другой удел:
Не любовались мной, когда я был и цел.

И ты, Юпитер, здесь. Проказник! Шут-потешник!
Здорово, старый бог! Здорово, старый грешник!
Здорово, старый черт! — Ишь как еще могуч
Старинный двигатель молниеносных туч!
Охотник, лакомый до этих нимф прелестных!
Любил земное ты и в существах небесных.
Досель еще на них ты мечешь жадный взгляд.
Я знаю: ты во всё был превращаться рад

[7] *Анти́к* — сохранившийся до нас памятник древнего искусства; старинный или редкий предмет художественной работы; все старинное, носящее отпечаток старины.

Для милых — в лебедя, что, верно, помнит Леда,[8]
Где надо — в юношу, в орла — для Ганимеда,[9]
И высунув рога и утучнив бока,
Влюбленный, ты мычал и в образе быка.[10]
Бесстыдник! Посмотри: один сатир нескрытно
Смеется над тобой так сладко, аппетитно
(Забыто, что в руках властителя — гроза),
Смеется он; его прищурились глаза,
И расплыли́сь черты так влажно, шаловливо,
В морщинке каждой смех гнездится так игриво,
Что каждый раз, к нему едва оборочусь, —
Я громко, от души, невольно засмеюсь.
Но — мне пора домой; устал я, ноют ноги…
Как с вами весело, о мраморные боги!

Владимир Бенедиктов (1807—1873)

Водопад[11]

Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами,[12]
Жемчу́гу бездна и сребра
Кипит внизу, бьет вверх буграми;
От брызгов синий холм стоит,

---

[8] *Леда* — (в греческой мифологии) супруга спартанского царя Тиндарея. Зевс (лат. Юпитер), плененный красотой Леды, овладел ею, обратившись в лебедя.
[9] *Ганимед* — прекрасный юноша, унесенный на небо с горы Иды Зевсовым орлом. На Олимпе он сделался виночерпием Зевса.
[10] Имеется в виду история с Европой — дочерью финикийского царя Агенора. В нее влюбился Зевс и, обратившись в быка, перенес ее на своей спине через море на остров Крит.
[11] Здесь помещен отрывок оды (ее начало).
[12] Державин описывает водопад Кивач на р. Суне (впадающей в Онежское озеро). *Четыре скалы* — четыре порога этого водопада.

Далече рев в лесу гремит.

Шумит, и средь густого бора
Теряется в глуши потом;
Луч чрез поток сверкает скоро;
Под зыбким сводом древ, как сном
Покрыты, волны тихо льются,
Рекою млечною влекутся.

Седая пена по брегам
Лежит буграми в дебрях темных;
Стук слышен млатов по ветрам,[13]
Визг пил и стон мехов подъемных:
О водопад! в твоем жерле
Всё утопает в бездне, в мгле!

Ветрами ль сосны пораженны? —
Ломаются в тебе в куски;
Громами ль камни отторженны? —
Стираются тобой в пески;
Сковать ли воду льды дерзают? —
Как пыль стекляна ниспадают.[14]

……

Под наклоненным кедром вниз,

---

[13] «Хотя Кончезерский завод (чугуноплавильный — *И.Ф.*) лежит от сего водопада около 40 верст, но в сильную погоду по ветру слышно иногда бывает действие заводских машин, которые, смешавшись с шумом вод, дикую некую составляли гармонию» (объяснение Державина).
[14] *Стекляна* — мелкие стеклышки, стеклянная пыль. Кивач никогда не замерзает, и зимой солнечные лучи, преломляясь в водяной пыли, превращающейся на лету в лед, «представляют весьма удивительное зрелище» (объяснение Державина).

При страшной сей красе Природы,
На утлом пне, который свис
С утеса гор на яры воды,
Я вижу, некий муж седой
Склонился на руку главой.[15]

Копье и меч, и щит великой,
Стена отечества всего,
И шлем, обвитый повиликой,[16]
Лежат во мху у ног его.
В броне блистая златордяной,
Как вечер во заре румяной,[17]

Сидит — и, взор вперя к водам,
В глубокой думе рассуждает:
«Не жизнь ли человеков нам
Сей водопад изображает? —
Он так же блеском струй своих
Поит надменных, кротких, злых.

Не так ли с неба время льется,
Кипит стремление страстей,
Честь блещет, слава раздается,
Мелькает счастье наших дней,
Которых красоту и радость
Мрачат печали, скорби, старость?

---

[15] Имеется в виду полководец екатерининского времени Румянцев, прославленный победитель турок в первой турецкой войне, подвергшийся гонениям и отстраненный от дел.
[16] «Трава повилика — знак любви к отечеству» (объяснение Державина).
[17] Намек на возраст Румянцева и символическое использование его фамилии.

Не зрим ли всякой день гробов,
Седин дряхлеющей вселенной?
Не слышим ли в бою часов
Глас смерти, двери скрып подземной?
Не упадает ли в сей зев
С престола царь и друг царев?..»
……..

1791—1794

Гаврила Державин (1743—1816)

Notturno[18]

Ароматной весеннею ночью
Я на небо гляжу ненаглядно...
Когда море, уснувшею мочью,
Так прекрасно, так мирно-отрадно,
Когда слышу, как злак прозябает,
И как пьет он дыхание ночи: —
Тебя сердце мое призывает,
Тебя видят во всем мои очи...
Будто смотришь ты теми звездами,
Будто дышишь дыханьем природы,
Расцветаешь ночными цветами,
Населяешь и воздух, и воды.

Когда слышу вечерние звуки,

[18] Ноктюрн (итал.)

Те, что льются, что в воздухе тают,
И таинственно с счастием муки
И с покоем тревогу мешают:
Тогда, кажется, будто незримо
Ты ко мне издалёка несешься...
Будто чую — промчалася мимо,
Будто пламенем пó сердцу льешься...
Что ж родного, скажи мне, сокрыто
В этой ночи и в звуках с тобою,
И какая струна у них слита
С моим сердцем, с моею судьбою?..

1846

Николай Щербина (1821—1869)

* * *

Бедный друг, истомил тебя путь,
Темен взор, и венок твой измят.
Ты войди же ко мне отдохнуть.
Потускнел, догорая, закат.

Где была и откуда идешь,
Бедный друг, не спрошу я, любя;
Только имя мое назовешь —
Молча к сердцу прижму я тебя.

Смерть и Время царят на земле, —

Ты владыками их не зови;
Всё, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

18 сентября 1887

Владимир Соловьев (1853—1900)

Элегия[19]

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

[19] *Элегия* — в античной поэзии так называли лирическое стихотворение или музыкальное произведение определенной формы. Изначально его тематика была свободной, но со временем к элегиям стали относить только сочинения печального характера. В них поэты описывали свои скорбные переживания, часто от первого лица. Например, древнеримский поэт Овидий в элегиях оплакивал свое изгнание, которое было для него равносильно смерти.

1830

Александр Пушкин (1799—1837)

Парус

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрыпит...
Увы! он счастия не ищет,
И не от счастия бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

1832

Михаил Лермонтов (1814—1841)

* * *

Береза в моем стародавнем саду
Зеленые ветви склоняла к пруду.

Свежо с переливчатой зыби пруда
На старые корни плескала вода.
Под веянье листьев, под говор волны,
Когда-то мне грезились детские сны,
С тех пор протянулося множество лет
В волнении праздном и счастья и бед,
И сад мой заглох, и береза давно
Сломилась, свалилась на мокрое дно.
И сам я дряхлею в чужой стороне,
На отдых холодный пора, знать, и мне,
А всё не забыл я про детские сны
Под веянье листьев, под говор волны.

1863

Николай Огарев (1813—1877)

* * *[20]

Благословляю вас, леса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубые небеса!
И посох мой благословляю,
И эту бедную суму,
И степь от краю и до краю,
И солнца свет, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,

---

[20] Из поэмы «Иоанн Дамаскин».

По коей, нищий, я иду,
И в поле каждую былинку,
И в небе каждую звезду!

1858

Алексей Толстой (1817—1875)

Евгению. Жизнь Званская[21]

Блажен, кто менее зависит от людей,
Свободен от долгов и от хлопот приказных,
Не ищет при дворе ни злата, ни честей
И чужд сует разнообразных!

Зачем же в Петрополь на вольну ехать страсть,[22]
С пространства в тесноту, с свободы за затворы,
Под бремя роскоши, богатств, сирен под власть[23]
И пред вельможей пышны взоры?

Возможно ли сравнять что с вольностью златой,
С уединением и тишиной на Званке?
Довольство, здравие, согласие с женой,
Покой мне нужен дней — в останке.

Восстав от сна, взвожу на небо скромный взор;

---

[21] Стихотворение посвящено другу Державина епископу Евгению Болховитинову (1767—1837), историку, археологу и историку литературы. Евгений с 1804 по 1808 г. жил в Хутынском монастыре, в 60 верстах от имения Державина Званки (расположенного на реке Волхов), где последний проводил каждое лето.
[22] *Петрополь* — поэтическое наименование Санкт-Петербурга.
[23] Т. е. под власть светских красавиц. Сирены — в греческой мифологии женщины, чудесным пением очаровывающие моряков и приводящие их к гибели.

Мой утреннюет дух правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудес, красот позор[24]
Открыл мне в жизни толь блаженной.

Пройдя минувшую и не нашедши в ней,
Чтоб черная змия мне сердце угрызала,
О! коль доволен я, оставил что людей
И честолюбия избег от жала!

Дыша невинностью, пью воздух, влагу рос,
Зрю на багрянец зарь, на солнце восходяще,
Ищу красивых мест между лилей и роз,
Средь сада храм жезлом чертяще.

Иль, накормя моих пшеницей голубей,
Смотрю над чашей вод[25], как вьют под небом круги;
На разноперых птиц, поющих средь сетей,
На кроющих, как снегом, луги.

Пастушьего вблизи внимаю рога зов,
Вдали тетеревей глухое токованье,
Барашков в воздухе, в кустах свист соловьев,[26]
Рев крав, гром жолн и коней ржанье.[27]

На кровле ж зазвенит как ласточка, и пар

---

[24] *Красот позор* — т. е. зрелище.
[25] Чтобы не задирать голову вверх, за полетом стаи голубей наблюдали при помощи поставленного на землю чана с водой, служившего своеобразным зеркалом.
[26] «Т. е. бекасы, кои кричат, как барашки...» (объяснение Державина). *Барашки* — народное название бекасов.
[27] *Жолна́* (желна) — дятел. Гром жолн — «отголоски их, когда они долбят деревья и производят звук».

Повеет с дома мне манжурской иль левантской,[28]
Иду за круглый стол: и тут-то раздобар
О снах, молве градской, крестьянской;

О славных подвигах великих тех мужей,
Чьи в рамах по стенам златых блистают лицы
Для вспоминанья их деяний, славных дней,
И для прикрас моей светлицы,

В которой поутру иль ввечеру порой
Дивлюся в Вестнике[29], в газетах иль журналах
Россиян храбрости, как всяк из них герой,
Где есть Суворов в генералах!

В которой к госпоже, для похвалы гостей,
Приносят разные полотна, сукна, ткани,
Узорны, образцы салфеток, скатертей,
Ковров и кружев, и вязани.[30]

Где с скотен, пчельников и с птичников, прудов
То в масле, то в сотáх зрю злато под ветвями,
То пурпур в ягодах, то бархат-пух грибов,
Сребро, трепещуще лещами.

В которой, обозрев больных в больнице, врач
Приходит доносить о их вреде, здоровье,[31]

---

[28] «Манжурский, т. е. запах чайный; левантский — кофейный, т. е. что первый родится в Китае, а второй в Аравии, и доставляется чрез торг левантский».
[29] Т. е. в журнале «Вестник Европы», основанном Н. М. Карамзиным и издававшемся в это время В. А. Жуковским.
[30] В Званке были небольшие фабрики: ковровая и суконная.
[31] «Была там небольшая для крестьян больница».

Прося на пищу им: тем с по́ливкой калач,
А тем лекарствица, в подспорье.

Где также иногда по палкам, по костям
Усатый староста иль скопидом брюхатый
Дают отчет казне, и хлебу, и вещам,
С улыбкой часто плутоватой.

И где, случается, художники млады
Работы кажут их на древе, на холстине,
И получают в дар подачи за труды,
А в час и денег по полтине.

И где до ужина, чтобы прогнать как сон,
В задоре иногда, в игры зело горячи,
Играем в карты мы, в ерошки, в фараон,[32]
По грошу в долг и без отдачи.

Оттуда прихожу в святилище я муз,
И с Флакком[33], Пиндаром[34], богов восседши в пире,
К царям, к друзьям моим, иль к небу возношусь,
Иль славлю сельску жизнь на лире.

Иль в зеркало времен[35], качая головой,
На страсти, на дела зрю древних, новых веков,
Не видя ничего, кроме любви одной
К себе и драки человеков.

---

[32] «Ерошки — карточная шутовская игра... Фараон — шуточное название карточной игры банку».
[33] *Флакк* — Квинт Гораций Флакк (65—8 годы до н.э.) — римский поэт.
[34] *Пи́ндар* (VI—V века до н.э.) — греческий поэт-одописец.
[35] «Зеркало времен здесь называется история».

Всё суета сует! я, воздыхая, мню,
Но, бросив взор на блеск светила полудневна,
О, коль прекрасен мир! Что ж дух мой бременю?
Творцом содержится вселенна.

Да будет на земли и в небесах Его
Единого во всем вседействующа воля!
Он видит глубину всю сердца моего,
И строится моя Им доля.

Дворовых между тем, крестьянских рой детей
Сбираются ко мне не для какой науки,
А взять по нескольку баранок, кренделей,
Чтобы во мне не зрели буки.

Письмоводитель мой тут должен на моих
Бумагах мараных, пастух как на овечках,
Репейник вычищать, — хоть мыслей нет больших,
Блестят и жу́чки в епанечках.[36]

Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут;
Идет за трапезу гостей хозяйка с хором.
Я озреваю стол — и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором.

Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,

[36] Т. е. непородистые собаки в попонках. «Т. е. посредственные мысли, хорошо сказанные, чистым слогом, делают красоту сочинения».

Что смоль, янтарь — икра, и с голубым пером
Там щука пестрая: прекрасны!

Прекрасны потому, что взор манят мой, вкус;
Но не обилием иль чуждых стран приправой,
А что опрятно всё и представляет Русь:
Припас домашний, свежий, здравый.

Когда же мы донских и крымских кубки вин,
И липца, воронка́ и чернопенна пива[37]
Запустим несколько в румяный лоб хмелин, —
Беседа за сластьми шутлива.

Но молча вдруг встаем: бьет, искрами горя,
Древ русских сладкий сок до подвенечных бревен;[38]
За здравье с громом[39] пьем любезного царя,
Цариц, царевичей, царевен.

Тут кофе два глотка; схрапну минут пяток;
Там в шахматы, в шары иль из лука стрелами,
Пернатый к потолку лаптой мечу леток[40]
И тешусь разными играми.

Иль из кристальных вод, купален, между древ,
От солнца, от людей под скромным осененьем,
Там внемлю юношей, а здесь плесканье дев,

---

[37] «Липец, мед, наподобие вина приуготовленный, желтого цвета, воронок — тоже мед, но черный, с воском варенный,— напитки, которые бывают очень пьяны, особливо последний, так что у человека при всей памяти и рассудке отнимутся руки и ноги; пиво черное кабацкое тоже весьма крепкое».
[38] Яблочный или березовый сок, который делали наподобие шампанского.
[39] «Т. е. с пушечной пальбой».
[40] Игра в волан.

С душевным неким восхищеньем.

Иль в стекла оптики[41] картинные места
Смотрю моих усадьб; на свитках грады, царства,
Моря, леса, — лежит вся мира красота
В глазах, искусств через коварства.

Иль в мрачном фонаре[42] любуюсь, звезды зря
Бегущи в тишине по синю волн стремленью:
Так солнцы в воздухе, я мню, текут горя,
Премудрости ко прославленью.

Иль смотрим, как вода с плотины с ревом льет
И, движа ма́шину, древа́ на доски делит;
Как сквозь чугунных пар столпов на воздух бьет,[43]
Клокоча огнь, толчет и мелет.

Иль любопытны, как бумажны руны волн
В лотки сквозь игл, колес, подобно снегу, льются
В пушистых локонах, и тьмы вдруг веретен
Мариины рукой прядутся.[44]

Иль как на лен, на шелк цвет, пестрота и лоск,
Все прелести, красы берутся с поль царицы;[45]
Сталь жесткая, глядим, как мягкий, алый воск,

---

[41] Имеется в виду разновидность волшебного фонаря.
[42] Державин имеет в виду камеру-обскуру, в которой «супротивные натуральные предметы представляются в малом виде весьма живо...».
[43] «Огненная паровая машина».
[44] «Императрица Мария Феодоровна выписала из Англии прядильную машину, на которой один человек более нежели на сто веретенах может прясть».
[45] «Т. е. красильня, где красят шелк, шерсть, лен и бумагу травными растениями, сбирая оные с царицы полей, т. е. Флоры».

Куется в бердыши милицы.[46]

И сельски ратники как, царства став щитом,
Бегут с стремленьем в строй во рыцарском убранстве,
«За веру, за царя мы, — говорят, — помрем,
Чем у французов быть в поддáнстве».

Иль в лодке вдоль реки, по брегу пеш, верхом,
Качусь на дрожках я соседей с вереницей;
То рыбу у́дами, то дичь громим свинцом,
То зайцев ловим псов станицей.

Иль стоя внемлем шум зеленых, черных волн,
Как дерн бугрит соха, злак трав падет косами,
Серпами злато нив, — и, ароматов полн,
Порхает ветр меж нимф рядами.

Иль смотрим, как бежит под черной тучей тень
По копнам, по снопам, коврам желто-зеленым,
И сходит солнышко на нижнюю степень
К холмам и рощам сине-темным.

Иль, утомясь, идем скирдов, дубов под сень;
На бреге Волхова разводим огнь дымистый;
Глядим, как на воду ложится красный день,
И пьем под небом чай душистый.

---

[46] *Милиция* — ополчение, набиравшееся преимущественно из крестьян. В конце 1806 г. ввиду войны с Францией был опубликован манифест об организации «внутренней временной милиции» в 612 000 человек.

Забавно! в тьме челнов с сетьми как рыбаки,
Ленивым строем плыв, страшат тварь влаги стуком;[47]
Как парусы суда и лямкой бурлаки
Влекут одним под песнью духом.

Прекрасно! тихие, отлогие брега
И редки холмики, селений мелких полны,
Как, полосаты их клоня поля, луга,
Стоят над током струй безмолвны.

Приятно! как вдали сверкает луч с косы
И эхо за лесом под мглой гамит народа,
Жнецов поющих, жниц полк идет с полосы,
Когда мы едем из похода.

Стекл заревом горит мой храмовидный дом,[48]
На гору желтый всход меж роз осиявая,
Где встречу водомет шумит лучей дождем,
Звучит музы́ка духовая.

Из жерл чугунных гром по праздникам ревет;
Под звездной молнией, под светлыми древами
Толпа крестьян, их жен вино и пиво пьет,
Поет и пляшет под гудками.[49]

---

[47] «Рыбная ловля, называемая колотом, в которой несколько десятков лодочек, в каждой с двумя человеками, опустя в воду сетки, тихохонько или лениво ездят и стучат палками в лодки, производя страшный звук, от чего рыба мечется как бешеная в реке и попадает в сетки».
[48] «Дом автора был с куполом и с колоннами и немного похожий на храмик».
[49] *Гудок* — древний русский струнный смычковый музыкальный инструмент (также называемый смыком). Он имеет выдолбленный корпус, чаще грушевидной или овальной формы, три струны и смычок в виде лука, которым касаются всех струн одновременно.

Но скучит как сия забава сельска нам,
Внутрь дома тешимся столиц увеселеньем;
Велим талантами родных своих детя́м
Блистать: музы́кой, пляской, пеньем.

Амурчиков, харит[50] плетень, иль хоровод,
Заняв у Талии игру и Терпсихоры,[51]
Цветочные венки пастух пастушке вьет,
А мы на них и пялим взоры.

Там с арфы звучныя порывный в души гром,
Здесь *тихогрома*[52] с струн смягченны, плавны тоны
Бегут, — и в естестве согласия во всем
Дают нам чувствовать законы.

Но нет как праздника, и в будни я один,
На возвышении сидя столпов перильных,
При гуслях под вечер, челом моих седин
Склонясь, ношусь в мечтах умильных;

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Мимолетящи суть все времени мечтаньи:
Проходят годы, дни, рев морь и бурей шум,
И всех зефиров повеваньи.[53]

Ах! где ж, ищу я вкруг, минувший красный день?
Победы слава где, лучи Екатерины?

---

[50] *Хариты* (греч. миф.: рим. миф. — *грации*) — три богини красоты и изящества.
[51] *Талия* — муза комедии, *Терпсихора* — муза танцев.
[52] *Тихогром* — перевод слова «фортепьяно» (точнее, «пьянофорте»: *piano* — тихо, *forte* — громко /итал./).
[53] *Зефир* — легкий ветерок.

Где Павловы дела? Сокрылось солнце, — тень!..
Кто весть и впредь полет орлиный?

Вид лета красного нам Александров век:
Он сердцем нежных лир удобен двигать струны;
Блаженствовал под ним в спокойстве человек,
Но мещет днесь и он перуны.[54]

Умолкнут ли они? — Сие лишь знает Тот,
Который к одному концу все правит сферы;
Он перстом их своим, как строй какой ведет,
Ко благу общему склоняя меры.

Он корни помыслов, Он зрит полет всех мечт
И поглумляется безумству человеков:
Тех освещает мрак, тех помрачает свет
И днешних и грядущих веков.

Грудь россов утвердил, как стену, он в отпор
Темиру новому под Пультуском, Прейсш-лау;[55]
Младых вождей расцвел победами там взор
И скрыл орла седого славу.[56]

Так самых светлых звезд блеск меркнет от нощей.
Что жизнь ничтожная? Моя скудельна лира![57]
Увы! и даже прах спахнет моих костей

---

[54] Державин имеет в виду войну с Наполеоном 1806—1807 гг. Мещет перуны — мещет молнии.
[55] *Темир* (Тамерлан) — азиатский завоеватель XIV в. Имеется в виду Наполеон. Сражения под Пултуском и Прейсиш-Эйлау были относительно успешны для русской армии.
[56] Граф М. Ф. Каменский (1738—1809) был назначен главнокомандующим, но через несколько дней был сменен Беннигсеном.
[57] *Скудельна* — невечная, кратковременная (скудель — глина, керамика).

Сатурн крылами с тленна мира.[58]

Разрушится сей дом, засохнет бор и сад,
Не воспомянется нигде и имя Званки;
Но сов, сычей из дупл огнезеленый взгляд
И разве дым сверкнет с землянки.

Иль нет, Евгений! ты, быв некогда моих
Свидетель песен здесь, взойдешь на холм тот страшный.[59]
Который тощих недр и сводов внутрь своих
Вождя, волхва гроб кроет мрачный,

От коего, как гром катается над ним,
С булатных ржавых врат и збруи медной гулы
Так слышны под землей, как грохотом глухим,
В лесах трясясь, звучат стрел тулы.[60]

Так, разве ты, отец! святым своим жезло́м
Ударив об доски, заросши мхом, железны,
И свитых вкруг моей могилы змей гнездом
Прогонишь — бледну зависть — в бездны.

Не зря на колесо веселых, мрачных дней,
На возвышение, на пониженье счастья,
Единой правдою меня в умах людей

[58] *Сатурн* — в греческой мифологии мрачный бог времени.
[59] В саду был холмик, на котором любил сидеть Державин. Далее Державин имеет в виду легенду о том, что один из новгородских вождей был волхв, от которого и получила свое название река Волхов. Этот волхв якобы был похоронен под холмом у дома Державина.
[60] *Тул* — колчан.

Чрез Клии воскресишь согласья.[61]

Так, в мраке вечности она своей трубой
Удобна лишь явить то место, где отзывы
От лиры моея шумящею рекой
Неслись чрез холмы, долы, нивы.

Ты слышал их, и ты, будя твоим пером
Потомков ото сна, близ севера столицы,
Шепнешь в слух страннику, в дали как тихий гром:
«Здесь Бога жил певец, — Фелицы».

Май — июль 1807

Гаврила Державин

Сельская жизнь

(Стансы)[62]

Блажен, кто мирно обитает
В заветном прадедов селе
И от проезжих только знает
О белокаменной Москве.

Не вдаль стремится он мечтою,
Не к морю мысль его летит, —
Доволен речкой небольшою:

---

[61] *Клио* — муза истории. Евгений в 1806 г. напечатал в журнале «Друг просвещения» биографии ряда писателей, в том числе и самого Державина.
[62] *Стансы* — стихотворение, в котором каждая строфа представляет собой законченный синтаксический период.

Она светла, она шумит.

Не изменяясь в тихой доле,
Благословляя небеса,
Он всё на то же смотрит поле,
На те же нивы и леса.

Он сердцем чист, он прав душою;
Без дум высоких он умел
Одной вседневной добротою
Украсить бедный свой удел.

Ему страстей волненья чужды,
Не прерван ими сладкий сон,
Живет без прихотей, без нужды, —
И черных дней не знает он.

Вот дом уютный меж холмами,
В тени берез вот Божий храм,
И вот погост с его крестами,
Где меж родных он ляжет сам.

И жив священник тот безвестный,
Который здесь его крестил,
Венцом с подругою прелестной
На радость жить благословил.

И радость с ними, — и всечасно
Она ему милей, милей,
И жизнь он тратит не напрасно

В земном раю семьи своей.

Привычка наслаждений мирных,
Веселые заботы дня,
Забавный страх рассказов дивных
Кругом вечернего огня, —

О вы, обычаи святые!
Любовь домашнего быту!
Отрады ваши золотые
Лелеют жизни суету.

Преданья прежнего, родного
Душе пленительно хранить,
Блаженства сердцу нет другого,
Как жить одним, одно любить.

1837

Иван Козлов (1779—1840)

* * *

Бледный луч луны пробился
Сквозь таинственной листвы,
И приносит ветер теплый
Запах скошенной травы.

Всё бы только здесь лежал я,
Под навесом этих ив,

В даль немую, в купол звездный,
Взор бесцельно устремив;

Всё бы слушал, как вершина
Ивы дремлющей шумит,
Как на темном дне оврага
По камням родник журчит.

Это тихое журчанье,
Шелест листьев, свет луны —
На меня всё навевает
Примиряющие сны...

Ночь! с твоим сияньем кротким,
Для усталого меня,
Ты дороже и милее
Ярко блещущего дня...

Июль 1862

Алексей Плещеев (1825—1893)

* * *[63]

Близ мест, где царствует Венеция златая,
Один, ночной гребец, гондолой управляя,
При свете Веспера по взморию плывет,[64]

---

[63] Пушкин сопровождал стихотворение в печати указанием: «Перевод неизданных стихов Андрея Шенье». Имеется в виду стихотворение «Près des bords où Venise est reine de la mer...» («Близ берегов, где Венеция — королева моря...»).
[64] *Веспер* (Геспер) — одно из названий планеты Венера, по имени бога вечерней звезды.

Ринальда, Годфреда, Эрминию поет.[65]
Он любит песнь свою, поет он для забавы,
Без дальных умыслов; не ведает ни славы,
Ни страха, ни надежд, и, тихой музы полн,
Умеет услаждать свой путь над бездной волн.
На море жизненном, где бури так жестоко
Преследуют во мгле мой парус одинокой,
Как он, без отзыва утешно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

1827

Александр Пушкин

Элегия

Бог весть, не втуне[66] ли скитался
В чужих странáх я много лет!
Мой черный день не разгулялся,
Мне утешенья нет как нет.
Печальный, трепетный и томный
Назад, в отеческий мой дом,
Спешу, как птица в куст укромный
Спешит, забитая дождем.

1841, Швальбах

---

[65] Герои «Освобожденного Иерусалима» Торквато Тассо (1544—1595), октавы (восьмистишия) которого пели венецианские гондольеры XVIII в.
[66] *Втуне* — напрасно, впустую.

Николай Языков (1803—1847)

Муза

Богиня струн пережила
Богов и грома и булата;
Она прекрасных рук в оковы не дала
Векам тиранства и разврата.
Они пришли; повсюду смерть и брань,
В венце раскованная сила,
Ее бессовестная длань
Алтарь изящного разбила;
Но с праха рушенных громад,
Из тишины опустошенья,
Восстал — величествен и млад —
Бессмертный ангел вдохновенья.

1824

Николай Языков

Фелица[67]

[67] Ода была напечатана под заглавием: «Ода к премудрой киргизкайсацкой царевне Фелице, писанная татарским мурзою, издавна поселившимся в Москве, а живущим по делам своим в Санктпетербурге. Переведена с арабского языка 1782». «Фелица», панегирически изображавшая Екатерину и сатирически — ее вельмож, пришлась на руку правительству, понравилась Екатерине. Державин получил в подарок от императрицы золотую табакерку с 500 червонцев и был лично представлен ей. Само имя «Фелица» Державин взял из «Сказки о царевиче Хлоре», написанной Екатериной II для своего внука Александра (1781). «Мурзой именовал себя автор потому, … что произошел он от татарского племени; а императрицу — Фелицею и киргизскою царевною для того, что покойная императрица сочинила сказку под именем Царевича Хлора, которого Фелица, то есть богиня блаженства, сопровождала на гору, где роза без шипов цветет, и что автор имел свои деревни в Оренбургской губернии в соседстве от киргизской орды, которая в подданстве не числилась» (объяснение Державина). Имя это образовано Екатериной от латинских слов “felix” —«счастливый», “felicitas” — «счастье».

Богоподобная царевна
Киргиз-Кайсацкия орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает, —
Она мой дух и ум пленяет,
Подай найти ее совет.

Подай, Фелица! наставленье:
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волненье
И счастливым на свете быть?
Меня твой голос возбуждает,
Меня твой сын препровождает;[68]
Но им последовать я слаб.
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотям я раб.

Мурзам твоим не подражая,[69]
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом;
Не дорожа твоим покоем,

---

[68] В сказке Екатерины Фелица дала в проводники царевичу Хлору своего сына Рассудок.
[69] Т. е. придворным, вельможам. Слово «мурза» употребляет Державин в двух планах. Когда мурза говорит о Фелице, то под мурзой подразумевается автор оды. Когда он говорит как бы о самом себе, тогда мурза — собирательный образ вельможи-придворного.

Читаешь, пишешь пред налоем[70]

И всем из твоего пера

Блаженство смертным проливаешь;

Подобно в карты не играешь,

Как я, от утра до утра.

Не слишком любишь маскарады,

А в клоб не ступишь и ногой;

Храня обычаи, обряды,

Не донкишотствуешь собой;

Коня парнасска не седлаешь,[71]

К духáм в собранье не въезжаешь,

Не ходишь с трона на Восток;[72]

Но кротости ходя стезею,

Благотворящею душою,

Полезных дней проводишь ток.

А я, проспавши до полудни,[73]

---

[70] Державин имеет в виду законодательную деятельность императрицы. Налой (устар., простореч.), точнее «аналой» (церк.) — высокий столик с покатым верхом, на который в церкви кладут иконы или книги. Здесь употреблено в смысле «столик», «конторка».

[71] Екатерина не умела писать стихов. Арии и стихи для ее литературных сочинений писали ее статс-секретари Елагин, Храповицкий и др. Парнасский конь —Пегас.

[72] Т. е. не посещаешь масонских лож, собраний. Екатерина называла масонов «сектой духов». «Востоками» назывались иногда масонские ложи. Масоны в 80-х гг. XVIII в. — члены организаций («лож»), исповедовавших мистико-моралистическое учение и находившихся в оппозиции екатерининскому правительству. Масонство разделялось на различные течения. К одному из них, иллюминатству, принадлежал ряд руководителей Французской революции 1789 г. В России так называемые «московские мартинисты» (крупнейшими из них в 1780-е гг. были Н. И. Новиков, замечательный русский просветитель, писатель и книгоиздатель, его помощники по издательскому, делу И. В. Лопухин, С. И. Гамалея и др.) были особенно враждебно настроены по отношению к императрице. Они считали ее захватчицей престола и желали видеть на троне «законного государя» — наследника престола Павла Петровича, сына свергнутого с престола Екатериной императора Петра III. Павел, пока ему было это выгодно, весьма сочувственно относился к «мартинистам» (по некоторым свидетельствам, он даже придерживался их учения). Особенно активизировались масоны с середины 1780-х гг., и Екатерина сочиняет три комедии: «Шаман сибирский», «Обманщик» и «Обольщенный», пишет «Тайну противо-нелепого общества» —пародию на масонский устав. Но разгромить московское масонство ей удалось только в 1789—793 гг. при помощи полицейских мер.

[73] Эта и три следующие строфы относятся к князю Г. А. Потемкину, известному своей любовью к пышной, полной развлечений жизни.

Курю табак и кофе пью;
Преобращая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою:
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю;
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом;
То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан.

Или в пиру я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол сребром и златом,
Где тысячи различных блюд;
Там славный окорок вестфальской,
Там звенья рыбы астраханской,
Там плов и пироги стоят,
Шампанским вафли запиваю;
И всё на свете забываю
Средь вин, сластей и аромат.

Или средь рощицы прекрасной
В беседке, где фонтан шумит,
При звоне арфы сладкогласной,
Где ветерок едва дышит,
Где всё мне роскошь представляет,
К утехам мысли уловляет,
Томит и оживляет кровь;
На бархатном диване лежа,
Младой девицы чувства нежа,

Вливаю в сердце ей любовь.

Или великолепным цугом
В карете английской, златой,
С собакой, шутом или другом,
Или с красавицей какой
Я под качелями гуляю;
В шинки пить меду заезжаю;
Или, как то наскучит мне,
По склонности моей к премене,
Имея шапку набекрене,
Лечу на резвом бегуне.[74]

Или музы́кой и певцами,
Органом и волынкой вдруг,
Или кулачными бойцами[75]
И пляской веселю мой дух;
Или, о всех делах заботу
Оставя, езжу на охоту
и забавляюсь лаем псов;[76]
Или над невскими брегами
Я тешусь по ночам рогами
И греблей удалых гребцов.[77]

Иль, сидя дома, я прокажу,

---

[74] Намек на графа А. Г. Орлова, большого любителя лошадей.
[75] Также имеется в виду граф А. Г. Орлов.
[76] Намек на П. И. Панина, любившего псовую охоту.
[77] Роговая музыка — оркестр, состоящий из крепостных музыкантов, в котором из каждого рога можно извлечь только одну ноту, а все вместе являются как бы одним инструментом. Прогулки знатных вельмож по Неве в сопровождении рогового оркестра были распространенным явлением в XVIII в. Здесь намек на вельможу Нарышкина, который первым в Петербурге завел особый роговой оркестр из крепостных музыкантов.

Играя в дураки с женой;
То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки рéзвимся порой;
То в свайку с нею веселюся,
То ею в голове ищуся;
То в книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещаю,
Полкана и Бову читаю;[78]
За Библией, зевая, сплю.

Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож.
Кто сколько мудростью ни знатен,
Но всякий человек есть ложь.[79]
Не ходим света мы путями,
Бежим разврата за мечтами.
Между лентяем и брюзгой,[80]
Между тщеславья и пороком
Нашел кто разве ненароком
Путь добродетели прямой.

Нашел, — но льзя ль не заблуждаться
Нам, слабым смертным, в сем пути,
Где сам рассудок спотыкаться
И должен вслед страстям идти;
Где нам ученые невежды,

---

[78] Старинные развлекательные сказочные повести.
[79] Цитата из Псалтыри, из 115 псалма.
[80] Лентяй и Брюзга —персонажи сказки о царевиче Хлоре. «Сколько известно, разумела она под первым кн. Потемкина, а под другим кн. Вяземского, потому что первый, как выше сказано, вел ленивую и роскошную жизнь, а второй часто брюзжал, когда у него, как управляющего казной, денег требовали» (объячнение Державина).

Как мгла у путников, тмят вежды?[81]
Везде соблазн и лесть живет,
Пашей всех роскошь угнетает. —
Где ж добродетель обитает?
Где роза без шипов растет?

Тебе единой лишь пристойно,
Царевна! свет из тьмы творить;
Деля Хаос на сферы стройно,[82]
Союзом целость их крепить;
Из разногласия согласье
И из страстей свирепых счастье
Ты можешь только созидать.
Так кормщик, через понт плывущий,[83]
Ловя под парус ветр ревущий,
Умеет судном управлять.

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачествы сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьем правишь,
Как волк овец, людей не давишь,
Ты знаешь прямо цену их.
Царей они подвластны воле, —
Но Богу правосудну боле,
Живущему в законах их.

---

[81] *Вежды* — веки.
[82] Намек на учреждение губерний. В 1775 г. Екатерина издала «Учреждение о губерниях», согласно которому вся Россия была разделена на губернии.
[83] *Понт* (греч.) — море.

Ты здраво о заслугах мыслишь,
Достойным воздаешь ты честь,
Пророком ты того не числишь,
Кто только рифмы может плесть,
А что сия ума забава
Калифов добрых честь и слава.
Снисходишь ты на лирный лад;
Поэзия тебе любезна,
Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад.

Слух и́дет о твоих поступках,
Что ты нимало не горда;
Любезна и в делах и в шутках,
Приятна в дружбе и тверда;
Что ты в напастях равнодушна,
А в славе так великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.[84]
Еще же говорят неложно,
Что будто завсегда возможно
Тебе и правду говорить.

Неслыханное также дело,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смело
О всем, и въявь и под рукой,

[84] Екатерина II отклонила от себя титулы «Великой», «Премудрой», «Матери отечества», которые были поднесены ей в 1767 г. Сенатом и Комиссией по выработке проекта нового уложения; так же она поступила и в 1779 г., когда петербургское дворянство предложило принять ей титул «Великой».

И знать и мыслить позволяешь,[85]
И о себе не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самым крокодилам,
Твоих всех милостей зоилам[86]
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слез приятных реки
Из глубины души моей.
О! коль счастливы человеки
Там должны быть судьбой своей,
Где ангел кроткий, ангел мирный,
Сокрытый в светлости порфирной,
С небес ниспослан скиптр носить!
Там можно пошептать в беседах
И, казни не боясь, в обедах
За здравие царей не пить.[87]

Там с именем Фелицы можно
В строке описку поскоблить,
Или портрет неосторожно
Ее на землю уронить.

---

[85] В «Наказе» Екатерины II, составленном ею для Комиссии по выработке проекта нового уложения и являвшемся компиляцией из сочинений Монтескье и других философов-просветителей XVIII в., есть ряд статей, кратким изложением которых является эта строфа.
[86] *Зоил* (IV в. до н. э.) — грамматик и ритор, преследовавший мелочной критикой сочинения Гомера; нарицательное имя злобного и придирчивого критика.
[87] Это и следующая строфа —изображение жестоких законов и нравов при дворе императрицы Анны Иоанновны. Как отмечает Державин в своих «Объяснениях», существовали законы, согласно которым два человека, перешептывавшиеся между собой, считались злоумышленниками против императрицы или государства; не выпивший большого бокала вина, «за здравие царицы подносимого»», уронивший нечаянно монету с ее изображением подозревались в злом умысле и попадали в Тайную канцелярию. Описка, поправка, подскабливание, ошибка в императорском титуле влекли за собой наказание плетьми, равно как и перенос титула с одной строки на другую. При дворе широко распространены были грубые шутовские «забавы» вроде известной свадьбы князя Голицына, бывшего при дворе шутом, для которой был выстроен «ледяной дом»; титулованные шуты усаживались в лукошки и клохтали курицами и т. д.

Там свадеб шутовских не парят,
В ледовых банях их не жарят,
Не щелкают в усы вельмож;
Князья наседками не клохчут,
Любимцы въявь им не хохочут
И сажей не марают рож.

Ты ведаешь, Фелица! правы
И человеков и царей;
Когда ты просвещаешь нравы,
Ты не дурачишь так людей;
В твои от дел отдохновеньи
Ты пишешь в сказках поученьи,[88]
И Хлору в азбуке твердишь:[89]
«Не делай ничего худого,
И самого сатира злого[90]
Лжецом презренным сотворишь».

Стыдишься слыть ты тем великой,
Чтоб страшной, нелюбимой быть;
Медведице прилично дикой
Животных рвать и кровь их пить.
Без крайнего в горячке бедства
Тому ланцетов нужны ль средства,[91]
Без них кто обойтися мог?
И славно ль быть тому тираном,

---

[88] Екатерина II написала для своего внука, кроме «Сказки о царевиче Хлоре», «Сказку о царевиче Февее».
[89] «Наставление» Хлору, переложенное Державиным в стихи, находится в приложении к «Российской азбуке для обучения юношества чтению, напечатанной для общественных школ по высочайшему повелению» (СПб., 1781), которая также была сочинена Екатериной для внуков ее.
[90] *Сатир* — сатирик.
[91] Т. е. кровопролитие.

Великим в зверстве Тамерланом,[92]
Кто благостью велик, как Бог?

Фелицы слава, слава Бога,
Который брани усмирил;[93]
Который сира и убога
Покрыл, одел и накормил;
Который оком лучезарным
Шутам, трусам, неблагодарным
И праведным свой свет дарит;
Равно всех смертных просвещает,
Больных покоит, исцеляет,
Добро лишь для добра творит.

Который даровал свободу[94]
В чужие области скакать,
Позволил своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрешает,
И лес рубить не запрещает;
Велит и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая ум и руки,
Велит любить торги, науки
И счастье дома находить;

---

[92] *Тамерлан* (Тимур, Тимурленг — «хромой Тимур») — среднеазиатский полководец и завоеватель (1336—405).

[93] «Сей куплет относится на мирное тогдашнее время, по окончании первой турецкой войны (1768—774 гг. — *И.Ф.*) в России процветавшее, когда многие человеколюбивые сделаны были императрицею учреждения, как то: воспитательный дом, больницы и прочие» (объяснение Державина).

[94] Державин перечисляет некоторые законы, изданные Екатериной II: она подтвердила данное Петром III дворянам разрешение совершать заграничные путешествия; разрешила помещикам разрабатывать рудные месторождения в их владениях в собственную пользу; сняла запрещение рубить лес на своих землях без контроля власти; «позволила свободное плавание по морям и рекам для торговли» и т. д.

Которого закон, десница
Дают и милости и суд. —
Вещай, премудрая Фелица!
Где отличен от честных плут?
Где старость по миру не бродит?
Заслуга хлеб себе находит?
Где месть не гонит никого?
Где совесть с правдой обитают?
Где добродетели сияют? —
У трона разве твоего!

Но где твой трон сияет в мире?
Где, ветвь небесная, цветешь?
В Багдаде, Смирне, Кашемире?
Послушай, где ты ни живешь, —
Хвалы мои тебе приметя,
Не мни, чтоб шапки иль бешметя
За них я от тебя желал.
Почувствовать добра приятство
Такое есть души богатство,
Какого Крёз не собирал.[95]

Прошу великого пророка,
Да праха ног твоих коснусь,
Да слов твоих сладчайша тока
И лицезренья наслаждусь!
Небесные прошу я силы,

[95] *Крёз* (VI век до н. э.) — царь Малой Азии, обладатель несметных сокровищ.

Да, их простря сафирны крылы,[96]
Невидимо тебя хранят
От всех болезней, зол и скуки;
Да дел твоих в потомстве звуки,
Как в небе звезды, возблестят.

1782

Гаврила Державин

19 октября 1827

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли![97]

1827

Александр Пушкин

---

[96] *Сафирны* — голубые. Сафир, или сапфир, — драгоценный камень синего цвета.
[97] Стихи написаны к лицейской годовщине, когда Пушкин после семилетнего вынужденного перерыва вновь принял участие в дружеском собрании. Образы второй строфы имеют в виду дипломатов Ломоносова и Горчакова (в краю чужом), моряка Матюшкина (в пустынном море), декабриста Пущина (в мрачных пропастях земли), вероятно и Кюхельбекера, которого Пушкин встретил 14 октября, когда того везли из Шлиссельбургской крепости в Динабургскую. Пущину переслали эти стихи в Читу. «И в эту годовщину, — писал он, — в кругу товарищей-друзей Пушкин вспомнил меня и Вильгельма, заживо погребенных, которых они не досчитывали на лицейской сходке» (И. И. Пущин, Записки о Пушкине).

* * *

Болящий дух врачует песнопенье.
Гармонии таинственная власть
Тяжелое искупит заблужденье
И укротит бунтующую страсть.
Душа певца, согласно излитая,
Разрешена от всех своих скорбей;
И чистоту поэзия святая
И мир отдаст причастнице[98] своей.

1831—1832

Евгений Боратынский (1800—1844)

* * *

Брат, столько лет сопутствовавший мне,
И ты ушел, куда мы все идем,
И я теперь на голой вышине
Стою один — и пусто всё кругом.

И долго ли стоять тут одному?
День, год-другой — и пусто будет там,
Где я теперь, смотря в ночную тьму
И, что со мной, не сознавая сам...

[98] *Причастник* — тот, кто принимает причастие; участник чего-либо.

Бесследно всё — и так легко не быть!
При мне иль без меня — что нужды в том?
Всё будет то ж — и вьюга так же выть,
И тот же мрак, и та же степь кругом.

Дни сочтены, утрат не перечесть,
Живая жизнь давно уж позади,
Передового нет, и я как есть
На роковой стою очередй.[99]

11 декабря 1870

Федор Тютчев (1803—1873)

* * *

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час.

---

[99] *Брат* — Николай Иванович Тютчев (1800—1870). Написано по дороге из Москвы в Петербург, куда Тютчев возвращался после похорон брата. По словам И. С. Аксакова, Н. И. Тютчев был, «можно сказать, единственным другом Федора Ивановича, у которого вне семьи было великое множество «друзей», но между ними ни одного, с кем бы преимущественно пред прочими делился он всеми тайнами мысли и сердца, с кем бы состоял в отношениях исключительно тесной, задушевной дружбы. Николай Иванович Тютчев любил брата не только с братскою, но с отцовскою нежностью, и ни с кем не был Федора Иванович так короток, так близко связан своею личною судьбой с самого детства».

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую годину
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать.

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

1829

Александр Пушкин

Бурцову[100]

Призывание на пуни

Бурцов, ёра[101], забияка,
Собутыльник дорогой!
Ради Бога и... арака[102]
Посети домишко мой!
В нем нет нищих у порогу,
В нем нет зеркал, ваз, картин,
И хозяин, слава Богу,
Не великий господин.
Он гусар — и не пускает
Мишурою пыль в глаза;
У него, брат, заменяет
Все диваны — куль овса.
Нет курильниц, может статься, —
Зато трубка с табаком;
Нет картин — да заменятся
Ташкой[103] с царским вензелем!
Вместо зеркала сияет
Ясной сабли полоса:

---

[100] *Бурцов* Алексей Петрович (ум. 1813)—гусарский поручик (с 1810 г. ротмистр), сослуживец Давыдова по Белорусскому гусарскому полку. Был известен как «буян и забияка».
[101] *Ёра* — озорной гуляка, волокита.
[102] *Арак* — спиртной азиатский напиток из риса и других плодов.
[103] *Ташка* — (у гусаров) кожаная сумочка, носимая на ремнях, прикрепленных к портупее.

Он по ней лишь поправляет
Два любезные уса.
А наместо ваз прекрасных,
Беломраморных, больших
На столе стоят ужасных
Пять стаканов пуншевых![104]
Они полны, уверяю,
В них сокрыт небесный жар.
Приезжай, я ожидаю,
Докажи, что ты гусар.

1804

Денис Давыдов (1784—1839)

Зимний вечер[105]

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка

[104] *Пунш* — спиртной напиток, приготовляемый варкою рома с сахаром, чаем, кипятком, лимонным соком или другими приправами из фруктов.
[105] Картина жизни Пушкина в ссылке в Михайловском.

И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,[106]
Приумолкла у окна?
Или бури завыванье
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

1825

---

[106] Няня поэта, Арина Родионовна.

Александр Пушкин

* * *

Буря на нéбе вечернем,
Моря сердитого шум —
Буря на море и думы,
Много мучительных дум —
Буря на море и думы,
Хор возрастающих дум —
Черная туча за тучей,
Моря сердитого шум.

1842

Афанасий Фет (1820—1892)

Бывало

Бывало... Бывало, —
Как всё утешало,
Как всё привлекало,
Как всё забавляло,
Как всё восхищало!
Бывало... Бывало!

Бывало... Бывало, —
Как солнце сияло,
Как небо пылало,

Как всё расцветало,
Резвилось, играло,
Бывало... Бывало!

Бывало... Бывало, —
Как сердце мечтало,
Как сердце страдало,
И как замирало,
И как оживало,
Бывало... Бывало!

Но сколько не стало
Того, что бывало,
Так сердце пленяло,
Так мир оживляло,
Так светло сияло,
Бывало... Бывало!

Иное завяло,
Иное отстало,
Иное пропало,
Что сердце ласкало,
Заветным считало!
Бывало... Бывало!

Теперь всё застлало
Тоски покрывало,
Ах, сердце, бывало,
Тоски и не знало:

Оно уповало!

Бывало... Бывало!

1841

Иван Мятлев (1796—1844)

Хандра

Бывают дни, когда душа пуста;

Ни мыслей нет, ни чувств, молчат уста,

Равно печаль и радости постылы,

И в теле лень, и двигаться нет силы.

Напрасно ищешь, чем бы ум занять —

Противно видеть, слышать, понимать,

И только бесконечно давит скука,

И кажется, что жить такая мука!

Куда бежать? чем облегчить бы грудь?

Вот ночи ждешь — в постель! скорей заснуть!

И хорошо, что стало всё беззвучно...

А сон нейдет, а тьма томит докучно!

Начало 40-х годов

Николай Огарев

* * *[107]

[107] Последняя «лицейская годовщина» Пушкина, написанная к двадцатипятилетию основания лицея. Осталась незаконченной.

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался,
И с песнями бокалов звон мешался,
И тесною сидели мы толпой.
Тогда, душой беспечные невежды,
Мы жили все и легче и смелей,
Мы пили все за здравие надежды
И юности и всех ее затей.

Теперь не то: разгульный праздник наш
С приходом лет, как мы, перебесился,
Он присмирел, утих, остепенился,
Стал глуше звон его заздравных чаш;
Меж нами речь не так игриво льется,
Просторнее, грустнее мы сидим,
И реже смех средь песен раздается,
И чаще мы вздыхаем и молчим.

Всему пора: уж двадцать пятый раз
Мы празднуем лицея день заветный.
Прошли года чредою незаметной,
И как они переменили нас!
Недаром — нет! — промчалась четверть века!
Не сетуйте: таков судьбы закон;
Вращается весь мир вкруг человека, —
Ужель один недвижим будет он?

Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,

Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Метался смущенные народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то Славы, то Свободы,
То Гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возник лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицын,[108]
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей.
Тогда гроза двенадцатого года
Еще спала. Еще Наполеон
Не испытал великого народа —
Еще грозил и колебался он.

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас... и племена сразились,
Русь обняла кичливого врага,
И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега.

Вы помните, как наш Агамемнон[109]
Из пленного Парижа к нам примчался.

---

[108] Царскосельский лицей располагался во флигеле Екатерининского дворца — летней резиденции русских императриц. *Чертог* — дворец.
[109] Т. е. Александр I, называвшийся так по имени могущественнейшего греческого царя, возглавлявшего других греческих царей в Троянской войне.

Какой восторг тогда пред ним раздался!
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!
Вы помните — как оживились вдруг
Сии сады, сии живые воды,
Где проводил он славный свой досуг.

И нет его — и Русь оставил он,
Взнесенну им над миром изумленным,
И на скале изгнанником забвенным,
Всему чужой, угас Наполеон.
И новый царь,[110] суровый и могучий,
На рубеже Европы бодро стал,
И над землей сошлися новы тучи,
И ураган их...

1836

Александр Пушкин

Вечерняя заря

Была пора уборки хлеба,
Пора в полях работы страдной.
Садилось солнце, меркло небо,
И ветерок подул прохладный.

Уж бабы с граблями толпою

[110] Николай I.

Ушли с оконченной работы;
И их напева, под горою,
Чуть слышны тающие ноты.

Ушли крестьяне молчаливо;
А между тем уж солнце село,
Когда покинутая нива
Еще не вовсе опустела.

В телеге кормит мать ребенка;
Отец и мальчик расторопный
Уж запрягли; но лошаденка
Туда всё тянется, где копны.

И вдруг за этой кучкой черни,
Над скудным бытом темных мира —
Зажглись огни зари вечерней
И развернулася порфира...[111]

Я их узрел, с их нищетою,
С их видом кротким и усталым,
Парчой убранных золотою,
Среди лучей, под сводом алым.

И мнилось мне, что с небосклона
В юдоль труда и воздыханья
Сошла явленная икона[112]
В венце небесного сиянья.

---

[111] *Порфира* — (царская регалия) длинная пурпуровая мантия.
[112] *Явле́нная икона* — чудесно обретенная икона.

1888. Павловка[113]

Алексей Жемчужников (1821—1908)

Обыкновенная повесть

Была чудесная весна!
Они на берегу сидели —
Река была тиха, ясна,
Вставало солнце, птички пели;
Тянулся за рекою дол,
Спокойно, пышно зеленея;
Вблизи шиповник алый цвел,
Стояла темных лип аллея.

Быда чудесная весна!
Они на берегу сидели —
Во цвете лет была она,
Его усы едва чернели.
О, если б кто увидел их
Тогда, при утренней их встрече,
И лица б высмотрел у них
Или подслушал бы их речи —
Как был бы мил ему язык,
Язык любви первоначальной!

---

[113] «Последние годы, — писал Жемчужников в предисловии к сборнику «Песни старости» в 1899 году, — я проживал и в деревне, и в городе... Лето я проводил и у себя в Павловке (Елецкого уезда Орловской губернии), и у моих родных: в Стенькине (имение А. С. Мерхелевича, близ Рязани), а с 1896 года постоянно в Ильиновке (имение мужа моей старшей дочери, М. А. Боратынского, в Кирсановском уезде Тамбовской губернии)».

Он, верно б, сам, на этот миг
Расцвел на дне души печальной!..
Я в свете встретил их потом:
Она была женой другого,
Он был женат, и о былом
В помине не было ни слова.
На лицах виден был покой,
Их жизнь текла светло и ровно,
Они, встречаясь меж собой,
Могли смеяться хладнокровно...
А там, по берегу реки,
Где цвел тогда шиповник алый,
Одни простые рыбаки
Ходили к лодке обветшалой
И пели песни — и темно
Осталось, для людей закрыто,
Что было там говорено
И сколько было позабыто.

1842

Николай Огарев

* * *

Были бури, непогоды,
Да младые были годы!

В день ненастный, час гнетучий
Грудь подымет вздох могучий;

Вольной песнью разольется,
Скорбь-невзгода распоется!

А как век-то, век-то старый
Обручится с лютой карой,

Груз двойной с груди усталой
Уж не сбросит вздох удалый,

Не положишь ты на голос
С черной мыслью белый волос!

1839

Евгений Боратынский

Заря во всю ночь

Было поздно; в душе замирающий шум
Пережитого дня был чуть слышен;
Сумрак вешнего бреда, видений и дум
Надвигался — волшебен и пышен.

В нем росли очертанья дремучих дерев,
В нем туманились гладкие воды;
Шла заря от заката к востоку — садов
Проникая вершины и своды.

И боролася ночь с этой белой зарей,
И боролися — радость с печалью,
Непроглядная грусть с незакатной мечтой,
Ближний сумрак с сияющей далью.

И заря побеждала, и ночь не могла
Заключить ее в своды темницы —
И победная радость росла, всё росла
Вместе с пламенем юной денницы.[114]

1894

Арсений Голенищев-Кутузов (1848—1913)

П. А. Осиповой[115]

Быть может, уж недолго мне
В изгнанье мирном оставаться,
Вздыхать о милой старине
И сельской музе в тишине
Душой беспечной предаваться.

Но и в дали, в краю чужом
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,[116]
В лугах, у речки, над холмом,

[114] *Денница* — утренняя заря, утренняя звезда (планета Венера).
[115] Написано в связи с планами бегства за границу, которые Пушкин уже давно обдумывал.
[116] *Тригорское* — имение, соседнее с Михайловским (в котором жил ссыльный Пушкин), принадлежавшее Прасковье Александровне Осиповой (1781—1859); поэт часто бывал там и на всю жизнь сохранил дружеские отношения с Осиповой и ее дочерьми.

В саду под сенью лип домашней.

Когда померкнет ясный день,
Одна из глубины могильной
Так иногда в родную сень
Летит тоскующая тень
На милых бросить взор умильный.

1825

Александр Пушкин

Новгород[117]

Посвящено княжне А. И. Трубецкой[118]

«Валяй, ямщик, да говори,
Далеко ль Но́вград?» — «Недалеко,
Версты четыре или три.
Вон видишь что-то там высоко,
Как черный лес издалека...»
— «Ну, вижу; это облака».
— «Нет! Это но́вградские кровли».
Ты ль предо мной, о древний град
Свободы, славы и торговли!
Как живо сердцу говорят
Холмы разбросанных обломков!
Не смолкли в них твои дела,

[117] Стихотворение было запрещено цензурой в период правления Николая I.
[118] *Трубецкая* Александра Ивановна — ученица М. П. Погодина, которой одно время был увлечен Веневитинов.

И слава предков перешла
В уста правдивые потомков.
«Ну, тройка! духом донесла!»
— «Потише. Где собор Софийской?»
— «Собор отсюда, барин, близко.
Вот улица, да влево две,
А там найдешь уж сам собою,
И крест на золотой главе
Уж будет прямо пред тобою».
Везде былого свежий след!
Века прошли... но их полет
Промчался здесь, не разрушая.
«Ямщик! Где площадь вечевая?»
— «Прозванья этого здесь нет...»
— «Как нет?» — «А, площадь? Недалеко:
За этой улицей широкой.
Вот площадь. Видишь шесть столбов?
По сказкам наших стариков,
На сих столбах висел когда-то
Огромный колокол, но он
Давно отсюда увезен».
— «Молчи, мой друг; здесь место свято:
Здесь воздух чище и вольней!
Потише!.. Нет, ступай скорей:
Чего ищу я здесь, безумный?
Где Волхов?» — «Вот перед тобой
Течет под этою горой...»
Всё так же он, волною шумной
Играя, весело бежит!..
Он о минувшем не грустит.

Так всё здесь близко, как и прежде...
Теперь ты сам ответствуй мне,
О Но́вград! В вековой одежде
Ты предо мной, как в седине,
Бессмертных витязей ровесник.
Твой прах гласит, как бдящий вестник,
О непробудной старине.
Ответствуй, город величавый:
Где времена цветущей славы,
Когда твой голос, бич князей,
Звуча здесь медью в бурном вече,
К суду или к кровавой сече
Сзывал послушных сыновей?
Когда твой меч, гроза соседа,
Карал и рыцарей, и шведа,[119]
И эта гордая волна
Носила дань войны жестокой?
Скажи, где эти времена?
Они далёко, ах, далёко!

Между октябрем и декабрем 1826

Дмитрий Веневитинов (1805—1827)

Влас

В армяке с открытым воротом,[120]

---

[119] Речь идет о разгроме войск ливонских рыцарей и шведских феодалов новгородцами под водительством Александра Невского в XIII в.
[120] *Армяк* — в старину у крестьян: кафтан из толстого сукна.

С обнаженной головой,
Медленно проходит городом
Дядя Влас — старик седой.

На груди икона медная:
Просит он на Божий храм, —
Весь в веригах[121], обувь бедная,
На щеке глубокий шрам;

Да с железным наконешником
Палка длинная в руке...
Говорят, великим грешником
Был он прежде. В мужике

Бога не было: побоями
В гроб жену свою вогнал;
Промышляющих разбоями,
Конокрадов укрывал;

У всего соседства бедного
Скупит хлеб, а в черный год
Не поверит гроша медного,
Втрое с нищего сдерет!

Брал с родного, брал с убогого,
Слыл кащеем-мужиком;[122]
Нрава был крутого, строгого...

---

[121] *Вериги* — тяжелые железные цепи, обручи и т. п., носимые на голом теле христианскими аскетами с целью «умерщвления плоти».
[122] *Кащей, кощей* — очень скупой человек, скряга.

Наконец и грянул гром!

Власу худо; кличет знахаря —
Да поможешь ли тому,
Кто снимал рубашку с пахаря,
Крал у нищего суму?

Только пуще всё неможется.
Год прошел — а Влас лежит,
И построить церковь божится,
Если смерти избежит.

Говорят, ему видение
Всё мерещилось в бреду:
Видел света преставление,[123]
Видел грешников в аду;

Мучат бесы их проворные,
Жалит ведьма-егоза.
Ефиопы — видом черные
И как углие глаза,

Крокодилы, змии, скорпии
Припекают, режут, жгут...
Воют грешники в прискорбии,
Цепи ржавые грызут.

Гром глушит их вечным грохотом,

---

[123] *Светопреставление* — (христианском вероучении) конец, гибель мира.

Удушает лютый смрад,
И кружит над ними с хохотом
Черный тигр шестокрылат.

Те на длинный шест нанизаны,
Те горячий лижут пол...
Там, на хартиях написаны,
Влас грехи свои прочел...

Влас увидел тьму кромешную
И последний дал обет...
Внял Господь — и душу грешную
Воротил на вольный свет.

Роздал Влас свое имение,
Сам остался бос и гол
И сбирать на построение
Храма Божьего пошел.

С той поры мужик скитается
Вот уж скоро тридцать лет,
Подаянием питается —
Строго держит свой обет.

Сила вся души великая
В дело Божие ушла,
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была...

Полон скорбью неутешною,

Смуглолиц, высок и прям,
Ходит он стопой неспешною
По селеньям, городам.

Нет ему пути далекого:
Был у матушки Москвы,
И у Каспия широкого,
И у царственной Невы.

Ходит с образом и с книгою,
Сам с собой всё говорит
И железною веригою
Тихо на ходу звенит.

Ходит в зимушку студеную,
Ходит в летние жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары, —

И дают, дают прохожие...
Так из лепты трудовой
Вырастают храмы Божии
По лицу земли родной...

1855

Николай Некрасов (1821—1878)

Тамара[124]

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.

В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила:
Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон, коварна и зла.

И там сквозь туман полуночи
Блистал огонек золотой,
Кидался он путнику в очи,
Манил он на отдых ночной.

И слышался голос Тамары:
Он весь был желанье и страсть,
В нем были всесильные чары,
Была непонятная власть.

На голос невидимой пери
Шел воин, купец и пастух;
Пред ним отворялися двери,

---

[124] Написано между маем и началом июля 1841 г. Стихотворение свидетельствует о знакомстве Лермонтова с грузинским фольклором. В Грузии сохранилась легенда о коварной царице Дарье, замок которой находился в Дарьяльском ущелье. Царица волшебной силой заманивала путников к себе в замок и после ночи любви убивала их, сбрасывая затем трупы в Терек. В истории Грузии не было царицы Дарьи. Лермонтов, возможно, слышал другой вариант легенды, связанный с именем царицы Тамары, жившей в конце XII — начале XIII вв.

Встречал его мрачный евну́х.

На мягкой пуховой постели,
В парчу и жемчу́г убрана,
Ждала она гостя. Шипели
Пред нею два кубка вина.

Сплетались горячие руки,
Уста прилипали к устам,
И странные, дикие звуки
Всю ночь раздавалися там.

Как будто в ту башню пустую
Сто юношей пылких и жен
Сошлися на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон.

Но только что утра сиянье
Кидало свой луч по горам,
Мгновенно и мрак и молчанье
Опять воцарялися там.

Лишь Терек в теснине Дарьяла
Гремя нарушал тишину;
Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну;

И с плачем безгласное тело
Спешили они унести;

В окне тогда что-то белело,
Звучало оттуда: прости.

И было так нежно прощанье,
Так сладко тот голос звучал,
Как будто восторги свиданья
И ласки любви обещал.

1841

Михаил Лермонтов

Три розы

В глухую степь земной дороги,
Эмблемой райской красоты,
Три розы бросили нам боги,
Эдема[125] лучшие цветы.
Одна под небом Кашемира[126]
Цветет близ светлого ручья;
Она любовница зефира[127]
И вдохновенье соловья.
Ни день, ни ночь она не вянет,
И если кто ее сорвет,
Лишь только утра луч проглянет,
Свежее роза расцветет.

---

[125] *Эдем* — рай.
[126] *Кашемир* — обширная долина в Индии.
[127] *Зефир* — приятный и мягкий ветер.

Еще прелестнее другая:
Она, румяною зарей
На раннем небе расцветая,
Пленяет яркой красотой.
Свежей от этой розы веет
И веселей ее встречать:
На миг один она алеет,
Но с каждым днем цветет опять.

Еще свежей от третьей веет,
Хотя она не в небесах;
Ее для жарких уст лелеет
Любовь на девственных щеках.
Но эта роза скоро вянет:
Она пуглива и нежна,
И тщетно утра луч проглянет —
Не расцветет опять она.[128]

1826

Дмитрий Веневитинов

* * *

Вдали огонек за рекою,
Вся в блестках струится река,
На лодке весло удалое,
На цепи не видно замка.

[128] В стихотворении поэт намеками говорит о трех радостях, украшающих скорбный путь человека: об искусстве, природе и о быстро вянущей девичьей красоте.

Никто мне не скажет: «Куда ты
Поехал, куда загадал?»
Шевелись же, весло, шевелися!
А берег во мраке пропал.

Да что же? Зачем бы не ехать?
Дождешься ль вечерней порой
Опять и желанья, и лодки,
Весла, и огня за рекой?...

1842

Афанасий Фет

Русской женщине

Вдали от солнца и природы,
Вдали от света и искусства,
Вдали от жизни и любви
Мелькнут твои младые годы,
Живые помертвеют чувства,
Мечты развеются твои...

И жизнь твоя пройдет незрима
В краю безлюдном, безымянном,
На незамеченной земле, —
Как исчезает облак дыма
На небе тусклом и туманном,
В осенней беспредельной мгле...

1848 или 1849

Федор Тютчев

* * *

В дверях покинутого храма
С кадил недвижных фимиама
Еще струился синий дым,
Когда за юною четою
Пошли мы пестрою толпою,
Под небом ясным, голубым.

Покровом облаков прозрачных
Оно, казалось, новобрачных
Благословляло с высоты,
И звуки музыки дрожали,
И словно счастье обещали
Благоухавшие цветы.

Людское горе забывая,
Душа смягчалася больная
И оживала в этот час…
И тихим, чистым упоеньем,
Как будто сладким сновиденьем,
Отвсюду веяло на нас.

Начало 1870-х годов

Алексей Апухтин (1840—1893)

Ангел

В дверях эдема ангел нежный[129]
Главой поникшею сиял,
А демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал.

Дух отрицанья, дух сомненья
На духа чистого взирал
И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал.

«Прости, он рек, тебя я видел,
И ты недаром мне сиял:
Не всё я в небе ненавидел,
Не всё я в мире презирал».

1827

Александр Пушкин

* * *

В дни безграничных увлечений,
В дни необузданных страстей
Со мною жил превратный гений,

---

[129] *Эдем* — рай.

Наперсник юности моей.
Он жар восторгов несогласных
Во мне питал и раздувал;
Но соразмерностей прекрасных
В душе носил я идеал:
Когда лишь праздников смятенья
Алкал безумец молодой,
Поэта мерные творенья
Блистали стройной красотой.

Страстей порывы утихают,
Страстей мятежные мечты
Передо мной не затмевают
Законов вечной красоты;
И поэтического мира
Огромный очерк я узрел,
И жизни даровать, о лира!
Твое согласье захотел.

1831

Евгений Боратынский

Дорида[130]

В Дориде нравятся и локоны златые,
И бледное лицо, и очи голубые....
Вчера, друзей моих оставя пир ночной,

---

[130] *Дорида* — условное поэтическое имя («Золотистая, Златовласка»).

В ее объятиях я негу пил душой;
Восторги быстрые восторгами сменялись,
Желанья гасли вдруг и снова разгорались;
Я таял; но среди неверной темноты
Другие милые мне виделись черты,
И весь я полон был таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали.

1819

Александр Пушкин

Дорога жизни

В дорогу жизни снаряжая
Своих сынов, безумцев нас,
Снов золотых судьба благая
Дает известный нам запас:
Нас быстро годы почтовые[131]
С корчмы довозят до корчмы,
И снами теми путевые
Прогоны жизни платим мы.

1825

Евгений Боратынский

[131] Имеется в виду езда «на почтовых» — со сменой лошадей на станциях (в противоположность езде «на долгих», т. е. на своих лошадях).

* * *

В душном воздуха молчанье,
Как предчувствие грозы,
Жарче роз благоуханье,
Резче голос стрекозы...

Чу! за белой, дымной тучей
Глухо прокатился гром;
Небо молнией летучей
Опоясалось кругом...

Некий жизни преизбыток
В знойном воздухе разлит!
Как божественный напиток
В жилах млеет и горит!

Дева, дева, что волнует
Дымку персей молодых?
Что мутится, что тоскует
Влажный блеск очей твоих?

Что, бледнея, замирает
Пламя девственных ланит?
Что так грудь твою спирает
И уста твои палит?..

Сквозь ресницы шелковые
Проступили две слезы...
Иль то капли дождевые

Зачинающей грозы?..

1835

Федор Тютчев

* * *

В дымке-невидимке
Выплыл месяц вешний,
Цвет садовый дышит
Яблонью, черешней.
Так и льнет, целуя
Тайно и нескромно.
И тебе не грустно?
И тебе не томно?

Истерзался песней
Соловей без розы.
Плачет старый камень,
В пруд роняя слезы.
Уронила косы
Голова невольно.
И тебе не томно?
И тебе не больно?

Апрель 1873

Афанасий Фет

Последний поэт

Век шествует путем своим железным,
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.
Исчезнули при свете просвещенья
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколенья,
Промышленным заботам преданы.

Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила,[132]
Собрала свои народы
И столицы подняла;
В ней опять цветут науки,
Носит понт[133] торговли груз,
Но не слышны лиры звуки
В первобытном рае муз!

Блестит зима дряхлеющего мира,
Блестит! Суров и бледен человек;
Но зелены в отечестве Омира[134]
Холмы, леса, брега лазурных рек.
Цветет Парнас! пред ним, как в оны годы,[135]

---

[132] Речь идет о современной поэту Греции, сбросившей турецкое иго в 1830 г. и ставшей самостоятельным государством.
[133] *Понт (греч.)* — море.
[134] *Омир* — Гомер.
[135] *Парна́с* — гора в Греции; по верованиям древних греков, место обитания муз и Аполлона — бога солнца, покровителя наук и искусств.

Кастальский ключ живой струею бьет;[136]
Нежданный сын последних сил природы —
Возник поэт: идет он и поет.

Воспевает, простодушный,
Он любовь и красоту
И науки, им ослушной,
Пустоту и суету:
Мимолетные страданья
Легкомыслием целя,
Лучше, смертный, в дни незнанья
Радость чувствует земля.

Поклонникам Урании холодной[137]
Поет, увы! он благодать страстей;
Как пажити Эол[138] бурнопогодный,
Плодотворят они сердца людей;
Живительным дыханием развита,
Фантазия подъемлется от них,
Как некогда возникла Афродита
Из пенистой пучины вод морских.

И зачем не предадимся
Снам улыбчивым своим?
Бодрым сердцем покоримся
Думам робким, а не им!

---

[136] *Кастальский ключ* — родник на Парнасе, дарующий вдохновение, священный источник Аполлона и муз (греч. миф.).
[137] *Урания* — эпитет Афродиты как олицетворения чистой, возвышенной любви; муза астрономии (греч. миф.).
[138] *Эол* — бог ветра, повелитель ветров, выпускающий ветра из своих мехов (греч. миф.).

Верьте сладким убежденьям
Вас ласкающих очес
И отрадным откровеньям
Сострадательных небес!

Суровый смех ему ответом; персты
Он на струнах своих остановил,
Сомкнул уста, вещать полуотверсты,
Но гордыя главы не преклонил:
Стопы свои он в мыслях направляет
В немую глушь, в безлюдный край; но свет
Уж праздного вертепа не являет,[139]
И на земле уединенья нет!

Человеку непокорно
Море синее одно,
И свободно, и просторно,
И приветливо оно;
И лица не изменило
С дня, в который Аполлон
Поднял вечное светило
В первый раз на небосклон.[140]

Оно шумит перед скалой Левкада.
На ней певец, мятежной думы полн,
Стоит… в очах блеснула вдруг отрада;
Сия скала… тень Сафо!.. песни волн…

---

[139] Т. е. в мире уже нет свободного пространства.
[140] *Аполлон* — бог солнечного света (также именуемый «Феб» — «светлый») и бог поэзии (греч. миф.).

Где погребла любовница Фаона[141]
Отверженной любви несчастный жар,
Там погребет питомец Аполлона
Свои мечты, свой бесполезный дар!

И по-прежнему блистает
Хладной роскошию свет;
Серебрит и позлащает
Свой безжизненный скелет;
Но в смущение приводит
Человека вал морской,
И от шумных вод отходит
Он с тоскующей душой!

1835

Евгений Боратынский

Весна

Великолепный день! На мягкой мураве
Лежу, — ни облачка в небесной синеве!
Цветет зеленый луг; чистейший воздух горный
Прохладой сладостной и негой животворной
Струится в грудь мою, — и полон я весной!
И вот певец ее летает надо мной,
И звуки надо мной веселые летают!

[141] *Сафо* (конец VII — VI вв. до н. э.) — древнегреческая поэтесса с острова Лесбос. По преданию, была безнадежно влюблена в Фаона и, когда он переселился в Сицилию, покончила с собой, бросившись в море с Левкадской скалы.

И чувство дивное те звуки напевают
Мне на душу. Даюсь невольно забытью
Волшебному, глаза невольно закрываю:
Легко мне, так легко, как будто я летаю
Летаю и пою, летаю и пою!

Весна 1843, Рим

Николай Языков

В Заонежьи

Верст сотни на́ три одинокий,
Готовясь в дебрях потонуть,
Бежит на север неширокий,
Почти всегда пустынный путь.

Порою, по часам по целым,
Никто не едет, не идет;
Трава под семенем созрелым
Между колей его растет.

Унылый край в молчаньи тонет...
И, в звуках медленных, без слов,
Одна лишь проволока стонет
С пронумерованных столбов...

Во имя чьих, каких желаний
Ты здесь, металл, заговорил?
Как непрерывный ряд стенаний,

Твой звук задумчив и уныл!

Каким пророчествам тут сбыться,
Когда, решившись заглянуть,
Жизнь стонет раньше, чем родиться,
И стоном пролагает путь?!

Константин Случевский (1837—1904)

* * *

Весеннее небо глядится
Сквозь ветви мне в очи случайно,
И тень золотая ложится
На воды блестящего Майна.

Вдали огонек одинокой
Трепещет под сумраком липок;
Исполнена тайны жестокой
Душа замирающих скрипок.

Средь шума толпы неизвестной
Те звуки понятней мне вдвое:
Напомнили силой чудесной
Они мне всё сердцу родное.

Ожившая память несется
К прошедшей тоске и веселью;
То сердце замрет, то проснется
За каждой безумною трелью.

Но быстро волшебной чредою
Промчалась тоскливая тайна,
И месяц бежит полосою
Вдоль вод тихоструйного Майна.

Август 1844. Франкфурт-на-Майне

Афанасий Фет

* * *

Весенней ночи сумрак влажный
Струями льется предо мной,
И что-то шепчет гул протяжный
Над обновленною землей.

Зачем, о звезды, вы глядите
Сквозь эти мягкие струи?
О чем так громко вы журчите,
Неугомонные ручьи?

Вам долго слух без мысли внемлет,
К вам без тоски прикован взор…
И сладко грудь мою объемлет
Какой-то тающий простор.

10 апреля 1858

Алексей Апухтин

* * *

Весна, весна! как воздух чист!
Как ясен небосклон!
Своей лазурию живой
Слепит мне очи он.

Весна, весна! как высоко
На крыльях ветерка,
Ласкаясь к солнечным лучам,
Летают облака!

Шумят ручьи! блестят ручьи!
Взревев, река несет
На торжествующем хребте
Поднятый ею лед!

Еще древа обнажены,
Но в роще ветхий лист,
Как прежде, под моей ногой
И шумен и душист.

Под солнце самое взвился
И в яркой вышине
Незримый жавронок поет
Заздравный[142] гимн весне.

[142] *Заздравный* — относящийся к пожеланью кому-либо здравия, многолетия, благополучия.

Что с нею, что с моей душой?
С ручьем она ручей
И с птичкой птичка! с ним журчит,
Летает в небе с ней!

Зачем так радует ее
И солнце и весна!
Ликует ли, как дочь стихий,
На пире их она?

Что нужды! счастлив, кто на нем
Забвенье мысли пьет,
Кого далёко от нее
Он, дивный, унесет!

1831—1832

Евгений Боратынский

* * *

Весна! Выставляется первая рама —
И в комнату шум ворвался,
И благовест ближнего храма,
И говор народа, и стук колеса.

Мне в душу повеяло жизнью и волей:
Вон — даль голубая видна...
И хочется в поле, в широкое поле,
Где, шествуя, сыплет цветами весна!

1854

Аполлон Майков (1821—1897)

* * *

Весна и ночь покрыли дол,
Душа бежит во мрак бессонный,
И внятно слышел ей глагол
Стихийной жизни, отрешенной.

И неземное бытиё
Свой разговор ведет с душою
И веет прямо на нее
Своею вечною струею.

Но вот заря! Бледнеет тень,
Туман волнуется и тает, —
И встретить очевидный день
Душа с восторгом вылетает.

1857

Афанасий Фет

* * *

Весь день она лежала в забытьи,
И всю ее уж тени покрывали.

Лил теплый летний дождь — его струи
По листьям весело звучали.

И медленно опомнилась она,
И начала прислушиваться к шуму,
И долго слушала — увлечена,
Погружена в сознательную думу...

И вот, как бы беседуя с собой,
Сознательно проговорила
(Я был при ней, убитый, но живой):
«О, как всё это я любила!»

.....

Любила ты, и так, как ты, любить —
Нет, никому еще не удавалось!
О Господи!.. и это *пережить*...
И сердце на клочки не разорвалось...[143]

Октябрь или первая половина декабря 1864

Федор Тютчев

* * *

Ветер с западной страны

---

[143] В стихотворении поэт вспоминает о последних часах жизни Е. А. Денисьевой. Написано в Ницце. Близкие отношения Тютчева и Елены Александровны Денисьевой (1826—1864) продолжались 14 лет, вплоть до ее смерти.

Слезы навевает;
Плачет небо, стонет лес,
Соснами качает.

То из края мертвецов
Вопли к нам несутся.
Сердце слышит и дрожит,
Слезы льются, льются.

Ветер с запада утих,
Небо улыбнулось,
Но из края мертвецов
Сердце не вернулось.

2 июня 1892

Владимир Соловьев

* * *

Вечер мглистый и ненастный...
Чу, не жаворонка ль глас?..
Ты ли, утра гость прекрасный,
В этот поздний, мертвый час?..
Гибкий, резвый, звучно-ясный,
В этот мертвый, поздний час...
Как безумья смех ужасный,
Он всю душу мне потряс!..

1835

Федор Тютчев

Вечерний звон[144]

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон;
Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой!
Напев унывный надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!

1827

[144] Перевод стихотворения Томаса Мура “Those evening bells...”. Положено на музыку А. Т. Гречаниновым и Станиславом Монюшко.

Иван Козлов

Симпатии

«Вся жизнь человеческая имеет нужду в ритме и гармонии».
«Протагор» Платона

Вечером мир низлетает на землю...
Девственно-ясен румянец заката;
Грежу я, чувствую, мыслю и внемлю:
Всюду я радостно вижу иль друга, иль брата.

Птицы заснули на ветках древесных,
В сон погрузилась семья насекомых,
Много зажглося в пространствах небесных
Звезд, мне из раннего детства родных и знакомых.

Дремлют цветы в ветерке благодатном,
Сны свои мне говорят и мечтанья
На языке ароматов понятном —
Речью одною из тысяч речей мирозданья.

Грезы свои распевает цикада —
Ей, наклонившись, колосья внимают:
Весело прыгает резвое стадо —
Им потревожены, пташки пугливо порхают.

Стройная музыка тайно сокрыта,
Всё проникая в подлунной собою, —
То, что сиянием солнца облито,

Что освещается томно Дианой ночною.[145]

Звуком ответным всему пламенел я,
Жаждая в общей гармонии слиться;
Страстно душою прозревшей летел я
В вечное лоно любви мировой погрузиться.

Чувством широким тогда обнимаю
Сродную жизнь и стремленье всех сущих,
Маленький мир их любви открываю
В сердце летающих, в крошечной гру́ди ползущих.

Всё, что цветет и ползет, и летает,
Долю имеет свою в наслажденьи, —
Всё и заботы, и радости знает,
Мчится и тонет со мною в житейском волненьи.

1852

Николай Щербина

Звезда

Взгляни на звезды: много звезд
В безмолвии ночном
Горит, блестит кругом луны
На небе голубом.

[145] Т. е. луной. *Диана* — богиня луны (совпадает в этой своей ипостаси с богиней луны Селеной).

Взгляни на звезды: между них
Милее всех одна!
За что же? Ранее встает,
Ярчей горит она?

Нет! утешает свет ее
Расставшихся друзей:
Их взоры, в синей вышине,
Встречаются на ней.

Она на небе чуть видна,
Но с думою глядит,
Но взору шлет ответный взор
И нежностью горит.

С нее в лазоревую ночь
Не сводим мы очес,
И провожаем мы ее
На небо и с небес.

Себе звезду избрал ли ты?
В безмолвии ночном
Их много блещет и горит
На небе голубом.

Не первой вставшей сердце вверь
И, суетный в любви,
Не лучезарнейшую всех
Своею назови.

Ту назови своей звездой,
Что с думою глядит,
И взору шлет ответный взор,
И нежностью горит.

1824

Евгений Боратынский

Надпись

Взгляни на лик холодный сей,
Взгляни: в нем жизни нет;
Но как на нем былых страстей
Еще заметен след!
Так ярый ток, оледенев,
Над бездною висит,
Утратив прежний грозный рев,
Храня движенья вид.

1824

Евгений Боратынский

Черный цвет

В златые дни весенних лет,
В ладу с судьбою, полной ласки,
Любил я радужные краски:
Теперь люблю я черный цвет.

Есть дева — свет души моей,
О ком все песни и рассказы:
Черны очей ее алмазы
И черен шелк ее кудрей,

Мне музы сладостный привет
Волнует грудь во мраке ночи,
И чудный свет мне блещет в очи —
И мил мне ночи черный цвет.

Темна мне скучной жизни даль;
Печаль в удел мне боги дали —
Не радость. Черен цвет печали,
А я люблю мою печаль.

Иду туда, где скорби нет,
И скорбь несу душою сильной,
И милы мне — приют могильный
И цвет могильный — черный цвет.

1838

Владимир Бенедиктов

* * *

Взошла заря. Дыханием приятным
Сманила сон с моих она очей;
Из хижины за гостем благодатным

Я восходил на верх горы моей;
Жемчу́г росы по травкам ароматным
Уже блистал младым огнем лучей,
И день взлетел, как гений светлокрылый!
И жизнью всё живому сердцу было.

Я восходил; вдруг тихо закурился
Туманный дым в долине над рекой;
Густел, редел, тянулся, и клубился,
И вдруг взлетел, крылатый, надо мной,
И яркий день с ним в бледный сумрак слился,
Задернулась окрестность пеленой,
И, влажною пустыней окруженный,
Я в облаках исчез, уединенный…

1819

Василий Жуковский (1783—1852)

Переход

Видали ль вы преображенный лик
Жильца земли в священный миг кончины —
В сей пополам распределенный миг,
Где жизнь глядит на обе половины?

Уж край небес душе полуоткрыт;
Ее глаза туда уж устремились,
А отражать ее бессмертный вид
Черты лица еще не разучились —

И неземной в них отразился б день
Во всех лучах великого сиянья,
Но те лучи еще сжимает тень
Последнего предсмертного страданья.

Но вот — конец! Спокоен стал больной.
Спокоен врач. Сама прошла опасность —
Опасность жить. Редеет мрак земной,
И мертвый лик воспринимает ясность.

Так над землей, глядишь, ни ночь, ни день;
Но холодом вдруг утро засвежело,
Прорезалась рассветная ступень, —
И решено сомнительное дело.

Всмотритесь в лик отшедшего туда
В известный час; он ясностью своею
Торжественно вам, кажется, тогда
Готов сказать: «Я понял! разумею!

Узнал!» — Устам как будто нарушать
Не хочется святыню безглагольства,
А на челе оттиснута печать
Всезнания и вечного довольства.

Здесь, кажется, душа, разоблачась,
Извне глядит на это облаченье,
Чтоб в зеркале своем в последний раз
Последних дум проверить выраженье.

Но тленье ждет добычи — и летит
Бессмертная, и, бросив тело наше,
Она земным стихиям говорит:
Голодные, возьмите: это ваше!

1853

Владимир Бенедиктов

* * *

В избенке бедной, в стеклах окон
Свет солнца только что погас.
Над помазуемой елеем[146]
Священник молится, склонясь!

Слова молитв совсем не ясны,
Порою в них как будто тьма —
И не для гаснущего взгляда,
И не для скромного ума!

Но, дорисованные духом,
Над отходящей поднялись
Все сонмы[147] праведных и чистых,
И вся небесной церкви высь...

---

[146] Таинство соборования, совершающееся над тяжко больным, умирающим, включает в себя чтение особых молитв, семи отрывков из Евангелия и семикратное помазание елеем.
[147] *Сонм* — собрание, толпа, множество.

Константин Случевский

* * *

Вкушая бодрую прохладу,
Я наслаждаюсь зимним днем
И по серебряному саду,[148]
Объятому волшебным сном,

Хожу — любуяся картиной
В ее суровой тишине,
С ее обширною равниной,
С ее печалью, милой мне.

1861

Петр Вяземский (1792—1878)

* * *

Влачась в бездействии ленивом
Навстречу осени своей,
Нам с каждым молодым порывом,
Что день, встречаться веселей.

Так в летний зной, когда в долины
Съезжают бережно снопы
И в зрелых жатвах круговины

---

[148] В Царском Селе.

Глубоко врезали серпы,

Прорвешь случайно повилику
Нетерпеливою ногой —
И вдруг откроешь землянику,
Красней и слаще, чем весной.

1858—1859

Афанасий Фет

Прогулка

В лоне озера бесструйного
И прозрачно-неподвижного
Отражаясь, горы светлые
Головой своею снежною
Окунулись в глубину.

Там, на озере, белеются
Паруса в воздушной ясности;
Лодка, к озеру прильнувшая,
На воде стоит незыблемо,
Словно лебедь, сладко дремлющий
На своем прохладном бархате,
На воде своей родной.

А под ней — двойчаткой стройною
Так же легкой и спокойною,
Лодка светлая мерещится,

В лоне зеркальном рисуется
И белеет и красуется, —
Только парусами вниз.

И не знаешь, что пленительней,
Что для взоров обольстительней:
Горы ль, гордо восстающие,
Иль их призраки подводные?
Что прекраснее: действительность
Иль чарующий обман?

1855

Петр Вяземский

Молитва

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —

И верится, и плачется,
И так легко, легко…

1839

Михаил Лермонтов

Муза

В младенчестве моем она меня любила
И семиствольную цевницу мне вручила.[149]
Она внимала мне с улыбкой — и слегка,
По звонким скважинам пустого тростника,
Уже наигрывал я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И песни мирные фригийских пастухов.[150]
С утра до вечера в немой тени дубов
Прилежно я внимал урокам девы тайной,
И, радуя меня наградою случайной,
Откинув локоны от милого чела,
Сама из рук моих свирель она брала.
Тростник был оживлен божественным дыханьем
И сердце наполнял святым очарованьем.

1821

Александр Пушкин

---

[149] *Цевница* — пастушеская свирель.
[150] *Фригия* — древняя страна в северо-западной части Малой Азии.

* * *

В молчаньи осени ссыпаются листы,
В ветвях являются нежданные просветы, —
И незамеченные прежде силуэты,
И новые вдали красивые черты...

Не то же ль и с душой людскою? — Вечно споря
С невзгодами судьбы, осилена тщетой,
Лишь только в холоде — и немощи, и горя —
Вдруг небывалою заблещет красотой!..

Константин Случевский

* * *

В монастыре пустынном близ Кордовы
Картина есть. Старательной рукой
Изобразил художник в ней суровый,
Как пред кумиром[151] мученик святой
Лежит в цепях и палачи с живого
Сдирают кожу... Вид картины той,
Исполненный жестокого искусства,
Сжимает грудь и возмущает чувство.

Но в дни тоски, мне всё являясь снова,
Упорно в мысль вторгается она,

[151] *Кумир* — изваяние античного (т. е. языческого) божества.

И мука та казнимого святого
Сегодня мне понятна и родна:
С моей души совлечены покровы,
Живая ткань ее обнажена,
И каждое к ней жизни прикасанье
Есть злая боль и жгучее терзанье.

Осень 1870

Алексей Толстой

Морская царевна

В море царевич купает коня;
Слышит: «Царевич! взгляни на меня!»

Фыркает конь и ушами прядет,
Брызжет и плещет и дале плывет.

Слышит царевич: «Я царская дочь!
Хочешь провесть ты с царевною ночь?»

Вот показалась рука из воды,
Ловит за кисти шелковой узды.

Вышла младая потом голова;
В косу вплелася морская трава.

Синие очи любовью горят;

Брызги на шее, как жемчуг, дрожат.

Мыслит царевич: «Добро же! постой!»
За косу ловко схватил он рукой.

Держит, рука боевая сильна:
Плачет и молит и бьется она.

К берегу витязь отважно плывет;
Выплыл; товарищей громко зовет.

«Эй вы! сходитесь, лихие друзья!
Гляньте, как бьется добыча моя...

Что ж вы стоите смущенной толпой?
Али красы не видали такой?»

Вот оглянулся царевич назад:
Ахнул! померк торжествующий взгляд.

Видит: лежит на песке золотом
Чудо морское с зеленым хвостом;

Хвост чешуею змеиной покрыт,
Весь замирая, свиваясь дрожит;

Пена струями сбегает с чела,
Очи одела смертельная мгла.

Бледные руки хватают песок;

Шепчут уста непонятный упрек...

Едет царевич задумчиво прочь.

Будет он помнить про царскую дочь!

1841

Михаил Лермонтов

* * *[152]

В начале жизни школу помню я;

Там нас, детей беспечных, было много;

Неровная и резвая семья.

Смиренная, одетая убого,

Но видом величавая жена

Над школою надзор хранила строго.

Толпою нашею окружена,

Приятным, сладким голосом, бывало,

С младенцами беседует она.

Ее чела я помню покрывало

---

[152] Как предполагают исследователи, начало осуществления замысла произведения из эпохи раннего итальянского Возрождения: это подсказывается впервые употребленными Пушкиным терцинами — строфой, характерной для итальянской поэзии XIV в., а также духом произведения — с его столкновением культуры католицизма с образами античной древности, созерцанием античных статуй, трактуемых как изображение «бесов». Другие исследователи видят здесь начало автобиографического повествования Пушкина, рисующего ранние годы пробуждения мысли и чувств поэта.

И очи светлые, как небеса.
Но я вникал в ее беседы мало.

Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.

Дичась ее советов и укоров,
Я про себя превратно толковал
Понятный смысл правдивых разговоров,

И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал.

Там нежила меня теней прохлада;
Я предавал мечтам свой юный ум,
И праздномыслить было мне отрада.

Любил я светлых вод и листьев шум,
И белые в тени дерев кумиры,
И в ликах их печать недвижных дум.

Всё — мраморные циркули и лиры,
Мечи и свитки в мраморных руках,
На главах лавры, на плечах порфиры —

Всё наводило сладкий некий страх
Мне на сердце; и слезы вдохновенья,
При виде их, рождались на глазах.

Другие два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двух бесов изображенья.

Один (Дельфийский идол) лик младой —
Был гневен, полон гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.

Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал —
Волшебный демон — лживый, но прекрасный.[153]

Пред ними сам себя я забывал;
В груди младое сердце билось — холод
Бежал по мне и кудри подымал.

Безвестных наслаждений ранний голод
Меня терзал — уныние и лень
Меня сковали — тщетно был я молод.

Средь отроков я молча целый день
Бродил угрюмый — всё кумиры сада
На душу мне свою бросали тень.

1830

---

[153] *Дельфийский идол* — статуя Аполлона. *Другой, женообразный, сладострастный...* — статуя Венеры (женообразный — не женоподобный, Адонис, как толковали некоторые критики, а изваянный в образе женщины).

Александр Пушкин

* * *

В небе тают облака,
И, лучистая на зное,
В искрах катится река,
Словно зеркало стальное...

Час от часу жар сильней,
Тень ушла к немым дубровам,
И с белеющих полей
Веет запахом медовым.

Чудный день! Пройдут века —
Так же будут, в вечном строе,
Течь и искриться река
И поля дышать на зное.

2 августа 1868

Федор Тютчев

* * *

В немолчном говоре природы,
Среди лугов, полей, лесов,
Есть звуки рабства и свободы
В великом хоре голосов...

Коронки всех иван-да-марий,
Вероник, кашек и гвоздик
Идут в стога, в большой гербарий, —
Утратив каждая свой лик!

Нередко видны на покосах,
Вблизи усталых косарей —
Сидят на граблях и на косах
Певцы воздушные полей.

Поют о чудных грезах мая,
О счастье, о любви живой,
Поют, совсем не замечая
Орудий смерти под собой!

Константин Случевский

* * *

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...
Увы! утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел

Святые, искренние слезы —
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

1855 или 1856

Николай Некрасов

* * *

Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо,
В полуденных лучах следы недавней стужи
Дымятся. Теплый ветр повеял нам в лицо
И морщит на полях синеющие лужи.

Еще трещит камин, отливами огня
Минувший тесный мир зимы напоминая,
Но жаворонок там, над озимью звеня,
Сегодня возвестил, что жизнь пришла иная.

И в воздухе звучат слова, не знаю чьи,
Про счастье, и любовь, и юность, и доверье,
И громко вторят им бегущие ручьи,
Колебля тростника желтеющие перья.

Пускай же, как они по глине и песку

Растаявших снегов, журча, уносят воды,
Бесследно унесет души твоей тоску
Врачующая власть воскреснувшей природы!..

25 декабря 1870

Алексей Толстой

* * *[154]

... Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор — и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я — но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечор[155] еще бродил
Я в этих рощах.
Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет — уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.[156]

---

[154] Написано 26 сентября 1835 г. в Михайловском, куда Пушкин приехал после восьмилетнего перерыва (если не считать четырехдневного пребывания в Михайловском в мае 1835 г.).
[155] *Вечор* — вчера вечером.
[156] Няня Пушкина Арина Родионовна умерла в Петербурге 31 июля 1828 г.

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сиживал недвижим — и глядел
На озеро, воспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...
Меж нив златых и пажитей зеленых
Оно, синея, стелется широко;
Через его неведомые воды
Плывет рыбак и тянет за собой
Убогий невод. По брегам отлогим
Рассеяны деревни — там за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при ветре...

На границе

Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко, — здесь, когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал. По той дороге
Теперь поехал я и пред собою
Увидел их опять. Они всё те же,
Всё тот же их, знакомый уху шорох —
Но около корней их устарелых
(Где некогда всё было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья; кусты теснятся
Под сенью их как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ

Как старый холостяк, и вкруг него
По-прежнему всё пусто.
Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомянет.

1835

Александр Пушкин

Рим, ночью

В ночи лазурной почивает Рим.
Взошла луна и — овладела им,
И спящий град, безлюдно-величавый,
Наполнила своей безмолвной славой...

Как сладко дремлет Рим в ее лучах!
Как с ней сроднился Рима вечный прах!..
Как будто лунный мир и град почивший —
Всё тот же мир, волшебный, но отживший!..

1850

Федор Тютчев

* * *[157]

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

---

[157] Послание декабристам, сосланным в Сибирь на каторгу. Очень многих из них Пушкин знал лично. Двое — Пущин и Кюхельбекер — были его лицейскими товарищами. В словах «Храните гордое терпенье» они могли услышать отзвук лицейской «Прощальной песни воспитанников Царскосельского лицея» Дельвига, исполнявшейся лицеистами хором на акте по случаю первого выпуска. В песне были такие слова: «Храните, о друзья, храните / Ту ж дружбу с тою же душой, / То ж к славе сильное стремленье, / То ж правде — да, неправде — нет, / В несчастье гордое терпенье, / И в счастье — всем равно привет!» Свое послание декабристам Пушкин вручил жене одного из них, А. Г. Муравьевой, уезжавшей из Москвы в начале января 1827 г. к мужу — Никите Муравьеву — в Сибирь.

1827

Александр Пушкин

Затворница

В одной знакомой улице —
Я помню старый дом,
С высокой, темной лестницей,
С завешенным окном.
Там огонек, как звездочка,
До полночи светил,
И ветер занавескою
Тихонько шевелил.
Никто не знал, какая там
Затворница жила,
Какая сила тайная
Меня туда влекла,
И что за чудо-девушка
В заветный час ночной
Меня встречала, бледная,
С распущенной косой.
Какие речи детские
Она твердила мне:
О жизни неизведанной,
О дальней стороне.
Как не по-детски пламенно,
Прильнув к устам моим,
Она дрожа шептала мне:

«Послушай, убежим!
Мы будем птицы вольные —
Забудем гордый свет...
Где нет людей прощающих,
Туда возврата нет...»
И тихо слезы капали —
И поцелуй звучал —
И ветер занавескою
Тревожно колыхал.

Тифлис, 1846, июля 20

Яков Полонский (1819—1898)

Призрак

В одну из тех ночей весеннего тепла,
Когда покоится серебряная мгла,
А месяц трепетный наводит освещенье, —
В одну из тех ночей явилось мне виденье.
Под дубом вековым недвижно я лежал,
Раскрыть глаза едва-едва имея силу,
Как будто был уже готов сойти в могилу —
И для меня мой час последний наставал.
Не поднималися беспомощные руки,
Но слух еще ловил каких-то голосов
Блаженства полные, знакомые мне звуки
В движеньи воздуха и трепете листов.
И вдруг пришла она — всё тот же образ стройный,

Всё так же хороша, всё так же молода,
С улыбкой тихою, и поступью спокойной,
И взором ласковым, как в прежние года, —
И близ меня она колени преклонила...
«Зачем, — я ей сказал, — зачем приходишь ты?
Я знаю — никогда меня ты не любила...
А я? А я всю жизнь не знал иной мечты;
Любил ли я еще когда-нибудь — не знаю —
Ни прежде, ни потом... Но жизнь пережита,
Теперь уже я стар, теперь я умираю...»
Тут уст моих ее коснулися уста...
В последний раз во мне сердечное биенье
Мгновенно вздрогнуло и замерло совсем...
Тогда исчезло всё — и звуки и виденье,
Глаза закрылися, и был я глух и нем,
И только бледная луна еще глядела
На мертвое, хладеющее тело...

1863

Николай Огарев

* * *

Воет ветр в степи огромной,
И валится снег.
Там идет дорогой темной
Бедный человек.

В сердце радостная вера
Средь кручины злой,
И нависли тяжко, серо
Тучи над землей.

1850

Каролина Павлова (1807—1893)

Ты мне всё

Воздуха чистого в легком дыхании
Мне твоей поступи веянье слышится;
На море, белой волны в колыхании
Всё мне волна твоих персей колышется,
Тополя стройного в лиственном шелесте
Чудится шепот твой нежный, таинственный, —
В целой природе твои только прелести
Я созерцаю, о друг мой единственный.
Ты — мое сердце в полудне высокое,
Месяц серебряный, звездочка скромная;
Ты — моя радость и горе глубокое,
День мой блестящий и ночь моя темная.

Владимир Бенедиктов

Цыганская пляска[158]

---

[158] «Сочинено в П. в 1805 или 6 для Ивана Ивановича Дмитриева по случаю его ответа к автору на оду «Лето» <…>, в котором он жаловался, что московские цыганки мешают ему упражняться криками своими в Мариинои роще во стихотворении» (объяснение Державина).

Возьми, еѓиптянка, гитару,[159]
Ударь по струнам, восклицай;
Исполнясь сладострастна жару,
Твоей всех пляской восхищай.
Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица.

Неистово, роскошно чувство,
Нерв трепет, мление любви,
Волшебное зараз искусство
Вакханок древних оживи.
Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица.

Как ночь — с ланит сверкай зарями,
Как вихорь — прах плащом сметай,
Как птица — подлетай крылами,
И в длани с визгом ударяй.
Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица.

Под лесом нощию сосновым,
При блеске бледныя луны,
Топоча по доскам гробовым,
Буди сон мертвой тишины.
Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица.

---

[159] *Египтянка* — цыганка. В XVIII в. ошибочно считали, что цыгане являются потомками древних египтян.

Да вопль твой, эвоа! ужасный,[160]
Вдали мешаясь с воем псов,
Лиет повсюду гулы страшны,
А сластолюбию — любовь.
Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица.

Нет, стой, прелестница! довольно,
Муз скромных больше не страши;
Но плавно, важно, благородно,
Как русска дева, пропляши.
Жги души, огнь бросай в сердца
И в нежного певца.[161]

10 января 1805

Гаврила Державин

* * *[162]

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
Ворон! где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?

Ворон ворону в ответ:

---

[160] *Эвоа!* — «Известный припев или восклицание древних вакханок при их пьянственных играх» (объяснение Державина).
[161] «И. И. Дмитриев упражнялся в песнях нежного рода, в баснях и сказках» (объяснение Державина).
[162] Стихотворение является вольным переводом шотландской народной баллады.

Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.

Кем убит и отчего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет милого
Не убитого, живого.

1828

Александр Пушкин

Море

Воспоминание, один друг верный мне,
Разнообразит дни в печальной стороне.
Бесцветной пеленой покрылись неба своды
И мертвы красоты́ окованной природы,
А взор мой в этот миг, пленяясь и горя,
Объемлет с жадностью привольные моря,
А слух мой ловит гул и плеск волны мятежной —
Музы́ку вечную обители прибрежной.

1827

Петр Плетнев (1792—1865)

Властителям и судиям[163]

Восстал всевышний Бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг: спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Не внемлют! — видят и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодейством землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! — Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья, —
Но вы, как я, подобно страстны

---

[163] Переложение 81-го псалма.

И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Воскресни, Боже! Боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых
И будь един царем земли!

1780

Гаврила Державин

* * *[164]

Восток алея пламенеет,
И день заботливый светлеет;
Проснулись пташки; в тихий бор
Уж дровосек несет топор;
Колосья в поле под серпами
Ложатся желтыми рядами;
Заутрень сельских дальний звон
По роще ветром разнесен;
Скрыпит под сеном воз тяжелый,
И заиграл рожок веселый.

---

[164] Из поэмы «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая».

О, если б ты, прекрасный день,
Гнал мрачные души волненья,
Как гонишь ты ночную тень
И снов обманчивых виденья!
Зачем ты в блеске молодом
Лелеешь каждою зарею
И вишню солнечным лучом
И ландыш утренней росою,
Но сердца, полного тоской,
Не освежишь своей красой?

1827

Иван Козлов

* * *[165]

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верьх горы высокой,[166]
Где ветр в лесах шуметь забыл;
В долине тишина глубокой.[167]
Внимая нечто, ключ молчит,[168]
Которой завсегда журчит
И с шумом вниз с холмов стремится.
Лавровы вьются там венцы,
Там слух спешит во все концы;

---

[165] Первые две строфы Хотинской оды (Ода блаженныя памяти Государыне Императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года). Хоти́н — турецкая крепость на Днестре.
[166] Имеется в виду Парнас, куда ведет автора поэтический восторг. «Высокая гора» соотносится и с положением турецкого лагеря при Ставучанах.
[167] Т. е. в глубокой долине тишина.
[168] Кастальский ключ у подножия Парнаса. В переносном значении — родник поэтического вдохновения.

Далече дым в полях курится.

Не Пинд ли под ногами зрю?[169]
Я слышу чистых сестр музы́ку![170]
Пермесским жаром я горю,[171]
Теку поспешно к оных лику.[172]
Врачебной дали мне воды:
Испей и все забудь труды;
Умой росой Кастальской очи.
Чрез степь и горы взор простри
И дух свой к тем странам впери,
Где всходит день по темной ночи.

1739

Михайло Ломоносов (1711—1765)

Cache-cache[173]

Вот арфа ее в обычайном углу,
Гвоздики и розы стоят у окна,
Полуденный луч задремал на полу:
Условное время! Но где же она?

О, кто мне поможет шалунью сыскать,
Где, где приютилась сильфида моя?[174]

---

[169] *Пинд* — горный хребет в Греции, на горах которого обитали Аполлон и музы (греч. миф.).
[170] *Сестр* — сестер, здесь: муз.
[171] *Пермесский жар* — вдохновение; Пермес — река в Беотии, на берегах которой обитали музы.
[172] *Лик* — (церковный) хор.
[173] Игра в прятки (франц.). [каш-каш]
[174] *Сильфиды* — духи воздуха, легкие, подвижные существа (герм., миф.).

Волшебную близость, как благодать,
Разлитую в воздухе, чувствую я.

Гвоздики недаром лукаво глядят,
Недаром, о розы, на ваших листах
Жарчее румянец, свежей аромат:
Я понял, кто скрылся, зарылся в цветах!

Не арфы ль твоей мне послышался звон?
В струнах ли мечтаешь укрыться златых?
Металл содрогнулся, тобой оживлен,
И сладостный трепет еще не затих.

Как пляшут пылинки в полдневных лучах,
Как искры живые в родимом огне!
Видал я сей пламень в знакомых очах,
Его упоенье известно и мне.

Влетел мотылек, и с цветка на другой,
Притворно-беспечный, он начал порхать.
О, полно кружиться, мой гость дорогой!
Могу ли, воздушный, тебя не узнать?

1828

Федор Тютчев

Накануне годовщины 4 августа 1864 г.

Вот бреду я вдоль большой дороги

В тихом свете гаснущего дня...
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?

Всё темней, темнее над землею —
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?[175]

3 августа 1865

Федор Тютчев

Разные вина

Вот красно-розово вино,
За здравье выпьем жен румяных.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст багряных!
    Ты тож румяна, хороша, —
    Так поцелуй меня, душа!

Вот черно-тинтово вино,[176]

---

[175] Написано накануне первой годовщины смерти Е. А. Денисьевой.
[176] Красное испанское вино, vino tinto.

За здравье выпьем чернобровых.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст пунцовых!
Ты тож, смуглянка, хороша, —
Так поцелуй меня, душа!

Вот злато-кипрское вино,
За здравье выпьем светловласых.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст прекрасных!
Ты тож, белянка, хороша, —
Так поцелуй меня, душа!

Вот слезы ангельски вино,[177]
За здравье выпьем, жен мы нежных.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст любезных!
Ты тож нежна и хороша, —
Так поцелуй меня, душа!

1782

Гаврила Державин

Зимой, в карете

Вот, на каретных стеклах, в блеске
Огней и в зареве костров,

[177] Измененное название итальянского вина Lacrimae Christi («Слезы Христа»).

Из бледных линий и цветов
Мороз рисует арабески.
Бегут на смену темноты
Не фонари, а пятна света;
И катится моя карета
Средь этой мглы и суеты.

Огни, дворцы, базары, лица
И небо — всё заслонено...
Миражем кажется столица —
Тень сквозь узорное окно
Проносится узорной дымкой,
Клубится пар, и — мнится мне,
Я сам, как призрак, невидимкой
Уселся в тряской тишине.

Скрипят тяжелые колеса,
Теряя в мгле следы свои;
Меня везут, и — нет вопроса
Бегут ли лошади мои.
Я сам не знаю, где я еду, —
Заботливый слуга страстей,
Я словно рад ночному бреду,
Воспоминанью давних дней.

И снится мне — в холодном свете
Еще есть теплый уголок...
Я не один в моей карете...
Вот-вот сверкнул ее зрачок...
Я весь в пару ее дыханья —

Как мне тепло назло зиме!
Как сладостно благоуханье
Весны в морозной полутьме!

Очнулся — и мечта поблёкла;
Опять, румяный от огней,
Мороз забрасывает стекла
И веет холодом. Злодей!
Он подглядел, как сердце билось:
Любовь, и страсти, и мечты,
И вздох мой — всё преобразилось
В кристаллы, звезды и цветы.

Ткань ледяного их узора
Вросла в края звенящих рам,
И нет глазам моим простора,
И нет конца слепым мечтам!
Мечтать и дрогнуть не хочу я;
Но — каждый путь ведет к концу.
И скоро, скоро подкачу я
К гостеприимному крыльцу.

Январь, 1889

Яков Полонский

* * *

Вот утро севера — сонливое, скупое —

Лениво смотрится в окно волоковое;[178]
В печи трещит огонь — и серый дым ковром
Тихонько стелется над кровлею с коньком.
Петух заботливый, копаясь на дороге,
Кричит... а дедушка брадатый на пороге
Кряхтит и крестится, схватившись за кольцо,
И хлопья белые летят ему в лицо.
И полдень настает. Но, Боже, как люблю я,
Как тройкою ямщик кибитку удалую
Промчит — и скроется.... И долго, мнится мне,
Звук колокольчика трепещет в тишине.

1841

Афанасий Фет

Три пальмы

(Восточное сказание)

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной
Журча пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зеленых листов,
От знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли;

[178] *Волоковое окно, оконце* — (в старину в курных избах и банях): небольшой проем в стене или потолке для выхода дыма.

Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студеной
Еще не склонялся под кущей зеленой,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колеблемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!»

И только замолкли — в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые вьюки,
И шел, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь висели меж твердых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И черные очи оттуда сверкали…
И, стан худощавый к луке наклоня,
Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, пораженный стрелой;

И белой одежды красивые складки
По плечам фариса[179] вились в беспорядке;
И, с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копье на скаку.

Вот к пальмам подходит шумя караван:
В тени их веселый раскинулся стан.
Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студеный ручей.

Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно, жгли их до утра огнем.

Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван;
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный;
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.

И ныне всё дико и пусто кругом —

---

[179] *Фарис* (араб.) — всадник.

Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскаленный заносит,
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

1839

Михаил Лермонтов

Сон[180]

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилася моя.

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснилися кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня — но спал я мертвым сном.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.

---

[180] Написано между маем и началом июля 1841 г. В литературе указывалось на связь этого стихотворения с одной из песен терского казачества — «Ох, не отстать-то тоске-кручинушке», где рассказывается о казаке, который увидел себя во сне убитым.

Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди дымясь чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

1841

Михаил Лермонтов

Последняя весна[181]

В полях блистает май веселый!
Ручей свободно зажурчал,
И яркий голос Филомелы[182]
Угрюмый бор очаровал:
Всё новой жизни пьет дыханье!
Певец любви, лишь ты уныл!
Ты смерти верной предвещанье
В печальном сердце заключил;
Ты бродишь слабыми стопами

[181] Переложение элегии французского поэта Мильвуа (1782—1816) «La chute des feuilles» («Падение листьев»).
[182] Этот образ впоследствии заимствует Пушкин в стихотворении «Не дай мне Бог сойти с ума» («яркий голос соловья»). *Филомела* — соловей (по имени Филомелы, дочери Пандиона, царя афинского, обращенной богами в соловья).

В последний раз среди полей,
Прощаясь с ними и с лесами
Пустынной родины твоей.
«Простите, рощи и долины,
Родные реки и поля!
Весна пришла, и час кончины
Неотразимый вижу я!
Так! Эпидавра прорицанье[183]
Вещало мне: в последний раз
Услышишь горлиц воркованье
И Гальционы тихий глас;[184]
Зазеленеют гибки лозы,
Поля оденутся в цветы,
Там первые увидишь розы
И с ними вдруг увянешь ты.
Уж близок час... Цветочки милы,
К чему так рано увядать?
Закройте памятник унылый,
Где прах мой будет истлевать;
Закройте путь к нему собою
От взоров дружбы навсегда.
Но если Делия с тоскою[185]
К нему приближится, тогда
Исполните благоуханьем
Вокруг пустынный небосклон

---

[183] *Эпидавра прорицанъе...* — Связано с греч. мифом о Телефе, которому прорицал судьбу прорицатель в г. Эпидавре.
[184] *Гальциона* (греч. миф.) — дочь Эола. Узнав, что ее муж Кейс утонул, бросилась в море и была превращена Нептуном в зимородка. Здесь же имеется в виду чайка.
[185] *Делия* — условное поэтическое имя. Первой любовью римского поэта Тибулла была вольноотпущенница Делия, имя которой часто фигурирует впоследствии в стихотворениях поэтов-классицистов для обозначения возлюбленной.

И томным листьев трепетаньем
Мой сладко очаруйте сон!»
В полях цветы не увядали,
И Гальционы в тихий час
Стенанья рощи повторяли;
А бедный юноша... погас!
И дружба слез не уронила
На прах любимца своего:
И Делия не посетила
Пустынный памятник его,
Лишь пастырь, в тихий час денницы,
Как в поле стадо выгонял,
Унылой песнью возмущал
Молчанье мертвое гробницы.

1815

Константин Батюшков (1787—1855)

* * *

Впросонках слышу я — и не могу
Вообразить такое сочетанье,
А слышу свист полозьев на снегу
И ласточки весенней щебетанье.

Январь или февраль 1871

Федор Тютчев

Анчар[186]

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой прозрачною смолою.

К нему и птица не летит,
И тигр нейдет: лишь вихорь черный
На древо смерти набежит —
И мчится прочь, уже тлетворный.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей, уж ядовит,
Стекает дождь в песок горючий.

Но человека человек

---

[186] Древо яда. (Прим. Пушкина.)

Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листами,
И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями;

Принес — и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А царь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

1828

Александр Пушкин

* * *

В разлуке есть высокое значенье:
Как ни люби, хоть день один, хоть век,
Любовь есть сон, а сон — одно мгновенье,
И рано ль, поздно ль пробужденье,
А должен наконец проснуться человек...

6 августа 1851

Федор Тютчев

Поздно

Время шло. Время шло. Не считали мы дней,
Нас надежда всё вдаль завлекала,
Мы судили-рядили о жизни своей
А она между тем утекала.

Мы всё жить собирались, но как? — был вопрос.
Разгорались у нас разговоры,
Простирались до мук, доходили до слез
Бесконечные споры и ссоры.

Сколько светлых минут перепортили мы
Тем, что лучших минут еще ждали,
Изнуряли сердца, напрягали умы
Да о будущем всё рассуждали.

Настоящему все мы кричали: «Иди!»
Но вдруг холодно стало, морозно...
Оглянулись — и видим: вся жизнь — назади,
Так что жить-то теперь уж и поздно!

Владимир Бенедиктов

Пильниц[187]

В свое осеннее убранство
Весь лес торжественно одет;
Роскошно на его пространство
Заката льется яркий свет;
Блестят все ветви золотые
Под неба золотым лучом...
Зачем мне помнится Россия
С своим суровым октябрем?

И тихо гаснет блеск эфирный,[188]
Страны таинственней черты.
Как думе предаваясь мирной,
Стоят лесные высоты!
Дерев чуть движется лишь темя,
Ручья внизу чуть шепчет ток...
Как мне на ум приходит время
Злых возмущений и тревог?

Октябрь 1861

Каролина Павлова

* * *

[187] *Пильниц* — бывшая летняя резиденция саксонских королей и рядом с ней с тем же названием деревня на правом берегу Эльбы, где летом жила Павлова «в убогой комнатке немецкого столяра», о чем сообщал 15 июня 1862 г. в письме П. А. Плетневу поэт С. А. Никольский, посетивший поэтессу.
[188] *Эфир* — олицетворение верхнего, лучезарного слоя воздуха, считавшегося местопребыванием Зевса (греч. миф.).

Всё вокруг меня, как прежде —
Пестрота и блеск в долинах...
Лес опять тенист и зелен,
И шумит в его вершинах...

Отчего ж так сердце ноет,
И стремится, и болеет,
Неиспытанного просит
И о прожитом жалеет?

Не начать ведь жизнь сначала —
Даром сила растерялась,
Да и попусту растратишь
Ту, которая осталась...

А вокруг меня, как прежде,
Пестрота и блеск в долинах!
Лес опять тенист и зелен,
И шумит в его вершинах!..

1857

Аполлон Майков

* * *

Всё грустно, всё грустней, час от часу тяжелей,
Час от часу на жизнь темней ложится мгла,
На жизнь, где нет тебя, на жизнь, где ты доселе
Любимых дум моих святая цель была.

Всё повод мне к слезам, все впечатленья полны
Тобой, одной тобой: подъятые тоской,
Теснятся ли к груди воспоминаний волны —
Всё образ твой, всё ты, всё ты передо мной,
Ты, неотступно ты! Грядущего ли даль
Откроется глазам пустынею безбрежной —
Ты там уж ждешь меня с тоскою безнадежной;
Пророчески тебя и в будущем мне жаль.

1835, Рим

Петр Вяземский

[Два отрывка из поэмы «Мороз, Красный нос»: старик-отец хоронит Прокла, Дарья (молодая вдова Прокла) замерзает в лесу]

*

В селе, за четыре версты,
У церкви, где ветер шатает
Подбитые бурей кресты,
Местечко старик выбирает;

Устал он, работа трудна,
Тут тоже сноровка нужна —

Чтоб крест было видно с дороги,
Чтоб солнце играло кругом.
В снегу до колен его ноги,
В руках его заступ и лом,

Вся в инее шапка большая,
Усы, борода в серебре.
Недвижно стоит, размышляя,
Старик на высоком бугре.

Решился. Крестом обозначил,
Где будет могилу копать,
Крестом осенился и начал
Лопатою снег разгребать.

Иные приемы тут были,
Кладбище не то, что поля:
Из снегу кресты выходили,
Крестами ложилась земля.

Согнув свою старую спину,
Он долго, прилежно копал,
И желтую мерзлую глину
Тотчас же снежок застилал.

Ворона к нему подлетела,
Потыкала носом, прошлась:
Земля как железо звенела —
Ворона ни с чем убралась…

Могила на славу готова, —
«Не мне б эту яму копать!
(У старого вырвалось слово.)
Не Проклу бы в ней почивать,

Не Проклу!..» Старик оступился,
Из рук его выскользнул лом
И в белую яму скатился,
Старик его вынул с трудом.

Пошел… по дороге шагает…
Нет солнца, луна не взошла…
Как будто весь мир умирает:
Затишье, снежок, полумгла…

*

Ни звука! Душа умирает
Для скорби, для страсти. Стоишь
И чувствуешь, как покоряет
Ее эта мертвая тишь.

Ни звука! И видишь ты синий
Свод неба, да солнце, да лес,
В серебряно-матовый иней
Наряженный, полный чудес,

Влекущий неведомой тайной,
Глубоко бесстрастный… Но вот
Послышался шорох случайный —
Вершинами белка идет.

Ком снегу она уронила
На Дарью, прыгну́в по сосне,

А Дарья стояла и стыла
В своем заколдованном сне…

1863

Николай Некрасов

* * *

Всё мысль да мысль! Художник бедный слова!
О жрец ее! тебе забвенья нет;
Всё тут, да тут и человек, и свет,
И смерть, и жизнь, и правда без покрова.
Резец, орган, кисть! счастлив, кто влеком
К ним чувственным, за грань их не ступая!
Есть хмель ему на празднике мирском!
Но пред тобой, как пред нагим мечом,
Мысль, острый луч! бледнеет жизнь земная.

1840

Евгений Боратынский

Вакханка[189]

Все на праздник Эригоны
Жрицы Вакховы текли;[190]

---

[189] *Вакханки* — спутницы Диониса, сопровождавшие его во время шествий, носивших экстатический характер (греч. миф.).
[190] *Эригона* — кончившая самоубийством дочь Икария, наученного Вакхом виноделию, в память которой устраивались празднества (греч. миф.).

Ветры с шумом разнесли
Громкий вой их, плеск и стоны.
В чаще дикой и глухой
Нимфа юная отстала;
Я за ней — она бежала
Легче серны молодой.
Эвры[191] волосы взвевали,
Перевитые плющом;
Нагло[192] ризы поднимали
И свивали их клубком.
Стройный стан, кругом обвитый
Хмеля желтого венцом,
И пылающи ланиты
Розы ярким багрецом
И уста, в которых тает
Пурпурóвый виноград, —
Всё в неистовой прельщает!
В сердце льет огонь и яд!
Я за ней... она бежала
Легче серны молодой;
Я настиг — она упала!
И тимпан[193] под головой!
Жрицы Вакховы промчались
С громким воплем мимо нас;
И по роще раздавались
Эвоэ![194] и неги глас!

---

[191] *Эвр* — теплый юго-восточный ветер.
[192] Здесь работает и старое значение слова «нагло» — «внезапно».
[193] *Тимпан* — музыкальный инструмент типа маленькой ручной литавры в древнем Средиземноморье (обычно состоял из котла, обтянутого кожей, по которой били палкой с шаром на конце, обтянутым сукном).
[194] *Эвоэ* — восклицание в честь Вакха на празднествах, посвященных ему (Эвий — одно из имен Вакха).

1815

Константин Батюшков

(Э. Ф. Тютчевой)

Всё отнял у меня казнящий Бог:
Здоровье, силу воли, воздух, сон,
Одну тебя при мне оставил он,
Чтоб я Ему еще молиться мог.[195]

Февраль 1873

Федор Тютчев

Тишина

1

Всё рожь кругом, как степь живая,
Ни замков, ни морей, ни гор...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!
За дальним Средиземным морем,
Под небом ярче твоего,
Искал я примиренья с горем,
И не нашел я ничего!

---

[195] Обращено к Эрн. Ф. Тютчевой.

Я там не свой: хандрю, немею,
Не одолев мою судьбу,
Я там погнулся перед нею,
Но ты дохнула — и сумею,
Быть может, выдержать борьбу!

Я твой. Пусть ропот укоризны
За мною по пятам бежал,
Не небесам чужой отчизны —
Я песни родине слагал!
И ныне жадно поверяю
Мечту любимую мою
И в умиленьи посылаю
Всему привет... Я узнаю
Суровость рек, всегда готовых
С грозою выдержать войну,
И ровный шум лесов сосновых,
И деревенек тишину,
И нив широкие размеры...
Храм Божий на горе мелькнул
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул.
Нет отрицанья, нет сомненья,
И шепчет голос неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди с открытой головой!
Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!

Храм воздыханья, храм печали —
Убогий храм земли твоей:
Тяжеле стонов не слыхали
Ни римский Петр[196], ни Колизей!
Сюда народ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносил —
И облегченный уходил!
Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной...

Я внял... я детски умилился...
И долго я рыдал и бился
О плиты старые челом,
Чтобы простил, чтоб заступился,
Чтоб осенил меня крестом
Бог угнетенных, Бог скорбящих,
Бог поколений, предстоящих
Пред этим скудным алтарем!

4

А тройка всё летит стрелой.
Завидев мост полуживой,
Ямщик бывалый, парень русский,
В овраг спускает лошадей

---

[196] Т. е. храм Св. Петра в Риме.

И едет по тропинке узкой
Под самый мост... оно верней!
Лошадки рады: как в подполье,
Прохладно там... Ямщик свистит
И выезжает на приволье
Лугов... родной, любимый вид!
Там зелень ярче изумруда,
Нежнее шелковых ковров,
И, как серебряные блюда,
На ровной скатерти лугов
Стоят озера... Ночью темной
Мы миновали луг поемный,
И вот уж едем целый день
Между зелеными стенами
Густых берез. Люблю их тень
И путь, усыпанный листами!
Здесь бег коня неслышно-тих,
Легко в их сырости приятной,
И веет на душу от них
Какой-то глушью благодатной.
Скорей туда — в родную глушь!
Там можно жить, не обижая
Ни Божьих, ни ревижских душ
И труд любимый довершая.
Там стыдно будет унывать
И предаваться грусти праздной,
Где пахарь любит сокращать
Напевом труд однообразный.
Его ли горе не скребет? —
Он бодр, он за сохой шагает.

Без наслажденья он живет,
Без сожаленья умирает.

Его примером укрепись,
Сломившийся под игом горя!
За личным счастьем не гонись
И Богу уступай — не споря...

1856—1857

Николай Некрасов

* * *

Всё чаще говорить приходится — «забыл»,
И всё яснее мне, что я совсем «устал»;
Всё чаще слышат те, с кем говорю — «я был»,
И, что ни день, твержу всё чаще — «я желал».

Всё реже сознаю, что «радость ждет меня»,
Совсем не говорю — я жажду, я ищу;
И в слабых проблесках темнеющего дня,
Оскудевающий, надеюсь и молчу...

Константин Случевский

* * *

В сонме поздних теней ты желанной звездой
Мне блеснула на миг — и пропала.

Эта ласка мечты, эта радость тобой
Словно песня в душе прозвучала.

Прозвучала и смолкла... И звук ее слов
Замер в далях ночных сновидений —
И опять надо мной лишь немых облаков
Пролетают тревожные тени.

В них луча твоего уж глазам не найти;
Кроткой песни потеряны звуки;
Умирая, слились и привет, и «прости»
В призрак встречи, любви и разлуки.

Но не властен я сердца мятеж превозмочь,
Жгучий пламень под пеплом таится, —
И тоска по тебе, как заря во всю ночь,
Не дает ни забыть, ни забыться!

1904

Арсений Голенищев-Кутузов

Гондола

Встал месяц, — скольжу я в гондоле,
Качаясь, по светлой бразде;
Всё тихо; плыву я по воле;
Венеция спит на воде.

И сказочной блещет красою,
Сквозь легкий тумана покров,
Над томнотекучей волною
Узорчатый мрамор дворцов.

И с лаской весло гондольера,
Касаяся мерно струи,
Глухим повтореньем размера
Баюкает думы мои.

Далёко, далёко, далёко
Несутся душевные сны!
К волшебным пределам Востока,
Над шумом морской глубины;

Где Сира с вершины утеса
В лазурный глядит небосклон,
Вдоль сумрачных скал Тенедоса,[197]
Вдоль брега, где был Илион.[198]

И волн лучезарных Босфора
Мне снится опять красота:
Сверкает Софии собора
Святая глава без креста;[199]

Белеет Галата и Пера...[200]
И снова, чуть зыбля струи,

---

[197] *Сира* и *Тенедос* — острова в Эгейском море.
[198] *Илион* (Троя) — древний малоазиатский город, известный по поэме Гомера «Илиада».
[199] В 1453 г. после завоевания Константинополя турками храм святой Софии был превращен ими в мечеть.
[200] *Галата* — предместье Константинополя. *Пера* — европейская часть Константинополя.

Удары весла гондольера
Баюкают думы мои.

И быстро меняются сцены:
Везувий, блажной исполин,
Гаета, — вкруг мыса Мизены[201]
Отливы сапфирных пучин.

У шумного берега Кьяи[202]
Веселый, крикливый народ,
И лодок бесчисленных стаи
На зеркале блещущих вод.

Вдоль пристани frutti di mare[203]
В корзинах, расставленных в ряд;
И, уличной внемля гитаре,
Факкини в кружочке сидят.[204]

Вдали изумрудная лента,
Тень лавров, платанов, олив;
С душистой террасы Соррента[205]
Весь век бы смотреть на залив.

Притихла б там сердца химера!..
И, сонные зыбля струи,
Удары весла гондольера

---

[201] *Мизена* — город в Италии (на берегу Неаполитанского залива).
[202] *Кьяйя* — морское побережье (неподалеку от Неаполя).
[203] Морские плоды (морепродукты) (итал.).
[204] *Факкини (facchini)* (итал.) — носильщики, грузчики.
[205] *Сорренто* — город на побережье Неаполитанского залива.

Баюкают думы мои.

Другие мелькнули картины,
Суровее, — мыслям милей:
Убогие избы, овины
И гладь бесконечных полей.

Повсюду простор величавый,
Звон всенощной в каждом селе;
И город огромный, стоглавый
Широко сверкнул в полумгле,

И с грани земли православной
Громада столицы другой
Кичливо блестит над державной,
В гранит заключенной рекой.

Над ней небо хладно и серо...
И, мерно колебля струи,
Удары весла гондольера
Баюкают думы мои.

И взорам мерещится снова,
Что видеть отвыкли они:
И ночи без мрака ночного,
И темные зимние дни.

Несутся видения роем:
Та грустного счастья пора...
И дом тот с уютным покоем...

И тихие те вечера...

И вновь разыгралися бредни,
Как будто б шли даром года;
Как будто б случилось намедни
Всё то, что сбылося тогда!

Очнулась сердечная вера
И льются, сливаясь, струи;
И плещет весло гондольера,
Баюкая думы мои.

Июнь 1858

Каролина Павлова

* * *

В степи мирской, печальной и безбрежной[206]
Таинственно пробились три ключа:
Ключ юности, ключ быстрый и мятежный
Кипит, бежит, сверкая и журча.
Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит.
Последний ключ — холодный ключ забвенья,
Он слаще всех жар сердца утолит.

1827

---

[206] *В степи* (поэт.) — в пустынном месте, в месте, где человеку одиноко.

Александр Пушкин

* * *

В столицах шум, гремят витии,[207]
Кипит словесная война,
А там, во глубине России —
Там вековая тишина.
Лишь ветер не дает покою
Вершинам придорожных ив,
И выгибаются дугою,
Целуясь с матерью-землею,
Колосья бесконечных нив...

1857

Николай Некрасов

Певец
Из Гёте[208]

В стольном Киеве великом
Князь Владимир пировал;
Окружен блестящим ликом,
В светлой гридне[209] заседал.
Всех бояр своих премудрых,

---

[207] *Вития* — оратор, красноречивый человек.
[208] Подражание романсу Гете «Der Sänger» из 11-й главы романа «Годы учения Вильгельма Мейстера».
[209] *Гридня, гридница* — (в древнерусской архитектуре) большое помещение для рядовых дружинников (гридей) в княжеском дворце. Использовалась также для праздничных пиров.

Всех красавиц лепокудрых,
Сильных всех богатырей
Звал он к трапезе своей.

За дубовый стол саха́рных
Сорок яств принесены;
Меду сладкого янтарных
Сорок чаш опразднены[210] —
Всех живит веселье ново;
Изронил златое слово
Князь к гостям: «Пошлем гонца, —
Грустен пир, где нет певца».

Молвил князь; гонец поспешный
Скоро в путь, скорей — назад,
И, певец на пир утешный,
Вдохновенный с ним Услад.
Вещий перст живые струны
Всколебал; гремят перуны:
Зверем рыщет он в леса,
Вьется птицей в небеса.

Бодры юноши внимали,
Быстрый взор в певца вперя;
Девы красные вздыхали,
Робким оком долу зря.
Князь, чудясь искусству дивну,

---

[210] *Опразднены* — опустошены.

Повелел златую гривну[211]
С цепью бисерной принесть —
Песней сладких в мзду и честь.

«Не дари меня ты златом,
Цепью редкой не дари.
Пусть в наряде сем богатом
В брань текут богатыри;
Им бояр укрась почтенных,
Власти бременем стягченных:
Воин — меч, а судия —
Щит державы твоея.

Я пою, как птица в поле,
Оживленная весной;
Я пою: чего мне боле?
Песнь от сердца — дар драгой.
Если ж хочешь, князь, награду
По желанью дать Усладу, —
Пусть почтит меня княжна
Кубком светлого вина».

Налит кубок: «Будьте здравы,
Гости честные, всегда;
Обо мне во дни забавы
Вспомяните иногда.
Дом ваш полон всем, и сами
Вы любимы небесами:

---

[211] *Гривна* — древнее шейное украшение в виде обруча из драгоценных или недрагоценных металлов (от праславянского слова «грива» — шея, загривок.

Благодарны ж будьте им,
Сколько гость ваш вам самим».

1814

Павел Катенин (1792—1853)

Тригорское

Посвящается П. А. Осиповой[212]

В стране, где вольные живали[213]
Сыны воинственных славян,
Где сладким именем граждан
Они друг друга называли;
Куда великая Ганза[214]
Добро возила издалеча,
Пока московская гроза
Не пересиливала веча;[215]
В стране, которую война
Кровопролитно пустошила,
Когда ливонски знамена
Душа геройская водила;[216]
Где побеждающий Стефан[217]
В один могущественный стан

---

[212] *Осипова* Прасковья Александровна (1781—1859) — мать А. Н. Вульфа, владелица Тригорского, соседка Пушкина (по Михайловскому) и его приятельница.
[213] Речь идет о Псковщине, где расположено Тригорское. Языков имеет в виду древние Новгородскую и Псковскую республики.
[214] *Ганза* — торговый и политический союз северонемецких городов (XIV—XVII вв.), торговавший с Новгородом и Псковом.
[215] В конце XV — начале XVI вв. Новгород и Псков были подчинены власти московских князей.
[216] Видимо, имеется в виду последний магистр Ливонского ордена Кетлер, сражавшийся против России в Ливонской войне.
[217] *Стефан Баторий* (1533—1586) — польский король, в 1581—1582 гг. безуспешно осаждал Псков. Ставка Батория при осаде Пскова была в городище Вороничe, на месте которого расположено Тригорское.

Уже сдвигал толпы густыя,
Да уничтожит псковитян,
Да ниспровергнется Россия!
Но ты, к отечеству любовь,
Ты, чем гордились наши деды,
Ты ополчилась… Кровь за кровь…
И он не праздновал победы!
В стране, где славной старины
Не все следы истреблены,
Где сердцу русскому доныне
Красноречиво говорят:
То стен полуразбитых ряд
И вал на каменной вершине,
То одинокий древний храм
Среди беспажитной поляны,
То благородные курганы
По зеленеющим брегам.
В стране, где Сороть голубая,
Подруга зе́ркальных озер,
Разнообразно между гор
Свои изгибы расстилая,
Водами ясными поит
Поля, украшенные нивой, —
Там, у раздолья, горделиво
Гора трихолмная стоит;
На той горе, среди лощины,
Перед лазоревым прудом,
Белеется веселый дом
И сада темные картины,
Село и пажити кругом.

Приют свободного поэта,
Не побежденного судьбой!
Благоговею пред тобой, —
И дар божественного света,
Краса и радость лучших лет,
Моя надежда и забава,
Моя любовь и честь и слава —
Мои стихи — тебе привет!

Как сна отрадные виденья,
Как утро пышное весны,
Волшебны, свежи наслажденья
На верном лоне тишины,
Когда душе, не утомленной
Житейских бременем трудов,
Доступен жертвенник священный
Богинь кастальских берегов;
Когда родимая природа
Ее лелеет и хранит
И ей, роскошная, дарит
Всё, чем возвышена свобода.

Душе пленительна моей
Такая райская година:
Камены пламенного сына[218]
Она утешила; об ней
Воспоминание живое

[218] *Камена* — муза.

И ныне радует меня.
Бывало, в царственном покое,
Великое светило дня,
Вослед за раннею денницей,
Шаром восходит огневым
И небеса, как багряницей,
Окинет заревом своим;
Его лучами заиграют
Озер живые зеркала;
Поля, холмы благоухают;
С них белой скатертью слетают
И сон и утренняя мгла;
Росой перловой и зернистой
Дерев одежда убрана;
Пернатых песнью голосистой
Звучит лесная глубина.

Тогда, один, восторга полный,
Горы прибережной с высот,
Я озирал сей неба свод,
Великолепный и безмолвный,
Сии круги и ленты вод,
Сии ликующие нивы,
Где серп мелькал трудолюбивый
По золотистым полосам;
Скирды желтелись, там и там
Жнецы к товарищам взывали,
И на дороге, вдалеке,
С холмов бегущие к реке
Стада пылили и блея́ли.

Бывало, солнце без лучей
Стоит и рдеет в бездне пара,
Тяжелый воздух полон жара;
Вода чуть движется; над ней
Склонилась томными ветвями
Дерев безжизненная тень;
На поле жатвы, меж скирдами,
Невольная почиет лень,
И кони спутанные бродят,
И псы валяются; молчат
Село и хóлмы; душен сад,
И птицы песен не заводят...

Туда, туда, друзья мои!
На скат горы, на брег зеленый,
Где дремлют Сороти студеной
Гостеприимные струи;
Где под кустарником тенистым
Дугою выдалась она
По глади вогнутого дна,
Песком усыпанной сребристым.
Одежду прочь! Перед челом
Протянем руки удалые
И бух! — блистательным дождем
Взлетают брызги водяные.
Какая сильная волна!
Какая свежесть и прохлада!
Как сладострастна, как нежна
Меня обнявшая наяда!

Дышу вольнее, светел взор,
В холодной неге оживаю,
И бодр и весел выбегаю
Травы на бархатный ковер.

Что восхитительнее, краше
Свободных, дружеских бесед,
Когда за пенистою чашей
С поэтом говорит поэт?
Жрецы высокого искусства,
Пророки воли божества!
Как независимы их чувства,
Как полновесны их слова!
Как быстро, мыслью вдохновенной,
Мечты на радужных крылах,
Они летают по вселенной
В былых и будущих веках!
Прекрасно радуясь, играя,
Надежды смелые кипят,
И грудь трепещет молодая,
И гордый вспыхивает взгляд!

Певец Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда так веселы, так милы
Неслися наши вечера
Там на горе,[219] под мирным кровом
Старейшин сада вековых,

---

[219] В Тригорском парке.

На дерне свежем и шелковом,
В виду окрестностей живых;
Или в тиши благословенной
Жилища граций,[220] где цветут
Каменами хранимый труд
И ум, изящно просвещенный;
В часы, как сладостные там
Дары Эвтерпы[221] нас пленяли,
Как пе́рсты легкие мелькали
По очарованным ладам, —
С них звуки стройно подымались,
И в трелях чистых и густых
Они свивались, развивались —
И сердце чувствовало их!

Вот за далекими горами
Скрывается прекрасный день;
От сеней леса над водами
Волнообразными рядами
Длиннеет трепетная тень;
В реке сверкает блеск зарницы,
Пустеют хо́лмы, дол и брег;
В село въезжают вереницы
Поля покинувших телег;
Где-где залает пес домовый,
Иль ветерок зашелестит
В листах темнеющей дубровы,
Иль птица робко пролетит,

---

[220] *Жилище граций* — дом в Тригорском, где жили сестры Вульфа (Александра, Анна, Евпраксия).
[221] *Эвтерпа* (греч. миф.) — муза лирической поэзии, здесь имеется в виду пение под музыку.

Иль воз тяжелый и скрыпучий,
Усталым движимый конем,
Считая бревна колесом,
Переступает мост плавучий;
И вдруг отрывный и глухой
Промчится грохот над рекой,
Уже спокойной и дремучей, —
И вдруг замолкнет... Но вдали,
На крае неба, месяц полный
Со всех сторон заволокли
Большие облачные волны;
Вон расступились, вон сошлись,
Вон, грозно-тихие, слились
В одну громаду непогоды —
И на лазоревые своды,
Молниеносна и черна,
С востока крадется она.

Уже безмолвие лесное
Налетом ветра смущено;
Уже не мирно и темно
Реки течение ночное;
Широко зыблются на нем
Теней раскидистые чащи,
Как парус, в воздухе дрожащий,
Почти упущенный пловцом,
Когда внезапно буря встанет,
Покатит шумные струи,
Рванет крыло его ладьи
И над пучиною растянет.

Тьма потопила небеса;
Пустился дождь; гроза волнует,
Взрывает воды и леса,
Гремит, и блещет, и бушует.
Мгновенья дивные! Когда
С конца в конец по тучам бурным
Зубча́той молнии бразда
Огнем рассыплется пурпурным, —
Всё видно: цепь далеких гор
И разноцветные картины
Извивов Сороти, озер,
Села, и брега, и долины!
Вдруг тьма угрюмей и черней,
Удары громче громовые,
Шумнее, гуще и быстрей
Дождя потоки проливные.

Но завтра, в пышной тишине,
На небо ярко-голубое
Светило явится дневное
Восставить утро золотое
Грозой омытой стороне.

Придут ли дни? Увижу ль снова
Твои холмы, твои поля,
О православная земля
Священных памятников Пскова?
Твои родные красоты
Во имя муз благословляю

И верным счастьем называю
Всё, чем меня ласкала ты.

Как сладко узнику младому,
Покинув тьму и груз цепей,
Взглянуть на день, на блеск зыбей,
Пройти по брегу луговому,
Упиться воздухом полей!
Как утешительно поэту
От мира хладной суеты,
Где многочисленные в Лету[222]
Бегут надежды и мечты,
Где в сердце, музою любимом,
Порой, как пламени струя,
Густым задавленная дымом,
Страстей при шуме нестерпимом,
Слабеют силы бытия, —
В прекрасный мир, в сады природы
Себя, свободного, укрыть
И вдруг и гордо позабыть
Свои потерянные годы!

1826

Николай Языков

Чаадаеву

---

[222] *Лета* (греч. миф.) — река забвения в подземном царстве, Тартаре.

В стране, где я забыл тревоги прежних лет,
Где прах Овидиев пустынный мой сосед,[223]
Где слава для меня предмет заботы малой,
Тебя недостает душе моей усталой.
Врагу стеснительных условий и оков,
Не трудно было мне отвыкнуть от пиров,
Где праздный ум блестит, тогда как сердце дремлет,
И правду пылкую приличий хлад объемлет.
Оставя шумный круг безумцев молодых,
В изгнании моем я не жалел об них;
Вздохнув, оставил я другие заблужденья,
Врагов моих предáл проклятию забвенья,
И, сети разорвав, где бился я в плену,
Для сердца новую вкушаю тишину.
В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд, и жажду размышлений.
Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум:
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне.
Богини мира, вновь явились музы мне
И независимым досугам улыбнулись;
Цевницы брошенной уста мои коснулись;
Старинный звук меня обрадовал — и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу верную, и милые предметы,

---

[223] *Овидий* Назон (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.) — римский поэт — был сослан императором Октавианом Августом на берег Черного моря, в гор. Томы, согласно преданию — за его любовную связь с Юлией, дочерью Августа. Овидий писал в ссылке свои «Скорбные элегии» («Tristia»), обращенные к Августу, с мольбой о возвращении его в Рим. Император не отозвался на просьбы Овидия, и поэт умер в изгнании.

Пленявшие меня в младенческие леты,
В те дни, когда, еще не знаемый никем,
Не зная ни забот, ни цели, ни систем,
Я пеньем оглашал приют забав и лени
И царскосельские хранительные сени.

Но дружбы нет со мной. Печальный вижу я
Лазурь чужих небес, полдневные края;
Ни музы, ни труды, ни радости досуга —
Ничто не заменúт единственного друга.
Ты был целителем моих душевных сил;
О неизменный друг, тебе я посвятил
И краткий век, уже испытанный судьбою,
И чувства — может быть спасенные тобою!
Ты сердце знал мое во цвете юных дней;
Ты видел, как потом в волнении страстей
Я тайно изнывал, страдалец утомленный;
В минуту гибели над бездной потаенной
Ты поддержал меня недремлющей рукой;[224]
Ты другу заменил надежду и покой;
Во глубину души вникая строгим взором,
Ты оживлял ее советом иль укором;
Твой жар воспламенял к высокому любовь;
Терпенье смелое во мне рождалось вновь;
Уж голос клеветы не мог меня обидеть,
Умел я презирать, умея ненавидеть.
Что нужды было мне в торжественном суде
Холопа знатного, невежды при звезде,

[224] Речь идет о спасительном участии, проявленном Чаадаевым, когда, после сплетен, пущенных о поэте в 1820 г. Федором Толстым (будто поэта высекли в тайной канцелярии), Пушкин думал о самоубийстве.

Или философа, который в прежни лета
Развратом изумил четыре части света,[225]
Но, просветив себя, загладил свой позор:
Отвыкнул от вина и стал картежный вор?
Оратор Лужников, никем не замечаем,
Мне мало досаждал своим безвредным лаем.[226]
Мне ль было сетовать о толках шалунов,
О лепетанье дам, зоилов[227] и глупцов
И сплетней разбирать игривую затею,
Когда гордиться мог я дружбою твоею?
Благодарю богов: прешел я мрачный путь;
Печали ранние мою теснили грудь;
К печалям я привык, расчелся я с судьбою
И жизнь перенесу стоической душою.

Одно желание: останься ты со мной!
Небес я не томил молитвою другой.
О скоро ли, мой друг, настанет срок разлуки?
Когда соединим слова любви и руки?
Когда услышу я сердечный твой привет?..
Как обниму тебя! Увижу кабинет,
Где ты всегда мудрец, а иногда мечтатель
И ветреной толпы бесстрастный наблюдатель.

---

[225] Речь идет о Федоре Толстом («Американце»). Граф Федор Иванович Толстой (1782—1846) — человек «необыкновенный, преступный и привлекательный», по словам Льва Толстого (его внучатого племянника). Он был известен бесчисленными дуэлями, во время которых убил несколько человек, и нечистой игрой в карты. Участвуя в молодости в первом кругосветном плавании русских кораблей (1803—1806), возглавлявшемся Крузенштерном, Ф. Толстой за недостойное поведение был высажен командиром экспедиции в районе Алеутских островов, где и прожил несколько месяцев. Отсюда его прозвище «американец» и название «алеут», данное ему Грибоедовым в «Горе от ума»: «Ночной разбойник, дуэлист, / В Камчатку сослан был, вернулся алеутом / И крепко на руку не чист».
[226] *Оратор Лужников* — М. Т. Каченовский, подписывавший свои статьи в «Вестнике Европы»: "Лужницкий старец".
[227] *Зоил* (IV в. до н. э.) — грамматик и ритор, преследовавший мелочной критикой сочинения Гомера; нарицательное имя злобного и придирчивого критика.

Приду, приду я вновь, мой милый домосед,
С тобою вспоминать беседы прежних лет,
Младые вечера, пророческие споры,
Знакомых мертвецов живые разговоры;
Поспорим, перечтем, посудим, побраним,
Вольнолюбивые надежды оживим,
И счастлив буду я; но только, ради Бога,
Гони ты Шепинга от нашего порога.[228]

1821

Александр Пушкин

Одесса

В стране, прославленной молвою бранных дней,
Где долго небеса отрада для очей,
Где тополы шумят, синеют грозны воды, —
Сын хлада изумлен сиянием природы.
Под легкой сению вечерних облаков
Здесь упоительно дыхание садов.
Здесь ночи теплые, луной и негой полны,
На злачные брега, на сребряные волны
Сзывают юношей веселые рои...
И с пеной по морю расходятся ладьи.
Здесь — тихой осени надежда и услада —
Холмы увенчаны кистями винограда.
И девы, томные наперсницы забав,

[228] *Шеппинг* Отто Дмитриевич — кавалергардский офицер.

Потупя быстрый взор иль очи приподняв,
Равно прекрасные, сгорают наслажденьем
И душу странника томят недоуменьем.

1823

Василий Туманский (1800—1860)

Осенняя примета

Всюду грустная примета:
В серых тучах небеса,
Отцветающего лета
Равнодушная краса;
Утром холод, днем туманы,
Шум несносный желобов,
В час заката — блик багряный
Отшумевших облаков;

Ночью бури завыванье,
Иль под кровом тишины
Одинокие мечтанья,
Очарованные сны;
В поле ветер на просторе,
Крик ворон издалека,
Дома — скука, в сердце — горе,
Тайный холод и тоска.

Пору осени унылой
Сердце с трепетом зовет:

Вы мне близки, вы мне милы,
Дни осенних непогод;
Вечер сумрачный и длинный,
Мрак томительный ночей…
Увядай, мой сад пустынный,
Осыпайся поскорей.

16 августа 1856

Алексей Апухтин

* * *

Вся в лазури сегодня явилась
Предо мною царица моя,[229] —
Сердце сладким восторгом забилось,
И в лучах восходящего дня
Тихим светом душа засветилась,
А вдали, догорая, дымилось
Злое пламя земного огня.

Конец ноября 1875. Каир

Владимир Соловьев

На новый 1881 год

Вся зала ожидания полна,

---

[229] Царица, явившаяся поэту — София Премудрость.

Партер притих, сейчас начнется пьеса.
Передо мной, безмолвна и грозна,
Волнуется грядущего завеса.

Как я, бывало, взор туда вперял,
Как смутный каждый звук ловил оттуда!
Каких-то новых слов я вечно ждал,
Какого-то неслыханного чуда.

О Новый год! Теперь мне всё равно,
Несешь ли ты мне смерть и разрушенье,
Иль прежних лет мне видеть суждено
Бесцветное, тупое повторенье…

Немного грез — осколки светлых дней —
Как вихрем, он безжалостно развеет,
Еще немного отпадет друзей,
Еще немного сердце зачерствеет.

Декабрь 1880

Алексей Апухтин

На Сайме зимой[230]

Вся ты закуталась шубой пушистой,
В сне безмятежном, затихнув, лежишь.
Веет не смертью здесь воздух лучистый,

[230] *Сайма* — озеро в юго-восточной Финляндии.

Эта прозрачная, белая тишь.

В невозмутимом покое глубоком,
Нет, не напрасно тебя я искал.
Образ твой тот же пред внутренним оком,
Фея — владычица сосен и скал!

Ты непорочна, как снег за горами,
Ты многодумна, как зимняя ночь,
Вся ты в лучах, как полярное пламя,
Темного хаоса светлая дочь!

Декабрь 1894

Владимир Соловьев

Демон

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия —
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья —
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь, —
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеня,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.

Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу хладный яд.
Неистощимой клеветою
Он провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

1823

Александр Пушкин

* * *

В темноте, на треножнике ярком
Мать варила черешни вдали...
Мы с тобой отворили калитку
И по темной аллее пошли.

Шли мы розно. Прохлада ночная
Широко между нами плыла.
Я боялся, чтоб в помысле смелом
Ты меня упрекнуть не могла.

Как-то странно мы оба молчали

И странней сторонилися прочь...
Говорила за нас и дышала
Нам в лицо благовонная ночь.

1856

Афанасий Фет

Одесским друзьям
(Из деревни)

В тиши семейственной, под милою мне сенью,
Предавшись сладкому Поэзии влеченью,
Я сердцем памятным средь неги не забыл
Полуденных друзей, полуденных светил.
С отрадой мысль моя в тот край перелетает,
Где небо, как любовь, приветливо сияет,
Где вьется виноград, питомец южных стран;
Где ум и взор и слух пленяет океан,
Неумолкающий, необозримый, чудный,
То ясно-голубой, то ярко-изумрудный;
Где служба царская и служба *добрых* муз
Единомыслием скрепили наш союз.
Но я ль, мои друзья, к противуречьям склонный,
Венчанный розами в отчизне благосклонной,
Вас ныне обману притворною тоской?..
Нет! весел сердцем я, и весел голос мой.
Завидуйте певца благословенной доле:
Я мыслю и ленюсь и странствую по воле.
Ярмом мирских сует стесненная душа

Очнулась, ожила, свободою дыша,
И вдохновение в ней гордо пробудилось;
Пред ней грядущее вновь блеском озарилось;
И, обозрев, кляня мой прежний, темный путь,
Я силу чувствую на славу посягнуть.
Склониться сладостно к утехам деревенским
Тому, кто, не пристав к *несносным* сплетням женским,
К условиям невежд, к служению льстецов,
Ценя́т по-своему блаженство городов,
И, друг Природы, друг святых ее уставов,
В душе не ослеплен блестящим прахом нравов.
Здесь тишины моей ничто не возмутит:
Не завернет ко мне бродяга — езуит,
Народа русского служитель чужеземный,
Россию осквернять хвалой своей наемной;
Напева нового моих горящих струн
Приходом не прервет городовой болтун,
Как с башни колокол гласящий всенародно,
Где свадьба, где пожар, где праздник благородный.
Я здесь не осужден в кругу жеманных дам
Учтиво потакать бессмысленным речам
Иль слушать набожно премудрые их толки,
Где вместе: вера, Бог, булавки и иголки...
Я вижу вкруг себя лишь милых мне людей.
Ты здесь, мой лучший друг от юношеских дней,
Усердный гражданин, философ доброхотный,
Поклонник радости и неги беззаботной,
Сестра любимая! очам моим всегда
Ты здесь являешься, как тихая звезда,
И чистотой души мне небо открываешь.

И ты, моя любовь, и ты здесь обитаешь!
Отрада первая моих сердечных дум,
Ты свежестью ума живишь мой праздный ум,
И, как весна, мила, блистательна, как радость,
Усталых чувств моих восстановляешь младость.
О, сколько в сей тиши утех прекрасных мне!
Светило ль дня горит на яркой вышине
И, воздух раскалив, во мрак дубрав сплетенных
Прогонит пастухов, от зноя утомленных;
Иль летних вечеров полупрозрачный свет
Из хижин вызовет для песен и бесед
Толпы́ веселых дев, — мы вместе: сном отрадным
Летит наш ясный день. То внемлем ухом жадным
Свободной старины заветную скрижаль,
То, сердцем погрузясь в мечтательную даль,
В роскошном трепете и радости и муки
Мы ловим Пушкина пленительные звуки.
Порой лукавый смех, добросердечный спор
Лениво прерванный пробудят разговор,
И быстро бросится душа к предметам новым.
Когда ж, под сумраком всплывая пурпуровым,
Прохладой, тайнами ночей напоена,
На темный небосклон подымется луна
И землю усыпит волшебным усыпленьем, —
К ней очи устремив с невольным умиленьем,
В мечтах блуждаем мы над озером своим;
Глядим на бездну вод, на облака глядим, —
И мнится: в облаках мелькают перед нами
Живые образы бесплотными тенями;
И мнится: небеса, дубравы и струи —

Всё полно голоса и ласки и любви,
Как будто бы душа духовной лире внемлет
И в откровениях чудесный мир объемлет.
О други! чья приязнь, чьи теплые мольбы
Мне столько милых благ исторгли у судьбы?
Сбылись мои мечты, сбылись мои желанья,
Мой рай вокруг меня; сосуд очарованья
Я пью — и, прослезясь, взываю к небесам:
«Как жертва чистая да вознесется к вам
В сих радостных слезах певца благодаренье;
Вы ниспослали мне и мир и наслажденье, —
Хвала вам! но еще дерзаю вас молить —
Пошлите силу мне ваш дивный дар хранить».

Июнь 1826. Ярославец

Василий Туманский

Гроза

В тяжелом воздухе соткалась мгла густая;
Взмахнул крылами ветр; зубчатой бороздой
Просеклась молния; завыла хлябь морская;
Лес ощетинился; расселся дуб седой.

Как хохот сатаны, несется, замирая,
Громов глухой раскат; — и снова над землей
Небесный пляшет огнь, по ребрам туч мелькая,
И грозно вдруг сверкнет изломанной чертой.

Смутилась чернь земли и мчится под затворы...
Бегите! этот блеск лишь для очей орла...
Творенья робкие, спешите в ваши норы!

Кто ж там — на гребне скал? Стопа его смела;
Открыта грудь его; стремятся к небу взоры,
И молния — венец вокруг его чела!

1936

Владимир Бенедиктов

* * *

М. Д. Жедринской[231]

В уютном уголке сидели мы вдвоем,
В открытое окно впивались наши очи,
И, напрягая слух, в безмолвии ночном
Чего-то ждали мы от этой тихой ночи.

Звон колокольчика нам чудился порой,
Пугал нас лай собак, тревожил листьев шорох…
О, сколько нежности и жалости немой,
Не тратя лишних слов, читали мы во взорах!

И сколько, сколько раз, сквозь сумрак новых лет,

---

[231] *Жедринская* Мария Дмитриевна — жена А. Н. Жедринского, бывшего в 1866—1881 гг. курским губернатором. Апухтин сблизился с семьей Жедринских, особенно с их сыновьями Владимиром и Александром. После смерти своих родителей и раздела имущества с братьями поэт перестал бывать в родном селе Павлодар и в конце 1870-х- начале 1880-х гг. часто проводил лето в имении Жедринских Рыбница, Орловской губ.

Светиться будет мне тот уголок уютный,
И ночи тишина, и яркий лампы свет,
И сердца чуткого обман ежеминутный!

24 августа 1874

Алексей Апухтин

* * *

В час безмолвного заката
Об ушедших вспомяни ты, —
Не погибло без возврата,
Что с любовью пережито.

Пусть синеющим туманом
Ночь на землю наступает —
Не страшна ночная тьма нам:
Сердце день грядущий знает.

Новой славою Господней
Озарится свод небесный,
И дойдет до преисподней
Светлый благовест воскресный.

1892

Владимир Соловьев

* * *

В час томительного бденья,
В ночь бессонного страданья
За тебя мои моленья,
О тебе мои страданья!

Всё твои сияют очи
Мне таинственным приветом,
Если звезды зимней ночи
Светят в окна ярким светом.
Тесно связанный с тобою,
Возникает мир бывалый,
Вновь таинственной мечтою
Он звучит душе усталой.
Вереницей ряд видений
Призван к жизни странной властью:
Неотвязчивые тени
С неотвязчивою страстью!

Пред душевными очами
Вновь развернут свиток длинный…
Вот с веселыми жильцами
Старый дом в глуши пустынной,
Вот опять большая зала
Пред моим воспоминаньем,
Облита́я, как бывало,
Бледных сумерек мерцаньем;
И старик, на спинку кресел
Головой склонясь седою,
О бывалом, тих и весел,

Говорит опять со мною;
Скорой смерти приближенье
Он встречает беззаботно.
От него и поученье
Принимаешь так охотно!

И у ног его склоняся,
Вся полна мечты случайной,
Ты впервые отдалася
Грез волшебных силе тайной,
Бледных сумерек мерцанью
Простодушно доверяясь,
Подчинилась обаянью,
Не лукавя, не пугаясь,
Ты мне долго смотришь в очи,
Смотришь кротко и приветно,
Позабыв, что лунной ночи
Свет подкрался незаметно,
Что в подобные мгновенья
Ясно всё без разговора,
Что таится преступленье
Здесь в одном обмене взора.

О ребенок! ты не знала,
Что одним приветным взглядом
Ты навеки отравляла
Жизнь чужую сладким ядом.

Так меня воспоминанья
В ночь бессонную терзают,

И тебя мои стенанья
Снова тщетно призывают,
И тебя, мой ангел света,
Озарить молю я снова
Грустный путь лучом привета,
Звуком ласкового слова…

Но мольбы и стоны тщетны:
С неба синего сверкая,
Звезды хладно-безответны,
Безответна ночь глухая.
Только сердце страшно ноет,
Вызывая к жизни тени,
Да собака дико воет,
Чуя близость привидений.

1857

Аполлон Григорьев (1822—1864)

Памяти Нептуна[232]

В часы бессонницы, под тяжким гнетом горя,
Я вспомнил о тебе, возница верный мой,
Нептуном прозванный за сходство с богом моря…
Двенадцать целых лет, в мороз, и в дождь, и в зной,
Ты всё меня возил, усталости не зная,
И ночи целые, покуда жизнь я жег,

[232] Кучер Василий. (Примеч. Апухтина.)

Нередко ждал меня, на козлах засыпая…
Ты думал ли о чем? Про это знает Бог,
Но по чертам твоим не мог я догадаться,
Ты всё молчал, молчал и, помню, только раз
Сквозь зубы проворчал, не поднимая глаз:
«Что убиваетесь? Не нужно убиваться…»
Зачем же в эту ночь, чрез много, много лет,
Мне вспомнился простой, нехитрый твой совет
И снова я ему обрадован, как другу?

Томился часто ты по родине своей,
И «на побывку» ты отправился в Калугу,
Но побыл там, увы! недолго: десять дней.
Лета ли подошли, недугом ли сраженный,
Внучат и сыновей толпою окруженный,
Переселился ты в иной, безвестный свет.
Хоть лучшим миром он зовется безрассудно,
Но в том, по-моему, еще заслуги нет:
Быть лучше нашего ему весьма не трудно.
Мир праху твоему, покой твоим костям.
Земля толпы людской теплее и приветней.
Но жаль, что, изменив привычке многолетней,
Ты не отвез меня туда, где скрылся сам.

1883

Алексей Апухтин

Как шумят мои липы

В часы ли отрады иль горя
Люблю навещать я мой сад.
Там старые липы, мне вторя,
Сочувственным звуком шумят.

Сижу ли я утром в аллее,
Погоде сияющей рад, —
И липы мои веселее
Как будто мне сверху шумят.

Духовным ли взором порою,
Грустя, оглянусь я назад, —
Возросшие вместе со мною
И липы так грустно шумят.

Под вечер предамся ли думам, —
Очнувшись, я слышу: мне в лад
Каким-то таинственным шумом
Задумчиво липы шумят;

Спасибо им! Нынешним летом
Мне, целыми днями подряд,
Всё добрым, радушным приветом
Родимые липы шумят.

Когда же на крае равнины
Свершается солнца закат, —
Молитву прошепчут вершины
И в алой заре замолчат.

21 августа 1888. Павловка

Алексей Жемчужников

Бессонница[233]

В часы отрадной тишины
Не знают сна печальны очи;
И призрак милой старины
Теснится в грудь со мраком ночи;

И живы в памяти моей
Веселье, слезы юных дней,
Вся прелесть, ложь любовных снов,
И тайных встреч, и нежных слов,
И те красы, которых цвет
Убит грозой — и здесь уж нет!
И сколько радостных сердец
Блаженству видели конец!

Так прежнее ночной порою
Мою волнует грудь,
И думы, сжатые тоскою,
Мешают мне уснуть.
Смотрю ли вдаль — одни печали;
Смотрю ль кругом — моих друзей,
Как желтый лист осенних дней,
Метели бурные умчали.

---

[233] Вольный перевод стихотворения Томаса Мура “Oft, in the stilly night...”.

Мне мнится: с пасмурным челом
Хожу в покое я пустом,
В котором прежде я бывал,
Где я веселый пировал;
Но уж огни погашены,
Гирлянды сняты со стены,
Давно разъехались друзья,
И в нем один остался я.

И прежнее ночной порою
Мою волнует грудь,
И думы, сжатые тоскою,
Мешают мне уснуть!

22 января 1827

Иван Козлов

Элегия

(Вольное подражание Св. Григорию Назианзину)[234]

Князю А. И. Голицыну[235]

Вчера в лесу я, грустью увлечен,
Сидел один и сердцем сокрушен.
Когда мой дух волнуется тоской,
Отрадно мне беседовать с душой.

---

[234] *Св. Григорий Назианзин* (328—390) — архиепископ константинопольский, богослов, публицист и поэт.
[235] *Голицын* Александр Николаевич (1773—1844) — министр духовных дел и народного просвещения при Александре I.

Везде кругом дремала тишина.
Мне веяла душистая весна;
Едва журчал ленивый ручеек,
И на цветах улегся мотылек;
Хор нежный птиц, вечерний пламень дня
И запах трав лелеяли меня.
Но я на всё без радости смотрел, —
Развеселить я горя не хотел;
В смятеньи дум не тягостна печаль,
Расстаться с ней душе как будто жаль.
Мой дух кипел, я спрашивал себя:
Что я теперь? что был? чем буду я? —
Не знаю сам, и знать надежды нет.
И где мудрец, кто б мог мне дать ответ?
В какой-то тме, без цели я лечу,
И тени нет того, чего хочу.
Мятежных чувств губительный обман
Вкруг падших нас бросает свой туман, —
И я кружусь, обманут ложным сном,
В дыму сует, как в облаке густом.
Как от меня далек вчерашний день!
Промчался он — я с ним пропал, как тень…
И если мне еще до утра жить,
Кто скажет, где и чем и как мне быть? —
Уже тех волн мы в море не найдем,
Которые в нем раз переплывем...
И человек, лишь мы расстались с ним,
Не тем, чем был, но встретит нас иным...

И разум мой сомненье облегло;

Лета сребрят усталое чело.
А знаю ль я, зачем рожден на свет?
Что жизнь моя? — Те дни, которых нет...
Как бурный ток, пролетная вода,
Теку — стремлюсь — исчезну навсегда.
Удел мой — гроб; сегодня — человек,
А завтра — прах. Ужели прах навек?
Иль в смерти жизнь нам новая дана?
Надежда льстит, но тайна мне страшна.

О! кто же ты, бессмертием дыша,
Откуда ты, нетленная душа?
Ты божество являешь мне в себе;
Откинь порок — и верю я тебе.
Кто чистый дух мог в тело заключить?
Кто мертвеца велел тебе носить? —
Я сын греха — и Божий образ я!
Сними же цепь, влекущую меня;
Услышать дай таинственный привет;
Но тма теперь, — а завтра будет свет,
И будешь ты сгораема огнем
Иль в небесах пред Богом и Отцом, —
И там сама, как ангел чистоты,
Увидишь всё, и всё узнаешь ты...

Я так мечтал, — и вдруг мой страх исчез.
Настала ночь, и я оставил лес;
И на пути в приют укромный мой
То сам себе над здешней суетой
Смеялся я, то вновь смущал мой ум

Минувший мрак его тревожных дум.

1830

Иван Козлов

Настоящее

6 апреля 1825

Вчера гуляла непогода,
Сегодня то же, что вчера, —
И я от утра до утра
Уныл и мрачен, как природа.
Не то, не то в душе моей
Что восхитительно и мило,
Что сердце юноше сулило
Для головы и для очей:
Болезнь встревоженного духа
Мне дум высоких не дает,
И, как сибирская пищуха,[236]
Моя поэзия поет.

Николай Языков

* * *

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;[237]

---

[236] *Сибирская пищуха* — лесная птица, известна также под названием пищухи-сверчка.
[237] Сенная площадь в Санкт-Петербурге.

Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

1848

Николай Некрасов

Птичка[238]

Вчера я растворил темницу
Воздушной пленницы моей:
Я рощам возвратил певицу,
Я возвратил свободу ей.
Она исчезла, утопая
В сияньи голубого дня,
И так запела, улетая,
Как бы молилась за меня.

1827

Федор Туманский (1799—1853)

[238] См. также стихотворение Пушкина «Птичка» (и комментарий к нему), написанное в порядке поэтического состязания.

Птичка[239]

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

Я стал доступен утешенью;
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

1823

Александр Пушкин

Веселый час

Вы, други, вы опять со мною
Под тенью то́полей густою,
С златыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах!

Други! сядьте и внемлите
Музы ласковой совет.
Вы счастливо жить хотите
На заре весенних лет?

[239] Посылая стихи Н. И. Гнедичу, поэт писал ему 13 мая 1823 г.: «Знаете ли вы трогательный обычай русского мужика в Светлое Воскресенье выпускать на волю птичку? вот вам стихи на это». Светлое Воскресенье — праздник Пасхи.

Отгоните призрак славы!
Для веселья и забавы
Сейте розы на пути;
Скажем юности: лети!
Жизнью дай лишь насладиться,
Полной чашей радость пить:
Ах, не долго веселиться
И не веки в счастье жить!

Но вы, о други, вы со мною
Под тенью тополей густою,
С златыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах.

Станем, други, наслаждаться,
Станем розами венчаться;
Лиза! сладко пить с тобой,
С нимфой[240] резвой и живой!
Ах! обнимемся руками,
Съединим уста с устами,
Души в пламени сольем;
То воскреснем, то умрем!..

Вы ль, други милые, со мною,
Под тенью тополей густою,
С златыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах?

---

[240] *Нимфы* (греч. миф.) — божества, олицетворяющие силы и явления природы.

Я, любовью упоенный,
Вас забыл, мои друзья,
Как сквозь облак вижу темный
Чаши золотой края!..
Лиза розою пылает,
Грудь любовию полна;
Улыбаясь, наливает
Чашу светлого вина.
Мы потопим горесть нашу,
Други! в эту полну чашу,
Выпьем разом и до дна
Море светлого вина!

Друзья! уж месяц над рекою,
Почили рощи сладким сном;
Но нам ли здесь искать покою
С любовью, с дружбой и вином?
О радость! радость! Вакх веселый[241]
Толпу утех сзывает к нам;
А тут в одежде легкой, белой
Эрато[242] гимн поет друзьям:
«Часы крылаты! не летите,
И счастье мигом хоть продлите!»
Увы! бегут счастливы дни,
Бегут, летят стрелой они!
Ни лень, ни счастья наслажденья
Не могут их сдержать стремленья,
И время, сильною рукой,

[241] *Вакх* («шумный») — Дионис, бог вина и веселья, покровитель виноградарства и виноделия (греч. миф).
[242] *Эрато* — муза любовной поэзии (греч. миф.).

Погубит радость и покой.
Луга веселые, зелены,
Ручьи кристальные и сад,
Где мшисты дубы, древни клены
Сплетают вечну тень прохлад, —
Ужель вас зреть не буду боле?
Ужели там, на ратном поле,
Судил мне рок сном вечным спать?
Свирель и чаша золотая
Там будут в прахе истлевать;
Покроет их трава густая,
Покроет, и ничьей слезой
Забвенный прах не окропится...
Заране должно ли крушиться?
Умру, и всё умрет со мной!..
Но вы еще, друзья, со мною
Под тенью тополей густою,
С златыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах.

Между началом 1806 и февралем 1810

Константин Батюшков

* * *

Выду я на реченьку,
Погляжу на быструю —
Унеси ты мое горе,
Быстра реченька, с собой!

Нет, унесть с собой не можешь
Лютой горести моей;
Разве грусть мою умножишь,
Разве пищу дашь ты ей.

За струей струя катится
По склоненью твоему;
Мысль за мыслью так стремится
Всё к предмету одному.

Ноет сердце, изнывает,
Страсть мучительну тая.
Кем страдаю, тот не знает,
Терпит что́ душа моя.

Чем же злую грусть рассею,
Сердце успокою чем? —
Не хочу и не умею
В сердце быть властна моем.

Милый мой им обладает;
Взгляд его — мой весь закон.
Томный дух пусть век страдает,
Лишь бы мил всегда был он.

Лучше век в тоске пребуду,
Чем его мне позабыть.
Ах! коль милого забуду,
Кем же стану, кем же жить?

Каждое души движенье —
Жертва другу моему.
Сердца каждое биенье
Посвящаю я ему.

Ты, кого не называю,
А в душе всегда ношу!
Ты, кем вижу, кем внимаю,
Кем я мышлю — кем дышу!

Не почувствуй ты досады,
Как дойдет мой стон к тебе.
Я за страсть не жду награды,
Злой покорствуя судьбе.

Если ж то найдешь возможным,
Силу чувств моих измерь,
Словом ласковым, хоть ложным,
Ад души моей умерь.

1796

Юрий Нелединский-Мелецкий (1752—1828)

Постояльцы

«Вы снимайте запор,
Отворяйте нам двор;
Мы пришли к вам, семьей, постояльцы.

Мы незримы для глаз,
Не ощупают нас,
Прикоснувшись, пытливые пальцы.
Не питье, не еда
Нам ваш хлеб и вода, —
Небольшое нам дайте местечко:
Не пиры нам рядить,
Будем смирно мы жить
В уголку, притаившись за печкой...
Мы беды не творим,
Но подчас пошалим:
Завизжим, замяукаем кошкой,
Зазвеним сковродой;
То старик с бородой
Постучится к вам ночью в окошко.
Но зато от воды,
От огня, от беды
Мы спасем, хоть гори всё пожаром;
Облегчим вам труды,
И к ответу в суды
Не потянут приказные[243] даром.
Отворяйте ж нам двор
И снимайте запор...» —
Так просились во двор постояльцы;
Василиса встает
И к воротам идет
И, слагая с молитвою пальцы,
Оградилась крестом...

---

[243] *Приказ* — учреждение. *Приказный* — служащий в учреждении.

Тихо в поле пустом,
Только даль огласилася смехом;
Ночь светла и тиха,
Но в кустах: «Ха! ха! ха!»
Раздавалось и вторилось эхом...

1834

Федор Глинка (1786—1880)

Монастырь на Казбеке[244]

Высоко над семьею гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.

Далекий, вожделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!..

1829

Александр Пушкин

---

[244] Монастырь, описанный и в главе V «Путешествия в Арзрум», — старинная церковь Цминда Самеба.

* * *

1

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

2

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

3

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

4

Но не тем холодным сном могилы…
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,

Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;

5

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Темный дуб склонялся и шумел.

1841

Михаил Лермонтов

* * *

Где сладкий шепот
Моих лесов?
Потоков ропот,
Цветы лугов?
Деревья голы;
Ковер зимы
Покрыл холмы,
Луга и долы.
Под ледяной
Своей корой
Ручей немеет;
Всё цепенеет,
Лишь ветер злой,
Бушуя, воет
И небо кроет

Седою мглой.

Зачем, тоскуя,
В окно слежу я
Метели лёт?
Любимцу счастья
Кров от ненастья
Оно дает.
Огонь трескучий
В моей печи;
Его лучи
И пыл летучий
Мне веселят
Беспечный взгляд.
В тиши мечтаю
Перед живой
Его игрой,
И забываю
Я бури вой.

О Провиденье,
Благодаренье!
Забуду я
И дуновенье
Бурь бытия.
Скорбя душою,
В тоске моей,
Склонюсь главою
На сердце к ней,
И под мятежной

Метелью бед,
Любовью нежной
Ее согрет,
Забуду вскоре
Крутое горе,
Как в этот миг
Забыл природы
Гробовый лик
И непогоды
Мятежный крик.

1831

Евгений Боратынский

* * *

Где только есть земля, в которой нас зароют,
Где в небе облака свои узоры ткут,
В свой час цветет весна, зимою вьюги воют,
И отдых сладостный сменяет тяжкий труд.

Там есть картины, мысль, мечтанье, наслажденье,
И если жизни строй и злобен, и суров,
То всё же можно жить, исполнить назначенье;
А где же нет земли, весны и облаков?

Но если к этому прибавить то, что было,
Мечты счастливые и встречи прежних лет,
Как, друг за дружкою, то шло, то проходило,

Такая-то жила, такой-то не был сед;

Как с однолетками мы время коротали,
Как жизни смысл и цель казалися ясней, —
Вы вновь слагаетесь, разбитые скрижали
Полузабывшихся, но не пропавших дней.

Константин Случевский

На смерть князя Мещерского[245]

Глагол времен! металла звон![246]
Твой страшный глас меня смущает;
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет — и к гробу приближает.
Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежещет,
Как молнией, косою блещет
И дни мои, как злак, сечет.

Ничто от роковых кохтей,
Никая тварь не убегает;
Монарх и узник — снедь червей,
Гробницы злость стихий снедает;
Зияет время славу стерть:
Как в море льются быстры воды,

[245] Стихотворение было вызвано известием о смерти одного из близких знакомых Державина, князя Александра Ивановича Мещерского (известного богача, любившего давать пышные пиры), и адресовано к общему их приятелю, Степану Васильевичу Перфильеву (1734—1793) — генерал-майору, одному из воспитателей великого князя, будущего императора Павла I.
[246] Т. е. бой часов, олицетворяющий неизбежный ход времени.

Так в вечность льются дни и годы;
Глотает царства алчна смерть.

Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся;
Приемлем с жизнью смерть свою,
На то, чтоб умереть, родимся.
Без жалости всё смерть разит:
И звезды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всем мирам она грозит.

Не мнит лишь смертный умирать
И быть себя он вечным чает;
Приходит смерть к нему, как тать,[247]
И жизнь внезапу похищает.
Увы! где меньше страха нам,
Там может смерть постичь скорее;
Ее и громы не быстрее
Слетают к гордым вышинам.

Сын роскоши, прохлад и нег,
Куда, Мещерской! ты сокрылся?
Оставил ты сей жизни брег,
К брегам ты мертвых удалился;
Здесь персть твоя, а духа нет.
Где ж он? — Он там. — Где там? — Не знаем.

---

[247] *Тать* — вор, разбойник.

Мы только плачем и взываем:
«О, горе нам, рожденным в свет!»

Утехи, радость и любовь
Где купно с здравием блистали,
У всех там цепенеет кровь
И дух мятется от печали.
Где стол был яств, там гроб стоит;
Где пиршеств раздавались лики,[248]
Надгробные там воют клики,
И бледна смерть на всех глядит.

Глядит на всех — и на царей,
Кому в державу тесны миры;
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и сребре кумиры;
Глядит на прелесть и красы,
Глядит на разум возвышéнный,
Глядит на силы дерзновенны
И точит лезвие косы.

Смерть, трепет естества и страх!
Мы — гордость с бедностью совместна;
Сегодня бог, а завтра прах;
Сегодня льстит надежда лестна,
А завтра — где ты, человек?
Едва часы протечь успели,

---

[248] *Лик (лики)* — здесь имеет значение: «хор певцов».

Хаóса в бездну улетели,
И весь, как сон, прошел твой век.

Как сон, как сладкая мечта,
Исчезла и моя уж младость;
Не сильно нежит красота,
Не столько восхищает радость,
Не столько легкомыслен ум,
Не столько я благополучен;
Желанием честей размучен,
Зовет, я слышу, славы шум.

Но так и мужество пройдет
И вместе к славе с ним стремленье;
Богатств стяжание минет,
И в сердце всех страстей волненье
Прейдет, прейдет в чреду свою.
Подите счастьи прочь возможны,
Вы все пременны здесь и ложны:
Я в дверях вечности стою.

Сей день иль завтра умереть,
Перфильев! должно нам конечно, —
Почто ж терзаться и скорбеть,
Что смертный друг твой жил не вечно?
Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.

1779

Гаврила Державин

Одиночество

Глубокая в доме царит тишина,
И кра́дется время шагами нескорыми.
Пред снежной пустыней стою у окна;
Смотрю через мерзлые стекла с узорами.

Близ дома: сугробы метель намела;
Деревья покрыты пылинками инея;
Вдали — непроглядная белая мгла;
Меж небом и долом стушевана линия.

Безмолвны долины, безмолвны холмы;
Как будто объяла их дума угрюмая...
И я — перед грустной картиной зимы —
Безмолвно стою, вспоминая и думая.

30 ноября 1890. Павловка

Алексей Жемчужников

Скульптор

Глубокий взор вперив на камень,
Художник нимфу в нем прозрел,

И пробежал по жилам пламень,
И к ней он сердцем полетел.

Но, бесконечно вожделенный,
Уже он властвует собой:
Неторопливый, постепенный
Резец с богини сокровенной
Кору снимает за корой.

В заботе сладостно-туманной
Не час, не день, не год уйдет,
А с предугаданной, с желанной
Покров последний не падет,

Покуда, страсть уразумея
Под лаской вкрадчивой резца,
Ответным взором Галатея
Не увлечет, желаньем рдея,
К победе неги мудреца.[249]

1841

Евгений Боратынский

Дорога

Глухая степь — дорога далека,
Вокруг меня волнует ветер поле,

[249] Имеется в виду греческий миф о статуе морской нимфы Галатеи, изваянной скульптором Пигмалионом, ожившей и ставшей его возлюбленной.

Вдали туман — мне грустно поневоле,
И тайная берет меня тоска.

Как кони ни бегут — мне кажется, лениво
Они бегут. В глазах одно и то ж —
Всё степь да степь, за нивой снова нива.
— Зачем, ямщик, ты песни не поешь?

И мне в ответ ямщик мой бородатый:
— Про черный день мы песню бережем.
— Чему ж ты рад? — Недалеко до хаты —
Знакомый шест мелькает за бугром.

И вижу я: навстречу деревушка,
Соломой крыт стоит крестьянский двор,
Стоят скирды. — Знакомая лачужка,
Жива ль она, здорова ли с тех пор?

Вот крытый двор. Покой, привет и ужин
Найдет ямщик под кровлею своей.
А я устал — покой давно мне нужен;
Но нет его... Меняют лошадей.

Ну-ну, живей! Долга моя дорога —
Сырая ночь — ни хаты, ни огня —
Ямщик поет — в душе опять тревога —
Про черный день нет песни у меня.

1842

Яков Полонский

* * *

Глядел я, стоя над Невой,
Как Исаака-великана
Во мгле морозного тумана
Светился купол золотой.[250]

Всходили робко облака
На небо зимнее, ночное,
Белела в мертвенном покое
Оледенелая река.

Я вспомнил, грустно-молчалив,
Как в тех странах, где солнце греет,
Теперь на солнце пламенеет
Роскошный Генуи залив...

О Север, Север-чародей,
Иль я тобою околдован?
Иль в самом деле я прикован
К гранитной полосе твоей?

О, если б мимолетный дух,
Во мгле вечерней тихо вея,
Меня унес скорей, скорее
Туда, туда, на теплый Юг...[251]

---

[250] Исаакиевский собор в Санкт-Петербурге.
[251] Первое стихотворение, написанное Тютчевым по окончательном переезде из-за границы в Петербург.

21 ноября 1844

Федор Тютчев

* * *

Глянь, как тускло и бесплодно
Солнце осени глядит,
Как печально дождь холодный
Каплет, каплет на гранит.

Так без счастья, без свободы,
Увядая день за днем,
Скучно длятся наши годы
В ожидании тупом.

Если б страсть хоть на мгновенье
Отуманила глаза,
Если б вечер наслажденья,
Если б долгая гроза!

Бьются ровно наши груди,
Одиноки вечера...
Что за небо, что за люди,
Что за скучная пора!?

19 октября 1858

Алексей Апухтин

Канарейка

Говорит султанша канарейке:
«Птичка! Лучше в тереме высоком
Щебетать и песни петь Зюлейке,[252]
Чем порхать на Западе далеком?
Спой же мне про за-море, певичка,
Спой же мне про Запад, непоседка!
Есть ли там такое небо, птичка,
Есть ли там такой гарем и клетка?
У кого там столько роз бывало?
У кого из шахов есть Зюлейка —
И поднять ли так ей покрывало?»

Ей в ответ щебечет канарейка:
«Не проси с меня заморских песен,
Не буди тоски моей без нужды:
Твой гарем по нашим песням тесен,
И слова их одалыкам чужды...[253]
Ты в ленивой дреме расцветала,
Как и вся кругом тебя природа,
И не знаешь — даже не слыхала,
Что у песни есть сестра — свобода».

1859

---

[252] *Зюлейка* — героиня восточных поэм Байрона.
[253] *Одалык* — прислужница в гареме (от турецк. «ода́» — комната).

Лев Мей (1822—1862)

* * *

Голубенький, чистый
Подснежник-цветок!
А подле сквозистый,
Последний снежок...
Последние слезы
О горе былом
И первые грезы
О счастьи ином...

1857

Аполлон Майков

Из Гёте[254]

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

[254] Является вольным переводом стихотворения Гёте «Über allen Gipfeln» («Над всеми вершинами»).

1840

Михаил Лермонтов

* * *[255]

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит —
Всё же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьется локон золотой.

1828

Александр Пушкин

Участь русских поэтов

Горька судьба поэтов всех племен;
Тяжеле всех судьба казнит Россию:
Для славы и Рылеев был рожден;
Но юноша в свободу был влюблен...
Стянула пе́тля дерзостную выю.[256]

---

[255] Обращено к Олениной. Написано осенью перед отъездом в Михайловское. Оленина записала в своем дневнике о вечере 5 сентября 1828 г.: «Прощаясь, Пушкин мне сказал, что он должен уехать в свое имение, если, впрочем, у него хватит духу, — прибавил он с чувством».
[256] *Выя* — шея.

Не он один; другие вслед ему,
Прекрасной обольщенные мечтою,
Пожалися годиной роковою...
Бог дал огонь их сердцу, свет уму,
Да! чувства в них восторженны и пылки, —
Что ж? их бросают в черную тюрьму,
Морят морозом безнадежной ссылки...

Или болезнь наводит ночь и мглу[257]
На очи прозорливцев вдохновенных;
Или рука любовников презренных
Шлет пулю их священному челу;[258]

Или же бунт поднимет чернь глухую,[259]
И чернь того на части разорвет,
Чей блещущий перунами полет
Сияньем о́блил бы страну родную.

28 октября 1845 года

Вильгельм Кюхельбекер (1797—1846)

* * *

Горько надоел я всем,

---

[257] В 1845 г. Кюхельбекер ослеп.
[258] Речь идет о гибели Пушкина.
[259] Имеется в виду А. С. Грибоедов, трагически убитый в 1829 г. в Тегеране разъяренной толпой, исполненной ненависти к России (из-за заключенного между Россией и Персией договора, приведшего к обеднению многих иранцев).

Самому себе и прочим:
Перестать бы жить совсем!
Мы о чем же здесь хлопочем?
Ждешь чего-то впереди...
Впереди ж всё хуже, хуже;
Путь грязней, тяжеле, уже —
Ты же всё вперед иди!
То ли дело лоно гроба!
Там безмолвно и темно,
Там молчат мечты и злоба:
В гроб убраться бы давно!

13 апреля 1846, Тобольск

Вильгельм Кюхельбекер

* * *

Горячий день. Мой конь проворно
Идет над мягкой пахотой;
Белеют брошенные зерна,
Еще не скрытые землей.

Прилежной кинуты рукою,
Как блестки в пахотной пыли,
Где в одиночку, где семьею,
Они узором полегли...

Я возвращаюсь ночью бором;
Вверху знакомый взору вид:

Что зерна звезды! Их узором
Вся глубь небесная горит...

Константин Случевский

Успокоение

Гроза прошла — еще курясь, лежал
Высокий дуб, перунами сраженный,[260]
И сизый дым с ветвей его бежал
По зелени, грозою освеженной.
А уж давно, звучнее и полней,
Пернатых песнь по роще раздалася
И радуга концом дуги своей
В зеленые вершины уперлася.

1829

Федор Тютчев

Буря

Громадные тучи нависли широко
Над морем и скрыли блистательный день.
И в синюю бездну спустилась глубоко
И в ней улеглася тяжелая тень;
Но бездна морская уже негодует,
Ей хочется света и ропщет она,

---

[260] *Перун* — балтийское и славянское божество грома и молнии. Здесь — молния.

И скоро, могучая, встанет грозна,
Пространно и громко она забушует.

Великую силу уже подымая,
Полки она строит из водных громад;
И вал-великан, головою качая,
Становится в ряд, и ряды говорят;
И вот, свои смуглые лица нахмуря
И белые гребни колебля, они
Идут. В черных тучах блеснули огни,
И гром загудел. Начинается буря.

15 декабря 1839, Ницца приморская, предместье Мраморного креста

Николай Языков

Качка в бурю

Посв. М. Л. Михайлову

Гром и шум. Корабль качает;
Море темное кипит;
Ветер парус обрывает
    И в снастях свистит.

Помрачился свод небесный,
И, вверяясь кораблю,
Я дремлю в каюте тесной...
    Закачало — сплю.

Вижу я во сне: качает

Няня колыбель мою
И тихонько запевает —
«Баюшки-баю!»

Свет лампады на подушках;
На гардинах свет луны...
О каких-то всё игрушках
Золотые сны.

Просыпаюсь... Что случилось?
Что такое? Новый шквал? —
«Плохо — стеньга обломилась,
Рулевой упал».

Что же делать? что могу я?
И, вверяясь кораблю,
Вновь я лег и вновь дремлю я...
Закачало — сплю.

Снится мне: я свеж и молод,
Я влюблен, мечты кипят...
От зари роскошный холод
Проникает в сад.

Скоро ночь — темнеют ели...
Слышу ласково-живой,
Тихий лепет: «На качели
Сядем, милый мой!»

Стан ее полувоздушный

Обвила моя рука,
И качается послушно
Зыбкая доска...

Просыпаюсь... Что случилось? —
«Руль оторван; через нос
Вдоль волна перекатилась,
Унесен матрос!»

Что же делать? Будь что будет!
В руки Бога отдаюсь:
Если смерть меня разбудит —
Я не здесь проснусь.

Пароход «Тамань». Сентябрь 1850

Яков Полонский

Дума

Грустно ветер веет.
Небосклон чернеет,
И луна не смеет
Выглянуть из туч;
И сижу одна я,
Мгла кругом густая,
И не утихая
Дождь шумит, как ключ.

И в душе уныло

Онемела сила,
Грудь тоска стеснила,
И сдается мне,
Будто всё напрасно,
Что мы просим страстно,
Что, мелькая ясно,
Манит нас во сне.

Будто средь волнений
Буйных поколений
Чистых побуждений
Не созреет плод;
Будто всё святое
В сердце молодое,
Как на дно морское,
Даром упадет!

Август 1840

Каролина Павлова

На возвратном пути

1

Грустный вид и грустный час —
Дальний путь торопит нас...
Вот, как призрак гробовой,
Месяц встал — и из тумана
Осветил безлюдный край...

Путь далек — не унывай...

Ах, и в этот самый час,
Там, где нет теперь уж нас,
Тот же месяц, но живой,
Дышит в зеркале Лемана…[261]
Чудный вид и чудный край —
Путь далек — не вспоминай...[262]

2

Родной ландшафт... Под дымчатым навесом
Огромной тучи снеговой
Синеет даль — с ее угрюмым лесом,
Окутанным осенней мглой...
Всё голо так — и пусто-необъятно
В однообразии немом...
Местами лишь просвечивают пятна
Стоячих вод, покрытых первым льдом.

Ни звуков здесь, ни красок, ни движенья —
Жизнь отошла — и, покорясь судьбе,
В каком-то забытьи изнеможенья,
Здесь человек лишь снится сам себе.
Как свет дневной, его тускнеют взоры,
Не верит он, хоть видел их вчера,
Что есть края, где радужные горы
В лазурные глядятся озера...

---

[261] *Леман* — Женевское озеро.
[262] Написано по дороге из Кёнигсберга в Петербург.

Конец октября 1859

Федор Тютчев

Весенний вечер

Гуляют тучи золотые
Над отдыхающей землей;
Поля просторные, немые
Блестят, облитые росой;
Ручей журчит во мгле долины,
Вдали гремит весенний гром,
Ленивый ветр в листах осины
Трепещет пойманным крылом.

Молчит и млеет лес высокий,
Зеленый, темный лес молчит,
Лишь иногда в тени глубокой
Бессонный лист прошелестит.
Звезда дрожит в огнях заката,
Любви прекрасная звезда,
А на душе легко и свято,
Легко, как в детские года.

1843

Иван Тургенев (1818—1883)

Разлука

Гусар, на саблю опираясь,
В глубокой горести стоял;
Надолго с милой разлучаясь,
Вздыхая, он сказал:

«Не плачь, красавица! Слезами
Кручине злой не пособить!
Клянуся честью и усами
Любви не изменить!

Любви непобедима сила!
Она мой верный щит в войне;
Булат в руке, а в сердце Лила, —
Чего страшиться мне?

Не плачь, красавица! Слезами
Кручине злой не пособить!
А если изменю... усами
Клянусь наказан быть!

Тогда мой верный конь споткнися,
Летя во вражий стан стрелой;
Уздечка браная порвися
И стремя под ногой!

Пускай булат в руке с размаха
Изломится, как прут гнилой,
И я, бледнея весь от страха,

Явлюсь перед тобой!»

Но верный конь не спотыкался
Под нашим всадником лихим;
Булат в боях не изломался —
И честь гусара с ним!

А он забыл любовь и слезы
Своей пастушки дорогой
И рвал в чужбине счастья розы
С красавицей другой.

Но что же сделала пастушка?
Другому сердце отдала.
Любовь красавицам игрушка,
А клятвы их — слова!

Всё здесь, друзья! изменой дышит,
Теперь нет верности нигде!
Амур, смеясь, все клятвы пишет
Стрелою на воде.

Между сентябрем 1812 и январем 1813

Константин Батюшков

Узник

Густая крапива
Шумит под окном,

Зеленая ива
Повисла шатром;

Веселые лодки
В дали голубой;
Железо решетки
Визжит под пилой.

Бывалое горе
Уснуло в груди,
Свобода и море
Горят впереди.

Прибавилось духа,
Затихла тоска,
И слушает ухо,
И пилит рука.

1843

Афанасий Фет

Жатва

Густая рожь стоит стеной!
Леса вкруг нивы как карнизы,
И всё окинул вечер сизый
Полупрозрачной пеленой...
Порою слышны отголосья
Младых косцов и сельских жниц;

Волнами зыблются колосья
Под пылкой ясностью зарниц;
И жатва, дочь златого лета,
Небесным кормится огнем
И жадно пьет разливы света
И зреет, утопая в нем...
Так горний пламень вдохновенья
Горит над нивою души,
И спеет жатва дум в тиши,
И созревают песнопенья...

1826

Федор Глинка

Голос в лесу

Давно какой-то девы пенье
В лесу преследует меня,
То замирая в отдаленьи,
То гулко по лесу звеня.

И, возмущен мечтой лукавой,
Смотрю я в чащу, где средь мглы
Блестят на солнце листья, травы
И сосен красные стволы.

Идти ль за девой молодою?
Иль сохранить, в душе тая,
Тот милый образ, что мечтою

Под чудный голос создал я?..

1856

Аполлон Майков

* * *

Давно ль, давно ль, о Юг блаженный,
Я зрел тебя лицом к лицу —
И ты, как бог разоблаченный,
Доступен был мне, пришлецу?..
Давно ль — хотя без восхищенья,
Но новых чувств недаром полн —
И я заслушивался пенья
Великих Средиземных волн!

И песнь их, как *во время оно*,
Полна гармонии была,
Когда из их родного лона
Киприда светлая всплыла...[263]
Они всё те же и поныне —
Всё так же блещут и звучат,
По их лазоревой равнине
Святые призраки скользят.

Но я, я с вами распростился —
Я вновь на Север увлечен...

---

[263] *Киприда* — одно из прозвищ Афродиты; остров Кипр, на который она вышла из морской пены, — центр ее культа.

Вновь надо мною опустился
Его свинцовый небосклон...
Здесь воздух колет. Снег обильный
На высотах и в глубине —
И холод, чародей всесильный,
Один здесь царствует вполне.

Но там, за этим царством вьюги,
Там, там, на рубеже земли,
На золотом, на светлом Юге
Еще я вижу вас вдали:
Вы блещете еще прекрасней,
Еще лазурней и свежей —
И говор ваш еще согласней
Доходит до души моей![264]

Декабрь 1837

Федор Тютчев

А. Л. Бржеской[265]

Далекий друг, пойми мои рыданья,
Ты мне прости болезненный мой крик.
С тобой цветут в душе воспоминанья,
И дорожить тобой я не отвык.

[264] Написано в дек. 1837 г. по возвращении из Генуи в Турин.
[265] Стихотворение обращено к Александре Львовне Бржеской (р. 1821). Фет дружил с ней и с ее мужем, херсонским помещиком и поэтом Алексеем Федоровичем Бржеским (1818—1868).

Кто скажет нам, что жить мы не умели,
Бездушные и праздные умы,
Что в нас добро и нежность не горели
И красоте не жертвовали мы?

Где ж это всё? Еще душа пылает,
По-прежнему готова мир объять.
Напрасный жар! Никто не отвечает,
Воскреснут звуки — и замрут опять.

Лишь ты одна! Высокое волненье
Издалека мне голос твой принес,
В ланитах кровь, и в сердце вдохновенье. —
Прочь этот сон, — в нем слишком много слез!

Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что́ жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идет, и плачет, уходя.

28 января 1879

Афанасий Фет

Две доли

Дало две доли Провидение
    На выбор мудрости людской:
Или надежду и волнение,
    Иль безнадежность и покой.

Верь тот надежде обольщающей,
Кто бодр неопытным умом,
Лишь по молве разновещающей
С судьбой насмешливой знаком.

Надейтесь, юноши кипящие!
Летите, крылья вам даны;
Для вас и замыслы блестящие,
И сердца пламенные сны!

Но вы, судьбину испытавшие,
Тщету утех, печали власть,
Вы, знанье бытия приявшие
Себе на тягостную часть!

Гоните прочь их рой прельстительный;
Так! доживайте жизнь в тиши
И берегите хлад спасительный
Своей бездейственной души.

Своим бесчувствием блаженные,
Как трупы мертвых из гробов,
Волхва словами пробужденные,
Встают со скрежетом зубов;

Так вы, согрев в душе желания,
Безумно вдавшись в их обман,
Проснетесь только для страдания,
Для боли новой прежних ран.

1821

Евгений Боратынский

* * *

Да, нет сомненья в том, что жизнь идет вперед,
И то, что сделано, то сделать было нужно.
Шумит, работает, надеется народ;
Их мелочь радует, им помнить недосужно...

А всё же холодно и пусто так кругом,
И жизнь свершается каким-то смутным сном,
И чуется сквозь шум великого движенья
Какой-то мертвый гнет большого запустенья;

Пугает вечный шум безумной толчеи
Успехов гибнущих, ненужных начинаний
Людей, ошибшихся в избрании призваний,
Существ, исчезнувших, как на реке струи...

Но не обманчиво ль то чувство запустенья?
Быть может, устают, как люди, поколенья,
И жизнь молчит тогда в каком-то забытьи.
Она, родильница, встречает боль слезами
И ловит бледными, холодными губами
Живого воздуха ленивые струи,
Чтобы, заслышав крик рожденного созданья,
Вздохнуть и позабыть все, все свои страданья!

Константин Случевский

* * *[266]

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

1828

Александр Пушкин

Герой

Что есть истина?

Друг

[266] Поэт назвал стихотворение в перечне произведений, предназначенных к печати, — «На день рождения».

Да, слава в прихотях вольна.
Как огненный язык, она
По избранным главам летает,
С одной сегодня исчезает
И на другой уже видна.
За новизной бежать смиренно
Народ бессмысленный привык;
Но нам уж то чело священно,
Над коим вспыхнул сей язык.
На троне, на кровавом поле,
Меж граждан на чреде иной
Из сих избранных кто всех боле
Твоею властвует душой?

Поэт

Всё он, всё он — пришлец сей бранный,[267]
Пред кем смирилися цари,
Сей ратник, вольностью венчанный,
Исчезнувший, как тень зари.

Друг

Когда ж твой ум он поражает
Своею чудною звездой?
Тогда ль, как с Альпов он взирает
На дно Италии святой;[268]

---

[267] Наполеон.
[268] Имеется в виду блестящий успех Бонапарта в его Итальянском походе.

Тогда ли, как хватает знамя[269]
Иль жезл диктаторский[270]; тогда ль,
Как водит и кругом и вдаль
Войны стремительное пламя,
И пролетает ряд побед
Над ним одна другой вослед;
Тогда ль, как рать героя плещет
Перед громадой пирамид,[271]
Иль как Москва пустынно блещет,
Его приемля, — и молчит?

Поэт

Нет, не у счастия на лоне
Его я вижу, не в бою,
Не зятем кесаря на троне,[272]
Не там, где на скалу свою
Сев, мучим казнию покоя,
Осмеян прозвищем героя,
Он угасает недвижим,
Плащом закрывшись боевым.
Не та картина предо мною!
Одров я вижу длинный строй,[273]
Лежит на каждом труп живой,
Клейменный мощною чумою,

---

[269] Может быть, намек на известный случай на Аркольском мосту.
[270] Речь идет о государственном перевороте 18 брюмера (9 ноября 1799 г.), когда Наполеон стал первым консулом.
[271] Имеется в виду победа в битве при Эмбабе 12 июля 1799 г., «близ пирамид» — «с вершины которых глядели на французов четыре тысячелетия» (Бюллетень Наполеона).
[272] Имеется в виду женитьба Наполеона на дочери австрийского императора Франца I, Марии-Луизе.
[273] Посещение Бонапартом чумного госпиталя в Яффе.

Царицею болезней... он,
Не бранной смертью окружен,
Нахмурясь, ходит меж одрами
И хладно руку жмет чуме
И в погибающем уме
Рождает бодрость... Небесами
Клянусь: кто жизнию своей
Играл пред сумрачным недугом,
Чтоб ободрить угасший взор,
Клянусь, тот будет небу другом,
Каков бы ни был приговор
Земли слепой...

Друг

Мечты поэта —
Историк строгий гонит вас![274]
Увы! его раздался глас,[275] —
И где ж очарованье света!

Поэт

Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угождает праздно! — Нет!

---

[274] Пушкин ссылается на изданные в 1829—1830 гг. «Воспоминания» Бурьена, секретаря Наполеона, в которых оспаривается рассказ о том, что Наполеон в Яффе посетил госпиталь с больными чумой. Впоследствии раскрылось, что эти мемуары были подложными, написанными бывшим дипломатом, французским журналистом Виллемаре.
[275] Mémoires de Bourienne. (Прим. Пушкина.)

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...
Оставь герою сердце! Что же
Он будет без него? Тиран...

Друг

Утешься.....[276]

1830

Александр Пушкин

Малиновке

Посвящается Варваре Александровне Мей[277]

Да! ты клетки ненавидишь,
Ты с тоской глядишь в окно;
Воли просишь... только, видишь,
Право, рано: холоднó!

Пережди снега и вьюгу:
Вот олиствятся леса,
Вот рассыплется по лугу
Влажным бисером роса,

Клетку я тогда открою

---

[276] Последняя реплика Друга Утешься... и дата 29 сентября 1830 Москва (Пушкин был в это время в Болдине) намекают на поступок Николая I, который в этот день прибыл в холерную Москву.
[277] *Мей В. А.* (в девичестве Кропоткина) — жена П. П. Мея, двоюродного брата поэта.

Ранним-рано поутру —
И порхай, Господь с тобою,
В крупноягодном бору.

Птичке весело на поле
И в лесу, да веселей
Жить на *воле*, петь на *воле*
С красных зорек до ночей...

Не тужи: весною веет;
Пахнет в воздухе гнездом;
Алый гребень так и рдеет
Над крикливым петухом;

Уж летят твои сестрицы
К нам из-за моря сюда:
Жди же, жди весны-царицы,
Теплой ночи и гнезда.

Я пущу тебя на *волю*;
Но, послушай, заведешь
Ты мне песенку, что полю
И темны́м лесам поешь?

Знаешь, ту, что полюбили
Волны, звезды и цветы,
А задумали-сложили
Ночи вешние да ты.

1857

Лев Мей

Два голоса

Посвящается С. А. и Е. К. Зыбиным[278]

Два голоса, прелестью тихой полны,
Носились над шумом салонным,
И две уж давно не звучавших струны
Им вторили в сердце смущенном.

И матери голос раздумьем звучал
Про счастье, давно прожитое,
Про жизненный путь между мелей и скал,
Про тихую радость покоя.

И дочери голос надеждой звучал
Про силу людского участья,
Про блеск оживленных, сияющих зал,
Про жажду безвестного счастья.

Казалось, что, в небе лазурном горя,
С прекрасной вечерней зарею
Сливается пышная утра заря, —
И блещут одной красотою.

1870-е годы

---

[278] Посвящено Зыбиным Софье Александровне и ее дочери Екатерине Кирилловне, в замужестве Остен-Сакен (1845—1923). Позднее она вспоминала, как на одном из музыкальных вечеров у С. Я. Веригиной «Апухтнн, заслушавшись Зыбиных, экспромтом написал стихотворение «Два голоса», посвященное им и впоследствии без малейшей поправки вошедшее в его сборник».

Алексей Апухтин

* * *

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как пустыня
И как алтарь без божества.

1830

Александр Пушкин

Цыганская венгерка

Две гитары, зазвенев,
Жалобно заныли…
С детства памятный напев,
Старый друг мой — ты ли?

Как тебя мне не узнать?
На тебе лежит печать
Буйного похмелья,
Горького веселья!

Это ты, загул лихой,
Ты — слиянье грусти злой
С сладострастьем баядерки[279] —
Ты, мотив венгерки!

Квинты резко дребезжат,[280]
Сыплют дробью звуки…
Звуки ноют и визжат,
Словно стоны муки.

Что за горе? Плюнь, да пей!
Ты завей его, завей
Веревочкой горе!
Топи тоску в море!

Вот проходка по баскам
С удалью небрежной,
А за нею — звон и гам
Буйный и мятежный.

Перебор… и квинта вновь
Ноет-завывает;
Приливает к сердцу кровь,
Голова пылает.

Чибиряк, чибиряк, чибиряшечка,

---

[279] *Баядерка* (баядера) — индийская танцовщица.
[280] *Квинта* — один из музыкальных интервалов.

С голубыми ты глазами, моя душечка!

Замолчи, не занывай,
Лопни, квинта злая!
Ты про них не поминай…
Без тебя их знаю!
В них хоть раз бы поглядеть
Прямо, ясно, смело…
А потом и умереть —
Плевое уж дело.
Как и вправду не любить?
Это не годится!
Но, что сил хватает жить,
Надо подивиться!
Соберись и умирать,
Не придет проститься!
Станут люди толковать:
Это не годится!
Отчего б не годилось,
Говоря примерно?
Значит, просто всё хоть брось…
Оченно уж скверно!
Доля ж, доля ты моя,
Ты лихая доля!
Уж тебя сломил бы я,
Кабы только воля!
Уж была б она моя,
Крепко бы любила…
Да лютая та змея,

Доля, — жизнь сгубила.
По рукам и по ногам
Спутала-связала,
По бессонныим ночам
Сердце иссосала!
Как болит, то ли болит,
Болит сердце — ноет…
Вот что квинта говорит,
Что басок так воет.

. . . . . .
. . . . . .
Шумно скачут сверху вниз
Звуки врассыпную,
Зазвенели, заплелись
В пляску круговую.
Словно табор целый здесь,
С визгом, свистом, криком
Заходил с восторгом весь
В упоеньи диком.
Звуки шепотом журчат
Сладострастной речи…
Обнаженные дрожат
Груди, руки, плечи.
Звуки все напоены
Негою лобзаний.
Звуки воплями полны
Страстных содроганий…
Ба́сан, ба́сан, басана́,

Басана́та, басана́та,
Ты другому отдана
Без возврата, без возврата…
Что за дело? ты моя!
Разве любит он, как я?
Нет — уж это дудки!
Доля злая ты моя,
Глупы эти шутки!
Нам с тобой, моя душа,
Жизнью жить одною,
Жизнь вдвоем так хороша,
Порознь — горе злое!
Эх ты, жизнь, моя жизнь…
К сердцу сердцем прижмись!
На тебе греха не будет,
А меня пусть люди судят,
Меня Бог простит…

Что же поешь ты, мое
Ретиво сердечко?
Я увидел у нее
На руке колечко!..
Ба́сан, ба́сан, басана́,
Басана́та, басана́та!
Ты другому отдана
Без возврата, без возврата!
Эх-ма, ты завей
Веревочкой горе…
Загуляй да запей,

Топи тоску в море!
Вновь унылый перебор,
Звуки плачут снова…
Для чего немой укор?
Вымолви хоть слово!
Я у ног твоих — смотри —
С смертною тоскою,
Говори же, говори,
Сжалься надо мною!
Неужель я виноват
Тем, что из-за взгляда
Твоего я был бы рад
Вынесть муки ада?
Что тебя сгубил бы я,
И себя с тобою…
Лишь бы ты была моя,
Навсегда со мною.
Лишь не знать бы только нам
Никогда, ни здесь, ни там
Расставанья муки…
Слышишь… вновь бесовский гам,
Вновь стремятся звуки…
В безобразнейший хаос
Вопля и стенанья
Всё мучительно слилось.
Это — миг прощанья.
Уходи же, уходи,
Светлое виденье!..
У меня огонь в груди

И в крови волненье.
Милый друг, прости-прощай,
Прощай — будь здорова!
Занывай же, занывай,
Злая квинта, снова!
Как от муки завизжи,
Как дитя от боли,
Всею скорбью дребезжи
Распроклятой доли!
Пусть больнее и больней
Занывают звуки,
Чтобы сердце поскорей
Лопнуло от муки!

1857

Аполлон Григорьев

* * *

Две силы есть — две роковые силы,
Всю жизнь свою у них мы под рукой,
От колыбельных дней и до могилы, —
Одна есть Смерть, другая — Суд людской.

И та и тот равно неотразимы,
И безответственны[281] и тот и та,
Пощады нет, протесты нетерпимы,

---

[281] Т. е. безответны (не дающие ответа).

Их приговор смыкает всем уста...

Но Смерть честней — чужда лицеприятью,
Не тронута ничем, не смущена,
Смиренную иль ропщущую братью —
Своей косой равняет всех она.

Свет не таков: борьбы, разноголосья —
Ревнивый властелин — не терпит он,
Не косит сплошь, но лучшие колосья
Нередко с корнем вырывает вон.

И горе ей — увы, двойное горе, —
Той гордой силе, гордо-молодой,
Вступающей с решимостью во взоре,
С улыбкой на устах — в неравный бой.

Когда она, при роковом сознанье
Всех прав своих, с отвагой красоты,
Бестрепетно, в каком-то обаянье
Идет сама навстречу клеветы,

Личиною чела не прикрывает,
И не дает принизиться челу,
И с кудрей молодых, как пыль, свевает
Угрозы, брань и страстную хулу, —

Да, горе ей — и чем простосердечней,
Тем кажется виновнее она...
Таков уж свет: он там бесчеловечней,

Где человечно-искренней вина.

Март 1869

Федор Тютчев

* * *

День вечереет, ночь близка,
Длинней с горы ложится тень,
На небе гаснут облака...
Уж поздно. Вечереет день.

Но мне не страшен мрак ночной,
Не жаль скудеющего дня, —
Лишь ты, волшебный призрак мой
Лишь ты не покидай меня!..

Крылом своим меня одень,
Волненья сердца утиши,
И благодатна будет тень
Для очарованной души.

Кто ты? Откуда? Как решить,
Небесный ты или земной?
Воздушный житель, может быть, —
Но с страстной женскою душой.

1 ноября 1851

Федор Тютчев

* * *

День ненастный, темный; тучи
Низко, низко над горой,
Вялы, тихи и плакучи,
Длинной тянутся грядой;
Сад безлюден, смолкли птицы,
Дерева дождем шумят:
Две красавицы-девицы,
Две певуньи, две сестрицы,
Не пойдут сегодня в сад!

А вчера они, при трелях
Соловья и при луне,
Там летали на качелях
Соблазнительно одне;[282]
И качели их качают
Мягко, будто на руках:
Осторожно поднимают,
Осторожно опускают
Быстролетный свой размах!

А вчера поклонник скромный
Граций, медик молодой,
Удовольственно и томно
Любовался их игрой;

---

[282] *Одне* — ж. р. от «одни».

И размашисто качалась,
Как они, его мечта,
Поднималась, опускалась:
Ей легко передавалась
Их летаний быстрота.

День ненастный, день враждебный
Очарованным сердцам,
И ходьбе многоцелебной,
И лекарственным водам!
Но зато в нем нет томленья,
Лени, жару, он здоров
Мне, в тиши уединенья,
Для свободы размышленья,
Для писания стихов.

Лето или начало осени 1839, Теодорсгалле

Николай Языков

* * *[283]

День свечерел. Томим тоскою вялой,
То по лесам, то по лугу брожу.
Уныние в душе моей усталой,
Уныние — куда ни погляжу.
Вот дождь пошел и гром готов уж грянуть,
Косцы бегут проворно под шатры,

[283] Из: «Уныние» (последняя строфа).

А я дождем спасаюсь от хандры,
Но, видно, мне и нынче не воспрянуть!
Упала ночь, зажглись в лугах костры,
Иду домой, тоскуя и волнуясь,
Беру перо, привычке повинуясь,
Пишу стихи и, недовольный, жгу.
Мой стих уныл, как ропот на несчастье,
Как плеск волны в осеннее ненастье,
На северном пустынном берегу...

5—12 июля 1874

Николай Некрасов

Пироскаф[284]

Дикою, грозною ласкою полны,
Бьют в наш корабль средиземные волны.
Вот над кормою стал капитан.
Визгнул свисток его. Братствуя с паром,
Ветру наш парус раздался недаром:
Пенясь, глубоко вздохнул океан!

Мчимся. Колеса могучей машины
Роют волнистое лоно пучины.
Парус надулся. Берег исчез.
Наедине мы с морскими волнами;
Только что чайка вьется за нами

[284] Написано на пароходе во время морского переезда из Марселя (Франция) в Италию, но опубликовано уже после смерти поэта. *Пироскаф (греч.)* — пароход.

Белая, реяя меж вод и небес.

Только вдали, океана жилица,
Чайке подобна, вод его птица,
Парус развив, как большое крыло,
С бурной стихией в томительном споре,
Лодка рыбачья качается в море, —
С брегом набрежное скрылось, ушло!

Много земель я оставил за мною;
Вынес я много смятенной душою
Радостей ложных, истинных зол;
Много мятежных решил я вопросов,
Прежде чем руки марсельских матросов
Подняли якорь, надежды символ!

С детства влекла меня сердца тревога
В область свободную влажного бога;
Жадные длани я к ней простирал.
Темную страсть мою днесь награждая,
Кротко щадит меня немочь морская,
Пеною здравия брызжет мне вал!

Нужды нет, близко ль, далеко ль до брега!
В сердце к нему приготовлена нега.
Вижу Фетиду;[285] мне жребий благой
Емлет[286] она из лазоревой урны:

---

[285] *Фетида* — морская богиня (греч. миф.)
[286] *Емлет* — берет — устаревшая форма глагола *имати* (брать, хватать) в 3-м лице единственного числа.

Завтра увижу я башни Ливурны,[287]
Завтра увижу Элизий земной![288]

1844

Евгений Боратынский

* * *

Длинный день проходит вяло,
Скучны люди, жизнь узка,
И живет в душе усталой
Беспокойная тоска.

Но опять полно стремленья
Сердце в поздней тишине,
И желанное виденье
Предстает в блаженном сне.

А наутро всё пропало,
Скучны люди, жизнь узка;
И опять в душе усталой
Беспокойная тоска.

1843

Николай Огарев

---

[287] *Ливурна* — Ливорно, порт в Италии.
[288] Т. е. земной рай.

* * *[289]

Для берегов отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал пред тобой.
Мои хладеющие руки
Тебя старались удержать;
Томленье страшное разлуки
Мой стон молил не прерывать.

Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: «В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим».

Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где тень олив легла на воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —

[289] Стихи связываются с памятью Амалии Ризнич (см. стих. «Под небом голубым страны своей родной...», 1826). Существует и другая гипотеза, опирающаяся на первоначальный текст первых стихов: «Для берегов чужбины дальней / Ты покидала край родной». Эта редакция говорит о жительнице России, уехавшей в чужую Италию.

А с ними поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой...

1830

Александр Пушкин

Путешественник[290]
(Песня)

Дней моих еще весною
Отчий дом покинул я;
Всё забыто было мною —
И семейство и друзья.

В ризе странника убогой,
С детской в сердце простотой,
Я пошел путем-дорогой —
Вера был вожатый мой.

И в надежде, в уверенье
Путь казался недалек,
«Странник, — слышалось, — терпенье!
Прямо, прямо на восток.

Ты увидишь храм чудесный;
Ты в святилище войдешь;
Там в нетленности *небесной*

---

[290] Вольный перевод стихотворения Шиллера «Der Piligrim» («Паломник»).

Всё *земное* обретешь».

Утро вечером сменялось;
Вечер утру уступал;
Неизвестное скрывалось;
Я искал — не обретал.

Там встречались мне пучины;[291]
Здесь высоких гор хребты;
Я взбирался на стремнины;
Чрез потоки стлал мосты.

Вдруг река передо мною —
Вод склоненье на восток;
Вижу зыблемый струею
Подле берега челнок.

Я в надежде, я в смятенье;
Предаю себя волнам;
Счастье вижу в отдаленье;
Всё, что мило, — мнится — там!

Ах! в безвестном океане
Очутился мой челнок;
Даль по-прежнему в тумане;
Брег невидим и далек.

И вовеки надо мною

---

[291] *Пучина* — морская бездна.

Не сольется, как поднесь,[292]
Небо светлое с землею…
Там не будет вечно *здесь.*

1809

Василий Жуковский

У себя

Дождались меня белые ночи
Над простором густых островов…
Снова смотрят знакомые очи,
И мелькает былое без слов.

В царство времени всё я не верю,
Силу сердца еще берегу,
Роковую не скрою потерю,
Но сказать «навсегда» — не могу.

При мерцании долгом заката,
Пред минутной дремотою дня,
Что погиб его свет без возврата,
В эту ночь не уверишь меня.

Июнь 1899

Владимир Соловьев

---

[292] *Поднесь* — доныне (*днесь* — ныне).

Дорожные жалобы

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть Господь судил,

На каменьях под копытом,
На горе под колесом,
Иль во рву, водой размытом,
Под разобранным мостом.

Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непроворный инвалид.[293]

Иль в лесу под нож злодею
Попадуся в стороне,
Иль со скуки околею
Где-нибудь в карантине.

[293] *Инвалид* — солдат, неспособный к военной службе, вследствие ран, болезни или старости.

Долго ль мне в тоске голодной
Пост невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли Яра[294] поминать?

То ли дело быть на месте,
По Мясницкой разъезжать,
О деревне, о невесте
На досуге помышлять!

То ли дело рюмка рома,
Ночью сон, поутру чай;
То ли дело, братцы, дома!..
Ну, пошел же, погоняй!..

1830

Александр Пушкин

Ода

Долины, Волга, потопляя,
Себя в стремлении влечешь,
Брега различны окропляя,
Поспешно к устию течешь.

Ток видит твой в пути премены,

[294] *Яр* — название московского модного ресторана. Французский ресторатор Транкий Яр (Tranquille Yard), открыл заведение в 1826 году на углу Кузнецкого Моста и Неглинной.

Противности и блага цепь;
Проходишь ты луга зелены,
Проходишь и песчану степь.

Век видит наш тому подобно
Различные в пути следы:
То время к радости способно,
Другое нам дает беды.

В Каспийские валы впадаешь,
Преславна мати многих рек,
И тамо в море пропадаешь, —
Во вечности и наш так век.

1760

Александр Сумароков (1717—1777)

* * *

Дорог мне, перед иконой
В светлой ризе золотой,[295]
Этот ярый воск, возжженный
Чьей неведомо рукой.
Знаю я: свеча пылает,
Клир торжественно поет —[296]

---

[295] *Риза* — парчовое, тканное золотом или серебром одеяние без рукавов, верхнее церковное облачение священнослужителей.
[296] *Клир* — церковный хор.

Чье-то горе утихает,
Кто-то слезы тихо льет,
Светлый ангел упованья
Пролетает над толпой...
Этих свеч знаменованье
Чую трепетной душой:
Это — медный грош вдовицы,
Это — лепта бедняка,
Это... может быть... убийцы
Покаянная тоска...
Это — светлое мгновенье
В диком мраке и глуши,
Память слез и умиленья
В вечность глянувшей души...

1868

Аполлон Майков

Весна

Дохнула нежная весна,
И вся природа пробудилась,
Как будто ото сна,
И вновь переродилась;
Растаяли снега,
Открылися луга,
Древа зазеленели,
Порхая, птички в них запели.

Рек быстрые струи,
Льдом кои тяготились,
Прозрачны покатились,
В пути, журча, свои.
Зефиры веют,
От плодотворной теплоты
Одушевляются цветы,
Растения свежеют.
То с длинной шеей, гость из дальних к нам земель,
Летит курлюча журавель;
То гусь под облаком гогочет,
Большого стада вождь: в пролете удалом
Он, правя вниз крылом,
К нам, кажется, на пруд спуститься хочет.
Напрягши жавронок гортань,
Весне прекрасной платит дань:
То радости в избытке
Взвивается, треля, он к туче, как по нитке;
То, вдруг остановясь,
Там крылышками машет;
Играя и резвясь,
Поет и пляшет;
И, голос вдруг запря, оттуда кувырком
Вниз падает, как ком.
Другой певец прешибкой,
Душа вели́ка, малый рост,
Скача по ветви гибкой,
Корючит кверху хвост;
Жарок,
Ярок,

Удал соловей,
Всех даром веселит музы́кою своей.
Сперва он цвикает, чуть слышен, понемногу,
И стелет голосу из горлышка дорогу:
Как грянет, полетят и ядра вдруг и дробь;
То тоны все мешает,
И рощи оглушает,
То ставит каждый стих особь;
Творенье малосонно,
Всю часто ночь насквозь кричит безугомонно,
Один, в густой тени под солнцем иль луной
Поет, сразиться рад лир лучших со струной;
Одна — не диво ли? — и крошечная глотка,
Свирель, труба, тимпан, трещотка;
То гаркнет, то прервет;
Визги,
Мызги,
Стуки,
Звуки
Издает;
Захлебывается, в клуб голос собирает,
Частит его, рядит,
Затихнет, будто сил щадит;
Вдруг длинну песню выстилает
Из горлышка, как холст;
Тут звонок
И тонок,
Там толст;
Томен,
Огромен,

Жалок, жесток,
Си́лен,
Умилен,
Низок, высок;
И столь искусные, не с ветру песни взяты,
Есть в каждой мысль строке;
Он страсти выпевает
И душу проливает,
Кому-то тщится он быть слышан вдалеке.*

Василий Петров (1736—1799)

Таврида

Друг милый, ангел мой! сокроемся туда
Где волны кроткие Тавриду[297] омывают
И Фебовы лучи с любовью озаряют[298]
Им древней Греции священные места.
Мы там, отверженные роком,
Равны несчастием, любовию равны,
Под небом сладостным полуденной страны
Забудем слезы лить о жребии жестоком,
Забудем имена фортуны и честей.
В прохладе ясеней, шумящих над лугами,
Где кони дикие стремятся табунами
На шум студеных струй, кипящих под землей,

[297] *Таврида* — название Крымского полуострова, которое было введено царским правительством после присоединения Крыма к России в 1783. Таврида — производное от названия тавров — древнего населения части Крыма. Элегия написана Батюшковым в связи с тем, что во второй половине 1815 г. он собирался ехать в Крым.
[298] *Феб* — Аполлон; буквально: светлый. Аполлон — бог солнечного света и бог поэзии (греч. миф.). Здесь имеется в виду солнце.

Где путник с радостью от зноя отдыхает
Под говором древес, пустынных птиц и вод, —
Там, там нас хижина простая ожидает,
Домашний ключ, цветы и сельский огород.
Последние дары фортуны благосклонной,
Вас пламенны сердца приветствуют стократ!
Вы краше для любви и мраморных палат
Пальмиры Севера огромной!
Весна ли красная блистает средь полей,
Иль лето знойное палит иссохши злаки,
Иль, урну хладную вращая, Водолей[299]
Валит шумящий дождь, седый туман и мраки, —
О радость! Ты со мной встречаешь солнца свет
И, ложе счастия с денницей покидая,
Румяна и свежа, как роза полевая,
Со мною делишь труд, заботы и обед.
Со мной в час вечера, под кровом тихой ночи
Со мной, всегда со мной; твои прелестны очи
Я вижу, голос твой я слышу, и рука
В твоей покоится всечасно.
Я с жаждою ловлю дыханье сладострастно
Румяных уст, и если хоть слегка
Летающий Зефир власы твои развеет
И взору обнажит снегам подобну грудь,
Твой друг — не смеет и вздохнуть:
Потупя взор стоит, дивится и немеет.

[299] Приближение Водолея, одного из 12-ти созвездий Зодиака, связывалось в античных представлениях с наступлением осенней поры. Созвездие Водолея изображалось в виде человека, наливающего из сосуда воду в пасть рыбы.

1815

Константин Батюшков

* * *

Друг мой, бессильны слова, — одни поцелуи всесильны...
Правда, в записках твоих весело мне наблюдать,
Как прилив и отлив мыслей и чувства мешают
Ручке твоей поверять то и другое листку;
Правда, и сам я пишу стихи, покоряясь богине, —
Много и рифм у меня, много размеров живых...
Но меж ними люблю я рифмы взаимных лобзаний,
С нежной цезурою[300] уст, с вольным размером любви.

1842

Афанасий Фет

П. Ф. Балк-Полеву[301]

Lorsque je sens le rezeda, je crois d'abord entendre un son, puis il me semble voir une forme.[302]

Друг, ты прав: хотя порой,
Достигая бед забвенья,
Мы, в груди стеснив волненья,
Дремлем томною душой,

---

[300] *Цезура* (лат. *caesura*, от *caedere* рубить, отрезывать) — (в поэзии) пресечение, остановка, разделяющая две части стиха (как, например, в данном стихе после слова «уст» стих делится на две половины по три ударения в каждой).
[301] *Балк-Полев* Петр Федорович (ум. 1849) — дипломат, был близок к литературным кругам Петербурга.
[302] Когда я ощущаю запах резеды, мне кажется, что я сначала слышу звук, а потом вижу форму (франц.).

Невзначай в мечте воздушной
Отзыв прежнего слетит,
И предмет нам равнодушной
Память сердца воскресит.
Неожиданно, случайно
Потрясет душевной тайной
Летний вечер, звук, цветок,
Песня, месяц, ручеек,
Ветер, море — и тоскою
Всё опять отравлено;
Как бы молнийной струею
Снова сердце прожжено.

И той тучи мы не знаем,
Вдруг откуда грянул гром;
Лишь томимся и страдаем;
Мрак и ужасы кругом:
Призрак страшный, неотступной
Образует в думе смутной
Холод дружбы, сон любви,
Ту, с кем радость погребли,
Всё, о чем мы тосковали,
Что любили, потеряли,
Чем был красен Божий свет,
Всё, чего для нас уж нет.

1828

Иван Козлов

Листок[303]

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя
И вот наконец докатился до Черного моря.

У Черного моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зеленые ветви лаская;
На ветвях зеленых качаются райские птицы;
Поют они песни про славу морской царь-девицы.

И странник прижался у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой
И так говорит он: «Я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев своих изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудреных и чудных».

На что мне тебя? — отвечает младая чинара. —
Ты пылен и желт, — и сынам моим свежим не пара.
Ты много видал — да к чему мне твои небылицы?

---

[303] В литературе указывалось на связь стихотворения «Листок» с элегией французского поэта Арно, переводившейся на русский язык В. Жуковским и Д. Давыдовым. В статье Пушкина «Французская академия», напечатанной в 1836 г. в «Современнике», приводится история шумного успеха этой элегии Арно.

Мой слух утомили давно уж и райские птицы.

Иди себе дальше; о странник! тебя я не знаю!
Я солнцем любима, цвету для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе,
И корни мои умывает холодное море.

1841

Михаил Лермонтов

* * *

Дул север. Плакала трава
И ветви о недавнем зное,
И роз, проснувшихся едва,
Сжималось сердце молодое.

Стоял угрюм тенистый сад,
Забыв о пеньи голосистом;
Лишь соловьихи робких чад
Хрипливым подзывали свистом.

Прошла пора влюбленных грез,
Зачем еще томиться тщетно?
Но вдруг один любовник роз
Запел так ярко, беззаветно.

Прощай, соловушко! — И я
Готов на миг воскреснуть тоже,

И песнь последняя твоя
Всех вешних песен мне дороже.

1880

Афанасий Фет

* * *

Дума за думой, волна за волной —
Два проявленья стихии одной:
В сердце ли тесном, в безбрежном ли море,
Здесь — в заключении, там — на просторе, —
Тот же всё вечный прибой и отбой,
Тот же всё призрак тревожно-пустой.

14 июля 1851

Федор Тютчев

Пророк[304]

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.

---

[304] Картина, изображенная Пушкиным, в нескольких мелких деталях восходит к VI главе Книги Исаии в Библии (шестикрылый Серафим с горящим углем в руке).

Отверзлись вещие зеницы,[305]
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.[306]
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

1826

Александр Пушкин

---

[305] *Зеница* — зрачок.
[306] *Прозябанье* — прорастание.

* * *

Душа моя, Элизиум теней,[307]
Теней безмолвных, светлых и прекрасных,
Ни помыслам годины буйной сей,
Ни радостям, ни горю не причастных, —

Душа моя, Элизиум теней,
Что общего меж жизнью и тобою!
Меж вами, призраки минувших, лучших дней,
И сей бесчувственной толпою?..

Начало 1830-х годов

Федор Тютчев

* * *

Душа хотела б быть звездой,
Но не тогда, как с неба полуночи
Сии светила, как живые очи,
Глядят на сонный мир земной, —

Но днем, когда, сокрытые как дымом
Палящих солнечных лучей,
Они, как божества, горят светлей
В эфире чистом и незримом.

---

[307] *Элизиум* — загробный мир, где блаженствуют тени (души) праведников (греч. миф.).

1830

Федор Тютчев

Попутная песня[308]

Дым столбом — кипит, дымится
Пароход...
Пестрота, разгул, волненье,
Ожиданье, нетерпенье...
Православный веселится
Наш народ.
И быстрее, шибче воли
Поезд мчится в чистом поле.

Нет, тайная дума быстрее летит,
И сердце, мгновенья считая, стучит.
Коварные думы мелькают дорогой,
И шепчешь невольно: «О Боже, как долго!»

Дым столбом — кипит, дымится
Пароход...
Пестрота, разгул, волненье,
Ожиданье, нетерпенье...
Православный веселится
Наш народ.

[308] Кукольник писал, что в «Попутной песне» изображен «наш царскосельский пароход с его ежедневными ощущениями». Текст песни был сочинен для уже готовой музыки (М. И. Глинки). Пароход — старое название паровоза на первой в России железнодорожной ветке от Петербурга до Царского Села.

И быстрее, шибче воли
Поезд мчится в чистом поле.

Не воздух, не зелень страдальца манят, —
Там ясные очи так ярко горят,
Так полны блаженства минуты свиданья,
Так сладки надеждой часы расставанья.

Дым столбом — кипит, дымится
Пароход...
Пестрота, разгул, волненье,
Ожиданье, нетерпенье...
Православный веселится
Наш народ.
И быстрее, шибче воли
Поезд мчится в чистом поле.

15 июля 1840

Нестор Кукольник (1809—1868)

Петербургская ночь

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

После зноя тихо дремлет
Прохлажденная земля;
Не такая ль ночь объемлет
Елисейские поля![309]
Тени легкие, мелькая,
В светлом сумраке скользят,
Ночи робко доверяя
То, что дню не говорят.

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

Блещут свежестью сапфирной
Небо, воздух и Нева,
И, купаясь в влаге мирной,
Зеленеют острова.
Вёсел мерные удары
Раздаются на реке
И созвучьями гитары
Замирают вдалеке.

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!

---

[309] *Елисейские поля* (греч. миф.) — страна загробного блаженства.

Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

Как над ложем новобрачной
Притаившиеся сны,
Так в ночи полупрозрачной
Гаснут звезды с вышины!
Созерцанья и покоя
Благодатные часы!
Мирной ночи с днем без зноя
Чудом слитые красы!

Дышит счастьем,
Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

Чистой неги, сладкой муки
Грудь таинственно полна.
Чу! Волшебной песни звуки
Вылетают из окна.
Пой, красавица певица!
Пой, залетный соловей,
Сладкозвучная царица
Поэтических ночей!

Дышит счастьем,

Сладострастьем
Упоительная ночь!
Ночь немая,
Голубая,
Неба северного дочь!

1840

Петр Вяземский

К портрету Жуковского[310]

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.

1818

Александр Пушкин

На железной дороге

Еду, всё еду... Меня укачало...
Видов обрывки с обеих сторон;
Мыслей толпа без конца и начала;
Странные грезы — ни бденье, ни сон...

[310] Поводом для создания этого стихотворения послужило появление портрета Жуковского работы Кипренского (гравирован Вендрамини).

Трудно мне вымолвить слово соседу;
Лень и томленье дорожной тоски...
Сутки-другие всё еду, всё еду...
Грохот вагона, звонки да свистки...

Мыслей уж нет. Одуренный движеньем,
Только смотрю да дивлюсь, как летят
С каждого места и с каждым мгновеньем
Время — вперед, а пространство — назад.

Июль 1884

Алексей Жемчужников

* * *

Еду ли ночью по улице темной,
Бури заслушаюсь в пасмурный день —
Друг беззащитный, больной и бездомный,
Вдруг предо мной промелькнет твоя тень!
Сердце сожмется мучительной думой.
С детства судьба невзлюбила тебя:
Беден и зол был отец твой угрюмый,
Замуж пошла ты — другого любя.
Муж тебе выпал недобрый на долю:
С бешеным нравом, с тяжелой рукой;
Не покорилась — ушла ты на волю,
Да не на радость сошлась и со мной...

Помнишь ли день, как, больной и голодный,
Я унывал, выбивался из сил?
В комнате нашей, пустой и холодной,
Пар от дыханья волнами ходил.
Помнишь ли труб заунывные звуки,
Брызги дождя, полусвет, полутьму?
Плакал твой сын, и холодные руки
Ты согревала дыханьем ему.
Он не смолкал — и пронзительно звонок
Был его крик... Становилось темней;
Вдоволь поплакал и умер ребенок...
Бедная! слез безрассудных не лей!
С горя да с голоду завтра мы оба
Так же глубоко и сладко заснем;
Купит хозяин, с проклятьем, три гроба —
Вместе свезут и положат рядком...

В разных углах мы сидели угрюмо.
Помню, была ты бледна и слаба,
Зрела в тебе сокровенная дума,
В сердце твоем совершалась борьба.
Я задремал. Ты ушла молчаливо,
Принарядившись, как будто к венцу,
И через час принесла торопливо
Гробик ребенку и ужин отцу.
Голод мучительный мы утолили,
В комнате темной зажгли огонек,
Сына одели и в гроб положили...
«Случай нас выручил? Бог ли помог?
Ты не спешила печальным признаньем,

Я ничего не спросил,
Только мы оба глядели с рыданьем,
Только угрюм и озлоблен я был...

Где ты теперь? С нищетой горемычной
Злая тебя сокрушила борьба?
Или пошла ты дорогой обычной
И роковая свершится судьба?
Кто ж защитит тебя? Все без изъятья
Именем страшным тебя назовут,
Только во мне шевельнутся проклятья —
И бесполезно замрут!..

Август 1847

Николай Некрасов

Воспоминание

Ее здесь нет! Когда в тени древесной
В таинственный час вечера стою
И слушаю песнь птички поднебесной,
И сладкую весны прохладу пью,
Тогда твержу с невольными слезами:
«Прости, прости, мой догоревший день!»
И тихими минувшее крылами
Приносит мне утраченную тень
И радует знакомыми чертами.

1836

Надежда Теплова (1814—1848)

Рыцарь на час

Если пасмурен день, если ночь не светла,
Если ветер осенний бушует,
Над душой воцаряется мгла,
Ум, бездействуя, вяло тоскует.
Только сном и возможно помочь,
Но, к несчастью, не всякому спится...

Слава Богу! морозная ночь —
Я сегодня не буду томиться.
По широкому полю иду,
Раздаются шаги мои звонко,
Разбудил я гусей на пруду,
Я со стога спугнул ястребенка.
Как он вздрогнул! как крылья развил!
Как взмахнул ими сильно и плавно!
Долго, долго за ним я следил,
Я невольно сказал ему: славно!
Чу! стучит проезжающий воз,
Деготьком потянуло с дороги...
Обоняние тонко в мороз,
Мысли свежи, выносливы ноги.
Отдаешься невольно во власть
Окружающей бодрой природы;
Сила юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы

Наполняют ожившую грудь;
Жаждой дела душа закипает,
Вспоминается пройденный путь,
Совесть песню свою запевает...

Я советую гнать ее прочь —
Будет время еще сосчитаться!
В эту тихую, лунную ночь
Созерцанию должно предаться.
Даль глубоко прозрачна, чиста,
Месяц полный плывет над дубровой,
И господствуют в небе цвета
Голубой, беловатый, лиловый.
Воды ярко блестят средь полей,
А земля прихотливо одета
В волны белого лунного света
И узорчатых, странных теней.
От больших очертаний картины
До тончайших сетей паутины,
Что как иней к земле прилегли, —
Всё отчетливо видно: далече
Протянулися полосы гречи,
Красной лентой по скату прошли;
Замыкающий сонные нивы,
Лес сквозит, весь усыпан листвой;
Чудны красок его переливы
Под играющей, ясной луной;
Дуб ли пасмурный, клен ли веселый —
В нем легко отличишь издали;
Грудью к северу, ворон тяжелый —

Видишь — дремлет на старой ели!
Всё, чем может порадовать сына
Поздней осенью родина-мать:
Зеленеющей озими гладь,
Подо льном — золотая долина,
Посреди освещенных лугов
Величавое войско стогов, —
Всё доступно довольному взору...
Не сожмется мучительно грудь,
Если б даже пришлось в эту пору
На родную деревню взглянуть:
Не видна ее бедность нагая!
Запаслася скирдами, родная,
Окружилася ими она
И стоит, словно полная чаша.
Пожелай ей покойного сна —
Утомилась, кормилица наша!..

Спи, кто может, — я спать не могу,
Я стою потихоньку, без шуму
На покрытом стогами лугу
И невольную думаю думу.
Не умел я с тобой совладать,
Не осилил я думы жестокой...

В эту ночь я хотел бы рыдать
На могиле далекой,
Где лежит моя бедная мать...

В стороне от больших городов,

Посреди бесконечных лугов,
За селом, на горе невысокой,
Вся бела, вся видна при луне,
Церковь старая чудится мне,
И на белой церковной стене
Отражается крест одинокий.
Да! я вижу тебя, Божий дом!
Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла с мечом,
Облаченного в светлую ризу.
Поднимается сторож-старик
На свою колокольню-руину,
На тени он громадно велик:
Пополам пересек всю равнину.
Поднимись! — и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гуденье!
В тишине деревенских ночей
Этих звуков властительно пенье:
Если есть в околотке больной,
Он при них встрепенется душой
И, считая внимательно звуки,
Позабудет на миг свои муки;
Одинокий ли путник ночной
Их заслышит — бодрее шагает;
Их заботливый пахарь считает
И, крестом осенясь в полусне,
Просит Бога о ведряном дне.

Звук за звуком гудя прокатился,
Насчитал я двенадцать часов,

С колокольни старик возвратился,
Слышу шум его звонких шагов,
Вижу тень его; сел на ступени,
Дремлет, голову свесив в колени.
Он в мохнатую шапку одет,
В балахоне убогом и темном...
Всё, чего не видал столько лет,
От чего я пространством огромным
Отделен, — всё живет предо мной,
Всё так ярко рисуется взору,
Что не верится мне в эту пору,
Чтоб не мог увидать я и той,
Чья душа здесь незримо витает,
Кто под этим крестом почивает...

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тенью на миг!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для других.
С головой, бурям жизни открытою,
Весь свой век под грозою сердитою
Простояла ты, — грудью своей
Защищая любимых детей.
И гроза над тобой разразилася!
Ты, не дрогнув, удар приняла,
За врагов, умирая, молилася,
На детей милость Бога звала.
Неужели за годы страдания
Тот, кто столько тобою был чтим,
Не пошлет тебе радость свидания

С погибающим сыном твоим?..

Я кручину мою многолетнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебе мою песню последнюю,
Мою горькую песню спою.
О прости! то не песнь утешения,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну — и ради спасения
Я твою призываю любовь!
Я пою тебе песнь покаяния,
Чтобы кроткие очи твои
Смыли жаркой слезою страдания
Все позорные пятна мои!
Чтоб ту силу свободную, гордую,
Что в мою заложила ты грудь,
Укрепила ты волею твердою
И на правый поставила путь...

Треволненья мирского далекая,
С неземным выраженьем в очах,
Русокудрая, голубоокая,
С тихой грустью на бледных устах,
Под грозой величаво-безгласная, —
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мне
При волшебно светящей луне.
Да! я вижу тебя, бледнолицую,
И на суд твой себя отдаю.
Не робеть перед правдой-царицею

Научила ты музу мою:
Мне не страшны друзей сожаления,
Не обидно врагов торжество,
Изреки только слово прощения,
Ты, чистейшей любви божество!
Что враги? пусть клевещут язвительней,
Я пощады у них не прошу,
Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу!
Что друзья? Наши силы неровные,
Я ни в чем середины не знал,
Что обходят они, хладнокровные,
Я на всё безрассудно дерзал,
Я не думал, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдет —
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни — вперед и вперед!
Увлекаем бесславною битвою,
Сколько раз я над бездной стоял,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падал — и вовсе упал!..
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я в тину нечистую
Мелких помыслов, мелких страстей.
От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!
Тот, чья жизнь бесполезно разбилася,

Может смертью еще доказать,
Что в нем сердце неробкое билося,
Что умел он любить...
.....
(Утром, в постели)

О мечты! о волшебная власть
Возвышающей душу природы!
Пламя юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы —
Всё в душе угнетенной моей
Пробудилось... но где же ты, сила?
Я проснулся ребенка слабей.
Знаю: день проваляюсь уныло,
Ночью буду микстуру глотать,
И пугать меня будет могила,
Где лежит моя бедная мать.

Всё, что в сердце кипело, боролось,
Всё луч бледного утра спугнул.
И насмешливый внутренний голос
Злую песню свою затянул:
«Покорись, о ничтожное племя!
Неизбежной и горькой судьбе,
Захватило вас трудное время
Неготовыми к трудной борьбе,
Вы еще не в могиле, вы живы,
Но для дела вы мертвы давно,
Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано...»

1860—1862

Николай Некрасов

Близнецы

Есть близнецы — для земнородных
Два божества — то Смерть и Сон,
Как брат с сестрою дивно сходных —
Она угрюмей, кротче он...

Но есть других два близнеца —
И в мире нет четы прекрасней,
И обаянья нет ужасней,
Ей предающего сердца...

Союз их кровный, не случайный,
И только в роковые дни
Своей неразрешимой тайной
Обворожают нас они.

И кто в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений —
Самоубийство и Любовь!

Между июлем 1850 и серединой 1851

Федор Тютчев

* * *

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто всё — простор везде,
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь —
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле...

22 августа 1857

Федор Тютчев

Осенний вечер

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть!..
Зловещий блеск и пестрота дерев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею

И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветр порою,
Ущерб, изнеможенье — и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья!

Октябрь 1830

Федор Тютчев

* * *

Есть и в моем страдальческом застое
Часы и дни ужаснее других...
Их тяжкий гнет, их бремя роковое
Не выскажет, не выдержит мой стих.

Вдруг всё замрет. Слезам и умиленью
Нет доступа, всё пусто и темно,
Минувшее не веет легкой тенью,
А под землей, как труп, лежит оно.

Ах, и над ним в действительности ясной,
Но без любви, без солнечных лучей,
Такой же мир бездушный и бесстрастный,
Не знающий, не помнящий о ней.

И я один, с моей тупой тоскою,
Хочу сознать себя и не могу —

Разбитый челн, заброшенный волною,
На безымянном диком берегу.

О Господи, дай жгучего страданья
И мертвенность души моей рассей:
Ты взял ее, но муку вспоминанья,
Живую муку мне оставь по ней, —

По ней, по ней, свой подвиг совершившей
Весь до конца в отчаянной борьбе,
Так пламенно, так горячо любившей
Наперекор и людям и судьбе, —

По ней, по ней, судьбы не одолевшей,
Но и себя не давшей победить,
По ней, по ней, так до конца умевшей
Страдать, молиться, верить и любить.[311]

Конец марта 1865

Федор Тютчев

* * *

Есть любимцы вдохновений,
Есть могучие певцы;
Их победоносен гений,
Им восторги поколений,

---

[311] В стихотворении поэт вспоминает о Е. А. Денисьевой.

Им награды, им венцы.

Но проходит между нами
Не один поэт немой,
С бесполезными мечтами,
С молчаливыми очами,
С сокровенною душой.

Этих манит свет напрасно,
Мысль их девственно дика;
Лишь порой, им неподвластна,
Их слеза заблещет ясно,
Вспыхнет жарко их щека.

Им внушают вдохновенье
Не высокие труды,
Их призванье, их уменье —
Слушать ночью ветра пенье
И влюбляться в луч звезды.

Пусть не их толпа лелеет;
Пусть им только даст она
Уголок, где шум немеет,
Где полудня солнце греет,
Где с небес глядит луна.

Не для пользы же народов
Вся природа расцвела:
Есть алмаз подземных сводов,
Реки есть без пароходов,

Люди есть без ремесла.

Сентябрь 1839

Каролина Павлова

Родина

Есть любимый сердца край;
Память с ним не разлучится:
Бездны моря преплывай —
Он везде невольно снится.

Помнишь хижин скромных ряд,
С хóлма к берегу идущий,
Где стоит знакомый сад
И журчит ручей бегущий.

Видишь: гнется до зыбей
Распустившаяся ива
И цветет среди полей
Зеленеющая нива.

На лугах, в тени кустов,
Стадо вольное играет;
Мнится, ветер с тех лугов
Запах милый навевает.

Лиц приветливых черты,
Слуху сладостные речи

Узнаёшь в забвеньи ты
Без привета и без встречи.

Возвращаешь давних дней
Неоплаканную радость,
И опять объемлешь с ней
Обольстительницу-младость.

Долго ль мне в мечте одной
Зреть тебя, страна родная,
И бесплодной жить тоской,
К небу руки простирая?

Хоть бы раз глаза возвесть
Дал мне рок на кров домашний
И с родными рядом сесть
За некупленные брашны![312]

1823

Петр Плетнев

* * *[313]

Есть милая страна, есть угол на земле,

---

[312] *Брашно* — пища, еда.
[313] Навеяно воспоминаниями о посещениях в 1826 г. подмосковного имения Мураново, принадлежавшего генерал-лейтенанту Льву Николаевичу Энгельгардту (1766—1836), на дочери которого был женат Боратынский. С 1836 г., после смерти Л. Н. Энгельгардта, управление имением перешло к Боратынскому. По его проекту был построен дом. Н. А. Обухова (великая певица) вспоминала: «Бабушка часто рассказывала нам, как он любил родину, русскую природу и как увлекался хозяйством. <…> Мой дед проявлял живейший интерес к земледелию, садоводству, огородничеству, занимался устройством лесопилки у себя в деревне».

Куда, где б ни были: средь буйственного стана,
В садах Армидиных,[314] на быстром корабле,
Браздящем весело равнины океана,
Всегда уносимся мы думою своей,
Где, чужды низменных страстей,
Житейским подвигам предел мы назначаем,
Где мир надеемся забыть когда-нибудь
И вежды старые сомкнуть
Последним, вечным сном желаем.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Я помню ясный, чистый пруд;
Под сению берез ветвистых,
Средь мирных вод его три острова цветут;
Светлея нивами меж рощ своих волнистых;
За ним встает гора, пред ним в кустах шумит
И брызжет мельница. Деревня, луг широкой,
А там счастливый дом… туда душа летит,
Там не хладел бы я и в старости глубокой!
Там сердце томное, больное обрело
Ответ на всё, что в нем горело,
И снова для любви, для дружбы расцвело

---

[314] *В садах Армидиных…* — здесь: в сетях любви. *Армида* — волшебница из поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» — очаровала своего возлюбленного Ринальдо в саду.

И счастье вновь уразумело.
Зачем же томный вздох и слезы на глазах?
Она, с болезненным румянцем на щеках,
Она, которой нет, мелькнула предо мною.[315]
Почий, почий легко под дерном гробовым:
Воспоминанием живым
Не разлучимся мы с тобою!
Мы плачем… но прости! Печаль любви сладка,
Отрадны слезы сожаленья!
Не то холодная, суровая тоска,
Сухая скорбь разуверенья.

1831—1832

Евгений Боратынский

Мелочи жизни

Есть муки непрерывные: не видно,
Не слышно их, о них не говорят.
Скрывать их трудно, открывать их стыдно,
Их люди терпят, жмутся и молчат.

Зарыты в мрак душевного ненастья,
Они не входят в песнь твою, певец.
Их благородным именем несчастья
Назвать нельзя, — несчастие — венец,

[315] *Она, которой нет…* — Речь идет о Наталье Львовне Энгельгардт, свояченице Боратынского, умершей от чахотки в 1826 г.

Венец святой, надетый под грозою,
По приговору Божьего суда.
Несчастье — терн, обрызнутый слезою
Иль кровию, но грязью — никогда.

Оно идет, как буря, — в тучах грозных,
С величьем, — тут его и тени нет.
Тут — пошлость зол и бед мелкозанозных,
Вседневных зол и ежечасных бед.

Житейский сор! — Едва лишь пережиты, —
Одни ушли, те сыплют пылью вновь, —
А на душе осадок ядовитый
От них растет и проникает в кровь;

Они язвят, подобно насекомым,
И с ними тщетна всякая борьба, —
Лишь вихрем бурным, молнией и громом
Разносит их могучая судьба.

Владимир Бенедиктов

Родина

Есть на земле безвестный уголок,
Уединенный, неприметный:
Знакомый луг, знакомый лес, поток,
И в них дух добрый и приветный.
Он издавна живет в том уголке,
Летает птичкой по дубравам,

Шумит в бору, купается в реке
И улыбается забавам.
Сберется ль в луг красавиц хоровод —
Он между ними невидимкой,
И по́д вечер он в сумраке поет
Любовь с пастушеской волынкой.
Я не видал его в стране родной,
Но с ним почувствовал разлуку,
Когда, в очах с прощальною слезой,
Я посох странника взял в руку.*

1823

Федор Туманский

* * *[316]

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском бреге,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.
Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
С тобой, владычица, привык я забывать
И то, чем был, как был моложе,
И то, чем ныне стал под холодом годов.
Тобою в чувствах оживаю:
Их выразить душа не знает стройных слов

[316] Стихотворение является незавершенным переводом 178-й и 179-й строф IV песни поэмы Байрона «Странствования Чайльд Гарольда».

И как молчать об них — не знаю.

1819

Константин Батюшков

Видение

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья[317]
Открыто катится в святилище небес.

Тогда густеет ночь, как хаос на водах,
Беспамятство, как Атлас, давит сушу...[318]
Лишь музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах!

1829

Федор Тютчев

* * *

Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья

---

[317] *Живая колесница мирозданья* — планета Земля (античная перифраза, свойственная и поэтике классицизма; ср. «колесница дня» — солнце, «колесница ночи» — луна).
[318] *Атлас*, или Атлант — гигант, держащий на своих плечах небесный свод (греч. миф.).

Внимать невозможно.

Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья.

Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово;

Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав, его я
Узнаю повсюду.

Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.

1840

Михаил Лермонтов

Родство со стихиями

Есть что-то знакомое, близкое мне

В пучине воздушной, в небесном огне;
Звезды полуночной таинственный свет
От духа родного несет мне привет.

Огромную слышу ли жалобу бурь,
Когда умирают и день и лазурь,
Когда завывает и ломится лес, —
Я так бы и ринулся в волны небес.

Доне́льзя постыли мне тина и прах...
Мне там в золотых погулять бы парах:
Туда призывают и ветер и гром,
Перун прилетает оттуда послом.

Туман бы распутать мне в длинную нить,
Да плащ бы широкий из сизого свить,
Предаться бы вихрю несытой душой,
Средь туч бы лететь под безмолвной луной!

Всё дале и дале и путь бы простер
Я в бездну, туда, за сафирный шатер! —
О! как бы нырял в океане светил!
О! как бы себя по вселенной разлил![319]

1 и 22 сентября 1834

Вильгельм Кюхельбекер

---

[319] Стихотворение написано в заточении (в Свеаборге).

* * *

Еще весны душистой нега
К нам не успела низойти,
Еще овраги полны снега,
Еще зарей гремит телега
На замороженном пути.

Едва лишь в полдень солнце греет,
Краснеет липа в высоте,
Сквозя, березник чуть желтеет,
И соловей еще не смеет
Запеть в смородинном кусте.

Но возрожденья весть живая
Уж есть в пролетных журавлях,
И, их глазами провожая,
Стоит красавица степная
С румянцем сизым на щеках.

1854

Афанасий Фет

Весенние воды

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят...

Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет,
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед!

Весна идет, весна идет,
И тихих, теплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней!..»

1829, начало 1830-х годов

Федор Тютчев

* * *

Еще дуют холодные ветры
И наносят утренни морозы.
Только что на проталинах весенних
Показались ранние цветочки,
Как из чудного царства воскового,
Из душистой келейки медовой
Вылетела первая пчелка,
Полетела по ранним цветочкам
О красной весне поразведать,
Скоро ль будет гостья дорогая,
Скоро ли луга позеленеют,
Скоро ль у кудрявой у березы
Распустятся клейкие листочки,

Зацветет черемуха душиста.

1828

Александр Пушкин

* * *

Еще земли печален вид,
А воздух уж весною дышит,
И мертвый в поле стебль колышет,
И елей ветви шевелит.
Еще природа не проснулась,
Но сквозь редеющего сна
Весну послышала она
И ей невольно улыбнулась...

Душа, душа, спала и ты...
Но что же вдруг тебя волнует,
Твой сон ласкает, и целует,
И золотит твои мечты?..
Блестят и тают глыбы снега,
Блестит лазурь, играет кровь...
Или весенняя то нега?..
Или то женская любовь?..

1836

Федор Тютчев

В больнице Всех Скорбящих[320]

Еще один усталый ум погас...
Бедняк играет глупыми словами...
Смеется!.. Это он осмеивает нас,
Как в дни былые был осмеян нами.

Слеза мирская в людях велика!
Велик и смех... Безумные плодятся...
О, берегитесь вы, кому так жизнь легка,
Чтобы с безумцем вам не побрататься!

Чтоб тот же мрак не опустился в вас;
Он ближе к нам, чем кажется порою...
Да кто ж, поистине, скажите, кто из нас
За долгий срок не потемнел душою?

Константин Случевский

* * *

Еще прибавился мне год
К годам унылого страданья;
Гляжу на их тяжелый ход
Не ропща, но без упованья —

Что будет, знаю наперед:
Нет в жизни для меня обмана.

---

[320] *Больница Всех Скорбящих* — психиатрическая больница в Петербурге.

Блестящ и весел был восход,
А запад весь во мгле тумана.

10 июня 1845

Вильгельм Кюхельбекер

Весенний дождь

Еще светло перед окном,
В разрывы облак солнце блещет,
И воробей своим крылом,
В песке купаяся, трепещет.

А уж от неба до земли,
Качаясь, движется завеса,
И будто в золотой пыли
Стоит за ней опушка леса.

Две капли брызнули в стекло,
От лип душистым медом тянет,
И что-то к саду подошло,
По свежим листьям барабанит.

1857

Афанасий Фет

* * *

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной, везде, всегда,
Недостижимый, неизменный, —
Как ночью на небе звезда...[321]

1848

Федор Тютчев

* * *

Еще шумел веселый день,
Толпами улица блистала,
И облаков вечерних тень
По светлым кровлям пролетала,

И доносилися порой
Все звуки жизни благодатной, —
И всё в один сливалось строй,
Стозвучный, шумный — и невнятный.

Весенней негой утомлен,
Я впал в невольное забвенье...

---

[321] Написано в десятилетнюю годовщину смерти первой жены поэта Элеоноры Ботмер.

Не знаю, долог ли был сон,
Но странно было пробужденье...

Затих повсюду шум и гам
И воцарилося молчанье —
Ходили тени по стенам
И полусонное мерцанье...

Украдкою в мое окно
Глядело бледное светило,
И мне казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.

И мне казалось, что меня
Какой-то миротворный гений
Из пышно-золотого дня
Увлек, незримый, в царство теней.

1829, 1851

Федор Тютчев

Приютино

Посвящено Елисавете Марковне Олениной[322]

---

[322] Посвящено хозяйке усадьбы «Приютино», жене президента Академии художеств А. Н. Оленина — *Елизавете Марковне Олениной* (1768—1838). Елизавета Марковна была гостеприимной хозяйкой петербургского салона Оленина, посещавшегося многими художниками, писателями и учеными. Летом вечера и праздники устраивались на даче Олениных «Приютино», расположенной в 17 верстах от Петербурга, за Охтой. Вяземский, побывавший в «Приютине», писал о нем жене: «Деревня довольно мила, особливо для Петербурга... есть довольно движения в видах, возвышенность, вода, лес». Правнучка Олениных А. Н. Оом в предисловии к дневнику своей бабушки пишет: «Барский дом стоял над самым прудом; дачу окаймлял дремучий лес... В саду, близ дома, разбросаны были разные отдельные флигеля, которые Алексей Николаевич построил для размещения гостивших у него друзей». «Приютино» было

Еще я прихожу под кров твой безмятежный,
Гостеприимная приютинская сень!
Я, твой старинный гость, бездомный странник прежний,
Твою приютную всегда любивший тень.

Край милый, сколько раз с тобою я прощался;
Но как проститься с тем, что в нас слилось с душой?
Всё, чем я здесь дышал, чем втайне наслаждался,
Всё неизгла́димо везде ношу с собой!

Есть край, родной мне край зефиров легкокрылых:[323]
Там небо и земля и воздух мне милей!
Но где людей найти, душе моей столь милых?
Где столько сладостных воспоминаний ей?

Здесь часто, удален от городского шума,
Я сердцу тишины искал от жизни бурь;
И здесь, унылая моя светлела дума,
Как неба летнего спокойная лазурь.

Здесь часто по холмам бродил с моей мечтою,
И спящее в глуши безжизненных лесов
Я эхо севера вечернею порою
Будил гармонией Гомеровых стихов.[324]

излюбленным местопребыванием Гнедича; он и Крылов, оба холостяки, не имевшие прочного гнезда, чувствовали себя в «Приютине» как дома.

[323] Имеется в виду Украина, с которой Гнедич расстался в раннем возрасте.

[324] Гнедич — переводчик «Илиады» Гомера. См. также стихотворение Пушкина «На перевод Илиады Гомера».

Вам, дети тайные души моей свободной,
Вам, думы гордые, здесь глас мой жизнь давал;
И, пылкий юноша, ты, друг мой благородный,
Мой слыша смелый стих, кипел и трепетал!

Но чаще, сев я там, под со́сной говорливой,
Где с нею шепчется задумчивый ручей,
Один, уединен, в час ночи молчаливой
Беседы долгие вел с думою моей.

О! кто переходил путь бедствий и крушенья,
Тот знает, отчего душа и дума в нас
Влечется в тихие лесов уединенья,
Зачем полуночный, безмолвный любит час.

Так, здесь я не один; здесь всё, чем сердце дышит,
Надежды юности, сердечные мечты,
Всё видит в образе, всего здесь голос слышит,
И ловит милого воздушные черты!

Уединение для сердца не пустыня:
Мечтами населит оно и дикой бор;
И в дебрях сводит с ним фантазия-богиня
Свиданья тайные и тайный разговор.

Пустыня не предел для мысли окрыленной:
Здесь я, невидимый, всё вижу над землей;
Воздушной жизни всей участник сокровенный,
Делюся бытием, живу не сам собой.

Душой сливаюся с лазурью бесконечной,
С златыми звездами, поэзией небес!
С тобой беседую, художник мира вечной!
И с книгой дивною божественных чудес!

Вот чем влеком опять под кров твой безмятежный,
Гостеприимная приютинская сень!
Я, твой старинный гость, бездомный странник прежний,
Еще мою главу в твою склоняю тень.

Ты тот же всё еще, край мирный и прелестный!
Свежи твои цветы, предел твой так же тих;
Без шума всё течет поток твой неизвестный,
Как счастье скромное властителей твоих,

Но я уже не тот беспечный сын свободы,
Лелеявший мечты дубрав твоих в тиши.
Увы! не многие, но гибельные годы
Умчали молодость и жизнь моей души.

Они затмили свет надежд, меня жививших,
Убили жизнь младых и недоцветших лет.
Ударов роковых, мне мир опустошивших,
На бледном я челе ношу глубокий след.

Но, тщетным ропотом я року не скучая,
Как грусть бессловная, грущу наедине;
Я слезы, пред людьми души не унижая,
Скрыл в их источнике, в сердечной глубине.

Долины мирные, лесов уединенья!
Нет, я не прихожу покой ваш возмутить;
Живой я прихожу искать воды забвенья:
Поток приютинский, мне дай его испить!

Вот здесь я, заключен зеленой сей стеною,
Мой ограничу взор прудом недвижным сим:
С его спокойствием сольюсь моей душою
И обману печаль бесчувствием немым.

Вот здесь семья берез, нависших над водами,
Меня безмолвием и миром осенит;
В тени их мавзолей под ельными ветвями,[325]
Знакомый для души, красноречивый вид!

При нем вся жизнь, как сон, с мечтами убегает,
И мысль покоится, и сердце здесь молчит.
И дружба самая здесь слез не проливает:
О храбром сожалеть ей гордость запретит.

За честь отечества он отдал жизнь тирану,
И русским витязям он может показать
Грудь с сердцем вырванным, прекраснейшую рану,
Его бессмертия кровавую печать! —

Но вечер наступил; вокруг меня молчанье,
О, как торжественна ночная тишина!
И вот, и на леса и на холмы сиянье,

---

[325] Речь идет о памятном мавзолее сыну Олениных Николаю Алексеевичу (1791—1812), убитому в Бородинском сражении.

Поднявшись, полная рассыпала луна.

О луч серебряный полночного светила!
Что одинокий ты к груди моей летишь?
Что за волшебная в твоем блистаньи сила?
О луч таинственный, ты что мне говоришь?

Нисходишь ли с высот, сиянием прекрасным
Прекрасный свет иной земле предвозвещать?
Иль утешительный склоняешься к несчастным,
Над бледным их челом надеждою сиять?

Твой свет в меня лиет святое трепетанье!
Резвей волнует кровь вкруг сердца моего!
О мертвом юноше родит воспоминанье!..
Небесный, кроткий луч, ты не душа ль его?

Как гласом ближнего, как друга призыванъем
Мой слух ласкается в вечерней тишине!
Мне сердце говорит веселым трепетаньем,
Здесь есть невидимый, но кто-то близкий мне.

О ты, на дружество мне в жизни руку давший!
Я чувствую, ты здесь, небес незримый дух:
О, видим ты душе, тебе не изменявшей,
Не раз являясь ей как утешитель-друг.

Так, если, сбросив прах, дух чистый избирает
Места любезные обителью своей,
Здесь, в сих местах давно дух сына обитает

Незримым гением отеческих полей.[326]

О гость приютинской обители смиренной!
За всё, что в ней найдешь для сердца твоего,
За всё благодари душою умиленной
Благого гения убежища сего.

И если, здесь бродя полуденной порою,
Ты сядешь, утомлен, берез в густой навес,
И вдруг тебе в лицо, горящее от зною,
Прохладою дохнет с незыблемых древес,

То будет он! Здесь он вливает в воздух сладость,
Свежит цветы, луга родных своих полей;
Ниспосылает он и мир на них и радость,
И тихим счастием лелеет их гостей.

О, дай ты, дай и мне, мой дух-благотворитель!
Хотя спокойствием все траты заменить.
Но, верно, не могуч и он, небесный житель,
Утраченного здесь для смертных возвратить.

Он не забыл того, чьей арфой тихострунной
Слух юный услаждать любил в земной стране,
Но, лишь являяся в виденьях ночи лунной,
На небо грустному указывает мне.

1820

---

[326] *Гений* — дух. Здесь имеется в виду *genius loci* (лат. «дух места»).

Николай Гнедич (1784—1833)

Зимняя прогулка

Графине М. Б. Перовской[327]

Ждет тройка у крыльца; порывом
Коней умчит нас быстрый бег.
Смотрите — месячным отливом
Озолотился первый снег.

Кругом серебряные сосны;
Здесь северной Армиды сад:[328]
Роскошно с ветви плодоносной
Висит алмазный виноград;

Вдоль по деревьям арабеском
Змеятся нити хрусталя;
Серебряным, прозрачным блеском
Сияют воздух и земля.

И небо синее над нами —
Звездами утканный шатер,
И в поле искрится звездами
Зимой разостланный ковер.

Он, словно из лебяжьей ткани,

---

[327] Посвящено графине Марии Борисовне *Перовской,* дочери графа Бориса Алексеевича Перовского (1814—1881), бывшего воспитателем Александра III.
[328] *Армида* — героиня поэмы Тассо "Освобожденный Иерусалим" (1580), прекрасная волшебница, владеющая чудесным садом.

Пушист и светит белизной;
Скользя, как челн волшебный, сани
Несутся с плавной быстротой.

Всё так таинственно, так чудно;
Глядишь — не верится глазам.
Вчерашний мир спит беспробудно,
И новый мир открылся нам.

Гордяся зимнею обновой,
Ночь блещет в светозарной тьме;
Есть прелесть в сей красе суровой,
Есть прелесть в молодой зиме,

Есть обаянье, грусть и нега,
Поэзия и чувств обман;
Степь бесконечная и снега
Необозримый океан.

Вот леший — скоморох мохнатый,
Кикимор пляска и игра,
Вдали мерещатся палаты,[329]
Все из литого серебра.

Русалок рой среброкудрявый,
Проснувшись в сей полночный час,
С деревьев резво и лукаво
Стряхает иней свой на нас.

---

[329] *Палаты* — дворец.

Ноябрь 1868. Царское Село

Петр Вяземский

* * *

Жди ясного на завтра дня.
Стрижи мелькают и звенят.
Пурпурной полосой огня
Прозрачный озарен закат.

В заливе дремлют корабли, —
Едва трепещут вымпела.
Далеко небеса ушли —
И к ним морская даль ушла.

Так робко набегает тень,
Так тайно свет уходит прочь,
Что ты не скажешь: минул день,
Не говоришь: настала ночь.

1854

Афанасий Фет

* * *

Жизнь наша в старости — изношенный халат:
И совестно носить его, и жаль оставить;

Мы с ним давно сжились, давно как с братом брат;
Нельзя нас починить и заново исправить.

Как мы состарились, состарился и он;
В лохмотьях наша жизнь, и он в лохмотьях тоже,
Чернилами он весь расписан, окроплен,
Но эти пятна нам узоров всех дороже;

В них отпрыски пера, которому во дни
Мы светлой радости иль облачной печали
Свои все помыслы, все таинства свои,
Всю исповедь, всю быль свою передавали.

На жизни также есть минувшего следы:
Записаны на ней и жалобы, и пени,
И на нее легла тень скорби и беды,
Но прелесть грустная таится в этой тени.

В ней есть предания, в ней отзыв, нам родной,
Сердечной памятью еще живет в утрате,
И утро свежее, и полдня блеск и зной
Припоминаем мы и при дневном закате.

Еще люблю подчас жизнь старую свою
С ее ущербами и грустным поворотом,
И, как боец свой плащ, простреленный в бою,
Я холю свой халат с любовью и почетом.

Между 1874 и 1877

Петр Вяземский

* * *

Жизнь пронеслась без явного следа.
Душа рвалась — кто скажет мне куда?
С какой заране избранною целью?
Но все мечты, всё буйство первых дней
С их радостью — всё тише, всё ясней
К последнему подходят новоселью.

Так, заверша беспутный свой побег,
С нагих полей летит колючий снег,
Гонимый ранней, буйною метелью,
И, на лесной остановясь глуши,
Сбирается в серебряной тиши
Глубокой и холодною постелью.

1864

Афанасий Фет

* * *

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.

Путешествуя в Женеву,
На дороге у креста
Видел он Марию деву,
Матерь Господа Христа.

С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел,
И до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.

С той поры стальной решетки
Он с лица не подымал
И себе на шею четки
Вместо шарфа привязал.

Несть мольбы Отцу, ни Сыну,
Ни Святому Духу ввек
Не случилось паладину,
Странный был он человек.

Проводил он целы ночи
Перед ликом Пресвятой,
Устремив к ней скорбны очи,
Тихо слезы лья рекой.

Полон верой и любовью,
Верен набожной мечте,
Ave, Mater Dei[330] кровью
Написал он на щите.

Между тем как паладины
Ввстречу трепетным врагам
По равнинам Палестины
Мчались, именуя дам,

Lumen coelum, sancta Rosa![331]
Восклицал всех громче он,
И гнала его угроза
Мусульман со всех сторон.

Возвратясь в свой замок дальный,
Жил он строго заключен,
Всё влюбленный, всё печальный,
Без причастья умер он;

Между тем как он кончался,
Дух лукавый подоспел,
Душу рыцаря сбирался
Бес тащить уж в свой предел:

Он-де Богу не молился,
Он не ведал-де поста,
Не путем-де волочился

---

[330] Радуйся, Матерь Божия (лат.)
[331] Свет небес, святая роза (лат.)

Он за матушкой Христа.

Но Пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина[332] своего.

1829

Александр Пушкин

* * *

Забыв и рощу и свободу,
Невольный чижик надо мной
Зерно клюет и брызжет воду,
И песнью тешится живой.

1836

Александр Пушкин

* * *[333]

Завидую тебе, питомец моря смелый,
Под сенью парусов и в бурях поседелый!

---

[332] *Паладин* (от позднелат. *palatinus* придворный) — в средневековой западно европейской литературе название сподвижников Карла Великого. Позднее паладином стали называть доблестного рыцаря, преданного своему государю или даме.

[333] Обращение к неизвестному моряку явилось поводом для нового выражения настроения Пушкина в связи с политической реакционностью Европы обветшалой. Земле противопоставляется океан — как символ свободы.

Спокойной пристани давно ли ты достиг —
Давно ли тишины вкусил отрадный миг —
И вновь тебя зовут заманчивые волны.
Дай руку — в нас сердца единой страстью полны.
Для неба дальнего, для отдаленных стран
Оставим берега Европы обветшалой;
Ищу стихий других, земли жилец усталый;
Приветствую тебя, свободный океан.

1823

Александр Пушкин

Благодарность

За всё, за всё Тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растраченный в пустыне,
За всё, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы Тебя отныне
Недолго я еще благодарил.

1840

Михаил Лермонтов

Безвестность

За днем сбывая день в неведомом углу,
Люблю моей судьбы хранительную мглу.
Заброшенная жизнь, по воле Провиденья,
Оплотом стала мне от бурного волненья.
Не праздно погубя беспечность и досуг,
Я вымерял уму законный действий круг:
Он тесен и закрыт; но в нем без искушенья
Кладу любимые мои напечатленья.
Лампада темная в безмолвии ночей
Так изливает свет чуть видимых лучей,
Но в недре тишины спокойно догорает
И темный свой предел до утра освещает.

1827

Петр Плетнев

Ночь

Задумчивая ночь, сменив мятежный день,
На всё набросила таинственную тень.
Как опустелая, забвенная громада,
Весь город предо мной. С высот над ним лампада,
Без блеска, без лучей, унылая висит
И только для небес недремлющих горит.
Их беспредельные, лазурные равнины
Во тме[334] освещены. Люблю твои картины,

[334] *Тма* — тьма.

Мерцанье звезд твоих, поэзии страна,
Когда в полночный час меж них стоит луна!
С какою жаждою, насытив ими очи,
Впиваю в душу я покой священной ночи!
Весь мир души моей, создание мечты,
Исполнен в этот миг небесной красоты:
Туда в забвении несусь, покинув землю,
И здесь я не живу, не вижу и не внемлю.

1827

Петр Плетнев

Задумчивость[335]

Задумчиво, один, широкими шагами
Хожу, и меряю пустых пространство мест;
Очами мрачными смотрю перед ногами,
Не зрится ль на песке где человечий след.

Увы! я помощи себе между людями
Не вижу, не ищу, как лишь оставить свет;
Веселье коль прошло, грусть обладает нами,
Зол внутренних печать на взорах всякий чтет.

И мнится мне, кричат долины, реки, холмы,
Каким огнем мой дух и чувствия жегомы
И от дражайших глаз что взор скрывает мой.

---

[335] Перевод 28-го сонета Петрарки.

Но нет пустынь таких, ни дебрей мрачных, дальных,
Куда любовь моя в мечтах моих печальных
Не приходила бы беседовать со мной.

1807

Гаврила Державин

* * *

Заката светлого пурпурные лучи
Стремятся на́ гору с синеющей низины,
И ярче пламени в открывшейся печи
Пылают сосен темные вершины...

Не так ли в Альпах горные снега
Горят, когда внизу синеет тьма тенями...
Жизнь родины моей! О, как ты к нам строга,
Как не балуешь нас роскошными дарами!

Мы силами мечты должны воссоздавать
И дорисовывать, чего мы не имеем;
То, что другим дано, нам надо отыскать,
Нам часто не собрать того, что мы посеем!

И в нашем творчестве должны мы превозмочь
И зиму долгую с тяжелыми снегами,
И безрассветную, томительную ночь,
И тьму безвременья, сгущенную веками...

Константин Случевский

Да иль нет

За листком листок срывая
С белой звездочки полей,
Ей шепчу, цветку вверяя,
Что скрываю от людей.

Суеверное мечтанье
Видит в нем себе ответ
На сердечное гаданье —
Будет *да* мне, или *нет?*

Много в сердце вдруг проснется
Незабвенно-давних грез,
Много из груди польется
Страстных просьб и горьких слез.

Но на детское моленье,
На порывы бурных лет
Сердцу часто Провиденье
Молвит милостиво: *нет!*

Стихнут жажды молодые;
Может быть, зашепчут вновь
И мечтанья неземные,
И надежда, и любовь.

Но на зов видений рая,
Но на сладкий их привет
Сердце, жизнь воспоминая,
Содрогнувшись, молвит: *нет!*

Июнь 1839

Каролина Павлова

* * *

Запад гаснет в дали бледно-розовой,
Звезды небо усеяли чистое,
Соловей свищет в роще березовой,
И травою запахло душистою.

Знаю, что́ к тебе в думушку вкралося,
Знаю сердца немолчные жалобы,
Не хочу я, чтоб ты притворялася
И к улыбке себя принуждала бы.

Твое сердце болит, безотрадное,
В нем не светит звезда ни единая —
Плачь свободно, моя ненаглядная,
Пока песня звучит соловьиная,

Соловьиная песня унылая,
Что как жалоба катится слезная,
Плачь, душа моя, плачь, моя милая,

Тебя небо лишь слушает звездное!

1858

Алексей Толстой

* * *

Заплетя свои темные косы венцом,
Ты напомнила мне полудетским лицом
Всё то счастье, которым мы грезим во сне,
Грезы детской любви ты напомнила мне.

Ты напомнила мне зноем темных очей
Лучезарные тени восточных ночей —
Мрак цветущих садов — бледный лик при луне,
Бури первых страстей ты напомнила мне.

Ты напомнила мне много милых теней
Простотой, темным цветом одежды твоей.
И могилу, и слезы, и бред в тишине
Одиноких ночей ты напомнила мне.

Всё, что в жизни с улыбкой навстречу мне шло,
Всё, что время навек от меня унесло,
Всё, что гибло, и всё, что стремилось любить, —
Ты напомнила мне. — Помоги позабыть!

1864

Яков Полонский

* * *

Заря прощается с землею,
Ложится пар на дне долин,
Смотрю на лес, покрытый мглою,
И на огни его вершин.

Как незаметно потухают
Лучи и гаснут под конец!
С какою негой в них купают
Деревья пышный свой венец!

И всё таинственней, безмерней
Их тень растет, растет, как сон;
Как тонко по заре вечерней
Их легкий очерк вознесен!

Как будто, чуя жизнь двойную
И ей овеяны вдвойне, —
И землю чувствуют родную
И в небо просятся оне.

1858

Афанасий Фет

Радуга

За тучами солнце — не видно его!
Но там оно капли нашло дождевые,
Вонзило в них стрелы огня своего, —
И по́ небу ленты пошли огневые.

Дуга разноцветная гордо взошла,
Полнеба изгибом своим обхватила,
К зениту державно свой верх занесла,
А в синее море концы погрузила.

Люблю эту гостью я зреть в вышине:
Лишь только она в небесах развернется,
Протекшего сон вдруг припомнится мне,
Запрыгает сердце, душа встрепенется.

Дни прошлые были повиты тоской,
За тучами крылося счастья светило;
Я плакал, грустил, но в тоске предо мной
Всё так многоцветно, так радужно было.

Как в каплях, летящих из мглы облаков,
Рисуется пламя блестящего Феба,
В слезах преломляясь, блистала любовь
Цветными огнями сердечного неба.

1835

Владимир Бенедиктов

Перед дождем

Заунывный ветер гонит
Стаю туч на край небес,
Ель надломленная стонет,
Глухо шепчет темный лес.

На ручей, рябой и пестрый,
За листком летит листок,
И струей сухой и острой
Набегает холодок.

Полумрак на всё ложится;
Налетев со всех сторон,
С криком в воздухе кружится
Стая галок и ворон.

Над проезжей таратайкой
Спущен верх, перёд закрыт;
И «пошел!» — привстав с нагайкой,
Ямщику жандарм кричит…

1846

Николай Некрасов

К *[336]**

Зачем безвременную скуку

---

[336] Посвящено Елене или Екатерине Раевской. В 1826 г. поэт переадресовал стихи Софье Федоровне Пушкиной, своей однофамилице, к которой он тогда сватался.

Зловещей думою питать
И неизбежную разлуку
В унынье робком ожидать?
И так уж близок день страданья!
Один, в тиши пустых полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянных тобою дней!
Тогда изгнаньем и могилой,
Несчастный! будешь ты готов
Купить хоть слово девы милой,
Хоть легкий шум ее шагов.

1820

Александр Пушкин

Памятная ночь

Зачем в тиши ночной, из сумрака былого,
Ты, роковая ночь, являешься мне снова
И смотришь на меня со страхом и тоской?
— То было уж давно… на станции глухой,
Где ждал я поезда… Я помню, как сначала
Дымился самовар и печь в углу трещала;
Курил и слушал я часов шипевший бой,
Далекий лай собак да сбоку, за стеной,
Храпенье громкое… И вдруг, среди раздумья, —
То было ль забытье, иль тяжкий миг безумья —
Замолкло, замерло, потухло всё кругом.
Луна, как мертвый лик, глядела в мертвый дом,

Сигара выпала из рук, и мне казалось,
Что жизнь во мне самом внезапно оборвалась.
Я всё тогда забыл: кто я, зачем я тут?
Казалось, что не я — другие люди ждут
Другого поезда на станции убогой.
Не мог я разобрать, их мало или много,
Мне было всё равно, что медлит поезд тот,
Что опоздает он, что вовсе не придет…
Не знаю, долго ли то длилось испытанье,
Но тяжко и теперь о нем воспоминанье!

С тех пор прошли года. В тиши немых могил
Родных людей и чувств я много схоронил,
Измен, страстей и зла вседневные картины
По сердцу провели глубокие морщины,
И с грузом опыта, с усталою душой
Я вновь сижу один на станции глухой.
Я поезда не жду, увы!.. пройдет он мимо…
Мне нечего желать, и жить мне нестерпимо!

1880

Алексей Апухтин

Аквилон[337]

Зачем ты, грозный аквилон,
Тростник прибрежный долу клонишь?

---

[337] *Аквилон* (лат. *aquilon*, от *aquila* орел) — сильный северный ветер, который древние называли так по его быстроте, подобной полету орла.

Зачем на дальний небосклон
Ты облачко столь гневно гонишь?

Недавно черных туч грядой
Свод неба глухо облекался,
Недавно дуб над высотой
В красе надменной величался...

Но ты поднялся, ты взыграл,
Ты прошумел грозой и славой —
И бурны тучи разогнал,
И дуб низвергнул величавый.

Пускай же солнца ясный лик
Отныне радостью блистает,
И облачком зефир играет,
И тихо зыблется тростник.[338]

1824

Александр Пушкин

Желание[339]

Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?

---

[338] Пушкин датировал стихотворение в единственном сохранившемся автографе (в 1830 г.) и в печати (в 1837 г.) 1824 годом. Однако нет сомнения в том, что за образами природы в «Аквилоне», подобно тому как это было в стихотворении «Арион», стоят современные события и едва ли стихотворение могло быть написано до восстания 14 декабря 1825 г.
[339] В стихотворении отражены семейные предания о шотландском происхождении рода Лермонтовых.

Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?

На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный покоится прах.

На древней стене их наследственный щит
И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и щитом
И смахнул бы я пыль с них крылом;

И арфы шотландской струну бы задел,
И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним, и одним пробужден,
Как раздался, так смолкнул бы он.

Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны моей
Расстилаются волны морей.

Последний потомок отважных бойцов
Увядает средь чуждых снегов;
Я здесь был рожден, но нездешний душой...
О! зачем я не ворон степной?..

1831

Михаил Лермонтов

Колокольчик

Звенит, гудит, дробится мелкой трелью
Валдайский колокольчик удалой...
    В нем слышится призыв родной, —
Какое-то разгульное веселье
С безумной, безотчетною тоской...

Кто едет там?.. Куда?.. С какою целью?..
Зачем?.. К кому?.. И ждет ли кто-нибудь?..
    Трепещущую счастьем грудь
Смутит ли колокольчик звонкой трелью?..
Спешат, летят!.. Бог с ними... Добрый путь!..

Вот с мостика спустились на плотину,
Вот обогнули пруд, и сад, и дом...
    Теперь поехали шажком...
Свернули в парк аллеею старинной...
И вот ямщик стегнул по всем по трем...

Звенит, гудит, как будто бьет тревогу,
Чтоб мысль завлечь и сердце соблазнить!..
    И скучно стало сиднем жить,
И хочется куда-нибудь в дорогу,
И хочется к кому-нибудь спешить!..

27 августа 1853. Вороново

Евдокия Растопчина (1811—1858)

* * *

Звонче жаворонка пенье,
Ярче вешние цветы,
Сердце полно вдохновенья,
Небо полно красоты.

Разорвав тоски оковы,
Цепи пошлые разбив,
Набегает жизни новой
Торжествующий прилив,

И звучит свежо и юно
Новых сил могучий строй,
Как натянутые струны
Между небом и землей.

1858

Алексей Толстой

* * *

Здесь всё мое! — Высь небосклона,
И солнца лик, и глубь земли,
Призыв молитвенного звона
И эти в море корабли;

Мои — все села над равниной,
Стога, возникшие окрест,
Река с болтливою стремниной
И всё былое этих мест...

Здесь для меня живут и ходят...
Мне — свежесть волн, мне — жар огня,
Туманы даже, те, что бродят, —
И те мои и для меня!

И в этом чудном обладанье,
Как инок, на исходе дней,
Пишу последнее сказанье,
Еще одно, других ясней!

Пускай живое песнопенье
В родной мне русский мир идет,
Где можно — даст успокоенье
И никогда, ни в чем не лжет.

Константин Случевский

* * *

Здесь, где так вяло свод небесный
На землю тощую глядит, —
Здесь, погрузившись в сон железный,
Усталая природа спит...

Лишь кой-где бледные березы,
Кустарник мелкий, мох седой,
Как лихорадочные грезы,
Смущают мертвенный покой.

1829

Федор Тютчев

Ворон

Здорово, друг ворон, бездомный, бессонный,
Разумная птица моя!
Сосед мой, мой ворон, мой гость благосклонный,
Прилет твой приветствую я.
Зачем ты так близко к жилищу живого
И зорко так в очи глядишь?
Иль вещую тайну из мира другого
Ты молча на сердце таишь?
Всё знаю, друг ворон, вещун запоздалый:
Ты поздно подсел под окно, —
Всё знаю, мой ворон, мне сердце сказало,
И сердце сказало давно!

1839, Тверь

Николай Коншин (1793—1859)

Русский снег в Париже

Здорово, русский снег, здорово!
Спасибо, что ты здесь напал,
Как будто бы родное слово
Ты сердцу русскому сказал.

И ретивое запылало
Любовью к родине святой,
В груди отрадно заиграло
Очаровательной мечтой.

В родных степях я очутился,
Зимой отечества дохнул,
И от души перекрестился,
Домой я точно заглянул.

Но ты растаешь, и с зарею
Тебе не устоять никак,
Нет, не житье нам здесь с тобою:
Житье на родине, земляк!

1839

Иван Мятлев

Из письма к Вульфу[340]

Здравствуй, Вульф, приятель мой!

---

[340] *Вульф* Алексей Николаевич (1805—1881) — сын от первого брака соседки Пушкина, помещицы села Тригорского П. А. Осиповой. Когда Пушкин в августе 1824 г. приехал из Одессы в Михайловское, Вульф был на летних вакациях в Тригорском, где поэт и подружился с ним. Письмо написано в Дерпт, где Вульф учился в университете вместе с поэтом Языковым.

Приезжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой
Погулять верхом порой,
Пострелять из пистолета.
Лайон, мой курчавый брат[341]
(Не михайловской приказчик),
Привезет нам, право, клад...
Что? — бутылок полный ящик.
Запируем уж, молчи!
Чудо — жизнь анахорета![342]
В Троегорском до ночи,
А в Михайловском до света;
Дни любви посвящены,
Ночью царствуют стаканы,
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

1824

Александр Пушкин

Первый снег

Здравствуйте, легкие звезды пушистого, первого снега!
Быстро на темной земле таете вы чередой.
Но проворно летят за вами другие снежинки,
Словно пчелы весной, воздух недвижный пестря.

[341] *Лайон* — английская форма имени брата Пушкина, Льва (1805—1852).
[342] *Анахорет* (греч.) — отшельник, пустынник.

Скоро наступит зима, — под тонким и звучным железом
Резвых саней завизжит холодом стиснутый лед.
Ярко мороз затрещит; румяные щеки красавиц
Вспыхнут; иней слегка длинных коснется ресниц.
Так! пора мне с тобой расстаться, степная деревня!
Крыш не увижу твоих, мягким одетых ковром,
Струек волнистого дыма на небе холодном и синем,
Белых холмов и полей, грозных и темных лесов.
Падай обильнее, снег! Зовет меня город далекий;
Хочется встретить опять старых врагов и друзей.

1846

Иван Тургенев

Приход весны[343]

Зелень нивы, рощи лепет,
В небе жаворонка трепет,
Теплый дождь, сверканье вод, —
Вас назвавши, что прибавить?
Чем иным тебя прославить,
Жизнь души, весны приход?

1831

Василий Жуковский

[343] Вольный перевод стихотворения Уланда «Lob des Frühlings» («Похвала весне»).

Весенняя грусть

Зима бежит. Не слышен вьюги вой;
Метель не вьется по дороге;
И шумно панцирь ледяной
Дробит Ока, волнуяся в тревоге.

В ущельях гор серебряным ковром
Лежат нетронутые снеги,
И коршун в небе голубом
Кругоплывет — предвестник теплой неги.

Между дерев безлиственно-нагих
Младая верба: вся в уборе,
Весну встречает, как жених,
Улыбкой светлою во взоре.

Еще два дня... Проснется жизнь везде;
На Божий свет былинка взглянет,
И ласточка в родном гнезде
И щебетать, и виться станет.

Всех радует привет весны!..
Лишь я, печальный и угрюмый,
Былые вспоминаю сны,
Мои несбывшиеся думы.

Но что другим в тоске моей?..
Кому понять чужие слезы!
Спеши ж, весна! Пой в роще, соловей!

Цветите, пламенные розы!..

1835

Дмитрий Ознобишин (1804—1877)

* * *

Зима недаром злится,
Прошла ее пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора.

И всё засуетилось,
Всё нудит Зиму вон —
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.

Зима еще хлопочет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...

Весне и горя мало:
Умылася в снегу

И лишь румяней стала
Наперекор врагу.[344]

1836

Федор Тютчев

* * *[345]

Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? и можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?
Пороша. Мы встаем, и тотчас на коня,
И рысью по полю при первом свете дня;
Арапники в руках, собаки вслед за нами;[346]
Глядим на бледный снег прилежными глазами;
Кружимся, рыскаем и поздней уж порой,
Двух зайцев протравив, являемся домой.
Куда как весело! Вот вечер: вьюга воет;
Свеча темно горит; стесняясь, сердце ноет;
По капле, медленно глотаю скуки яд.
Читать хочу; глаза над буквами скользят,

---

[344] Возможно, этот образ был создан под впечатлением обряда, распространенного в деревнях под Мюнхеном. В марте юноши и девушки имитируют весенние полевые работы; внезапно появляется «ведьма», которая безуспешно пытается им помешать. Сцена утверждает неизбежную победу лета над зимой.
[345] Написано в Старицком уезде Тверской губ., в селе Павловском П. И. Вульфа, дяди друзей Пушкина. Поэт гостил у него по дороге из Москвы (после возвращения из Арзрума) в Петербург.
[346] *Арапник* — длинная охотничья плеть с короткой рукояткой.

А мысли далеко... Я книгу закрываю;
Беру перо, сижу; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдёт... Теряю все права
Над рифмой, над моей прислужницею странной:
Стих вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, с лирою я прекращаю спор,
Иду в гостиную; там слышу разговор
О близких выборах, о сахарном заводе;
Хозяйка хмурится в подобие погоде,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червонного гадает короля.
Тоска! Так день за днем идет в уединенье!
Но если по́д вечер в печальное селенье,
Когда за шашками сижу я в уголке,
Приедет издали в кибитке иль возке
Нежданная семья: старушка, две девицы
(Две белокурые, две стройные сестрицы), —
Как оживляется глухая сторона!
Как жизнь, о Боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потом слов несколько, потом и разговоры,
А там и дружный смех, и песни вечерком,
И вальсы резвые, и шепот за столом,
И взоры томные, и ветреные речи,
На узкой лестнице замедленные встречи;
И дева в сумерки выходит на крыльцо:
Открыты шея, грудь, и вьюга ей в лицо!
Но бури севера не вредны русской розе.
Как жарко поцелуй пылает на морозе!

Как дева русская свежа в пыли снегов!

1829

Александр Пушкин

Деревенский вечер

Зимний воздух сжат дремотой…
В темной зале всё молчит;
За обычною работой
Няня старая сидит.
Вот зевнула, засыпает,
Что-то по́д нос бормоча…
И печально догорает
Одинокая свеча.

Подле няни на подушке
Позабытое дитя
То глядит в лицо старушке,
Взором радостно блестя,
То, кудрявою головкой
Наклонившись над столом,
Боязливо и неловко
Озирается кругом.

Недалёко за стеною
И веселие, и смех,
Но — с задумчивой душою
Мальчик прячется от всех.

Не боится, как другие,
Этой мертвой тишины…
И глаза его большие
На окно обращены.

Ризой белою, пушистой
Ели и́скрятся светло;
Блещет тканью серебристой
Льдом одетое стекло;
Сторона лесов далеких
Снегом вся занесена,
И глядит с небес высоких
Круглолицая луна.

А ребенок невеселый
К няне жмется и дрожит…
В зале маятник тяжелый
Утомительно стучит.
Няня спицами качает,
Что-то под нос бормоча…
И едва-едва мерцает
Нагоревшая свеча…

26 февраля 1856

Алексей Апухтин

Знаешь ли, Юленька

Ю. И. Липиной[347]

Знаешь ли, Юленька, что мне недавно приснилося?..
Будто живется опять мне, как смолоду жилося;
Будто мне на́ сердце веет бывалыми вёснами:
Просекой, дачкой, подснежником, хмурыми соснами,
Талыми зорьками, пеночкой, Невкой, березами,
Нашими детскими... нет! — уж не детскими грезами!
Нет!.. уже что-то тревожно в груди колотилося...
Знаешь ли, Юленька?.. глупо!.. А всё же приснилося...

1860

Лев Мей

* * *

Зной — и всё в томительном покое —
В пятнах света тени спят в аллее...
Только чуткой чудится лилее,
Что гроза таится в этом зное.

Бледная, поникла у балкона —
Ждет грозы, — и грезится ей, бедной,
Что далекой бури призрак бледный
Стал темнеть в лазури небосклона...

Грезы лета кажутся ей былью, —

---

[347] Липина Юлия Ивановна (урожд. Мей) — двоюродная сестра поэта.

Гроз и бурь она еще не знает,
Ждет... зовет... и жутко замирает,
Золотой осыпанная пылью....

Воробьевка,[348] 1890

Яков Полонский

Осень

Золотой метелью
Мчится желтый лист;
Жалобной свирелью
Слышен ветра свист...
В синие долины
Сумерки сошли;
С горныя вершины
Вьются журавли!..
Слышу шепот сосен
С ближней высоты:
«Наступает осень,
Что же медлишь ты?!.»

1863

Федор Глинка

* * *

[348] *Воробьевка* — имение А. А. Фета, где Полонский гостил летом 1890 года.

Зорю бьют... из рук моих
Ветхий Данте выпадает,
На устах начатый стих
Недочитанный затих —
Дух далече улетает.
Звук привычный, звук живой,
Сколь ты часто раздавался
Там, где тихо развивался
Я давнишнею порой.[349]

1829

Александр Пушкин

* * *

Зреет рожь над жаркой нивой,
И от нивы и до нивы
Гонит ветер прихотливый
Золотые переливы.

Робко месяц смотрит в очи,
Изумлен, что день не минул,
Но широко в область ночи
День объятия раскинул.

[349] Написано под впечатлением внезапного звука «зори», барабанного боя, в военном лагере на Кавказе. Звуки эти напомнили поэту «зори», слышанные им в лицейские годы, в Царском Селе, — они доносились до лицея из казарм или с дворцовой караульни.

Над безбрежной жатвой хлеба
Меж заката и востока
Лишь на миг смежает небо
Огнедышащее око.

1859

Афанасий Фет

Русские девушки

Зрел ли ты, певец Тииский![350]
Как в лугу весной бычка[351]
Пляшут девушки российски
Под свирелью пастушка?
Как, склонясь главами, ходят,
Башмаками в лад стучат,
Тихо руки, взор поводят
И плечами говорят?
Как их лентами златыми
Челы белые блестят,
Под жемчугами драгими
Груди нежные дышáт?
Как сквозь жилки голубые
Льется розовая кровь,
На ланитах огневые
Ямки врезала любовь?

---

[350] Т. е. Анакреон(т) (Теосский), греческий поэт VI века до н. э., автор любовных песен (родившийся в городе Теос в Ионии).
[351] *Бычок* — русская народная пляска.

Как их брови соболины,
Полный искр соколий взгляд,
Их усмешка — души львины
И орлов сердца разят?
Коль бы видел дев сих красных,
Ты б гречанок позабыл
И на крыльях сладострастных
Твой Эрот прикован был.

Весна 1799

Гаврила Державин

Осень

1

И вот сентябрь! замедля свой восход,
Сияньем хладным солнце блещет,
И луч его в зерцале зыбком вод
Неверным золотом трепещет.
Седая мгла виется вкруг холмов;
Росой затоплены равнины;
Желтеет сень кудрявая дубов,
И красен круглый лист осины;
Умолкли птиц живые голоса,
Безмолвен лес, беззвучны небеса!

2

И вот сентябрь! и вечер года к нам
Подходит. На поля и горы
Уже мороз бросает по утрам
Свои сребристые узоры.
Пробудится ненастливый Эол;
Пред ним помчится прах летучий,
Качаяся, завоет роща, дол
Покроет лист ее падучий,
И набегут на небо облака,
И, потемнев, запенится река.

3

Прощай, прощай, сияние небес!
Прощай, прощай, краса природы!
Волшебного шептанья полный лес,
Златочешуйчатые воды!
Веселый сон минутных летних нег!
Вот эхо в рощах обнаженных
Секирою тревожит дровосек,
И скоро, снегом убеленных,
Своих дубров и хóлмов зимний вид
Застылый ток туманно отразит.

4

А между тем досужий селянин
Плод годовых трудов сбирает;
Сметав в стога скошённый злак долин,
С серпом он в поле поспешает.

Гуляет серп. На сжатых бороздах
Снопы стоят в копнах блестящих
Иль тянутся вдоль жнивы, на возах,
Под тяжкой ношею скрыпящих,
И хлебных скирд золотоверхий град
Подъемлется кругом крестьянских хат.

5

Дни сельского, святого торжества!
Овины весело дымятся,
И цеп стучит, и с шумом жернова
Ожившей мельницы крутятся.
Иди, Зима! на строги дни себе
Припас оратай много блага:
Отрадное тепло в его избе,
Хлеб-соль и пенистая брага;
С семьей своей вкусит он без забот
Своих трудов благословенный плод!

6

А ты, когда вступаешь в осень дней,
Оратай жизненного поля,
И пред тобой во благостыне всей
Является земная доля;
Когда тебе житейские бразды,
Труд бытия вознаграждая,
Готовится подать свои плоды
И спеет жатва дорогая,

И в зернах дум ее сбираешь ты,
Судеб людских достигнув полноты, —

7

Ты так же ли, как земледел, богат?
И ты, как он, с надеждой сеял;
И ты, как он, о дальнем дне наград
Сны позлащенные лелеял…
Любуйся же, гордись восставшим им!
Считай свои приобретенья!..
Увы! мечтам, страстям, трудам мирским
Тобой скопленные презренья,
Язвительный, неотразимый стыд
Души твоей обманов и обид!

8

Твой день взошел, и для тебя ясна
Вся дерзость юных легковерий;
Испытана тобою глубина
Людских безумств и лицемерий.
Ты, некогда всех увлечений друг,
Сочувствий пламенный искатель,
Блистательных туманов царь — и вдруг
Бесплодных дебрей созерцатель,
Один с тоской, которой смертный стон
Едва твоей гордыней задушён.

9

Но если бы негодованья крик,
Но если б вопль тоски великой
Из глубины сердечныя возник,
Вполне торжественный и дикой, —
Костями бы среди своих забав
Содроглась ветреная младость,
Играющий младенец, зарыдав,
Игрушку б выронил, и радость
Покинула б чело его навек,
И заживо б в нем умер человек!

10

Зови ж теперь на праздник честный мир!
Спеши, хозяин тароватый![352]
Проси, сажай гостей своих за пир
Затейливый, замысловатый!
Что лакомству пророчит он утех!
Каким разнообразьем брашен
Блистает он!.. Но вкус один во всех
И, как могила, людям страшен;
Садись один и тризну соверши
По радостям земным твоей души!

11

Какое же потом в груди твоей
Ни водворится озаренье,

[352] *Тароватый* — щедрый.

Чем дум и чувств ни разрешится в ней
Последнее вихревращенье —
Пусть в торжестве насмешливом своем
Ум бесполезный сердца трепет
Угомонит и тщетных жалоб в нем
Удушит запоздалый лепет,
И примешь ты, как лучший жизни клад,
Дар опыта, мертвящий душу хлад.

12

Иль, отряхнув видения земли
Порывом скорби животворной,
Ее предел завидя невдали,
Цветущий брег за мглою черной,
Возмездий край, благовестящим снам
Доверясь чувством обновленным,
И бытия мятежным голосам,
В великом гимне примиренным,
Внимающий, как арфам, коих строй
Превыспренний[353] не понят был тобой, —

13

Пред Промыслом оправданным ты ниц
Падешь с признательным смиреньем,
С надеждою, не видящей границ,
И утоленным разуменьем, —

[353] *Превыспренний* — очень приподнятый, торжественный.

Знай, внутренней своей вовеки ты
Не передашь земному звуку
И легких чад житейской суеты
Не посвятишь в свою науку;
Знай, горняя иль дольная,[354] она
Нам на земле не для земли дана.

14

Вот буйственно несется ураган,
И лес подъемлет говор шумный,
И пенится, и ходит океан,
И в берег бьет волной безумной;
Так иногда толпы ленивый ум
Из усыпления выводит
Глас, пошлый глас, вещатель общих дум,
И звучный отзыв в ней находит,
Но не найдет отзы́ва тот глагол,
Что страстное земное[355] перешел.

15

Пускай, приняв неправильный полет
И вспять стези не обретая,
Звезда небес в бездонность утечет;
Пусть замени́т ее другая;
Не явствует земле ущерб одной,
Не поражает ухо мира

[354] Т. е. небесная или земная.
[355] Т. е. земное, подверженное страстям.

Падения ее далекий вой,
Равно как в высотах эфира
Ее сестры новорожденный свет
И небесам восторженный привет!

16

Зима идет, и тощая земля
В широких лысинах бессилья,
И радостно блиставшие поля
Златыми класами обилья,
Со смертью жизнь, богатство с нищетой —
Все образы годины бывшей
Сравняются под снежной пеленой,
Однообразно их покрывшей, —
Перед тобой таков отныне свет,
Но в нем тебе грядущей жатвы нет!

1837

Евгений Боратынский

* * *

И гроб опущен уж в могилу,
И всё столпилося вокруг...
Толкутся, дышат через силу,
Спирает грудь тлетворный дух.

И над могилою раскрытой,

В возглавии, где гроб стоит,
Ученый пастор сановитый
Речь погребальную гласит.

Вещает бренность человечью,
Грехопаденье, кровь Христа...
И умною, пристойной речью
Толпа различно занята...

А небо так нетленно-чисто,
Так беспредельно над землей...
И птицы реют голосисто
В воздушной бездне голубой...

1835

Федор Тютчев

Старушка

Идет старушка в дальний путь,
С сумою и клюкой;
Найдет ли место отдохнуть
Старушка в час ночной?

Среди грозы кто приютит?
Как ношу донесет?
Ничто старушку не страшит,
Идет себе, идет...

Присесть не смеет на часок,
Чтоб дух перевести;
Короткий дан старушке срок,
Ей только б добрести...

И, может быть, в последний раз
Ей суждено туда,
Куда душа всегда рвалась,
Где кончится беда.

Во что б ни стало, а дойти,
Хоть выбиться из сил,
Как бы ни страшно на пути,
Чем путь бы ни грозил.

Так в жизни поздние лета
Сильней волнует кровь
Души последняя мечта,
Последняя любовь.

Ничто не помогает нам —
Ни юность, ни краса,
Ни рой надежд, младым годам
Дарящий небеса.

Одна любовь взамен всему,
И с нею мы идем,
И с нею горестей суму
Безропотно несем.

Спешим, спешим в далекий путь...
Желали бы бежать...
Присесть не смеем, отдохнуть,
Чтобы не опоздать.

Бесщадно гонит нас любовь,
Пока дойдем туда,
Где навсегда остынет кровь,
Где кончится беда.

1841

Иван Мятлев

Прогулка по большой дороге

Иду давно — и пред глазами
Дороги тот же всё простор;
Всё тот же, с пестрыми цветами,
Зеленый стелется ковер.

Здесь редко люди проезжают;
Почти что некому пройти;
И только бабочки летают
Вдоль по широкому пути.

И тишина зато какая!
Как будто с тем проложена́
Была дорога, чтоб немая
Здесь воцарилась тишина.

Шумят лишь ласково деревья,
Да мне доносит ветерок
При стаде мальчика со жневья
Поющий песню голосок.

Сравнить покой мне этот не с чем,
Как с тихой грезой в сладком сне;
Лишь ворон раз ее при мне
Нарушил карканьем зловещим.

Сентябрь 1886

Алексей Жемчужников

Морское купанье

Из бездны морской белоглавая встала
Волна, и лучами прекрасного дня
Блестит, подвижна́я громада кристалла,
И тихо, качаясь, идет на меня.
Вот, словно в раздумьи, она отступила,
Вот берег она под себя покатила
И выше сама поднялась и падет;
И громом, и пеной пучинная сила,
Холодная, бурно меня обхватила,
Кружит, и бросает, и душит, и бьет,
И стихла. Мне любо. Из грома, из пены
И холода — легок и свеж выхожу,
Живее мои выпрямляются члены,

Вольнее дышу, веселее гляжу
На берег, на горы, на светлое море.
Мне чудится, словно прошло мое горе,
И юность такая ж, как прежде была,
Во мне встрепенулась, и жизнь моя снова
Гулять, распевать, красоваться готова
Свободно, беспечно, — резва, удала.

17 июня 1840, Ницца, предместье Мраморного креста

Николай Языков

* * *

Из детских всех воспоминаний
Одно во мне свежее всех,
Я в нем ищу в часы страданий
Душе младенческих утех.

Я помню липу, нераздельно
Я с нею жил; и листьев шум
Мне веял песней колыбельной,
Всей негой первых детских дум.

Как ветви сладостно шептали!
Как отвечал им лепет мой!
Мы будто вместе песнь слагали
С любовью, с радостью одной.

Давно я с липой разлучился;

Она как прежде зелена,
А я? Как стар! Как изменился!
Не молодит меня весна!

Увижу ль липу я родную?
Там мог бы сердце я согреть
И песнь младенчески простую
С тобой, мой добрый друг, запеть.

Ты стар, но листья молодеют,
А люди, люди! Что мне в них?
Чем ста́рей — больше всё черствеют
И чувств стыдятся молодых!

Между 1832 и 1835

Александр Одоевский (1802—1839)

Камаринская

Из домов умалишенных, из больниц
Выходили души опочивших лиц;
Были веселы, покончивши страдать,
Шли, как будто бы готовились плясать.

«Ручку в ручку дай, а плечико к плечу...
Не вернуться ли нам жить?» — «Ой, не хочу!
Из покойничков в живые нам не лезть, —
Знаем, видим — лучше смерть, как ни на есть!»

Ах! Одно же сердце у людей, одно!
Истомилося, измаялось оно;
Столько горя, ну́жды, столько лжи кругом,
Что гуляет зло по свету ходенем.

Дай копеечку, кто может, беднякам,
Дай копеечку и нищим духом нам!
Торопитесь! Будет поздно торопить.
Сами станете копеечки просить...

Из домов умалишенных, из больниц
Выходили души опочивших лиц;
Были веселы, покончивши страдать,
Шли, как будто бы готовились плясать...

Константин Случевский

К Языкову[356]

(Михайловское, 1824)

Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз,
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидиевой тенью:

---

[356] *Языков* Николай Михайлович (1803—1846) — поэт, в это время — студент Дерптского университета. Это первое обращение Пушкина к молодому поэту, о котором он еще в конце 1823 г. писал Дельвигу: «Разделяю твои надежды на Языкова».

Языков, близок я тебе.
Давно б на Дерптскую дорогу
Я вышел утренней порой
И к благосклонному порогу
Понес тяжелый посох мой,
И возвратился б, оживленный
Картиной беззаботных дней,
Беседой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей.
Но злобно мной играет счастье:
Давно без крова я ношусь,
Куда подует самовластье;
Уснув, не знаю где проснусь. —
Всегда гоним, теперь в изгнанье
Влачу закованные дни.
Услышь, поэт, мое призванье,
Моих надежд не обмани.
В деревне, где Петра питомец,[357]
Царей, цариц любимый раб
И их забытый однодомец,
Скрывался прадед мой арап,[358]
Где, позабыв Елисаветы
И двор и пышные обеты,
Под сенью липовых аллей
Он думал в охлажденны леты
О дальней Африке своей, —
Я жду тебя. Тебя со мною

---

[357] Имеется в виду Ибрагим (Абрам Петрович) Ганнибал (1697?—1781), прадед Пушкина, вывезенный из Абиссинии.
[358] Имение «Михайловская губа» было пожаловано Ганнибалу грамотой имп. Елизаветы Петровны 12 января 1746 г., после пятнадцатилетней опалы его, кончившейся с воцарением Елизаветы.

Обнимет в сельском шалаше
Мой брат по крови, по душе,[359]
Шалун, замеченный тобою;
И муз возвышенный пророк,
Наш Дельвиг всё для нас оставит,
И наша троица прославит
Изгнанья темный уголок.
Надзор обманем караульный,
Восхвалим вольности дары
И нашей юности разгульной
Пробудим шумные пиры,
Вниманье дружное преклоним
Ко звону рюмок и стихов,
И скуку зимних вечеров
Вином и песнями прогоним.

1824

Александр Пушкин

* * *

Из-за острова на стрежень[360],
На простор речной волны
Выбегают расписные,
Острогрудые челны.

На переднем Стенька Разин,

---

[359] Л. С. Пушкин, с которым поэт был в эту пору очень близок.
[360] *Стрежень* — глубокая часть речного русла с быстрым течением.

Обнявши́сь с своей княжной,
Свадьбу новую справляет
И веселый и хмельной.

А княжна, склонивши очи,
Ни жива и ни мертва,
Робко слушает хмельные,
Неразумные слова.

«Ничего не пожалею!
Буйну голову отдам!» —
Раздается по окрестным
Берегам и островам.

«Ишь ты, братцы, атаман-то
Нас на бабу променял!
Ночку с нею повозился —
Сам наутро бабой стал…

Ошалел…» Насмешки, шепот
Слышит пьяный атаман —
Персиянки полоненной
Крепче обнял полный стан.

Гневно кровью налилися
Атамановы глаза,
Брови черные нависли,
Собирается гроза…

«Эх, кормилица родная,

Волга — матушка-река!
Не видала ты подарков
От донского казака!..

Чтобы не было зазорно
Перед вольными людьми,
Перед вольною рекою, —
На, кормилица… возьми!»

Мощным взмахом поднимает
Полоненную княжну
И, не глядя, прочь кидает
В набежавшую волну…

«Что затихли, удалые?..
Эй ты, Фролка, черт, пляши!..
Грянь, ребята, хоровую
За помин ее души!..»

1883

Дмитрий Садовников (1847—1883)

* * *

Die Gleichmäßigkeit des Laufes der Zeit in allen Köpfen beweist mehr, als irgend etwas, daß wir Alle in denselben Traum versenkt sind, ja daß es Ein Wesen ist, welches ihn träumt.
Schopenhauer[361]

[361] Равномерность течения времени во всех головах доказывает более, чем что-либо другое, что мы все погружены в один и тот же сон; более того, что все видящие этот сон являются единым существом. Шопенгауэр (нем.).

1

Измучен жизнью, коварством надежды,
Когда им в битве душой уступаю,
И днем и ночью смежаю я вежды
И как-то странно порой прозреваю.

Еще темнее мрак жизни вседневной,
Как после яркой осенней зарницы,
И только в небе, как зов задушевный,
Сверкают звезд золотые ресницы.

И так прозрачна огней бесконечность,
И так доступна вся бездна эфира,
Что прямо смотрю я из времени в вечность
И пламя твое узнаю, солнце мира.

И неподвижно на огненных розах
Живой алтарь мирозданья курится,
В его дыму, как в творческих грезах,
Вся сила дрожит и вся вечность снится.

И всё, что мчится по безднам эфира,
И каждый луч, плотско́й и бесплотный, —
Твой только отблеск, о солнце мира,
И только сон, только сон мимолетный.

И этих грез в мировом дуновеньи
Как дым несусь я и таю невольно,

И в этом прозреньи, и в этом забвеньи
Легко мне жить и дышать мне не больно.

2

В тиши и мраке таинственной ночи
Я вижу блеск приветный и милый,
И в звездном хоре знакомые очи
Горят в степи над забытой могилой.

Трава поблекла, пустыня угрюма,
И сон сиротлив одинокой гробницы,
И только в небе, как вечная дума,
Сверкают звезд золотые ресницы.

И снится мне, что ты встала из гроба,
Такой же, какой ты с земли отлетела,
И снится, снится: мы молоды оба,
И ты взглянула, как прежде глядела.

1864

Афанасий Фет

* * *

Из темных долов этих взор
Всё к ним стремится, к высям гор,
Всё чудится, что там идет
Какой-то звон и всё зовет:

«Сюда! Сюда!..» Ужели там
В льдяных пустынях — Божий храм?

И я иду на чудный зов;
Достиг предела вечных льдов;
Но храма — нет!.. Всё пусто вкруг;
Последний замер жизни звук;
Туманом мир внизу сокрыт, —
Но надо мною всё гудит
Во весь широкий небосклон:
«Сюда! Сюда!» — всё тот же звон...

1883

Аполлон Майков

В деревне

И мнится мне: иду дорожкой сада,
Мне не тяжел обычный полдня жар;
Иду нетвердо, опираться надо,
И сад не тот, и сам я слаб и стар,
И одинок... Семья, что дом мой оживляла,
Как луг цветы, давно уж подросла,
Меньшая дочь давно большою, взрослой стала;
Все разбрелись из отчего дупла.
В могилах спят Остапы, Марьи, Гришки,
Что день и ночь толкались по дворам...
В моих коленях дрожь, мне тяжко от одышки,

Туман какой-то лепится к глазам.
Из-под бровей, на лбу моем нависших,
Темней чем прежде кажет небосклон;
Мелькают в мыслях сотни лиц почивших...
О, как ты крут, горы знакомой склон!
Как далеко мне кажется до дома,
Хочу присесть, едва-едва иду;
Была скамья тут... как была знакома!
Иль нет ее? Быть может, не найду?
Я помню — тут у нашего соседа
Сзывал рабочих колокола звон;
Я помню час семейного обеда,
Мы шли к столу, неслись со всех сторон;
Был длинен стол, все дружно восседали,
Все ели всласть — здоровым всё равно;
Как было шумно, как мы хохотали...
Где этот смех? Веселье — где оно?
Здоровье где? О, как же я тоскую!
Мне много лет... Я стар стал... Я дрожу...
Чу, колокол! Проснулся я — гляжу:
Кругом семья?! Я всех их расцелую!

Константин Случевский

Сон на море

И море, и буря качали наш челн;
Я, сонный, был предан всей прихоти волн.
Две беспредельности были во мне,
И мной своевольно играли оне.

Вкруг меня, как кимвалы,[362] звучали скалы́,
Окликалися ветры и пели валы.
Я в хаосе звуков лежал оглушен,
Но над хаосом звуков носился мой сон.
Болезненно-яркий, волшебно-немой,
Он веял легко над гремящею тьмой.
В лучах огневицы[363] развил он свой мир —
Земля зеленела, светился эфир,
Сады-лавиринфы,[364] чертоги, столпы,
И сонмы кипели безмолвной толпы.
Я много узнал мне неведомых лиц,
Зрел тварей волшебных, таинственных птиц,
По высям творенья, как Бог, я шагал,
И мир подо мною недвижный сиял.
Но все грезы на́сквозь, как волшебника вой,
Мне слышался грохот пучины морской,
И в тихую область видений и снов
Врывалася пена ревущих валов.

1830

Федор Тютчев

На качелях

И опять в полусвете ночном
Средь веревок, натянутых туго,

---

[362] *Кимвалы* — древний музыкальный инструмент в виде двух металлических тарелок.
[363] *Огневица* (диалект.) — бред, горячка.
[364] *Сады-лавиринфы* (лабиринты) — сады с затейливым, путаным расположением дорожек.

На доске этой шаткой вдвоем
Мы стоим и бросаем друг друга.

И чем ближе к вершине лесной,
Чем страшнее стоять и держаться,
Тем отрадней взлетать над землей
И одним к небесам приближаться.

Правда, это игра, и притом
Может выйти игра роковая,
Но и жизнью играть нам вдвоем —
Это счастье, моя дорогая!

26 марта 1890

Афанасий Фет

На Неве

И опять звезда играет
В легкой зыби невских волн,
И опять любовь вверяет
Ей таинственный свой челн.

И меж зыбью и звездою
Он скользит как бы во сне
И два призрака с собою
Вдаль уносит по волне.

Дети ль это праздной лени

Тратят здесь досуг ночной?
Иль блаженные две тени
Покидают мир земной?

Ты, разлитая как море,
Дивно-пышная волна,
Приюти в своем просторе
Тайну скромного челна![365]

Июль 1850

Федор Тютчев

Итальянская villa[366]

И распростясь с тревогою житейской
И кипарисной рощей заслонясь —
Блаженной тенью, тенью элисейской[367]
Она заснула в добрый час.

И вот уж века два тому иль боле,
Волшебною мечтой ограждена,
В своей цветущей опочив юдоле,
На волю неба предалась она.

Но небо здесь к земле так благосклонно!..

---

[365] Одно из первых стихотворений так называемого «денисьевского» цикла любовной лирики поэта. Близкие отношения Тютчева и Елены Александровны Денисьевой (1826—1864) продолжались 14 лет, вплоть до ее смерти.
[366] Речь идет о тайной встрече Тютчева с Эрнестиной Пфеффель (будущей второй женой поэта) в Генуе.
[367] Тенью елисейской т. е. подобно душе, блаженствующей в Элизиуме (на Елисейских полях).

И много лет и теплых южных зим
Провеяло над нею полусонно,
Не тронувши ее крылом своим.

По-прежнему в углу фонтан лепечет,
Под потолком гуляет ветерок,
И ласточка влетает и щебечет...
И спит она... и сон ее глубок!..

И мы вошли... Всё было так спокойно!
Так всё от века мирно и темно!..
Фонтан журчал... Недвижимо и стройно
Соседний кипарис глядел в окно.

Вдруг всё смутилось: судорожный трепет
По ветвям кипарисным пробежал, —
Фонтан замолк — и некий чудный лепет,
Как бы сквозь сон, невнятно прошептал:

«Что это, друг? Иль злая жизнь недаром,
Та жизнь, увы! что в нас тогда текла,
Та злая жизнь, с ее мятежным жаром,
Через порог заветный перешла?»

Декабрь 1837

Федор Тютчев

И скучно и грустно

И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?
А годы проходят — все лучшие годы!

Любить... но кого же?.. на время — не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и всё там ничтожно...

Что страсти? — ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, —
Такая пустая и глупая шутка...

1840

Михаил Лермонтов

* * *

Истомил меня жизни безрадостный сон,
Ненавистна мне память былого,
Я в прошедшем моем как в тюрьме заключен
Под надзором тюремщика злого.

Захочу ли уйти, захочу ли шагнуть —
Роковая стена не пускает,
Лишь оковы звучат, да сжимается грудь,

Да бессонная совесть терзает.

Но под взглядом твоим распадается цепь,
И я весь освещаюсь тобою,
Как цветами нежданно одетая степь,
Как туман, серебримый луною...

1872

Алексей Апухтин

* * *

Источник за ви́шневым садом,
Следы голых девичьих ног,
И тут же оттиснулся рядом
Гвоздями подбитый сапог.

Всё тихо на месте их встречи,
Но чует ревниво мой ум
И шепот, и страстные речи,
И ведер расплесканных шум...

1858

Алексей Толстой

* * *

Итак, опять увиделся я с вами,
Места немилые, хоть и родные,
Где мыслил я и чувствовал впервые —
И где теперь, туманными очами,
При свете вечереющего дня,
Мой детский возраст смотрит на меня.

О бедный призрак, немощный и смутный,
Забытого, загадочного счастья!
О, как теперь без веры и участья
Смотрю я на тебя, мой гость минутный,
Куда как чужд ты стал в моих глазах —
Как брат меньшой, умерший в пеленах...

Ах нет, не здесь, не этот край безлюдный
Был для души моей родимым краем —
Не здесь расцвел, не здесь был величаем
Великий праздник молодости чудной.
Ах, и не в эту землю я сложил
Всё, чем я жил и чем я дорожил![368]

13 июня 1849

Федор Тютчев

* * *

И чувства нет в твоих очах,

[368] Написано во время пребывания в Овстуге, куда Тютчев приехал 7 июня 1849 г., вторично по своем возвращении из-за границы. Поэт вспоминает о своей первой жене, умершей и похороненной в Турине.

И правды нет в твоих речах,
И нет души в тебе.
Мужайся, сердце, до конца:
И нет в творении Творца!
И смысла нет в мольбе!

1836

Федор Тютчев

Кавказ

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых брегах,

И нищий наездник таится в ущелье,
Где Терек играет в свирепом веселье;

Играет и воет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;
И бьется о берег в вражде бесполезной,
И лижет утесы голодной волной...
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

1829

Александр Пушкин

* * *

Как ангел неба безмятежный,
В сияньи тихого огня
Ты помолись душою нежной
И за себя и за меня.

Ты от меня любви словами
Сомненья духа отжени
И сердце тихими крылами
Твоей молитвы осени.

1843

Афанасий Фет

***

Какая грусть! Конец аллеи
Опять с утра исчез в пыли,
Опять серебряные змеи
Через сугробы поползли.

На небе ни клочка лазури,
В степи всё гладко, всё бело,
Один лишь ворон против бури
Крылами машет тяжело.

И на душе не рассветает,
В ней тот же холод, что кругом,
Лениво дума засыпает
Над умирающим трудом.

А всё надежда в сердце тлеет,
Что, может быть, хоть невзначай,
Опять душа помолодеет,
Опять родной увидит край,

Где бури пролетают мимо,
Где дума страстная чиста, —
И посвященным только зримо
Цветет весна и красота.

1862

Афанасий Фет

* * *

Какая ночь! Как воздух чист,
Как серебристый дремлет лист,
Как тень черна прибрежных ив,
Как безмятежно спит залив,
Как не вздохнет нигде волна,
Как тишиною грудь полна!

Полночный свет, ты тот же день:
Белей лишь блеск, чернее тень,
Лишь тоньше запах сочных трав,
Лишь ум светлей, мирнее нрав,
Да вместо страсти хочет грудь
Вот этим воздухом вздохнуть.

1857

Афанасий Фет

Еще майская ночь

Какая ночь! На всем какая нега!
Благодарю, родной полночный край!
Из царства льдов, из царства вьюг и снега
Как свеж и чист твой вылетает май!

Какая ночь! Все звезды до единой
Тепло и кротко в душу смотрят вновь,
И в воздухе за песнью соловьиной
Разносится тревога и любовь.

Березы ждут. Их лист полупрозрачный
Застенчиво манит и тешит взор.
Они дрожат. Так деве новобрачной
И радостен и чужд ее убор.

Нет, никогда нежней и бестелесней
Твой лик, о ночь, не мог меня томить!
Опять к тебе иду с невольной песней,
Невольной — и последней, может быть.

1857

Афанасий Фет

* * *

Как весел грохот летних бурь,
Когда, взметая прах летучий,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутит небесную лазурь
И опрометчиво-безумно
Вдруг на дубраву набежит,
И вся дубрава задрожит
Широколиственно и шумно!..

Как под незримою пятой,
Лесные гнутся исполины;
Тревожно ропщут их вершины,
Как совещаясь меж собой, —
И сквозь внезапную тревогу
Немолчно слышен птичий свист,
И кой-где первый желтый лист,
Крутясь, слетает на дорогу...

1851

Федор Тютчев

Осень

Как грустны сумрачные дни
Беззвучной осени и хладной!
Какой истомой безотрадной
К нам в душу просятся они!

Но есть и дни, когда в крови
Золотолиственных уборов
Горящих осень ищет взоров
И знойных прихотей любви.

Молчит стыдливая печаль,
Лишь вызывающее слышно,
И, замирающей так пышно,
Ей ничего уже не жаль.

5 октября 1883

Афанасий Фет

Весна на дворе

Как дышит грудь свежо и емко —
Слова не выразят ничьи!
Как по оврагам в полдень громко
На пену прядают ручьи!

В эфире песнь дрожит и тает,
На глыбе зеленеет рожь —[369]
И голос нежный напевает:
«Еще весну переживешь!»

1855

Афанасий Фет

На Чамлиджи

Как дышится легко на этих высотах,
Какой-то радостью ты полон безотчетной —
Здесь — точно ближе ты к живущим в небесах,
И вдруг в тебе самом проснулся дух бесплотный,

[369] *Глыба* — ком твердой земли или дернина на пашне; здесь: поле, нива (ср. франц. *glèbe* — ком, глыба земли; возделываемая земля; поле, нива).

И ты глядишь на мир не как уж сын земли!
Вон там — за полосой сверкающего моря
Белеют городки, чуть видные вдали...
И — точно голосам вселенской жизни вторя —
В душе одна лишь мысль, одна звучит струна:
«Когда б в сердцах людей, везде, во всем бы мире,
Такая ж красота, и свет, и тишина,
Как здесь — и на земле — и в море — и в эфире!..»

1890. В Малой Азии

Аполлон Майков

* * *

Какие-то носятся звуки
И льнут к моему изголовью.
Полны они томной разлуки,
Дрожат небывалой любовью.

Казалось бы, что ж? Отзвучала
Последняя нежная ласка,
По улице пыль пробежала,
Почтовая скрылась коляска...

И только... Но песня разлуки
Несбыточной дразнит любовью,
И носятся светлые звуки
И льнут к моему изголовью.

1853

Афанасий Фет

Скучный вечер

Как мне вечером скучно одной,
Да притом же не в шутку больной!
Я б охотно послушала сказки,
Дождалась бы и глупой развязки;
А уж если бы песню кто спел,
Мой недуг бы как раз отлетел.
Мне работать, читать запретили.
Да еще бы хоть звезды светили!
Нет, в окошко, темна, холодна,
Ночь угрюмая смотрит одна;
Шумно сани порой проезжают,
Да у дома в потемках мерцают,
И лениво, и тускло горя,
Покривленные два фонаря.
С каждым часом минуты длиннее,
С каждым часом в душе холоднее.
Вот и песня... Спасибо тому,
Кто запел, невзирая на тьму, —
И не мыслит о том, не гадает,
Кто ему с наслажденьем внимает:
Для себя одного он поет
И по улице дальше идет...

1848

Юлия Жадовская (1824—1883)

* * *

Как мошки зарею,
Крылатые звуки толпятся;
С любимой мечтою
Не хочется сердцу расстаться.

Но цвет вдохновенья
Печален средь буднишних терний;
Былое стремленье
Далеко, как отблеск вечерний.

Но память былого
Всё крадется в сердце тревожно...
О, если б без слова
Сказаться душой было можно!

11 августа 1844

Афанасий Фет

* * *

Как над горячею золой
Дымится свиток и сгорает

И огнь сокрытый и глухой
Слова и строки пожирает —

Так грустно тлится жизнь моя
И с каждым днем уходит дымом,
Так постепенно гасну я
В однообразье нестерпимом!..

О Небо, если бы хоть раз
Сей пламень рáзвился по воле —
И, не томясь, не мучась доле,
Я просиял бы — и погас!

1829, начало 1830-х годов

Федор Тютчев

* * *

Как на черте полночной дали
Тот огонек,
Под дымкой тайною печали
Я одинок.

Я не влеку могучей силой
Очей твоих,
Но приманю я взор твой милый
На краткий миг.

И точка трепетного света

Моих очей —
Тебе печальная примета
Моих страстей.

1842

Афанасий Фет

* * *

Как нежишь ты, серебряная ночь,
В душе расцвет немой и тайной силы!
О, окрыли — и дай мне превозмочь
Весь этот тлен бездушный и унылый!

Какая ночь! Алмазная роса
Живым огнем с огнями неба в споре,
Как океан, разверзлись небеса,
И спит земля — и теплится, как море.

Мой дух, о ночь, как падший серафим,
Признал родство с нетленной жизнью звéздной
И, окрылен дыханием твоим,
Готов лететь над этой тайной бездной.

1865

Афанасий Фет

* * *

Как неожиданно и ярко,
На влажной неба синеве,
Воздушная воздвиглась арка
В своем минутном торжестве!
Один конец в леса вонзила,
Другим за облака ушла —
Она полнеба обхватила
И в высоте изнемогла.

О, в этом радужном виденье
Какая нега для очей!
Оно дано нам на мгновенье,
Лови его — лови скорей!
Смотри — оно уж побледнело,
Еще минута, две — и что ж?
Ушло, как то уйдет всецело,
Чем ты и дышишь и живешь.

5 августа 1865

Федор Тютчев

Весна

Как ни гнетет рука судьбины,
Как ни томит людей обман,
Как ни браздят чело морщины
И сердце как ни полно ран,
Каким бы строгим испытаньям

Вы ни были подчинены, —
Что устоит перед дыханьем
И первой встречею весны!

Весна... Она о вас не знает,
О вас, о горе и о зле;
Бессмертьем взор ее сияет,
И ни морщины на челе.
Своим законам лишь послушна,
В условный час слетает к вам,
Светла, блаженно-равнодушна,
Как подобает божествам.

Цветами сыплет над землею,
Свежа, как первая весна;
Была ль другая перед нею —
О том не ведает она;
По небу много облак бродит,
Но эти облака ея,
Она ни следу не находит
Отцветших весен бытия.

Не о былом вздыхают розы
И соловей в ночи поет,
Благоухающие слезы
Не о былом Аврора[370] льет, —
И страх кончины неизбежной
Не свеет с древа ни листа:

---

[370] *Аврора* — римская богиня утренней зари; (поэт.) утренняя заря.

Их жизнь, как океан безбрежный,
Вся в настоящем разлита.

Игра и жертва жизни частной!
Приди ж, отвергни чувств обман
И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан!
Приди, струей его эфирной
Омой страдальческую грудь —
И жизни Божеско-всемирной
Хотя на миг причастен будь!

1838

Федор Тютчев

* * *

Как ни дышит полдень знойный
В растворенное окно,
В этой храмине спокойной,
Где всё тихо и темно,

Где живые благовонья
Бродят в сумрачной тени,
В сладкий сумрак полусонья
Погрузись и отдохни.

Здесь фонтан неутомимый
День и ночь поет в углу

И кропит росой незримой
Очарованную мглу.

И в мерцанье полусвета,
Тайной страстью занята,
Здесь влюбленного поэта
Веет легкая мечта.[371]

Июль 1850

Федор Тютчев

* * *

Как ни тяжел последний час —
Та непонятная для нас
Истома смертного страданья, —
Но для души еще страшней
Следить, как вымирают в ней
Все лучшие воспоминанья...[372]

14 октября 1867

Федор Тютчев

Ночь

---

[371] Одно из первых стихотворений, внушенных любовью Тютчева к Е. А. Денисьевой.
[372] Написано 14 окт. 1867 г. во время заседания Совета Главного управления по делам печати. Присутствовавший на заседании писатель и редактор «Правительственного вестника» П. И. Капнист заметил, что Тютчев «был весьма рассеян и что-то рисовал или писал на листе бумаги, лежавшей перед ним на столе. После заседания он ушел в раздумье, оставив бумагу». Экспромт был взят Капнистом «на память о любимом им поэте».

Как ночь прекрасна и чиста,
Как чувства тихи, светлы, ясны!
Их не коснется суета,
Ни пламень неги сладострастный!

Они свободны, как эфир;
Они, как эти звезды, стройны;
Как в лоне Бога спящий мир,
И величавы и спокойны.

Единый хор их слышу я,
Когда всё спит в странах окрестных!
Полна, полна душа моя
Каких-то звуков неизвестных.

И всё, что ясно зрится в день,
Что может выразиться словом,
Слилося в сумрачную тень,
Облечено мечты покровом.

Неясно созерцает взор,
Но всё душою дозреваешь:
Так часто сердцем понимаешь
Любви безмолвный разговор.

1828

Степан Шевырев (1806—1864)

Песнь о вещем Олеге

Как ныне сбирается вещий Олег
Отмстить неразумным хозарам,[373]
Их селы и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам;
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из темного леса на встречу ему
Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну[374] старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях проведший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмешь ты коня».

«Волхвы не боятся могучих владык,[375]
А княжеский дар им не нужен:
Правдив и свободен их вещий язык

---

[373] В основе стихотворения лежит летописный рассказ, приведенный Карамзиным в главе V тома I «Истории Государства Российского». Олег — первый князь киевский, правивший в 879—912 гг. и прозванный «вещим» после победоносного похода в 907 г. на греков. Хозары — кочевой народ, некогда обитавший на юге России.
[374] *Перун* — главное божество восточных славян, бог грома и молнии.
[375] *Волхв* — мудрец-провидец.

И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово мое:
Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твое;
Твой щит на вратах Цареграда:[376]
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы...
Под грозной броней ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов:
Он, чуя господскую волю,
То смирный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю.
И холод и сеча ему ничего...
Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся — однако чело
И взор омрачилися думой.
В молчаньи, рукой опершись на седло,

---

[376] Воины Олега в знак победы над греками повесили свои щиты на вратах Цареграда (Константинополя), столицы Византии.

С коня он слезает, угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время;
Теперь отдыхай! уж не ступит нога
В твое позлащенное стремя.
Прощай, утешайся — да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня,

Покройте попоной, мохнатым ковром,
В мой луг под уздцы отведите;
Купайте; кормите отборным зерном;
Водой ключевою поите».
И отроки тотчас с конем отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещий Олег
При звоне веселом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они...

«А где мой товарищ? — промолвил Олег: —
Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? всё так же ль легóк его бег?
Всё тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет ответу: на холме крутом

Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твое предсказанье!
Мой конь и доныне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят — на холме, у брега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокой!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалекой,
Не ты под секирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мертвой главы гробовая змия
Шипя между тем выползала;
Как черная лента, вкруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;[377]
Дружина пирует у брега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

1822

Александр Пушкин

* * *

Tel j'étais autrefois et tel je suis encor.[378]

Каков я прежде был, таков и ныне я:
Беспечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать без умиленья,
Без робкой нежности и тайного волненья.
Уж мало ли любовь играла в жизни мной?
Уж мало ль бился я, как ястреб молодой,
В обманчивых сетях, раскинутых Кипридой,
А не исправленный стократною обидой,
Я новым идолам несу мои мольбы...

1826

Александр Пушкин

---

[377] *Игорь* Рюрикович — великий князь киевский в 912—945 гг. *Ольга* — жена Игоря, правившая Киевской землей после смерти Игоря.
[378] Таков я был раньше и таков я всё еще (франц.)

Лето 1854

Какое лето, что за лето!
Да это просто колдовство —
И как, (с)прошу, далось нам это
Так ни с того и ни с сего?..

Гляжу тревожными глазами
На этот блеск, на этот свет...
Не издеваются ль над нами?
Откуда нам такой привет?..

Увы, не так ли молодая
Улыбка женских уст и глаз,
Не восхищая, не прельщая,
Под старость лишь смущает нас.

Август 1854

Федор Тютчев

Сны

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами...
Настанет ночь — и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.

То глас ее: он нудит нас и просит...

Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, —
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

1829

Федор Тютчев

Неотвязная мысль

Как привяжется, как прилепится
К уму-разуму думка праздная,
Мысль докучная в мозг твой вцепится
И клюет его, неотвязная,
И подобная птице-ворону
Так и каркает в самом темени:
Норовлю от ней как бы в сторону,
Говорю: «Пусти! Нету времени.
День рабочий мне начинается
И кончается он заботою»; —
А несносная упирается:
Я с тобой, дескать, поработаю! —
И становится мне помехою,
И с помехою той досадною,
Что ни сделаю — всё с прорехою

Иль с заплаткою неприглядною.
Вспомнишь прошлое: были случаи —
Сердце юное поразнежится,
Забурлят в уме мысли жгучие,
И одна из них в душу врежется
И займет она всю головушку —
Мысль про тайную ласку дружнюю,
Аль про девушку, аль про вдовушку,
Аль — на грех-беду — про замужнюю,
Да как жаркое сердце свяжется
С этой думкою полюбовною —
Вся вселенная тебе кажется
Софьей Павловной; Ольгой Львовною;
Всюду прелести совершенные,
Всюду милые да прекрасные,
Ненаглядные, незабвенные!
В небе Лидии очи ясные
Во звездах тебе зажигаются,
Ветерок звенит Маши голосом,
Ветки дерева завиваются
Насти локонов мягким волосом;
Стих горит в уме с рифмой бешеной —
Стих, откованный сердца молотом;
На людей глядишь, как помешанный;
Мишуру дают — платишь золотом.
Дело прошлое! Дело древности!
Сколько дел моих ты расстроило!
Сколько было там глупой ревности!..
Да с любовью-то хоть уж стоило
Побезумствовать, покуражиться;

А теперь-то что? — Словно старая
Баба хилая, мысль привяжется
Худощавая, сухопарая;
С теми ль встретишься, с кем ты водишься, —
Речь их сладкая — мед малиновый,
Ты ж словцо сказать не находишься!
Как чурбан какой, пень осиновый,
С головою своей бесталанною
Дураком стоишь, заминаешься,
И на мысль свою окаянную
Всеми силами ополчаешься;
Гонишь прочь ее речью грубою:
«Вон из Питера! В подмосковную!
Не сравню ж тебя я, беззубую,
С Софьей Павловной, с Ольгой Львовною.
Отцепись же ты, сухопарая,
Неотвязная, безотходная!
Убирайся прочь, баба старая!
Фёкла Савишна ты негодная!»
Я гоню ее с криком, топотом,
Не стихом кричу — прозой рубленной,
А она в ответ полушепотом:
«Не узнал меня, мой возлюбленный!
А всё та же я, только смолоду
Я жила с тобой в женской прелести,
Но прибавилось в жизни холоду —
И осунулись бабьи челюсти;
Целовать меня не потянешься,
Счастья дать тебе не могущую,
Да зато во мне не обманешься,

Говорю тебе правду сущую,
И служу тебе верной парою,
И угрюмая, и суровая,
За тобой хожу бабой старою,
А за мной идет баба новая:
В белизне она появляется,
И суха, суха — одни косточки,
А идет она — ухмыляется,
А коса у ней вместо тросточки.
То не та коса благовонная,
Что, обвитая лентой тонкою
И тройным жгутом заплетенная,
Гордо держится под гребенкою,
Что суши́т, крушит сердце юноши,
Что — корона днем самопышная,
А рассыплется до полуночи —
Покрывало сбрось: вещь излишняя!
Для двоих тут есть чем закутаться,
Да останется — сердцу ярому,[379]
Чем на век еще перепутаться
И веревку свить мужу старому.
То не та коса! — как свистящая
Сабля острая, круто-гнутая,
То коса всех кос, всекосящая;
С той косой идет баба лютая.
Нет кудрей у ней — нечем встряхивать,
Голова у ней безволосая,
Лишь косой вертеть да помахивать

---

[379] *Ярый* — огненный, пылкий; крайне ретивый, рьяный.

Любит бабушка та курносая».

Владимир Бенедиктов

* * *

Как птичка, с раннею зарей
Мир, пробудившись, встрепенулся...
Ах, лишь одной главы моей
Сон благодатный не коснулся!
Хоть свежесть утренняя веет
В моих всклокоченных власах,
На мне, я чую, тяготеет
Вчерашний зной, вчерашний прах!..

О, как пронзительны и дики,
Как ненавистны для меня
Сей шум, движенье, говор, крики
Младого, пламенного дня!..
О, как лучи его багровы,
Как жгут они мои глаза!..
О ночь, ночь, где твои покровы,
Твой тихий сумрак и роса!..

Обломки старых поколений,
Вы, пережившие свой век!
Как ваших жалоб, ваших пеней[380]
Неправый праведен упрек!..

---

[380] *Пеня* — жалоба, упрек.

Как грустно полусонной тенью,
С изнеможением в кости,
Навстречу солнцу и движенью
За новым племенем брести!..

1835

Федор Тютчев

Nocturno[381]

Как пуст мой деревенский дом,
Угрюмый и высокий!
Какую ночь провел я в нем
Бессонно, одинокий!
Уж были сумраком давно
Окрестности одеты,
Луна светила сквозь окно
На старые портреты;

А я задумчивой стопой
Ходил по звонкой зале,
Да тень еще моя со мной —
Мы двое лишь не спали.
Деревья темные в саду
Качали всё ветвями,
Впросонках гуси на пруду

---

[381] Ноктюрн (итал.)

Кричали над волнами,

И мельница, грозя, крылом
Мне издали махала,
И церковь белая с крестом,
Как призрак, восставала.
Я ждал знакомых мертвецов —
Не встанут ли вдруг кости,
С портретных рам, из тьмы углов
Не явятся ли в гости?..

И страшен был пустой мне дом,
Где шаг мой раздавался,
И робко я внимал кругом,
И робко озирался.
Тоска и страх сжимали грудь
Среди бессонной ночи,
И вовсе я не мог сомкнуть
Встревоженные очи.

1840—1841

Николай Огарев

* * *

Как свеж, как изумрудно мрачен
В тени густых своих садов,
И как блестящ, и как прозрачен

Водоточивый Петергоф.

Как дружно эти водометы
Шумят среди столетних древ,
Днем и в часы ночной дремоты
Не умолкает их напев.

Изгибистым, разнообразным
В причудливой игре своей,
Они кипят дождем алмазным
Под блеском солнечных лучей.

Лучи скользят по влаге зыбкой,
Луч преломляется с лучом,
И водомет под этой сшибкой
Вдруг вспыхнет радужным огнем.

Как из хрустальных ульев пчелы,
От сна подъятые весной,
И здесь, блестящий и веселый,
Жужжа, кружится брызгов рой.

Они отважно и красиво
То, прянув, рвутся в небеса,
То опускаются игриво,
И прыщет с них кругом роса.

Когда ж сиянья лунной ночи
Сады и воздух осребрят
И неба золотые очи

На землю ласково глядят,

Когда и воздух не струится,
И море тихо улеглось,
И всё загадочно таится,
И в мраке видно всё насквозь, —

Какой поэзией восточной
Проникнут, дышит и поет
Сей край Альгамбры[382] полуночной,
Сей край волшебства и красот.

Ночь разливает сны и чары,
И полон этих чудных снов
Преданьями своими старый
И вечно юный Петергоф.

1865

Петр Вяземский

* * *

Как сладко дремлет сад темно-зеленый,
Объятый негой ночи голубой!
Сквозь яблони, цветами убеленной,
Как сладко светит месяц золотой!

---

[382] *Альгамбра* — позднемавританский дворцовый комплекс (сер. XIII — кон. XIV в.) в Гренаде (Испания).

Таинственно, как в первый день созданья,
В бездонном небе звездный сонм горит,
Музы́ки дальней слышны восклицанья,
Соседний ключ слышнее говорит...

На мир дневной спустилася завеса,
Изнемогло движенье, труд уснул...
Над спящим градом, как в вершинах леса,
Проснулся чудный еженощный гул...

Откуда он, сей гул непостижимый?..
Иль смертных дум, освобожденных сном,
Мир бестелесный, слышный, но незримый,
Теперь роится в хаосе ночном?..

1835

Федор Тютчев

* * *[383]

Как сладок первый день среди полей отчизны,
На берегах излучистой Усьмы!
Опять блеснул нам луч давно минувшей жизни
И вывел нас из долгой скорбной тьмы...
Мы ожили! Наш взор тонул в зеленом море
Родных полей, и рощей, и холмов.
Там горы тянутся, тут в живописном споре

[383] Стихотворение написано во время проезда из Сибири в Грузию (в действующую армию) по Тамбовской губернии.

С лазурью струй сень пышная лесов.
Усьма то скроется в лесу, то вновь проглянет,
Одета, как невеста, в блеск небес,
В объятья кинется, а там опять обманет
Склоненный к ней, в нее влюбленный лес.
Тут как дитя шалит: то с мельницей играет
И ре́звится, как белка с колесом,
То остров срядит и, его объемля, засыпает,
Как мысль любви, застигнутая сном;
И сладкий сон ее сияет небесами,
Всей прелестью осенних ясных дней,
Пока она опять разгульными струями
Не побежит вдоль рощей и полей.
И может ли что быть милее и привольней
Обзора мирного приятных этих мест,
Где издали блестит на белой колокольне,
Манит, как жизни цель, отрадный Спасов крест?

Сентябрь 1837

Александр Одоевский

На плотине

Как сочится вода сквозь прогнивший постав,[384]
У плотины бока размывает,
Так из сердца людей, тишины не сыскав,
Убывает душа, убывает...

---

[384] *Поста́в* — по В. И. Далю, снасть, стан, каждая пара жерновов мельницы: расположение чего-либо.

Надвигается вкруг от сырых берегов
Поросль вязкая моха и тины!
Не певать соловьям, где тут ждать соловьев
На туманах плывучей трясины!

Бор погнил... Он не будет себя отражать,
Жить вдвойне... А зима наступает!
И промерзнет вода, не успев убежать,
Вся, насквозь... и уже замерзает!..

Константин Случевский

Море

Как стаи гордых лебедей,
На синем море волны блещут,
Лобзаются, ныряют, плещут
По стройной прихоти своей.
И упивается мой слух
Их говором необычайным,
И сладко предается дух
Мечтам пленительным и тайным.

Так! Древности постиг теперь
Я баснословную святыню:
О волны! Красоты богиню
Я признаю за вашу дщерь!
Так, верю: родилась она
Из вашей колыбели зыбкой

И пробудила мир от сна
Своею свежею улыбкой.[385]

Так, верю: здесь явилась ты,
Очаровательница мира!
В прохладе влажного сафира,[386]
В стихии светлой чистоты.
Нам чистым сердцем внушены
Прекрасных таинств откровенья:
Из лона чистой глубины
Явилась ты, краса творенья.

И в наши строгие лета,
Лета существенности лютой,
При вас одних, хотя минутой,
Вновь забывается мечта!
Не смели изменить века
Ваш образ светлый, вечно юный,
Ни смертных хищная рука,
Ни рока грозного перуны!

В вас нет следов житейских бурь,
Следов безумства и гордыни,
И вашей девственной святыни
Не опозорена лазурь.
Кровь ближних не дымится в ней;
На почве, смертным непослушной,

[385] Имеется в виду миф о рождении Афродиты из морской пены.
[386] *Сафир* — сапфир, драгоценный камень синего или зеленого цвета.

Нет мрачных знамений[387] страстей,
Свирепых в злобе малодушной.

И если смертный возмутит
Весь мир преступною отвагой,
Вы очистительного влагой
Спешите смыть мгновенный стыд.
Отринутый из чуждых недр,
Он поглощаем шумной бездной;
Так пятна облачные ветр
Сметает гневно с сени звездной!

Людей и времени раба,
Земля состарилась в неволе;
Шутя ее играют долей
Владыки, веки и судьба.
Но вы всё те ж, что в день чудес,
Как солнце первое в вас пало,
О вы, незыблемых небес
Ненарушимое зерцало!

Так и теперь моей мечте
Из лона зе́ркальной пустыни
Светлеет лик младой богини
В прозрачно-влажной красоте.
Вокруг нее, как радуг блеск,
Вершины волн горят игривей,
И звучный ропот их и плеск

---

[387] *Зна́мение* — предзнаменование чего либо; знак, символ.

Еще душе красноречивей!

Над ней, как звезды, светят сны,
Давно померкшие в тумане,
Которые так ясно ране
Горели в небе старины.
Из волн, целующих ее,
Мне веют речи дивной девы;
В них слышно прежнее бытье,
Как лет младенческих напевы.

Они чаруют и целят
Тоску сердечного недуга;
Как мировое слово друга,
Все чувства меж собой мирят.
В невыразимости своей
Сколь выразителен сей лепет:
Он пробудил в душе моей
Восторгов тихих сладкий трепет.

Как звучно льнет зефир к струнам,
Играя арфою воздушной,
Так и в душе моей послушной
Есть отзыв песням и мечтам.
Волшебно забывает ум
О настоящем, мысль гнетущем,
И в сладострастьи стройных дум
Я весь в протекшем, весь в грядущем.

Сюда, поэзии жрецы!

Сюда, существенности жертвы!
Кумиры ваши здесь не ме́ртвы,
И не померкли их венцы.
Про вас поэзия хранит
Свои преданья и поверья;
И здесь, где море вам шумит,
Святыни светлыя преддверья!

Лето 1826

Петр Вяземский

Вечер

Как тихо веет над долиной
Далекий колокольный звон,
Как шум от стаи журавлиной, —
И в звучных листьях замер он.

Как море вешнее в разливе,
Светлея, не колыхнет день, —
И торопливей, молчаливей
Ложится по долине тень.

Около 1826; 1829

Федор Тютчев

А. Н. Майкову

Ответ на стихи его: «Полонский! суждено опять судьбою злою...»

Как, ты грустишь? — помилуй Бог!
Скажи мне, Майков, как ты мог,
С детьми играя, тихо гладя
Их по головке, слыша смех
Их вечно-звонкий, вспомнить тех,
Чей гений пал, с судьбой не сладя,
Чей труд погиб... Как мог ты, глядя
На северные небеса,
Вдруг вспомнить Рима чудеса,
Проникнуться воспоминаньем,
Вообразить, что я стою
Средь Колизея, как в раю,
И подарить меня посланьем?
Мне задушевный твой привет
Был освежительно-отраден.
Но — я еще не в Риме, нет!
В окно я вижу Баден-Баден,
И тяжело гляжу на свет.
Хоть мне здорово и приятно
Парным питаться молоком,
Дышать нетопленым теплом
И слушать музыку бесплатно;
Но — если б не было руин,
Плющом повитых, луговин
Зеленых, гор, садов, скамеек,
Холмов и каменных лазеек, —
Здесь на меня нашел бы сплин —
Так надоело мне гулянье,
Куда, расхаживая лень,

Хожу я каждый Божий день
На равнодушное свиданье,
И где встречаю, рад не рад,
При свете газовых лампад,
Американцев, итальянцев,
Французов, англичан, голландцев,
И немцев, и немецких жен,
И всем известную графиню,
И полурусскую княгиню,
И русских множество княжен.
Но в этих встречах мало толку,
И в разговорах о *ничем*
Ожесточаюсь я умом,
А сердцем плачу втихомолку.
И эта жизнь меня томит,
И этот Баден, с этим миром,
Который вкруг меня шумит,
Мне кажется большим трактиром,
В котором каждый Божий час
Гуляет глупость напоказ.
А ты счастливец! — любишь ты
Домашний мир. Твои мечты
Не знают роковых стремлений;
Зато как много впечатлений;
Проходит по душе твоей,
Когда ты с удочкой своей,
Нетерпеливый, вдохновенный,
Идешь на лов уединенный.
Или, раздвинув тростники,
Над золотистыми струями

Стоишь — протер свои очки —
И жадными следишь глазами,
Как шевелятся поплавки.
И весь ты страстное вниманье…
Вот — гнется удочка дугой,
Кружится рыбка над водой —
Плеск — серебро и трепетанье.
О, в этот миг перед тобой,
Что́ значат Рим и все преданья,
Обломки славы мировой!

Но, чу! свисток раздался птичий,
Ночь шелестит во мгле кустов:
Спеши, мой милый рыболов,
Домой с наловленной добычей!
Спеши! — уж Божья благодать
На ложе сна детей приемлет,
Твои малютки спят, — и дремлет
Их убаюкавшая мать.
Уже в румяном полусвете,
Там, в сладких грезах полусна,
Тебя ждет милая жена
Иль труд в соседнем кабинете.
Труд благодатный! Труд живой!
Часы, в которые душой
Ты, чуя Бога, смело пишешь
И на себе цепей не слышишь.
Люблю я стих широкий твой,
Насквозь пропахнувший смолою
Тех самых сосен, где весною,

В тени от солнца, меж ветвей,
Ты подстерег лесную фею,
И где с Каменою твоею[388]
Шептался плещущий ручей.
Я сам люблю твою Камену,
Подругу северных ночей:
Я помню, как неловко с ней
Ты шел на шумную арену
Народных браней и страстей;
Как ей самой неловко было...
Но... олимпийская жена,
Не внемля хохоту зоила,
Тебе осталася верна,
И вновь в объятия природы —
В поля, в леса, туда, где воды
Струятся, где синеет мгла
Из-под шатра дремучей ели,
Туда, где водятся форели,
С тобою весело ушла.

Прости, мой друг! не знай желаний
Моей блуждающей души!
Довольно творческих страданий,
Чтоб не заплесневеть в глуши.
Поверь, не нужно быть в Париже,
Чтоб к истине быть сердцем ближе,
И для того, чтоб созидать,
Не нужно в Риме кочевать.

---

[388] *С Каменою* — с Музой.

Следы прекрасного художник
Повсюду видит и — творит,
И фимиам[389] его горит
Везде, где ставит он треножник,
И где Творец с ним говорит.

Баден-Баден. Август 1857

Яков Полонский

Скульптору

Как у себя я в твоей мастерской, о, ваятель-художник!
Как-то привольно душе меж богов и героев;
Молод я сердцем тогда, говорю откровенный речи,
К детству людей возвращаюсь, сближаюсь с природой.

Как ты искусно поставил свою Афродиту и Вакха
В зелени темной плюща между гроздий и миртов!
Кажется, будто Киприда ко мне простирает объятья,
В полном блистаньи своей красоты всепобедной;
Хочет сойти с пьедестала и Вакх-Дионис вечно-юный,
Дружески руку пожать мне, приветствуя юность,
Что низошла на меня в созерцаньи твоих изваяний...

Сколько спокойствия в этих сияющих лицах,
Сколько довольства и жизни, себя навсегда уяснившей!...
Добрый художник! Я знаю, что близок ты к музам, —

---

[389] *Фимиам* — благовонное вещество, сжигаемое при богослужениях, ладан.

Им помолись за меня, — да пошлют мне покой и довольство
В душу больную, в изрытое ранами сердце,
Да утолю я навеки немолчно-зовущую жажду
К истинам мира, да вижу я всё без страданий,
Мудро на лоне покоясь ничем не смущаемой мысли.

1851

Николай Щербина

Розы

Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодною рукой!

Как я берег, как я лелеял младость
Моих цветов заветных, дорогих;
Казалось мне, в них расцветала радость;
Казалось мне, любовь дышала в них.

Но в мире мне явилась дева рая,
Прелестная, как ангел красоты;
Венка из роз искала молодая —
И я сорвал заветные цветы.

И мне в венке цветы еще казались
На радостном челе красивее, свежей;
Как хорошо, как мило соплетались

С душистою волной каштановых кудрей!

И заодно они цвели с девицей!
Среди подруг, средь плясок и пиров,
В венке из роз она была царицей,
Вокруг ее вилась и радость и любовь!

В ее очах — веселье, жизни пламень,
Ей счастье долгое сулил, казалось, рок, —
И где ж она?.. В погосте белый камень,
На камне — роз моих завянувший венок.

1834

Иван Мятлев

* * *

Как хорошо ты, о море ночное, —
Здесь лучезарно, там сизо-темно...
В лунном сиянии, словно живое,
Ходит, и дышит, и блещет оно...

На бесконечном, на вольном просторе
Блеск и движенье, грохот и гром...
Тусклым сияньем облитое море,
Как хорошо ты в безлюдье ночном!

Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
Чей это праздник так празднуешь ты?

Волны несутся, гремя и сверкая,
Чуткие звезды глядят с высоты.

В этом волнении, в этом сиянье,
Весь, как во сне, я потерян стою —
О, как охотно бы в их обаянье
Всю потопил бы я душу свою...

Январь 1865

Федор Тютчев

* * *

1-е Января

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
    При шуме музыки и пляски,
При диком шепоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
    Приличьем стянутые маски,

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
    Давно бестрепетные руки, —
Наружно погружась в их блеск и суету
Ласкаю я в душе старинную мечту,
    Погибших лет святые звуки.

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забыться, — памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;

Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится — и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листы
Шумят под робкими шагами.

И странная тоска теснит уж грудь мою:
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
С глазами, полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За рощей первое сиянье.

Так царства дивного всесильный господин —
Я долгие часы просиживал один,
И память их жива поныне
Под бурей тягостных сомнений и страстей,
Как свежий островок безвредно средь морей
Цветет на влажной их пустыне.

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю,

И шум толпы людской спугнет мечту мою,
На праздник нéзванную гостью,
О, как мне хочется смутить веселость их,
И дерзко бросить им в глаза железный стих
Облитый горечью и злостью!..[390]

1840

Михаил Лермонтов

К халату

Как я люблю тебя, халат!
Одежда праздности и лени,
Товарищ тайных наслаждений
И поэтических отрад!
Пускай служителям Арея[391]
Мила их тесная ливрея;
Я волен телом, как душой.
От века нашего заразы,
От жизни бранной и пустой
Я исцелен — и мир со мной!
Царей проказы и приказы
Не портят юности моей —

---

[390] Стихотворение написано под впечатлением новогоднего бала-маскарада в Дворянском собрании. На этом балу Лермонтова видел И. С. Тургенев, о чем он рассказывает в своих «Литературных и житейских воспоминаниях»: «На бале Дворянского собрания ему не давали покоя, беспрестанно приставали к нему, брали его за руки; одна маска сменялась другою, а он почти не сходил с места и молча слушал их писк, поочередно обращая на них свои сумрачные глаза. Мне тогда же почудилось, что я уловил на лице его прекрасное выражение поэтического творчества. Быть может, ему приходили в голову те стихи:
Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки... и т. д.».

[391] *Арей* — бог войны (греч. миф.).

И дни мои, как я в халате,
Стократ пленительнее дней
Царя, живущего некстате.

Ночного неба президент,
Луна сияет золотая;
Уснула суетность мирская —
Не дремлет мыслящий студент:
Окутан авторским халатом,
Презрев слепого света шум,
Смеется он, в восторге дум,
Над современным Геростратом;[392]
Ему не видятся в мечтах
Кинжалы Занда и Лувеля,[393]
И наша слава-пустомеля
Душе возвышенной — не страх.
Простой чубук в его устах,
Пред ним, уныло догорая,
Стоит свеча невосковая;
Небрежно, гордо он сидит
С мечтами гения живого —
И терпеливого портного
За свой халат благодарит!

Декабрь 1823

---

[392] *Герострат* — грек, сжегший в 356 г. до н. э. одно из семи чудес света — храм Артемиды Эфесской, чтобы обессмертить свое имя.
[393] *Занд* Карл (1795—1820) — немецкий патриот, в 1819 г. убивший кинжалом агента царского правительства писателя Августа Коцебу. *Лувель* Пьер (1783—1820) — французский рабочий, заколовший в 1820 г. племянника Людовика XVIII — герцога Беррийского.

Николай Языков

Желание[394]

К богам земным сближаться
Ничуть я не ищу,
И больше возвышаться
Никак я не хощу.

Души моей покою
Желаю только я:
Лишь будь всегда со мною
Ты, Дашенька моя!

1797

Гаврила Державин

На Раздельной[395]
(После Плевны)

К вокзалу железной дороги
Два поезда сразу идут;
Один — он бежит на чужбину,
Другой же — обратно ведут.

В одном по скамьям новобранцы,
Всё юный и целый народ;

---

[394] Стихотворение обращено ко второй жене поэта, Дарье Алексеевне, урожденной Дьяковой.
[395] *Раздельная* — узловая станция железной дороги Одесса—Казатин.

Другой на кроватях и койках
Калек бледноликих везет...

И точно как умные люди,
Машины, в работе пыхтя,
У станции ход уменьшают,
Становятся ждать, подойдя!

Уставились окна вагонов
Вплотную стекло пред стеклом;
Грядущее виделось в этом,
Былое мелькало в другом...

Замолкла солдатская песня,
Замялся, иссяк разговор,
И слышалось только шаганье
Тихонько служивших сестер.

В толпе друг на друга глазели:
Сознанье чего-то гнело,
Пред кем-то всем было так стыдно
И так через край тяжело!

Лихой командир новобранцев, —
Имел он смекалку с людьми, —
Он гаркнул своим музыкантам:
«Сыграйте ж нам что, черт возьми!»

И свеялось прочь впечатленье,
И чувствам исход был открыт:

Кто был попрочней — прослезился,
Другие рыдали навзрыд!

И, дым выпуская клубами,
Машины пошли вдоль колей,
Навстречу судьбам увлекая
Толпы́ безответных людей...

Константин Случевский

Степь вечером

Клубятся тучи, млея в блеске алом,
Хотят в росе понежиться поля,
В последний раз, за третьим перевалом,
Пропал ямщик, звеня и не пыля.

Нигде жилья не видно на просторе.
Вдали огня иль песни — и не ждешь!
Всё степь да степь. Безбрежная, как море,
Волнуется и наливает рожь.

За облаком до половины скрыта,
Луна светить еще не смеет днем.
Вот жук взлетел и прожужжал сердито,
Вот лунь проплыл, не шевеля крылом.

Покрылись нивы сетью золотистой,
Там перепел откликнулся вдали,

И слышу я, в изложине росистой
Вполголоса скрыпят коростели.

Уж сумраком пытливый взор обманут.
Среди тепла прохладой стало дуть.
Луна чиста. Вот с неба звезды глянут,
И как река засветит Млечный Путь.

1854

Афанасий Фет

Подражания Корану

Посвящено П. А. Осиповой

I.

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой: (2)

Нет, не покинул я тебя.
Кого же в сень успокоенья
Я ввел, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья?

Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?

Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?

Мужайся ж, презирай обман,
Стезею правды бодро следуй,
Люби сирот и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.

II.

О, жены чистые пророка,
От всех вы жен отличены:
Страшна для вас и тень порока.
Под сладкой сенью тишины
Живите скромно: вам пристало
Безбрачной девы покрывало.
Храните верные сердца
Для нег законных и стыдливых,
Да взор лукавый нечестивых
Не узрит вашего лица!

А вы, о гости Магомета,
Стекаясь к вечери его,
Брегитесь суетами света
Смутить пророка моего.
В пареньи дум благочестивых,
Не любит он велеречивых
И слов нескромных и пустых:
Почтите пир его смиреньем,
И целомудренным склоненьем

Его невольниц молодых. (3)

III.

Смутясь, нахмурился пророк,
Слепца послышав приближенье: (4)
Бежит, да не дерзнет порок
Ему являть недоуменье.

С небесной книги список дан
Тебе, пророк, не для строптивых;
Спокойно возвещай Коран,
Не понуждая нечестивых!

Почто ж кичится человек?
За то ль, что наг на свет явился,
Что дышит он недолгий век,
Что слаб умрет, как слаб родился?

За то ль, что Бог и умертвит
И воскресит его — по воле?
Что с неба дни его хранит
И в радостях и в горькой доле?

За то ль, что дал ему плоды
И хлеб, и финик, и оливу,
Благословив его труды
И вертоград, и холм, и ниву?

Но дважды ангел вострубит;

На землю гром небесный грянет:
И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет.

И все пред Бога притекут,
Обезображенные страхом;
И нечестивые падут,
Покрыты пламенем и прахом.

IV.

С тобою древле, о Всесильный,
Могучий состязаться мнил,
Безумной гордостью обильный;
Но ты, Господь, его смирил.
Ты рек: я миру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На всё подъята длань моя.
Я также, рек он, жизнь дарую,
И также смертью наказую:
С тобою, Боже, равен я.
Но смолкла похвальба порока
От слова гнева твоего:
Подъемлю солнце я с востока;
С заката подыми его!

V.

Земля недвижна — неба своды,
Творец, поддержаны тобой,

Да не падут на сушь и воды
И не подавят нас собой. (5)

Зажег ты солнце во вселенной,
Да светит небу и земле,
Как лен, елеем напоенный,
В лампадном светит хрустале.

Творцу молитесь; он могучий:
Он правит ветром; в знойный день
На небо насылает тучи;
Дает земле древесну сень.

Он милосерд: он Магомету
Открыл сияющий Коран,
Да притечем и мы ко свету,
И да падет с очей туман.

VI.

Недаром вы приснились мне
В бою с обритыми главами,
С окровавленными мечами,
Во рвах, на башне, на стене.

Внемлите радостному кличу,
О дети пламенных пустынь!
Ведите в плен младых рабынь,
Делите бранную добычу!

Вы победили: слава вам,
А малодушным посмеянье!
Они на бранное призванье
Не шли, не веря дивным снам.

Прельстясь добычей боевою,
Теперь в раскаянье своем
Рекут: возьмите нас с собою;
Но вы скажите: не возьмем.

Блаженны падшие в сраженье:
Теперь они вошли в эдем
И потонули в наслажденье,
Не отравляемом ничем.

VII.

Восстань, боязливый:
В пещере твоей
Святая лампада
До утра горит.
Сердечной молитвой,
Пророк, удали
Печальные мысли,
Лукавые сны!
До утра молитву
Смиренно твори;
Небесную книгу
До утра читай!

VIII.

Торгуя совестью пред бледной нищетою,
Не сыпь своих даров расчетливой рукою:
Щедрота полная угодна небесам.
В день грозного суда, подобно ниве тучной,
О сеятель благополучный!
Сторицею воздаст она твоим трудам.

Но если, пожалев трудов земных стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань —
Знай: все твои дары, подобно горсти пыльной,
Что с камня моет дождь обильный,
Исчезнут — Господом отверженная дань.

IX.

И путник усталый на Бога роптал:
Он жаждой томился и тени алкал.
В пустыне блуждая три дня и три ночи,
И зноем и пылью тягчимые очи
С тоской безнадежной водил он вокруг,
И кладез под пальмою видит он вдруг.

И к пальме пустынной он бег устремил,
И жадно холодной струей освежил
Горевшие тяжко язык и зеницы,
И лег, и заснул он близ верной ослицы —

И многие годы над ним протекли
По воле владыки небес и земли.

Настал пробужденья для путника час;
Встает он и слышит неведомый глас:
«Давно ли в пустыне заснул ты глубоко?»
И он отвечает: уж солнце высоко
На утреннем небе сияло вчера:
С утра я глубоко проспал до утра.

Но голос: «О путник, ты долее спал;
Взгляни: лег ты молод, а старцем восстал;
Уж пальма истлела, а кладез холодный
Иссяк и засохнул в пустыне безводной,
Давно занесенный песками степей:
И кости белеют ослицы твоей».

И горем объятый мгновенный старик,
Рыдая, дрожащей главою поник...
И чудо в пустыне тогда совершилось:
Минувшее в новой красе оживилось;
Вновь зыблется пальма тенистой главой:
Вновь кладез наполнен прохладой и мглой.

И ветхие кости ослицы встают,
И телом оделись, и рев издают;
И чувствует путник и силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И с Богом он дале пускается в путь.

Примечания

1 "Нечестивые, пишет Магомет (глава *Награды*), думают, что Коран есть собрание новой лжи и старых басен". Мнение сих *нечестивых*, конечно, справедливо; но, несмотря на сие, многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом. Здесь предлагается несколько вольных подражаний. В подлиннике Алла везде говорит от своего имени, а о Магомете упоминается только во втором или третьем лице.
2 В других местах Корана Алла клянется копытами кобылиц, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродетелию и пороком, ангелами и человеком и проч. Странный сей реторический оборот встречается в Коране поминутно.
3 "Мой пророк, прибавляет Алла, вам этого не скажет, ибо он весьма учтив и скромен; но я не имею нужды с вами чиниться" и проч. Ревность араба так и дышит в сих заповедях.
4 Из книги *Слепец*.
5 Плохая физика; но зато какая смелая поэзия!

1824

Александр Пушкин

Сумерки

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?

Державин

Когда бледнеет день, и сумрак задымится,

И молча на поля за тенью тень ложится,

В последнем зареве сгорающего дня

Есть сладость тайная и прелесть для меня,

Люблю тогда один, без цели, тихим шагом,

Бродить иль пó полю, иль в роще за оврагом.

Кругом утихли жизнь и бой дневных работ;

Заботливому дню на смену ночь идет,

И словно к таинству природа приступила
И ждет, чтобы зажглись небес паникадила.

Брожу задумчиво, и с сумраком полей
Сольются сумерки немой мечты моей.
И только изредка звук дальний, образ смутный
По сонному уму прорежет след минутный
И мир действительный напомнит мне слегка.

Чу! песня звонкая лихого ямщика
С дороги столбовой несется. Парень бойкой,
Поет и правит он своей задорной тройкой.
Вот тусклый огонек из-за окна мелькнул,
Тут голосов людских прошел невнятный гул,
Там жалобно завыл собаки лай нестройный —
И всё опять замрет в околице спокойной.

А тут нежданный стих, неведомо с чего,
На ум мой налетит и вцепится в него;
И слово к слову льнет, и звук созвучья ищет,
И леший звонких рифм юлит, поет и свищет.

Сентябрь 1848, Лесная дача[396]

Петр Вяземский

* * *

---

[396] Дача Вяземских в Лесном, под Петербургом.

Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б — наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал —
И всё бы слушал этот лепет,
Всё б эти ножки целовал....

1833

Александр Пушкин

* * *

Когда в высокие минуты бытия
Внимает ум сердечным убежденьям,
И открывается всему душа моя,
Восторженным полна ясновиденьем:
Тогда одним живущим существом
Я вижу мир перед собою,
И многое сливается в одном,
И дышет общею душою;
Тогда бездушное живет подобно мне,
И, кажется, ничто не жить не может,
И вечно мир растет в своей весне,
И ничего в нем время не изгложет...

1848

Николай Щербина

Мирская власть

Когда великое свершалось торжество,
И в муках на кресте кончалось божество,
Тогда по сторонам животворяща древа
Мария-грешница и Пресвятая Дева,
Стояли две жены,
В неизмеримую печаль погружены.
Но у подножия теперь креста честнаго,
Как будто у крыльца правителя градскаго,
Мы зрим поставленных на место жен святых
В ружье и кивере двух грозных часовых.
К чему, скажите мне, хранительная стража?
Или распятие казенная поклажа,
И вы боитеся воров или мышей?
Иль мните важности придать царю царей?
Иль покровительством спасаете могучим
Владыку, тернием венчанного колючим,
Христа, предавшего послушно плоть свою
Бичам мучителей, гвоздям и копию?
Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род Адамов искупила,
И, чтоб не потеснить гуляющих господ,
Пускать не велено сюда простой народ?[397]

---

[397] По словам Вяземского, стихотворение, «вероятно, написано потому, что в Страстную пятницу в Казанском соборе стоят солдаты на часах у плащаницы» («Старина и новизна», кн. VIII). Первые шесть стихов передают евангельский рассказ о смерти распятого на кресте Иисуса Христа. *Мария-грешница* — Мария Магдалина.

1836

Александр Пушкин

* * *

Когда в кругу убийственных забот
Нам всё мерзит — и жизнь, как камней груда,
Лежит на нас, — вдруг знает Бог откуда
Нам на душу отрадное дохнет,
Минувшим нас обвеет и обнимет
И страшный груз минутно приподнимет.

Так иногда осеннею порой,
Когда поля уж пусты, рощи голы,
Бледнее небо, пасмурнее долы,
Вдруг ветр подует, теплый и сырой,
Опавший лист погонит пред собою
И душу нам обдаст как бы весною...

22 октября 1849

Федор Тютчев

* * *

Когда волнуется желтеющая нива
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива

Под тенью сладостной зеленого листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу[398]
Про мирный край, откуда мчится он, —

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога…

1837

Михаил Лермонтов

Гений

Когда, гремя и пламенея,
Пророк на небо улетал —
Огонь могучий проникал

---

[398] *Сага* — (в древнескандинавской литературе) народное сказание; поэтическое сказание, легенда (поэт.).

Живую душу Елисея:[399]
Святыми чувствами полна,
Мужала, крепла, возвышалась,
И вдохновеньем озарялась,
И Бога слышала она!

Так гений радостно трепещет,
Свое величье познает,
Когда пред ним гремит и блещет
Иного гения полет;
Его воскреснувшая сила
Мгновенно зреет для чудес…
И миру новые светила —
Дела избранника небес!

1825

Николай Языков

* * *[400]

Когда, дитя и страсти и сомненья,
Поэт взглянул глубоко на тебя,
Решилась ты делить его волненья,
В нем таинство печали полюбя.

Ты, смелая и кроткая, со мною

---

[399] *Елисей* — один из библейских пророков; согласно библейской мифологии, единственный очевидец вознесения своего учителя — пророка Илии, от которого получил в наследие мантию — знак преемственности пророческого духа.
[400] Обращено к жене поэта, Анастасии Львовне Боратынской.

В мой дикий ад сошла рука с рукою;
Рай зрела в нем чудесная любовь.

О, сколько раз к тебе, святой и нежной,
Я приникал главой моей мятежной,
С тобой себе и небу веря вновь.

1843—1844

Евгений Боратынский

Воспоминание

Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града[401]
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,

[401] *Сто́гна* (ед. ч.) — площадь, широкая улица, обычно: *стогны* (мн. ч.).

Но строк печальных не смываю.

1828

Александр Пушкин

* * *

Когда, душа, просилась ты
Погибнуть иль любить,
Когда желанья и мечты
К тебе теснились жить,
Когда еще я не́ пил слез
Из чаши бытия, —
Зачем тогда, в венке из роз,
К теня́м не отбыл я!

Зачем вы начертались так
На памяти моей,
Единый молодости знак,
Вы, песни прошлых дней!
Я горько долы и леса
И милый взгляд забыл, —
Зачем же ваши голоса
Мне слух мой сохранил!

Не возвратите счастья мне,
Хоть дышит в вас оно!
С ним в промелькнувшей старине
Простился я давно.

Не нарушайте ж, я молю,
Вы сна души моей
И слова страшного: люблю
Не повторяйте ей!

1821 или 1822

Антон Дельвиг (1798—1831)

Сомнение

Когда зовут меня поэтом
Уста ровесницы харит[402]
И соблазнительным приветом
Она мечты мои живит;
Когда душе моей опасен
Любви могущественный жар, —
Я молчалив, я не согласен,
Я берегу небесный дар…
Избранник бога песнопенья,
Надменно чувствуя, кто я,
Означу ль светом вдохновенья
Простую жажду наслажденья,
Безумный навык бытия?
Сей мир поэзии обычной —
Он тесен славе: мир иной,
Свободный, светлый, безграничный,
Как рай, лежит передо мной!

---

[402] *Хариты* (греч. миф.: рим. миф. — *грации*) — три богини красоты и изящества.

1826

Николай Языков

* * *

Когда за городом, задумчив, я брожу
И на публичное кладбище захожу,
Решетки, столбики, нарядные гробницы,
Под коими гниют все мертвецы столицы,
В болоте кое-как стесненные рядком,
Как гости жадные за нищенским столом,
Купцов, чиновников усопших мавзолеи,
Дешевого резца нелепые затеи,
Над ними надписи и в прозе и в стихах
О добродетелях, о службе и чинах;
По старом рогаче вдовицы плач амурный,[403]
Ворами со столбов отвинченные урны,
Могилы склизкие, которы также тут
Зеваючи, жильцов к себе на утро ждут, —
Такие смутные мне мысли все наводит,
Что злое на меня уныние находит.
Хоть плюнуть да бежать...
Но как же любо мне
Осеннею порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое.

---

[403] Здесь имеются в виду изображения или изваяния скорбящих (плачущих) амуров.

Там неукрашенным могилам есть простор;
К ним ночью темною не лезет бледный вор;
Близ ка́мней вековых, покрытых желтым мохом,
Проходит селянин с молитвой и со вздохом;
На место[404] праздных урн и мелких пирамид,
Безносых гениев, растрепанных харит
Стоит широко дуб над важными гробами,
Колеблясь и шумя...

1836

Александр Пушкин

К NN

Когда из глубины души моей угрюмой,
Где грусть одна живет в тоске немой,
Проступит мрачная на бледный образ мой
И осенит чело мне черной думой, —
На сумрачный ты вид мой не ропщи:
Мое страдание свое жилище знает;
Оно сойдет опять во глубину души,
Где, нераздельное, безмолвно обитает.

1819

Николай Гнедич

---

[404] *На место* — вместо.

Смерти

Когда, измучен жаждой счастья
И громом бедствий оглушен,
Со взором, полным сладострастья,
В тебе последнего участья
Искать страдалец обречен, —

Не верь, суровый ангел Бога,
Тушить свой факел погоди.
О, как в страданьи веры много!
Постой! безумная тревога
Уснет в измученной груди.

Придет пора — пора иная:
Повеет жизни благодать,
И будет тот, кто, изнывая,
В тебе встречал предтечу рая,
Перед тобою трепетать.

Но кто не молит и не просит,
Кому страданье не дано,
Кто жизни злобно не поносит,
А молча, сознавая, носит
Твое могучее зерно,

Кто дышит с равным напряженьем, —
Того, безмолвна, посети,
Повея полным примиреньем,
Ему предстань за сновиденьем

И тихо вежды опусти.

Конец 1856 или начало 1857

Афанасий Фет

* * *

Когда исчезнет омраченье
Души болезненной моей?
Когда увижу разрешенье
Меня опутавших сетей?
Когда сей демон, наводящий
На ум мой сон, его мертвящий,
Отыдет, чадный, от меня,
И я увижу луч блестящий
Всеозаряющего дня?
Освобожусь воображеньем,
И крылья духа подыму,
И пробужденным вдохновеньем
Природу снова обниму?

Вотще ль мольбы? напрасны ль пени?
Увижу ль снова ваши сени,
Сады поэзии святой?
Увижу ль вас, ее светила?
Вотще! я чувствую: могила
Меня живого приняла,
И, легкий дар мой удушая,
На грудь мне дума роковая

Гробовой насыпью легла.

1831—1832

Евгений Боратынский

Жуковскому[405]

Когда, к мечтательному миру
Стремясь возвышенной душой,
Ты держишь на коленях лиру
Нетерпеливою рукой;
Когда сменяются виденья
Перед тобой в волшебной мгле,
И быстрый холод вдохновенья
Власы подъемлет на челе, —
Ты прав, творишь ты *для немногих*,[406]
Не для завистливых судей,
Не для сбирателей убогих
Чужих суждений и вестей,
Но для друзей таланта строгих,
Священной истины друзей.
Не всякого полюбит счастье,
Не все родились для венцов.
Блажен, кто знает сладострастье

[405] Эти стихи Пушкин сопровождал в журнальной публикации подзаголовком: «По прочтении изданных им книжек: "Для немногих"». Книжки эти содержали образцы немецкой поэзии и русские переводы Жуковского. Предназначались они для «избранных», в первую очередь для ученицы Жуковского великой княгини Александры Федоровны, жены Николая Павловича, бывшей немецкой принцессы. Пушкин переосмысляет слова «для немногих» и относит их к «друзьям таланта строгим», ценителям поэзии.
[406] Подразумевается литературный альманах «Для немногих», который Жуковский выпускал в 1818 году. Он издавался крошечным тиражом (около 30 экземпляров) и предназначался исключительно для членов императорской семьи и ближайших друзей.

Высоких мыслей и стихов!
Кто наслаждение прекрасным
В прекрасный получил удел
И твой восторг уразумел
Восторгом пламенным и ясным.

1818

Александр Пушкин

Желание славы[407]

Когда, любовию и негой упоенный,
Безмолвно пред тобой коленопреклоненный,
Я на тебя глядел и думал: ты моя, —
Ты знаешь, милая, желал ли славы я;
Ты знаешь: удален от ветреного света,
Скучая суетным прозванием поэта,
Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал
Жужжанью дальнему упреков и похвал.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонив ко мне томительные взоры
И руку на главу мне тихо наложив,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастлив?
Другую, как меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой друг, меня не позабудешь?
А я стесненное молчание хранил,
Я наслаждением весь полон был, я мнил,

[407] Стихотворение обращено к гр. Елизавете Ксаверьевне Воронцовой.

Что нет грядущего, что грозный день разлуки
Не при́дет никогда... И что же? Слезы, муки,
Измены, клевета, всё на главу мою
Обрушилося вдруг... Что я, где я? Стою,
Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
И всё передо мной затмилося! И ныне
Я новым для меня желанием томим:
Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною
Окружена была, чтоб громкою молвою
Всё, всё вокруг тебя звучало обо мне,
Чтоб, гласу верному внимая в тишине,
Ты помнила мои последние моленья
В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья.

1825

Александр Пушкин

* * *

Когда мечтательно я предан тишине
И вижу кроткую царицу ясной ночи,
Когда созвездия заблещут в вышине
И сном у Аргуса начнут смыкаться очи,[408]

И близок час уже, условленный тобой,
И ожидание с минутой возрастает,

---

[408] *Аргус* — многоглазый, всевидящий великан (греч. миф.), неусыпный страж.

И я стою уже безумный и немой,
И каждый звук ночной смущенного пугает;

И нетерпение сосет больную грудь,
И ты идешь одна, украдкой, озираясь,
И я спешу в лицо прекрасной заглянуть,
И вижу ясное, — и тихо, улыбаясь,

Ты на слова любви мне говоришь «люблю!»,
А я бессвязные связать стараюсь речи,
Дыханьем пламенным дыхание ловлю,
Целую волоса душистые и плечи,

И долго слушаю, как ты молчишь, — и мне
Ты предаешься вся для страстного лобзанья, —
О друг, как счастлив я, как счастлив я вполне!
Как жить мне хочется до нового свиданья!

1847

Афанасий Фет

* * *

Когда мои мечты за гранью прошлых дней
Найдут тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, как первый иудей
На рубеже земли обетованной.

Не жаль мне детских игр, не жаль мне тихих снов,

Тобой так сладостно и больно возмущенных
В те дни, как постигал я первую любовь
По бунту чувств неугомонных,

По сжатию руки, по отблеску очей,
Сопровождаемым то вздохами, то смехом,
По ропоту простых, незначащих речей,
Лишь нам звучавших страсти эхом.

1844

Афанасий Фет

Вечер

Когда настанет вечер ясный,
Люблю на берегу пруда
Смотреть, как гаснет день прекрасный
И загорается звезда,
Как ласточка, неуловимо
По лону вод скользя крылом,
Несется быстро, быстро мимо —
И исчезает... Смутным сном
Тогда душа полна бывает —
Ей как-то грустно и легко,
Воспоминанье увлекает
Ее куда-то далеко.
Мне грезятся иные годы,
Такой же вечер у пруда,

И тихо дремлющие воды,
И одинокая звезда,
И ласточка — и всё, что было,
Что сладко сердце разбудило
И промелькнуло навсегда.

1840—1841

Николай Огарев

* * *

Когда на то нет Божьего согласья,
Как ни страдай она, любя, —
Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя...

Душа, душа, которая всецело
Одной заветной отдалась любви
И ей одной дышала и болела,
Господь тебя благослови!

Он, милосердный, всемогущий,
Он, греющий своим лучом
И пышный цвет, на воздухе цветущий,
И чистый перл на дне морском.[409]

---

[409] В автографе перед текстом помета: «Из Ниццы в Сими, 11/23 января 1865». Стихотворение было подарено поэтом дочери Дарье со следующей припиской в автографе: «Моя милая дочь, храни это на память о нашей вчерашней прогулке и разговоре, но не показывай никому... Пусть это будет иметь значение лишь для нас двоих... Обнимаю и благословляю тебя от всего сердца. Ф. Т.». Из содержания стихотворения явствует, что темой разговора поэта с дочерью были переживания его в связи со смертью Е. А. Денисьевой. Вместе с тем стихотворение имеет прямое отношение и к Д. Ф. Тютчевой. Со строфой 1 следует

11 января 1865

Федор Тютчев

* * *

Когда природа вся трепещет и сияет,
Когда ее цвета ярки и горячи,
Душа бездейственно в пространстве утопает
И в неге врозь ее расходятся лучи.
Но в скромный, тихий день, осеннею погодой,
Когда и воздух сер, и тесен кругозор,
Не развлекаюсь я смиренною природой
И немощен ее на жизнь мою напор.
Мой трезвый ум открыт для сильных вдохновений,
Сосредоточен, я живу в себе самом,
И сжатая мечта зовет толпы видений,
Как зажигательным рождая их стеклом.
Винтовку сняв с гвоздя, я оставляю дом,
Иду меж озимей, чернеющей дорогой,
Смотрю на кучу скирд, на сломанный забор,
На пруд и мельницу, на дикий косогор,
На берег ручейка болотисто-отлогий
И в ближний лес вхожу. Там покрасневший клен,

сопоставить строки из письма поэта к Дарье от 8 сент. 1864 г., написанного через месяц после смерти Е. А. Денисьевой: «...если б что и могло меня подбодрить, создать мне по крайней мере видимость жизни, так это сберечь себя для тебя, посвятить себя тебе, мое бедное, милое дитя, — тебе, столь любящей и столь одинокой, внешне столь мало рассудительной и столь глубоко искренней, — тебе, кому я, быть может, передал по наследству это ужасное свойство, не имеющее названия, нарушающее всякое равновесие в жизни, эту жажду любви, которая у тебя, мое бедное дитя, осталась неутоленной».

Еще зеленый дуб и желтые березы
Печально на меня свои стряхают слезы;
Но дале я иду, в мечтанья погружен,
И виснут надо мной полунагие сучья,
А мысли между тем слагаются в созвучья,
Свободные слова теснятся в мерный строй,
И на душе легко, и сладостно, и странно,
И тихо всё кругом, и под моей ногой
Так мягко мокрый лист шумит благоуханный...

1858

Алексей Толстой

Последний катаклизм

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Всё зримое опять покроют воды,
И Божий лик изобразится в них!

1829

Федор Тютчев

К неверной

Когда прощался я с тобою
И твой корабль стремился в путь, —
Какой ужасною тоскою

Моя тогда стеснялась грудь!
Унылой мрачностью оделось
Души цветущей бытие,
И мне, безумному, хотелось
Всё сердце выплакать мое.

Кто б мне сказал, что роковая
Пора минует и что мне
Тужить, об ней воспоминая
Как о прекрасном, милом сне?
И то сбылось — и ты явилась,
Опять пленительна красой;
Но уж любовь не возвратилась,
Ни радость жизни молодой.

Когда опять взыграли волны
С назад плывущим кораблем
И прибежал я, неги полный;
В восторге сладостном моем
Когда душа моя кипела,
Бледнел, дрожал, смущался я, —
Ты не краснела, не бледнела,
Взглянула просто на меня.

С тех пор простился я с мечтами,
Смотрю в слезах на Божий свет;
За ночью ночь и день за днями
Текут, текут, — а жизни нет.
Одно лишь в памяти унылой —
Как наша молодость цвела,

Когда прелестною, счастливой
Ты для меня и мной жила.

Бывало, пылкою душою
Я всё, что свято, обнимал,
И, быв твоим, любим тобою,
Я сам себе цены не знал;
Но разлил взгляд твой безнадежный
Могильный холод вкруг меня, —
Он отравил в груди мятежной
Весь жар небесного огня.

И мрачной томностью крушимый,
Не знаю я, как с сердцем быть,
И образ, так давно любимый,
Боюсь и помнить, и забыть.
В тревоге дум теряя силы,
Почти без чувств скитаюсь я,
Как будто вышел из могилы,
Как будто мир не для меня.

Хочу, лишен всего, что мило,
Страшась сердечной пустоты, —
Чтоб мне хоть горе заменило
Всё то, чем мне бывала ты,
Чтоб об утраченной надежде
Душой взбунтованной тужил;
Хоть нет того, что было прежде,
Но я б по-прежнему любил.

1835

Иван Козлов

Тропинка

Когда рассеянно брожу без цели,
Куда глаза глядят и не глядят,
И расстилаются передо мной
На все четыре стороны свободно
Простор, и даль, и небосклон широкой, —
Как я люблю нечаянно набресть
На скрытую и узкую тропинку,
Пробитую средь жатвы колосистой!
Кругом меня волнами золотыми
Колышется колосьев зыбких море,
И свежею головкой васильки
Мне светятся в его глубоком лоне,
Как яхонтом[410] блистающие звезды.

Картиной миловидною любуясь,
Я в тихое унынье погружаюсь,
И на меня таинственно повеет
Какой-то запах милой старины;
Подъятые неведомою силой
С глубокого, таинственного дна,
В душе моей воспоминаний волны
Потоком свежим блещут и бегут;

---

[410] *Яхонт* — древнерусское название некоторых драгоценных камней, чаще рубина, реже сапфира.

И проблески минувших светлых дней
По лону памяти моей уснувшей
Скользят — и в ней виденья пробуждают.
Так в глубине небес, порою летней,
Когда потухнет ярко-знойный день,
Средь тьмы ночной зарница[411] затрепещет,
И вздрогнет тьма, обрызганная блеском.

Таинственно во мне и предо мной
Минувшее слилося с настоящим;
И вижу ли иль только вспоминаю
И чувством ли иль памятью живу,
В моем немом и сладком обаяньи
Отчета дать себе я не могу.

Мне кажется, что по тропинке этой
Не в первый раз брожу, что я когда-то
Играл на ней младенцем беззаботным,
Что юношей, тревог сердечных полным,
Влачил по ней тоскующие думы,
Незрелые и темные желанья,
И радости, и слезы, и мечты.
Передо мной не та же ль жатва зрела?
Не так же ли волнами золотыми
Она кругом, как море, трепетала,
И, яхонтом блистающие звезды,
Не те же ли светлели мне цветы?

---

[411] *Зарница* — мгновенная световая вспышка, озаряющая горизонт вечером или ночью, вроде молнии, но без грома; отблеск дальней грозы.

О, как любовь твоя неистощима,
Как неизменно свежи, вечно новы
Дары твои, всещедрая природа!
В их роскоши, в их неге, в изобильи
Нет бедственной отравы пресыщенья,
И на одном твоем цветущем лоне
Не старится и чувством не хладеет
С днем каждым увядающий печально,
К утратам присужденный человек.
Едва к тебе с любовью прикоснешься,
И свежесть первобытных впечатлений
По чувствам очерствевшим разольется,
И мягкостью и теплотою прежней
Разнежится унылая душа.

Сердечные преданья в нас не гаснут, —
Как на небе приметно иль незримо
Неугасимою красою звезды
Равно горят и в вёдро и в ненастье,
Так и в душе преданья в нас не гаснут;
Но облака житейских непогод
От наших чувств их застилают мраком,
И только в ясные минуты жизни,
Когда светло и тихо на душе,
Знакомые и милые виденья
На дне ее отыскиваем мы.

И предо мной разодралась завеса,
Скрывавшая минувшего картину,
И всё во мне воскресло вместе с нею,

И всё внезапно в жизни и в природе
Знакомое значенье обрело.
И светлый день, купающийся мирно
В прозрачной влаге воздуха и неба,
И с тесною своей тропинкой жатва,
И в стороне младой сосновой рощей
Увенчанный пригорок — есть на всё
В душе моей сочувствие и отзыв;
И радостно, в избытке чувств и жизни,
Я упиваюсь воздухом и солнцем,
И с жадностью младенческой кидаюсь
На яркие и пестрые цветы.
Но этими цветами, как бывало,
Не стану я уж ныне украшать
Алтарь моих сердечных поклонений,
Из них венки не соплету кумирам[412]
Моей мечты, слепой и суеверной,
Не обовью роскошным их убором
Веселой чаши дружеского пира:
Мои пиры давно осиротели,
И недопитые бокалы грустно
Стоят и ждут гостей уж безвозвратных.

Нет, ныне я с смиренным умиленьем
Вас принесу, любимые цветы,
На тихие могилы милых ближних,
Вас посвящу с признательною думой
Минувшему и памяти о нем.

---

[412] *Кумир* — изваяние языческого божества, идол; (перен.) предмет слепого поклонения.

В те редкие и тайные минуты,
Когда светло и тихо на душе
И милые, желанные виденья
Из сумраков вечерних восстают.

Август 1848, Лесная дача

Петр Вяземский

Lux aeterna[413]

Когда свет месяца бесстрастно озаряет
Заснувший ночью мир и всё, что в нем живет,
Порою кажется, что свет тот проникает
К нам, в отошедший мир, как под могильный свод.

И мнится при луне, что мир наш — мир загробный,
Что где-то, до того, когда-то, жили мы,
Что мы — не мы, послед других существ, подобный
Жильцам безвыходной, таинственной тюрьмы.

И мы снуем по ней какими-то тенями,
Чужды грядущему и прошлое забыв,
В дремоте тягостной, охваченные снами,
Не жизнь — но право жить — как будто сохранив...

Константин Случевский

---

[413] Вечный свет (лат.).

Осенью

Когда сквозная паутина
Разносит нити ясных дней
И под окном у селянина
Далекий благовест слышней,

Мы не грустим, пугаясь снова
Дыханья близкого зимы,
А голос лета прожитого
Яснее понимаем мы.

1870

Афанасий Фет

Комета[414]

Когда средь сонма звезд, размеренно и стройно,
Как звуков перелив, одна вослед другой,
Определенный путь свершающих спокойно,
Комета полетит неправильной чертой,
Недосозда́нная, вся полная раздора,
Невзнузданных стихий неистового спора,
Горя еще сама и на пути своем
Грозя иным звездам стремленьем и огнем,
Что́ нужды ей тогда до общего смущенья,

[414] В марте 1843 года комету наблюдали в Западной Европе, и русская печать заинтересованно обсуждала это явление. Стихотворение А. Григорьева связано со строками из стихотворения А. С. Пушкина: «Как беззаконная комета / В кругу расчисленных светил».

До разрушения гармонии?.. Она
Из лона отчего, из родника творенья
В созданья стройный круг борьбою послана,
Да совершит путем борьбы и испытанья
Цель очищения и цель самосозданья.

1843

Аполлон Григорьев

К М. Шимановской[415]

Когда твой ропот вдохновенный
Звучит сердечною тоской
И я, невольно изумленный,
Пленяюсь дивною игрой, —
Мой дух тогда с тобой летает
В безвинный мрак тревожных дней
И свиток тайный развивает
Судьбы взволнованной твоей.
Не твой был жребий веселиться
На светлой, радостной заре;
Но пламень в облаке родится.
И в сладостной твоей игре
Не та б мелодия дышала,
Не так бы чувством ты цвела, —

---

[415] *Шимановская* Мария-Агата (1789—1831) — польская пианистка и композитор, гастролировавшая в 1822 г. в России; в 1828 г. поселилась в Петербурге, где сблизилась с М. И. Глинкой, Адамом Мицкевичем, Пушкиным, Жуковским, Вяземским, Козловым. Шимановская часто навещала Козлова — страстного любителя музыки и играла для него.

Когда б ты слез не проливала,
Печаль душой не обняла.

1829

Иван Козлов

* * *

Когда читала ты мучительные строки,
Где сердца звучный пыл сиянье льет кругом
И страсти роковой вздымаются потоки, —
Не вспомнила ль о чем?

Я верить не хочу! Когда в степи, как диво,
В полночной темноте безвременно горя,
Вдали перед тобой прозрачно и красиво
Вставала вдруг заря

И в эту красоту невольно взор тянуло,
В тот величавый блеск за темный весь предел,
Ужель ничто тебе в то время не шепнуло:
Там человек сгорел!

15 февраля 1887

Афанасий Фет

* * *[416]

Когда я был душою молод,
С восторгом пел я первый снег;
Зимы предвестник, первый холод
Мне был задатком новых нег.

Мне нравилось в тот возраст жаркий
Зима под сребреным венцом,
Зима с своей улыбкой яркой
И ослепительным лицом.

В летах и чувствах устарелый,
Я ныне с тайною тоской
Смотрю, как вьется пепел белый
Над унывающей землей.

1845

Петр Вяземский

К соседу моему Г.[417]

Кого роскошными пирами

---

[416] Отрывок из стихотворения.

[417] Державин обращается в стихотворении к купцу М. С. Голикову, взявшему на откуп питейные сборы в Петербурге и Москве. Позднее Голиков сделался «по худому своему оным (откупом. — *И.Ф.*) управлению и роскошной жизни несчастливым, что отдан был под суд за непозволенный провоз французской водки» (объяснение Державина). М. С. Голиков (ум. 1788), известный курский купец, одно время живший в Сибири, был одним из организаторов компании, впоследствии названной Русско-Американской. Сотоварищами его были Г. И. Шелехов, выдающийся путешественник и исследователь Сибири (1747—1795), и двоюродный брат И. Л. Голиков. На капиталы М. С. Голикова в значительной степени снаряжались экспедиции Шелехова.

На влажных невских островах,
Между тенистыми древами,
На мураве и на цветах,
В шатрах персидских златошвенных,[418]
Из глин китайских драгоценных,[419]
Из венских чистых хрусталей,
Кого толь славно угощаешь,
И для кого ты расточаешь
Сокровищи казны твоей?

Гремит музы́ка, слышны хоры
Вкруг лакомых твоих столов;
Сластей и ананасов горы
И множество других плодов
Прельщают чувствы и питают;
Младые девы угощают,
Подносят вина чередой,
И алиатико с шампанским,
И пиво русское с британским,
И мозель с зельцерской водой.[420]

В вертепе мраморном, прохладном,
В котором льется водоскат,
На ложе роз благоуханном,
Средь лени, неги и отрад,
Любовью распаленный страстной,
С младой, веселою, прекрасной

---

[418] *Златошвенные* — златошвейные.
[419] *Из глин китайских драгоценных* — из фарфора.
[420] *Алиатико* — итальянское вино. *Мозель* — мозельское вино.

И нежной нимфой ты сидишь;[421]
Она поет, ты страстью таешь,
То с ней в весельи утопаешь,
То, утомлен весельем, спишь.

Ты спишь, — и сон тебе мечтает,
Что ввек благополучен ты,
Что само небо рассыпает
Блаженства вкруг тебя цветы;
Что парка дней твоих не косит,[422]
Что откуп вновь тебе приносит
Сибирски горы серебра
И дождь златый к тебе лиется. —
Блажен, кто поутру проснется
Так счастливым, как был вчера!

Блажен! кто может веселиться
Бесперерывно в жизни сей;
Но редкому пловцу случится
Безбедно плавать средь морей:
Там бурны дышат непогоды,
Горам подобно гонят воды
И с пеною песок мутят.
Петрополь сосны осеняли —
Но, вихрем пораженны, пали,

---

[421] «Он имел италиянку у себя на содержании, театральную певицу, с которой проведя жизнь роскошную, повергнул себя в вышесказанное бедство».

[422] *Парки* (римск. миф.) — три богини судьбы. Третья Парка перерезáла нить жизни человека, которую пряла первая.

Теперь корнями вверх лежат.[423]

Непостоянство доля смертных,
В пременах вкуса счастье их;
Среди утех своих несметных
Желаем мы утех иных;
Придут, придут часы те скучны,
Когда твои ланиты тучны
Престанут грации трепать;
И, может быть, с тобой в разлуке
Твоя уж Пенелопа в скуке
Ковер не будет распускать.[424]

Не будет, может быть, лелеять
Судьба уж более тебя
И ветр благоприятный веять
В твой парус: береги себя!
Доколь текут часы златые
И не приспели скорби злые,
Пей, ешь и веселись, сосед!
На свете жить нам время срочно;
Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коим нет.

---

[423] Вероятно, имеется в виду буря, сопровождавшая сильное наводнение в Петербурге 10 сентября 1777 г., когда многие самые высокие и лучшие деревья в лесу на Васильевском острове и в Коломне были вырваны с корнем. *Петрополь* — Петербург.

[424] «Пенелопа, супруга Улисса, царя Итакского, которая во время десятилетней его отлучки под Трою обеспокоивала была женихами, сватавшимися к ней по удостоверению, что Улисса уже нет в живых; но она, храня к нему верность, день от дня отлагая, обнадежила их, что тотчас, коль скоро доткет ковер, то выйдет из них за кого-нибудь замуж, а между тем что в день наткала, то в ночь распускала, дабы через то продлить время, покуда возвратится ее супруг. К Голикову же сие сравнение относится потому, что он был сибирский житель и, поехав в Петербург для снятия откупа, оставил там жену, обнадеживая ее, что скоро возвратится» (объяснение Державина).

1780

Гаврила Державин

* * *

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем звените вы
В день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

Конь несет меня стрелой
На поле открытом,
Он вас топчет под собой,
Бьет своим копытом.
Колокольчики мои,
Цветики степные,
Не кляните вы меня,
Темно-голубые!

Я бы рад вас не топтать,
Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бег неукротимый!
Я лечу, лечу стрелой,

Только пыль взметаю,
Конь несет меня лихой,
А куда — не знаю!

Он ученым ездоком
Не воспитан в холе,
Он с буранами знаком,
Вырос в чистом поле,
И не блещет как огонь
Твой чепрак узорный,
Конь мой, конь, славянский конь,
Дикий, непокорный!

Есть нам, конь, с тобой простор!
Мир забывши тесный,
Мы летим во весь опор
К цели неизвестной!
Чем окончится наш бег?
Радостью ль? Кручиной?
Знать не может человек —
Знает Бог единый!

Упаду ль на солончак
Умирать от зною?
Или злой киргиз-кайсак,
С бритой головою,
Молча свой натянет лук,
Лежа под травою,
И меня догонит вдруг
Медною стрелою?

Иль влетим мы в светлый град
Со кремлем престольным?
Чудно улицы гудят
Гулом колокольным,
И на площади народ,
В шумном ожиданье,
Видит: с запада идет
Светлое посланье.

В кунтушах и в чекменях,[425]
С чубами, с усами,
Гости едут на конях,
Машут булавами,
Подбочась, за строем строй
Чинно выступает,
Рукава их за спиной
Ветер раздувает.

И хозяин на крыльцо
Вышел величавый;
Его светлое лицо
Блещет новой славой;
Всех его исполнил вид
И любви и страха,
На челе его горит
Шапка Мономаха.

---

[425] *Кунту́ш* — старинный польский и украинский кафтан с широкими откидными рукавами. *Чекме́нь* — суконная верхняя мужская одежда халатообразного покроя, реже в виде кафтана или полукафтана; долгополая верхняя форменная одежда казачьих офицеров.

«Хлеб да соль! И в добрый час!
Говорит державный, —
Долго, дети, ждал я вас
В город православный!»
И они ему в ответ:
«Наша кровь едина,
И в тебе мы с давних лет
Чаем господина!»

Громче звон колоколов,
Гусли раздаются,
Гости сели вкруг столов,
Мед и брага льются,
Шум летит на дальний юг
К турке и к венгерцу —
И ковшей славянских звук
Немцам не по сердцу!

Гой вы, цветики мои,
Цветики степные,
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем грустите вы
В день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

Конец 1840-х годов

Алексей Толстой

Дорожная дума

Колокольчик однозвучный,
Крик протяжный ямщика,
Зимней степи сумрак скучный,
Саван неба, облака!
И простертый саван снежный
На холодный труп земли!
Вы в какой-то мир безбрежный
Ум и сердце занесли.

И в бесчувственности праздной,
Между бдения и сна,
В глубь тоски однообразной
Мысль моя погружена.
Мне не скучно, мне не грустно, —
Будто роздых бытия!
Но не выразить изустно,
Чем так смутно полон я.

1830

Петр Вяземский

* * *

Колышется море; волна за волной
Бегут и шумят торопливо...

О друг ты мой бедный, боюся, со мной
Не быть тебе долго счастливой!
Во мне и надежд и отчаяний рой,
Кочующей мысли прибой и отбой,
Приливы любви и отливы.

1856

Алексей Толстой

* * *

Кому венец: богине ль красоты
Иль в зеркале ее изображенью?
Поэт смущен, когда дивишься ты
Богатому его воображенью.

Не я, мой друг, а Божий мир богат,
В пылинке он лелеет жизнь и множит,
И что один твой выражает взгляд,
Того поэт пересказать не может.

1865

Афанасий Фет

В степи[426]

[426] В основе стихотворения — текст старинной ямщицкой песни «Уж ты степь моя, степь моздокская...». Моздóк — город в Северной Осетии.

Кони мчат-несут,
Степь всё вдаль бежит;
Вьюга снежная
На степи гудит.

Снег да снег кругом;
Сердце грусть берет;
Про моздокскую
Степь ямщик поет...

Как простор степной
Широко-велик;
Как в степи глухой
Умирал ямщик;

Как в последний свой
Передсмертный час
Он товарищу
Отдавал приказ:

«Вижу, смерть меня
Здесь, в степи, сразит, —
Не попомни, друг,
Злых моих обид.

Злых моих обид
Да и глупостей,
Неразумных слов,
Прежней грубости.

Схорони меня
Здесь, в степи глухой;
Вороных коней
Отведи домой.

Отведи домой,
Сдай их батюшке;
Отнеси поклон
Старой матушке.

Молодой жене
Ты скажи, друг мой,
Чтоб меня она
Не ждала домой...

Кстати, ей еще
Не забудь сказать:
Тяжело вдовой
Мне ее кидать!

Передай словцо
Ей прощальное
И отдай кольцо
Обручальное.

Пусть о мне она
Не печалится;
С тем, кто по сердцу,
Обвенчается!»

Замолчал ямщик,
Слеза катится...
А в степи глухой
Вьюга плачется.

Голосит она,
В степи стон стоит,
Та же песня в ней
Ямщика звучит:

«Как простор степной
Широко-велик;
Как в степи глухой
Умирал ямщик».

1865

Иван Суриков (1841—1880)

* * *

Кончен пир, умолкли хоры,
Опорожнены амфоры,
Опрокинуты корзины,
Не допиты в кубках вины,
На главах венки измяты, —
Лишь курятся ароматы
В опустевшей светлой зале...

Кончив пир, мы поздно встали

Звезды на небе сияли,
Ночь достигла половины...
Как над беспокойным градом,
Над дворцами, над домами,
Шумным уличным движеньем
С тускло-рдяным освещеньем
И бессонными толпами, —
Как над этим дольным чадом
В горнем, выспреннем пределе[427]
Звезды чистые горели,
Отвечая смертным взглядам
Непорочными лучами...

1850

Федор Тютчев

* * *

Кот поет, глаза прищуря,
Мальчик дремлет на ковре,
На дворе играет буря,
Ветер свищет на дворе.

«Полно тут тебе валяться,
Спрячь игрушки да вставай!
Подойди ко мне прощаться,
Да и спать себе ступай».

---

[427] *Дольный* — земной, *горний* — небесный. *Выспренний* — возвышенный, торжественный.

Мальчик встал. А кот глазами
Поводил и все поет;
В окна снег валит клоками,
Буря свищет у ворот.

1842

Афанасий Фет

* * *

К подъезду! — Сильно за звонок рванул я. —
Что, дома? — Быстро я взбежал наверх.
Уже ее я не видал лет десять;
Как хороша она была тогда!
Вхожу. Но в комнате всё дышит скукой,
И плющ завял, и шторы спущены.
Вот у окна, безмолвно за газетой,
Сидит какой-то толстый господин.
Мы поклонились. Это муж. Как дурен!
Широкое и глупое лицо.
В углу сидит на креслах длинных кто-то,
В подушки утонув. Смотрю — не верю!
Она — вот эта тень полуживая?
А есть еще прекрасные черты!
Она мне тихо машет: «Подойдите!
Садитесь! рада я вам, старый друг!»
Рука как желтый воск, чуть внятен голос,
Взор мутен. Сердце сжалось у меня.

«Меня теперь вы, верно, не узнали…
Да — я больна; но это всё пройдет:
Весной поеду непременно в Ниццу».
Что отвечать? Нельзя же показать,
Что слезы хлынули к глазам от сердца,
А слово так и мрет на языке.
Муж улыбнулся, что я так неловок.
Какую-то я пошлость ей сказал
И вышел. Трудно было оставаться —
Поехал. Мокрый снег мне бил в лицо,
И небо было тускло…

1842

Николай Огарев

Ночь

К приятной тишине склонилась мысль моя,
Медлительней текут мгновенья бытия.
Умолкли голоса, и свет, покрытый тьмою,
Зовет живущих всех ко сладкому покою.
Прохлада, что из недр пространныя земли
Восходит вверх, стелясь, и видима в дали
Туманов у ручьев и близ кудрявой рощи
Виется в воздухе за колесницей нощи,
Касается до жил и освежает кровь!
Уединение, молчанье и любовь
Владычеством своим объемлют тихи сени,
И помавают им согласны с ними тени.

Воображение, полет свой отложив,
Мечтает тихость сцен, со зноем опочив.
Так солнце, утомясь, пред западом блистает,
Пускает кроткий луч и блеск свой отметает.
Ах! чтоб вечерних зреть пришествие теней,
Что может лучше быть обширности полей?
Приятно мне уйти из кровов позлащенных
В пространство тихое лесов невозмущенных,
Оставив пышный град, где честолюбье бдит,
Где скользкий счастья путь, где ров цветами скрыт.
Здесь буду странствовать в кустарниках цветущих
И слушать соловьев, в полночный час поющих;
Или облокочусь на мшистый камень сей,
Что частью в землю врос и частию над ней.
Мне сей цветущий дерн свое представит ложе.
Журчанье ручейка, бесперестанно то же,
Однообразием своим приманит сон.
Стопами тихими ко мне приидет он
И распростретсвои над утомленным крилы,
Живитель естества, лиющий в чувства силы.
Не сходят ли уже с сих тонких облаков
Обманчивы мечты и между резвых снов
Надежды и любви, невинности подруги?

Уже смыкаются зениц усталых круги.
Носися с плавностью, стыдливая луна:
Я преселяюся во темну область сна.
Уже язык тяжел и косен становится.
Еще кидаю взор — и всё бежит и тьмится.

1776, 1785

Михаил Муравьев (1757—1807)

* * *[428]

Краев чужих неопытный любитель
И своего всегдашний обвинитель,
Я говорил: в отечестве моем
Где верный ум, где гений мы найдем?
Где гражданин с душою благородной,
Возвышенной и пламенно свободной?
Где женщина — не с хладной красотой,
Но с пламенной, пленительной, живой?
Где разговор найду непринужденный,
Блистательный, веселый, просвещенный?
С кем можно быть не хладным, не пустым?
Отечество почти я ненавидел —
Но я вчера Галицыну увидел
И примирен с отечеством моим.

1817

Александр Пушкин

* * *

[428] Обращено к кн. Евдокии Ивановне *Голицыной* (1780—1850), незаурядной женщине; современник назвал ее «жрицей какого-то чистого и высокого служения»; ее прозвали Пифией. Карамзин писал Вяземскому в декабре 1817 г., что Пушкин «смертельно влюбился в Пифию Голицыну и теперь уже проводит у нее вечера».

Край, лишенный живой красоты,
В нем намеки одни, да черты,
Всё неясно в нем, полно теней,
Начиная от самых людей;
Если плачут — печаль их мелка,
Если любят — так любят слегка,
Вял и медлен неискренний труд,
Склад всей жизни изношен и худ,
Вечно смутен, тревожен их взгляд,
Всё как будто о чем-то молчат...
Откровенной улыбки в них нет,
Ласки странны, двусмыслен совет...
Эта бледность породы людской
Родилась из природы самой:
Цепи мелких, пологих холмов,
Неприветные дебри лесов,
Реки, льющие волны сквозь сон,
Вечно серый, сырой небосклон...
Тяжкий холод суровой зимы,
Дни, бессильные выйти из тьмы,
Гладь немая безбрежных равнин —
Ряд неконченных кем-то картин...
Кто-то думал о них, рисовал,
Бросил кисти и сам задремал...

Константин Случевский

Кружка

Краса пирующих друзей,

Забав и радостей подружка,
Предстань пред нас, предстань скорей,
Большая сребряная кружка!
Давно уж нам в тебя пора
Пивца налить
И пить:
Ура! ура! ура!

Ты дщерь великого ковша,
Которым предки наши пили;
Веселье их была душа,
В пирах они счастливо жили.
И нам, как им, давно пора
Счастливым быть
И пить:
Ура! ура! ура!

Бывало, старики в вине
Свое всё потопляли горе,
Дралися храбро на войне:
Вить пьяным по колени море!
Забыть и нам всю грусть пора,
Отважным быть
И пить:
Ура! ура! ура!

Бывало, дольше длился век,
Когда диет не наблюдали;
Был здрав и счастлив человек,
Как только пили да гуляли.

Давно гулять и нам пора,
Здоровым быть
И пить:
Ура! ура! ура!

Бывало, пляска, резвость, смех,
В хмелю друг друга обнимают;
Теперь наместо сих утех
Жеманством, лаской угощают.
Жеманство нам прогнать пора,
Но просто жить
И пить:
Ура! ура! ура!

В садах, бывало, средь прохлад
И жены с нами куликают,[429]
А ныне клоб да маскерад
И жен уж с нами разлучают;
Французить нам престать пора,
Но Русь любить
И пить:
Ура! ура! ура!

Бывало, друга своего —
Теперь карманы посещают;
Где вист, да банк, да макао,[430]
На деньги дружбу там меняют.

---

[429] *Куликать* — выпивать.
[430] *Вист, банк, макао* — модные в то время карточные игры.

На карты нам плевать пора,
А скромно жить
И пить:
Ура! ура! ура!

О сладкий дружества союз,
С гренка́ми пивом пенна кружка![431]
Где ты наш услаждаешь вкус,
Мила там, весела пирушка.
Пребудь ты к нам всегда добра,
Мы станем жить
И пить:
Ура! ура! ура!

1777

Гаврила Державин

Сосед

Кто б ни был ты, печальный мой сосед,
Люблю тебя, как друга юных лет,
Тебя, товарищ мой случайный,
Хотя судьбы коварною игрой
Навеки мы разлучены с тобой
Стеной теперь — а после тайной.

[431] «Граждан гуляк обыкновенная приятельская попойка из старинных серебряных кружек, наполненных сушеным хлебом с лимонною коркою и налитых пополам английским и русским пивом» (объяснение Державина).

Когда зари румяный полусвет
В окно тюрьмы прощальный свой привет
Мне умирая посылает,
И, опершись на звучное ружье,
Наш часовой, про старое житье
Мечтая, стоя засыпает,

Тогда, чело склонив к сырой стене,
Я слушаю — и в мрачной тишине
Твои напевы раздаются.
О чем они — не знаю; но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Как слезы, тихо льются, льются...

И лучших лет надежды и любовь —
В груди моей всё оживает вновь,
И мысли далеко несутся,
И полон ум желаний и страстей,
И кровь кипит — и слезы из очей,
Как звуки, друг за другом льются.

1837

Михаил Лермонтов

* * *[432]

[432] Стихотворение отражает тяжелое душевное состояние Пушкина; оно вызвано подавлением войсками Священного союза (союз России, Пруссии и Австрии) революционных движений и торжеством в Европе реакции; однако поэт еще надеется на новые революционные взрывы.

Кто, волны, вас остановил,
Кто оковал ваш бег могучий,
Кто в пруд безмолвный и дремучий
Поток мятежный обратил?
Чей жезл волшебный поразил
Во мне надежду, скорбь и радость
И душу бурную
Дремотой лени усыпил?
Взыграйте, ветры, взройте воды,
Разрушьте гибельный оплот!
Где ты, гроза — симво́л свободы?
Промчись поверх невольных вод.

1823

Александр Пушкин

Романс Риччио[433]

Кто она и где она —
Небесам одним известно,
Но душа увлечена
Незнакомкою чудесной.

Верю, знаю: день придет,
Сердце радостно смутится,
Деву тайную найдет,

[433] Из поэмы «Давид Риччио». Давид Риччио (1540—1566) — секретарь Марии Стюарт (1542—1587), ее доверенное лицо.

И мечта осуществится.

Ветер знает, кто она,
Облака ее видали,
Как над ней издалека
Легкой тенью пробегали.

Соловьи поют об ней,
Звезды яркие блистают
Взорами ее очей,
Но ее не называют.

1839

Нестор Кукольник

Сонет

Кто принял в грудь свою язвительные стрелы
Неблагодарности, измены, клеветы,
Но не утратил сам врожденной чистоты
И образы богов сквозь пламя вынес целы;

Кто тёрновым путем идя в труде, как пчелы,
Сбирает воск и мед, где встретятся цветы, —
Тому лишь шаг — и он достигнул высоты,
Где добродетели положены пределы.

Как лебедь восстает белее из воды,
Как чище золото выходит из горнила,

Так честная душа из опыта беды:

Гоненьем и борьбой в ней только крепнет сила;
Чем гуще мрак кругом, тем ярче блеск звезды,
И чем прискорбней жизнь, тем радостней могила.

1835

Павел Катенин

Таинственный посетитель

Кто ты, призрак, гость прекрасный?
К нам откуда прилетал?
Безответно и безгласно
Для чего от нас пропал?
Где ты? Где твое селенье?
Что с тобой? Куда исчез?
И зачем твое явленье
В поднебесную с небес?

Не Надежда ль ты младая,
Приходящая порой
Из неведомого края
Под волшебной пеленой?
Как она, неумолимо
Радость милую на час
Показал ты, с нею мимо
Пролетел и бросил нас.

Не Любовь ли нам собою
Тайно ты изобразил?..
Дни любви, когда одною
Мир для нас прекрасен был,
Ах! тогда сквозь покрывало
Неземным казался он…
Снят покров; любви не стало;
Жизнь пуста, и счастье — сон.

Не волшебница ли Дума
Здесь в тебе явилась нам?
Удаленная от шума
И мечтательно к устам
Приложивши перст, приходит
К нам, как ты, она порой
И в минувшее уводит
Нас безмолвно за собой.

Иль в тебе сама святая
Здесь Поэзия была?..
К нам, как ты, она из рая
Два покрова принесла:
Для небес лазурно-ясный,
Чистый, белый для земли:
С ней все близкое прекрасно;
Всё знакомо, что вдали.

Иль Предчувствие сходило
К нам во образе твоем
И понятно говорило

О небесном, о святом?
Часто в жизни так бывало:
Кто-то светлый к нам летит,
Подымает покрывало
И в далекое манит.

1824

Василий Жуковский

Кудри

Кудри девы-чародейки,
Кудри — блеск и аромат,
Кудри — кольца, струйки, змейки,
Кудри — шелковый каскад!
Вейтесь, лейтесь, сыпьтесь дружно,
Пышно, и́скристо, жемчужно!
Вам не надобен алмаз:
Ваш извив неуловимый
Блещет краше без прикрас,
Без перловой диадимы,
Только роза — цвет любви,
Роза — нежности эмблема —
Красит роскошью эдема
Ваши мягкие струи.
Помню прелесть пирной ночи:
Живо помню я, как вы,
Задремав, чрез ясны очи
Ниспадали с головы;

В ароматной сфере бала,
При пылающих свечах,
Пышно тень от вас дрожала
На груди и на плечах;
Ручка нежная бросала
Вас небрежно за ушко;
Грудь у юношей пылала
И металась высоко.
Мы, смущенные, смотрели —
Сердце взорами неслось,
Ум тускнел, уста немели,
А в очах сверкал вопрос:
«Кто ж владелец будет полный
Этой россыпи златой?
Кто-то будет эти волны
Черпать жадною рукой?
Кто из нас, друзья-страдальцы,
Будет амвру их впивать,
Навивать их шелк на пальцы,
Поцелуем припекать,
Мять и спутывать любовью
И во тьме по изголовью
Беззаветно рассыпать?»

Кудри, кудри золотые,
Кудри пышные, густые —
Юной прелести венец!
Вами юноши пленялись,
И мольбы их выражались
Стуком пламенных сердец;

Но снедаемые взглядом
И доступны лишь ему,
Вы ручным бесценным кладом
Не далися никому:
Появились, порезвились —
И, как в море вод хрусталь,
Ваши волны укатились
В неизведанную даль!

1835

Владимир Бенедиктов

* * *

К ужасающей пустыне
Приведен путем своим,
Что мечтою ищет ныне
Утомленный пилигрим?

В темноте полярной ночи,
Позабыт и одинок,
Тщетно ты вперяешь очи
На белеющий восток.

Тщетно пышного рассвета
Сердце трепетное ждет:
Пропадет денница эта,
Это солнце не взойдет!

Декабрь 1849. Москва

Каролина Павлова

Стихи, сочиненные на дороге в Петергоф,

когда я в 1761 году ехал просить о подписании привилегии для академии, быв много раз прежде за тем же[434]

Кузнечик дорогой, коль много ты блажен,
Коль больше пред людьми ты счастьем одарен!
Препровождаешь жизнь меж мягкою травою
И наслаждаешься медвяною росою.
Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но в самой истине ты перед нами царь;
Ты ангел во плоти иль, лучше, ты бесплотен,
Ты скачешь и поешь, свободен, беззаботен;
Что видишь, всё твое; везде в своем дому,
Не просишь ни о чем, не должен никому.

Михайло Ломоносов

Табак

Курись, табак мой! Вылетай
    Из трубки, дым приятный,
И облаками расстилай
    Свой запах ароматный!
Не столько персу мил кальян

[434] Переложение анакреонтического стихотворения «К цикаде». Ломоносов добавил последний, заключительный стих.

Или шербет душистый,
Сколь мил душе моей туман
Твой легкий и волнистый!
Тиран лишил меня всего —
И чести и свободы,
Но всё курю, назло его,
Табак, как в прежни годы;
Курю и мыслю: как горит
Табак мой в трубке жаркой,
Так и меня испепелит
Рок пагубный и жалкой...
Курись же, вейся, вылетай
Из трубки, дым приятный,
И, если можно, исчезай
И жизнь с ним невозвратно!

1829

Александр Полежаев (1804—1838)

* * *

К чему невольнику мечтания свободы?
Взгляни: безропотно текут речные воды
В указанных брегах, по склону их русла́;
Ель величавая стоит, где возросла,
Невластная сойти. Небесные светила
Назначенным путем неведомая сила
Влечет. Бродячий ветр не волен, и закон
Его летучему дыханью положён.

Уделу своему и мы покорны будем,
Мятежные мечты смирим иль позабудем;
Рабы разумные, послушно согласим
Свои желания со жребием своим —
И будет счастлива, спокойна наша доля.
Безумец! не она ль, не вышняя ли воля
Дарует страсти нам? и не ее ли глас
В их гласе слышим мы? О, тягостна для нас
Жизнь, в сердце бьющая могучею волною
И в грани узкие втесненная судьбою.

1831—1832

Евгений Боратынский

Утро в горах

Лазурь небесная смеется,
Ночной омытая грозой,
И между гор росисто вьется
Долина светлой полосой.

Лишь высших гор до половины
Туманы покрывают скат,
Как бы воздушные руины
Волше́бством созданных палат.

1829

Федор Тютчев

Весна

Ласкается небо к цветущей земле,
Грачи прилетели, а я — на столе.

Октябрь 1894

Владимир Соловьев

* * *

Ласточки пропали,
А вчера зарей
Всё грачи летали
Да как сеть мелькали
Вон над той горой.

С вечера всё спится,
На дворе темно.
Лист сухой валится,
Ночью ветер злится
Да стучит в окно.

Лучше б снег да вьюгу
Встретить грудью рад!
Словно как с испугу
Раскричавшись, к югу

Журавли летят.

Выйдешь — поневоле
Тяжело — хоть плачь!
Смотришь — через поле
Перекати-поле
Прыгает как мяч.

1850

Афанасий Фет

Царскосельский лебедь[435]

Лебедь белогрудый, лебедь белокрылый,
Как же нелюдимо ты, отшельник хилый,
Здесь сидишь на лоне вод уединенных!
Спутников давнишних, прежней современных
Жизни, переживши, сетуя глубоко,
Их ты поминаешь думой одинокой!
Сумрачный пустынник, из уединенья
Ты на молодое смотришь поколенье
Грустными очами; прежнего единый
Брошенный обломок, в новый лебединый
Свет на пир веселый гость не приглашенный,

[435] По поводу этого стихотворения Жуковский писал: «Этот лебедь не выдумка, а правда. Я сам видел в Царском Селе старого лебедя, который всегда был один, никогда не покидал своего уединенного пруда и когда являлся в общество молодых лебедей, то они поступали с ним весьма неучтиво. Его называли Екатерининским Лебедем». В описании Царскосельского парка упоминаются памятники русским победам над турками в войне 1769—1774 гг.: морской битве при Чесме в Эгейском море и битве при Кагуле под командованием П. А. Румянцева (обе — 1770).

Ты вступить дичишься в круг неблагосклонный
Резвой молодежи. На водах широких,
На виду царевых теремов высоких,
Пред Чесменской гордо блещущей колонной,
Лебеди младые голубое лоно
Озера тревожат плаваньем, плесканьем,
Боем крыл могучих, белых шей купаньем;
День они встречают, звонко окликаясь;
В зеркале прозрачной влаги отражаясь,
Длинной вереницей, белым флотом стройно
Плавают в сиянье солнца по спокойной
Озера лазури; ночью ж меж звездами
В небе, повторенном тихими водами,
Облаком перловым[436], вод не зыбля, реют
Иль двойною тенью, дремля, в них белеют;
А когда гуляет месяц меж звездами,
Влагу расшибая сильными крылами,
В блеске волн, зажженных месячным сияньем,
Окруженны брызгов огненных сверканьем,
Кажутся волшебным призраков явленьем —
Племя молодое, полное кипеньем
Жизни своевольной. Ты ж старик печальный,
Молодость их образ твой монументальный
Резвую пугает; он на них наводит
Скуку, и в приют твой ни один не входит
Гость из молодежи, ветрено летящей
Вслед за быстрым мигом жизни настоящей.
Но не сетуй, старец, пращур[437] лебединый:

---

[436] Т. е. жемчужным. *Перлы* — жемчуга.
[437] *Пращур* — далекий предок.

Ты родился в славный век Екатерины,
Был ее ласкаем царскою рукою, —
Памятников гордых битве под Чесмою,
Битве при Кагуле воздвиженье зрел ты;
С веком Александра тихо устарел ты;
И, почти столетний, в веке Николая
Видишь, угасая, как вся Русь святая
Вкруг царевой силы, — вековой зеленый
Плющ вкруг силы дуба, — вьется под короной
Царской, от окрестных бурь ища защиты.

Дни текли за днями. Лебедь позабытый
Таял одиноко; а младое племя
В шуме резвой жизни забывало время…
Раз среди их шума раздался чудесно
Голос, всю пронзивший бездну поднебесной;
Лебеди, услышав голос, присмирели
И, стремимы тайной силой, полетели
На́ голос: пред ними, вновь помолоделый,
Радостно вздымая перья груди белой,
Голову на шее гордо распрямленной
К небесам подъемля, — весь воспламененный,
Лебедь благородный дней Екатерины
Пел, прощаясь с жизнью, гимн свой лебединый!
А когда допел он — на небо взглянувши
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши —
К небу, как во время оное бывало,
Он с земли рванулся… и его не стало
В высоте… и навзничь с высоты упал он;
И прекрасен мертвый на хребте лежал он,

Широко раскинув крылья, как летящий,
В небеса вперяя взор, уж не горящий.

1851

Василий Жуковский

Весеннее чувство

Легкий, легкий ветерок,
Что так сладко, тихо веешь?
Что играешь, что светлеешь,
Очарованный поток?
Чем опять душа полна?
Что опять в ней пробудилось?
Что с тобой к ней возвратилось,
Перелетная весна?

Я смотрю на небеса…
Облака, летя, сияют
И, сияя, улетают
За далекие леса.

Иль опять от вышины
Весть знакомая несется?
Или снова раздается
Милый голос старины?
Или там, куда летит
Птичка, странник поднебесный,
Всё еще сей неизвестный

Край *желанного* сокрыт?..
Кто ж к неведомым брегам
Путь неведомый укажет?
Ах! найдется ль, кто мне скажет,
Очарованное *Там?*

1816

Василий Жуковский

Полдень

Лениво дышит полдень мглистый,
Лениво катится река,
В лазури пламенной и чистой
Лениво тают облака.

И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет,
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф покойно дремлет.[438]

1829

Федор Тютчев

Грачи

[438] Полдневный час считался священным у древних греков. В этот час отдыхал Пан — бог долин, лесов, стад и пастухов, изобретатель свирели. В полдень Пан отдыхает — и на тех, кто нарушает его покой, нагоняет «панический ужас».

Лесок дремал. Приход ничей
Его покуда не тревожил.
Но я пришел, и сонм грачей
Взлетел, крича, и весь он ожил.

Они, к полудню прилетев
С прогулок утренних по нивам,
Качались на верхах дерев
В расположении сонливом.

Я помешал; я их спугнул.
Над рощей долго в шумной свалке
Стоял грачей басистый гул,
И звонко вторили им галки.

Иным грачей несносен крик;
А я его люблю, напротив.
Я с детских лет к грачам привык,
Себя их слушать приохотив.

Друзья родной земли моей,
Они, как я, здесь летом — дома.
Непостижима без грачей
Страна дубов и чернозема.

10 ноября 1896. Ильиновка

Алексей Жемчужников

* * *

Летний вечер тих и ясен;
Посмотри, как дремлют ивы;
Запад неба бледно-красен,
И реки блестят извивы.

От вершин скользя к вершинам,
Ветр ползет лесною высью.
Слышишь ржанье по долинам?
То табун несется рысью.

1847

Афанасий Фет

Липы-липки

Липы-липки! вы мне милы;
Вас я не забуду;
Вас, родные, до могилы
Петь и славить буду.

Часто вам я, липы-липки,
В дни стихов и прозы
Посвящал мои улыбки,
Посвящал и слезы.

От жены бежал, злодейки,
И от лютой тещи,

Я чрез тайные лазейки
В липовые рощи;

И прильнув душой печальной
К новой чародейке,
С ней гулял по самой дальной
Липовой аллейке.

И потом, предав забвенью
Горькие ошибки,
Я один сидел под тенью
Одинокой липки.

Шумным роем обсыпали
Пчелы липку эту;
Сладкий мед они сбирали
С липового цвету.

После люди мне сказали:
Что ты всё пьешь воду?
Ты от горя и печали
Лучше выпей меду!

Стал цедиться мед душистый
Струйкой золотистой,
А друзья-то подстрекали:
Пей! Ведь липец чистый!

Липец? — Как не пить в собраньи,
Липам в честь и славу,

Добрым людям для компаньи
И себе в забаву!

Вот и пил я что есть мочи,
Славя липку-липу,
А потом и дни и ночи
Спал я без просыпу.

Про́спал жар я, выспал холод,
Жизнь пропала даром,
Всё прошло; уснул я — молод,
А проснулся старым.

Еле ходишь, сухопарый,
Ломит поясницу;
Кашель душит, а и старый —
Любишь молодицу.

Вот однажды ей в признаньях
Говорю сквозь слезы:
«Может, милая, в страданьях
Помогли б мне розы.

Может, это лишь простуда,
И с померзлой кровью
Мне согреться бы не худо
Например — любовью». —

«Нет, на розы не надейся!
Слушайся совету, —

Говорит она: — напейся
Липового цвету!

Не любовью согревайся,
С сердцем обветшалым,
А плотнее накрывайся
Теплым одеялом!»

Стал я пить настой целебный,
Пил его я жадно,
Принял я совет врачебный,
Только всё не ладно.

Скоро, всю потратив силу,
Век я кончу зыбкой:
Вы ж, друзья, мою могилу
Осените липкой!

1857

Владимир Бенедиктов

Первый лист

Лист зеленеет молодой.
Смотри, как листьем молодым[439]
Стоят обвеяны березы,
Воздушной зеленью сквозной,

---

[439] *Листье* — совокупность листьев; листва (обычно на деревьях).

Полупрозрачною, как дым...

Давно им грезилось весной,
Весной и летом золотым, —
И вот живые эти грезы
Под первым небом голубым
Пробились вдруг на свет дневной.

О, первых листьев красота,
Омытых в солнечных лучах,
С новорожденною их тенью!
И слышно нам по их движенью,
Что в этих тысячах и тьмах
Не встретишь мертвого листа.

Май 1851

Федор Тютчев

Листок[440]

«Листок иссохший, одинокий,
Пролетный гость степи широкой,
Куда твой путь, голубчик мой?»
— «Как знать мне! Налетели тучи —
И дуб родимый, дуб могучий
Сломили вихрем и грозой.

[440] Перевод стих. Антуана Венсана Арно (1766—1834) «La Feuille» (1815), получившего европейскую известность.

С тех пор, игралище Борея,[441]
Не сетуя и не робея,
Ношусь я, странник кочевой,
Из края в край земли чужой;
Несусь, куда несет суровый,
Всему неизбежимый рок,
Куда летит и лист лавровый —
И легкий розовый листок!»

Конец 1810-х годов

Денис Давыдов

Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мысльми утомлен!

---

[441] *Борей* (греч.) — сильный северный ветер.

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов;
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы божества
Там равна сила естества.

Но где ж, натура, твой закон?
С полночных стран встает заря!
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мещут огнь моря?
Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!

О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,
Вам путь известен всех планет, —
Скажите, что нас так мятет?

Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?

Там спорит жирна мгла с водой;

Иль солнечны лучи блестят,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верьхи горят;
Иль в море дуть престал зефир,
И гладки волны бьют в эфир.

Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик Творец?[442]

1743

Михайло Ломоносов

* * *

Лишь только один я останусь с собою,
Меня голоса призывают толпою.

---

[442] В «Изъяснениях», приложенных к «Слову о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих», Ломоносов сообщал: «Ода моя о северном сиянии, которая сочинена 1743 года, а в 1747 году в Риторике напечатана, содержит мое давнишнее мнение, что северное сияние движением эфира произведено быть может». *Там разных множество светов.* Мысль о множестве населенных миров Ломоносов отстаивал и пытался обосновать научными доводами также в своем сочинении «Явление Венеры на солнце» (СПб., 1761). *С полночных стран встает заря.* Наблюдения над северными сияниями, хорошо известными ему с юности, Ломоносов вел и в Петербурге. Для подготовлявшейся им книги «Испытание причины северного сияния» были исполнены гравюры, сделанные с его собственных зарисовок во время наблюдений. *Как может быть, чтоб мерзлый пар Среди зимы рождал пожар?* Христиан Вольф полагал, что причину северных сияний надо искать в образующихся в недрах земли «тонких испарениях», в том числе селитряных и сернистых, возгорающихся в небе. Эта теория и вызвала вопрос Ломоносова. *Иль тучных гор верьхи горят* и т. д. После необычайного по распространению северного сияния 17 марта 1716 г. группа бреславльских ученых-натуралистов выступила с «гипотезой», что северные сияния не что иное, как отражение огней исландского вулкана Геклы в морских северных льдах при их передвижении. *И гладки волны бьют в эфир.* Эти слова отражают теорию самого Ломоносова, указывавшего на электрическую природу северных сияний.

Которому ж голосу отповедь дам?
В сомнении рвется душа пополам.
Советов, угроз, обещаний так много,
Но где же прямая, святая дорога?
С мучительной думой стою на пути —
Не знаю, направо ль, налево ль идти?
Махни уж рукой да иди, не робея,
На голос, который всех манит сильнее,
Который немолчно, вблизи, вдалеке,
С тобой говорит на родном языке!

Август или сентябрь 1856

Алексей Толстой

Вечер

Ложатся тени гор на дремлющий залив;
Прибрежные сады лимонов и олив
Пустеют; чуть блестит над морем запад ясный, —
И скоро Божий день, веселый и прекрасный,
С огнистым пурпуром и золотом уйдет
Из чистого стекла необозримых вод.

1841

Николай Языков

* * *

Лозы мои за окном разрослись живописно и даже
Свет отнимают. Смотри, вот половина окна
Верхняя темною зеленью листьев покрыта; меж ними,
Будто нарочно, в окне кисть начинает желтеть.
Милая, полно, не трогай!.. К чему этот дух разрушенья!
Ты доставать виноград высунешь руку на двор, —
Белую, полную ручку легко распознают соседи,
Скажут: она у него в комнате тайно была.

1847

Афанасий Фет

К Чаадаеву[443]

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой

[443] *Чаадаев* Петр Яковлевич (1794—1856) — русский писатель и философ; офицер; близкий друг Пушкина. С 1821 г. — член тайного декабристского общества Союз благоденствия. В стихотворении, по всей видимости, нашло отражение намерение юного Пушкина совершить цареубийство.

Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

1818

Александр Пушкин

Песня

Посвящена А. О. Смирновой[444]

Любил я очи голубые,
Теперь влюбился в черные.
Те были нежные такие,
А эти непокорные.

Глядеть, бывало, не устанут
Те долго, выразительно;
А эти не глядят; а взглянут —
Так словно царь властительный.

---

[444] *Смирнова* (урожденная Россет) Александра Осиповна (1809—1882) — приятельница Пушкина, Жуковского, Плетнева, Вяземского, Гоголя и др.; адресат стихов Пушкина («Ее глаза», 1828), Вяземского («Черные очи», 1828), Жуковского, Мятлева, Лермонтова, Ростопчиной и др.

На тех порой сверкали слезы,
Любви немые жалобы,
А тут не слезы, а угрозы,
А то и слез не стало бы.

Те укрощали жизни волны,
Светили мирным счастием,
А эти бурных молний полны
И дышат самовластием.

Но увлекательно, как младость,
Их юное могущество.
О! Я б за них дал славу, радость
И всё души имущество.

Любил я очи голубые,
Теперь влюбился в черные,
Хоть эти сердцу не родные,
Хоть эти непокорные.

1843

Василий Туманский

* * *

Люби питомца вдохновенья
И гордый ум пред ним склоняй;
Но в чистой жажде наслажденья

Не каждой арфе слух вверяй.
Не много истинных пророков
С печатью власти на челе,
С дарами выспренних уроков,
С глаголом неба на земле.

Март 1827

Дмитрий Веневитинов

* * *

Люблю глаза твои, мой друг,
С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподымешь вдруг
И, словно молнией небесной,
Окинешь бегло целый круг...

Но есть сильней очарованья:
Глаза, потупленные ниц
В минуты страстного лобзанья,
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огнь желанья.

1836

Федор Тютчев

Весенняя гроза

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный —
Всё вторит весело громам.

Ты скажешь: ветреная Геба,[445]
Кормя Зевесова орла,[446]
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

1828, начало 1850-х годов

Федор Тютчев

Пейзаж

Люблю дорожкою лесною,
Не зная сам куда, брести;

---

[445] *Геба* — богиня вечной юности, разносившая богам нектар (греч. миф.).
[446] Орел — символ верховного бога Зевса.

Двойной глубокой колеею
Идешь — и нет конца пути...
Кругом пестреет лес зеленый;
Уже румянит осень клены,
А ельник зелен и тенист;
Осинник желтый бьет тревогу;
Осыпался с березы лист
И, как ковер, устлал дорогу...
Идешь, как будто по водам, —
Нога шумит... а ухо внемлет
Малейший шорох в чаще, там,
Где пышный папоротник дремлет,
А красных мухоморов ряд,
Что карлы сказочные, спят...
Уж солнца луч ложится косо...
Вдали проглянула река...
На тряской мельнице колеса
Уже шумят издалека...
Вот на дорогу выезжает
Тяжелый воз — то промелькнет
На солнце вдруг, то в тень уйдет...
И криком кляче помогает
Старик, а на возу — дитя.
И деда страхом тешит внучка;
А, хвост пушистый опустя,
Вкруг с лаем суетится жучка,
И звонко в сумраке лесном
Веселый лай идет кругом.

1853

Аполлон Майков

Флейта

Люблю луны волшебное сиянье,
И запах лип, и легкий шум ветвей,
Люблю забот людских молчанье,
Люблю безмолвие страстей.
Люблю в час вечера унылой флейты звуки
И слушаю их нежный перелив,
Склонив главу, скрестивши руки,
В груди дыханье притаив.

1835

Надежда Теплова

Родина

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,

Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой многим незнакомой
Я вижу полное гумно,[447]
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

1841

Михаил Лермонтов

Mala aria[448]

Люблю сей Божий гнев! Люблю сие незримо

---

[447] *Гумно́* — отгороженное место, где в особых постройках складывают сжатый хлеб; расчищенная площадка для молотьбы — то же, что ток.
[448] Зараженный воздух (итал.).

Во всем разлитое, таинственное Зло —
В цветах, в источнике прозрачном, как стекло,
И в радужных лучах, и в самом небе Рима!
Всё та ж высокая, безоблачная твердь,
Всё так же грудь твоя легко и сладко дышит,
Всё тот же теплый ветр верхи дерев колышет,
Всё тот же запах роз... и это всё есть Смерть!..

Как ведать, может быть, и есть в природе звуки,
Благоухания, цветы и голоса —
Предвестники для нас последнего часá
И усладители последней нашей муки, —
И ими-то Судеб посланник роковой,
Когда сынов Земли из жизни вызывает,
Как тканью легкою, свой образ прикрывает...
Да утаит от них приход ужасный свой!..[449]

1830

Федор Тютчев

Кинжал

[449] Навеяно описанием окрестностей Рима в романе Ж. де Сталь «Коринна, или Италия» (1807): «Нездоровый воздух — бич жителей Рима, он угрожает городу полным опустением; но именно поэтому роскошные сады, расположенные в пределах Рима, имеют еще большее значение. Коварное действие вредоносного воздуха не дает себя знать никакими внешними признаками: когда его вдыхаешь, он кажется чистым и очень приятным, земля щедра и обильна плодами, прелестная вечерняя прохлада успокаивает после дневного палящего зноя, но во всем этом таится смерть! — Меня влечет к себе, — сказал Освальд, — эта таинственная невидимая опасность, прячущаяся под сладостной личиной. Если смерть — в чем я уверен — призывает нас к более счастливому существованию, то почему бы аромату цветов, тени прекрасных деревьев, свежему дыханью вечера не быть ее вестниками? Конечно, всякое правительство должно заботиться о сохранении жизни людей; но у природы есть свои тайны, постичь которые можно лишь с помощью воображения, и я прекрасно понимаю, почему местные жители и иностранцы не бегут из Рима, хотя жить там в лучшую пору года бывает опасно».

Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на месть тебя ковал,
На грозный бой точил черкес свободный.

Лилейная рука тебя мне поднесла
В знак памяти, в минуту расставанья,
И в первый раз не кровь вдоль по тебе текла,
Но светлая слеза — жемчужина страданья.

И черные глаза, остановясь на мне,
Исполненны таинственной печали,
Как сталь твоя при трепетном огне,
То вдруг тускнели, то сверкали.

Ты дан мне в спутники, любви залог немой,
И страннику в тебе пример не бесполезный:
Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.

1837—1838

Михаил Лермнотов

* * *

Люблю я вас, богини пенья,
Но ваш чарующий находъ,
Сей сладкий трепет вдохновенья, —

Предтечей жизненных невзгод.

Любовь камен с враждой Фортуны —
Одно. Молчу! Боюся я,
Чтоб пе́рсты, падшие на струны,
Не пробудили вновь перуны,[450]
В которых спит судьба моя.

И отрываюсь, полный муки,
От музы, ласковой ко мне.
И говорю: до завтра, звуки!
Пусть день угаснет в тишине!

1842

Евгений Боратынский

* * *

Люблю я по́д вечер тропинкою лесною
Спуститься к берегу зеленому реки
И там, расположись под ивою густою,
Смотреть, как невод свой закинут рыбаки,
Как солнце золотит прощальными лучами
И избы за рекой, и пашни, и леса,
А теплый ветерок меж тем, шумя листами,
Едва-едва мои взвевает волоса,
И ласково лицо мое целует ива,

[450] *Перуны* — молнии. *Перун* — главное божество восточных славян, бог грома и молнии, отожествляемый с Зевсом и Юпитером.

Нагнув ко мне свои сребристые листы.
О, как мне хорошо! Довольный и счастливый,
Лежу я вдалеке от скучной суеты;
Мне в уши не жужжат заученные фразы
Витий, что ратуют за «медленный прогресс»
И от кого бы прочь бежал, как от заразы,
В пустыни дикие, в непроходимый лес.
Порою в разговор рыбак со мной вступает
О том, какой ему на долю выпал лов,
Как сына он к дьячку учиться посылает...
И я внимать ему хоть целый день готов:
Мне по душе его бесхитростное слово,
Как по душе мне жизнь средь вспаханных полей, —
Здесь, пошлости и лжи стряхнув с себя оковы,
Свободней я дышу и чувствую полней.

Июль 1861

Алексей Плещеев

Деревня

Люблю я приют ваш печальный,
И вечер деревни глухой,
И за лесом благовест дальный,
И кровлю, и крест золотой.

Люблю я немятого луга
К окну подползающий пар,
И тесного, тихого круга

Не раз долитой самовар.

Люблю я на тех посиделках
Старушки чепец и очки;
Люблю на окне на тарелках
Овса золотые злачки;

На столике близко к окошку
Корзину с узорным чулком,
И по полу резвую кошку
В прыжках за проворным клубком;

И милой, застенчивой внучки
Красивый девичий наряд,
Движение бледненькой ручки
И робко опущенный взгляд;

Прощанье смолкающих пташек,
И месяца бледный восход,
Дрожанье фарфоровых чашек,
И речи замедленный ход;

И собственной выдумки сказки,
Прохлады вечерней струю,
И вас, любопытные глазки,
Живую награду мою!

1842

Афанасий Фет

Элегия

Любовь, любовь! веселым днем
И мне, я помню, ты светила;
Ты мне восторги окрилила,
Ты назвала меня певцом.

Волшебна ты, когда впервые
В груди ликуешь молодой;
Стихи, внушенные тобой,
Звучат и блещут золотые!

Светлее зе́ркальных зыбей,
Звезды прелестнее рассветной,
Пышнее ленты огнецветной,
Повязки сладостных дождей,

Твои надежды; но умчится
Очаровательный их сон;
Зови его — не внемлет он,
И сердцу снова не приснится.

1826

Николай Языков

Предопределение

Любовь, любовь — гласит преданье —

Союз души с душой родной —
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И... поединок роковой...

И чем одно из них нежнее
В борьбе неравной двух сердец,
Тем неизбежней и вернее,
Любя, страдая, грустно млея,
Оно изноет наконец...

Между июлем 1850 и серединой 1851

Федор Тютчев

* * *

Люди много мне болтали
О тебе добра и худа;
Но на все пустые толки
Я презреньем отвечала.
Пусть кричат, что им угодно,
Про себя я говорила,
Мне всю правду сердце скажет:
Лучше всех оно сумеет
Различить добро и худо.
И с тех пор, как полюбила
Я тебя, прошло немало
Дней веселых и печальных;

Разгадать же и теперь я
Не могу, как ни стараюсь,
Что́ в тебе я так любила:
То ли, что хвалили люди,
Или то, что осуждали?..

1848

Юлия Жадовская

Мало свету

Мало свету в нашу зиму!
Воздух темен и не чист;
Не подняться даже дыму —
Так он грузен и слоист.

Он мешается с туманом;
В нем снуют со всех сторон,
Караван за караваном,
Стаи галок и ворон...

Мгла по лесу, по болоту...
Да, задача не легка —
Пересиливать дремоту
Чуть заметного денька!

Константин Случевский

Магдалина у гроба Господня

Мария, в тяжкой горести слепая,
Назвала вертоградарем[451] того,
Кто, гроб покинув, ей вещал: «Кого
Здесь в гробе ищешь, плача и рыдая?»

И отвечала: «Тела не нашла я...
Ах! Господа отдай мне моего!»
Но вдруг Он рек: «Мария!» — и Его
В восторге узнает жена святая...

Не так ли, больший, чем она, слепец,
Взывал я, с Промыслом Всевышним споря:
«Почто меня оставил мой Творец?»
А Ты — Ты был со мной и среди горя!
Я утопал, но за руку, Отец,
Ты удержал меня над бездной моря.

6 марта 1832

Вильгельм Кюхельбекер

Разговор с Анакреоном

Анакреон
Ода XXVIII[452]

Мастер в живописте первой,

---

[451] *Вертоград* — фруктовый сад, виноградник.
[452] В греческом подлиннике эта ода озаглавлена «К девушке».

Первой в Родской стороне,[453]
Мастер, научен Минервой,[454]
Напиши любезну мне.
Напиши ей кудри черны,
Без искусных рук уборны,
С благовонием духов,
Буде способ есть таков.

Дай из роз в лице ей крови[455]
И, как снег, представь белу,
Проведи дугами брови
По высокому челу;
Не сведи одну с другою,
Не расставь их меж собою,
Сделай хитростью своей,
Как у девушки моей;

Цвет в очах ее небесной,
Как Минервин, покажи
И Венерин взор прелестной[456]
С тихим пламенем вложи;
Чтоб уста без слов вещали
И приятством привлекали,
И чтоб их безгласна речь
Показалась медом течь;

---

[453] Имеется в виду, вероятно, знаменитый древнегреческий живописец Апеллес, уроженец острова Коса, расположенного недалеко от Родоса.
[454] *Минерва* (лат.) — римская богиня мудрости и войны, а также покровительница ремесленников и художников, соответствует греч. Афине.
[455] *Лице* (уст.) — лицо.
[456] *Минерва* (Афина) — богиня мудрости и защиты города (государства); *Венера* (Афродита) — богиня любви.

Всех приятностей затеи
В подбородок умести
И кругом прекрасной шеи
Дай лилеям расцвести,
В коих нежности дыхают,
В коих прелести играют
И по множеству отрад
Водят усумненной взгляд;[457]

Надевай же платье ало
И не тщись всю грудь закрыть,
Чтоб, ее увидев мало,
И о прочем рассудить.
Коль изображенье мочно,
Вижу здесь тебя заочно,
Вижу здесь тебя, мой свет:
Молви ж, дорогой портрет.

Ломоносов

Ответ

Ты сча́стлив сею красотою
И мастером, Анакреон,
Но счастли́вей ты собою
Чрез приятной лиры звон;
Тебе я ныне подражаю
И живописца избираю,

[457] Т. е. изумленный, пораженный взгляд.

Дабы́ потщился написать
Мою возлюбленную Мать.

О мастер в живописстве первой,
Ты первой в нашей стороне
Достоин быть рожден Минервой,[458]
Изобрази Россию мне,
Изобрази ей возраст зрелой
И вид в довольствии веселой,
Отрады ясность по челу
И вознесенную главу;

Потщись представить члены здравы,
Как должны у богини быть;
По плéчам волосы кудрявы
Призна́ком бодрости завить;
Огонь вложи в небесны очи
Горящих звезд в средине ночи
И брови выведи дугой,
Что кажет после туч покой;[459]

Возвысь сосцы, млеком обильны,
И чтоб созревша красота
Являла мышцы, руки сильны,
И полны живости уста
В беседе важность обещали
И так бы слух наш ободряли,

---

[458] *Достоин* — достойный. Ломоносов имел в виду, очевидно, кого-нибудь из русских живописцев его времени, может быть, Ф. С. Рокотова.
[459] Т. е. наподобие радуги.

Как чистой голос лебедей,
Коль можно хитростью твоей;[460]

Одень, одень ее в порфиру,
Дай скипетр, возложи венец,
Как должно ей законы миру[461]
И распрям предписать конец.
О коль изображенье сходно,
Красно, любезно, благородно,
Великая промолви Мать,
И повели войнам престать.[462]

1761

Михайло Ломоносов

Жаворонок

Между небом и землей
Песня раздается,
Неисходною струей
Громче, громче льется.

Не видать певца полей!
Где поет так громко
Над подружкою своей
Жаворонок звонкой.

---

[460] *Хитростью* — умением, мастерством.
[461] *Как* — когда.
[462] Намек на Семилетнюю войну (1756—1763).

Ветер песенку несет,
А кому — не знает.
Та, к кому она, поймет.
От кого — узнает.

Лейся ж, песенка моя,
Песнь надежды сладкой...
Кто-то вспомнит про меня
И вздохнет украдкой.

11 июля 1840

Нестор Кукольник

* * *

Меня, во мраке и в пыли
Досель влачившего оковы,
Любови крылья вознесли
В отчизну пламени и слова.
И просветлел мой темный взор,
И стал мне виден мир незримый,
И слышит ухо с этих пор,
Что́ для других неуловимо.

И с горней выси я сошел,
Проникнут весь ее лучами,
И на волнующийся дол
Взираю новыми очами.

И слышу я, как разговор
Везде немолчный раздается,
Как сердце каменное гор
С любовью в темных недрах бьется.
С любовью в тверди голубой
Клубятся медленные тучи,
И под древесною корой,
Весною свежей и пахучей,
С любовью в листья сок живой
Струей подъемлется певучей.
И вещим сердцем понял я,
Что всё рожденное от Слова,
Лучи любви кругом лия,
К нему вернуться жаждет снова;
И жизни каждая струя,
Любви покорная закону,
Стремится силой бытия
Неудержимо к Божью лону;
И всюду звук, и всюду свет,
И всем мирам одно начало,
И ничего в природе нет,
Что бы любовью не дышало...

1851 или 1852

Алексей Толстой

* * *

Меня здесь нет. Я там, далеко,

Там, где-то, в днях пережитых!
За далью их — не видит око
И нет свидетелей живых.

Я там, весь там, за серой мглою!
Здесь нет меня; другим я стал,
Забыв, где был я сам собою,
Где быть собою перестал...

Константин Случевский

* * *

Меня зовет какой-то тайный голос, —
Я не могу противиться ему.

Смотрю вперед; вдали передо мною
Несется дым по серым облакам.
И что за чувство пробудилось смутно
В душе моей? Мне грустно, тяжело,
Неясное, далекое я вспомнил.
Уж к западу склонилось солнце, вечер,
Весеннею всё дышит теплотой.
На улицах снег тает, и потоки,
Шумя, бегут, так весело струясь,
И тихий звон вечерний раздается…
О, что со мной! Как хорошо теперь,
Какое чувство полное, благое
И грустное теперь в душе моей,
И нет ему названия. Приходит

На память мне наш сельский мирный дом,
Наш луг, покрытый свежею травою,
И сельская прекрасная весна.

О, хорошо теперь! Прочь с ней, с землею,
И с этим светом, мелким и пустым, —
Прочь от него! К вам, чудные мгновенья,
К тебе, неясное, святое чувство, —
Чудесный край в туманных облаках.

Меня зовет какой-то тайный голос, —
Я не могу противиться ему.

1837

Константин Аксаков (1817—1860)

Элегия

Меня любовь преобразила:
Я стал задумчив и уныл;
Я ночи бледные светила,
Я сумрак ночи полюбил.
Когда веселая зарница
Горит за дальнею горой,
И пар густеет над водой,
И смолкла вечера певица,
По скату сонных берегов
Брожу, тоскуя и мечтая,
И жду, когда между кустов

Мелькнет условленный покров
Или тропинка потайная
Зашепчет шорохом шагов.
Гори, прелестное светило,
Помедли, мрак, на лоне вод:
Она придет, мой ангел милый,
Любовь моя, — она придет!

1825

Николай Языков

Элегия из Тибулла
(Вольный перевод)

Месалла! Без меня ты мчишься по волнам[463]
С орлами римскими к восточным берегам;
А я, в Феакии[464] оставленный друзьями,
Их заклинаю всем, и дружбой, и богами,
Тибулла не забыть в далекой стороне!
Здесь Парка бледная конец готовит мне,[465]
Здесь жизнь мою прервет безжалостной рукою...
Неумолимая! Нет матери со мною!
Кто будет принимать мой пепел от костра?
Кто будет без тебя, о милая сестра,
За гробом следовать в одежде погребальной

[463] Текст Тибулла начинается с сетования о том, что он не смог из-за болезни сопровождать далее в Азию своего покровителя, римского государственного деятеля, оратора и поэта Мессалу Корвина (64 до н. э. — 9 н. э.).
[464] *Феакия* — древнее название острова Корфу, где Тибулл был вынужден остаться.
[465] *Парка* — одна из трех римских богинь судьбы (здесь та из них, которая перерезает нить жизни).

И миро изливать над урною печальной?
Нет друга моего, нет Делии со мной.
Она и в самый час разлуки роковой
Обряды тайные и чары совершала:
В священном ужасе бессмертных вопрошала —
И жребий счастливый нам отрок вынимал.
Что пользы от того? Час гибельный настал,
И снова Делия, печальна и уныла,
Слезами полный взор невольно обратила
На дальный путь. Я сам, лишенный скорбью сил,
«Утешься» — Делии сквозь слезы говорил;
«Утешься!» — и еще с невольным трепетаньем
Печальную лобзал последним лобызаньем.
Казалось, некий бог меня останавлял:
То ворон мне беду внезапно предвещал,
То в день, отцу богов Сатурну посвященный,[466]
Я слышал гром глухой за рощей отдаленной.
О вы, которые умеете любить,
Страшитеся любовь разлукой прогневить!
Но, Делия, к чему Изиде приношенья[467]
Сии в ночи глухой протяжны песнопенья
И волхованье жриц, и меди звучный стон?
К чему, о Делия, в безбрачном ложе сон
И очищения священною водою?
Всё тщетно, милая, Тибулла нет с тобою.
Богиня грозная! Спаси его от бед,
И снова Делия мастики принесет,

---

[466] Празднества Сатурна (сатурналии) происходили 17—19 декабря и были связаны с памятью о «золотом веке».
[467] Культ египетской богини *Изиды* (Исиды) распространился в Риме с I в. до н. э.; сопровождался постом и траурными мистериями. Исида считалась покровительницей и утешительницей женщин.

Украсит дивный храм весенними цветами
И с распущéнными по ветру волосами,
Как дева чистая, во ткань облечена,
Воссядет на помост: и звезды, и луна,
До восхождения румяныя Авроры,
Услышит глас ее и жриц Фарийских[468] хоры.
Отдай, богиня, мне родимые поля,
Отдай знакомый шум домашнего ручья,
Отдай мне Делию: и вам дары богаты
Я в жертву принесу, о Лары и Пенаты![469]
Зачем мы не живем в златые времена?
Тогда беспечные народов племена
Путей среди лесов и гор не пролагали
И ралом[470] никогда полей не раздирали;
Тогда не мчалась ель на легких парусах,
Несома ветрами в лазоревых морях,
И кормчий не дерзал по хлябям разъяренным[471]
С Сидонским багрецом[472] и с золотом бесценным
На утлом корабле скитаться здесь и там.
Дебелый вол бродил свободно по лугам,
Топтал душистый злак и спал в тени зеленой;
Конь борзый не кропил узды кровавой пеной;
Не зрели на полях столпов и рубежей,
И кущи[473] сельские стояли без дверей;
Мед капал из дубов янтарною слезою;

---

[468] *Фарийские* — египетские. *Фарос* — остров близ Александрии, известный своим маяком.
[469] *Лары* — души предков, охранявшие дом и семью (рим. миф.). *Пенаты* — боги-хранители домашнего очага (рим. миф.).
[470] *Рало* — старинное название сохи или плуга.
[471] *Хлябь* — водная пучина.
[472] с *Сидонским багрецом...* — с густой красной краской, производившейся в финикийском городе Сидоне.
[473] *Кущи* — хижины.

В сосуды молоко обильною струею
Лилося из сосцов питающих овец...
О мирны пастыри, в невинности сердец
Беспечно жившие среди пустынь безмолвных!
При вас, на пагубу друзей единокровных,
На наковальне млат не исковал мечей,
И ратник не гремел оружьем средь полей.
О век Юпитеров! О времена несчастны!
Война, везде война, и глад, и мор ужасный,
Повсюду рыщет смерть, на суше, на водах...
Но ты, держащий гром и молнию в руках!
Будь мирному певцу Тибуллу благосклонен.
Ни словом, ни душой я не был вероломен;
Я с трепетом богов отчизны обожал,
И, если мой конец безвременный настал, —
Пусть камень обо мне прохожим возвещает:
«Тибулл, Месаллы друг, здесь с миром почивает».
Единственный мой бог и сердца властелин,
Я был твоим жрецом, Киприды милый сын!
До гроба я носил твои оковы нежны,
И ты, Амур, меня в жилища безмятежны,
В Элизий приведешь таинственной стезей
Туда, где вечный май меж рощей и полей,
Где расцветает нард и киннамона лозы,
И воздух напоен благоуханьем розы;
Там слышно пенье птиц и шум биющих вод;
Там девы юные, сплетяся в хоровод,
Мелькают меж древес, как легки привиденья;
И тот, кого постиг, в минуту упоенья,
В объятиях любви, неумолимый рок,

Тот носит на челе из свежих мирт венок.
А там, внутри земли, во пропастях ужасных
Жилище вечное преступников несчастных,
Там реки пламенны сверкают по пескам,
Мегера страшная[474] и Тизифона[475] там
С челом, опутанным шипящими змиями,
Бегут на дикий брег за бледными тенями.
Где скрыться? адский пес лежит у медных врат,[476]
Рыкает зев его... и рой теней назад!..
Богами ввержены во пропасти бездонны,
Ужасный Энкелад[477] и Тифий преогромный[478]
Питает жадных птиц утробою своей.
Там хищный Иксион[479], окованный змией,
На быстром колесе вертится бесконечно;
Там в жажде пламенной Тантал бесчеловечный
Над хладною рекой сгорает и дрожит....[480]
Всё тщетно! вспять вода коварная бежит,
И черпают ее напрасно Данаиды,[481]
Все жертвы вечные карающей Киприды.
Пусть там страдает тот, кто рушил наш покой
И разлучил меня, о Делия, с тобой!
Но ты, мне верная, друг милой и бесценной,
И в мирной хижине, от взоров сокровенной,

---

[474] *Мегера* — богиня мщения (греч. миф.).
[475] *Тизифона* — одна из Эринний, богинь мщенья (греч. миф).
[476] *Адский пес* — Цербер, охраняющий вход в Аид (греч. миф).
[477] *Энкелад* — гигант, заключенный Зевсом под Этну (греч. миф).
[478] *Тифий* (Титий) — гигант, низвергнутый в Аид (греч. миф.), где, согласно «Одиссее», коршуны терзали его печень.
[479] *Иксион* — царь, преследовавший богиню Геру, супругу Зевса, и в наказание прикованный последним в подземном царстве к вечно вертящемуся колесу (греч. миф).
[480] *Тантал* — царь, оскорбивший богов и жестоко наказанный ими. В подземном царстве он, стоя по горло в воде и видя над своей головой спелые плоды, не мог утолить жажду и голод, так как вода и ветки с плодами уходили от него (греч. миф.).
[481] *Данаиды* — дочери египетского царя Даная, наказанные за убийство своих мужей; они были осуждены вечно наполнять водой бездонную бочку в подземном царстве (греч. миф.).

С наперсницей любви, с подругою твоей,
На миг не покидай домашних алтарей.
При шуме зимних вьюг, под сенью безопасной,
Подруга в темну ночь зажжет светильник ясной
И, тихо вретено кружа в руке своей,
Расскажет повести и были старых дней.
А ты, склоняя слух на сладки небылицы,
Забудешься, мой друг, и томные зеницы[482]
Закроет тихий сон, и пряслица[483] из рук
Падет... и у дверей предстанет твой супруг,
Как небом посланный внезапно добрый гений.
Беги навстречу мне, беги из мирной сени,
В прелестной наготе явись моим очам:
Власы развеянны небрежно по плечам,
Вся грудь лилейная и ноги обнаженны...
Когда ж Аврора нам, когда сей день блаженный
На розовых конях, в блистанье принесет
И Делию Тибулл в восторге обоймет?

1814

Константин Батюшков

Снега

Месяц в небе высоком стоит,
Степь, покрытая снегом, блестит,
И уж сколько сияет по ней

---

[482] *Зеница* — зрачок.
[483] *Пряслица* — прялка.

Голубых и зеленых огней!..

Неподвижная ночь холодна,
И глубоко нема тишина,
И ломается в воздухе свет
Проплывающих звезд и планет...

Вот из белых, глубоких снегов,
На какой-то таинственный зов,
Словно белые люди встают,
И встают, и идут, и растут!

Светят лики неясные их
И проходят одни сквозь других,
И по степи мерцает вокруг
Много, много светящихся рук...

Константин Случевский

Труд[484]

Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний.
Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?
Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик ненужный,
Плату приявший свою, чуждый работе другой?
Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатов святых?

[484] Стихотворение связано с окончанием «Евгения Онегина».

1830

Александр Пушкин

В вагоне за Москвою

Милая природа! О, мой край родимый,
Точно сонмом тихих ангелов хранимый!
Только что простившись с жизнью городскою,
Я один остался, окружен тобою,
И уж груз душевный — страхи и тревоги —
Побросал за окна вдоль моей дороги.
Сумрачные думы также поневоле
То плутают в рощах, то гуляют в поле;
А теперь умчались к крайним тем полянам,
Где садится солнце в зареве румяном.

Милая природа! О, мой край родимый,
Точно сонмом тихих ангелов хранимый!
Прелестью безмолвной, жизнию безлюдной
Ты целишь иль губишь? распознать мне трудно.
Ласкою ли нежной прочь кручину гонишь?
К сонному ль покою ум и совесть клонишь?..
Грезы роем легким вьются надо мною,
Словно опьянен я брагою хмельною.
Вот и сумрак сходит, в воздухе прохлада...
Ни о чем не мыслю, ничего не надо.

10 августа 1886

Алексей Жемчужников

* * *

Милый друг, иль ты не видишь,
Что всё видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий —
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий?

Милый друг, иль ты не чуешь,
Что одно на целом свете —
Только то, что сердце к сердцу
Говорит в немом привете?

1892

Владимир Соловьев

Лалла Рук[485]

[485] Поводом для написания этого стихотворения явился праздник, данный в Берлине 15 января 1821 г. прусским королем Фридрихом, по случаю приезда его дочери — великой княгини Александры Федоровны и зятя — будущего императора Николая I. На празднике были разыграны живые картины на сюжеты, заимствованные из поэмы «Лалла Рук» Томаса Мура. Роль индийской принцессы Лалла Рук исполняла Александра Федоровна. Жуковский, присутствовавший на празднике, написал это стихотворение, где образ Лалла Рук превратился в символ поэзии, поэтического вдохновения.

Милый сон, души пленитель,
Гость прекрасный с вышины,
Благодатный посетитель
Поднебесной стороны,
Я тобою насладился
На минуту, но вполне:
Добрым вестником явился
Здесь небесного ты мне.

Мнил я быть в обетованной
Той земле, где вечный мир;
Мнил я зреть благоуханный
Безмятежный Кашемир;
Видел я: торжествовали
Праздник розы и весны
И пришелицу встречали
Из далекой стороны.

И блистая и пленяя —
Словно ангел неземной —
Непорочность молодая
Появилась предо мной;
Светлый завес покрывала
Отенял ее черты,
И застенчиво склоняла
Взор умильный с высоты.

Всё — и робкая стыдливость
Под сиянием венца,
И младенческая живость,

И величие лица,
И в чертах глубокость чувства
С безмятежной тишиной —
Всё в ней было без искусства
Неописанной красой!

Я смотрел — а призрак мимо
(Увлекая душу вслед)
Пролетал невозвратимо;
Я за ним — его уж нет!
Посетил, как упованье;
Жизнь минуту озарил;
И оставил лишь преданье,
Что когда-то в жизни был!

Ах! не с нами обитает
Гений чистый красоты;
Лишь порой он навещает
Нас с небесной высоты;
Он поспешен, как мечтанье,
Как воздушный утра сон;
Но в святом воспоминанье
Неразлучен с сердцем он!

Он лишь в чистые мгновенья
Бытия бывает к нам
И приносит откровенья,
Благотворные сердцам;
Чтоб о небе сердце знало
В темной области земной,

Нам туда сквозь покрывало
Он дает взглянуть порой;

И во всем, что *здесь* прекрасно,
Что наш мир животворит,
Убедительно и ясно
Он с душою говорит;
А когда нас покидает,
В дар любви у нас в виду
В нашем небе зажигает
Он прощальную звезду.

1821

Василий Жуковский

Актеры

Минувшей юности своей
Забыв волненья и измены,
Отцы уж с отроческих дней
Подготовляют нас для сцены.
Нам говорят: «Ничтожен свет,
В нем все злодеи или дети,
В нем сердца нет, в нем правды нет,
Но будь и ты как все на свете!»
И вот, чтоб выйти напоказ,
Мы наряжаемся в уборной;
Пока никто не видит нас,

Мы смотрим гордо и задорно.
Вот вышли молча и дрожим,
Но оправляемся мы скоро
И с чувством роли говорим,
Украдкой глядя на суфлера.
И говорим мы о добре,
О жизни честной и свободной,
Что в первой юности поре
Звучит тепло и благородно;
О том, что жертва — наш девиз,
О том, что все мы, люди, — братья,
И публике из-за кулис
Мы шлем горячие объятья.
И говорим мы о любви,
К неверной простирая руки,
О том, какой огонь в крови,
О том, какие в сердце муки.
И сами видим без труда,
Как Дездемона[486] наша, мило
Лицо закрывши от стыда,
Чтоб побледнеть, кладет белила.
Потом, не зная, хороши ль
Иль ду́рны были монологи,
За бестолковый водевиль
Уж мы беремся без тревоги.
И мы смеемся надо всем,
Тряся горбом и головою,

---

[486] *Дездемона* — героиня трагедии Шекспира «Отелло».

Не замечая между тем,
Что мы смеялись над собою!
Но холод в нашу грудь проник,
Устали мы — пора с дороги:
На лбу чуть держится парик,
Слезает горб, слабеют ноги...
Конец. Теперь что ж делать нам?
Большая зала опустела...
Далёко автор где-то там...
Ему до нас какое дело?
И, сняв парик, умыв лицо,
Одежды сбросив шутовские,
Мы все, усталые, больные,
Лениво сходим на крыльцо.
Нам тяжело, нам больно, стыдно,
Пустые улицы темны,
На черном небе звезд не видно —
Огни давно погашены...
Мы зябнем, стынем, изнывая,
А зимний воздух недвижим,
И обнимает ночь глухая
Нас мертвым холодом своим.

1861

Алексей Апухтин

Песня

Минувших дней очарованье,
Зачем опять воскресло ты?
Кто разбудил воспоминанье
И замолчавшие мечты?
Шепнул душе привет бывалой;
Душе блеснул знакомый взор;
И зримо ей минуту стало
Незримое с давнишних пор.

О милый гость, святое *Прежде,*
Зачем в мою теснишься грудь?
Могу ль сказать: *живи* надежде?
Скажу ль тому, что было: *будь*?
Могу ль узреть во блеске новом
Мечты увядшей красоту?
Могу ль опять одеть покровом
Знакомой жизни наготу?

Зачем душа в тот край стремится,
Где были дни, каких уж нет?
Пустынный край не населится,
Не у́зрит он минувших лет;
Там есть *один* жилец безгласный,
Свидетель милой старины;
Там вместе с ним все дни прекрасны
В единый гроб положены.

1818

Василий Жуковский

Цветок[487]

Романс

Минутная краса полей,
Цветок увядший, одинокой,
Лишен ты прелести своей
Рукою осени жестокой.

Увы! нам тот же дан удел,
И тот же рок нас угнетает:
С тебя листочек облетел —
От нас веселье отлетает.

Отъемлет каждый день у нас
Или мечту, иль наслажденье.
И каждый разрушает час
Драгое сердцу заблужденье.

Смотри… очарованья нет;
Звезда надежды угасает…
Увы! кто скажет: жизнь иль цвет
Быстрее в мире исчезает?

1811

Василий Жуковский

---

[487] Подражание одноименному романсу Мильвуа «La fleur».

Тоска

Младость легкая порхает
В свежем радости венке,
И прекрасно перед нею
Жизнь цветами убрана.
Для меня ж в благоуханье
Упоительной весны —
Несказанное волненье,
Несказанная тоска.
Сердце мукой безымянной
Всё проникнуто насквозь,
И меня отсель куда-то
Всё зовет какой-то глас.

1838

Василий Жуковский

* * *[488]

Мне бой знаком — люблю я звук мечей;
От первых лет поклонник бранной славы,
Люблю войны кровавые забавы,
И смерти мысль мила душе моей.
Во цвете лет свободы верный воин,
Перед собой кто смерти не видал,
Тот полного веселья не вкушал

[488] Стихотворение отражает настроение Пушкина в связи с известием о революции в Испании.

И милых жен лобзаний не достоин.

1820

Александр Пушкин

Море сна

Мне ведомо море, седой океан:
Над ним беспредельный простерся туман,
Над ним лучезарный не катится щит;
Но звездочка бледная тихо горит.

Пускай океана неведом конец,
Его не боится отважный пловец;
В него меня манит незанятый блеск,
Таинственный шепот и сладостный плеск.

В него погружаюсь один, молчалив,
Когда настает полуночный прилив,
И чуть до груди прикоснется волна,
В больную вливается грудь тишина.

И вдруг я на береге — будто знаком!
Гляжу и вхожу в очарованный дом:
Из окон мне милые лица глядят
И речи приветные слух веселят,

Не милых ли сердцу я вижу друзей,

Когда-то товарищей жизни моей?
Все, все они здесь! Удержать не могли
Ни рок их, ни люди, ни недра земли!

По-прежнему льется живой разговор;
По-прежнему светится дружеский взор...
При вещем сиянии райской звезды
Забыта разлука, забыты беды.

Но ах! пред зарей наступает отлив —
И слышится мне неотрадный призыв...
Развеялось всё — и мерцание дня
В пустыне глухой осветило меня.[489]

4 сентября 1832

Вильгельм Кюхельбекер

Мне всё равно
(Романс)

Мне всё равно, страдать иль наслаждаться,
К страданьям я привыкла уж давно.
Готова плакать и смеяться,
Мне всё равно!

Мне всё равно, враги ли мне найдутся,

[489] Стихотворение написано в Свеаборге (совр. Суоменлинна) — крепости близ Хельсинки, в арестантских ротах.

Я к клеветам привыкла уж давно.
Пускай бранят, пускай смеются,
Мне всё равно!

Мне всё равно, сердечная ль награда,
Любовь забыта мной давно,
Меня не любят? И не надо!
Мне всё равно!

1859

Федор Миллер (1818—1881)

Смерть

Мне кажется, что я умру в дороге,
На станции. Глухая будет ночь,
Я не смогу усталость превозмочь
И задремлю тихонько на пороге.
Там в темноте меняют лошадей,
Среди теней и тусклых фонарей
Бубенчиков раздались переливы,
И фыркает протяжно конь ленивый...

А ночь темна — без звезд и без лучей.

И снится мне, что я приеду скоро,
Что вот теперь уж кончен скучный путь,
Что будет мне так сладко отдохнуть

Средь тихих слов простого разговора,
Под жаркий треск растопленных печей...

А ночь темна — без звезд и без лучей.

Вот огоньки блеснули мне приветно,
И сердце им забилося ответно,
И хочется туда лететь, бежать
И нового так много рассказать,
И хочется так многих мне увидеть,
По-старому любить и ненавидеть
И страстно жить опять среди людей...

А ночь темна — без звезд и без лучей.

Темна, темна! И сердце вдруг упало...
Ну, стоит ли стремиться и желать
И новое всё что-то узнавать?
И эта мысль мне мозг застывший сжала:
Так тяжела, упорна и одна,
Как ночь кругом, черна и холодна...
Ну стоит ли? Ведь всё одно и то же!

Когда-то был я лучше и моложе,
Мне нравилась вся эта трескотня,
Весь этот блеск так радовал меня!
Ну, а теперь... теперь с меня довольно!
Но отчего ж вдруг сердцу стало больно?

И отчего — всё будто холодней
Сырой туман ползет с сырых полей?

Ну пусть уж так! Пусть тише сердце бьется!
Холодный мрак всё тише раздается...
Но хорошо! Вот так бы всё лежать!
Ни мучиться, ни думать, ни желать,
И мирно спать без снов — покойно, вечно...

И дальше не поеду я, конечно.

1862

Федор Берг (1840—1909)

Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня,
Парки бабье лепетанье,[490]
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепот?
Укоризна, или ропот
Мной утраченного дня?

---

[490] Парки — три богини судьбы (рим. миф).

От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

1830

Александр Пушкин

Усталость

Мне нужно забвенье, нужна тишина:
Я в волны нырну непробудного сна,
Вы, порванной арфы мятежные звуки,
Умолкните, думы, и чувства, и муки.

Да! чаша житейская желчи полна;
Но выпил же эту я чашу до дна, —
И вот опьянелой, больной головою
Клонюсь и клонюсь к гробовому покою.

Узнал я изгнанье, узнал я тюрьму,
Узнал слепоты нерассветную тьму
И совести грозной узнал укоризны,
И жаль мне невольницы милой отчизны.

Мне нужно забвенье, нужна тишина
.....

Ноябрь 1845

Вильгельм Кюхельбекер

* * *

Мне нужны воздух вольный и широкий,
Здесь рощи тень, там небосклон далекий,
Раскинувший лазурную парчу,
Луга и жатва, холм, овраг глубокий
С тропинкою к студеному ключу,
И тишина, и сладость неги праздной,
И день за днем всегда однообразный:
Я жить устал, — я прозябать хочу.[491]

1864

Петр Вяземский

Размолвка

Мне о любви твердила ты шутя
И холодно сознаться можешь в этом.
Я исцелен; нет, нет, я не дитя!
Прости, я сам теперь знаком со светом.
Кого жалеть? печальней доля чья?
Кто отягчен утратою прямою?
Легко решить: любимым не был я;

[491] *Прозябать* — расти, прорастать, также (здесь): вести малосодержательную, унылую жизнь (жизнь растения).

Ты, может быть, была любима мною.

1822

Евгений Боратынский

Сцена из Фауста

Берег моря. Фауст и Мефистофель.

Фауст

Мне скучно, бес.

Мефистофель

Что делать, Фауст?
Таков вам положён предел,
Его ж никто не преступает.
Вся тварь разумная скучает:
Иной от лени, тот от дел;
Кто верит, кто утратил веру:
Тот насладиться не успел,
Тот насладился через меру,
И всяк зевает да живет —
И всех вас гроб, зевая, ждет.
Зевай и ты.

Фауст

Сухая шутка!
Найди мне способ как-нибудь
Рассеяться.

Мефистофель

Доволен будь
Ты доказательством рассудка.
В своем альбоме запиши:
Fastidium est quies — скука
Отдохновение души.
Я психолóг... о вот наука!..
Скажи, когда ты не скучал?
Подумай, поищи. Тогда ли,
Как над Виргилием дремал,
А розги ум твой возбуждали?
Тогда ль, как розами венчал
Ты благосклонных дев веселья
И в буйстве шумном посвящал
Им пыл вечернего похмелья?
Тогда ль, как погрузился ты
В великодушные мечты,
В пучину темную науки?
Но — помнится — тогда со скуки,
Как арлекина, из огня
Ты вызвал наконец меня.
Я мелким бесом извивался,
Развеселить тебя старался,
Возил и к ведьмам и к духам,
И что же? всё по пустякам.
Желал ты славы — и добился, —
Хотел влюбиться — и влюбился.
Ты с жизни взял возможну дань,
А был ли счастлив?

Фауст

Перестань.
Не растравляй мне язвы тайной.
В глубоком знанье жизни нет —
Я проклял знаний ложный свет,
А слава... луч ее случайный
Неуловим. Мирская честь
Бессмысленна, как сон... Но есть
Прямое благо: сочетанье
Двух душ...

Мефистофель

И первое свиданье,
Не правда ль? Но нельзя ль узнать,
Кого изволишь поминать,
Не Гретхен ли?

Фауст

О сон чудесный!
О пламя чистое любви!
Там, там — где тень, где шум древесный,
Где сладко-звонкие струи —
Там, на груди ее прелестной
Покоя томную главу,
Я счастлив был...

Мефистофель

Творец небесный!
Ты бредишь, Фауст, наяву!
Услужливым воспоминаньем

Себя обманываешь ты.
Не я ль тебе своим стараньем
Доставил чудо красоты?
И в час полуночи глубокой
С тобою свел ее? Тогда
Плодами своего труда
Я забавлялся одинокой,
Как вы вдвоем — всё помню я.
Когда красавица твоя
Была в восторге, в упоенье,
Ты беспокойною душой
Уж погружался в размышленье
(А доказали мы с тобой,
Что размышленье — скуки семя).
И знаешь ли, философ мой,
Что думал ты в такое время,
Когда не думает никто?
Сказать ли?

Фауст

Говори. Ну, что?

Мефистофель

Ты думал: агнец мой послушный![492]
Как жадно я тебя желал!
Как хитро в деве простодушной
Я грезы сердца возмущал! —
Любви невольной, бескорыстной

---

[492] *Агнец* — ягненок.

Невинно предалась она...
Что ж грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистной?..
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьем,
С неодолимым отвращеньем:
Так безрасчетный дуралей,
Вотще решась на злое дело,
Зарезав нищего в лесу,
Бранит ободранное тело; —
Так на продажную красу,
Насытясь ею торопливо,
Разврат косится боязливо...
Потом из этого всего
Одно ты вывел заключенье...

Фауст

Сокройся, адское творенье!
Беги от взора моего!

Мефистофель

Изволь. Задай лишь мне задачу:
Без дела, знаешь, от тебя
Не смею отлучаться я —
Я даром времени не трачу.

Фауст

Что там белеет? говори.

Мефистофель

Корабль испанский трехмачтовый,
Пристать в Голландию готовый:
На нем мерзавцев сотни три,
Две обезьяны, бочки злата,
Да груз богатый шоколата,
Да модная болезнь: она
Недавно вам подарена.

Фауст

Всё утопить.

Мефистофель

Сейчас.

(Исчезает)

1825

Александр Пушкин

Фейерверк

Много взвивалось потешных огней,
Брошенных смелой рукою людей, —
Дна допроситься у неба;
Да неизведано дно в небеси,
И в бирюзовой бездонной выси
Звезды, сопутницы Феба,
Не увидали взлетевших ракет,
Будто их не было в небе и нет,

Будто из темного сада,
С каждого дерева, с ветки, с листка,
Не разбросала их чья-то рука
И не глядела дриада...
Нет: меж ветвей не глядит уж она...
Но, как богиня лесов, зелена,
В дымке струистой хитона,[493]
Вся, как цветок, создана для венца,
Кисти и песен, струны и резца,
Ты поглядела с балкона
Вслед за ракетой и быстрой мечтой
Обогнала ее в мгле голубой,
Выше надзвездной границы,
И замечталася — Бог весть о чем...
Между тем тени вставали кругом
Из повседневной гробницы;
Шли по аллеям, дорожкам, кустам,
По закурённым до сна цветникам
Ладаном ночи; скользили —
Где меж толпы, обогнувшей балкон,
Где меж далеко белевших колонн
Черный свой саван спустили,
Где охватили, припавши за куст,
Мраморный цоколь, иль бронзовый бюст,
Или предсение храма...
Вот и бенгальские гаснут огни —
И потонуло в росистой тени
Всё — и картина, и рама...

---

[493] *Хитон* — одежда древних греков, род рубахи без рукавов.

Всё... Воцарилась ночная краса...

Что ж ты пытливо глядишь в небеса,
Что же не сводишь с них взора?
Что тебе звезды с небес говорят?
То ли, что гаснет и огненный взгляд
Так же безвременно скоро,
Как и ракета, что в их вышине
Дщерям земли недоступны оне
И что лазурной стезею
Много земных звезд умчалось туда,
Только назад ни одна никогда
С неба не спала звездою?
То ли они говорят, что, пока
Летний день долог и ночь коротка,
Надо ловить наслажденья;
Что пред святым алтарем красоты
Надо кошницами сыпать цветы,[494]
Жечь фимиам воскуренья;
Что потому-то всё дышит кругом
И красоты и любви торжеством:
Пышные эти палаты,
Статуи, куполы, арки, столпы,
Шелест внизу изумленной толпы,
Стройные звуки сонаты,
Сдержанный шепот привычных похвал,
Вся эта роскошь, весь блеск и весь бал —
Всё для тебя?..

---

[494] *Кошница* — корзина.

Отчего же,
В небо взглянувши, задумалась ты?
Знаю, ты светской бежишь суеты,
Да и оков ее тоже;
Знаю, устала ты сердце губить,
Хочется жить тебе, хочется жить
Страстью разумно-свободной,
И отрекаешься ты со стыдом —
Быть человеку потешным огнем,
А не звездой путеводной.

20 июля 1859

Лев Мей

Ночь

Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит поздное молчанье ночи темной.
Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви; текут, полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются, и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя... твоя!..

1823

Александр Пушкин

* * *

Мой дар убог, и голос мой не громок,
Но я живу, и на земли мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах; как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношеньи,
И как нашел я друга в поколеньи,
Читателя найду в потомстве я.

1828

Евгений Боратынский

Летом

Мой друг, не вижу я средь а́нглийских полей
Станицы сто́рожкой высоких журавлей,
И посвистом тройным в траве, всегда скошенной,
Не свищет перепел, отрадно затаенный,
Не стонет коростель в вечерней тишине;
Один — космополит — трепещет в вышине,
Как точка малая, веселый жаворо́нок,
И здесь его напев всё так же чист и звонок;
Да воробей еще — другой космополит —
По кровлям и в садах и скачет и пищит.
На Темзе не видать, чтоб диких уток стая
Садилась на́ воду, кругами налетая;

Ручные лебеди над грязью тусклых вод
Одни белеются, минуя пароход.
Сурово осудил невинные созданья
Жестокий человек на дальние изгнанья,
Пугая злобно их и силой, и враждой,
И смертью дикою — зане[495] он царь земной.
Зато промышленность развúта у народа,
И рабство тайное, и для иных свобода;
Всё это хорошо, я скоро в прозе сам
Развитию хвалу торжественно воздам.

Но сердцем я дикарь! Мне хочется на лоно
Раздольной роскоши моих родных степей,
Где взору нет конца до края небосклона,
Где дремлет в знойный день станица журавлей, —
Один настороже стоит, поднявши ногу,
И в миг опасности готов поднять тревогу, —
Где слышен дергача протяжный, грустный стон,
Когда уходит день за дальний небосклон;
Где перепел свистит, таясь в зеленом море
Некошеной травы; где жить им на просторе
Привольно и легко, при ясном, теплом дне,
В благоухающей, безбрежной стороне.

Иль наш дремучий лес, и шум и колыханье,
И в чаще пенье птиц, и пчел и мух жужжанье...
И вновь мне хочется, чтоб мирно, без тревог,

---

[495] *Зане́* — ибо, потому что.

В тенистой зелени я заплутаться мог,
Дождаться вечера... Закат в мерцаньи дальнем
По листьям золотым блестит лучом прощальным,
За птицей птица вслед смолкает в тишине,
И лес таинственный почиет в свежем сне;
Одни кузнечики, по ветреной привычке,
Трепещут у корней в болтливой перекличке,
Да где-то явственней становится слышна
Ручья журчащего бессонная волна.
И жду я месяца... Он встал над лесом мглистым,
Прокрался сквозь вершин отливом серебристым,
И призрачно встают, как бы из мира грез,
Всё белые стволы развесистых берез,
Задумчиво в тиши понурились ветвями
И робко шепчутся пахучими листами...
Но месяц клонится, светлей лесная мгла,
Проснулась иволга, жужжа летит пчела,
И вновь, разбуженный алеющей зарею,
Заколебался лес под влажною росою.

1857—1858

Николай Огарев

К Дашкову[496]

Мой друг! я видел море зла

[496] Написано под впечатлением народного бедствия, массовой эвакуации и разорения во время наступления наполеоновских войск на Москву.

И неба мстительного кары:
Врагов неистовых дела,
Войну и гибельны пожары.
Я видел сонмы богачей,
Бегущих в рубищах издранных,
Я видел бледных матерей,
Из милой родины изгнанных!
Я на распутье видел их,
Как, к персям чад прижав грудных,
Они в отчаяньи рыдали
И с новым трепетом взирали
На небо рдяное кругом.
Трикраты с ужасом потом
Бродил в Москве опустошенной,
Среди развалин и могил;
Трикраты прах ее священной
Слезами скорби омочил.
И там, где зданья величавы
И башни древние царей,
Свидетели протекшей славы
И новой славы наших дней;
И там, где с миром почивали
Останки иноков святых
И мимо веки протекали,
Святыни не касаясь их;
И там, где роскоши рукою,
Дней мира и трудов плоды,
Пред златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады, —
Лишь угли, прах и камней горы,

Лишь груды тел кругом реки,
Лишь нищих бледные полки
Везде мои встречали взоры!..
А ты, мой друг, товарищ мой,
Велишь мне петь любовь и радость,
Беспечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость!
Среди военных непогод,
При страшном зареве столицы,
На голос мирныя цевницы
Сзывать пастушек в хоровод!
Мне петь коварные забавы
Армид[497] и ветреных Цирцей[498]
Среди могил моих друзей,
Утраченных на поле славы!..
Нет, нет! талант погибни мой
И лира, дружбе драгоценна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нет, нет! пока на поле чести
За древний град моих отцов
Не понесу я в жертву мести
И жизнь, и к родине любовь;
Пока с израненным героем,
Кому известен к славе путь,
Три раза не поставлю грудь
Перед врагов сомкнутым строем, —

---

[497] *Армида* — волшебница в поэме Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим».
[498] *Цирцея (Кирка)* — волшебница с острова Эя, превратившая спутников Одиссея в свиней, а его державшая на острове год (греч. миф.); иносказательно — красавица-обольстительница.

Мой друг, дотоле будут мне
Все чужды музы и хариты,
Венки, рукой любови свиты,
И радость шумная в вине!

март 1813

Контантин Батюшков

Надежда

Мой дух! доверенность к Творцу!
Мужайся; будь в терпенье камень.
Не он ли к лучшему концу
Меня провел сквозь бранный пламень?
На поле смерти — чья рука
Меня таинственно спасала
И жадный крови меч врага
И град свинцовый отражала?
Кто, кто мне силу дал сносить
Труды, и глад, и непогоду,
И силу — в бедстве сохранить
Души возвышенной свободу?
Кто вел меня от юных дней
К добру стезею потаенной
И в буре пламенных страстей
Мой был вожатай неизменный?

Он! Он! Его всё дар благой!
Он нам источник чувств высоких,

Любви к изящному прямой
И мыслей чистых и глубоких!
Всё дар Его, и краше всех
Даров — надежда лучшей жизни!
Когда ж узрю спокойный брег,
Страну желанную отчизны?
Когда струей небесных благ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу в прах
И обновлю существованье?

1815

Контантин Батюшков

Песня цыганки

Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

Ночь пройдет — и спозаранок
В степь, далеко, милый мой,
Я уйду с толпой цыганок
За кибиткой кочевой.

На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни:
Как концы ее, с тобою

Мы сходились в эти дни.

Кто-то мне судьбу предскажет?
Кто-то завтра, сокол мой,
На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой?

Вспоминай, коли другая,
Друга милого любя,
Будет песни петь, играя
На коленях у тебя!

Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

Яков Полонский

* * *[499]

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что из крыльев комаришки
Сделал две себе манишки
И — в крахмал!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,

[499] Обращено, вероятно, к Марии Григорьевне Карташевской, двоюродной сестре поэта. К. С. Аксаков ее горячо любил, но отец его возлюбленной запретил молодым людям видеться. На эти слова написана П. И. Чайковским «Детская песенка».

Что из грецкого ореха
Сделал стул, чтоб слушать эхо,
И кричал!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что из листика сирени
Сделал зонтик он для тени
И гулял!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что из скорлупы яичной
Фаэтон себе отличный
Заказал!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что из скорлупы рачонка
Сшил четыре башмачонка
И — на бал!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что, одувши одуванчик,
Он набил себе диванчик,
Тут и спал!

Мой Марихен так уж мал, так уж мал,
Что наткать себе холстины
Пауку из паутины
Заказал!

1836

Константин Аксаков

И. И. Пущину[500]

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

Молю святое Провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

1826

Александр Пушкин

Ласточки

Мой сад с каждым днем увядает;
Помят он, поломан и пуст,

[500] Обращено к ближайшему другу Пушкина с лицейских лет, декабристу Ивану Ивановичу Пущину, приговоренному к пожизненной каторге. Написано 13 декабря, накануне первой годовщины восстания на Сенатской площади. В первой строфе поэт вспоминает приезд к нему Пущина в Михайловское, 11 января 1825 г., описанный декабристом в «Записках о Пушкине». Пущин вспоминал впоследствии о получении им стихотворения Пушкина на каторге в Чите: «Отрадно отозвался во мне голос Пушкина! Преисполненный глубокой, живительной благодарности, я не мог обнять его, как он меня обнимал, когда я первый посетил его в изгнанье».

Хоть пышно еще доцветает
Настурций в нем огненный куст...

Мне грустно! Меня раздражает
И солнца осеннего блеск,
И лист, что с березы спадает,
И поздних кузнечиков треск.

Взгляну ль по привычке под крышу —
Пустое гнездо над окном:
В нем ласточек речи не слышу,
Солома обветрилась в нем...

А помню я, как хлопотали
Две ласточки, строя его!
Как прутики глиной скрепляли
И пуху таскали в него!

Как весел был труд их, как ловок!
Как любо им было, когда
Пять маленьких, быстрых головок
Выглядывать стали с гнезда!

И целый-то день говоруньи,
Как дети, вели разговор...
Потом полетели, летуньи!
Я мало их видел с тех пор!

И вот — их гнездо одиноко!
Они уж в иной стороне —

Далёко, далёко, далёко...
О, если бы крылья и мне!

1856

Аполлон Майков

Осенний мотив

Мой старый клен с могучею листвою,
Еще ты густ, и зелен, и тенист,
А между тем чуть видной желтизною
Уже слегка озолочен твой лист.

Еще и птиц напевы голосисты,
Ты ими полн, как плеском бег реки;
Еще висят вдоль плеч твоих монисты[501] —
Твоих семян созревших мотыльки.

В них бывший цвет — твои воспоминанья,
Остатки чувств, испытанных тобой;
Но ты сказал им только: «До свиданья!»
Ты будешь жить и будущей весной;

Глубокий сон зимы обледенелой
Додремлешь ты и, покидая сны,
Весь обновлен, листвой своей всецело
Отдашься ласкам будущей весны.

---

[501] *Монисто* — ожерелье из бус, монет или каких-нибудь разноцветных камней.

Для нас — не то. Хотя живут стремленья,
И в сердце песнь, и грез душа полна,
Но, старый друг, нет людям обновленья,
И жизнь идет, как нить с веретена.

Константин Случевский

Песня

Молода еще девица я была,
Наша армия в поход куда-то шла.
Вечерело. Я стояла у ворот —
А по улице всё конница идет.
К воротáм подъехал барин молодой,
Мне сказал: «Напой, красавица, водой!»
Он напился, крепко руку мне пожал,
Наклонился и меня поцеловал...
Он уехал... долго я смотрела вслед, —
Жарко стало мне, в очах мутился свет,
Целу ноченьку мне спать было невмочь:
Раскрасавец барин снился мне всю ночь.

Вот недавно — я вдовой уже была,
Четырех уж дочек замуж отдала —
К нам заехал на квартиру генерал,
Весь простреленный, так жалобно стонал...
Я взглянула — встрепенулася душой:
Это он, красавец барин молодой;
Тот же голос, тот огонь в его глазах,

Только много седины в его кудрях.
И опять я целу ночку не спала,
Целу ночку молодой опять была.

1841

Евгений Гребенка (1812—1848)

* * *

Молчала дума роковая,
И полужизнию жила я,
Не помня тайных сил своих;
И пробудили два-три слова
В груди порыв бывалый снова
И на устах бывалый стих.

На вызов встрепенулось чутко
Всё, что смирила власть рассудка;
И борется душа опять
С своими бреднями пустыми;
И долго мне не сладить с ними,
И долго по ночам не спать.

Декабрь 1852

Каролина Павлова

(Из Микеланджело)

Молчи, прошу, не смей меня будить.
О, в этот век преступный и постыдный
Не жить, не чувствовать — удел завидный.
Отрадно спать, отрадней камнем быть.[502]

1855

Федор Тютчев

Silentium![503]

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи,
Любуйся ими — и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —

---

[502] Перевод четверостишия «Grato m'è 'l sonno, e più l'esser di sasso...» (1545), являющегося ответом на стихи Д. Строцци, навеянные знаменитым изваянием Ночи на саркофаге Джулиано Медичи (в усыпальнице рода Медичи во Флоренции). Восхищенный гениальным творением Микеланджело, Строцци писал: «Ночь, что так сладко пред тобою спит, / То ангелом одушевленный камень; / Он недвижим, но в нем есть жизни пламень, / Лишь разбуди — и он заговорит».
Переведенное в годы Крымской войны четверостишие Микеланджело поэт и позднее хранил в своей памяти. В одном из писем 1870 г. к А. Ф. Аксаковой, негодуя на правящие круги России, он процитировал две строки из этого четверостишия, по-своему перефразировав их: «Есть стихи Микельанжело, где говорится следующее о том времени, когда он жил: “Mentre che il danno e la vergogna dura, / Non sentir, non pensar è gran ventura,” что означает по-русски: пока глупцы царствуют и управляют, умные люди должны бы молчать».
[503] Безмолвие, тишина (лат.).

Питайся ими — и молчи.

Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, —
Внимай их пенью — и молчи!..

1829, начало 1830-х годов

Федор Тютчев

Молитва

Молю святое провиденье:
Оставь мне тягостные дни,
Но дай железное терпенье,
Но сердце мне окамени.
Пусть, неизменен, жизни новой
Приду к таинственным вратам,
Как Волги вал белоголовый
Доходит целый к берегам!

1825

Николай Языков

* * *

Море воет, море стонет,
И во мраке, одинок,
Поглощен волною, тонет
Мой заносчивый челнок.

Но, счастливец, пред собою
Вижу звездочку мою —
И покоен я душою,
И беспечно я пою.

Молодая, золотая
Предвещательница дня!
При тебе беда земная
Недоступна до меня.

Но сокрой за бурной мглою
Ты сияние свое —
И сокроется с тобою
Провидение мое.

1834

Денис Давыдов

Подводный город

Идиллия[504]

[504] Подзаголовок носит иронический характер. В стихотворении использована старая легенда о гибели Петербурга от наводнения.

Море ропщет, море стонет!
Чуть поднимется волна,
Чуть пологий берег тронет, —
С стоном прочь бежит она!

Море плачет; брег песчаный
Одинок, печален, дик;
Небо тускло; сквозь туманы
Всходит бледен солнца лик.

Молча на воду спускает
Лодку ветхую рыбак,
Мальчик сети расстилает,
Глядя молча в дальный мрак!

И задумался он, глядя,
И взяла его тоска:
«Что так море стонет, дядя?» —
Он спросил у рыбака.

«Видишь шпиль? Как нас в погодку
Закачало с год тому,
Помнишь ты, как нашу лодку
Привязали мы к нему?..

Тут был город всем привольный
И над всеми господин,
Нынче шпиль от колокольни
Виден и́з моря один.

Город, слышно, был богатый
И нарядный, как жених;
Да себе копил он злато,
А с сумой пускал других!

Богатырь его построил;
Топь костьми он забутил,
Только с Богом как ни спорил,
Бог его перемудрил!

В наше море в стары годы,
Говорят, текла река,
И сперла гранитом воды
Богатырская рука!

Но подула буря с моря,
И назад пошла их рать,
Волн морских не переспоря,
Человеку вымещать!

Всё за то, что прочих братий
Брат богатый позабыл,
Ни молитв их, ни проклятий
Он не слушал, ел да пил, —

Оттого порою стонет
Моря темная волна;
Чуть пологий берег тронет —
С стоном прочь бежит она!»

Мальчик слушал, робко глядя,
Страшно делалось ему:
«А какое ж имя, дядя,
Было городу тому?»

«Имя было? Да чужое,
Позабытое давно,
Оттого что не родное —
И не памятно оно».

11 апреля 1847. Москва

Михаил Дмитриев (1796—1866)

Зимнее утро

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры[505]
Навстречу северной Авроры,[506]
Звездою севера явись![507]

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,[508]
На мутном небе мгла носилась;[509]

---

[505] Т. е. сомкнутые негой глаза.
[506] *Аврора* — римская богиня утренней зари; (поэт.) утренняя заря. *Навстречу северной Авроры* —навстречу северной Авроре (уст.: родительный падеж вместо дательного после «навстречу», по следующей логике: встреча Авроры — навстречу Авроры).
[507] Т. е. явись северной красавицей. Вместе с тем подразумевается и «Утренняя звезда» — планета Венера. Иными словами, явись северной Венерой.
[508] *Вечо́р* — вчера вечером.
[509] *Мгла* — здесь не «тьма, мрак», а «снежная пелена», сравните: «Буря мглою небо кроет...».

Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.[510]
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?[511]

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

1829

---

[510] *Лежанка* — невысокий выступ у русской печи. Сравните (в одном из пушкинских писем): «Покамест я один-одинешенек; живу недорослем, валяюсь *на лежанке* и слушаю старые сказки да песни».
[511] *Запречь* — (прост.) запрячь.

Александр Пушкин

* * *

Моя вечерняя звезда,
Моя последняя любовь!
На потемневшие года
Приветный луч пролей ты вновь!

Средь юных, невоздержных лет
Мы любим блеск и пыл огня;
Но полурадость, полусвет
Теперь отрадней для меня.

14 января 1855, Веве

Петр Вяземский

* * *

Моя судьба, старуха, нянька злая,
И безобразная, и глупая, за мной
Следит весь день и, под руку толкая,
Надоедает мне своею болтовней.
Когда-то в карты мне она гадала
И мне сулила много светлых дней;
Я, как ребенок, верил ей сначала,
Доверчив был и уживался с ней.

То штопая, то делая заплаты,
Она не раз при мне ворчала на беду:
«Вот погоди! как будем мы богаты,
Я от тебя сама уйду...»
А между тем несутся дни и годы —
Старуха всё еще в моем углу ворчит,
Во всё мешается, хлопочет и, свободы
Лишая разум, сердце злит.
И жизнь моя, невольно, как-то странно
Слилась с ее житьем-бытьем,
И где бы ни был я, один ли — беспрестанно
Мне кажется: мы с ней вдвоем.
Проснусь ли я душою, озаренный
Внезапной мыслию иль новой красотой,
Плаксивое лицо старухи раздраженной
Как желтое пятно мелькает предо мной.
Хочу любить... «Нет, — говорит, — невправе,
Не смеешь ты, не должен ты любить».
Уединясь, мечтаю ли о славе,
Она, как мальчика, придет меня дразнить.
И болен я — и нет мне сил подняться,
И слышу я: старуха, головой
Качая, говорит, что вряд ли мне дождаться
Когда-нибудь судьбы иной.

1855

Яков Полонский

Мухи

Мухи, как черные мысли, весь день не дают мне покою:
Жалят, жужжат и кружáтся над бедной моей головою!
Сгонишь одну со щеки, а на глаз уж уселась другая,
Некуда спрятаться, всюду царит ненавистная стая,
Валится книга из рук, разговор упадает, бледнея...
Эх, кабы вечер придвинулся! Эх, кабы ночь поскорее!

Черные мысли, как мухи, всю ночь не дают мне покою:
Жалят, язвят и кружатся над бедной моей головою!
Только прогонишь одну, а уж в сердце впилася другая, —
Вся вспоминается жизнь, так бесплодно в мечтах прожитая!
Хочешь забыть, разлюбить, а всё любишь сильней и больнее...
Эх, кабы ночь настоящая, вечная ночь поскорее!

1873

Алексей Апухтин

Бесы

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

«Эй, пошел, ямщик!..» — «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюёт на меня;
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в поле?» —
«Кто их знает? пень иль волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече скачет;

Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслися;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

1830

Александр Пушкин

На железной дороге

Мчится, мчится железный конек!
По железу железо гремит.
Пар клубится, несется дымок;
Мчится, мчится железный конек,
Подхватил, посадил да и мчит.

И лечу я, за делом лечу, —
Дело важное, время не ждет...
Ну, конек! я покуда молчу...
Погоди, соловьем засвищу,
Коли дело-то в гору пойдет...

Вон навстречу несется лесок,
Через балки грохочут мосты,
И цепляется пар за кусты;
Мчится, мчится железный конек,
И мелькают, мелькают шесты...

Вон и родина! Вон в стороне
Тесом крытая кровля встает,
Темный садик, скирды на гумне;
Там старушка одна, чай, по мне
Изнывает, родимого ждет.

Заглянул бы я к ней в уголок,
Отдохнул бы в тени тех берез,
Где так много посеяно грез.
Мчится, мчится железный конек
И, свистя, катит сотни колес.

Вон река — блеск и тень камыша;
Красна девица с горки идет,
По тропинке идет не спеша;
Может быть — золотая душа,
Может быть — красота из красот.

Познакомиться с ней бы я мог,
И не всё ж пустяки городить, —
Сам бы мог, наконец, полюбить...
Мчится, мчится железный конек,
И железная тянется нить.

Вон, вдали, на закате пестрят
Колокольни, дома и острог;
Однокашник мой там, говорят,
Вечно борется, жизни не рад...
И к нему завернуть бы я мог...

Поболтал бы я с ним хоть часок!
Хоть немного им прожито лет,
Да немало испытано бед...
Мчится, мчится железный конек,
Сеет искры летучие вслед...

И, крутя, их несет ветерок
На росу потемневшей земли,
И сквозь сон мне железный конек
Говорит: «Ты за делом, дружок,
Так ты нежность-то к черту пошли».

1868

Яков Полонский

Песнь Гаральда Смелого[512]

Мы, други, летали по бурным морям,
От родины милой летали далеко!
На суше, на море мы бились жестоко;
И море, и суша покорствуют нам!
О други! как сердце у смелых кипело,
Когда мы, содвинув стеной корабли,
Как птицы неслися станицей веселой
Вкруг пажитей тучных Сиканской земли!..[513]
А дева русская Гаральда презирает.

О други! я младость не праздно провел!
С сынами Дронтгейма[514] вы помните сечу?
Как вихорь пред вами я мчался на встречу
Под камни и тучи свистящие стрел.
Напрасно сдвигались народы; мечами
Напрасно о наши стучали щиты:
Как бедные класы под ливнем, упали

---

[512] Вольный перевод песни, автором которой средневековое предание называло одного из норвежских королей, известного скальда Гаральда по прозванию Смелый (XI в.). Установлено, однако, что песня эта Гаральду не принадлежит и написана от его имени не ранее первой половины XIII в. Ее текст сохранился в сочинении известного исландского политического деятеля и ученого XIII в. Снорри Стурлусона «Круг земной» (о деяниях норвежских королей). Содержание песни связано с любовью Гаральда к его будущей жене — русской княжне Елизавете (дочери Ярослава Мудрого). В «Истории государства Российского» Карамзин писал об отношениях Гаральда и Елизаветы, комментируя знаменитую «Песнь»: «Елизавета не презирала его: он следовал единственно обыкновению тогдашних нежных рыцарей, которые всегда жаловались на мнимую жестокость своих любовниц... Гаральд женился на Елизавете в 1045 году... Она скоро умерла, оставив двух дочерей, Ингигерду и Марию...».
[513] *Секвана* — архаическое латинское название Сены.
[514] *Дронтгейм* — Тронхейм, область на севере Норвегии.

И всадник, и пеший; владыка, и ты!..
А дева русская Гаральда презирает.

Нас было лишь трое на легком челне;
А море вздымалось, я помню, горами;
Ночь черная в полдень нависла с громами,
И Гела[515] зияла в соленой волне.
Но волны напрасно, ярясь, хлестали:
Я черпал их шлемом, работал веслом:
С Гаральдом, о други, вы страха не знали
И в мирную пристань влетели с челном!
А дева русская Гаральда презирает.

Вы, други, видали меня на коне?
Вы зрели, как рушил секирой твердыни,
Летая на бурном питомце пустыни
Сквозь пепел и вьюгу в пожарном огне?
Железом я ноги мои окрыляя,
И лань упреждаю по звонкому льду;
Я хладную влагу рукой рассекая,
Как лебедь отважный по морю иду...
А дева русская Гаральда презирает.

Я в мирных родился полночи снегах;
Но рано отбросил доспехи ловитвы —
Лук грозный и лыжи — и в шумные битвы
Вас, други, с собою умчал на судах.
Не тщетно за славой летали далеко

---

[515] *Гела* — Хель, хозяйка царства мертвых в древнескандинавской мифологии.

От милой отчизны по диким морям;
Не тщетно мы бились мечами жестоко:
И море, и суша покорствуют нам!
А дева русская Гаральда презирает.

Между февралем и 17 июля 1816

Константин Батюшков

Фантазия

Мы одни; из сада в стекла окон
Светит месяц... тусклы наши свечи;
Твой душистый, твой послушный локон,
Развиваясь, падает на плечи.

Что ж молчим мы? Или самовластно
Царство тихой, светлой ночи мая?
Иль поет и ярко так и страстно
Соловей, над розой изнывая?

Иль проснулись птички за кустами,
Там, где ветер колыхал их гнезды,
И, дрожа ревнивыми лучами,
Ближе, ближе к нам нисходят звезды?

На суку извилистом и чудном,
Пестрых сказок пышная жилица,
Вся в огне, в сияньи изумрудном,
Над водой качается жар-птица;

Расписные раковины блещут
В переливах чудной позолоты,
До луны жемчужной пеной мещут
И алмазной пылью водометы.[516]

Листья полны светлых насекомых,
Всё растет и рвется вон из меры,
Много снов проносится знакомых,
И на сердце много сладкой веры.

Переходят радужные краски,
Раздражая око светом ложным;
Миг еще — и нет волшебной сказки,
И душа опять полна возможным.

Мы одни; из сада в стекла окон
Светит месяц... тусклы наши свечи;
Твой душистый, твой послушный локон,
Развиваясь, падает на плечи.

1847

Афанасий Фет

* * *

Мы с тобой бестолковые люди:

---

[516] *Водомёт* — фонтан.

Что минута, то вспышка готова!
Облегченье взволнованной груди,
Неразумное, резкое слово.

Говори же, когда ты сердита,
Всё, что душу волнует и мучит!
Будем, друг мой, сердиться открыто:
Легче мир — и скорее наскучит.

Если проза в любви неизбежна,
Так возьмем и с нее долю счастья:
После ссоры так полно, так нежно
Возвращенье любви и участья…

1851

Николай Некрасов

Элегия

На горы и леса легла ночная тень,
Темнеют небеса, блестит лишь запад ясный, —
То улыбается безоблачно-прекрасный
Спокойно, радостно кончающийся день.

1840, Ницца

Николай Языков

* * *

Над виноградными холмами
Плывут златые облака.
Внизу зелеными волнами
Шумит померкшая река.
Взор постепенно из долины,
Подъемлясь, всходит к высотам
И видит на краю вершины
Круглообразный светлый храм.

Там, в горнем, неземном жилище,
Где смертной жизни места нет,
И легче, и пустынно-чище
Струя воздушная течет,
Туда взлетая, звук немеет...
Лишь жизнь природы там слышна,
И нечто праздничное веет,
Как дней воскресных тишина.

Начало 1830-х годов

Федор Тютчев

* * *

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы верил я, что некогда душа,
От тленья убежав, уносит мысли вечны,
И память, и любовь в пучины бесконечны, —

Клянусь! давно бы я оставил этот мир:
Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир,
И улетел в страну свободы, наслаждений,
В страну, где смерти нет, где нет предрассуждений,
Где мысль одна плывет в небесной чистоте...

Но тщетно предаюсь обманчивой мечте;
Мой ум упорствует, надежду презирает...
Ничтожество меня за гробом ожидает...[517]
Как, ничего! Ни мысль, ни первая любовь!
Мне страшно... И на жизнь гляжу печален вновь,
И долго жить хочу, чтоб долго образ милый
Таился и пылал в душе моей унылой.

1823

Александр Пушкин

Цыганы[518]

Над лесистыми брегами,
В час вечерней тишины,
Шум и песни под шатрами,
И огни разложены.

Здравствуй, сча́стливое племя!
Узнаю твои костры;

---

[517] *Ничтожество* — небытие.
[518] Пушкин вспоминает о своем пребывании в цыганском таборе в кишиневскую пору жизни, вероятно в связи с увиденным им в 1830 г. в Болдине табором цыган.

Я бы сам в иное время
Провождал сии шатры.

Завтра с первыми лучами
Ваш исчезнет вольный след,
Вы уйдете — но за вами
Не пойдет уж ваш поэт.

Он бродящие ночлеги
И проказы старины
Позабыл для сельской неги
И домашней тишины.

1830

Александр Пушкин

И ныне

Над нами те ж, как древле, небеса,
И так же льют нам благ своих потоки,
И в наши дни творятся чудеса,
И в наши дни являются пророки.

Бог не устал: Бог шествует вперед;
Мир борется с враждебной силой Змия;
Там — зрит слепой, там — мертвый восстает:
Исайя жив, и жив Иеремия.

Не истощил Господь своих даров,

Не оскудел духовной благодатью:
Он всё творит, — и Библия миров
Не замкнута последнею печатью.

Кто духом жив, в ком вера не мертва,
Кто сознает всю животворность Слова,
Тот всюду зрит наитье божества.
И слышит всё, что говорит Егова.

И, разогнав кудесничества чад,
В природе он усмотрит святость чуда,
И не распнет он Слово, как Пилат,
И не предаст он Слово, как Иуда,

И брата он, как Каин, не убьет;
Гонимого с радушной лаской примет,
Смирением надменных низведет,
И слабого и падшего подымет.

Не унывай, о малодушный род!
Не падайте, о племена земные!
Бог не устал: Бог шествует вперед;
Мир борется с враждебной силой Змия.

1860

Владимир Бенедиктов

Пир Петра Первого

Над Невою резво вьются
Флаги пестрые судов;
Звучно с лодок раздаются
Песни дружные гребцов;
В царском доме пир веселый;
Речь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пирует царь великий
В Питербурге-городке?
Отчего пальба и клики
И эскадра на реке?
Озарен ли честью новой
Русской штык иль русской флаг?
Побежден ли швед суровый?
Мира ль просит грозный враг?

Иль в отъятый край у шведа
Прибыл Брантов утлый бот,[519]
И пошел навстречу *деда*
Всей семьей наш юный флот,
И воинственные внуки
Стали в строй пред стариком,
И раздался в честь Науки
Песен хор и пушек гром?

---

[519] *Брантов бот* — морская лодка царя Алексея Михайловича, починенная при Петре I голландским корабельным мастером Брантом. В 1723 г. Петр I устроил боту торжественное чествование, о котором Пушкин сделал заметку в «Истории Петра», под 1723 г.: «10-го же (июля) триумф старого ботика, дедушки русского флота (см. Голикова, Ломоносова, Сумарокова etc.)».

Годовщину ли Полтавы
Торжествует государь,
День, как жизнь своей державы
Спас от Карла русский царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.

Оттого-то шум и клики
В Питербурге-городке,
И пальба и гром музыки
И эскадра на реке;
Оттого-то в час веселый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

1835

Александр Пушкин

* * *

Надрывается сердце от муки,
Плохо верится в силу добра,
Внемля в мире царящие звуки
Барабанов, цепей, топора.

Но люблю я, весна золотая,
Твой сплошной, чудно-смешанный шум;
Ты ликуешь, на миг не смолкая,
Как дитя, без заботы и дум.
В обаянии счастья и славы
Чувству жизни ты вся предана, —
Что-то шепчут зеленые травы,
Говорливо струится волна;
В стаде весело ржет жеребенок,
Бык с землей вырывает траву,
А в лесу белокурый ребенок —
Чу! кричит: «Парасковья, ау!»
По холмам, по лесам, над долиной
Птицы севера вьются, кричат,
Разом слышны — напев соловьиный
И нестройные писки галчат,
Грохот тройки, скрипенье подводы,
Крик лягушек, жужжание ос,
Треск кобылок, — в просторе свободы
Всё в гармонию жизни слилось.

Я наслушался шума иного...

Оглушенный, подавленный им,
Мать-природа! иду к тебе снова
Со всегдашним желаньем моим —
Заглуши эту музыку злобы!
Чтоб душа ощутила покой
И прозревшее око могло бы
Насладиться твоей красотой.

1863

Николай Некрасов

* * *[520]

Над темным заливом, вдоль звучных зыбей
Венеции, моря царицы,
Пловец полуночный в гондоле своей
С вечерней зари до денницы[521]
Рулем беззаботным небрежно сечет
Ленивую влагу ночную;
Поет он Ринальда, Танкреда поет,
Поет Эрминию младую;[522]
Поет он по сердцу, сует удален,
Чужого суда не страшится,
И, песней любимой невольно пленен,
Над бездною весело мчится.

---

[520] Вольный перевод стихотворения Андре Шенье «Près des bords où Venise est reine de la mer...». Это стихотворение Шенье было также переведено в 1827 г. Пушкиным («Близ мест, где царствует Венеция златая...»).
[521] *Денница* — утренняя звезда.
[522] *Ринальд, Танкред, Эрминия* — герои «Освобожденного Иерусалима» Торквато Тассо.

И я петь люблю про себя, в тишине,
Безвестные песни мечтаю,
Пою, и как будто отраднее мне,
Я горе мое забываю,
Как ветер ни гонит мой бедный челнок
Пучиною жизни мятежной,
Где я так уныло и так одинок
Скитаюсь во тме безнадежной...

1827

Иван Козлов

* * *

Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, Свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?..

Блеснет твой луч и оживит
И сон разгонит и туманы...
Но старые, гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,

Растленье душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет, —
Кто их излечит, кто прикроет?..

Ты, риза чистая Христа...[523]

15 августа 1857

Федор Тютчев

Завещание[524]

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.

А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навылет в грудь
Я пулей ранен был;
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Поклон я посылаю.

---

[523] Написано в церковный праздник Успенья, на котором Тютчев присутствовал в Овстуге летом 1857 г. Замысел стихотворения подсказан предстоящей крестьянской реформой.
[524] Написано, по всей вероятности, в конце 1840 г., когда Лермонтов участвовал в военных действиях на Кавказской линии.

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали,
И чтоб меня не ждали.

Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. Обо мне она
Не спросит... всё равно,
Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалей;
Пускай она поплачет...
Ей ничего не значит!

1840

Михаил Лермонтов

* * *

На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.

И подушка ее горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.

А вчера у окна ввечеру
Долго-долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна.

И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Всё бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.

Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты ее, не буди...
На заре она сладко так спит!

1842

Афанасий Фет

* * *

Наконец не горит уже лес,
Снег прикрыл почернелые пенья,
Но помещик душой не воскрес,
Потеряв половину именья.

Приуныл и мужик. «Чем я буду топить?» —
Говорит он, лицо свое хмуря.
«Ты не будешь топить — будешь пить», —
Завывает в ответ ему буря...

1868

Николай Некрасов

* * *

На кресле отвалясь, гляжу на потолок,
Где, на задор воображенью,
Над лампой тихою подвешенный кружок
Верти́тся призрачною тенью.

Зари осенней след в мерцаньи этом есть:
Над кровлей, кажется, и садом,
Не в силах улететь и не решаясь сесть,
Грачи кружатся темным стадом...

Нет, то не крыльев шум, то кони у крыльца!
Я слышу трепетные руки...
Как бледность холодна прекрасного лица!
Как шепот горестен разлуки!..

Молчу, потерянный, на дальний путь глядя
Из-за темнеющего сада, —
И кружится еще, приюта не найдя,

Грачей встревоженное стадо.[525]

15 декабря 1890

Афанасий Фет

К Н. Я. Плюсковой[526]

На лире скромной, благородной
Земных богов я не хвалил
И силе в гордости свободной
Кадилом лести не кадил.
Свободу лишь учася славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожден царей забавить
Стыдливой музою моей.
Но, признаюсь, под Геликоном,
Где Касталийский ток шумел,[527]
Я, вдохновенный Аполлоном,
Елисавету втайне пел.

---

[525] Комментарий Б. Я. Бухштаба (из книги «А. А. Фет. Очерк жизни и творчества»): «На освещенном потолке вертится тень от жестяного кружка, подвешенного над висячей керосиновой лампой (чтобы не коптился потолок) и слегка вращающегося от притока воздуха. Глядя на эту вертящуюся круглую тень, поэт вспоминает, как когда-то на осенней заре кружилась над садом стая грачей. А этот образ окрашен в его воспоминании горечью разлуки с любимой, которая уезжала в то время, как над садом кружились грачи».
[526] Стихотворение распространялось в рукописных сборниках наряду с стихотворениями Пушкина политического содержания. Жена Александра I, Елизавета Алексеевна, снискала популярность своей добротой и широкой благотворительностью; она проявляла глубокий интерес к русской литературе и к русским поэтам. В филиалах декабристского общества Союз благоденствия, руководимых Федором Глинкой, человеком умеренных политических взглядов, насаждался культ Елизаветы, там даже возникла мысль о «дворцовом перевороте» в ее пользу. На одном из заседаний "Вольного общества любителей словесности, наук и художеств" под председательством Глинки состоялось чтение стихотворения Пушкина (25 сентября 1819 г., читал Дельвиг), а в конце года Глинка напечатал эти стихи в «Трудах Вольного Общества любителей российской словесности». Наталья Яковлевна Плюскова — фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны, близкая к литературным кругам. Возможно, что «вызов» написать стихи жене Александра I исходил от нее.
[527] *Геликон* — гора, находящаяся в Аонии, место обитания муз. *Касталийский ток (Касталия)* — источник на горе Парнас, посвященный Аполлону и музам; источник вдохновения.

Небесного земной свидетель,
Воспламененною душой
Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

1818

Александр Пушкин

День и ночь

На мир таинственный духов,
Над этой бездной безымянной,
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.
День — сей блистательный покров
День, земнородных оживленье,
Души болящей исцеленье,
Друг человеков и богов!

Но меркнет день — настала ночь;
Пришла — и, с мира рокового
Ткань благодатную покрова
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,

И нет преград меж ей и нами —
Вот отчего нам ночь страшна!

1839

Федор Тютчев

Царица красоты

Нам море нравится и манит нас равно
Однообразием и вечной переменой:
Смотрите, как теперь улыбчиво оно!
Как ластится к земле своей блестящей пеной!

Пред зеркалом, парчу накинув на плеча,
Царица красоты любуется собою,
И падает до ног лазурная парча
И вьется по земле жемчужной бахромою.

1853

Петр Вяземский

* * *

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

27 февраля 1869

Федор Тютчев

Отдых при дороге

На мураве присев кудрявой,
Я в одиночестве счастлив;
И всё любуюсь — то направо
Сребристой гладью сжатых нив;

То милым зрелищем налево,
Как нежной зеленью взошли
Ростки озимого посева
На черном бархате земли.

Смотрю, как тучки в небе тают;
Как тени их, при блеске дня,
Окрестность дымкой застилают —
И будто меркнут зеленя;[528]

Иль как несутся тени эти
За горизонт поверх полей...
Что проще может быть на свете
И что же может быть милей?..

8 сентября 1886

---

[528] *Зеленя* — всходы озимых и яровых хлебов.

Алексей Жемчужников

Декабрьское утро

На небе месяц — и ночная
Еще не тронулася тень,
Царит себе, не сознавая,
Что вот уж встрепенулся день, —

Что хоть лениво и несмело
Луч возникает за лучом,
А небо так еще всецело
Ночным сияет торжеством.

Но не пройдет двух-трех мгновений,
Ночь испарится над землей,
И в полном блеске проявлений
Вдруг нас охватит мир дневной...

Декабрь 1859

Федор Тютчев

* * *

На нивы желтые нисходит тишина,
В остывшем воздухе от меркнущих селений,
Дрожа, несется звон... Душа моя полна
Разлукою с тобой и горьких сожалений.

И каждый мой упрек я вспоминаю вновь,
И каждое твержу приветливое слово,
Что мог бы я сказать тебе, моя любовь,
Но что внутри себя я схоронил сурово.

1862

Алексей Толстой

* * *

Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов игривых и печальных,
Тебя я знал во дни моей весны,
Во дни утех и снов первоначальных.
Я ждал тебя; в вечерней тишине
Являлась ты веселою старушкой[529]
И надо мной сидела в шушуне,
В больших очках и с резвою гремушкой.
Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожила.
Младенчество прошло, как легкой сон.
Ты отрока беспечного любила,
Средь важных муз тебя лишь помнил он,
И ты его тихонько посетила;
Но тот ли был твой образ, твой убор?

---

[529] *Веселая старушка* — вероятно, бабушка Пушкина по матери, Мария Алексеевна Ганнибал.

Как мило ты, как быстро изменилась!
Каким огнем улыбка оживилась!
Каким огнем блеснул приветный взор!
Покров, клубясь волною непослушной,
Чуть осенял твой стан полувоздушный;
Вся в локонах, обвитая венком,
Прелестницы глава благоухала;
Грудь белая под желтым жемчугом
Румянилась и тихо трепетала...

1822

Александр Пушкин

* * *

Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти
В сей жизни блаженство прямое:
Небесные боги не делятся им
С земными детьми Прометея.[530]

Похищенной искрой созданье свое
Дерзнул оживить безрассудный;
Бессмертных он пре́зрел — и страшная казнь
Постигнула чад святотатства.

Наш тягостный жребий: положенный срок

[530] *Прометей* — титан, богоборец, создатель и защитник людей, для которых похитил огонь с Олимпа (греч. миф.). За это Зевс приказал приковать Прометея к скале, и прилетавший каждый день орел клевал его печень.

Питаться болезненной жизнью,
Любить и лелеять недуг бытия
И смерти отрадной страшиться.

Нужды непреклонной слепые рабы,
Рабы самовластного рока!
Земным ощущеньям насильственно нас
Случайная жизнь покоряет.

Но в искре небесной прияли мы жизнь,
Нам памятно небо родное,
В желании счастья мы вечно к нему
Стремимся неясным желаньем!..

Вотще! Мы надолго отвержены им!
Сияет красою над нами,
На бренную землю беспечно оно
Торжественный свод опирает…

Но нам недоступно! Как алчный Тантал
Сгорает средь влаги прохладной,
Так, сердцем постигнув блаженнейший мир,
Томимся мы жаждою счастья.

1820

Евгений Боратынский

Разлука

Напрасно покидал страну моих отцов,
Друзей души, блестящие искусства;
И в шуме грозных битв, под тению шатров
Старался усыпить встревоженные чувства.
Ах! небо чуждое не лечит сердца ран!
Напрасно я скитался
Из края в край, и грозный океан
Кругом меня роптал и волновался;
Напрасно от брегов пленительных Невы
Отторженный судьбою,
Я снова посещал развалины Москвы,
Москвы, где я дышал свободою прямою!
Напрасно я спешил от северных степей,
Холодным солнцем освещенных,
В страну, где Тирас[531] бьет излучистой струей,
Сверкая между гор, Церерой[532] позлащенных,
И древние пои́т народов племена.
Напрасно: всюду мысль преследует одна
О милой, сердцу незабвенной,
Которой имя мне священно,
Которой взор один лазоревых очей
Все — неба на земле — блаженства отверзает,
И слово, звук один, прелестный звук речей
Меня мертвит и оживляет.

1815

---

[531] *Тирас* — греческое название реки Днестр. В 1815 г. Батюшков жил в Каменец-Подольской губернии, где протекает эта река.
[532] *Церера* — римская богиня плодородия.

Константин Батюшков

Арион[533]

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный челн;
А я — беспечной веры полн —
Пловцам я пел.... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный....
Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

1827

Александр Пушкин

* * *[534]

---

[533] В иносказательной форме Пушкин говорит о судьбе, постигшей его и его друзей-декабристов. Стихотворение написано 16 июля 1827 г. в связи с первой годовщиной казни декабристов (13 июля). Миф о спасении дельфином греческого поэта и музыканта Ариона (VII-VI в. до н. э.) довольно далек по содержанию от стихотворения Пушкина.

[534] Это вольный перевод стихотворения Генриха Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam» из «Buch der Lieder» («Книга песен»). В переводе изменен смысл стихотворения Гейне: любовную тему — влечение пальмы к сосне (сосна на немецком языке — слово мужского рода), Лермонтов заменил темой одиночества.

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.[535]

И снится ей всё, что в пустыне далекой —
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.

Михаил Лермонтов

Элегия

На скалы, на холмы глядеть без нагляденья;
Под каждым деревом искать успокоенья;
Питать бездействием задумчивость свою;
Подслушивать в горах журчащую струю
Иль звонкое о брег плесканье океана;
Под зыбкой пеленой вечернего тумана
Взирать на облака, разбросанны кругом
В узорах и в цветах и в блеске золотом, —
Вот жизнь моя в стране, где кипарисны сени,
Средь лавров возрастя, приманивают к лени,
Где хижины татар венчает виноград,
Где роща каждая есть благовонный сад.

[535] *Риза* — парчовое, тканное золотом или серебром одеяние без рукавов, верхнее церковное облачение священнослужителей.

1824. Алупка

Василий Туманский

Лунный свет

На скамье, в тени прозрачной
Тихо шепчущих листов,
Слышу — ночь идет, и — слышу
Перекличку петухов.
Далеко мелькают звезды,
Облака озарены,
И дрожа тихонько льется
Свет волшебный от луны.

Жизни лучшие мгновенья
Сердца жаркие мечты,
Роковые впечатленья
Зла, добра и красоты;
Всё, что близко, что далеко,
Всё, что грустно и смешно,
Всё, что спит в душе глубоко,
В этот миг озарено.

Отчего ж былого счастья
Мне теперь ничуть не жаль,
Отчего былая радость
Безотрадна, как печаль,
Отчего печаль былая

Так свежа и так ярка? —
Непонятное блаженство!
Непонятная тоска!

Яков Полонский

Приговор

(Легенда о Констанцском соборе)

На соборе на Констанцском
Богословы заседали:
Осудив Иоганна Гуса,
Казнь ему изобретали.[536]

В длинной речи доктор черный,
Перебрав все истязанья,
Предлагал ему соборно
Присудить колесованье;

Сердце, зла источник, кинуть
На съеденье псам поганым,
А язык, как зла орудье,
Дать склевать нечистым вранам;

Самый труп предать сожженью,
Наперед прокляв трикраты,
И на все четыре ветра

---

[536] *Констанцский собор* — вселенский собор католической церкви (1414—1418), проходивший в городе Констанц. *Гус Иоганн* (Ян, 1371—1415) — чешский национальный герой, возглавивший борьбу народа против католической церкви, феодалов, иноземного засилья; был осужден Констанцским собором и сожжен 6 июля 1415 г.

Бросить прах его проклятый...

Так, по пунктам, на цитатах,
На соборных уложеньях,
Приговор свой доктор черный
Строил в твердых заключеньях;

И, дивясь, как всё он взвесил
В беспристрастном приговоре,
Восклицали: «Bene, bene!»[537] —
Люди, опытные в споре,

Каждый чувствовал, что смута
Многих лет к концу приходит
И что доктор из сомнений
Их, как из лесу, выводит...

И не чаяли, что тут же
Ждет еще их испытанье...
И соблазн великий вышел!
Так гласит повествованье:

Был при кесаре в тот вечер
Пажик розовый, кудрявый;
В речи доктора не много
Он нашел себе забавы;

Он глядел, как мрак густеет

---

[537] «Хорошо, хорошо!» (лат.).

По готическим карнизам,
Как скользят лучи заката
Вкруг по мантиям и ризам,

Как рисуются на мраке,
Красным светом облитые,
Ус задорный, череп голый,
Лица добрые и злые...

Вдруг в открытое окошко
Он взглянул и — оживился;
За пажом невольно кесарь
Поглядел — развеселился,

За владыкой — ряд за рядом,
Словно нива от дыханья
Ветерка, оборотилось
Тихо к саду всё собранье:

Грозный сонм князей имперских,
Из Сорбонны депутаты,
Трирский, Люттихский епископ,
Кардиналы и прелаты,

Оглянулся даже папа!
И суровый лик дотоле
Мягкой, старческой улыбкой
Озарился поневоле;

Сам оратор, доктор черный,

Начал путаться, сбиваться,
Вдруг умолкнул и в окошко
Стал глядеть и — улыбаться!

И чего ж они так смотрят?
Что могло привлечь их взоры?
Разве небо голубое?
Или розовые горы?

Но — они таят дыханье
И, отдавшись сладким грезам,
Точно следуют душою
За искусным виртуозом...

Дело в том, что в это время
Вдруг запел в кусту сирени
Соловей пред темным замком,
Вечер празднуя весенний;

Он запел — и каждый вспомнил
Соловья такого ж точно,
Кто в Неаполе, кто в Праге,
Кто над Рейном, в час урочный,

Кто — таинственную маску,
Блеск луны и блеск залива,
Кто — трактиров швабских Гебу,
Разливательницу пива...

Словом — всем пришли на память

Золотые сердца годы,
Золотые грезы счастья,
Золотые дни свободы...

И — история не знает,
Сколько длилося молчанье
И в каких странах витали
Души черного собранья...

Был в собраньи этом старец,
Из пустыни вызван папой
И почтен за строгость жизни
Кардинальской красной шляпой, —

Вспомнил он, как там, в пустыне,
Мир природы, птичек пенье
Укрепляли в сердце силу
Примиренья и прощенья, —

И, как шепот раздается
По пустой, огромной зале,
Так в душе его два слова:
«Жалко Гуса», — прозвучали;

Машинально, безотчетно
Поднялся он и, объятья
Всем присущим открывая,
Со слезами молвил: «Братья!»

Но, как будто перепуган

Звуком собственного слова,
Костылем ударил об пол
И упал на место снова.

«Пробудитесь, — возопил он,
Бледный, ужасом объятый, —
Дьявол, дьявол обошел нас!
Это глас его, проклятый!..

Каюсь вам, отцы святые!
Льстивой песнью обаянный,
Позабыл я пребыванье
На молитве неустанной —

И вошел в меня нечистый! —
К вам простер мои объятья,
Из меня хотел воскликнуть:
«Гус невинен». Горе, братья!..»

Ужаснулося собранье,
Встало с мест своих, и хором
«Да воскреснет Бог»[538] запело
Духовенство всем собором, —

И, очистив дух от беса
Покаяньем и проклятьем,
Все упали на колени
Пред серебряным распятьем, —

---

[538] *«Да воскреснет Бог»* — из псалма LXVII, ст. 2.

И, восстав, Иоганна Гуса,
Церкви Божьей во спасенье,
В назиданье христианам,
Осудили — на сожженье...

Так святая ревность к вере
Победила ковы ада![539]
От соборного проклятья
Дьявол вылетел из сада,

И над озером Констанцским,
В виде огненного змея,
Пролетел он над землею,
В лютой злобе искры сея.

Это видели: три стража,
Две монахини-старушки
И один констанцский ратман,[540]
Возвращавшийся с пирушки.

1859

Аполлон Майков

* * *

На стоге сена ночью южной

---

[539] *Ковы* — злостные, коварные действия; злостные планы, умыслы. (Строить ковы. Тайные ковы.)
[540] *Ратман* — член городского совета (нем. *Rat*).

Лицом ко тверди я лежал,
И хор светил, живой и дружный,
Крутом раскинувшись, дрожал.

Земля, как смутный сон немая,
Безвестно уносилась прочь,
И я, как первый житель рая,
Один в лицо увидел ночь.

Я ль несся к бездне полуночной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.

И с замираньем и смятеньем
Я взором мерил глубину,
В которой с каждым я мгновеньем
Всё невозвратнее тону.

1857

Афанасий Фет

* * *[541]

На темно-голубом эфире
Златая плавала луна;
В серебряной своей порфире

---

[541] Начало стихотворения «Видение мурзы».

Блистаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала
И палевым своим лучом
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моем.
Сон томною своей рукою
Мечты различны рассыпал,
Кропя забвения росою,
Моих домашних усыплял;
Вокруг вся область почивала,
Петрополь с башнями дремал,
Нева из урны чуть мелькала,
Чуть Бельт в брегах своих сверкал;[542]
Природа, в тишину глубоку
И в крепком погруженна сне,
Мертва казалась слуху, оку
На высоте и в глубине;
Лишь веяли одни зефиры,
Прохладу чувствам принося.
Я не́ спал, — и, со звоном лиры
Мой тихий голос соглася,
Блажен, воспел я…
…….

1783

Гаврила Державин

---

[542] *Бельт* — Балтийское море.

* * *[543]

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

1829

Александр Пушкин

Соловей

На хóлме, сквозь зеленой рощи,
При блеске светлого ручья,
Под кровом тихой майской нощи,
Вдали я слышу соловья.
По ветрам легким, благовонным
То свист его, то звон летит,
То, шумом заглушаем водным,
Вздыханьем сладостным томит.

Певец весенних дней пернатый,
Любви, свободы и утех!

[543] Стихотворение обращено к М. Н. Волконской, с которой поэт общался на Северном Кавказе в 1820 г.

Твой глас отрывный, перекаты
От грома к нежности, от нег
Ко плескам, трескам и перунам,
Средь поздних, ранних красных зарь,
Раздавшись неба по лазурям,
В безмолвие приводят тварь.

Молчит пустыня, изумленна,
И ловит гром твой жадный слух,
На крыльях эха раздробленна
Пленяет песнь твоя всех дух.
Тобой цветущий дол смеется,
Дремучий лес пускает гул;
Река бегущая чуть льется,
Стоящий холм чело нагнул.

И, свесясь со скалы кремнистой,
Густокудрява мрачна ель
Напев твой яркий, голосистый
И рассыпную звонку трель,
Как очарованна, внимает.
Не смеет двигнуться луна
И свет свой слабо ниспускает;
Восторга мысль моя полна!

Какая громкость, живность, ясность
В созвучном пении твоем,
Стремительность, приятность, каткость
Между колен и перемен!
Ты щелкаешь, крутишь, поводишь,

Журчишь и стонешь в голосах;
В. забвенье души ты приводишь
И отзываешься в сердцах.

О! если бы одну природу
С тобою взял я в образец,
Воспел богов, любовь, свободу, —
Какой бы славный был певец!
В моих бы песнях жар, и сила,
И чувствы были вместо слов;
Картину, мысль и жизнь явила
Гармония моих стихов.

Тогда б, подобно Тимотею,[544]
В шатре персидском я возлег,
И сладкой лирою моею
Царево сердце двигать мог:
То, вспламеня любовной страстью,
К Таисе бы его склонял;
То, возбудя грозой, напастью,
Копье ему на брань вручал.

Тогда бы я между прудами
На мягку мураву воссел,
И арфы с тихими струнами
Приятность сельской жизни пел;
Тогда бы нимфа мне внимала,

---

[544] *Тимотей,* «или Тимофей, славный музыкант греческий, который играл пред Александром Великим и возбуждал его страсть к Таисе, его любовнице, или к войне, так что он в восторге схватывал копье» (объяснение Державина).

Боясь в зерцало вод взглянуть;
Сквозь дымку бы едва дышала
Ее высока, нежна грудь.

Иль, храбрых россиян делами
Пленясь бы, духом возлетал,
Героев полк над облаками
В сияньи звезд я созерцал;
О! коль бы их воспел я сладко,
Гремя поэзией моей
Отважно, быстро, плавно, кратко,
Как ты, — о дивный соловей!

1795

Гаврила Державин

Путешествие

Начать до света путь и ощупью идти,
    На каждом шаге спотыкаться;
К полдням уже за треть дороги перебраться;
Тут с бурей и грозой бороться на пути,
Но льстить себя вдали какою-то мечтою;
    Опомнясь, по́д вечер вздохнуть,
    Искать пристанища к покою,
Найти его, прилечь и наконец уснуть...

1803

Иван Дмитриев (1760—1837)

Стихи похвальные России[545]

Начну на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны:
Ибо все днесь мне ее доброты[546]
Мыслить умом есть много охоты.

Россия-мати! Свет мой безмерный!
Позволь то, чадо прошу твой верный,
Ах, как сидишь ты на троне красно!
Небо российску ты солнце ясно!

Красят иных все златые скиптры,[547]
И драгоценна порфира, митры;[548]
Ты собой скипетр твой украси́ла,
И лицем светлым венец почтила.

О благородстве твоем высоком
Кто бы не ведал в свете широком?
Прямое сама вся благородство:
Божие ты, ей! светло изводство.[549]

В тебе вся вера благочестивым,
К тебе примесу нет нечестивым;

---

[545] Стихи написаны в Париже, где поэт учился в Сорбоннском университете.
[546] *Добро́ты* — достоинства.
[547] *Скиптр* — скипетр, жезл, украшенный драгоценными камнями и резьбой, знак царской власти.
[548] *Порфира* — царская мантия, широкий парадный плащ из багряного шелка, подбитый горностаем. *Митра* — головной убор епископов и некоторых заслуженных священников, надеваемый во время богослужения.
[549] *Изводство Божье* — творение Бога. *Ей* — ей-богу! Клянусь!

В тебе не будет веры двойныя,[550]
К тебе не смеют приступ́ить злые.

Твои все люди суть православны
И храбростию повсюду славны;
Чада достойны таковой мати,
Везде готовы за тебя стати.

Чем ты, Россия, не изобильна?
Где ты, Россия, не была сильна?
Сокровище всех добр ты едина,
Всегда богата, славе причина.

Коль в тебе звёзды все здравьем блещут![551]
И россияне коль громко плещут:
Виват Россия! виват драгая![552]
Виват надежда! виват благая.

Скончу на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны:
Сто мне языков надобно б было
Прославить всё то, что в тебе мило!

1728

Василий Тредиаковский (1703—1768)

---

[550] В XVIII веке агенты папы римского старались подчинить влиянию католического Рима русскую церковь. Эти попытки встретили горячий отпор в русском обществе.
[551] Отголосок астрологических воззрений о влиянии небесных светил на жизнь людей.
[552] *Виват!* (лат.) — Да здравствует (букв. «пусть живет»)!

* * *

На что вы, дни! Юдольный мир явленья
Свои не изменит![553]
Все ведомы, и только повторенья
Грядущее сулит.

Недаром ты металась и кипела,
Развитием спеша,
Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Безумная душа!

И, тесный круг подлунных впечатлений
Сомкнувшая давно,
Под веяньем возвратных сновидений
Ты дремлешь; а оно

Бессмысленно глядит, как утро встанет,
Без нужны ночь сменя,
Как в мрак ночной бесплодный вечер канет,
Венец пустого дня!

1840

Евгений Боратынский

Наши птицы

[553] *Юдоль* — первонач. долина, а затем преим. в выражениях: земная юдоль, сия юдоль и т. п. — жизненный путь, жизнь, с ее заботами и печалями.

Наши обычные птицы прелестные,
Галка, ворона и вор-воробей!
Сча́стливым странам не столько известные,
Сколько известны отчизне моей...

Ваши окраски всё серые, черные,
Да и обличьем вы очень просты:
Клювы как клювы, прямые, проворные,
И без фигурчатых перьев хвосты.

В непогодь, вьюги, буруны, метелицы —
Всё вы, голубчики, тут, подле нас,
Жизни пернатой невесть что — безделицы,
Вы утешаете сердце подчас.

И для картины вы очень существенны
В долгую зиму в полях и лесах!
Все ваши сборища шумны, торжественны
И происходят у всех на глазах.

Это не то, что сова пучеокая
Или отшельница-птица челна —
Только где темень, где чаща глубокая,
Там ей приятно, там дома она!

С вами иначе. То вдруг вы слетаетесь
Стаей большой на дорогу; по ней
Ходите, клю́ете и не пугаетесь,
Даже нисколько людей и коней.

То вы весь вид на картину меняете,
В лес на опушку с дороги слетев,
Белую в черную вдруг обращаете,
Сотнями в снежные ветви насев.

То, как лоскутина флёра, таскаетесь
Стаей крикливою вдоль по полям,
Тут подбираетесь, там раздвигаетесь
Черным пятном по бесцветным снегам.

Жизнь хоть и скромная, жизнь хоть и малая,
Хоть не большая, а всё благодать,
Жизнь в испытаньях великих бывалая,
Годная многое вновь испытать...

Константин Случевский

На погребение английского генерала сира Джона Мура[554]

Не бил барабан перед смутным полком.
Когда мы вождя хоронили,
И труп не с ружейным прощальным огнем
Мы в недра земли опустили.

И бедная почесть к ночи́ отдана;
Штыками могилу копали;
Нам тускло светила в тумане луна,

---

[554] Перевод стихотворения ирландского поэта Чарльза Вольфа (1791—1823) “The burial of sir J. Moore”. *Джон Мур* (1761—1809) — генерал, командовавший английскими войсками в Португалии во время войны с Наполеоном.

И факелы дымно сверкали.

На нем не усопших покров гробовой,
Лежит не в дощатой неволе —
Обернут в широкий свой плащ боевой,
Уснул он, как ратники в поле.

Недолго, но жарко молилась Творцу
Дружина его удалая
И молча смотрела в лицо мертвецу,
О завтрашнем дне помышляя.

Быть может, наутро внезапно явясь,
Враг дерзкий, надменности полный,
Тебя не уважит, товарищ, а нас
Умчат невозвратные волны.

О нет, не коснется в таинственном сне
До храброго дума печали!
Твой одр[555] одинокий в чужой стороне
Родимые руки постлали.

Еще не свершен был обряд роковой,
И час наступил разлученья;
И с валу ударил перун вестовой,[556]
И нам он не вестник сраженья.

---

[555] *Одр* — постель, ложе.
[556] Т. е. пушечный выстрел (перун — удар молнии). *Перун* — главное божество восточных славян, бог грома и молнии, отожествляемый с Зевсом и Юпитером.

Прости же, товарищ! Здесь нет ничего
На память могилы кровавой;
И мы оставляем тебя одного
С твоею бессмертною славой.

1825

Иван Козлов

Изба

Небо в час дозора
Обходя, луна
Светит сквозь узора
Мерзлого окна.

Вечер зимний длится,
Дедушка в избе
На печи ложится
И уж спит себе.

Помоляся Богу,
Улеглася мать;
Дети понемногу
Стали засыпать.

Только, за работой,
Молодая дочь

Борется с дремотой
Во всю долгу ночь,

И лучина бледно
Перед ней горит.
Всё в избушке бедной
Тишиной томит;

Лишь звучит докучно
Болтовня одна
Прялки однозвучной
Да веретена.

1842

Николай Огарев

Осеннее ненастье

Небо холодное — в тучах;
Хмуры лужайки и чащи;
Слышен в березах плакучих
Ветер, уныло гудящий...

Словно томимы тоскою —
Близко ко мне, но незримо,—
Тени одна за другою,
Плача, проносятся мимо.

10 ноября 1896. Ильиновка

Алексей Жемчужников

* * *

Не брани меня, родная,
Что я так люблю его, —
Скучно, скучно, дорогая,
Жить одной мне без него.

Я не знаю, что такое
Вдруг случилося со мной,
Что так бьется ретивое
И терзается тоской.

Всё оно во мне изныло,
Вся горю я как огнем,
Всё не мило мне, постыло,
Всё страдаю я по нем.

Мне не надобны наряды
И богатства всей земли...
Кудри молодца и взгляды
Сердце бедное зажгли...

Сжалься, сжалься же, родная,
Перестань меня бранить.
Знать, судьба моя такая, —
Я должна его любить!..

1850-е годы

Алексей Разоренов (1819—1891)

Воспоминание

Нева, свод лип, беседка, розы,
Луна, поющий соловей,
Моленья робкие и слезы,
И бледность в памяти моей...

Другие дни, мечты другие!
Но часто думаю о ней,
Про очи темно-голубые,
Как небо северных ночей.

Теперь, быть может, в думе сладкой
Вздыхает милая в тиши,
Быть может, слезы льет украдкой
При светлой памяти души?

Иль слезы время осушило,
Иль клятв минувших след погиб?
И сердце женское забыло
Неву, беседку, своды лип?

1830

Дмитрий Ознобишин

Не верь себе

Que nous font après tout les vulgaires abois
De tous ces charlatans qui donnent de la voix,
Les marchands de pathos et les faiseurs d'emphase
Et tous les baladins qui dansent sur la phrase?

A. Barbier[557]

Не верь, не верь себе, мечтатель молодой,
Как язвы, бойся вдохновенья...
Оно — тяжелый бред души твоей больной,
Иль пленной мысли раздраженье.
В нем признака небес напрасно не ищи —
То кровь кипит, то сил избыток!
Скорее жизнь свою в заботах истощи,
Разлей отравленный напиток!

Случится ли тебе в заветный, чудный миг
Отрыть в душе давно безмолвной
Еще неведомый и девственный родник,
Простых и сладких звуков полный, —
Не вслушивайся в них, не предавайся им,
Набрось на них покров забвенья:
Стихом размеренным и словом ледяным
Не передашь ты их значенья.

[557] Какое нам, в конце концов, дело до грубого крика всех этих горланящих шарлатанов, продавцов пафоса и мастеров напыщенности и всех плясунов, танцующих на фразе? О. Барбье. (Франц.)

Закрадется ль печаль в тайник души твоей,
Зайдет ли страсть с грозой и вьюгой,
Не выходи тогда на шумный пир людей
С своею бешеной подругой;
Не унижай себя. Стыдися торговать
То гневом, то тоской послушной,
И гной душевных ран надменно выставлять
На диво черни простодушной.

Какое дело нам, страдал ты или нет?
На что́ нам знать твои волненья,
Надежды глупые первоначальных лет,
Рассудка злые сожаленья?
Взгляни: перед тобой играючи идет
Толпа дорогою привычной;
На лицах праздничных чуть виден след забот,
Слезы не встретишь неприличной.

А между тем из них едва ли есть один,
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременных добравшийся морщин
Без преступленья иль утраты!..
Поверь: для них смешон твой плач и твой укор,
С своим напевом заучённым,
Как разрумяненный трагический актер,
Махающий мечом картонным...

1839

Михаил Лермонтов

* * *[558]

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи —
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит — хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идет — по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

1863

Николай Некрасов

---

[558] Из: «Мороз, Красный нос».

* * *

Не ветер, вея с высоты,
Листов коснулся ночью лунной —
Моей души коснулась ты:
Она тревожна, как листы,
Она, как гусли, многострунна!
Житейский вихрь ее терзал
И сокрушительным набегом,
Свистя и воя, струны рвал
И заносил холодным снегом;
Твоя же речь ласкает слух,
Твое легко прикосновенье,
Как от цветов летящий пух,
Как майской ночи дуновенье.

1851 или 1852

Алексей Толстой

Арфа

Не в летний ль знойный день прохладный ветерок
В легчайшем сне на грудь мою приятно дует?
Не в злаке ли журчит хрустальный ручеек?
Иль милая в тени древес меня целует?

Нет! арфу слышу я: ее волшебный звук,
На розах дремлющий, согласьем тихострунным,
Как эхо, мне вдали щекочет нежно слух;

Иль шумом будит вдруг вблизи меня перунным.[559]

Так ты, подруга муз! лиешь мне твой восторг
Под быстрою рукой играющей хариты,[560]
Когда ее чело венчает вкуса бог
И улыбаются любовию ланиты.

Как весело внимать, когда с тобой она
Поет про родину, отечество драгое,
И возвещает мне, как там цветет весна,
Как время катится в Казани золотое!

О колыбель моих первоначальных дней!
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освещусь опять твоей зарей
И твой по-прежнему всегдашний буду житель?

Когда наследственны стада я буду зреть,
Вас, дубы камские, от времени почтенны!
По Волге между сел на парусах лететь
И гробы обнимать родителей священны?[561]

Звучи, о арфа! ты всё о Казани мне
Звучи, как Павел в ней явился благодатен![562]
Мила нам добра весть о нашей стороне:
Отечества и дым нам сладок и приятен.

---

[559] Т. е. громовым.
[560] Пелагея Михайловна Бакунина (Параша), свойственница Державина, которая вместе со своими двумя сестрами долго жила в доме Державина.
[561] «В Казанском уезде в селе Егорьеве находится кладбище рода Державина» (объяснение Державина).
[562] Павел I посетил Казань в мае 1798 г.

1798

Гаврила Державин

* * *

Не ворчи, мой кот-мурлыка,
В неподвижном полусне:
Без тебя темно и дико
В нашей стороне;

Без тебя всё та же печка,
Те же окна, как вчера,
Те же двери, та же свечка,
И опять хандра...

1843

Афанасий Фет

Светлые ночи

Не всё-то на севере худо,
Не всё на родном некрасиво:
Нет! Ночь наша майская — чудо!
Июньская светлая — диво!

Любуйтесь, бессонные очи!
Впивайтесь всей жадностью взгляда

В красу этой северной ночи!
Ни звезд, ни луны тут не надо.

Уж небо заря захватила
И алые ленты выводит.
И, кажется, ночь наступила,
И день между тем не проходит.

Нет, он остается, да только
Не в прежнем пылающем виде:
Не душен, не жгуч, и нисколько
Земля от него не в обиде.

Он долго широким разгаром
В венце золотом горячился,
Да, видно, уж собственным жаром
И сам наконец утомился.

Не стало горячему мочи:
Он снял свой венец, распахнулся,
И в ванну прохладную ночи
Всем светом своим окунулся, —

И стало не ярко, не мрачно,
Не день и не темень ночная,
А что-то, в чем смугло-прозрачно
Сквозит красота неземная.

При свете, проникнутом тенью,
При тени, пронизанной светом,

Волшебному в грезах виденью
Подобен предмет за предметом.

Весь мир, от *вчера* на *сегодня*
Вскрыв дверь и раскинув ступени,
Стоит, как чертога Господня,
Сквозные хрустальные сени.

Владимир Бенедиктов

Романс

Не говори: любовь пройдет,
О том забыть твой друг желает;
В ее он вечность уповает,
Ей в жертву счастье отдает.

Зачем гасить душе моей
Едва блеснувшие желанья?
Хоть миг позволь мне без роптанья
Предаться нежности твоей.

За что страдать? чтó мне в любви
Досталось от небес жестоких
Без горьких слез, без ран глубоких,
Без утомительной тоски?

Любви дни краткие даны,
Но мне не зреть ее остылой;
Я с ней умру, как звук унылый

Внезапно порванной струны.

1823

Антон Дельвиг

* * *

Не говори: меня он, как и прежде, любит,
Мной, как и прежде, дорожит...
О нет! Он жизнь мою бесчеловечно губит,
Хоть, вижу, нож в руке его дрожит.

То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя,
Увлечена, в душе уязвлена,
Я стражду, не живу... им, им одним живу я
Но эта жизнь!.. О, как горька она!

Он мерит воздух мне так бережно и скудно...
Не мерят так и лютому врагу...
Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не могу.[563]

Между июлем 1850 и серединой 1851

Федор Тютчев

---

[563] Написано от лица Е. А. Денисьевой.

<Из Аполлодора Гностика>[564]

Не говори, что нет спасенья,
Что ты в печалях изнемог:
Чем ночь темней, тем ярче звезды,
Чем глубже скорбь, тем ближе Бог...

1878

Аполлон Майков

* * *

Не дай мне Бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума;
    Нет, легче труд и глад.
Не то, чтоб разумом моим
Я дорожил; не то, чтоб с ним
    Расстаться был не рад:

Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
    Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
    Нестройных, чудных грез.

---

[564] Литературная мистификация Майкова. «Вы знаете, что это за Аполлодор Гностик? — спрашивал Майков М. И. Сухомлинова в письме от 28 сентября 1889 г. — Это моя выдумка: не люблю обнаруживать моих интимнейших мыслей и представлений, вот и прибег к такой уловке. Но секрет обнаруживаю не многим, а многих оставляю в заблуждении (даже филологов), что будто есть такой поэт II века; некоторые отвечали мне: „Знаю, знаю!”»

И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
В пустые небеса;
И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
Ломающий леса.

Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку как зверка
Дразнить тебя придут.

1833

Александр Пушкин

Соседка[565]

Не дождаться мне видно свободы,
А тюремные дни, будто годы;
И окно высокó над землей!
И у двери стоит часовой!

---

[565] Как указывает родственник и друг поэта А. П. Шан-Гирей, стихотворение написано в ордонанс-гаузе, когда Лермонтов находился под арестом за дуэль с Барантом. По словам Шан-Гирея, соседка, о которой написано стихотворение, действительно существовала, но «была вовсе не дочь тюремщика, а, вероятно, дочь какого-нибудь чиновника, служащего при ордоканс-гаузе, где и тюремщиков нет, а часовой с ружьем точно стоял у двери». Имеются свидетельства, что существовал и портрет этой девушки, нарисованный Лермонтовым, с подписью «la jolie fille de sous-officier» («хорошенькая дочь унтер-офицера»).

Умереть бы уж мне в этой клетке,
Кабы не было милой соседки!..
Мы проснулись сегодня с зарей,
Я кивнул ей слегка головой.

Разлучив, нас сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Породнило желанье одно
Да с двойною решеткой окно;

У окна лишь поутру я сяду,
Волю дам ненасытному взгляду.
Вот напротив окошечко: стук!
Занавеска подымется вдруг.

На меня посмотрела плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А с плеча, будто сдул ветерок,
Полосатый скатился платок.

Но бледна ее грудь молодая,
И сидит она долго вздыхая,
Видно, буйную думу тая,
Всё тоскует по воле, как я.

Не грусти, дорогая соседка...
Захоти лишь — отво́рится клетка,
И, как Божии птички, вдвоем
Мы в широкое поле порхнем.

У отца ты ключи мне укра́дешь,
Сторожей за пирушку усадишь,
А уж с тем, что поставлен к дверям,
Постараюсь я справиться сам.

Избери только ночь потемнее,
Да отцу дай вина похмельнее,
Да повесь, чтобы ведать я мог,
На окно полосатый платок.

1840

Михаил Лермонтов

(Из Пиндемонти)[566]

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура,
Всё это, видите ль, *слова, слова, слова*.[567]

---

[566] Первоначально стихотворение было названо: «Из Alfred Musset», затем заменено ссылкой на Пиндемонти. Это говорит о том, что оба источника — мнимые, придуманные Пушкиным для проведения стихов через цензуру.
[567] Hamlet. (Прим. Пушкина.)

Иные, лучшие, мне дороги права;
Иная, лучшая, потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не всё ли нам равно? Бог с ними.
Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепе́ща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье! вот права...

1836

Александр Пушкин

* * *

Не здесь ли ты легкою тенью,
Мой гений, мой ангел, мой друг,
Беседуешь тихо со мною
И тихо летаешь вокруг?

И робким даришь вдохновеньем,
И сладкий врачуешь недуг,
И тихим даришь сновиденьем,
Мой гений, мой ангел, мой друг…

1842

Афанасий Фет

* * *

Не знаю, отчего так грустно мне при ней?
Я не влюблен в нее: кто любит, тот тоскует,
Он болен, изнурен любовию своей.
Он день и ночь в огне — он плачет и ревнует...
Я не влюблен... при ней бывает грустно мне —
И только... Отчего — не знаю. Оттого ли,
Что дума и у ней такой же просит воли,
Что сердце и у ней в таком же дремлет сне?
Иль от предчувствия, что некогда напрасно,
Но пылко мне ее придется полюбить?
Бог весть! А полюбить я не хотел бы страстно:
Мне лучше нравится — по-своему грустить.
Взгляните, вот она: небрежно локон вьется,
Спокойно дышит грудь, ясна лазурь очей —
Она так хороша, так весело смеется...
Не знаю, отчего так грустно мне при ней?

1844

Лев Мей

(Э. Ф. Тютчевой)

Не знаю я, коснется ль благодать
Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воскреснуть и восстать,
Пройдет ли обморок духовный?

Но если бы душа могла
Здесь, на земле, найти успокоенье,
Мне благодатью ты б была —
Ты, ты, мое земное провиденье!..[568]

Апрель 1851

Федор Тютчев

Разуверение

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!
Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь,
И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям!

---

[568] Перед текстом помета на французском языке: «Для вас (чтобы прочесть наедине)». Обращено ко второй жене поэта, Эрн. Ф. Тютчевой. Написанное в первый год любви Тютчева к Е. А. Денисьевой, стихотворение было вложено поэтом в альбом-гербарий, принадлежавший его жене, и пролежало в нем, не замеченное ею, 24 года — до мая 1875 г. Прочитав впервые это стихотворение, И. С. Аксаков писал (в письме к дочери поэта Екатерине от 8 июня 1875 г.): «Стихи эти замечательны не столько как стихи, сколько потому, что бросают луч света на сокровеннейшие, интимнейшие брожения его сердца к жене... В 1851 г. ...она еще не настолько знала по-русски, чтобы понимать русские стихи, да и не умела еще разбирать русского писанья Ф. И. ...Каков же был ее сюрприз, ее радость и скорбь при чтении этого привета d'outre tombe (замогильного), такого привета, такого признания ее подвига жены, ее дела любви!»

Слепой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнем слова,
И, друг заботливый, больного
В его дремоте не тревожь!
Я сплю, мне сладко усыпленье;
Забудь бывалые мечты:
В душе моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.

1821

Евгений Боратынский

Пловец

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено.

Смело, братья! Ветром полный
Парус мой направил я:
Полетит на скользки волны
Быстрокрылая ладья!

Облака бегут над морем,
Крепнет ветер, зыбь черней,
Будет буря: мы поспорим
И помужествуем с ней.

Смело, братья! Туча грянет,
Закипит громада вод,
Выше вал сердитый встанет,
Глубже бездна упадет!

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.

Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья, бурей полный
Прям и крепок парус мой.

1829

Николай Языков

Мадона[569]

Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному сужденью знатоков.

В простом углу моем, средь медленных трудов,

---

[569] Обращено к невесте, Н. Н. Гончаровой. Та же картина («Мадонна» итальянского мастера, приписывавшаяся Рафаэлю и продававшаяся в Петербурге) упоминается в письме Пушкина от 30 июля 1830 г. к невесте: «Часами простаиваю перед белокурой мадоной, похожей на вас как две капли воды; я бы купил ее, если бы она не стоила 40000 рублей» (подлинник на французском языке).

Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный Спаситель —

Она с величием, Он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадона,
Чистейшей прелести чистейший образец.

1830

Александр Пушкин

Лебедь[570]

Необычайным я пареньем
От тленна мира отделюсь,
С душой бессмертною и пеньем,
Как лебедь, в воздух поднимусь.

В двояком образе нетленный,
Не задержусь в вратах мытарств;[571]
Над завистью превознесенный,
Оставлю под собой блеск царств.

---

[570] Подражание оде Горация «К Меценату» (кн. II, ода 20).
[571] «Как у католиков признается чистилище, — в греко-российской церкви мытарства, или заставы, из духов состоящие, где умершие души должны дать отчет в злых и добрых своих делах добрым и злым духам по имеющимся у них записным тетрадям» (объяснение Державина).

Да, так! Хоть родом я не славен,
Но, будучи любимец муз,
Другим вельможам я не равен
И самой смертью предпочтусь.

Не заключит меня гробница,
Средь звезд не превращусь я в прах;[572]
Но, будто некая цевница,
С небес раздамся в голосах.

И се уж кожа, зрю, перната
Вкруг стан обтягивает мой;
Пух на груди, спина крылата,
Лебяжьей лоснюсь белизной.

Лечу, парю — и под собою
Моря, леса, мир вижу весь;
Как холм, он высится главою,
Чтобы услышать Богу песнь.[573]

С Курильских островов до Буга,
От Белых до Каспийских вод,
Народы, света с полукруга,
Составившие россов род,

Со временем о мне узнают:

---

[572] «Средь звезд, или орденов совсем не сгнию так, как другие».

[573] Державин имеет в виду свою оду «Бог».

Славяне, гунны, скифы, чудь,
И все, что бранью днесь пылают,
Покажут перстом — и рекут:

«Вот тот летит, что, строя лиру,
Языком сердца говорил,
И, проповедуя мир миру,
Себя всех счастьем веселил».[574]

Прочь с пышным, славным погребеньем,
Друзья мои! Хор муз, не пой!
Супруга! облекись терпеньем!
Над мнимым мертвецом не вой.

1804

Гаврила Державин

* * *

Не осенний частый дождичек
Брызжет, брызжет сквозь туман:
Слезы горькие льет молодец
На свой бархатный кафтан.

«Полно, брат молодец!
Ты ведь не девица:

---

[574] «Сими двумя стихами означает автор, что он сочинил миролюбивые правила третейского совестного суда, которые хотя императором Александром благосклонно приняты во время его отправления должности министра юстиции, но чрез пронырство его завистников в свет не вышли».

Пей, тоска пройдет;
Пей, пей, тоска пройдет!»

«Не тоска, друзья-товарищи,
Грусть запала глубоко,
Дни веселия, дни радости
Отлетели далеко».

«Полно, брат молодец!
Ты ведь не девица:
Пей, тоска пройдет;
Пей, пей, тоска пройдет!»

«И как русский любит родину,
Так люблю я вспоминать
Дни веселия, дни радости,
Как пришлось мне горевать»,

«Полно, брат молодец!
Ты ведь не девица:
Пей, тоска пройдет;
Пей, пей, тоска пройдет!»

1829

Антон Дельвиг

Муза

Не ослеплен я музою моею:

Красавицей ее не назовут,
И юноши, узрев ее, за нею
Влюбленною толпой не побегут.
Приманивать изысканным убором,
Игрою глаз, блестящим разговором
Ни склонности у ней, ни дара нет;
Но поражен бывает мельком свет
Ее лица необщим выраженьем,
Ее речей спокойной простотой;
И он, скорей чем едким осужденьем,
Ее почтит небрежной похвалой.

1829

Евгений Боратынский

* * *

Не остывшая от зною,
Ночь июльская блистала...
И над тусклою землею
Небо, полное грозою,
Всё в зарницах трепетало.

Словно тяжкие ресницы
Подымались над землею,
И сквозь беглые зарницы
Чьи-то грозные зеницы
Загоралися порою...

14 июля 1851

Федор Тютчев

* * *

Неохотно и несмело
Солнце смотрит на поля.
Чу, за тучей прогремело,
Принахмурилась земля.

Ветра теплого порывы,
Дальный гром и дождь порой.
Зеленеющие нивы
Зеленее под грозой.

Вот пробилась из-за тучи
Синей молнии струя —
Пламень белый и летучий
Окаймил ее края.

Чаще капли дождевые,
Вихрем пыль летит с полей,
И раскаты громовые
Всё сердитей и смелей.

Солнце раз еще взглянуло
Исподлобья на поля —
И в сиянье потонула

Вся смятенная земля.

6 июня 1849

Федор Тютчев

* * *

Не первый год у этих мест
Я в час вечерний проезжаю,
И каждый раз гляжу окрест,
И над березами встречаю
Всё тот же золоченый крест.

Среди зеленой густоты
Карнизов обветшалых пятна,
Внизу могилы и кресты,
И мне — мне кажется понятно,
Что́ шепчут куполу листы.

Еще колеблясь и дыша
Над дорогими мертвецами,
Стремлюсь куда-то, вдаль спеша,
Но встречу с тихими гробами
Смиренно празднует душа.

1864

Афанасий Фет

Наш век

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры... но о ней не просит.

Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! — Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»[575]

10 июня 1851

Федор Тютчев

* * *

Не погасай хоть ты, — ты, пламя золотое, —
Любви негаданной последний огонек!
Ночь жизни так темна, покрыла всё земное,
Всё пусто, всё мертво, и ты горишь не в срок!
Но чем темнее ночь, сильней любви сиянье;

[575] «Впусти меня! — Я верю, Боже мой!..» и т. д. — перефразировка евангельского изречения (Марк, 9.24).

Я на огонь иду, и я идти хочу...
Иду... Мне всё равно: свои ли я желанья,
Чужие ль горести в пути ногой топчу,
Родные ль под ногой могилы попираю,
Назад ли я иду, иду ли я вперед,
Неправ я или прав, — не ведаю, не знаю
И знать я не хочу! Меня судьба ведет...
В движеньи этом жизнь так ясно ощутима,
Что даже мысль о том, что и любовь — мечта,
Как тысячи других мелькает мимо, мимо,
И легче кажутся и мрак, и пустота...

Константин Случевский

* * *

Непогода — осень — куришь,
Куришь — всё как будто мало.
Хоть читал бы, — только чтенье
Подвигается так вяло.

Серый день ползет лениво,
И болтают нестерпимо
На стене часы стенные
Языком неутомимо.

Сердце стынет понемногу,
И у жаркого камина
Лезет в голову больную

Всё такая чертовщина!

Над дымящимся стаканом
Остывающего чаю,
Слава Богу, понемногу,
Будто вечер, засыпаю...

1847

Афанасий Фет

* * *[576]

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне[577]
Другую жизнь и берег дальный.

Увы! напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь — и при луне
Черты далекой, бедной девы.[578]

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;

---

[576] Обращено к Олениной, бравшей уроки пения у Глинки. Грузинская мелодия, которую она напевала, была привезена с Кавказа Грибоедовым и использована Глинкой в его романсе на эти стихи. Пушкин вспоминает в стихотворении о своем пребывании летом 1820 г. на Северном Кавказе с семьей Раевских. Оленина, Анна Алексеевна (1808—1888), младшая дочь президента Академии художеств, директора Публичной библиотеки в Петербурге, художника-дилетанта А. Н. Оленина.
[577] *Оне* — личное местоимение женского рода, третьего лица, множественного числа.
[578] Вероятно, М. Н. Раевская, которая, став женой декабриста С. Г. Волконского, поехала за ним на каторгу в Сибирь.

Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

1828

Александр Пушкин

* * *

Не пробуждай, не пробуждай
Моих безумств и исступлений,
И мимолетных сновидений
Не возвращай, не возвращай!

Не повторяй мне имя той,
Которой память — мука жизни,
Как на чужбине песнь отчизны
Изгнаннику земли родной!

Не воскрешай, не воскрешай
Меня забывшие напасти —
Дай отдохнуть тревогам страсти
И ран живых не раздражай!

Иль нет! Сорви покров долой...

Мне легче горя своеволье,
Чем ложное холоднокровье,
Чем мой обманчивый покой!

1834

Денис Давыдов

Кривцову[579]

Не пугай нас, милый друг,
Гроба близким новосельем:
Право, нам таким бездельем
Заниматься недосуг.
Пусть остылой жизни чашу
Тянет медленно другой;
Мы ж утратим юность нашу
Вместе с жизнью дорогой;
Каждый у своей гробницы
Мы присядем на порог;
У пафосския царицы[580]
Свежий выпросим венок,
Лишний миг у верной лени,
Круговой нальем сосуд —
И толпою наши тени
К тихой Лете убегут.

---

[579] *Кривцов* Николай Иванович (1791—1841) — участник Отечественной войны, потерявший в сражении ногу. Стихотворение названо в рукописи: «К Анаксагору», по имени греческого философа, отказавшегося от радостей жизни и приговоренного к смертной казни по обвинению в оскорблении богов. Кривцов был одинок в личной жизни и слыл атеистом.
[580] Т. е. у Афродиты. *Пафо́с* — город на острове Кипр, где находился храм Афродиты.

Смертный миг наш будет светел;
И подруги шалунов
Соберут их легкой пепел
В урны праздные пиров.

1817

Александр Пушкин

* * *

Не рассуждай, не хлопочи!..
Безумство ищет, глупость судит:
Дневные раны сном лечи,
А завтра быть чему, то будет.

Живя, умей *всё* пережить:
Печаль, и радость, и тревогу.
Чего желать? О чем тужить?
День пережит — и слава Богу!

Июль 1850

Федор Тютчев

Стансы

К А. Бестужеву

Не сбылись, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей:

Горький жребий одиночества
Мне сужден в кругу людей.

Слишком рано мрак таинственный
Опыт грозный разогнал,
Слишком рано, друг единственный,
Я сердца людей узнал.

Страшно дней не ведать радостных,
Быть чужим среди своих,
Но ужасней истин тягостных
Быть сосудом с дней младых.

С тяжкой грустью, с черной думою
Я с тех пор один брожу
И могилою угрюмою
Мир печальный нахожу.

Всюду встречи безотрадные!
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные
Иль бессмысленных детей...

1824

Кондратий Рылеев (1795—1826)

Нарвский водопад

Несись с неукротимым гневом,
Мятежной влаги властелин!
Над тишиной окрестной ревом
Господствуй, бурный исполин!

Жемчужною, кипящей лавой,
За валом низвергая вал,
Сердитый, дикий, величавый,
Перебегай ступени скал!

Дождь брызжет от упорной сшибки
Волны, сразившейся с волной,
И влажный дым, как облак зыбкий,
Вдали их представляет бой.

Всё разъяренней, всё угрюмей
Летит, как гений непогод;
Я мыслью погружаюсь в шуме
Междоусобно-бурных вод.

Но как вокруг всё безмятежно
И, утомленные тобой,
Как чувства отдыхают нежно,
Любуясь сельской тишиной!

Твой ясный берег чужд смятенью,
На нем цветет весны краса,
И вместе миру и волненью
Светлеют те же небеса.

Но ты, созданье тайной бури,
Игралище глухой войны,
Ты не зерцало их лазури,
Вотще блестящей с вышины.

Противоречие природы,
Под грозным знаменем тревог,
В залоге вечной непогоды
Ты бытия приял залог.

Ворвавшись в сей предел спокойный,
Один свирепствуешь в глуши,
Как вдоль пустыни вихорь знойный,
Как страсть в святилище души.

Как ты, внезапно разразится,
Как ты, растет она в борьбе,
Терзает лоно, где родится,
И поглощается в себе.

Лето 1825, Ревель. Екатериненталь

Петр Вяземский

* * *

Не спеша меняйтеся, картины,
Шествуй, время, медленной стопою,
Чтобы день не минул ни единый
Пережит, но не замечен мною.

Тишина покоя и все шумы,
Жизнью наполняющие землю,
Злоба дня и вековые думы,
Смех и плач людские, — вам я внемлю.

В чутком сердце впечатленья живы;
Дверь ума открыта свету настежь...
Ты лишь, смерти призрак молчаливый,
Отойди немного, — ты мне застишь!

23 октября 1891. Стенькино

Алексей Жемчужников

Виноград

Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою весной:
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.

1824

Александр Пушкин

* * *

Не стонет справа от меня больной,
Хозяйка слева спорить перестала,
И дети улеглись в квартире надо мной,
И вот, кругом меня так тихо, тихо стало!

Газета дня передо мной раскрыта...
Она мне не нужна, я всю ее прочел:
По-прежнему в ходу ослиные копыта,
И за клочок сенца идет на пытку вол!

И так я утомлен отсутствием свободы;
Так отупел от доблестей людей,
Что крики кошек и возню мышей
Готов приветствовать, как голоса природы.

Константин Случевский

Минуты счастья

Не там отрадно счастье веет,
Где шум и царство суеты:
Там сердце скоро холодеет
И блекнут яркие мечты.

Но вечер тихий, образ нежный
И речи долгие в тиши
О всем, что будит ум мятежный
И струны спящие души, —

О, вот они, минуты счастья,
Когда, как зорька в небесах,
Блеснет внезапно луч участья
В чужих внимательных очах,

Когда любви горячей слово
Растет на сердце, как напев,
И с языка слететь готово,
И замирает, не слетев…

1865

Алексей Апухтин

* * *

Нет дня, чтобы душа не ныла,
Не изнывала б о былом,
Искала слов, не находила,
И сохла, сохла с каждым днем, —

Как тот, кто жгучею тоскою
Томился по краю родном
И вдруг узнал бы, что волною
Он схоронен на дне морском.[581]

23 ноября 1865

---

[581] Написано поэтом в день своего рождения и связано с воспоминанием о Е. А. Денисьевой.

Федор Тютчев

* * *

Нет, моего к тебе пристрастья
Я скрыть не в силах, мать-Земля...
Духóв бесплотных сладострастья,
Твой верный сын, не жажду я...
Что пред тобой утеха рая,
Пора любви, пора весны,
Цветущее блаженство мая,
Румяный свет, златые сны?..

Весь день в бездействии глубоком
Весенний, теплый воздух пить,
На небе чистом и высоком
Порою облака следить,
Бродить без дела и без цели
И ненароком, на лету,
Набресть на свежий дух синели[582]
Или на светлую мечту?..

1835

Федор Тютчев

* * *

---

[582] *Синель* — сирень.

Нет, не им твой дар священный!
Нет, не им твой чистый стих!
Нет, ты с песнью вдохновенной
Не пойдешь на рынок их!

Заглушишь ты дум отзывы,
И не дашь безумцам ты
Толковать твои порывы,
Клеветать твои мечты.

То, чем сердце трепетало,
Сбережешь ты от людей;
Не сорвешь ты покрывала
С девственной души своей.

Тайну грустных вдохновений
Не узнают никогда;
Ты, как призрак сновидений,
Пронесешься без следа.

Безглагольна перед светом,
Будешь петь в тиши ночей:
Гость ненужный в мире этом,
Неизвестный соловей.

1840

Каролина Павлова

* * *[583]

1

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье:
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

2

Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором:
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

3

Я говорю с подругой юных дней;
В твоих чертах ищу черты другие;
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.

1841

Михаил Лермонтов

---

[583] Высказывались предположения, что стихотворение относится к Софье Михайловне Соллогуб, жене писателя В. А. Соллогуба, или к Екатерине Быховец, дальней родственнице Лермонтова, с которой поэт встречался летом 1841 г. в Пятигорске. Лермонтов находил в ней сходство с В. А. Бахметевой (Лопухиной) — «подругой юных лет», горячо любимой поэтом.

* * *

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

.....
.....
.....
.....

Вы зрите лист и цвет на древе:
Иль их садовник приклеи́л?
Иль зреет плод в родимом чреве
Игрою внешних, чуждых сил?..

.....
.....
.....
.....[584]

Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах,
Для них и солнцы, знать, не дышат,
И жизни нет в морских волнах.

---

[584] Строфы 2 и 4 были запрещены цензурой. Пушкин настоял на том, чтобы они были заменены точками, так как отсутствие этих строф нарушало композиционную цельность стихотворения.

Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили,
И ночь в звездах нема была!

И языками неземными,
Волнуя реки и леса,
В ночи не совещалась с ними
В беседе дружеской гроза!

Не их вина: пойми, коль может,
Органа жизнь глухонемой!
Души его, ах! не встревожит
И голос матери самой!..

1836

Федор Тютчев

Четыре строки

Нет предела стремлению жадному...
Нет исхода труду безуспешному...
Нет конца и пути безотрадному...
Боже, милостив буди мне, грешному.

1861

Лев Мей

* * *

Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, виясь в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий!

О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склоняяся на долгие моленья,
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва ответствуешь, не внемлешь ничему
И оживляешься потом всё боле, боле —
И делишь наконец мой пламень поневоле!

1831

Александр Пушкин

Вдохновение

Не часто к нам слетает вдохновенье,
И краткий миг в душе оно горит;
Но этот миг любимец муз ценит,
Как мученик с землею разлученье.

В друзьях обман, в любви разуверенье

И яд во всем, чем сердце дорожит,
Забыты им: восторженный пиит[585]
Уж прочитал свое предназначенье.

И пре́зренный, гонимый от людей,
Блуждающий один под небесами,
Он говорит с грядущими веками;

Он ставит честь превыше всех частей,[586]
Он клевете мстит славою своей
И делится бессмертием с богами.

1822

Антон Дельвиг

* * *

Ни слава яркая, ни жизни мишура,
Ни кисти, ни резца бессмертные красоты,
Ни золотые дни, ни ночи серебра
Не в силах иногда согнать с души дремоты.

Но если с детских лет забывшийся напев
Коснется не́жданно притупленного слуха, —
Дают вдруг яркий цвет, чудесно уцелев,
Остатки прежних сил надломленного духа.

---

[585] *Пиит* — поэт.
[586] Слово «часть» имело также значение «счастье, удача».

Совсем ребяческие, старые тона,
Наивность слов простых, давным-давно известных,
Зовут прошедшее воспрянуть ото сна,
Явиться в обликах живых, хоть бестелесных.

И счастье прежних дней, и яркость прежних сил, —
То именно, что в нас свершило всё земное,
Вдруг из таинственно открывшихся могил
Сквозь песню высится: знакомое, живое...

Константин Случевский

Песнь узника[587]

Не слышно шуму городского,
В заневских башнях тишина!
И на штыке у часового
Горит полночная луна!

А бедный юноша! ровесник
Младым цветущим деревам,
В глухой тюрьме заводит песни
И отдает тоску волнам!

«Прости отчизна, край любезный!
Прости мой дом, моя семья!
Здесь за решеткою железной —

[587] В 1826 году Федор Глинка пребывал в заключении (по делу о декабристах) в Петропавловской крепости.

Уже не свой вам больше я!

Не жди меня отец с невестой,
Снимай венчальное кольцо;
Застынь мое навеки место;
Не быть мне мужем и отцом!

Сосватал я себе неволю,
Мой жребий — слезы и тоска!
Но я молчу, — такую долю
Взяла сама моя рука.

Откуда ж при́дет избавленье,
Откуда ждать беда́м конец?
Но есть на свете утешенье
И на святой Руси отец!

О русской царь! в твоей короне
Есть без цены драгой алмаз.
Он значит — милость! Будь на троне,
И, наш отец, помилуй нас!

А мы с молитвой крепкой к Богу
Падем все ниц к твоим стопам;
Велишь — и мы пробьем дорогу
Твоим победным знаменам».

Уж ночь прошла, с рассветом в злате
Давно день новый засиял!

А бедный узник в каземате[588] —
Всё ту же песню запевал!..

1826

Федор Глинка

* * *

Нет, силой не поднять тяжелого покрова
Седых небес…
Всё та же вдаль тропинка вьется снова,
Всё тот же лес.

И в глубине вопрос — вопрос единый
Поставил Бог.
О, если б ты хоть песней лебединой
Ответить мог!

Весь мир стоит застывшею мечтою,
Как в первый день.
Душа одна, и видит пред собою
Свою же тень.

1897

Владимир Соловьев

---

[588] *Каземат* — помещение в оборонительных сооружениях, защищенное от огня артиллерии; тюремное помещение для важных преступников.

Песня

«Не шей ты мне, матушка,
Красный сарафан,
Не входи, родимушка,
Попусту в изъян!

Рано мою косыньку
На две расплетать!
Прикажи мне русую
В ленту убирать!

Пущай, не покрытая
Шелковой фатой,
Очи молодецкие
Веселит собой!

То ли житье девичье,
Чтоб его менять,
Торопиться замужем
Охать да вздыхать?

Золотая волюшка
Мне милей всего!
Не хочу я с волюшкой
В свете ничего!»

«Дитя мое, дитятко,
Дочка милая!
Головка победная,

Неразумная!

Не век тебе пташечкой
Звонко распевать,
Легкокрылой бабочкой
По цветам порхать!

Заблекнут на щеченьках
Маковы цветы,
Прискучат забавушки —
Стоскуешься ты!

А мы и при старости
Себя веселим:
Младость вспоминаючи,
На детей глядим.

И я молодешенька
Была такова,
И мне те же в девушках
Пелися слова!»

1832

Николай Цыганов (1797—1831)

* * *

Ни отзыва, ни слова, ни привета, —
Пустынею меж нами мир лежит,

И мысль моя с вопросом без ответа
Испуганно над сердцем тяготит:

Ужель среди часов тоски и гнева
Прошедшее исчезнет без следа,
Как легкий звук забытого напева,
Как в мрак ночной упавшая звезда?

1867

Алексей Апухтин

Дождливое лето

Ни тучки нет на небосклоне,
Но крик петуший — бури весть,
И в дальнем колокольном звоне
Как будто слезы неба есть.

Покрыты слегшими трава́ми,
Не зыблют колоса поля,
И, пресыщенная дождями,
Не верит солнышку земля,

Под кровлей влажной и раскрытой
Печально праздное житье.
Серпа с косой, давно отбитой,
В углу тускнеет лезвие.

1857—1858

Афанасий Фет

Муха

Ничего не слышит ухо;
Ночь безмолвна, как в пустыне;
Всё уснуло, только муха
Где-то бьется в паутине.

Да еще среди молчанья
У меня, во мраке ночи,
Сердце, полное страданья,
Тоже бьется что есть мочи.

Но во мгле, в ночном покое,
Никому, увы! нет дела,
Что на сердце на больное
Пауком любовь насела.

И ни шелеста, ни звука —
Ничего не слышит ухо;
Только в сердце скорбь и мука,
И один товарищ — муха.

1860

Платон Кусков (1834—1909)

Голубая душегрейка

Слова для музыки

Ножка, ножка-чародейка,
Глазки девицы-души,
Голубая душегрейка, —
Как вы были хороши!..

Помню, помню, как, бывало,
В зимню пору, вечерком
Свет-красотка выбегала
Погулять со мной тайком!..

Пусть журила мать-старушка,
Пусть ворчал отец седой, —
Выпорхала их резвушка
Птичкой вольной и живой.

Помню радость жданной встречи,
Нежный взгляд, невольный страх,
Помню ласковые речи
И румянец на щеках.

Помню беленькую ручку,
Перстенек из бирюзы,
Помню песню-самоучку,
Детский смех и блеск слезы.

Помню муку расставанья
И прощальный поцелуй...

Эх, молчи, воспоминанье!..
Полно, сердце, не тоскуй!..

Не вернуть тебе былого,
Стары годы не придут!
Жадных уст моих уж снова
Поцелуи не сожгут!

Ножка, ножка чародейка,
Глазки девицы-души,
Голубая душегрейка, —
Как вы были хороши!..

Январь или начало февраля 1855

Евдокия Растопчина

Утес

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

1841

Михаил Лермонтов

* * *

Ночи безумные, ночи бессонные,
Речи несвязные, взоры усталые…
Ночи, последним огнем озаренные,
Осени мертвой цветы запоздалые!

Пусть даже время рукой беспощадною
Мне указало, что было в вас ложного,
Всё же лечу я к вам памятью жадною,
В прошлом ответа ищу невозможного…

Вкрадчивым шепотом вы заглушаете
Звуки дневные, несносные, шумные…
В тихую ночь вы мой сон отгоняете,
Ночи бессонные, ночи безумные!

1876

Алексей Апухтин

* * *

Ночное небо так угрюмо,
Заволокло со всех сторон.
То не угроза и не дума,
То вялый, безотрадный сон.

Одни зарницы огневые,
Воспламеняясь чередой,
Как демоны глухонемые,
Ведут беседу меж собой.

Как по условленному знаку,
Вдруг неба вспыхнет полоса,
И быстро выступят из мраку
Поля и дальние леса.
И вот опять всё потемнело,
Всё стихло в чуткой темноте —
Как бы таинственное дело
Решалось там — на высоте.

18 августа 1865

Федор Тютчев

* * *

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.
Вот взошла луна златая,
Тише... чу... гитары звон...
Вот испанка молодая
Оперлася на балкон.

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Скинь мантилью, ангел милый,
И явись как яркий день!
Сквозь чугунные перилы
Ножку дивную продень!

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

1824

Александр Пушкин

Венецианская ночь[589]

(Фантазия)

П. А. Плетневу[590]

Ночь весенняя дышала

---

[589] Вскоре после появления в печати стихотворение приобрело широкую популярность. Оно прочно вошло в музыкальный быт. Так, например, А. П. Керн, жившая летом 1825 г. в Тригороком, пела «Венецианскую ночь» «на голос гондольерского речитатива», как об этом сообщал Пушкин в письме к Плетневу (ок. 19 июля 1825 г.). Характерно, что М. И. Глинка, будучи в начале тридцатых годов в Венеции, вспомнил о стихотворении Козлова и положил на музыку его первые три строфы.
[590] *Плетнев* Петр Александрович (1792—1865) —поэт и критик, близкий друг Козлова.

Светло-южною красой;
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной;
Отражен волной огнистой
Блеск прозрачных облаков,
И восходит пар душистой
От зеленых берегов.

Свод лазурный, томный ропот
Чуть дробимыя волны,
Померанцев, миртов шепот
И любовный свет луны,
Упоенья аромата
И цветов и свежих трав,
И вдали напев Торквата
Гармонических октав[591] —

Всё вливает тайно радость,
Чувствам снится дивный мир,
Сердце бьется, мчится младость
На любви весенний пир;
По вода́м скользят гондолы,
Искры брызжут под веслом,
Звуки нежной баркаролы[592]
Веют легким ветерком.

---

[591] Венецианские гондольеры пели мелодии на стихи из поэмы Торквато Тассо (1544—1595) «Освобожденный Иерусалим», написанной октавами (строфа, состоящая из восьми строк).
[592] *Баркарола*— песня лодочника, рыбака; название вокальных и инструментальных пьес певучего характера.

Что же, что не видно боле
Над игривою рекой
В светло-убранной гондоле
Той красавицы младой,
Чья улыбка, образ милый
Волновали все сердца
И пленяли дух унылый
Исступленного певца?[593]

Нет ее: она тоскою
В замок свой удалена;
Там живет одна с мечтою,
Тороплива и мрачна.
Не мила ей прелесть ночи,
Не манит сребристый ток,
И задумчивые очи
Смотрят томно на восток.

Но густее тень ночная;
И красот цветущий рой,
В неге страстной утопая,
Покидает пир ночной.
Стихли пышные забавы,
Всё спокойно на реке,
Лишь Торкватовы октавы

[593] Строфы 4—12 стихотворения, вероятно, навеяны эпизодами из жизни Байрона в Венеции, куда он переехал из Англии в 1816 г. Байрон назван «исступленным певцом», певцом «свободы и любви». В образе «красавицы младой», по-видимому, отразились романтические представления Козлова о графине Терезе Гвиччиоли, возлюбленной Байрона, с которой он расстался, отправившись в свое последнее путешествие в Грецию.

Раздаются вдалеке.

Вот прекрасная выходит
На чугунное крыльцо;
Месяц бледно луч наводит
На печальное лицо;
В русых локонах небрежных
Рисовался легкий стан,
И на персях белоснежных
Изумрудный талисман!

Уж в гондоле одинокой
К той скале она плывет,
Где под башнею высокой
Море бурное ревет.
Там певца воспоминанье
В сердце пламенном живей,
Там любви очарованье
С отголоском прежних дней.

И в мечтах она внимала,
Как полночный вещий бой
Медь гудящая сливала
С вечно-шумною волной.
Не мила ей прелесть ночи,
Душен свежий ветерок,
И задумчивые очи
Смотрят томно на восток.

Тучи тянутся грядою,
Затмевается луна;
Ясный свод оделся мглою;
Тма внезапная страшна.
Вдруг гондола осветилась,
И звезда на высоте
По востоку покатилась
И пропала в темноте.

И во тме с востока веет
Тихогласный ветерок;
Факел дальний пламенеет, —
Мчится по морю челнок.
В нем уныло молодая
Тень знакомая сидит,
Подле арфа золотая,
Меч под факелом блестит.

Не играйте, не звучите,
Струны дерзкие мои:
Славной тени не гневите!..
О! свободы и любви
Где же, где певец чудесный?
Иль его не сыщет взор?
Иль угас огонь небесный,
Как блестящий метеор?

1825

Иван Козлов

* * *

Ночь. Всё тихо. Только звезды
Неусыпные блестят
И в струях реки зеркальной
И мелькают, и дрожат;
Да порою пробегает
Легкий трепет по листам
Или сонный жук лениво
Прожужжит привет цветам.
Полно нам с тобой так поздно
Под деревьями сидеть
И с мечтой неисполнимой
Грустно на небо смотреть
И, как детям, любоваться
И звездами, и рекой:
О другом давно пора уж
Нам подумать бы с тобой.
Посмотри, ведь ты седеешь,
Да и я уж не дитя;
Путь далек, притом не гладок, —
Не пройдешь его шутя!
И не вечно будут звезды
Нам так ласково сверкать:
То и жди, беда, как туча,
Набежит на нас опять...
Вот и надобно подумать,

Чтобы нас она врасплох
Не застала, чтоб рассудок
Силы нам собрать помог,
Чтоб взглянуть в глаза несчастью
С думой смелой и прямой,
Чтоб не пасть нам перед горем,
А возвыситься душой...

1848

Юлия Жадовская

* * *

Ночь лазурная смотрит на скошенный луг.
Запах роз под балконом и сена вокруг;
Но зато ль, что отрады не жду впереди, —
Благодарности нет в истомленной груди.

Всё далекий, давнишний мне чудится сад, —
Там и звезды крупней, и сильней аромат,
И ночных благовоний живая волна
Там доходит до сердца, истомы полна.

Точно в нежном дыханьи травы и цветов
С ароматом знакомым доносится зов,
И как будто вот-вот кто-то милый опять
О восторге свиданья готов прошептать.

12 июня 1892. Воробьевка

Афанасий Фет

Колокольчик

Ночь нема, как дух бесплотный,
Теплый воздух онемел;
Но как будто мимолетный
Колокольчик прозвенел.

Тот ли это, что мешает
Вдалеке лесному сну
И, качаясь, набегает
На ночную тишину?

Или этот, чуть заметный
В цветнике моем и днем,
Узкодонный, разноцветный,
На тычинке под окном?

1859

Афанасий Фет

Ночь

Ночь, — приди, меня покрой
Тишиною и забвеньем,
Обольсти меня виденьем,
Отдых дай мне, дай покой!

Пусть ко мне слетит во сне
Утешитель мой ничтожный,
Призрак быстрый, призрак ложный,
Легкий призрак милых мне!

Незабвенных, дорогих
Наслажуся разговором:
Повстречаюся с их взором,
Уловлю улыбку их!

Предо мной моя семья:
Позабыты все печали,
Узы будто не бывали,
Будто не в темнице я![594]

1828

Вильгельм Кюхельбекер

* * *

Ночь пролетала над миром,
Сны на людей навевая;
С темно-лазоревой ризы
Сыпались звезды, сверкая.

Старые мощные дубы,

[594] Стихотворение написано в заключении, в арестантских ротах в Динабурге (совр. Даугавпилс), куда Кюхельбекер был переведен из Шлиссельбургской крепости.

Вечнозеленые ели,
Грустные ивы листвою
Ночи навстречу шумели.

Радостно волны журчали,
Образ ее отражая;
Рожь наклонялась, сильнее
Пахла трава луговая.

Крики кузнечиков резвых
И соловьиные трели,
В хоре хвалебном сливаясь,
В воздухе тихом звенели,

И улыбалася кротко
Ночь, над землей пролетая...
С темно-лазуревой ризы
Сыпались звезды, сверкая...

Июль 1862

Алексей Плещеев

В листопад

Ночь светла, хоть звезд не видно,
Небо скрыто облаками,
Роща темная бушует
И бичуется ветвями.

По дороге ветер вьется,
Листья скачут вдоль дороги,
Как бессчетные пигмеи
К великану, мне, под ноги.

Нет, неправда! То не листья,
Это — маленькие люди:
Бьются всякими страстями
Их раздавленные груди...

Нет, не люди, не пигмеи!
Это — бывшие страданья,
Облетевшие мученья
И поблекшие желанья...

Всех их вместе ветер гонит
И безжалостно терзает!
Вся дорога змеем темным
Под роями их мелькает...

Нет конца змее великой...
Вьется, бьется, копошится,
В даль и темень уползает,
Но никак не может скрыться.

Константин Случевский

Ночью

Ночь темна и тепла;

Благодатная мгла
На долины легла.

Горы в дымке ночной
Восстают предо мной
Необъятной стеной.

Вышина! Тишина!
Люди… Ночь их полна
Обаянием сна.

Но где шум их заглох, —
Принимают мой вздох
И природа и Бог.

Владимир Бенедиктов

Зимний путь

Ночь холодная мутно глядит
Под рогожу кибитки моей,
Под полозьями поле скрипит,
Под дугой колокольчик гремит,
А ямщик погоняет коней.

За горами, лесами, в дыму облаков
Светит пасмурный призрак луны.
Вой протяжный голодных волков
Раздается в тумане дремучих лесов. —
Мне мерещатся странные сны.

Мне всё чудится: будто скамейка стоит,
На скамейке старуха сидит,
До полуночи пряжу прядет,
Мне любимые сказки мои говорит,
Колыбельные песни поет.

И я вижу во сне, как на волке верхом
Еду я по тропинке лесной
Воевать с чародеем-царем
В ту страну, где царевна сидит под замком,
Изнывая за крепкой стеной.

Там стеклянный дворец окружают сады,
Там жар-птицы поют по ночам
И клюют золотые плоды,
Там журчит ключ живой и ключ мертвой воды —
И не веришь и веришь очам.

А холодная ночь так же мутно глядит
Под рогожу кибитки моей,
Под полозьями поле скрипит,
Под дугой колокольчик гремит,
И ямщик погоняет коней.

1844

Яков Полонский

* * *

Ну вот — всё ладится, идет всё понемногу
Вперед. Надежда есть: жить будем, слава Богу!
Вот и устроились! — И светлый день блестит
В грядущем... Поглядишь — и рухнет всё мгновенно,
И всё, что строил ты так долго, постепенно,
В один прекрасный день всё к черту полетит!

Владимир Бенедиктов

* * *[595]

Чацкий

Кричи, чтобы скорее подавали.

(Лакей уходит.)

Ну вот и день прошел, и с ним
Все призраки, весь чад и дым
Надежд, которые мне душу наполняли.
Чего я ждал? что думал здесь найти?
Где прелесть эта встреч? участье в ком живое?
Крик! радость! обнялись! — Пустое.
В повозке так-то на пути
Необозримою равниной, сидя праздно,
Всё что-то видно впереди
Светло, синё, разнообразно;

[595] Отрывок из комедии «Горе от ума» (действие IV, явление 3).

И едешь час, и два, день целый, вот резвó
Домчались к отдыху; ночлег: куда ни взглянешь,
Всё та же гладь, и степь, и пусто, и мертво…
Досадно, мочи нет, чем больше думать станешь.

1825

Александр Грибоедов (1795—1829)

С курьерским поездом

1

«Ну, как мы встретимся? — невольно думал он,
По снегу рыхлому к вокзалу подъезжая. —
Уж я не юноша и вовсе не влюблен…
Зачем же я дрожу? Ужели страсть былая
Опять как ураган ворвется в грудь мою
Иль только разожгли меня воспоминанья?»
И опустился он на мерзлую скамью,
Исполнен жгучего, немого ожиданья.
Давно, давно, еще студентом молодым,
Он с нею встретился в глуши деревни дальней.
О том, как он любил и как он был любим
Любовью первою, глубокой, идеальной,
Как планы смелые чертила с ним она,
Идее и любви всем жертвовать умея, —
Про то никто не знал, а знала лишь одна
Высоких тополей тенистая аллея.
Пришлось расстаться им, прошел несносный год.

Он курс уже кончал, и новой, лучшей доли
Была близка пора… И вдруг он узнает,
Что замужем она, и вышла против воли.
Чуть не сошел с ума, едва не умер он,
Давал нелепые, безумные обеты,
Потом оправился… С прошедшим примирен,
Писал ей изредка и получал ответы;
Потом в тупой борьбе с лишеньями, с нуждой
Прошли бесцветные, томительные годы;
Он привыкал к цепям, и образ дорогой
Лишь изредка блестел лучом былой свободы,
Потом бледнел, бледнел, потом совсем угас.
И вот, как одержал над сердцем он победу,
Как в тине жизненной по горло он погряз, —
Вдруг весть нежданная: «Муж умер, и я еду».
— «Ну, как мы встретимся?» А поезд опоздал….
Как ожидание бывает нестерпимо!
Толпою пестрою наполнился вокзал,
Гурьба артельщиков прошла, болтая, мимо,
А поезда всё нет, пора б ему прийти!
Вот раздался́ свисток, дым по дороге взвился…
И, тяжело дыша, как бы устав в пути,
Железный паровоз пред ним остановился.

2

«Ну, как мы встретимся?» — так думала она,
Пока на всех порах курьерский поезд мчался.
Уж зимний день глядел из тусклого окна,
Но убаюканный вагон не просыпался.

Старалась и она заснуть в ночной тиши,
Но сон, упрямый сон бежал всё время мимо:
Со дна глубокого взволнованной души
Воспоминания рвались неудержимо.
Курьерским поездом, спеша Бог весть куда,
Промчалась жизнь ее без смысла и без цели,
Когда-то, в лучшие, забытые года,
И в ней горел огонь, и в ней мечты кипели!
Но в обществе тупом, средь чуждых ей натур
Тот огонек задут безжалостной рукою:
Покойный муж ее был грубый самодур,
Он каждый сердца звук встречал насмешкой злою.
Был человек один. — Тот понял, тот любил…
А чем она ему ответила? — Обманом…
Что ж делать? Для борьбы ей не хватило сил,
Да и могла ль она бороться с целым станом?
И вот увидеться им снова суждено…
Как встретятся они? Он находил когда-то
Ее красавицей, но это так давно…
Изменят хоть кого утрата за утратой!
А впрочем… Не блестя, как прежде, красотой,
Черты остались те ж, и то же выраженье…
И стало весело ей вдруг при мысли той,
Всё оживилося в ее воображеньи!
Сидевший близ нее и спавший пассажир
Качался так смешно, с осанкой генерала,
Что, глядя на него и на его мундир,
Бог знает отчего, она захохотала.
Но вот проснулись все, — теперь уж не заснуть…
Кондуктор отобрал с достоинством билеты;

Вот фабрики пошли, свисток — и кончен путь.
Объятья, возгласы, знакомые приветы…
Но где же, где же он? Не видно за толпой,
Но он, конечно, здесь… О, Боже, неужели
Тот, что глядит сюда, вон этот, пожилой,
С очками синими и в меховой шинели?

3

И встретились они, и поняли без слов,
Пока слова текли обычной чередою,
Что бремя прожитых бессмысленно годов
Меж ними бездною лежало роковою.
О, никогда еще потраченные дни
Среди чужих людей, в тоске уединенья,
С такою ясностью не вспомнили они,
Как в это краткое и горькое мгновенье!
Недаром злая жизнь их гнула до земли,
Забрасывая их слоями грязи, пыли…
Заботы на лице морщинами легли,
И думы серебром их головы покрыли!
И поняли они, что жалки их мечты,
Что под туманами осеннего ненастья
Они — поблекшие и поздние цветы —
Не возродятся вновь для солнца и для счастья!
И вот, рука в руке и взоры опустив,
Они стоят в толпе, боясь прервать молчанье…
И в глубь минувшего, в сердечный их архив
Уже уходит прочь еще воспоминанье!
Ему припомнилась та мерзлая скамья,

Где ждал он поезда в волнении томящем,
Она же думала, тревогу затая:
«Как было хорошо, когда в вагоне я
Смеялась от души над пассажиром спящим!»

Начало 1870-х годов

Алексей Апухтин

Песня пахаря

Ну! тащися, сивка,
Пашней, десятиной,[596]
Выбелим железо
О сырую землю.

Красавица зорька
В небе загорелась,
Из большого леса
Солнышко выходит.

Весело на пашне.
Ну, тащися, сивка!
Я сам-друг[597] с тобою,
Слуга и хозяин.

Весело я лажу
Борону и соху,

[596] *Десятина* — русская единица земельной площади, равная 2 400 кв. саженям или 1,09 гектара.
[597] *Сам-друг* — вдвоем с кем либо.

Телегу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вею...
Ну! тащися, сивка!

Пашенку мы рано
С сивкою распашем,
Зернышку сготовим
Колыбель святую.

Его вспоит, вскормит
Мать-земля сырая;
Выйдет в поле травка —
Ну! тащися, сивка!

Выйдет в поле травка —
Вырастет и колос,
Станет спеть, рядиться
В золотые ткани.

Заблестит наш серп здесь,
Зазвенят здесь косы;
Сладок будет отдых
На снопах тяжелых!

Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,

Напою водою,
Водой ключевою.

С тихою молитвой
Я вспашу, посею.
Уроди мне, Боже,
Хлеб — мое богатство!

26 ноября 1831

Алексей Кольцов (1809—1842)

* * *

Обвеян вещею дремотой,
Полураздетый лес грустит...
Из летних листьев разве сотый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на ветви шелестит.

Гляжу с участьем умиленным,
Когда, пробившись из-за туч,
Вдруг по деревьям испещренным,
С их ветхим листьем изнуренным,
Молниевидный брызнет луч!

Как увядающее мило!
Какая прелесть в нем для нас,
Когда, что так цвело и жило,
Теперь, так немощно и хило,

В последний улыбнется раз!..

15 сентября 1850

Федор Тютчев

* * *

Облаком волнистым
Пыль встает вдали;
Конный или пеший —
Не видать в пыли!

Вижу: кто-то скачет
На лихом коне.
Друг мой, друг далекий,
Вспомни обо мне!

1843

Афанасий Фет

* * *

О вещая душа моя,[598]
О сердце, полное тревоги, —
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

---

[598] *Вещая душа моя* — выражение из «Слова о полку Игореве».

Так ты — жилица двух миров,[599]
Твой день — болезненный и страстный,
Твой сон — пророчески-неясный,
Как откровение духов...

Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые —
Душа готова, как Мария,[600]
К ногам Христа навек прильнуть.

1855

Федор Тютчев

К Овидию[601]

Овидий, я живу близ тихих берегов,
Которым изгнанных отеческих богов
Ты некогда принес и пепел свой оставил.
Твой безотрадный плач места сии прославил;
И лиры нежный глас еще не онемел;
Еще твоей молвой наполнен сей предел.
Ты живо впечатлел в моем воображенье

---

[599] По-видимому, обращение к Е. А. Денисьевой.
[600] *Мария* — сестра Лазаря, которая, по Библии, припала к ногам Христа, прося о воскрешении умершего брата (Иоанн, 11.32). Она слушала слово Христа, сидя у ног его, в то время как ее сестра Марфа «заботилась о большом угощении». Когда Марфа сказала Христу: «Господи!.. Скажи ей (Марии), чтобы помогла мне», тот ответил: «Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно. Мария же избрала благую участь, которая не отнимется у нее» (Лука, 10. 39-42). Именно этот эпизод имел в виду Тютчев, ибо его стихотворение также построено на противопоставлении мирской суеты святому делу души.
[601] В послании Пушкин сопоставляет свою судьбу с судьбой сосланного в те же места, к берегам Черного моря, Овидия Назона, и противопоставляет «Скорбным элегиям» римского поэта свою «непреклонную лиру» и «гордую совесть».

Пустыню мрачную, поэта заточенье,
Туманный свод небес, обычные снега
И краткой теплотой согретые луга.
Как часто, увлечен унылых струн игрою,
Я сердцем следовал, Овидий, за тобою!
Я видел твой корабль игралищем валов
И якорь, верженный близ диких берегов,
Где ждет певца любви жестокая награда.
Там нивы без теней, холмы без винограда;
Рожденные в снегах для ужасов войны,
Там хладной Скифии свирепые сыны,
За Истром[602] утаясь, добычи ожидают
И селам каждый миг набегом угрожают.
Преграды нет для них: в волнах они плывут
И по́ льду звучному бестрепетно идут.
Ты сам (дивись, Назон, дивись судьбе превратной!),
Ты, с юных лет презрев волненье жизни ратной,
Привыкнув розами венчать свои власы
И в неге провождать беспечные часы,
Ты будешь принужден взложить и шлем тяжелый,
И грозный меч хранить близ лиры оробелой.
Ни дочерь, ни жена, ни верный сонм друзей,
Ни музы, легкие подруги прежних дней,
Изгнанного певца не усладят печали.
Напрасно грации стихи твои венчали,
Напрасно юноши их помнят наизусть:
Ни слава, ни лета, ни жалобы, ни грусть,
Ни песни робкие Октавия не тронут;[603]

---

[602] *Истр* — Дунай.
[603] *Октавий* — римский властитель Октавиан Август.

Дни старости твоей в забвении потонут.
Златой Италии роскошный гражданин,
В отчизне варваров безвестен и один,
Ты звуков родины вокруг себя не слышишь;
Ты в тяжкой горести далекой дружбе пишешь:
«О, возвратите мне священный град отцов
И тени мирные наследственных садов!
О други, Августу мольбы мои несите,
Карающую длань слезами отклоните,
Но если гневный бог досель неумолим
И век мне не видать тебя, великий Рим, —
Последнею мольбой смягчая рок ужасный,
Приближьте хоть мой гроб к Италии прекрасной!»
Чье сердце хладное, презревшее харит,
Твое уныние и слезы укорит?
Кто в грубой гордости прочтет без умиленья
Сии элегии, последние творенья,
Где ты свой тщетный стон потомству передал?

Суровый славянин, я слез не проливал,
Но понимаю их; изгнанник самовольный,
И светом, и собой, и жизнью недовольный,
С душой задумчивой я ныне посетил
Страну, где грустный век ты некогда влачил.
Здесь, оживив тобой мечты воображенья,
Я повторил твои, Овидий, песнопенья
И их печальные картины поверял;
Но взор обманутым мечтаньям изменял.
Изгнание твое пленяло втайне очи,
Привыкшие к снегам угрюмой полуночи.

Здесь долго светится небесная лазурь;
Здесь кратко царствует жестокость зимних бурь.
На скифских берегах переселенец новый,
Сын юга, виноград блистает пурпуровый.
Уж пасмурный декабрь на русские луга
Слоями расстилал пушистые снега;
Зима дышала там — а с вешней теплотою
Здесь солнце ясное катилось надо мною;
Младою зеленью пестрел увядший луг;
Свободные поля взрывал уж ранний плуг;
Чуть веял ветерок, под вечер холодея;
Едва прозрачный лед, над озером тускнея,
Кристаллом покрывал недвижные струи.
Я вспомнил опыты несмелые твои,
Сей день, замеченный крылатым вдохновеньем,
Когда ты в первый раз вверял с недоуменьем
Шаги свои волнам, окованным зимой...
И по́ льду новому, казалось, предо мной
Скользила тень твоя, и жалобные звуки
Неслися издали, как томный стон разлуки.

Утешься; не увял Овидиев венец!
Увы, среди толпы затерянный певец,
Безвестен буду я для новых поколений,
И, жертва темная, умрет мой слабый гений
С печальной жизнию, с минутною молвой...
Но если, обо мне потомок поздний мой
Узнав, придет искать в стране сей отдаленной
Близ праха славного мой след уединенный —
Брегов забвения оставя хладну сень,

К нему слетит моя признательная тень,
И будет мило мне его воспоминанье.
Да сохранится же заветное преданье:
Как ты, враждующей покорствуя судьбе,
Не славой — участью я равен был тебе.
Здесь, лирой северной пустыни оглашая,
Скитался я в те дни, как на брега Дуная
Великодушный грек свободу вызывал,
И ни единый друг мне в мире не внимал;
Но чуждые холмы, поля и рощи сонны,
И музы мирные мне были благосклонны.

1821

Александр Пушкин

* * *

О, говори хоть ты со мной,
Подруга семиструнная!
Душа полна такой тоской,
А ночь такая лунная!

Вон там звезда одна горит
Так ярко и мучительно,
Лучами сердце шевелит,
Дразня его язвительно.

Чего от сердца нужно ей?

Ведь знает без того она,
Что к ней тоскою долгих дней
Вся жизнь моя прикована…

И сердце ведает мое,
Отравою облитое,
Что я впивал в себя ее
Дыханье ядовитое…

Я от зари и до зари
Тоскую, мучусь, сетую…
Допой же мне — договори
Ты песню недопетую.

Договори сестры твоей
Все недомолвки странные…
Смотри: звезда горит ярчей…
О, пой, моя желанная!

И до зари готов с тобой
Вести беседу эту я…
Договори лишь мне, допой
Ты песню недопетую!

1857

Аполлон Григорьев

Рассвет в деревне

Огонь, огонь! На небесах огонь!
Роса дымится, в воздух отлетая;
По грудь в реке стоит косматый конь,
На ранний ветер уши навостряя.
По длинному селу, сквозь дымку темноты,
Идет обоз с богатой кладью жита;
А за селом погост и низкие кресты,
И церковь древняя, чешуйками покрыта...
Вот ставней хлопнули: в окне старик седой
Глядит и крестится на первый луч рассвета;
А вот и девушка извилистой тропой
Идет к реке, огнем зари пригрета.
Готово солнце встать в мерцающей пыли,
Крепчает пенье птиц под бесконечным сводом,
И тянет от полей гвоздикою и медом
И теплой свежестью распаханной земли...

Константин Случевский

* * *

О дева-роза, я в оковах;
Но не стыжусь твоих оков:
Так соловей в кустах лавровых,
Пернатый царь лесных певцов,
Близ розы гордой и прекрасной
В неволе сладостной живет
И нежно песни ей поет
Во мраке ночи сладострастной.

1824

Александр Пушкин

Жнецы

Однажды вечерел прекрасный летний день,
Дышала негою зеленых рощей тень.
Я там бродил один, где синими волнами
От Кунцевских холмов, струяся под Филями,
Шумит Москва-река; и дух пленялся мой
Занятья сельского священной простотой,
Богатой жатвою в душистом тихом поле
И песнями жнецов, счастливых в бедной доле.
Их острые серпы меж нив везде блестят,
Колосья желтые под ними вкруг лежат,
И, собраны жнецов женами молодыми,
Они уж связаны снопами золотыми;
И труд полезный всем, далекий от тревог,
Улыбкою отца благословляет Бог.

Уж солнце гаснуло, багровый блеск бросая;
На жниве кончилась работа полевая,
Радушные жнецы идут уже домой.
Один, во цвете лет, стоял передо мной.
Его жена мой взор красою удивляла;
С младенцем радостным счастливая играла
И в кудри темные вплетала васильки,
Колосья желтые и алые цветки.

А жнец на них смотрел, и вид его веселый
Являл, что жар любви живит удел тяжелый;
В отрадный свой приют уже сбирался он...
С кладбища сельского летит вечерний звон, —
И к тихим небесам взор пылкий устремился:
Отец и муж, душой за милых он молился,
Колена преклонив. Дум набожных полна,
Младенца ясного взяла его жена,
Ручонки на груди крестом ему сложила,
И, мнилось, благодать их свыше осенила.

Но дремлет всё кругом; серебряный туман
Таинственной луной рассыпан по снопам,
Горит небесный свод нетленными звездами, —
Час тайный на полях, час тайный над волнами.
И я под ивою сидел обворожен,
И думал: в жатве той я видел райский сон.
И много с той поры, лет много миновало,
Затмилась жизнь моя, — но чувство не увяло.
Томленьем сокрушен, в суровой тме ночей,
То поле, те жнецы — всегда в душе моей;
И я, лишенный ног, и я, покинут зреньем, —
Я сердцем к ним стремлюсь, лечу воображеньем,
Моленье слышу их, — и сельская чета
Раздумья моего любимая мечта.

1836

Иван Козлов

* * *[604]

Однажды, в студеную зимнюю пору
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведет под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!
«Здорово парнище!» «Ступай себе мимо!»
«Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки?» «Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу».
(В лесу раздавался топор дровосека.)
«А что, у отца-то большая семья?»
«Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...»
«Так вон оно что! А как звать тебя?» «Власом».
«А кой тебе годик?» «Шестой миновал...
Ну, мертвая!» — крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрей зашагал.
На эту картину так солнце светило,
Ребенок был так уморительно мал,
Как будто всё это картонное было,
Как будто бы в детский театр я попал!
Но мальчик был мальчик живой, настоящий,
И дровни,[605] и хворост, и легонький конь,

---

[604] Из: «Крестьянские дети».
[605] *Дровни* — крестьянские сани без кузова для перевозки дров, грузов.

И снег, до окошек деревни лежащий,
И зимнего солнца холодный огонь —
Всё, всё настоящее русское было,
С клеймом нелюдимой, мертвящей зимы,
Что русской душе так мучительно мило,
Что русские мысли вселяет в умы,
Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти — дави не дави,
В которых так много и злобы и боли,
    В которых так много любви!

1861

Николай Некрасов

Странник[606]

I

Однажды странствуя среди долины дикой,
Незапно был объят я скорбию великой
И тяжким бременем подавлен и согбен,
Как тот, кто на суде в убийстве уличен.
Потупя голову, в тоске ломая руки,
Я в воплях изливал души пронзенной муки
И горько повторял, метаясь как больной:
«Что делать буду я? что станется со мной?»

[606] Пушкин обозначил это произведение в своих записях «Из Bunyan» (Из Беньяна). «Странник» является вольным переложением начала 1-й главы прозаического произведения «Путешествие пилигрима» английского сектанта и проповедника Джона Беньяна (1628—1688). Однако «Странник» Пушкина произведение законченное.

II

И так я, сетуя, в свой дом пришел обратно.
Уныние мое всем было непонятно.
При детях и жене сначала я был тих
И мысли мрачные хотел таить от них:
Но скорбь час от часу меня стесняла боле;
И сердце наконец раскрыл я поневоле.

«О горе, горе нам! Вы, дети, ты жена! —
Сказал я, — ведайте: моя душа полна
Тоской и ужасом, мучительное бремя
Тягчит меня. Идет! уж близко, близко время:
Наш город пламени и ветрам обречен;
Он в угли и золу вдруг будет обращен,
И мы погибнем все, коль не успеем вскоре
Обресть убежище; а где? о горе, горе!»

III

Мои домашние в смущение пришли
И здравый ум во мне расстроенным почли.
Но думали, что ночь и сна покой целебный
Охолодят во мне болезни жар враждебный.
Я лег, но во всю ночь всё плакал и вздыхал
И ни на миг очей тяжелых не смыкал.
Поутру я один сидел, оставя ложе.
Они пришли ко мне; на их вопрос я то же,
Что прежде, говорил. Тут ближние мои,

Не доверяя мне, за должное почли
Прибегнуть к строгости. Они с ожесточеньем
Меня на правый путь и бранью и презреньем
Старались обратить. Но я, не внемля им,
Всё плакал и вздыхал, унынием тесним.
И наконец они от крика утомились
И от меня, махнув рукою, отступились
Как от безумного, чья речь и дикий плач
Докучны, и кому суровый нужен врач.

IV

Пошел я вновь бродить — уныньем изнывая
И взоры вкруг себя со страхом обращая,
Как узник, из тюрьмы замысливший побег,
Иль путник, до дождя спешащий на ночлег.
Духовный труженик — влача свою веригу,[607]
Я встретил юношу, читающего книгу.
Он тихо поднял взор — и вопросил меня,
О чем, бродя один, так горько плачу я?
И я в ответ ему: «Познай мой жребий злобный:
Я осужден на смерть и позван в суд загробный —
И вот о чем крушусь: к суду я не готов,
И смерть меня страшит.»
«Коль жребий твой таков, —
Он возразил, — и ты так жалок в самом деле,
Чего ж ты ждешь? зачем не убежишь отселе?»
И я: «Куда ж бежать? какой мне выбрать путь?»

---

[607] *Вериги* — тяжелые железные цепи, обручи и т. п., носимые на голом теле христианскими аскетами с целью «умерщвления плоти».

Тогда: «Не видишь ли, скажи, чего-нибудь» —
Сказал мне юноша, даль указуя перстом.
Я оком стал глядеть болезненно-отверстым,
Как от бельма врачом избавленный слепец.
«Я вижу некий свет», — сказал я наконец.
«Иди ж, — он продолжал; — держись сего ты света;
Пусть будет он тебе единственная мета,[608]
Пока ты тесных врат спасенья не достиг,
Ступай!» — И я бежать пустился в тот же миг.

V

Побег мой произвел в семье моей тревогу,
И дети и жена кричали мне с порогу,
Чтоб воротился я скорее. Крики их
На площадь привлекли приятелей моих;
Один бранил меня, другой моей супруге
Советы подавал, иной жалел о друге,
Кто поносил меня, кто на смех подымал,
Кто силой воротить соседям предлагал;
Иные уж за мной гнались; но я тем боле
Спешил перебежать городовое поле,
Дабы́ скорей узреть — оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата.

1835

Александр Пушкин

---

[608] *Мета* — цель, предмет стремлений.

* * *

Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слегка,
И уныло по ровному полю
Разливается песнь ямщика.

Столько грусти в той песне унылой,
Столько грусти в напеве родном,
Что в душе моей хладной, остылой
Разгорелося сердце огнем.

И припомнил я ночи иные
И родные поля и леса,
И на очи, давно уж сухие,
Набежала, как искра, слеза.

Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слегка.
И замолк мой ямщик, а дорога
Предо мной далека, далека…

Николай Макаров (1810—1890)

* * *

О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной,
Коварный лепет твой, улыбку, взор случайный,
Перстам послушную волос густую прядь

Из мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, один, никем не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
В словах, которые произносила ты;
Шептать и поправлять былые выраженья
Речей моих с тобой, исполненных смущенья,
И в опьянении, наперекор уму,
Заветным именем будить ночную тьму.

1844

Афанасий Фет

Ласточка

О домовитая ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь краснобела, касаточка,
Летняя гостья, певичка!
Ты часто по кровлям щебечешь,
Над гнездышком сидя, поешь,
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчиком в горлышке бьешь.
Ты часто по воздуху вьешься,
В нем смелые круги даешь;
Иль стелешься долу, несешься,
Иль в небе простряся плывешь.
Тьг часто во зеркале водном
Под рдяной играешь зарей,

На зыбком лазуре бездонном
Тенью мелькаешь твоей.
Ты часто, как молния, реешь
Мгновенно туды и сюды;
Сама за собой не успеешь
Невидимы видеть следы,
Но видишь там всю ты вселенну,
Как будто с высот на ковре:
Там башню, как жар позлащенну,
В чешуйчатом флот там сребре;
Там рощи в одежде зеленой,
Там нивы в венце золотом,
Там холм, синий лес отдаленный,
Там мошки толкутся столпом;
Там гнутся с утеса в понт воды,[609]
Там ластятся струи к брегам.
Всю прелесть ты видишь природы,
Зришь лета роскошного храм,
Но видишь и бури ты черны
И осени скучной приход;
И прячешься в бездны подземны,[610]
Хладея зимою, как лед.
Во мраке лежишь бездыханна, —
Но только лишь при́дет весна
И роза вздохнет лишь румяна,
Встаешь ты от смертного сна;
Встанешь, откроешь зеницы
И новый луч жизни ты пьешь;

---

[609] *Понт* (греч.) — море.
[610] Считалось, что ласточки засыпают на зиму и просыпаются весной.

Сизы расправя косицы,
Ты новое солнце поешь.

Душа моя! гостья ты мира:
Не ты ли перната сия? —
Воспой же бессмертие, лира!
Восстану, восстану и я, —
Восстану, — и в бездне эфира
Увижу ль тебя я, Пленира?[611]

1792, середина 1794

Гаврила Державин

Заклинание

О, если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые,
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы —
Я тень зову, я жду Леилы:[612]
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,

---

[611] *Пленира* — первая жена Державина, Екатерина Яковлевна Бастидон (1760—1794). После ее смерти образ ее связался в творческом сознании поэта с образом ласточки, из-за чего Державин переделал стихотворение и дополнил его двумя заключительными стихами.
[612] *Лейла* — героиня поэмы Байрона «Корсар», условное поэтическое имя.

Бледна, хладна, как зимний день,
Искажена последней мукой.
Приди, как дальная звезда,
Как легкой звук иль дуновенье,
Иль как ужасное виденье,
Мне всё равно, сюда! сюда!...

Зову тебя не для того,
Чтоб укорять людей, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтоб изведать тайны гроба,
Не для того, что иногда
Сомненьем мучусь... но тоскуя
Хочу сказать, что всё люблю я,
Что всё я твой: сюда, сюда!

1830

Александр Пушкин

* * *[613]

Кумачу я не хочу,
Китайки не надо.
Песня

«Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча.
Пожалей, моя зазнобушка,

---

[613] Из: «Коробейники».

Молодецкого плеча!
Выди, выди в рожь высокую!
Там до ночки погожу,
А завижу черноокую —
Все товары разложу.
Цены сам платил не малые,
Не торгуйся, не скупись:
Подставляй-ка губы алые,
Ближе к милому садись!»

Вот и пала ночь туманная,
Ждет удалый молодец.
Чу, идет! — пришла желанная,
Продает товар купец.
Катя бережно торгуется,
Всё боится передать.
Парень с девицей целуется,
Просит цену набавлять.
Знает только ночь глубокая,
Как поладили они.
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

1861

Николай Некрасов

Последняя любовь

О, как на склоне наших лет

Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье,
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство, и безнадежность.

Между серединой 1851 и началом 1854

Федор Тютчев

* * *

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепости страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

Давно ль, гордясь своей победой,
Ты говорил: она моя...
Год не прошел — спроси и сведай,
Что уцелело от нея?

Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Всё опалили, выжгли слезы
Горячей влагою своей.

Ты помнишь ли, при вашей встрече,
При первой встрече роковой,
Ее волшебны взоры, речи
И смех младенческо-живой?

И что ж теперь? И где ж всё это?
И долговечен ли был сон?
Увы, как северное лето,
Был мимолетным гостем он!

Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!

Жизнь отреченья, жизнь страданья!
В ее душевной глубине
Ей оставались вспоминанья...
Но изменили и оне.

И на земле ей дико стало,
Очарование ушло...
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе ее цвело.

И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль злую, боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!

О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепости страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!..

Первая половина 1851

Федор Тютчев

Вечер

Окно отворено… Последний луч заката
Потух… Широкий путь лежит передо мной;
Вдали виднеются рассыпанные хаты;
Акации сплелись над спящею водой;
Всё стихло в глубине разросшегося сада…
Порой по небесам зарница пробежит;
Протяжный звук рогов скликает с поля стадо
И в чутком воздухе далеко дребезжит.
Яснее видит ум, свободней грудь трепещет,
И сердце полное сомненья гонит прочь…
О, скоро ли луна во тьме небес заблещет
И трепетно сойдет пленительная ночь!..

15 июля 1855

Алексей Апухтин

Старец

Окончив тяжкую работу
Заботной, грустной жизни сей,
Он празднует свою субботу
В спокойной совести своей!

Он знает счастия обеты
И мрак изгибистых дорог,
И что сулят кипящи леты
В мятежной области тревог.

Он отжил для подлунной жизни,
И часто в дивных, сладких снах
Он видит прежний край отчизны
В каких-то дальних сторонах.

Окончив тяжкую работу
Заботной, грустной жизни сей,
Он празднует свою субботу
В спокойной совести своей!

1825

Федор Глинка

Ответ анониму[614]

О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье
Приветствует мое к блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мне крепко руку жмет,
Указывает путь и посох подает;
О, кто бы ни был ты: старик ли вдохновенный,
Иль юности моей товарищ отдаленный,
Иль отрок, музами таинственно храним,
Иль пола кроткого стыдливый херувим,[615] —
Благодарю тебя душою умиленной.
Вниманья слабого предмет уединенный,
К доброжелательству досель я не привык —
И странен мне его приветливый язык.
Смешон, участия кто требует у света!
Холодная толпа взирает на поэта,
Как на заезжего фигляра: если он
Глубоко выразит сердечный, тяжкий стон,
И выстраданный стих, пронзительно-унылый,
Ударит по сердцам с неведомою силой, —
Она в ладони бьет и хвалит, иль порой
Неблагосклонною кивает головой.
Постигнет ли певца незапное волненье,

---

[614] Ответ на большое анонимное послание, начинающееся стихами: «Олимпа девы встрепенулись! / Сердца их с горести сомкнулись» — муз тревожит, что поэт, счастливый в любви, перестанет творить. Заканчивается послание стихами, вызвавшими ответ Пушкина: «Уймите дух свой сокрушенный, / О музы! Друг ваш вожделенный / Небесным пламенем горит: / Источник новых откровений / Залогом будет вдохновений — / И снова гений воспарит». Под анонимом скрывался Иван Александрович Гульянов (1789—1841), египтолог, член Российской Академии, впоследствии знакомый Пушкина.

[615] *Херувим* — ангел высшего чина. Слово херувим встречается в первый раз в книге Бытия в следующих словах: «И поставил (Бог) на востоке сада Эдемского херувима с пламенным мечем, по изгнании Адама и Евы из Рая, чтобы охранять путь к древу жизни». Затем говорится о херувимах при устроении Скинии во времена пророка Моисея и при создании храма Соломонова. Изображение их в образе человеческом, но с крыльями, и поставление этих изображений во Святом Святых над Ковчегом Завета с преклоненными к нему лицами, означает, что они, как высшие духовные существа, удостоены особенной близости к Богу.

Утрата скорбная, изгнанье, заточенье, —
«Тем лучше, — говорят любители искусств, —
Тем лучше! наберет он новых дум и чувств
И нам их передаст». Но счастие поэта
Меж ими не найдет сердечного привета,
Когда боязненно безмолвствует оно...

1830

Александр Пушкин

* * *

О, кто — скажи ты мне — кто ты,
Виновница моей мучительной мечты!
Скажи мне, кто же ты, — мой ангел ли хранитель
Иль злобный гений-разрушитель
Всех радостей моих? — Не знаю — но я твой!
Ты смяла на главе венок мой боевой,
Ты из души моей изгнала жажду славы,
И грезы гордые, и думы величавы.
Ах! чтоб без трепета, без ропота терпеть
Разгневанной судьбы и грозы, и волненья,
Мне надо на тебя глядеть, всегда глядеть,
Глядеть без устали, как на звезду спасенья!
Уходишь ты — и за тобою вслед
Стремится мысль, душа несется,
И стынет кровь, и жизни нет!..
Но только что во мне твой шорох отзовется,
Я жизни чувствую прилив — я вижу свет —

И возвращается душа, и сердце бьется!..

1834

Денис Давыдов

Церера[616]

Посвящается графу
Григорию Александровичу
Кушелеву-Безбородко[617]

Rachette me fecit[618].

Октябрь... клубятся в небе облака,
Уж утренник осеребрил слегка
Поблекшие листы березы и осины,
И окораллил кисть поспелую рябины,
И притупил иголки по соснáм...
Пойти к пруду: там воды мертво-сонны,
Там в круг сошлись под куполом колонны
И всепечальнице земли воздвигнут храм,
Храм миродержице — Церере...
Там
Я часто, по весенним вечерам,
Сидел один на каменной ступени

---

[616] *Церéра* — римская богиня плодородия.
[617] *Кушелев-Безбородко* Г. А., граф (1832—1870) — литератор, бывший лицеист, с 1859 по 1862 г. издатель журнала «Русское слово», издатель «Сочинений и переводов Льва Мея», 1862. Мей сблизился с Кушелевым и его кружком, в котором тот играл роль мецената, вскоре после приезда в Петербург.
[618] Рашетт меня сделал (лат.). Д. Рашетт (1744—1809), французский скульптор, с 1779 г. работавший в России. Стихотворение навеяно статуей Цереры, воздвигнутой в честь Екатерины II в парке Полюстрова, имения Кушелевых-Безбородко. В издании «Л. А. Мей, Стихотворения и драмы.» (1947) приводится описание ее, сделанное П. Н. Столпянским: «12 столбов поддерживали купол храма, посреди которого возвышалось бронзовое изваяние императрицы Екатерины II в образе Сибиллы (ошибка, — следует: Цереры). На статуе была надпись: «Rachette fecit 1789. Отливал и отделывал имп. Академии художеств мастер Василий Металов». Впоследствии эта статуя была переведена в Царское Село».

И в высь глядел, и в темной той высѝ
Одна звезда спадала с небеси
Вслед за другой мне прямо в душу... Тени
Ложилися на тихий пруд тогда
Так тихо, что не слышала вода,
Не слышали и темные аллеи
И на воде заснувшие лилеи...
Одни лишь сойка с иволгой не спят:
Тревожат песней задремавший сад, —
И этой песне нет конца и меры...
Но вечно нем громадный лик Цереры...
На мраморном подножии, в венце
Из стен зубчатых, из бойниц и башен,
Стоит под куполом, величественно-страшен,
Спокоен, и на бронзовом лице
Небесная гроза не изменѝт улыбки...
А очертания так женственны и гибки,
Так взгляд ее живительно-могуч,
И так дрожат в руках богини ключ
И пук колосьев, что сама природа,
А не художник, кажется, дала
Ей жизнь и будто смертным прорекла:
«Склонитесь перед ней — *вот сила и свобода*!»

Но вот, без мысли, цели и забот,
Обходит храм, по праздникам, народ;
На изваяние не взглянет ни единый,
И разве старожил, к соседу обратясь,

Укажет: «Вон гляди! беседку эту князь[619]
Велел построить в честь Екатерины».

19 октября 1857. Безбородкино

Лев Мей

Осень

(Отрывок)

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Державин.

I

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад — дорога промерзает.
Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезжие поля с охотою своей,[620]
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.

II

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь — весной я болен;
Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.

---

[619] А. А. Безбородко (1746—1799), двоюродный прадед Г. А. Кушелева-Безбородко, вице-канцлер при Екатерине II, пользовавшийся ее неограниченным доверием; он сохранил свое влияние и при Павле I, который сделал его государственным канцлером и возвел в княжеское достоинство.
[620] *Отъезжие поля* — отдаленные от жилья и пашен пустоши, используемые для охоты.

Суровою зимой я более доволен,
Люблю ее снега; в присутствии луны
Как легкий бег саней с подругой быстр и волен,
Когда под соболем, согрета и свежа,
Она вам руку жмет, пылая и дрожа!

III

Как весело, обув железом острым ноги,
Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!
А зимних праздников блестящие тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снег да снег,
Ведь это наконец и жителю берлоги,
Медведю, надоест. Нельзя же целый век
Кататься нам в санях с Армидами младыми[621]
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV

Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, все душевные способности губя,
Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи;
Лишь как бы напоить да освежить себя —
Иной в нас мысли нет, и жаль зимы старухи,
И, проводив ее блинами и вином,
Поминки ей творим мороженым и льдом.

---

[621] *Армида* — волшебница в поэме Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим». Рыцарь Ринальдо был пленен ее чарами и увезен ею на далекий остров, где среди волшебных садов Армиды он забыл о высокой цели освобождения Гроба Господня.

V

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно.
Так нелюбимое дитя в семье родной
К себе меня влечет. Сказать вам откровенно,
Из годовых времен я рад лишь ей одной,
В ней много доброго; любовник не тщеславный,
Я нечто в ней нашел мечтою своенравной.

VI

Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева.
Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет на лице еще багровый цвет.
Она жива еще сегодня, завтра нет.

VII

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,

И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

VIII

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русской холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят — я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн — таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

IX

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
Махая гривою, он всадника несет,
И звонко под его блистающим копытом
Звенит промерзлый дол и трескается лед.
Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
Огонь опять горит — то яркий свет лиет,
То тлеет медленно — а я пред ним читаю
Иль думы долгие в душе моей питаю.

X

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,

И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

XI

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.
Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.

XII

Плывет. Куда ж нам плыть?. . . .
. . . . . .
. . . . . .

1833

Александр Пушкин

Ольга[622]

Из Бюргера

Ольгу сон встревожил слезный.
Смутный ряд мечтаний злых:
«Изменил ли, друг любезный?
Или нет тебя в живых?»
Войск деля Петровых славу,
С ним ушел он под Полтаву;
И не пишет ни двух слов:
Всё ли жив он и здоров.

На сраженьи пали шведы,
Турк без брани побежден,
И, желанный плод победы,
Мир России возвращен;
И на родину с венками,
С песньми, с бубнами, с трубами
Рать, под звон колоколов,
Шла почить от всех трудов.

И везде толпа народа;
Старый, малый — все бегут
Посмотреть, как из похода
Победители идут;
Все навстречу, на дорогу;
Кличут: «Здравствуй! слава Богу!
Ах! на Ольгин лишь привет

---

[622] Вольный перевод баллады «Lenore» немецкого поэта Готфрида Августа Бюргера (1747—1794).

Ниотколь ответа нет.

Ищет, спрашивает; худо:
Слух пропал о нем давно;
Жив ли, нет — не знают; чудо!
Словно канул он на дно.
Тут, залившися слезами,
В перси бьет себя руками;
Рвет, припав к сырой земле,
Черны кудри на челе.

Мать к ней кинулась поспешно:
«Что ты? что с тобой, мой свет?
Разве горе неутешно?
С нами Бога разве нет?»
— «Ах! родима, всё пропало;
Свету-радости не стало.
Бог меня обидел сам:
Горе, горе бедным нам!»

— «Воля Божия! Создатель —
Нам помощник ко всему;
Он утех и благ податель:
Помолись, мой свет, Ему».
— «Ах! родима, всё пустое;
Бог послал мне горе злое,
Бог без жалости к мольбам:
Горе, горе бедным нам!»

— «Слушай, дочь! в Украйне дальной,

Может быть, жених уж твой
Обошел налой венчальный
С красной девицей иной.
Что изменника утрата?
Рано ль, поздно ль — будет плата,
И от Божьего суда
Не уйдет он никогда».

— «Ах! родима, всё пропало,
Нет надежды, нет как нет;
Свету-радости не стало;
Что одной мне белый свет?
Хуже гроба, хуже ада.
Смерть — одна, одна отрада;
Бог без жалости к слезам:
Горе, горе бедным нам!»

— «Господи! прости несчастной,
В суд с безумной не входи;
Разум, слову непричастной,
К покаянью приведи.
Не крушися, дочь, чрез меру;
Бойся муки, вспомни веру:
Сыщет чуждая греха
Неземного жениха».

— «Где ж, родима, злее мука?
Или где мученью край?
Ад мне — с суженым разлука,
Вместе с ним — мне всюду рай.

Не боюсь смертей, ни ада.
Смерть — одна, одна отрада:
С милым врозь несносен свет,
Здесь, ни там блаженства нет».

Так весь день она рыдала,
Божий Промысел кляла,
Руки белые ломала,
Черны волосы рвала;
И стемнело небо ясно,
Закатилось солнце красно,
Все к покою улеглись,
Звезды яркие зажглись.

И девица горько плачет,
Слезы градом по лицу;
И вдруг полем кто-то скачет,
Кто-то, всадник, слез к крыльцу;
Чу! за дверью зашумело,
Чу! кольцо в ней зазвенело;
И знакомый голос вдруг
Кличет Ольгу: «Встань, мой друг!

Отвори скорей без шуму.
Спишь ли, милая, во тьме?
Слезну думаешь ли думу?
Смех иль горе на уме?»
— «Милый! ты! так поздно к ночи!
Я все выплакала очи
По тебе от горьких слез.

Как тебя к нам Бог принес?»

— «Мы лишь ночью скачем в поле.
Я с Украйны за тобой;
Поздно выехал оттоле,
Чтобы взять тебя с собой».
— «Ах! войди, мой ненаглядный!
В поле свищет ветер хладный;
Здесь в объятиях моих
Обогрейся, мой жених!»

— «Пусть он свищет, пусть колышет;
Ветру воля, нам пора.
Ворон конь[623] мой к бегу пышет,
Мне нельзя здесь ждать утра.
Встань, ступай, садись за мною,
Ворон конь домчит стрелою;
Нам сто верст еще: пора
В путь до брачного одра».

— «Ах! какая в ночь дорога!
И сто верст езды для нас!
Бьют часы... побойся Бога:
До полно́чи только час».
— «Месяц светит, ехать споро;
Я как мертвый еду скоро:
Довезу и до утра
Вплоть до брачного одра».

---

[623] *Ворон конь* — вороной конь.

— «Как живешь? скажи нелестно;
Чтó твой дом? велик? высок?»
— «Дом — землянка». — «Как в ней?» — «Тесно».
— «А кровать нам?» — «Шесть досок».
— «В ней уляжется ль невеста?»
— «Нам двоим довольно места.
Встань, ступай, садись за мной:
Гости ждут меня с женой».
Ольга встала, вышла, села
На коня за женихом;
Обвила ему вкруг тела
Руки белые кольцом.
Мчатся всадник и девица,
Как стрела, как пращ, как птица;
Конь бежит, земля дрожит,
Искры бьют из-под копыт.

Справа, слева, сторонами,
Мимо глаз их взад летят
Сушь и воды; под ногами
Конскими мосты гремят.
«Месяц светит, ехать споро;
Я как мертвый еду скоро.
Страшно ль, светик, с мертвым спать?»
— «Нет... что мертвых поминать?»

Что за звуки? что за пенье?
Что за вранов крик во мгле?
Звон печальный! погребенье!

«Тело предаем земле».
Ближе, видят: поп с собором,[624]
Гроб неся, поют всем хором;
Поступь медленна, тяжка,
Песнь нескладна и дика.

«Что вы воете не к месту?
Хоронить придет чреда;
Я к венцу везу невесту,
Вслед за мною все туда!
У моей кровати спальной,
Клир![625] пропой мне стих венчальной;
Службу, поп! и ты яви,
Нас ко сну благослови».

Смолкли, гроба как не стало,
Всё послушно вдруг словам,
И поспешно побежало
Всё за ними по следам.
Мчатся всадник и девица,
Как стрела, как пращ, как птица;
Конь бежит, земля дрожит,
Искры бьют из-под копыт.

Справа, слева, сторонами,
Горы, долы и поля —
Взад летит всё; под ногами
Конскими бежит земля.

---

[624] *Собор* — собрание, общество.
[625] *Клир* — церковный хор.

«Месяц светит, ехать споро;
Я как мертвый еду скоро.
Страшно ль, светик, с мертвым спать?»
— «Полно мертвых поминать».

Казни столп; над ним за тучей
Брезжит трепетно луна;
Чьей-то сволочи летучей
Пляска вкруг его видна.
«Кто там! сволочь! вся за мною!
Вслед бегите все толпою,
Чтоб под пляску вашу мне
Веселей прилечь к жене».

Сволочь с песнью заунывной
Понеслась за седоком,
Словно вихорь бы порывный
Зашумел в бору сыром.
Мчатся всадник и девица,
Как стрела, как пращ, как птица;
Конь бежит, земля дрожит,
Искры бьют из-под копыт.

Справа, слева, сторонами,
Взад летят луга, леса;
Всё мелькает пред глазами:
Звезды, тучи, небеса.
«Месяц светит, ехать споро;
Я как мертвый еду скоро.
Страшно ль, светик, с мертвым спать?»

— «Ах! что мертвых поминать!»

— «Конь мой! петухи пропели;
Чур! заря чтоб не взошла;
Гор вершины забелели:
Мчись как и́з лука стрела.
Кончен, кончен путь наш дальный,
Уготовлен одр венчальный;
Скоро съездил как мертвец,
И доехал наконец».

Наскакал в стремленьи яром
Конь на каменный забор;
С двери вдруг хлыста ударом
Спали петли и запор.
Конь в ограду; там — кладбище,
Мертвых вечное жилище;
Светят камни на гробах
В бледных месяца лучах.

Что же мигом пред собою
Видит Ольга? чудо! страх!
Латы всадника золою
Все рассыпались на прах;
Голова, взгляд, руки, тело —
Всё на милом помертвело,
И стоит уж он с косой,
Страшный остов костяной.

На дыбы конь ворон взвился,

Диким голосом заржал,
Стукнул в землю, провалился
И невесть куда пропал.
Вой на воздухе высоко;
Скрежет под землей глубоко;
Ольга в страхе без ума,
Неподвижна и нема.

Тут над мертвой заплясали
Адски духи при луне,
И протяжно припевали
Ей в воздушной вышине:
«С Богом в суд нейди крамольно;
Скорбь терпи, хоть сердцу больно
Казнена ты во плоти;
Грешну душу Бог прости!»

1816, 1831

Павел Катенин

* * *

О милый друг, как внятен голос твой,
Как утешителен и сердцу сладок:
Он возвратил душе моей покой
И мысли смутные привел в порядок.
Ты прав: Христос спаситель нам один,
И мир, и истина, и благо наше;
Блажен, в ком дух над плотью властелин,

Кто твердо шествует к Христовой чаше.
Прямой мудрец: он жребий свой вознес,
Он предпочел небесное земному,
И, как Петра, ведет его Христос
По треволнению мирскому.
Душою чист и сердцем прав,
Перед кончиною подвижник постоянный,
Как Моисей с горы Навав,
Узрит он край обетованный.[626]

Май или июнь 1826

Кондратий Рылеев

* * *[627]

Она не гордой красотою
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан ее — не стан богини,
И грудь волною не встает,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признает.
Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,

[626] Написано в Алексеевском равелине Петропавловской крепости (в ожидании казни).
[627] В стихотворении говорится о В. А. Лопухиной.

Так полны чудной простоты.
Но голос душу проникает,
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.

1832

Михаил Лермонтов

Ожидание

Она придет! к ее устам
Прижмусь устами я моими;
Приют укромный будет нам
Под сими вязами густыми!
Волненьем страстным я томим;
Но близ любезной укротим
Желаний пылких нетерпенье:
Мы ими счастию вредим
И сокращаем наслажденье.

1825

Евгений Боратынский

* * *

Она сидела на полу
И груду писем разбирала —

И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала —

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела —
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...

О, сколько жизни было тут;
Невозвратимо-пережитой!
О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!..

Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени, —
И страшно-грустно стало мне,
Как от присущей милой тени.[628]

1858

Федор Тютчев

Ропот

Он близок, близок день свиданья,
Тебя, мой друг, увижу я!
Скажи: восторгом ожиданья

---

[628] По семейным преданиям Тютчевых, в стихотворении имеется в виду Эрн. Ф. Тютчева, уничтожившая свою переписку с Тютчевым, относящуюся к первым годам их знакомства. *Присущая* (церк.-слав.) — здесь: присутствующая.

Что ж не трепещет грудь моя?
Не мне роптать; но дни печали,
Быть может, поздно миновали:
С тоской на радость я гляжу,
Не для меня ее сиянье,
И я напрасно упованье
В больной душе моей бужу.
Судьбы ласкающей улыбкой
Я наслаждаюсь не вполне:
Всё мнится, счастлив я ошибкой,
И не к лицу веселье мне.

1820

Евгений Боратынский

* * *

Он был титулярный советник,[629]
Она — генеральская дочь;
Он робко в любви объяснился,
Она прогнала его прочь.

Пошел титулярный советник
И пьянствовал с горя всю ночь,
И в винном тумане носилась

---

[629] *Титулярный советник* — девятая ступень из 14 на гражданской службе в петровской Табели о рангах (соответствовал капитану в армии и поручику в гвардии). Обладатели этого чина были уже не секретарями, но еще и не полноправными советниками. Генеральские чины начинались с четвертой ступени (действительный статский советник, тайный советник, действительный тайный советник).

Пред ним генеральская дочь.

1859

Петр Вейнберг (1831—1908)

* * *

Он водил по струна́м; упадали
Волоса на безумные очи,
Звуки скрыпки так дивно звучали,
Разливаясь в безмолвии ночи.
В них рассказ убедительно-лживый
Развивал невозможную повесть,
И змеиного цвета отливы
Соблазняли и мучили совесть;
Обвиняющий слышался голос,
И рыдали в ответ оправданья,
И бессильная воля боролась
С возрастающей бурей желанья,
И в туманных волнах рисовались
Берега позабытой отчизны,
Неземные слова раздавались
И манили назад с укоризной,
И так билося сердце тревожно,
Так ему становилось понятно
Все блаженство, что было возможно
И потеряно так невозвратно,
И к себе беспощадная бездна

Свою жертву, казалось, тянула,
А стезею лазурной и звездной
Уж полнеба луна обогнула;
Звуки пели, дрожали так звонко,
Замирали и пели сначала,
Беглым пламенем синяя жженка[630]
Музыканта лицо освещала...

Начало 1857

Алексей Толстой

* * *

О, не тревожь меня укорой справедливой!
Поверь, из нас из двух завидней часть твоя:[631]
Ты любишь искренно и пламенно, а я —
Я на тебя гляжу с досадою ревнивой.

И, жалкий чародей, перед волшебным миром,
Мной созданным самим, без веры я стою —
И самого себя, краснея, узнаю
Живой души твоей безжизненным кумиром.

Между июлем 1850 и серединой 1851

Федор Тютчев

---

[630] *Жженка* — напиток из коньяка или рома с добавлением пережженного сахара, фруктов и пряностей.
[631] *Часть* — здесь: участь, судьба.

Пан

Пан — олицетворение природы; по-гречески παν значит: всё.

Он спит, он спит,
Великий Пан!
Иди тихонько,
Не то разбудишь!
Полдневный жар
И сладкий дух
Поспелых трав
Умаял бога —
Он спит и грезит,
И видит сны...

По темным норам
Ушло зверье;
В траве недвижно
Лежит змея;
Молчат стада,
И даже лес,
Певучий лес,
Утих, умолк...
Он спит, он спит,
Великий Пан!..

Над ним кружит,
Жужжит, звенит,
Блестит, сверкает
И вверх и вниз

Блестящий рой
Жуков и пчел;
Сереброкрылых
Голубок стая
Кругами реет
Над спящим богом;
А выше — строем
Иль острым клином,
Подобно войску,
Через всё небо
Перелетает
Полк журавлей;
Еще же выше,
На горнем небе,
В густой лазури,
Незримой стражи
Чуть слышен голос...
Все словно бога
Оберегают
Глубокий сон,
Чудесный сон, —
Когда пред ним
Разверзлось небо,
Он зрит богов,
Своих собратий,
И, как цветы,
Рои видений
С улыбкой сыплют
К нему с Олимпа
Богини-сестры...

Он спит, он спит,
Великий Пан!
Иди тихонько,
Мое дитя,
Не то проснется...
Иль лучше сядем
В траве густой
И будем слушать, —
Как спит он, слушать,
Как дышит, слушать;
К нам тоже тихо
Начнут слетать
Из самой выси
Святых небес
Такие ж сны,
Какими грезит
Великий Пан,
Великий Пан...

1869

Аполлон Майков

Мой гений[632]

О память сердца! ты сильней
Рассудка памяти печальной,

---

[632] *Гений* — дух; дух-хранитель.

И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальной.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власов.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милый, незабвенный
Повсюду странствует со мной.
Хранитель гений мой — любовью
В утеху дан разлуке он:
Засну ль? приникнет к изголовью
И усладит печальный сон.

1815

Константин Батюшков

* * *

О пощади! — Зачем волше́бство ласк и слов,
Зачем сей взгляд, зачем сей вздох глубокий,
Зачем скользит небережно покров
С плеч белых и груди высокой?
О пощади! Я гибну без того,
Я замираю, я немею
При легком шорохе прихода твоего;
Я, звуку слов твоих внимая, цепенею...
Но ты вошла — и дрожь любви,

И смерть, и жизнь, и бешенство желанья
Бегут по вспыхнувшей крови,
И разрывается дыханье!
С тобой летят, летят часы,
Язык безмолвствует... одни мечты и грезы,
И мука сладкая, и восхищенья слезы —
И взор впился в твои красы,
Как жадная пчела в листок весенней розы!

1818

Денис Давыдов

* * *

Опять весна! Опять какой-то гений
Мне шепчет незнакомые слова,
И сердце жаждет новых песнопений,
И в забытьи кружится голова.
Опять кругом зазеленели нивы,
Черемуха цветет, блестит роса,
И над землей, светлы и горделивы,
Как купол храма, блещут небеса.

Но этой жизни мне теперь уж мало,
Душа моя тоской отравлена́…
Не так она являлась мне, бывало,
Красавица, волшебница-весна!
Сперва ребенка языку природы
Она, смеясь, учила в тишине,

И для меня сбирала хороводы,
И первый стих нашептывала мне.

Потом, когда с тревогой непонятной
Зажглася в сердце отрока любовь,
Она пришла и речью благодатной
Живила сны и волновала кровь:
Свидания влюбленным назначала,
Ждала, томилась с нами заодно,
Мелодией по клавишам звучала,
Врывалася в раскрытое окно.

Теперь на жизнь гляжу я оком мужа,
И к сердцу моему, как в дверь тюрьмы,
Уж начала подкрадываться стужа,
Печальная предвестница зимы…
Проходят дни без страсти и без дела,
И чья-то тень глядит из-за угла…
Что ж, неужели юность улетела?
Ужели жизнь прошла и отцвела?

Погибну ль я в борьбе святой и честной
Иль просто так умру в объятьях сна, —
Явися мне в моей могиле тесной,
Красавица, волшебница-весна!
Покрой меня травой и свежим дерном,
Как прежде, разукрась свои черты,
И над моим забытым трупом черным
Рассыпь свои любимые цветы!..

1862

Алексей Апухтин

На посев леса[633]

Опять весна; опять смеется луг,
И весел лес своей младой одеждой,
И поселян неутомимый плуг
Браздит поля с покорством и надеждой.

Но нет уже весны в душе моей,
Но нет уже в душе моей надежды,
Уж дольный мир уходит от очей,
Пред вечным днем я опускаю вежды.

Уж та зима главу мою сребрит,
Что греет сев для будущего мира,
Но праг[634] земли не перешел пиит, —
К ее сынам еще взывает лира.

Велик Господь! Он милосерд, но прав:
Нет на земле ничтожного мгновенья;
Прощает Он безумию забав,
Но никогда пирам злоумышленья.

Кого измял души моей порыв,

---

[633] В стихотворении отражен факт биографии поэта: осенью (а не весной, как в стихотворении) 1842 г. Боратынский сажал деревья в мурановской роще. Этим биографическим эпизодом навеяно стихотворение, в котором явственны глухие намеки на вражду недавних друзей.
[634] *Праг* — порог.

Тот вызвать мог меня на бой кровавый;
Но подо мной, сокрытый ров изрыв,
Свои рога венчал он падшей славой![635]

Летел душой я к новым племенам,
Любил, ласкал их пустоцветный колос,
Я дни извел, стучась к людским сердцам,
Всех чувств благих я подавал им голос.

Ответа нет! Отвергнул струны я,
Да хрящ[636] другой мне будет плодоносен!
И вот ему несет рука моя
Зародыши елей, дубов и сосен.

И пусть! Простяся с лирою моей,
Я верую: ее заменят эти,
Поэзии таинственных скорбей
Могучие и сумрачные дети!

1842

Евгений Боратынский

* * *

---

[635] Имеется в виду библейское выражение: «Рыл ров, и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил» (Псалтирь, пс. 7, 16). Поясняя это выражение и смысл всего стихотворения, П. А. Плетнев писал Я. К. Гроту: «У Боратынского “сокрытый ров” означает намек на разные пакости, которые в Москве делали ему юные литераторы, злобствуя, что он не делит их дурачеств. <…> “Свои рога” есть живописное изображение глупца в виде рогато скотины. Все последние четыре стиха оттого непонятны, что я не припечатал объяснения, бывшего в подлиннике. Боратынский это писал, насадивши дубов и елей, которую и называет здесь дитятей поэзии таинственных скорбей, выражая последними словами мрачное расположение души своей, в каком он занимался и до которого довели его враги литературные».
[636] *Хрящ* — здесь: почва, поприще.

Опять осенний блеск денницы
Дрожит обманчивым огнем,
И уговор заводят птицы
Умчаться стаей за теплом.

И болью сладостно-суровой
Так радо сердце вновь заныть,
И в ночь краснеет лист кленовый,
Что, жизнь любя, не в силах жить.

7 сентября 1891

Афанасий Фет

* * *

Опять стою я над Невой,
И снова, как в былые годы,
Смотрю и я, как бы живой,
На эти дремлющие воды.

Нет искр в небесной синеве,
Все стихло в бледном обаянье,
Лишь по задумчивой Неве
Струится лунное сиянье.

Во сне ль всё это снится мне,
Или гляжу я в самом деле,
На что при этой же луне

С тобой живые мы глядели?[637]

Июнь 1868

Федор Тютчев

Весна

Опять твои увижу я поля,
Природа-мать, — не в царственном уборе,
Как в тех страна́х, где знойная земля
Цветет, глядит — со страстию во взоре;
Нет, бедная, из-под своих снегов
Ты явишься передо мною снова...
Но всё равно тебе моя любовь,
Тебе любви приветливое слово!
Зажжется грудь желаньями опять,
И скромные, чуть слышимые грозы
Твои на ум навеют благодать
И на глаза живительные слезы.
Я лепет твой, с тобой наедине,
Услышу, полн волнения, как прежде;
И в рубище своем ты будешь мне
Опять мила, как в царственной одежде.
И сам себя, под рубищем своим,
Почувствую царем я в мире снова —
В тени лесов, под небом голубым,

---

[637] В последней строфе — воспоминание о Е. А. Денисьевой.

Средь лепета и ропота родного.

1861

Платон Кусков

Элегия

Опять угрюмая, осенняя погода,
Опять расплакалась гаштейнская природа,
И плачет, бедная, она и ночь и день;
На горы налегла ненастной тучи тень,
И нет исходу ей! Душа во мне уныла:
Перед моим окном, бывало, проходила
Одна прекрасная; отколь и как сюда
Она явилася, не ведаю, — звезда
С лазурно-светлыми, веселыми глазами,
С улыбкой сладостной, с лилейными плечами;
Но и ее уж нет! О! Я бы рад отсель
Лететь, бежать, идти за тридевять земель,
И хлад, и зной, и дождь, и бурю побеждая,
Туда, скорей туда, где, прелесть молодая,
Она господствует и всякий день видна:
Я думаю, что там всегдашняя весна!

10 июня 1843, Гаштейн

Николай Языков

Еще дорожная дума

Опять я на большой дороге,
Стихии вольной гражданин,
Опять в кочующей берлоге
Я думу думаю один.

Мне нужны: это развлеченье,
Усталость тела, и тоска,
И неподвижное движенье,
Которым зыблюсь я слегка.

В них возбудительная сила,
В них магнетический прилив,
И жизни потаенной жила
Забилась вдруг на их призыв.

Мир внешний, мир разнообразный
Не существует для меня:
Его явлений зритель праздный,
Не различаю тьмы от дня.

Мне всё одно: улыбкой счастья
День обогреет ли поля,
Иль мрачной ризою ненастья
Оделись небо и земля.

Сменяясь панорамой чудной,
Леса ли, горы ль в стороне,
Иль степью хладной, беспробудной
Лежит окрестность в мертвом сне;

Встают ли села предо мною,
Святыни скорби и труда,
Или с роскошной нищетою
В глазах пестреют города!

Мне всё одно: обратным оком
В себя я тайно погружен,
И в этом мире одиноком
Я заперся со всех сторон.

Мне любо это заточенье,
Я жизнью странной в нем живу:
Действительность в нем — сновиденье,
А сны — я вижу наяву!

23 сентября 1841

Петр Вяземский

Цицерон

Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
«Я поздно встал — и на дороге
Застигнут ночью Рима был!»[638]
Так!.. Но, прощаясь с римской славой,

[638] Перефразировка слов Цицерона: «...мне горько, что на дорогу жизни вышел я слишком поздно и что ночь республики наступила прежде, чем я успел завершить свой путь».

С Капитолийской высоты[639]
Во всем величье видел ты
Закат звезды ее кровавый!..[640]

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие[641]
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

1829; начало 1830-х годов

Федор Тютчев

Конь морской

О рьяный конь, о конь морской,
С бледно-зеленой гривой,
То смирный-ласково-ручной,
То бешено-игривый!
Ты буйным вихрем вскормлен был
В широком Божьем поле,
Тебя он прядать научил,

---

[639] *Капитолийская высота* — главный из семи холмов, на которых расположен Рим; здесь находилась цитадель города и центр его политической жизни.
[640] Речь идет о гибели потопленной в крови гражданской войны 48—45 гг. до н. э. римской республики, идеологом которой был Цицерон. Результатом этой войны было установление диктатуры Юлия Цезаря.
[641] *Всеблагие* — боги.

Играть, скакать по воле!

Люблю тебя, когда стремглав,
В своей надменной силе,
Густую гриву растрепав
И весь в пару и мыле,
К брегам направив бурный бег,
С веселым ржаньем мчишься,
Копыта кинешь в звонкий брег —
И в брызги разлетишься!..

1830

Федор Тютчев

* * *

Осенней позднею порою
Люблю я царскосельский сад,
Когда он тихой полумглою,
Как бы дремотою, объят
И белокрылые виденья[642]
На тусклом озера стекле
В какой-то неге онеменья
Коснеют в этой полумгле...

И на порфирные ступени
Екатерининских дворцов

---

[642] *Белокрылые виденья* — белые лебеди царскосельских прудов, воспетые в стихах многих русских поэтов.

Ложатся сумрачные тени
Октябрьских ранних вечеров —
И сад темнеет, как дуброва,
И при звездах из тьмы ночной,
Как отблеск славного былого,
Выходит купол золотой...

22 октября 1858

Федор Тютчев

* * *

Осень! Обсыпается весь наш бедный сад,
Листья пожелтелые по ветру летят,
Лишь вдали красуются, там на дне долин,
Кисти ярко-красные вянущих рябин.
Весело и горестно сердцу моему,
Молча твои рученьки грею я и жму,
В очи тебе глядючи, молча слезы лью,
Не умею высказать, как тебя люблю!

1858

Алексей Толстой

Осенняя роза

Осыпал лес свои вершины,

Сад обнажил свое чело,
Дохнул сентябрь, и георгины
Дыханьем ночи обожгло.

Но в дуновении мороза
Между погибшими одна,
Лишь ты одна, царица роза,
Благоуханна и пышна.

Назло жестоким испытаньям
И злобе гаснущего дня
Ты очертаньем и дыханьем
Весною веешь на меня.

18 сентября 1885

Афанасий Фет

Узник[643]

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня!
Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,

[643] Родственник Лермонтова А. П. Шан-Гирей рассказывает в своих воспоминаниях, что стихотворение написано в феврале 1837 г.. когда поэт находился под арестом за стихотворение «Смерть Поэта»: «Мишель велел завертывать хлеб в серую бумагу и на этих клочках с помощью вина, печной сажи и спички написал несколько пьес, а именно: „Когда волнуется желтеющая нива", „Я, Матерь Божия, ныне с молитвою", „Кто б ни был ты, печальный мой сосед", и переделал старую пьесу „Отворите мне темницу"».

На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу.

*

Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая с замком;
Черноокая далеко,
В пышном тереме своем;
Добрый конь в зеленом поле
Без узды, один, по воле
Скачет весел и игрив,
Хвост по ветру распустив.

*

Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампады
Умирающим огнем;
Только слышно: за дверями,
Звучномерными шагами,
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

1837

Михаил Лермонтов

* * *

Отдохните, глаза, закрываясь в ночи,
Вслед за тем, что вы днем увидали!
Отчего-то вы, бедные, так горячи,
Отчего так глубоко устали?

Иль нельзя успокоить вас, очи, ничем,
Охладить даже полночи тьмою! —
Спишь глубоко, а видишь во сне между тем:
Те же люди идут пред тобою...

Константин Случевский

* * *

Отдохну-ка, сяду у лесной опушки;
Вон вдали — соломой крытые избушки,
И бегут над ними тучи вперегонку
Из родного края в дальнюю сторонку.
Белые березы, жидкие осины,
Пашни да овраги — грустные картины;
Не пройдешь без думы без тяжелой мимо.
Что же к ним всё тянет так неодолимо?

Ведь на свете белом всяких стран довольно,
Где и солнце ярко, где и жить привольно.
Но и там, при блеске голубого моря,
Наше сердце ноет от тоски и горя,
Что не видят взоры ни берез плакучих,

Ни избушек этих сереньких, как тучи;
Что же в них так сердцу дорого и мило?
И какая манит тайная к ним сила?

Июль 1861

Алексей Плещеев

Мои пенаты[644]

Послание к Жуковскому и Вяземскому

Отечески пенаты,
О пестуны мои![645]
Вы златом не богаты,
Но любите свои
Норы́ и темны кельи,
Где вас на новоселье
Смиренно здесь и там
Расставил по углам;
Где, странник я бездомный,
Всегда в желаньях скромный,
Сыскал себе приют.
О боги! будьте тут
Доступны, благосклонны!
Не вина благовонны,
Не тучный фимиам
Поэт приносит вам,

---

[644] *Пенаты* — боги-хранители домашнего очага (рим. миф.).
[645] *Пе́стун* — тот, кто пестует, нянчит кого-либо; (перен.) тот, кто заботливо выращивает, воспитывает кого-либо.

Но слезы умиленья,
Но сердца тихий жар
И сладки песнопенья,
Богинь пермесских дар![646]
О Лары! уживитесь[647]
В обители моей,
Поэту улыбнитесь —
И будет счастлив в ней!..
В сей хижине убогой
Стоит перед окном
Стол ветхой и треногой
С изорванным сукном.
В углу, свидетель славы
И суеты мирской
Висит полузаржавый
Меч прадедов тупой;
Здесь книги выписные,
Там жесткая постель —
Всё утвари простые,
Всё рухлая скудель![648]
Скудель!.. Но мне дороже,
Чем бархатное ложе
И вазы богачей!..

Отеческие боги!
Да к хижине моей
Не сыщет ввек дороги

---

[646] *Богини пермесские, пиериды* (см. ниже) — музы.
[647] *Лары* — души предков, охранявшие дом и семью (рим. миф.).
[648] *Рухлый* — непрочный; пришедший в ветхость. *Скудель* — глина; глиняный горшок, сосуд, а также (в переносном смысле) все земное, непрочное, преходящее.

Богатство с суетой;
С наемною душой
Развратные счастливцы,
Придворные друзья
И бледны горделивцы,
Надутые князья!
Но ты, о мой убогой
Калека и слепой,
Идя путем-дорогой
С смиренною клюкой,
Ты смело постучися
О воин, у меня,
Войди и обсушися
У яркого огня.
О старец, убеленный
Годами и трудом,
Трикраты уязвленный
На приступе штыком!
Двуструнной балалайкой
Походы прозвени
Про витязя с нагайкой
Что в жупел и в огни[649]
Летал перед полками
Как вихорь на полях,
И вкруг его рядами
Враги ложились в прах!..

[649] *Жупел* — по христианским религиозным представлениям, горящая сера, смола для грешников в аду; (перен.) то, что внушает страх, ужас, чем запугивают кого-нибудь.

И ты, моя Лилета,[650]
В смиренный уголок
Приди под вечерок,
Тайком переодета!
Под шляпою мужской
И кудри золотые,
И очи голубые,
Прелестница, сокрой!
Накинь мой плащ широкой,
Мечом вооружись
И в полночи глубокой
Внезапно постучись...
Вошла — наряд военный
Упал к ее ногам,
И кудри распущéнны
Взвевают по плечам,
И грудь ее открылась
С лилейной белизной:
Волшебница явилась
Пастушкой предо мной!
И вот с улыбкой нежной
Садится у огня,
Рукою белоснежной
Склонившись на меня,
И алыми устами,
Как ветер меж листами,
Мне шепчет: «Я твоя,
Твоя, мой друг сердечный!..»

---

[650] *Лилета* — условное поэтическое имя, подразумевающее утонченную красоту. Восходит к латинскому слову *lilium* (лилия) и переводится как «маленькая лилия».

Блажен в сени беспечной,
Кто милою своей,
Под кровом от ненастья,
На ложе сладострастья,
До утренних лучей
Спокойно обладает,
Спокойно засыпает
Близ друга сладким сном!..

Уже потухли звезды
В сиянии дневном,
И пташки теплы гнезды,
Что свиты над окном,
Щебеча покидают
И негу отрясают
Со крылышек своих;
Зефир листы колышет,
И всё любовью дышет
Среди полей моих;
Всё с утром оживает,
А Лила почивает
На ложе из цветов...
И ветер тиховейный
С груди ее лилейной
Сдул дымчатый покров...
И в локоны златые
Две розы молодые
С нарциссами вплелись;
Сквозь тонкие преграды
Нога, ища прохлады,

Скользит по ложу вниз...
Я Лилы пью дыханье
На пламенных устах,
Как роз благоуханье,
Как нектар на пирах!..
Покойся, друг прелестный,
В объятиях моих!
Пускай в стране безвестной,
В тени лесов густых,
Богинею слепою
Забыт я от пелен,[651]
Но дружбой и тобою
С избытком награжден!
Мой век спокоен, ясен;
В убожестве с тобой
Мне мил шалаш простой,
Без злата мил и красен
Лишь прелестью твоей!

Без злата и честей
Доступен добрый гений
Поэзии святой,
И часто, в мирной сени,
Беседует со мной.
Небесно вдохновенье,
Порыв крылатых дум!
(Когда страстей волненье
Уснет... и светлый ум,

---

[651] Т. е. Фортуной.

Летая в поднебесной,
Земных свободен уз,
В Аонии прелестной
Сретает хоры муз!)[652]
Небесно вдохновенье,
Зачем летишь стрелой
И сердца упоенье
Уносишь за собой?
До розовой денницы,
В отрадной тишине,
Парнасские царицы,[653]
Подруги будьте мне!
Пускай веселы тени
Любимых мне певцов,
Оставя тайны сени
Стигийских берегов[654]
Иль области эфирны,[655]
Воздушною толпой
Слетят на голос лирный
Беседовать со мной!..
И мертвые с живыми
Вступили в хор един!..
Что вижу? ты пред ними,
Парнасский исполин,[656]
Певец героев, славы,

---

[652] *Аония* — местность у подножья Геликона (горы, где, по греческой мифологии, обитали музы). *Сретает* — встречает.
[653] Т. е. музы. *Парнас* — горный массив в Греции, считавшийся наряду с Геликоном одним из местопребываний Аполлона и муз.
[654] *Стигийские берега* — берега подземной реки Стикс (греч. миф.).
[655] Т. е. небесные области.
[656] *Парнасский исполин* — Державин; далее подразумевается стихотворение Державина «Лебедь» — вольное подражание оде XX книги II Горация.

Вслед вихрям и громам,
Наш лебедь величавый,
Плывешь по небесам.
В толпе и муз, и граций,
То с лирой, то с трубой,
Наш Пиндар, наш Гораций
Сливает голос свой.[657]
Он громок, быстр и силен,
Как Суна средь степей,[658]
И нежен, тих, умилен,
Как вешний соловей.
Фантазии небесной
Давно любимый сын,
То повестью прелестной
Пленяет Карамзин,[659]
То мудрого Платона
Описывает нам
И ужин Агатона
И наслажденья храм,
То древню Русь и нравы
Владимира времян
И в колыбели славы
Рождение славян.

---

[657] То есть поет то нежно о любви (как лира), то громко о подвигах, о славе (как труба). О славе (греческих атлетов) пел греческий поэт Пиндар, а о любви — римский поэт Гораций. Ср. со строкой Державина «Чрез звуки лиры и трубы».

[658] *Наш Пиндар, наш Гораций... Как Суна средь степей...* — Эта характеристика Державина заимствована из посвящения Державину трагедии В. А. Озерова «Эдип в Афинах», где Державин назван поэтом, «который с парением Пиндара согласил философию Горация..., коего стихотворство шумно, быстро и чудесно, как водопад Суны». *Суна* — река в Карелии, где находится водопад Кивач, воспетый Державиным в оде «Водопад».

[659] *...пленяет Карамзин...* — имеется в виду очерк Н. М. Карамзина «Афинская жизнь»; там изображен друг Платона, драматург *Агатон*, а также ужин в «храме наслажденья» — доме афинянина Гиппия.

За ними сильф прекрасный,[660]

Воспитанник харит,[661]

На цитре сладкогласной[662]

О Душеньке бренчит;

Мелецкого с собою[663]

Улыбкою зовет

И с ним, рука с рукою,

Гимн радости поет!..

С эротами играя

Философ и пиит,

Близ Федра и Пильпая[664]

Там Дмитриев сидит;[665]

Беседуя с зверями,

Как счастливый дитя,

Парнасскими цветами

Скрыл истину шутя.

За ним в часы свободы

Поют среди певцов

Два баловня природы,

Хемницер[666] и Крылов.

Наставники-пииты,

О Фебовы жрецы![667]

---

[660] *... сильф прекрасный...* — поэт И. Ф. Богданович (1743—1803), автор поэмы «Душенька». *Сильфы* — (по средневековым поверьям) духи огня, воды, воздуха, земли.

[661] *Хариты* (греч. миф.: рим. миф. — *грации*) — три богини красоты и изящества.

[662] *Цитра* (итал., от греч. *kithara*) — музыкальный инструмент с металлическими над резонансовой доской струнами, из которых извлекают звуки посредством плектрона; был известен еще в древности.

[663] *Нелединский-Мелецкий* Юрий Александрович (1752—1828), поэт карамзинской школы, автор песен и стихотворений с любовно-эпикурейской тематикой.

[664] *Федр* — латинский баснописец I в. н. э. *Пильпай* (Бидпай) — древний индийский баснописец.

[665] *Дмитриев* Иван Иванович (1760—1837) — поэт-сентименталист, автор басен, сатирических сказок, лирических стихотворений и песен, высоко ценившийся Батюшковым. В свою очередь Дмитриев называл Батюшкова «достойным собратом любезного Жуковского» и находил, что он пишет «прекрасные» стихи.

[666] *Хемни́цер* Иван Иванович (1745—1784) — русский баснописец.

[667] *Феб* — Аполлон; буквально: светлый. Аполлон — бог солнечного света и бог поэзии (греч. миф.).

Вам, вам плетут хариты
Бессмертные венцы!
Я вами здесь вкушаю
Восторги пиерид,
И в радости взываю:
О музы! я пиит![668]

А вы, смиренной хаты
О Лары и Пенаты!
От зависти людской
Мое сокройте счастье,
Сердечно сладострастье
И негу, и покой!
Фортуна, прочь с дарами
Блистательных сует!
Спокойными очами
Смотрю на твой полет:
Я в пристань от ненастья
Челнок мой проводил
И вас, любимцы счастья,
Навеки позабыл...
Но вас, любимцы славы,
Наперсники забавы,
Любви и важных муз,
Беспечные счастливцы,
Философы-ленивцы,
Враги придворных уз,
Друзья мои сердечны!

---

[668] *Пиит* — поэт.

Придите в час беспечный
Мой домик навестить —
Поспорить и попить!
Сложи печалей бремя,
Жуковский добрый мой!
Стрелою мчится время,
Веселие стрелой!
Позволь же дружбе слезы
И горесть усладить
И счастья блеклы розы
Эротам оживить.
О Вяземский! цветами
Друзей своих венчай,
Дар Вакха перед нами:[669]
Вот кубок — наливай!
Питомец муз надежный,
О Аристиппов внук![670]
Ты любишь песни нежны
И рюмок звон и стук!
В час неги и прохлады
На ужинах твоих
Ты любишь томны взгляды
Прелестниц записных.
И все заботы славы
Сует и шум, и блажь

---

[669] *Вакх* — прозвище Диониса, бога растительности, покровителя виноградарства и виноделия, сына Зевса, воспитанного нимфами. Он является в барсовой шкуре, с тирсом (жезлом, увитым плющом и виноградными листьями) в руке, в сопровождении шумной толпы вакханок.

[670] *Аристиппов внук* — П. А. Вяземский. *Аристипп* (V—IV в. до н. э.) — древнегреческий философ-гедонист, считавший целью жизни разумное наслаждение. В письме к Вяземскому от 19 декабря 1811 г. Батюшков так объяснял эти слова: «Это, то есть, не значит, что ты внук, то есть взаправду, и что твой батюшка назывался Аристиппычем или Анакреонычем, но это значит то, что ты, то есть, имеешь качества, как будто нечто свойственное, то есть любезность, охоту напиться не вовремя и пр., пр., пр.».

За быстрый миг забавы
С поклонами отдашь.
О! дай же ты мне руку,
Товарищ в лени мой,
И мы... потопим скуку
В сей чаше золотой!
Пока бежит за нами
Бог времени седой
И губит луг с цветами
Безжалостной косой,
Мой друг! скорей за счастьем
В путь жизни полетим;
Упьемся сладострастьем
И смерть опередим;
Сорвем цветы украдкой
Под лезвием косы
И ленью жизни краткой
Продлим, продлим часы!
Когда же парки тощи
Нить жизни допрядут
И нас в обитель нощи
Ко прадедам снесут, —
Товарищи любезны!
Не сетуйте о нас,
К чему рыданья слезны,
Наемных ликов глас?[671]
К чему сии куренья,
И колокола вой,

---

[671] *Наемны лики* — церковный хор певчих.

И томны псалмопенья,
Над хладною доской?
К чему?.. Но вы толпами
При месячных лучах
Сберитесь и цветами
Усейте мирный прах;
Иль бросьте на гробницы
Богов домашних лик,
Две чаши, две цевницы[672]
С листами повилик:
И путник угадает
Без надписей златых,
Что прах тут почивает
Счастливцев молодых!

Вторая половина 1811 и первая половина 1812

Константин Батюшков

* * *

От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?
Два-три кургана, видимых поднесь...

Да два-три дуба выросли на них,
Раскинувшись и широко и смело.

---

[672] *Цевница* — пастушеская свирель.

Красуются, шумят, — и нет им дела,
Чей прах, чью память роют корни их.

Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих — лишь грезою природы.

Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.[673]

17 августа 1871

Федор Тютчев

Не наяву и не во сне

(Фантазия)

Князю П. Г. Гагарину[674]

And song that said a thousand things.[675]

Откинув думой жизнь земную,
Смотрю я робко в темну даль;
Не знаю сам, о чем тоскую,

---

[673] Написано под впечатлением поездки в село Вщиж Брянского уезда Орловской губ., которое было некогда столицей удельного княжества и близ которого сохранились древние курганы, напоминающие о кровавых событиях истории села.
[674] *Гагарин* Павел Гаврилович (1777—1850) — генерал-адъютант и дипломат. В молодости печатал стихи в «Вестнике Европы», издававшемся Жуковским.
[675] Как много было в песне той! (Перевод В. А. Жуковского.) Эпиграф взят из 10-й строфы поэмы Байрона «Шильонский узник».

Не знаю сам, чего мне жаль.

Волной, меж камнями дробимой,
Лучом серебряной луны,
Зарею, песнию любимой
Внезапно чувства смущены.

Надежда, страх, воспоминанья
Теснятся тихо вкруг меня;
Души невольного мечтанья
В словах мне выразить нельзя.

Какой-то мрачностью унылой
Темнеет ясность прежних дней;
Манит, мелькает призрак милой,
Пленяя взор во тме ночей.

И мнится мне: я слышу пенье
Из-под туманных облаков...
И тайное мое волненье
Лелеять сердцем я готов.

1832

Иван Козлов

Бал

Открылся бал. Кружась, летели
Четы младые за четой;

Одежды роскошью блестели,
А лица — свежей красотой.
Усталый, из толпы я скрылся
И, жаркую склоня главу,
К окну в раздумье прислонился
И загляделся на Неву.
Она покоилась, дремала
В своих гранитных берегах,
И в тихих, сребряных водах
Луна, купаясь, трепетала.
Стоял я долго. Зал гремел...
Вдруг без размера полетел
За звуком звук. Я оглянулся,
Вперил глаза; весь содрогнулся;
Мороз по телу пробежал.
Свет меркнул... Весь огромный зал
Был полон остовов... Четами
Сплетясь, толпясь, друг друга мча,
Обнявшись желтыми костями,
Кружася, по полу стуча,
Они зал быстро облетали.
Лиц прелесть, станов красота —
С костей их — все покровы спали.
Одно осталось: их уста,
Как прежде, всё еще смеялись;
Но одинаков был у всех
Широких уст безгласный смех.
Глаза мои в толпе терялись,
Я никого не видел в ней:
Все были сходны, все смешались...

Плясало сборище костей.

1825

Александр Одоевский

* * *

От огней, от толпы беспощадной
Незаметно бежали мы прочь;
Лишь вдвоем мы в тени здесь прохладной,
Третья с нами лазурная ночь.

Сердце робкое бьется тревожно,
Жаждет счастье и дать и хранить;
От людей утаиться возможно,
Но от звезд ничего не сокрыть.

И безмолвна, кротка, серебриста,
Эта полночь за дымкой сквозной
Видит только что́ вечно и чисто,
Что́ навеяно ею самой.

7 февраля 1889

Афанасий Фет

Сумерки

Оттепель... Поле чернеет;

Кровля на церкви обмокла;
Так вот и веет, и веет —
Пахнет весною сквозь стекла.

С каждою новой ложбинкой
Во́дополь всё прибывает,
И ограненною льдинкой
Вешняя звездочка тает.

Тени в углах шевельнулись,
Темные, сонные тени,
Вдоль по стенам потянулись,
На пол ложатся от лени...

Сон и меня так и клонит...
Тени за тенями — грезы...
Дума в неведомом тонет...
На́ сердце — крупные слезы.

Ох, если б крылья да крылья,
Если бы доля да доля,
Не было б мысли *«бессилья»,*
Не было б слова — *«неволя».*

22 марта 1858

Лев Мей

* * *

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,[676]
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого Поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия,[677] змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой[678] от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.[679]

1836

Александр Пушкин

* * *

Отчалила лодка. Чуть брезжил рассвет…
В ушах раздавался прощальный привет,
Дышал он нежданною лаской…

---

[676] Т. е. в мир, невидимый материальному глазу, мир духовный.
[677] *Любоначалие* — страстное стремление к власти, любовь к начальствованию, к господству над другими людьми.
[678] Т. е. другой член общества.
[679] Вторая половина стихотворения является поэтическим переложением великопостной молитвы Ефрема Сирина «Господи и владыко живота моего...».

Свинцовое море шумело кругом…
Всё это мне кажется сладостным сном,
Волшебной, несбыточной сказкой!

О нет, то не сон был! В дали голубой
Две белые чайки неслись над водой,
И серые тучки летели, —
И всё, что сказать я не мог и не смел,
Кипело в душе… и восток чуть алел,
И волны шумели, шумели!..

1879

Алексей Апухтин

Ночь

Отчего я люблю тебя, светлая ночь, —
Так люблю, что страдая любуюсь тобой!
И за что я люблю тебя, тихая ночь!
Ты не мне, ты другим посылаешь покой!..

Что́ мне звезды — луна — небосклон — облака —
Этот свет, что, скользя на холодный гранит,
Превращает в алмазы росинки цветка,
И, как путь золотой, через море бежит?

Ночь! — за что мне любить твой серебряный свет!
Усладит ли он горечь скрываемых слез,
Даст ли жадному сердцу желанный ответ,

Разрешит ли сомненья тяжелый вопрос!

Что мне сумрак холмов — трепет сонных листов —
Моря темного вечно-шумящий прибой —
Голоса насекомых во мраке садов —
Гармонический говор струи ключевой?

Ночь! — за что мне любить твой таинственный шум!
Освежит ли он знойную бездну души,
Заглушит ли он бурю мятежную дум —
Все, что жарче впотьмах и слышнее в тиши!

Сам не знаю, за что я люблю тебя, ночь, —
Так люблю, что страдая любуюсь тобой!
Сам не знаю, за что я люблю тебя, ночь, —
Оттого, может быть, что далек мой покой! —

30 августа 1850. Массандра, на южном берегу Крыма

Яков Полонский

* * *

Отчизне кубок сей, друзья!
Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет

И первых лет уроки,
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?[680]

1812

Василий Жуковский

Бог

О Ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах божества![681]
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто всё собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: *Бог*.

Измерить океан глубокий,
Сочесть пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий, —

[680] Отрывок из стихотворения «Певец во стане русских воинов».
[681] «Автор, кроме богословского православной нашей веры понятия, разумел тут три лица метафизические, то есть: бесконечное пространство, беспрерывную жизнь в движении вещества и неокончаемое течение времени, которое Бог в себе совмещает» (объяснение Державина). Метафизические — по терминологии XVIII в. и, в частности, Державина — означает «философские».

Тебе числа и меры нет!
Не могут духи просвещенны,
От света Твоего рожденны,
Исследовать судеб Твоих:
Лишь мысль к Тебе взнестись дерзает,
В Твоем величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.

Хаоса бытность довременну
Из бездн Ты вечности воззвал,
А вечность, прежде век рожденну,
В себе самом Ты основал:
Себя собою составляя,
Собою из себя сияя,
Ты свет, откуда свет истек.
Создавый всё единым словом,
В твореньи простираясь новом,
Ты был, Ты есть, Ты будешь ввек!

Ты цепь существ в себе вмещаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертию живот даришь.
Как искры сыплются, стремятся,
Так солнцы от Тебя родятся;
Как в мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют,
Так звезды в безднах под Тобой.

Светил возженных миллионы
В неизмеримости текут,
Твои они творят законы,
Лучи животворящи льют.
Но огненны сии лампады,
Иль рдяных кристалей громады,
Иль волн златых кипящий сонм,
Или горящие эфиры,
Иль вкупе все светящи миры —
Перед Тобой — как нощь пред днем.

Как капля, в море опущенна,
Вся твердь перед Тобой сия.
Но что мной зримая вселенна?
И что перед Тобою я?
В воздушном океане оном,
Миры умножа миллионом
Стократ других миров, — и то,
Когда дерзну сравнить с Тобою,
Лишь будет точкою одною;
А я перед Тобой — ничто.

Ничто! — Но Ты во мне сияешь
Величеством Твоих доброт;
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.
Ничто! — Но жизнь я ощущаю,
Несытым некаким летаю
Всегда пареньем в высоты;
Тебя душа моя быть чает,

Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь — конечно, есть и Ты!

Ты есть! — природы чин вещает,[682]
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,
Ты есть — и я уж не ничто!
Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей Ты телесных,[683]
Гда начал Ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.

Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе происшел? — безвестен;
А сам собой я быть не мог.

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ податель,

---

[682] *Природы чин* — порядок природы, законы природы.
[683] *Тварь* — т. е. творение.

Душа души моей и царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! — в бессмертие Твое.

Неизъяснимый, непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображении бессильны
И тени начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к Тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.

1784

Гаврила Державин

* * *

Офелия гибла и пела,[684]

---

[684] *Офелия* — обезумевшая девушка из трагедии Уильяма Шекспира «Гамлет, принц датский», которая утонула в реке: «*Лаэрт* Как, утонула? Где? Не может быть! *Королева* Над речкой ива свесила седую / Листву в поток. Сюда она пришла / Гирлянды плесть из лютика, крапивы, / Купав и цвета с красным хохолком, / Который пастухи зовут так грубо, / А девушки — ногтями мертвеца. / Ей травами увить хотелось иву, / Взялась за сук, а он и подломись, / И, как была, с копной цветных трофеев, / Она в поток обрушилась. Сперва / Ее держало платье, раздуваясь, / И, как русалку, поверху несло. / Она из старых песен что-то пела, / Как бы не

И пела, сплетая венки;
С цветами, венками и песнью
На дно опустилась реки.

И многое с песнями канет
Мне в душу на темное дно,
И много мне чувства, и песен,
И слез, и мечтаний дано.

1846

Афанасий Фет

Запевка

Ох, пора тебе на волю, песня русская,
Благовестная, победная, раздольная,
Погородная, посельная, попольная,
Непогодою-невзгодою повитая,
Во крови, в слезах крещеная-омытая!
Ох, пора тебе на волю, песня русская!
Не сама собой ты спелася-сложилася:
С пустырей тебя намыло снегом-дождиком,
Нанесло тебя с пожарищ дымом-копотью,
Намело тебя с сырых могил метелицей...

1856

ведая своей беды / Или как существо речной породы. / Но долго это длиться не могло, / И вымокшее платье потащило / Ее от песен старины на дно, / В муть смерти». (Пер. Бориса Пастернака)

Лев Мей

* * *

О чем ты воешь, ветр ночной?
О чем так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумно?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке —
И роешь и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки!..

О! страшных песен сих не пой!
Про древний хаос, про родимый
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвется он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О! бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится!..

Начало 1830-х годов

Федор Тютчев

Черные очи

Очи черные, очи страстные,
Очи жгучие и прекрасные!

Как люблю я вас! Как боюсь я вас!
Знать, увидел вас я в недобрый час.

Ох, недаром вы глубины темней!
Вижу траур в вас по душе моей,
Вижу пламя в вас я победное:
Сожжено на нем сердце бедное.

Но не грустен я, не печален я,
Утешительна мне судьба моя:
Всё, что лучшего в жизни Бог дал нам,
В жертву отдал я огневым глазам.

1843

Евгений Гребенка

* * *

О, что значат все слова и речи,
Этих чувств отлив или прибой
Перед тайною нездешней нашей встречи,
Перед вечною, недвижною судьбой?

В этом мире лжи — о, как ты лжива!
Средь обманов ты живой обман.
Но ведь он со мной, он мой, тот миг счастливый,
Что рассеет весь земной туман.

Пусть и ты не веришь этой встрече,
Всё равно, — не спорю я с тобой.
О, что значат все слова и речи
Перед вечною, недвижною судьбой?

1892

Владимир Соловьев

* * *

О, этот Юг, о, эта Ницца!..
О, как их блеск меня тревожит!
Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет — и не может...

Нет ни полета, ни размаху —
Висят поломанные крылья,
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья...[685]

21 ноября 1864

Федор Тютчев

Мысль

---

[685] Стихотворение отражает подавленное состояние, в котором поэт находился после смерти Е. А. Денисьевой. Покинув Ниццу весной 1865 г., он писал дочери Анне: «Странную роль сыграла Италия в моей жизни... Дважды являлась она передо мной, как роковое видение, после двух самых великих скорбей, какие мне суждено было испытать... Есть страны, где носят траур ярких цветов. По-видимому, это мой удел...». Первая «великая скорбь», пережитая Тютчевым, была вызвана смертью его первой жены, Элеоноры.

Падет в наш ум чуть видное зерно
И зреет в нем, питаясь жизни соком;
Но час придет — и вырастет оно
В создании иль подвиге высоком
И разовьет красу своих рамен,
Как пышный кедр на высотах Ливана:[686]
Не подточить его червям времен,
Не смыть корней волнами океана;
Не потрясти и бурям вековым
Его главы, увенчанной звездами,
И не стереть потоком дождевым
Его коры, исписанной летами.
Под ним идут неслышною стопой
Полки веков — и падают державы,
И племена сменяются чредой
В тени его благословенной славы.
И трупы царств под ним лежат без сил,
И новые растут для новых целей,
И миллион оплаканных могил,
И миллион веселых колыбелей.
Под ним и тот уже давно истлел,
Во чьей главе зерно то сокрывалось,
Отколь тот кедр родился и созрел,
Под тенью чьей потомство воспиталось.

---

[686] *Кедр на высотах Ливана.* Библейская реминисценция. В Библии это дерево — символ величия, долголетия и прочности. Стихотворение Шевырева перекликается со след. строками Ломоносова в его оде Елисавете Петровне 18 декабря 1757 г.:
Взирай в полки велики, сильны
И на размноженный народ
Подобно как в Ливане кедры.

Май 1828

Степан Шевырев

Пара гнедых

Перевод из Донаурова[687]

Пара гнедых, запряженных с зарею,
Тощих, голодных и грустных на вид,
Вечно бредете вы мелкой рысцою,
Вечно куда-то ваш кучер спешит.
Были когда-то и вы рысаками
И кучеров вы имели лихих,
Ваша хозяйка состарелась с вами,
Пара гнедых!

Ваша хозяйка в старинные годы
Много имела хозяев сама,
Опытных в дом привлекала из моды,
Более нежных сводила с ума.
Таял в объятьях любовник счастливый,
Таял порой капитал у иных;
Часто стоять на конюшне могли вы,
Пара гнедых!

Грек из Одессы и жид из Варшавы,
Юный корнет[688] и седой генерал —

---

[687] Переделка и перевод французского романса: «Pauvres chevaux» Сергея Ивановича Донаурова (1839—1897) — поэта, переводчика и композитора-дилетанта.
[688] *Корнет* — (в царской армии) офицерский чин в кавалерии, равный подпоручику пехоты.

Каждый искал в ней любви и забавы
И на груди у нее засыпал.
Где же они, в какой новой богине
Ищут теперь идеалов своих?
Вы, только вы и верны ей доныне,
Пара гнедых!

Вот отчего, запрягаясь с зарею
И голодая по нескольку дней,
Вы подвигаетесь мелкой рысцою
И возбуждаете смех у людей.
Старость, как ночь, вам и ей угрожает,
Говор толпы невозвратно затих,
И только кнут вас порою ласкает,
Пара гнедых!

1870-е годы

Алексей Апухтин

Сенокос

Пахнет сеном над лугами...
В песне душу веселя,
Бабы с граблями рядами
Ходят, сено шевеля.

Там — сухое убирают:
Мужички его кругом
На́ воз вилами кидают...

Воз растет, растет, как дом...

В ожиданьи конь убогий,
Точно вкопанный, стоит...
Уши врозь, дугою ноги
И как будто стоя спит...

Только жучка удалая,
В рыхлом сене, как в волнах,
То взлетая, то ныряя,
Скачет, лая впопыхах.

1856

Аполлон Майков

Козлову[689]

Певец! когда перед тобой
Во мгле сокрылся мир земной,
Мгновенно твой проснулся гений,
На всё минувшее воззрел
И в хоре светлых привидений
Он песни дивные запел.

О милый брат, какие звуки!

---

[689] *Козлов*, Иван Иванович (1779—1840), поэт, начал писать стихи лишь на сорок третьем году жизни, после того как ослеп. Печатая стихотворение, Пушкин сопровождал его (в оглавлении) подзаголовком: «По получении от него "Чернеца"» ("Чернец" — поэма Козлова). Козлов благодарил Пушкина за послание восторженным письмом, в котором писал: «Не мой слабый талант, но восхищение перед вашим дарованием и искренняя привязанность, которую я к вам питаю, оправдывают первое полустишие 7-го стиха; еще раз спасибо, большое спасибо; оно тронуло меня до глубины души!»

В слезах восторга внемлю им.
Небесным пением своим
Он усыпил земные муки;
Тебе он создал новый мир,
Ты в нем и видишь, и летаешь,
И вновь живешь, и обнимаешь
Разбитый юности кумир.

А я, коль стих единый мой
Тебе мгновенье дал отрады,
Я не хочу другой награды —
Недаром темною стезей
Я проходил пустыню мира;
О нет! недаром жизнь и лира
Мне были вверены судьбой!

1825

Александр Пушкин

* * *

Est in arundineis modulatio musica ripis.[690]

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох[691]
Струится в зыбких камышах.

---

[690] Есть музыкальный строй в прибрежных тростниках (лат.).
[691] *Мусикийский* — музыкальный.

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, —
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?[692]

И от земли до крайних звезд
Всё безответен и поныне
Глас вопиющего в пустыне,[693]
Души отчаянной протест?

11 мая 1865

Федор Тютчев

* * *

Песок сыпучий по колени...
Мы едем — поздно — меркнет день,
И сосен, по дороге, тени
Уже в одну слилися тень.
Черней и чаще бор глубокий —

---

[692] *Мыслящий тростник* — образ, восходящий к известному афоризму Блеза Паскаля, французского философа, писателя, математика (из его «Мыслей»): «Человек не более как самая слабая тростинка в природе, но это тростинка мыслящая».
[693] *Глас вопиющего в пустыне* — библейское выражение (кн. пророка Исайи, 40.3), процитированное во всех четырех Евангелиях и ставшее идиомой.

Какие грустные места!
Ночь хмурая, как зверь стоокий,
Глядит из каждого куста!

Октябрь 1830

Федор Тютчев

Дума

Печален мой жребий, удел мой жесток!
Ничьей не ласкаем рукою,
От детства я рос одинок, сиротою:
В путь жизни пошел одинок;
Прошел одинок его — тощее поле,
На коем, как в знойной ливийской юдоле,
Не встретились взору ни тень, ни цветок;
Мой путь одинок я кончаю,
И хилую старость встречаю
В домашнем быту одинок:
Печален мой жребий, удел мой жесток![694]

1832

Николай Гнедич

Дума

---

[694] В своей «Записной книжке» Гнедич писал: «Главный предмет моих желаний — домашнее счастье. Моих? Едва ли это не цель и конец, к которым стремятся предприятия и труды каждого человека. Но, увы, я бездомен, я безроден... Круг семейственный есть благо, которого я никогда не видал...».

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познанья и сомненья,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.

К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно-малодушны,
И перед властию — презренные рабы.
Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты — его паденья час.

Мы иссушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
Неверием осмеянных страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юных сил мы тем не сберегли;
Из каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучший сок навеки извлекли.

Мечты поэзии, создания искусства

Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
Мы жадно бережем в груди остаток чувства —
Зарытый скупостью и бесполезный клад.
И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.
И предков скучны нам роскошные забавы,
Их добросовестный, ребяческий разврат;
И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
Глядя насмешливо назад.

Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодовитой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

1838

Михаил Лермонтов

Первый снег

Поверхность всей моей усадьбы
Сегодня к утру снег покрыл...

Подметить всё и записать бы, —
Так первый снег мне этот мил!

Скорей подметить! Он победу
Уступит солнечному дню;
И к деревенскому обеду
Уж я всего не оценю.

Там, в поле, вижу черной пашни
С каймою снежной борозду;
Весь изменился вид вчерашний
Вкруг дома, в роще и в саду.

Кусты в уборе белых шапок,
Узоры стынущей воды,
И в рыхлом снеге птичьих лапок
Звездообразные следы...

15 октября 1888. Павловка

Алексей Жемчужников

* * *

Поверьте мне, я вижу их! —
Не сомневайтесь больше, други! —
Я вижу вечно молодых
И их лазуревые круги.
Поверьте: это не мечты!..
Я вижу райские цветы!

И как они играют ими,
И сами свежие, как цвет!
Какой невыразимый свет
Там, над долинами святыми?..
Они легки, они в венках;
Я вижу лиры в их руках...
Там смешано повсюду злато
С неизъяснимой белизной!
И всё кругом так чисто, свято,
И сам я становлюсь иной:
Парю пареньем бестелесных,
Тону в их радостной тиши...
Но уж бежит покой души,
Исчез видений ряд чудесных,
Я на земле, на ниве слез,
Закрылся верх — я житель низа.
Но ароматами небес
Моя благоухает риза...

Между 1828—1830

Федор Глинка

Брату[695]

Повсюду вижу Бога моего:
Он чад своих отец и не покинет,

[695] *Брат* — Михаил Карлович Кюхельбекер (1799—1859), морской офицер, декабрист, в 1819 г. совершивший плавание от Архангельска к берегам Новой Земли на бриге под командованием лейтенанта Лазарева 1-го.

Нет! не отвергнет никогда того,
В ком вера в милосердого не стынет.

Господь — мой Бог на суше и водах,
И в шумном множестве, в мирском волненьи,
И в хижине, и в пышных теремах,
И в пристани души — в уединеньи.

Нет места, коего лучом своим
Не озарял бы Он, повсюдусущий;
Нет мрака, нет затменья перед Ним:
Всем близок благостный и всемогущий.

Он близок: я уже Его узнал
И здесь, в глухих стенах моей темницы,
И здесь, среди седых, угрюмых скал,
Меня покрыла сень Его десницы.

Он близок, близок и тебе, мой друг!
К нему лети на крыльях упованья;
Его услышишь в самом гласе вьюг
И у́зришь в льдинах твоего изгнанья!

1831

Вильгельм Кюхельбекер

* * *

Погода сделала затворником меня.

Морозы лютые, дыханье леденя,
Сменили буйное неистовство метелей, —
И так упорно шла неделя за неделей.
Сегодня — оттепель на солнце; ветер стих,
И на окне уж нет узоров ледяных.
Смотрю: живущая в саду соседка дома,
Которая была мне с осени знакома, —
Явилася опять синица у окна.
Головку приподняв и прыгая, она
Мне прямо в комнату, как прежде, заглянула:
«А я, мол, всё еще жива!» — и упорхнула.

22 января 1892. Стенькино

Алексей Жемчужников

* * *

По гребле неровной и тряской,[696]
Вдоль мокрых рыбачьих сетей,
Дорожная едет коляска,
Сижу я задумчиво в ней;

Сижу и смотрю я дорогой
На серый и пасмурный день,
На озера берег отлогий,
На дальний дымок деревень.

---

[696] *Гребля* (укр.) — насыпь, дамба.

По гребле, со взглядом угрюмым,
Проходит оборванный жид;
Из озера с пеной и шумом
Вода через греблю бежит;

Там мальчик играет на дудке,
Забравшись в зеленый тростник;
В испуге взлетевшие утки
Над озером подняли крик;

Близ мельницы, старой и шаткой,
Сидят на траве мужики;
Телега с разбитой лошадкой
Лениво подвозит мешки...

Мне кажется всё так знакомо,
Хоть не был я здесь никогда,
И крыша далекого дома,
И мальчик, и лес, и вода,

И мельницы говор унылый,
И ветхое в поле гумно...
Всё это когда-то уж было,
Но мною забыто давно.

Так точно ступала лошадка,
Такие ж тащила мешки;
Такие ж у мельницы шаткой
Сидели в траве мужики;

И так же шел жид бородатый,
И так же шумела вода —
Всё это уж было когда-то,
Но только не помню когда...

1840-е годы

Алексей Толстой

* * *[697]

Под небом голубым страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконец, и верно надо мной
Младая тень уже летала;
Но недоступная черта меж нами есть.
Напрасно чувство возбуждал я:
Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я.
Так вот кого любил я пламенной душой
С таким тяжелым напряженьем,
С такою нежною, томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!
Где муки, где любовь? Увы! в душе моей
Для бедной, легковерной тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени.

---

[697] Написано под впечатлением известия о смерти Амалии Ризнич, умершей в Италии в 1825 г.

1826

Александр Пушкин

* * *

Под дыханьем непогоды,
Вздувшись, потемнели воды
И подернулись свинцом —
И сквозь глянец их суровый
Вечер пасмурно-багровый
Светит радужным лучом,

Сыплет искры золотые,
Сеет розы огневые,
И — уносит их поток...
Над волной темно-лазурной
Вечер пламенный и бурный
Обрывает свой венок...[698]

12 августа 1850

Федор Тютчев

* * *

По дороге столбовой
Колокольчик заливается;

---

[698] Написано во время поездки в Преображенский монастырь (на о. Валаам в Ладожском озере), совершенной вместе с Е. А. Денисьевой и А. Ф. Тютчевой, старшей дочерью поэта.

Что не парень удалой
Чистым снегом опушается?
Нет, а ласточка летит —
По дороге красна девица.
Мчатся кони... От копыт
Вьется легкая метелица.

Кроясь в пухе соболей,
Вся душою в даль уносится;
Из задумчивых очей
Капля слез за каплей просится:
Грустно ей... Родная мать
Тужит тугою сердечною;
Больно душу оторвать
От души разлукой вечною.

Сердцу горе суждено,
Сердце надвое не делится, —
Разрывается оно...
Дальний путь пред нею стелется.
Но зачем в степную даль
Свет-душа стремится взорами?
Ждет и там ее печаль
За железными затворами.

«С другом любо и в тюрьме! —
В думе мыслит красна девица. —
Свет он мне в могильной тьме
Встань, неси меня, метелица!
Занеси в его тюрьму...

Пусть, как птичка домовитая,
Прилечу я — и к нему
Притаюсь, людьми забытая!»

Сентябрь 1831. Петровский завод[699]

Александр Одоевский

Няне[700]

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые вороты
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.
То чудится тебе

1826

Александр Пушкин

---

[699] Стихотворение посвящено Камилле Петровне Ле-Дантю (1803—1839), приехавшей в Петровский завод, чтобы выйти замуж за декабриста В. П. Ивашева.
[700] Написано спустя полтора месяца по возвращении из ссылки в Михайловское, где поэт жил в течение двух лет в большой дружбе со своей няней Ариной Родионовной.

Ручей

Под склоном сетчатых ветвей
Чрез груды камней и корней
Играют, скачут, силы полны,
Твои серебряные волны;
Светло и пышно луч дневной,
Скользя на грани водяные,
На быстрине твоей живой
Дробится в искры огневые.

Лежу — дерев нагорных тень
Мою задумчивую лень
Своей прохладой осеняет;
В вершинах леса, там и там,
По шепотливым их листам
Мгновенный шорох пробегает —
И смолкнет вдруг, и вдруг сильней
Зашевелится мрак ветвей,
И лес пробудится дремучий,
И в чаще ходит шум глухой —
Здесь и тогда, ручей гремучий,
Твой говор слышен волновой!

Люблю его; ему внимая,
Я наслаждаюсь — и во мне
Мечта яснеет золотая
О незабвенной стороне…
Бегите дни, как эти воды,

Бегите дни быстрей, быстрей,
Да вновь священный луч свободы
В душе заискрится моей!

Лето 1827

Николай Языков

Беседка Муз[701]

Под тению черемухи млечнóй
И золотом блистающих акаций
Спешу восстановить алтарь и муз и граций,
Сопутниц жизни молодой.

Спешу принесть цветы и ульев сот янтарный,
И нежны первенцы полей:
Да будет сладок им сей дар любви моей
И гимн поэта благодарный!

Не злата молит он у жертвенника муз:
Они с фортуною не дружны,
Их крепче с бедностью заботливой союз,
И боле в шалаше, чем в тереме, досужны.[702]

Не молит славы он сияющих даров:
Увы! талант его ничтожен.

---

[701] Было послано Н. И. Гнедичу из деревни при письме от мая 1817 г., где говорится: «Я убрал в саду беседку по моему вкусу, в первый раз в жизни. Это меня так веселит, что я не отхожу от письменного столика, и веришь ли? целые часы, целые сутки просиживаю, руки сложа накрест».
[702] *Досужный* — свободный от дел, праздный.

Ему отважный путь за стаею орлов,
Как пчелке, невозможен.

Он молит муз: душе, усталой от сует,
Отдать любовь утраченну к искусствам,
Веселость ясную первоначальных лет
И свежесть — вянущим бесперестанно чувствам.

Пускай забот свинцовый груз
В реке забвения потонет
И время жадное в сей тайной сени муз
Любимца их не тронет.

Пускай и в сединах, но с бодрою душой,
Беспечен, как дитя всегда беспечных граций,
Он некогда придет вздохнуть в сени густой
Своих черемух и акаций.

Май 1817

Константин Батюшков

Вакханка

Под тенью сладостной полуденного сада,
В широколиственном венке из винограда
И влаги вакховой томительной полна,
Чтоб дух перевести, замедлилась она.
Закинув голову, с улыбкой опьяненья,
Прохладного она искала дуновенья,

Как будто волосы уж начинали жечь
Горячим золотом ей розы пышных плеч.
Одежда жаркая всё ниже опускалась,
И молодая грудь всё больше обнажалась,
А страстные глаза, слезой упоены,
Вращались медленно, желания полны.

1843

Афанасий Фет

Несжатая полоса

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю вьюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зерна купая в пыли!

Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,

Заяц нас топчет, и буря нас бьет...
Где же наш пахарь? чего еще ждет?

Или мы хуже других уродились?
Или не дружно цвели-колосились?

Нет! мы не хуже других — и давно
В нас налилось и созрело зерно.

Не для того же пахал он и сеял,
Чтобы нас ветер осенний развеял?..»

Ветер несет им печальный ответ:
«Вашему пахарю моченьки нет.

Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.

Плохо бедняге — не ест и не пьет,
Червь ему сердце больное сосет,

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли в щепку, повисли как плети,

Очи потускли, и голос пропал,
Что заунывную песню певал,

Как, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шел полосою».

22—25 ноября 1854

Николай Некрасов

Сердце

Поиграли бедной волею
Без любви и жалости,
Повстречались с новой долею —
Надоели шалости.

А пока над ним шутили вы,
Сердце к вам просилося;
Отшутили, разлюбили вы —
А оно разбилося.

И слезами над подушкою
Разлилось, распалося...
Вот что с бедною игрушкою,
Вот что с сердцем сталося.

1841

Эдуард Губер (1814—1847)

Другу

Пойдем севодни благовонный
Мы черпать воздух, друг мой! в сад,
Где вязы светлы, сосны темны
Густыми купами стоят;

Который с милыми друзьями,
С подругами сердец своих
Садили мы, растили сами:
Уж ныне тень приятна в них.
Пусть Даша статна, черноока
И круглолицая, своим
Взмахнув челом, там у потока,
А белокурая живым
Нам Лиза, как зефир, порханьем
Пропляшут вместе козачка,
И нектар с пламенным сверканьем
Их розова подаст рука.
Мы, сидя там в тени древесной,
За здравье выпьем всех людей:
Сперва за женский пол прелестный,
За искренних своих друзей;
Потом за тех, кто нам злодеи:
С одними нам приятно быть;
Другие же, как скрыты змеи,
Нас учат осторожно жить.[703]

1795

Гаврила Державин

На птичку

---

[703] Написано «на прогулку в саду Н. А. Львова, на даче, что близ Невского монастыря». *Густыми купами стоят.* «Деревья на сей даче сажали сами друзья Николая Александровича, как то: сам автор, Хемницер, Капнист, Вельяминов, Марья Алексеевна (жена Львова) и Екатерина Яковлевна Державина. *Даша* и *Лиза* — «горничные девушки Николая Александровича, отличавшиеся умением плясать по-русски». (Объяснения Державина.)

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой.
Пищит, бедняжка вместо свисту,
А ей твердят: Пой, птичка, пой!

1792 или 1793

Гаврила Державин

Поэт

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,

И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

1827

Александр Пушкин

А. Н. Семеновой[704]

Покой души, забавы, ожиданья,
Счастливые привычки юных лет,
Все радости, чем нам прекрасен свет
При шепоте игривого мечтанья,
От нас судьба берет без состраданья,
И время их свевает легкий след,
Как хладный ветр уносит поздний цвет,
Когда пора настанет увяданья.

Одно душа заботливо хранит,
Как тайный дар любви первоначальной:
От ранних лет до старости печальной
Друг первый с ней. Его улыбка, вид,
Движенья, взор — всё с нею говорит,
Всё к ней летит, как звук музы́ки дальной.

1824

[704] Александра Николаевна *Семенова,* в замужестве Карелина (1808 — после 1885) — ученица Плетнева по петербургскому женскому пансиону Е. Д. Шретер, ближайшая приятельница С. М. Салтыковой (Дельвиг).

Петр Плетнев

* * *

По краям дороги
В тишине глубокой
Темные деревья
Поднялись высоко;
С неба светят звезды
Мирно сверх тумана...
Сердце? Сердце просит
Нового обмана.

В памяти тревожной
Всё былые встречи,
Ласковые лицы,
Ласковые речи;
Но они подобны
Призракам могилы,
Не вернут былого
Никакие силы.

О! Когда б пришлося
По дороге темной
Снова для ночлега
Встретить домик скромный
И в объятьях жарких
Пробудиться рано...
Сердце?.. Сердце просит

Нового обмана.

1858

Николай Огарев

Бессонница

Полночь. Болезненно, трудно мне дышится,
Мир, как могила, молчит.
Жар в голове; изголовье колышется,
Маятник-сердце стучит.
Дума, — не дума, а что-то тяжелое
Страшно гнетет мне чело,
Что-то холодное, скользкое, голое
Тяжко на грудь мне легло:
Прочь! — И как всползшую с ядом, с отравою
Дерзкую, злую змею,
Сбросил, смахнул я рукой своей правою
Левую руку свою,
Вежды сомкну лишь — и сердце встревожено
Мыслию: жив или нет?
Кажется мне, что на них уж наложена
Тяжесть двух медных монет,
Словно покойник я. Смертной отдышкою
Грудь захватило. Молчу.
Мнится, придавлен я черною крышкою;
Крышку долой! Не хочу!
Вскройтесь глаза, — и зрачки раздвигаются;
Чувствую: эти глаза

Шире становятся, в мрак углубляются,
Едкая льется слеза.
Ночь предо мной с чернотою бездонною,
А над челом у меня
Тянутся в ряд чередой похоронною
Тени протекшего дня;
В мрачной процессии годы минувшие,
Кажется, тихо идут:
«Вечная память! Блаженни уснувшие!» —
Призраки эти поют;
Я же, бессонный, сжав персты дрожащие
В знаменье Божья креста,
Скорбно молюсь. «Да, блаженни вы, спящие!!!» —
Вторят страдальца уста.

Владимир Бенедиктов

Полдень

Полуднем жарким ухожу я
На отдых праздный в темный лес
И там ложусь, и всё гляжу я
Между вершин на даль небес.
И бесконечно тонут взоры
В их отдаленьи голубом;
А лес шумит себе кругом,
И в нем ведутся разговоры:
Щебечет птица, жук жужжит,
И лист засохший шелестит,

На хворост падая случайно, —
И звуки все так полны тайной...
В то время странным чувством мне
Всю душу сладостно объемлет;
Теряясь в синей вышине,
Она лесному гулу внемлет
И в забытьи каком-то дремлет.

1840—1841

Николай Огарев

* * *

Полуно́чные образы реют,
Блещут искрами ярко впотьмах,
Но глаза различить не умеют,
Много ль их на тревожных крылах.

Полуночные образы стонут,
Как больной в утомительном сне,
И всплывают, и стонут, и тонут —
Но о чем это стонут оне?

Полуночные образы воют,
Как духо́в испугавшийся пес;
То нахлынут, то бездну откроют,
Как волна обнажает утес.

1843

Афанасий Фет

Домовому

Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес, и дикий садик мой,
И скромную семьи моей обитель!
Да не вредят полям опасный хлад дождей
И ветра поздного осенние набеги;
Да в пору благотворны снеги
Покроют влажный тук полей![705]
Останься, тайный страж, в наследственной сени,
Постигни робостью полунощного вора
И от недружеского взора
Счастливый домик охрани!
Ходи вокруг его заботливым дозором,
Люби мой малый сад, и берег сонных вод,
И сей укромный огород
С калиткой ветхою, с обрушенным забором!
Люби зеленый скат холмов,
Луга, измятые моей бродящей ленью,
Прохладу лип и кленов шумный кров —
Они знакомы вдохновенью.

1819

[705] *Тук* — жир, сало; перегной, чистый чернозем, удобряющий землю и составляющий, в смеси с ископаемою россыпью, почву.

Александр Пушкин

Ночь в Крыму

Помнишь, лунное мерцанье,
Шорох моря под скалой,
Сонных листьев колыханье,
И цынцырны стрекотанье[706]
За оградой садовой;

В полумгле нагорным садом
Шли мы, — лавр благоухал;
Грот чернел за виноградом,
И бассейн под водопадом
Переполненный звучал;

Помнишь, свежее дыханье,
Запах розы, говор струй —
Всей природы обаянье,
И невольное слиянье
Уст в нежданный поцелуй.

Эта музыка природы,
Эта музыка души
Мне в иные, злые годы,
После бурь и непогоды,
Ясно слышалась в тиши.

---

[706] *Цынцырна* — татарское слово, — то же, что цикада.

Я внимал — и сердце грелось
С юга веющим теплом,
Легче верилось и пелось...
Я внимал — и мне хотелось
Этой музыки во всем...

1857

Яков Полонский

Под дождем

Помнишь: мы не ждали ни дождя, ни грома,
Вдруг застал нас ливень далеко от дома;
Мы спешили скрыться под мохнатой елью...
Не было конца тут страху и веселью!
Дождик лил сквозь солнце, и под елью мшистой
Мы стояли точно в клетке золотистой;
По земле вокруг нас точно жемчуг прыгал;
Капли дождевые, скатываясь с игол,
Падали, блистая, на твою головку
Или с плеч катились прямо под снуровку...
Помнишь, как всё тише смех наш становился?..
Вдруг над нами прямо гром перекатился —
Ты ко мне прижалась, в страхе очи жмуря...
Благодатный дождик! Золотая буря!

1856

Аполлон Майков

* * *

Помнишь? — с алыми краями
Тучки в озере играли;
Шапки на ухо, верхами
Ребятишки в лес скакали.

Табуном своим покинут,
Конь в воде остановился
И, как будто опрокинут,
Недвижим в ней отразился.

При заре румяный колос
Сквозь дремоту улыбался;
Лес синел. Кукушки голос
В сонной чаще раздавался.

По поляне перед нами,
Что ни шаг, цветы пестрели,
Тень бродила за кустами,
Краски вечера бледнели...

Трепет сердца, упоенье, —
Вам в слова не воплотиться!
Помнишь?.. Чудные мгновенья!
Суждено ль им повториться?

1858

Иван Никитин (1824—1861)

Ангел

По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;[707]
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;[708]
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

1831

Михаил Лермонтов

---

[707] *Куща* — шатер, хижина, сень; кроны деревьев, тенистая роща.
[708] Ср. с «долиной слез» — традиционным названием дольнего, земного мира.

* * *[709]

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь — как раз умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальную трудов и чистых нег.

1834

Александр Пушкин

Черная речка[710]

Пора покинуть терем древний,
Пора мне воспевать луга,
Свободу, светлые деревни
И Черной речки берега.

Прости, обманчивая радость
Высоких мраморных палат:
Сих мест уединенных сладость
Душе пленительней стократ.

---

[709] Обращено к жене. Написано, вероятно, летом 1834 г. в связи с неудавшейся попыткой выйти в отставку (см. письма к Бенкендорфу от 25 июня, 3 и 4 июля и письмо к Жуковскому от 4 июля) и уехать в деревню.
[710] *Черная речка* — название нескольких речек в окрестностях Петербурга.

Здесь неизменные забавы!
Здесь мило слушать, как порой
Словоохотные дубравы
С болтливой шепчутся волной.

Здесь мило, предаваясь лени,
Следить по влаге у брегов
Берез трепещущие сени
И цепи легких облаков.

Но вот со свода голубого
Скатилось солнце; день погас;
Утихло всё, и без покрова
Нисходит вечер в поздний час.

Умолкли сельские певицы;
Ко мне летят издалека
Лишь стоны перелетной птицы
Иль гул призывный рыбака.

О речка! много оживила
Ты милых снов в водах твоих,
Когда без весел и ветрила[711]
Я тихо плыл по воле их.

В душе возобновлялись думы,
В устах теснилися мольбы;

---

[711] *Ветрило* — парус.

Разоблачался вид угрюмый
Давно разгневанной Судьбы.

Я вспоминал мои обеты,
Надежды, слезы и любовь,
И милой давние приветы,
Как прежде, волновали кровь.

Она повсюду мне являлась...
Быть может, здесь, в полдневный зной,
Она небрежно наклонялась
И воду черпала рукой.

Быть может, образ незабвенной
Напечатлелся на водах —
И мне сиял он неизменно
В моих изменчивых мечтах.

Катись, катись волною сонной,
О речка тихая моя,
И добродушно, благосклонно
Ласкай любви моей края.

С дубравным шумом непрерывно
Сливай свой говорливый ток,
Как с песнью девы заунывной
Вдали сливается рожок.

Когда ж ты грусть *ее* пробудишь,
Не скрой мне ласковых речей —

И, речка Черная, ты будешь
Светлее зе́ркальных морей.

1823

Василий Туманский

Тоска

Порою внезапно темнеет душа, —
Тоска! — А Бог знает — откуда?
Осмотришь кругом свою жизнь: хороша,
А к сердцу воротишься: худо!

Всё хочется плакать. Слезами средь бед
Мы сердце недужное лечим.
Горючие, где вы? — Горючих уж нет!
И рад бы поплакать, да нечем.

Ужели пророческий сердца язык
Сулит мне удар иль потерю?
Нет, я от мечты суеверной отвык,
Предчувствиям темным не верю.

Нет! — Это — не будущих бедствий залог,
Не скорби грядущей задаток,
Не тайный на новое горе намек,
А старой печали остаток.

Причина ее позабыта давно:

Она лишь сама сохранилась,
В груди опустелой упала на дно,
И там залегла, притаилась,

Уснула — и тихо в потемках лежит;
Никто ее, скрытой, не видит;
А отдыхом силы она освежит,
Проснется — и выглянет, выйдет

И душу обнимет. Той мрачной поры
Пошел бы рассеять ненастье,
С людьми поделился б... Они так добры;
У них наготове участье.

Их много — и слишком — к утехе моей.
Творец мой! Кому не известно,
Что мир твой так полон прекрасных людей,
Что прочим становится тесно?

Да думаю: нет! Пусть же сердце мое
Хоть эта подруга голубит!
Она не мила мне; но гнать ли ее,
Тогда как она меня любит?

Ее ласка жестка, ее чаша горька,
Но есть в ней и тайная сладость;
Ее схватка крепка, и рука не легка:
Что ж делать? Она ведь — не радость!

Останусь один. Пусть никто из друзей

Ее не осудит, не видит,
И пусть ни единый из добрых людей
Насмешкой ее не обидит!

Владимир Бенедиктов

Проселок

По Руси великой, без конца, без края,
Тянется дорожка, узкая, кривая,
Чрез леса да реки, по степям, по нивам,
Всё бежит куда-то шагом торопливым,
И чудес, хоть мало встретишь той дорогой,
Но мне мил и близок вид ее убогой.
Утро ли займется на небе румяном —
Вся она росою блещет под туманом;
Ветерок разносит из поляны сонной
Скошенного сена запах благовонный;
Всё молчит, всё дремлет, — в утреннем покое
Только ржи мелькает море золотое,
Да куда ни глянешь освеженным взором,
Отовсюду веет тишью и простором.
На́ гору ль въезжаешь — за горой селенье
С церковью зеленой видно в отдаленьи.
Вот и деревенька, барский дом повыше…
Покосились набок сломанные крыши.
Ни садов, ни речки; в роще невысокой
Липа да орешник разрослись широко,
А вдали, над прудом, высится плотина…
Бедная картина! Милая картина!..

Уж с серпами в поле шумно и́дут жницы,
Между лип немолчно распевают птицы,
За клячонкой жалкой мужичок шагает,
С диким воплем стадо путь перебегает.
Жарко… День, краснея, всходит понемногу…
Скоро на большую выедем дорогу.
Там скрипят обозы, там стоят ракиты.
Из краев заморских к нам тропой пробитой
Там идет крикливо всякая новинка…
Там ты и заглохнешь, русская тропинка!

По Руси великой, без конца, без края,
Тянется дорожка, узкая, кривая.
На большую съехал — впереди застава,
Сзади пыль да версты… Смотришь, а направо
Снова вьется путь мой лентою узорной —
Тот же прихотливый, тот же непокорный!

6 июля 1858

Алексей Апухтин

Воздушный корабль[712]

(Из Зейдлица)

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,

---

[712] Стихотворение является свободным переложением баллады австрийского поэта-романтика Цедлица «Geisterschiff» («Корабль призраков»), Лермонтов значительно сократил подлинник и внес в текст сюжетные изменения.

Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И молча в открытые люки
Чугунные пушки глядят.

Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы и тайные мели,
И бури ему нипочем.

Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.[713]

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристает.

---

[713] Остров Св. Елены.

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.

Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.

Но спят усачи-гренадеры —

В равнине, где Эльба шумит,[714]
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.

И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.

И, топнув о землю ногою,
Сердито он взад и вперед
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовет:

Зовет он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию только себе.

Но в цвете надежды и силы
Угас его царственный сын,[715]
И долго, его поджидая,
Стоит император один —

Стоит он и тяжко вздыхает,

---

[714] В долине Эльбы — под Йеной и Ауэрштадтом — в 1806 г. произошли кровопролитные сражения, приведшие к победе наполеоновских войск над прусской армией и завоеванию германских территорий вплоть до Эльбы.
[715] Сын Наполеона I и Марии-Луизы — Наполеон II Бонапарт (1811—1832) после падения Наполеона в 1814 г. был увезен в Австрию; умер от чахотки в возрасте двадцати одного года.

Пока озарится восток,
И капают горькие слезы
Из глаз на холодный песок,

Потом на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идет и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.

1840

Михаил Лермонтов

Письма

Послания милой, блаженства уроки,
Прелестные буквы, волшебные строки,
Заветные письма! Я вами богат;
Всегда вас читаю, и снова читаю,
И млею, и таю, и слезы глотаю,
И знаю насквозь, наизусть, наугад.

Любуюсь я слогом сих нежных посланий;
Не вижу тут жалких крючков препинаний;
В узлах запятых здесь не путаюсь я:
Грамматику сердца лишь вижу святую,
Ловлю недомолвки, ошибки целую
И подпись бесценную: «Вечно твоя».

Бывало, посланник, являясь украдкой,

Вручит мне пакетец, скрепленный облаткой.
Глядь: вензель знакомый. На адрес смотрю:
Так почерк неровен, так сизо чернило,
И ять[716] не на месте… как всё это мило!
«Так, — это от… знаю», а сам уж горю.

От друга, от брата — бегу, как от пугал,
Куда-нибудь в сумрак, куда-нибудь в угол,
Читаю… те смотрят; я, дух затая,
Боюсь, что и мысль мою кто-нибудь слышит;
А тут мне вопросы: кто это к вам пишет?
«Так — старый знакомый. Пустое, друзья».

В глазах моих каждая строчка струится,
И каждая буква, вгляжусь, шевелится,
Прислушаюсь: дышит и шепчет: живи!
Тут брызга с пера — род нечаянной точки —
Родимое пятнышко милой мне щечки
Так живо рисует пред оком любви.

Хранитесь, хранитесь, блаженства уроки,
Без знаков, без точек — заветные строки!
Кто знает? Быть может, под рока грозой
Когда-нибудь после на каждую строчку
Сих тайных посланий я грустную точку
Поставлю тяжелой, сердечной слезой.

1856

---

[716] *Ять* — Название буквы Ѣ, обозначавшей в древности особый звук, впоследствии совпавший с Е.

Владимир Бенедиктов

Туча

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облегала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки древес,
Тебя с успокоенных гонит небес.

1835

Александр Пушкин

* * *

Посмотри — какая мгла
В глубине долин легла!
Под ее прозрачной дымкой
В сонном сумраке ракит

Тускло озеро блестит.
Бледный месяц невидимкой,
В тесном сонме сизых туч,
Без приюта в небе ходит
И, сквозя, на всё наводит
Фосфорический свой луч.

Яков Полонский

Зимнее катанье

Посмотри, на небе звезды,
Снег блистает серебром,
Едем, друг мой... ночью зимней
Мчаться весело вдвоем.

Полетит как птица тройка,
Колокольчик зазвенит,
И раскинется пред нами
Бесконечной степи вид.

Всё, что сердце днем тревожит:
И забот докучных рой,
И судьбы насмешки злые —
Всё забудем мы с тобой.

И пускай перенесемся,
Обаяния полны,
В мир волшебных пестрых сказок
Нашей доброй старины.

Будем думать, что в хрустальный
Ты дворец заключена,
Что тебя я похищаю
От седого колдуна...

Что мечом моим булатным
Сторож твой — косматый зверь —
Поражен, и мы с тобою
Птицы вольные теперь.

Право, этот мир чудесный
Лучше нашего в сто крат:
Лучше козни чародеев,
Чем житейский наш разлад.

Едем! ждут за воротами
Сани, крытые ковром;
В небе месяц, в небе звезды,
Снег блистает серебром!

1857

Алексей Плещеев

* * *

Поток сгустился и тускнеет,
И прячется под твердым льдом,
И гаснет цвет и звук немеет

В оцепененье ледяном, —
Лишь жизнь бессмертную ключа
Сковать всесильный хлад не может:
Она всё льется — и, журча,
Молчанье мертвое тревожит.

Так и в груди осиротелой,
Убитой хладом бытия,
Не льется юности веселой,
Не блещет резвая струя, —
Но подо льдистою корой
Еще есть жизнь, еще есть ропот —
И внятно слышится порой
Ключа таинственного шепот!

Начало 1830-х годов

Федор Тютчев

* * *

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по жесткой мостовой —

Кто смотрит вскользь через ограду
На тень деревьев, злак долин,
На недоступную прохладу

Роскошных, светлых луговин.[717]

Не для него гостеприимной
Деревья сенью разрослись,
Не для него, как облак дымный,
Фонтан на воздухе повис.

Лазурный грот, как из тумана,
Напрасно взор его манит,
И пыль росистая фонтана
Главы его не осенит.

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по знойной мостовой.

Июль 1850

Федор Тютчев

Поэту

Поэт! не дорожи любовию народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

---

[717] *Луговина* — небольшой луг среди других угодий (леса, пастбищ).

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плю́ет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

1830

Александр Пушкин

Поэт и толпа

Procul este, profani[718].

Поэт по лире вдохновенной
Рукой рассеянной бряцал.
Он пел — а хладный и надменный
Кругом народ непосвященный
Ему бессмысленно внимал.

[718] Прочь, непосвященные (лат.).

И толковала чернь тупая:[719]
«Зачем так звучно он поет?
Напрасно ухо поражая,
К какой он цели нас ведет?
О чем бренчит? чему нас учит?
Зачем сердца волнует, мучит,
Как своенравный чародей?
Как ветер песнь его свободна,
Зато как ветер и бесплодна:
Какая польза нам от ней?»

Поэт

Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкий,
Ты червь земли, не сын небес;
Тебе бы пользы всё — на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский.[720]
Ты пользы, пользы в нем не зришь.
Но мрамор сей ведь бог!... так что же?
Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нем себе варишь.

Чернь

Нет, если ты небес избранник,

---

[719] «Ибо чернь, подлый народ, суть не низкого состояния человеки, но подло мыслящие и порочные люди, знатны ли они или нищие» (Николай Новиков «О воспитании и наставлении детей», 1784).
[720] Имеется в виду Аполлон Бельведерский — знаменитая античная статуя, считающаяся эталоном мужской красоты и символом гармонии в классическом искусстве.

Свой дар, божественный посланник,
Во благо нам употребляй:
Сердца собратьев исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки.
Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки,
А мы послушаем тебя.

Поэт

Подите прочь — какое дело
Поэту мирному до вас!
В разврате каменейте смело,
Не оживит вас лиры глас!
Душе противны вы, как гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры; —
Довольно с вас, рабов безумных!
Во градах ваших с улиц шумных
Сметают сор, — полезный труд! —
Но, позабыв свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у вас метлу берут?
Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

1828

Александр Пушкин

Элегия

Поэту радости и хмеля,
И мне судил всесильный рок
Узнать практического Леля[721]
Нравоучительный урок.
Я испытал любви желанье,
Ее я пел, ее я ждал:
Безумно было ожиданье,
Бездушен был мой идеал.
Моей тоски, моих приветов
Не понял слепок божества —
И все пропали без ответов
Мои влюбленные слова.

Но был во мне — и слава Богу! —
Избыток мужественных сил:
Я на прекрасную дорогу
Опять мой ум поворотил;
Я разгулялся понемногу —
И глупость страсти роковой

[721] *Лель* — (якобы) славянский бог любви (искусственно выведенный из народного припева «Ой люли-лель» и широко используемый в поэзии).

С души исчезла молодой...
Так с пробудившейся поляны
Слетают темные туманы;
Так, слыша выстрел, кулики
На воздух мечутся с реки!

1824

Николай Языков

На смерть Гёте

Предстала, и старец великий смежил
Орлиные очи в покое;
Почил безмятежно, зане[722] совершил
В пределе земном всё земное!
Над дивной могилой не плачь, не жалей,
Что гения череп — наследье червей.

Погас! но ничто не оставлено им
Под солнцем живых без привета;
На всё отозвался он сердцем своим,
Что просит у сердца ответа;
Крылатою мыслью он мир облетел,
В одном беспредельном нашел ей предел.

Всё дух в нем питало: труды мудрецов,
Искусств вдохновенных созданья,

[722] *Зане́* — потому что, ибо.

Преданья, заветы минувших веков,
Цветущих времен упованья.
Мечтою по воле проникнуть он мог
И в нищую хату, и в царский чертог.

С природой одною он жизнью дышал;
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье;
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.

Изведан, испытан им весь человек!
И ежели жизнью земною
Творец ограничил летучий наш век
И нас за могильной доскою,
За миром явлений, не ждет ничего:
Творца оправдает могила его.

И если загробная жизнь нам дана,
Он, здешней вполне отдышавший
И в звучных, глубоких отзывах сполна
Всё дольное долу отдавший,
К Предвечному легкой душой возлетит,
И в небе земное его не смутит.

1832

Евгений Боратынский

Две картины

Прекрасно озеро Чудское,
Когда над ним светило дня
Из синих вод, как шар огня,
Встает в торжественном покое:
Его красой озарена,
Цветами радуги играя,
Лежит равнина водяная,
Необозрима и пышна;
Прохлада утренняя веет,
Едва колышутся леса;
Как блестки золота, светлеет
Их переливная роса;
У пробудившегося брега
Стоят, готовые для бега,
И тихо плещут паруса;
На лодку мрежи собирая,
Рыбак взывает и поет,
И песня русская, живая
Разносится по глади вод.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда блистательным столбом
Светило искрится ночное
В его кристалле голубом:
Как тень, отброшенная тучей,
Вдоль искривленных берегов
Чернеют образы лесов,
И кое-где огонь плавучий

Горит на челнах рыбаков;
Безмолвна синяя пучина,
В дубровах мрак и тишина,
Небес далекая равнина
Сиянья мирного полна;
Лишь изредка, с богатым ловом
Подъемля сети из воды,
Рыбак живит веселым словом
Своих товарищей труды;
Или путем дугообразным
С небесных падая высот,
Звезда над озером блеснет,
Огнем рассыплется алмазным
И в отдаленьи пропадет.

1825

Николай Языков

* * *[723]

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При свете утренней Киприды,
Как вас впервой увидел я;
Вы мне предстали в блеске брачном:[724]
На небе синем и прозрачном
Сияли груды ваших гор,

[723] Из: Отрывки из «Путешествия Онегина».
[724] Далее следует описание Гурзуфа.

Долин, деревьев, сёл узор
Разостлан был передо мною.
А там, меж хижинок татар…
Какой во мне проснулся жар!
Какой волшебною тоскою
Стеснялась пламенная грудь!
Но, муза! прошлое забудь.

*

Какие б чувства ни таились
Тогда во мне — теперь их нет:
Они прошли иль изменились…
Мир вам, тревоги прошлых лет!
В ту пору мне казались нужны
Пустыни, волн края жемчужны,
И моря шум, и груды скал,
И гордой девы идеал,
И безыменные страданья…
Другие дни, другие сны;
Смирились вы, моей весны
Высокопарные мечтанья,
И в поэтический бокал
Воды я много подмешал.

*

Иные ну́жны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,

Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи —
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых;
Теперь мила мне балалайка
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака.
Мой идеал теперь — хозяйка,
Мои желания — покой,
Да щей горшок, да сам большой.[725]

1830

Александр Пушкин

Романс

Прекрасный день, счастливый день:
И солнце, и любовь!
С нагих полей сбежала тень —
Светлеет сердце вновь.
Проснитесь, рощи и поля;
Пусть жизнью всё кипит:
Она моя, она моя!
Мне сердце говорит.

Что вьешься, ласточка, к окну,

[725] Стих основан на русской поговорке, смысл которой таков: «я ем простую пищу, но сам себе хозяин».

Что, вольная, поешь?
Иль ты щебечешь про весну
И с ней любовь зовешь?
Но не ко мне, — и без тебя
В певце любовь горит:
Она моя, она моя!
Мне сердце говорит.

1823

Антон Дельвиг

Вечер

Прелестный вечер! В сладком обаянье
Душа притихла, словно в чудном сне.
И небеса в безоблачном сиянье,
И вся земля почила в тишине.

Куда б глаза пытливо ни смотрели,
Таинственной завесой мир одет,
Слух звука ждет — но звуки онемели;
Движенья ищет взор — движенья нет.

Не дрогнет лист, не зарябится влага,
Не проскользнет воздушная струя;
Всё тишь!.. Как будто в пресыщенье блага
Жизнь замерла и не слыхать ея.

Но в видимом бездейственном покое

Не истощенье сил, не мертвый сон:
Присущны здесь и таинство живое,
И стройного могущества закон.

И молча жизнь кругом благоухает,
И в неподвижной красоте своей
Прохладный вечер молча расточает
Поэзию без звуков, без речей.

И в этот час, когда, в тени немея,
Всё, притаясь, глубокий мир хранит
И тихий ангел, крыльями чуть вея,
Землей любуясь, медленно парит, —

Природа вся цветет, красуясь пышно,
И, нас склоня к мечтам и забытью,
Передает незримо и неслышно
Нам всю любовь и душу всю свою.

9 июля 1861, Петергоф

Петр Вяземский

Утопленник

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
«Тятя! тятя! наши сети
Притащили мертвеца.»
«Врите, врите, бесенята, —

Заворчал на них отец; —
Ох, уж эти мне робята!
Будет вам ужо мертвец!

Суд наедет, отвечай-ка;
С ним я ввек не разберусь;
Делать нечего; хозяйка,
Дай кафтан: уж поплетусь...
Где ж мертвец?» — «Вон, тятя, э-вот!»
В самом деле, при реке,
Где разостлан мокрый невод,
Мертвый виден на песке.

Безобразно труп ужасный
Посинел и весь распух.
Горемыка ли несчастный
Погубил свой грешный дух,
Рыболов ли взят волнами,
Али хмельный молодец,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купец?

Мужику какое дело?
Озираясь, он спешит;
Он потопленное тело
В воду за ноги тащит,
И от берега крутого
Оттолкнул его веслом,
И мертвец вниз по́плыл снова
За могилой и крестом.

Долго мертвый меж волнами
Плыл качаясь, как живой;
Проводив его глазами,
Наш мужик пошел домой.
«Вы, щенки! за мной ступайте!
Будет вам по калачу,[726]
Да смотрите ж, не болтайте,
А не то поколочу».

В ночь погода зашумела,
Взволновалася река,
Уж лучина догорела
В дымной хате мужика,
Дети спят, хозяйка дремлет,
На полатях муж лежит,
Буря воет; вдруг он внемлет:
Кто-то там в окно стучит.

«Кто там?» — «Эй, впусти, хозяин!» —
«Ну, какая там беда?
Что ты ночью бродишь, Каин?
Черт занес тебя сюда;
Где возиться мне с тобою?
Дома тесно и темно».
И ленивою рукою
Подымает он окно.

[726] *Калач* — белый хлеб, выпеченный в форме замка с дужкой.

Из-за туч луна катится —
Что же? голый перед ним:
С бороды вода струится,
Взор открыт и недвижим,
Всё в нем страшно онемело,
Опустились руки вниз,
И в распухнувшее тело
Раки черные впились.

И мужик окно захлопнул:
Гостя голого узнав,
Так и обмер: «Чтоб ты лопнул!»
Прошептал он, задрожав.
Страшно мысли в нем мешались,
Трясся ночь он напролет,
И до утра всё стучались
Под окном и у ворот.

Есть в народе слух ужасный:
Говорят, что каждый год
С той поры мужик несчастный
В день урочный гостя ждет;
Уж с утра погода злится,
Ночью буря настает,
И утопленник стучится
Под окном и у ворот.

1828

Александр Пушкин

* * *

Остафьево, 26 октября 1857

Приветствую тебя, в минувшем молодея,
Давнишних дней приют, души моей Помпея![727]
Былого след везде глубоко впечатлен —
И на полях твоих, и на твердыне стен
Хранившего меня родительского дома.
Здесь и природа мне так памятно знакома,
Здесь с каждым деревом сроднился, сросся я,
На что ни посмотрю — всё быль, всё жизнь моя.
Весь этот тесный мир, преданьями богатый,
Он мой, и я его. Все блага, все утраты,
Всё, что я пережил, всё, чем еще живу, —
Всё чудится мне здесь во сне и наяву.
Я слышу голоса из-за глухой могилы;
За милым образом мелькает образ милый...
Нет, не Помпея ты, моя святыня, нет,
Ты не развалина, не пепел древних лет, —
Ты всё еще жива, как и во время óно:
Источником живым кипит благое лоно,
В котором утолял я жажду бытия.
Не изменилась ты, но изменился я.
Обломком я стою в виду твоей нетленной
Святыни, пред твоей красою неизменной,
Один я устарел под ношею годов.

---

[727] *Помпеи* — древний римский город в Кампании (Южная Италия). Расположен на берегу Неаполитанского залива, в 22 км от Неаполя, у подножия вулкана Везувий. Разрушен и засыпан пеплом при извержении Везувия в 79 н. э. Раскопки ведутся с середины XVIII в.

Неузнанный вхожу под твой знакомый кров
Я, запоздалый гость другого поколенья.
Но по тебе года прошли без разрушенья;
Тобой любуюсь я, какой и прежде знал,
Когда с весной моей весь мир мой расцветал.
Всё те же мирные и свежие картины:
Деревья разрослись вдоль прудовой плотины,
Пред домом круглый луг, за домом темный сад,
Там роща, там овраг с ручьем, курганов ряд —
Немая летопись о безымянной битве;
Белеет над прудом пристанище молитве,
Дом Божий, всем скорбям гостеприимный дом.
Там привлекают взор, далече и кругом,
В прозрачной синеве просторной панорамы,
Широкие поля, селенья, Божьи храмы,
Леса, как темный пар, поемные луга
И миловидные родные берега
Извилистой Десны, Любучи молчаливой,
Скользящей вдоль лугов струей своей ленивой.
Здесь мирных поселян приветливый погост.
Как на земле была проста их жизнь, так прост
И в матери-земле ночлег их. Мир глубокий.
Обросший влажным мхом, здесь камень одинокий
Без пышной похвалы подкупного резца;
Но детям памятно, где тлеет прах отца.
Там деревянный крест, и тот полуразрушен;
Но мертвым здесь простор, но их приют не душен,
И светлая весна ласкающей рукой
Дарит и зелень им, и ландыш полевой.
Везде всё тот же круг знакомых впечатлений.

Сменяются ряды пролетных поколений,
Но не меняются природа и душа.
И осень тихая всё так же хороша.
Любуюсь грустно я сей жизнью полусонной, —
И обнаженный лес без тени благовонной,
Без яркой зелени, убранства летних дней,
И этот хрупкий лист, свалившийся с ветвей,
Который под ногой моей мятется с шумом, —
Мне всё сочувственно, всё пища тайным думам,
Всё в ум приводит мне, что осень и моя
Оборвала цветы былого бытия.
Но жизнь свое берет: на молодом просторе,
В дни беззаботные, и осень ей не в горе.
Отважных мальчиков веселая орда
Пускает кубари по зеркалу пруда.
Крик, хохот. Обогнать друг друга каждый ищет,
И под коньками лед так и звенит и свищет.
Вот ретива́я песнь несется вдалеке:
То грянет удалью, то вдруг замрет в тоске,
И светлым облаком на сердце тихо ляжет,
И много дум ему напомнит и доскажет.
Но постепенно дня стихают голоса.
Серебряная ночь взошла на небеса.
Всё полно тишины, сиянья и прохлады.
Вдоль блещущих столбов прозрачной колоннады
Задумчиво брожу, предавшись весь мечтам;
И зыбко тень моя ложится по плитам —
И с нею прошлых лет и милых поколений
Из глубины ночной выглядывают тени.
Я вопрошаю их, прислушиваюсь к ним —

И в сердце отзыв есть приветам их родным.

Петр Вяземский

Деревня

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья.
Я твой: я променял порочный двор Цирцей,[728]
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубров, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.

Я твой — люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбаря белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крилаты;
Везде следы довольства и труда...

[728] *Цирцея (Кирка)* — волшебница с острова Эя, превратившая спутников Одиссея в свиней, а его державшая на острове год (греч. миф.); иносказательно — красавица-обольстительница.

Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учуся в истине блаженство находить,
Свободною душой закон боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвещенной,
Участьем отвечать застенчивой мольбе
И не завидывать судьбе
Злодея иль глупца — в величии неправом.

Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!
В уединенье величавом
Слышнее ваш отрадный глас.
Он гонит лени сон угрюмый,
К трудам рождает жар во мне,
И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине.

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде Невежества убийственный Позор.
Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь *барство* дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея,

Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея.
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собой умножить
Дворовые толпы́ измученных рабов.
О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне судьбой витийства грозный дар?
Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

1819

Александр Пушкин

К зиме

В ноябре 1808 года

Приди к нам, матушка зима,
И приведи с собой морозы!
Не столько их нам страшны грозы,
Сколь сырость, нерешимость, тьма,
В которых гнéздится чума!
А от твоих лобзаний розы
У нас взыграют на щеках,
Из глаз жемчужны выжмешь слезы,
Положишь иней на висках,

И мы — как в сребряных венках.

Ах! долго ли нам грязнуть в тине
И мороситься под дождем?
Ноябрь у нас уж в половине:
Тебя теперь мы, зиму, ждем,
Приди, сбери в морщины строги
Умяклое лино земли
И на святой Руси дороги
Пушистым снегом устели,
Чтоб наши радовались ноги.

Неву и Бельта воды бурны,
В которых нынешней порой
Не виден неба свод лазурный
И Феб на кои взгляд понурный
Бросает, лучше ты покрой
Своей алмазною корой!

И дай нам странствовать по суху
Над пенной хлябию реки;
Подставив под ноги коньки,
Крылатому подобно духу,
Не уступать в бегу коням,
Катиться легким вслед саням,

Саням, усаженным четами
Младых красавиц в соболях,
Под пурпурóвыми фатами.
Они на новых сих полях

Явятся новыми цветами,
Чтоб царство украшать зимы,
И с ними не озябнем мы!

Дохни, Борей, на нас сурово
И влажный осуши эфир, —
С тобою русакам здорово.
А ты, обманчивый Зефир,
Что веешь к нам с Варяжска моря,[729]
Ты нам теперь причиной горя:
Ведь дождь и слякоть от тебя;
Поди ж и дуй своим поэтам,
Которы, и зимой и летом
Тебе похвальну песнь трубя,
Бесстыдно лгут пред целым светом.

Теплу и стуже время есть.
И то нам и другое в честь.
Не итальянцы мы, не греки,
Которым наших зим не снесть,
У коих не живут и снеги.
Они пусть хвалят злак лугов,
Журчащих ручейков прохладу,
И жизнь невинных пастухов,
И собирание винограду:
Не чужды нам забавы их,
Но знают ли они отраду
Трескучих зимушек лихих?

---

[729] *Бельт* или *Варяжское море* — Балтийское море.

Как под снегами зреет озимь,
Так внутрення в нас жизнь кипит
И члены ко трудам крепит.
Доколи бодрость в нас не спит,
Мы рук и ног не отморозим.
И русских удалых сынов
Так не обидела природа,
Чтоб им и помощь и покров
Не дать от мразов, хладов норда;
В лесах надолго станет дров,
И есть полезны там соседи:
Лисицы, волки и медведи —
Для теплых шуб обильный лов!
С куниц и с соболей пужливых
Драгие мехи совлекут,
Дубравы целые ссекут
Для топли изб гостелюбивых.

И если не ущедрил Вакх
Студеный край наш виноградом,
Довольны русским мы Усладом[730]
При добрых брагах и медах.

Конец 1807 или начало 1808

Александр Востоков (1781—1864)

---

[730] Славянский бог пиршеств. (Примечание Востокова.)

Призывание и явление Плениры

Приди ко мне, Пленира,
В блистании луны,
В дыхании зефира,
Во мраке тишины!
Приди в подобьи тени,
В мечте иль легком сне,
И, седши на колени,
Прижмися к сердцу мне;
Движения исчисли,
Вздыхания измерь,
И все мои ты мысли
Проникни и поверь, —
Хоть острый серп судьбины
Моих не косит дней,
Но нет уж половины
Во мне души моей.

Я вижу, ты в тумане
Течешь ко мне рекой!
Пленира на диване
Простерлась надо мной,
И легким осязаньем
Уст сладостных твоих,
Как ветерок дыханьем,
В объятиях своих
Меня ты утешаешь
И шепчешь нежно в слух:
«Почто так сокрушаешь

Себя, мой милый друг?
Нельзя смягчить судьбину,
Ты сколько слез ни лей;
Миленой половину
Займи души твоей».[731]

Середина 1794

Гаврила Державин

К ночи

Приди, о ночь! приди ко мне,
Как на условное свиданье!
Пусть гаснет пылкое страданье
В твоей прохладной тишине!
Ты, сизою своей одеждой
Окутав бедную постель,
Уложишь спать меня с надеждой...
Я сплю... И тайная свирель
Играет где-то дивны звуки:
И не она ль манит мечты?
И не она ль отводит муки?
Кто вас, воздушны красоты,
В приют тоски моей сзывает?
Кто так природу украшает

[731] Сочинено «по случаю, что на другой день смерти первой жены его, лежа на диване, проснувшись поутру, видел, что из дверей буфета течет к нему белый туман и ложится на него, потом как будто чувствовал ласкание около его сердца неизвестного какого-то духа» (объяснение Державина). *Пленира* — так обыкновенно называл в стихах Державин свою первую жену (умерла 15 июля 1794 г.). *Милена* — аллегорическое имя второй жены Державина, Д. А. Дьяковой, которая была подругой его первой жены.

В моих заплаканных глазах?
Каких небес я вижу своды?
Картины счастья и свободы,
Лимон и лавры на холмах...
Но шум вломился с суетою,
И прочь с очей мечты и лень...
Опять идет мой грустный день
С своей несносной долготою...

1825

Федор Глинка

* * *

Природа — сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

Август 1869

Федор Тютчев

Ласточки

Природы праздный соглядатай,[732]
Люблю, забывши все кругом,

---

[732] *Соглядатай* — лицо, которое занимается тайным наблюдением за кем-либо, чем-либо.

Следить за ласточкой стрельча́той[733]
Над вечереющим прудом.

Вот понеслась и зачертила —
И страшно, чтобы гладь стекла
Стихией чуждой не схватила
Молниевидного крыла.

И снова то же дерзновенье
И та же темная струя, —
Не таково ли вдохновенье
И человеческого *я*?

Не так ли я, сосуд скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихии чуждой, запредельной,
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?

1884

Афанасий Фет

Признание

Притворной нежности не требуй от меня:
Я сердца моего не скрою хлад печальный.
Ты пра́ва, в нем уж нет прекрасного огня

[733] *Стре́льчатый* — имеющий в очертании форму арки, завершающейся острым углом, сходный с готическим (архит.). Стрельчатый свод. Стрельчатые окна.

Моей любви первоначальной.
Напрасно я себе на память приводил
И милый образ твой и прежние мечтанья:
Безжизненны мои воспоминанья,
Я клятвы дал, но дал их выше сил.
Я не пленен красавицей другою,
Мечты ревнивые от сердца удали;
Но годы долгие в разлуке протекли,
Но в бурях жизненных развлекся я душою.
Уж ты жила неверной тенью в ней;
Уже к тебе взывал я редко, принужденно,
И пламень мой, слабея постепенно,
Собою сам погас в душе моей.
Верь, жалок я один. Душа любви желает,
Но я любить не буду вновь;
Вновь не забудусь я: вполне упоевает
Нас только первая любовь.

Грущу я; но и грусть минует, знаменуя
Судьбины полную победу надо мной;
Кто знает? мнением сольюся я с толпой;
Подругу, без любви — кто знает? — изберу я.
На брак обдуманный я руку ей подам
И в храме стану рядом с нею,
Невинной, преданной, быть может, лучшим снам,
И назову ее моею;
И весть к тебе придет, но не завидуй нам:
Обмена тайных дум не будет между нами,
Душевным прихотям мы воли не дадим:

Мы не сердца под брачными венцами,
Мы жребии свои соединим.
Прощай! Мы долго шли дорогою одною;
Путь новый я избрал, путь новый избери;
Печаль бесплодную рассудком усмири
И не вступай, молю, в напрасный суд со мною.
Не властны мы в самих себе
И, в молодые наши леты,
Даем поспешные обеты,
Смешные, может быть, всевидящей судьбе.

1823

Евгений Боратынский

* * *[734]

…….

Притворства и в стихах казать я не хочу:
Поется мне — пою; невесело — молчу
И слушаю других иль, взявши посох в руку,
В полях и по горам рассеиваю скуку;
Разнообразности природы там дивлюсь
И сколки слабые с нее снимать учусь.
Как волжанин, люблю близ вод искать прохлады;
Люблю с угрюмых скал гремящи водопады;
Люблю и озера спокойный, гладкий вид,

[734] Из: «Послание к Н. М. Карамзину».

Когда его стекло вечерний луч златит.
А временем идя — куда, и сам не зная —
Чрез холмы, чрез леса, не видя сеням края
Под сводом зелени, вдруг на свет выхожу
И новую для глаз картину нахожу:
Открытые поля под золотою нивой!
Везде блестят серпы в руке трудолюбивой!
Какой приятный шум! какая пестрота!
Здесь взрослый, тут старик, с ним рядом красота;
Кто жнет, кто вяжет сноп, кто подбирает класы;
А дети между тем, амуры светловласы,
Украдкой по снопу, играючи, берут,
Кряхтят под ношею, друг друга ею прут,
Валяются, встают и, усмотря цветочек,
Все врознь к нему летят, как майский ветерочек.
Ах! я и сам готов за ними вслед лететь!
Уже недолго мне и на цветы смотреть:
Уже я с каждым днем чего-нибудь лишаюсь.
Иду под тень кустов — ступлю и возвращаюсь
С поникшей головой: там нет уж соловья!
Сегодня у пруда остановился я:
И ласточки над ним кружилися, вилися,
И серы облака по небесам неслися.
Ах! скоро, милый друг, неистовый Эол[735]
Помчится на крылах шумящих с гор на дол,
Завоет, закрутит, кусты к земле приклонит,
Свинцовые валы на озеро нагонит,
В пещерах заревет и засвистит в дуплах

---

[735] *Эол* — бог ветра, повелитель ветров, выпускающий ветра из своих мехов (греч. миф.).

И с воздухом смесит и листвия и прах:
День, два — и, может быть, цветочка не застану;
День, два — и, может быть... как знать?.. и сам увяну!

1795

Иван Дмитриев

* * *

Пришла, — и тает всё вокруг,
Всё жаждет жизни отдаваться,
И сердце, пленник зимних вьюг,
Вдруг разучилося сжиматься.

Заговорило, зацвело
Всё, что вчера томилось немо,
И вздохи неба принесло
Из растворенных врат эдема.

Как весел мелких туч поход!
И в торжестве неизъяснимом
Сквозной деревьев хоровод
Зеленоватым пышет дымом.

Поет сверкающий ручей,
И с неба песня, как бывало;
Как будто говорится в ней:
Всё, что ковало, — миновало.

Нельзя заботы мелочно́й
Хотя на миг не устыдиться,
Нельзя пред вечной красотой
Не петь, не славить, не молиться.

20 мая 1866

Афанасий Фет

* * *[736]

Приятно находить, попавшись на чужбину,
Родных обычаев знакомую картину,
Домашнюю хлеб-соль, гостеприимный кров,
И сень, святую сень отеческих богов, —
Душе, затертой льдом, в холодном море света,
Где на родной вопрос родного нет ответа,
Где жизнь — обрядных слов один пустой обмен,
Где ты везде чужой, у всех — monsieur N. N.
У тихой пристани приятно отогреться,
И в лица ближние доверчиво всмотреться,
И в речи вслушаться, в которых что-то есть
Знакомое душе и дней прошедших весть.
Дни странника листам разрозненным подобны,
Их разрывает дух насмешливый и злобный;
Нет связи: с каждым днем всё сызнова живи,
А жизнь и хороша преданьями любви,

[736] Отрывок из стихотворения «Самовар». Стихотворение посвящено семейству П. Я. Убри. *Убри* Петр Яковлевич (1774—1847) — русский посланник во Франкфурте-на-Майне.

Сродством поверий, чувств, созвучьем впечатлений
И милой давностью привычных отношений.
В нас ум — космополит, но сердце — домосед:
Прокладывать всегда он любит новый след,
И радости свои все в будущем имеет;
Но сердце старыми мечтами молодеет,
Но сердце старыми привычками живет
И радостней в тени прошедшего цветет!
О, будь благословен, кров светлый и приютный,
Под коим как родной был принят гость минутный!
Где беззаботно мог он сердце развернуть
И сиротство его на время обмануть!

29 декабря 1838. Франкфурт

Петр Вяземский

Вечер

Прозвучало над ясной рекою,
Прозвенело в померкшем лугу,
Прокатилось над рощей немою,
Засветилось на том берегу.

Далеко, в полумраке, лукáми
Убегает на запад река.
Погорев золотыми каймами,
Разлетелись, как дым, облака.

На пригорке то сыро, то жарко,
Вздохи дня есть в дыханьи ночном, —
Но зарница уж теплится ярко
Голубым и зеленым огнем.

1855

Афанасий Фет

* * *

Проложен жизни путь бесплодными степями,
И глушь, и мрак… ни хаты, ни куста…
Спит сердце; скованы цепями
И разум, и уста,
И даль пред нами
Пуста.

И вдруг покажется не так тяжка дорога,
Захочется и петь, и мыслить вновь.
На небе звезд горит так много,
Так бурно льется кровь…
Мечты, тревога,
Любовь!

О, где же те мечты? Где радости, печали,
Светившие нам ярко столько лет?
От их огней в туманной дали
Чуть виден слабый свет…
И те пропали…

Их нет.

1888

Алексей Апухтин

Пчелы

Пропаду от тоски я и лени,
Одинокая жизнь не мила,
Сердце ноет, слабеют колени,
В каждый гвоздик душистой сирени,
Распевая, вползает пчела.

Дай хоть выйду я в чистое поле
Иль совсем потеряюсь в лесу...
С каждым шагом не легче на воле,
Сердце пышет всё боле и боле,
Точно уголь в груди я несу.

Нет, постой же! С тоскою моею
Здесь расстанусь. Черемуха спит.
Ах, опять эти пчелы под нею!
И никак я понять не умею,
На цветах ли, в ушах ли звенит.

1854

Афанасий Фет

Никогда

Проснулся я. Да, крыша гроба. — Руки
С усильем простираю и зову
На помощь. Да, я помню эти муки
Предсмертные. — Да, это наяву! —
И без усилий, словно паутину,
Сотлевшую раздвинул домовину[737]

И встал. Как ярок этот зимний свет
Во входе склепа! Можно ль сомневаться? —
Я вижу снег. На склепе двери нет.
Пора домой. Вот дома изумятся!
Мне парк знаком, нельзя с дороги сбиться.
А как он весь успел перемениться!

Бегу. Сугробы. Мертвый лес торчит
Недвижными ветвями в глубь эфира,
Но ни следов, ни звуков. Всё молчит,
Как в царстве смерти сказочного мира.
А вот и дом. В каком он разрушеньи!
И руки опустились в изумленьи.

Селенье спит под снежной пеленой,
Тропинки нет по всей степи раздольной.
Да, так и есть: над дальнею горой
Узнал я церковь с ветхой колокольней.
Как мерзлый путник в снеговой пыли,

---

[737] *Домовина* — гроб.

Она торчит в безоблачной дали.

Ни зимних птиц, ни мошек на снегу.
Всё понял я: земля давно остыла
И вымерла. Кому же берегу
В груди дыханье? Для кого могила
Меня вернула? И мое сознанье
С чем связано? И в чем его призванье?

Куда идти, где некого обнять,
Там, где в пространстве затерялось время?
Вернись же, смерть, поторопись принять
Последней жизни роковое бремя.
А ты, застывший труп земли, лети,
Неся мой труп по вечному пути!

Январь 1879

Афанасий Фет

* * *

Прости! во мгле воспоминанья
Всё вечер помню я один, —
Тебя одну среди молчанья
И твой пылающий камин.

Глядя в огонь, я забывался,
Волшебный круг меня томил,
И чем-то горьким отзывался

Избыток счастия и сил.

Что за раздумие у цели?
Куда безумство завлекло?
В какие дебри и метели
Я уносил твое тепло?

Где ты? Ужель, ошеломленный,
Кругом не видя ничего,
Застывший, вьюгой убеленный,
Стучусь у сердца твоего?..

22 января 1888

Афанасий Фет

Перерождение

Прости, лечу! В дали необозримой,
Как утренний туман, исчезну я,
Невидима очам, для чувств непостижима,
Как темная загадка бытия.

Твои смешны ничтожные усилья,
Тебе нельзя достигнуть до меня:
Я легче воздуха, я получила крылья,
Теперь совсем другая я.

Смотри: как тлен, мои распались цепи,
Мне радостный отныне жребий дан, —

Я беспредельные теперь увижу степи,
Я преплыву безбрежный океан.

Прости, лечу! В красе неизъяснимой
Передо мной и небо, и земля;
И в мире многое мне стало постижимо, —
Теперь совсем другая я.

1835

Надежда Теплова

Молитва

Прости мне, Боже, прегрешенья
И дух мой томный обнови,
Дай мне терпеть мои мученья
В надежде, вере и любви.

Не страшны мне мои страданья:
Они залог любви святой;
Но дай, чтоб пламенной душой
Я мог лить слезы покаянья.

Взгляни на сердца нищету,
Дай Магдалины жар священный,
Дай Иоанна чистоту;

Дай мне донесть венец мой тленный
Под игом тяжкого креста

К ногам Спасителя Христа.

3 декабря 1839

Иван Козлов

* * *[738]

Простите, верные дубравы!
Прости, беспечный мир полей,
И легкокрылые забавы
Столь быстро улетевших дней!
Прости, Тригорское, где радость
Меня встречала столько раз![739]
На то ль узнал я вашу сладость,
Чтоб навсегда покинуть вас?
От вас беру воспоминанье,
А сердце оставляю вам.
Быть может (сладкое мечтанье!),
Я к вашим возвращусь полям,
Приду под липовые своды,
На скат тригорского холма,
Поклонник дружеской свободы,
Веселья, граций и ума.

1817

---

[738] Написано перед отъездом из Михайловского, имения матери Пушкина в Псковской губернии; Пушкин провел здесь после окончания лицея пять недель летом 1817 г.
[739] *Тригорское* — соседнее имение, принадлежавшее Прасковье Александровне Осиповой (1781—1859); поэт часто бывал там и на всю жизнь сохранил дружеские отношения с Осиповой и ее дочерьми.

* * *[740]

Простишь ли мне ревнивые мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мне верна: зачем же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой,
И всех дари́т надеждою пустой
Твой чудный взор, то нежный, то унылый?
Мной овладев, мне разум омрачив,
Уверена в любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, в толпе их страстной,
Беседы чужд, один и молчалив,
Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мне, ни взгляда... друг жестокой!
Хочу ль бежать: с боязнью и мольбой
Твои глаза не следуют за мной.
Заводит ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговор —
Спокойна ты; веселый твой укор
Меня мертвит, любви не выражая.
Скажи еще: соперник вечный мой,
Наедине застав меня с тобой,

---

[740] Обращено к Амалии Ризнич (1803?—1825), жене итальянского негоцианта (купца), жившего в Одессе. В мае 1824 г. Амалия Ризнич уехала в Италию, где через год умерла от чахотки. Три раза вспоминал о ней Пушкин в «Евгении Онегине» — в строфе XIV главы третьей, в «Путешествии Онегина» («...красой блистая, негоциантка молодая...») и наконец в не напечатанных поэтом строфах XV и XVI главы шестой. Ее памяти посвящены стихотворения «Под небом голубым страны своей родной...» и «Для берегов отчизны дальной...».

Зачем тебя приветствует лукаво?..
Что ж он тебе? Скажи, какое право
Имеет он бледнеть и ревновать?..
В нескромный час меж вечера и света,
Без матери, одна, полуодета,
Зачем его должна ты принимать?..
Но я любим... Наедине со мною
Ты так нежна! Лобзания твои
Так пламенны! Слова твоей любви
Так искренно полны твоей душою!
Тебе смешны мучения мои;
Но я любим, тебя я понимаю.
Мой милый друг, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжко я страдаю.

1823

Александр Пушкин

Богине Невы

Протекай спокойно, плавно,
Горделивая Нева,
Государей зданье славно
И тенисты острова!

Полон вечер твой прохлады —
Берег движется толпой,
Как волшебной серенады

Глас приносится волной.

В час, как смертных препроводишь,
Утомленных счастьем их,
Тонким паром ты восходишь
На поверхность вод своих.

Въявь богиню благосклонну
Зрит восторженный пиит,
Что проводит ночь бессонну,
Опершися на гранит.*

1794

Михаил Муравьев

Вечер

Прохладен воздух был; в стекле спокойных вод
Звездами убранный лазурный неба свод
Светился; темные покровы ночи сонной
Струились по коврам долины благовонной;
Над берегом, в тени раскидистых ветвей,
И трелил, и вздыхал, и щелкал соловей.

Тогда между кустов, как призраки мелькая,
Влюбленный юноша и дева молодая
Бродили вдоль реки; казалося, для них
Сей вечер нежился, так сладостен и тих;
Для них лучами звезд играла вод равнина,

Для них туманами окрестная долина
Скрывалась, — и в тени раскидистых ветвей
И трелил, и вздыхал, и щелкал соловей.

1826

Николай Языков

Н. А. Языковой[741]

Прошла суровая година вьюг и бурь,
Над пробудившейся землею,
Полна теплом и тишиною,
Сияет вешняя лазурь.
Ее растаяны лучами,
Сбежали с гор на дол глубокие снега;
Ручей, усиленный водами,
Сверкает и кипит гремучими волнами,
И пеной плещет в 6ерега.

И скоро холм и дол в свои ковры зелены
Роскошно уберет царица красных дней,
И в лиственной тени засвищет соловей
И сладкогласный и влюбленный.
Как хороша весна! Как я люблю ее
Здесь, в стороне моей родимой,
Где льется мирно и незримо
Мое привольное житье;

[741] *Языкова* Наталия Алексеевна, урожденная Наумова, — жена Александра Михайловича Языкова (брата поэта).

Где я могу таким покоем наслаждаться,
Какого я не знал нигде и никогда,
И мыслить, и мечтать, и страстно забываться
Перед светильником труда;
Где озарен его сияньем величавым,
Поникнув на руку безоблачным челом,
Я миру чужд и радостям лукавым,
И суетам, господствующим в нем;
И счастлив: не хочу ни в мраморны палаты,
Ни в шум блистательных пиров!
И вас зову сюда — под мой наследный кров,
Уединением богатый,
В простор и тишь, на злачны скаты
Моих березовых садов,
В лес и поляны за дорогой,
И к речке, шепчущей под сумраком ракит,
И к зыбким берегам, где аист красноногой
Беспечно бродит цел и сыт;
Зову на светлый пруд, туда, где тень густую
Склонил к водам нагорный сад,
Туда — и на мостки, и в лодку удалую,
И вёсла дружно загремят!
Я вас сюда зову гулять и прохлаждаться,
Пить мед свободного и мирного житья,
Закатом солнца любоваться,
И засыпать под трели соловья.

25 марта 1836

Николай Языков

Калмычке

Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, на зло моих затей,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслед за кибиткою твоей.[742]
Твои глаза конечно узки,
И плосок нос, и лоб широк,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шёлком не сжимаешь ног;
По-а́нглийски пред самоваром
Узором хлеба не крошишь,
Не восхищаешься Сен-Маром,[743]
Слегка Шекспира не ценишь,
Не погружаешься в мечтанье,
Когда нет мысли в голове,
Не распеваешь: *Ma dov'è*,[744]
Галоп не прыгаешь в собранье...
Что нужды? — Ровно полчаса,
Пока коней мне запрягали,
Мне ум и сердце занимали
Твой взор и дикая краса.
Друзья! не всё ль одно и то же:
Забыться праздною душой
В блестящей зале, в модной ложе,

---

[742] Пушкин вспоминает свое пребывание в цыганском таборе под Кишиневом.
[743] *«Сен-Мар»* — роман (1826) Альфреда де Виньи.
[744] Но где (итал.). Ария из оперы Галуппи (1703—1785) по трагедии Метастазио «Покинутая Дидона» (опера Галуппи, приглашенного Екатериной II в 1766 г. в Россию, исполнялась в Петербурге).

Или в кибитке кочевой?

1829

Александр Пушкин

Прощай

Прощай! не нужно мне участья:
Не жалуюсь, не плачу я.
Тебе— вся прелесть бытия,
Тебе — весь блеск земного счастья,
Тебе — любовь, тебе — цветы,
Тебе — все жизни наслажденья;
Мне — сердца тайные мученья
Да безотрадные мечты.
Прощай! пришла пора разлуки...
Иду в печальный, долгий путь...
Бог весть, придется ль отдохнуть
Мне здесь от холода и скуки!

1847

Юлия Жадовская

К морю[745]

[745] Прощание с морем связано с отъездом Пушкина из Одессы, где он прожил год, в новую ссылку — в Михайловское.

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
Как часто по брегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас,
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Смиренный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно средь зыбей:
Но ты взыграл, неодолимый,
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить

Мой поэтической побег!

Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,[746]
У берегов остался я...

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.[747]

Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

---

[746] Имеется в виду чувство к гр. Елизавете Ксаверьевне Воронцовой (1790—1880).
[747] Байрон умер 7/19 апреля 1824 г. в Греции, куда он приехал летом 1823 г. для участия в национально-освободительной борьбе греков.

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим.

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба людей повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Уж просвещенье иль тиран.[748]

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

1824

Александр Пушкин

Лебедь

Пускай орел за облаками

[748] Сближение просвещенья и тирании как отрицательных явлений отражает свойственное романтикам представление о губительности цивилизации для морали, для блага человека.

Встречает молнии полет
И неподвижными очами
В себя впивает солнца свет.[749]

Но нет завиднее удела,
О лебедь чистый, твоего —
И чистой, как ты сам, одело
Тебя стихией божество.

Она, между двойною бездной,
Лелеет твой всезрящий сон —
И полной славой тверди звездной
Ты отовсюду окружен.[750]

Между 1838 и серединой 1839

Федор Тютчев

* * *

Пускай увенчанный любовью красоты
В заветном золоте хранит ее черты
И письма тайные, награды долгой муки,
Но в тихие часы томительной разлуки
Ничто, ничто моих не радует очей,

---

[749] Тютчев имеет в виду поверье о том, что орел может смотреть на солнце, не закрывая глаз.
[750] Противопоставление лебедя и орла как символов лирического и политического поэтов, характерное для поэтики классицизма, было унаследовано многими романтиками. Символическое значение образа лебедя связано с древнегреческим преданием о том, что души поэтов после смерти превращаются в лебедей. Антитеза лебедя и орла имеет в стихотворении еще одно значение: Россия (в гербе которой орел) противопоставляется Баварии (в гербе Людвига Баварского лебедь). *Слава* здесь употреблено в своем исконном значении: лучезарное сияние, великолепие.

И ни единый дар возлюбленной моей,
Святой залог любви, утеха грусти нежной —
Не лечит ран любви безумной, безнадежной.

1824

Александр Пушкин

Первый снег

(В 1817-м году)

Пусть нежный баловень полуденной природы,
Где тень душистее, красноречивей воды,
Улыбку первую приветствует весны!
Сын пасмурных небес полуночной страны,
Обыкший к свисту вьюг и реву непогоды,
Приветствую душой и песнью первый снег.
С какою радостью нетерпеливым взглядом
Волнующихся туч ловлю мятежный бег,
Когда с небес они на землю веют хладом!
Вчера еще стенал над онемевшим садом
Ветр скучной осени, и влажные пары
Стояли над челом угрюмыя горы
Иль мглой волнистою клубилися над бором.
Унынье томное бродило тусклым взором
По рощам и лугам, пустеющим вокруг.
Кладбищем зрелся лес; кладбищем зрелся луг.

Пугалище дриад, приют крикливых вранов,[751]
Ветвями голыми махая, древний дуб
Чернел в лесу пустом, как обнаженный труп,
И воды тусклые, под пеленой туманов,
Дремали мертвым сном в безмолвных берегах.
Природа бледная, с унылостью в чертах,
Поражена была томлением кончины.
Сегодня новый вид окрестность приняла,
Как быстрым манием чудесного жезла;
Лазурью светлою горят небес вершины;
Блестящей скатертью подернулись долины,
И ярким бисером усеяны поля.
На празднике зимы красуется земля
И нас приветствует живительной улыбкой.
Здесь снег, как легкий пух, повис на ели гибкой;
Там, темный изумруд посыпав серебром,
На мрачной со́сне он разрисовал узоры.
Рассеялись пары, и засверкали горы,
И солнца шар вспылал на своде голубом.
Волшебницей зимой весь мир преобразован;
Цепями льдистыми покорный пруд окован
И синим зеркалом сравнялся в берегах.
Забавы ожили; пренебрегая страх,
Сбежались смельчаки с брегов толпой игривой
И, празднуя зимы ожиданный возврат,
По льду свистящему кружатся и скользят.
Там ловчих полк готов; их взор нетерпеливый

---

[751] *Дриады* — нимфы-покровительницы деревьев (греч. миф.).

Допрашивает след добычи торопливой, —
На бегство робкого нескромный снег донес;
С неволи спущенный за жертвой хищный пес
Вверяется стремглав предательскому следу,
И довершает нож кровавую победу.
Покинем, милый друг, темницы мрачный кров!
Красивый выходец кипящих табунов,
Ревнуя на бегу с крылатоногой ланью,
Топоча хрупкий снег, нас по полю помчит.
Украшен твой наряд лесов сибирских данью,
И соболь на тебе чернеет и блестит.
Презрев мороза гнев и тщетные угрозы,
Румяных щек твоих свежей алеют розы,
И лилия свежей белеет на челе.
Как лучшая весна, как лучшей жизни младость,
Ты улыбаешься утешенной земле,
О, пламенный восторг! В душе блеснула радость,
Как искры яркие на снежном хрустале.
Счастлив, кто испытал прогулки зимней сладость!
Кто в тесноте саней с красавицей младой,
Ревнивых не боясь, сидел нога с ногой,
Жал руку, нежную в самом сопротивленье,
И в сердце девственном впервой любви смятенья,
И думу первую, и первый вздох зажег,
В победе сей других побед прияв залог.
Кто может выразить счастливцев упоенье?
Как вьюга легкая, их окриленный бег
Браздами ровными прорезывает снег
И, ярким облаком с земли его взвевая,

Сребристой пылию окидывает их.
Стеснилось время им в один крылатый миг.
По жизни так скользит горячность молодая,
И жить торопится, и чувствовать спешит!
Напрасно прихотям вверяется различным;
Вдаль увлекаема желаньем безграничным,
Пристанища себе она нигде не зрит.
Счастливые лета! Пора тоски сердечной!
Но что я говорю? Единый беглый день,
Как сон обманчивый, как привиденья тень,
Мелькнув, уносишь ты обман бесчеловечный!
И самая любовь, нам изменив, как ты,
Приводит к опыту безжалостным уроком
И, чувства истощив, на сердце одиноком
Нам оставляет след угаснувшей мечты.
Но в памяти души живут души утраты.
Воспоминание, как чародей богатый,
Из пепла хладного минувшее зовет
И глас умолкшему и праху жизнь дает.
Пусть на омытые луга росой денницы[752]
Красивая весна бросает из кошницы[753]
Душистую лазурь и свежий блеск цветов;
Пусть, растворяя лес очарованьем нежным,
Влечет любовников под кровом безмятежным
Предаться тихому волшебству сладких снов! —
Не изменю тебе воспоминаньем тайным,
Весны роскошныя смиренная сестра,

---

[752] *Денница* — утреняя заря, утренняя звезда (планета Венера).
[753] *Кошница* — корзина.

О сердца моего любимая пора!
С тоскою прежнею, с волненьем обычайным,
Клянусь платить тебе признательную дань;
Всегда приветствовать тебя сердечной думой,
О первенец зимы, блестящей и угрюмой!
Снег первый, наших нив о девственная ткань!

Ноябрь 1819

Петр Вяземский

Мечтания

Пусть пасмурный октябрь осенней дышит стужей,
Пусть сеет мелкий дождь или порою град
В окошки звякает, рябит и пенит лужи,
Пусть сосны черные, качаяся, шумят,
И даже без борьбы, покорно, незаметно,
Сдает угрюмый день, больной и бесприветный,
Природу грустную ночной холодной мгле, —
Я одиночества не знаю на земле.
Забившись на диван, сижу; воспоминанья
Встают передо мной; слагаются из них
В волшебном очерке чудесные созданья
И люди движутся, и глубже каждый миг
Я вижу души их, достоинства их мерю
И так уж наконец в присутствие их верю,
Что даже кажется, их видит черный кот,
Который, поместясь на стол, под образами,
Подымет морду вдруг и желтыми глазами

По темной комнате, мурлыча, поведет...

1855

Аполлон Майков

Пчелка

Пчелка златая!
Что ты жужжишь?
Всё вкруг летая,
Прочь не летишь?
Или ты любишь
Лизу мою?

Соты ль душисты
В желтых власах,
Розы ль огнисты
В алых устах,
Сахар ли белый
Грудь у нее?

Пчелка златая!
Что ты жужжишь?
Слышу, вздыхая,
Мне говоришь:
К меду прилипнув,
С ним и умру.

1796

Гаврила Державин

* * *

Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять;
Вдруг охотник прибегает,
Из ружья в него стреляет...
Пиф-паф! ой, ой, ой!
Умирает зайчик мой![754]

1851

Федор Миллер

Объявление

Разыгрывать на днях новейшу драму станут.
Сумбур, творец ее, ручается собой,
Что слезы зрители польют река рекой,
Что волосы у них от страха дыбом станут!
Акт первый: трубный глас, гром пушек, барабаны,
Кровавая война, сраженье, вопли, раны...
Вдали кладби́ще, гошпита́ль...
Второй акт: дождь, гроза, растрепанна Печаль
По сцене бегает и водит за собою

[754] Каждый читатель может ощутить себя таким зайчиком и погрустить-посмеяться над своей жизнью. И как замечательно она описана: «Раз, два, три, четыре, пять»! (Примечание составителя.)

Своя́ка Голода с сестрицею Чумою;
И с ревом рыскают медведи, львы в лесах.
Акт третий: ужас! страх!
Землетрясение и преставленье света...
Смерть одинокая, во вдовий креп одета,
Хоронит человечий род!
Финал: балет чертей и фурий хоровод.

1810

Петр Вяземский

* * *

Ранней осени подарок —
Голубой, прозрачный день...
Полдень блещущий не жарок;
Не нужна густая тень.

Близ пути, под дикой грушей,
На траве скамья стоит;
«Сядь сюда! Смотри да слушай!» —
Мне как будто говорит.

Сел. Смотрю кругом и внемлю.
Долго, кажется, сижу...
То на небо, то на землю
С благодарностью гляжу.

Нет болтливого народу...

Тишина... Лишь мошек рой
Всё про ясную погоду
Распевает надо мной...

10 сентября 1883. Близ Цюриха

Алексей Жемчужников

Утро[755]

Рассвело, щебечут птицы
Под окном моей темницы;
Как на воле любо им!
Пред тюрьмой поют, порхают,
Ясный воздух рассекают
Резвым крылышком своим.
Птицы! Как вам петь не стыдно,
Вы смеетесь надо мной.
Ах! теперь мне всё завидно,
Даже то завидно мне,
Что и снег на сей стене,
Застилая камень мшистый,
Не совсем его покрыл.
Кто ж меня всего зарыл?
Выду ли на воздух чистый —
Я, как дышат им, забыл.

Начало 1826

---

[755] Стихотворение написано в в Петропавловской крепости, в одиночном заключении, в дни следствия и ожидания приговора.

Александр Одоевский

Разлука

Расстались мы; на миг очарованьем,
На краткий миг была мне жизнь моя,
Словам любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьем!
Я всё имел, лишился вдруг всего;
Лишь начал сон... исчезло сновиденье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мне от счастья моего.

1820

Евгений Боратынский

* * *

Рассыпаяся смехом ребенка,
Явно в душу мою влюблены,
Пролетают прозрачно и звонко
Надо мною блаженные сны.

И, мгновенной охвачен истомой,
Снова молодость чую свою;
Узнаю я и голос знакомый
И победный призыв узнаю.

И когда этой песне внимаю,
Окрыленный восторгом, не лгу,
Что я всё без речей понимаю
И к чему призывает — могу!

13 марта 1892

Афанасий Фет

Эхо

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом —
        На всякой звук
Свой отклик в воздухе пустом
        Родишь ты вдруг.[756]

Ты внемлешь грохоту громов
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —
        И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
        И ты, поэт!

1831

[756] *Вдруг* здесь означает «тут же» (мгновенную последовательность во времени, а не неожиданность).

Александр Пушкин

* * *[757]

Редеет облаков летучая гряда;
Звезда печальная, вечерняя звезда,
Твой луч осеребрил увядшие равнины,
И дремлющий залив, и черных скал вершины;
Люблю твой слабый свет в небесной вышине:
Он думы разбудил, уснувшие во мне.
Я помню твой восход, знакомое светило,
Над мирною страной, где всё для сердца мило,
Где стройны тополы в долинах вознеслись,
Где дремлет нежный мирт и темный кипарис,
И сладостно шумят полуденные волны.
Там некогда в горах, сердечной думы полный,
Над морем я влачил задумчивую лень,
Когда на хижины сходила ночи тень —
И дева юная во мгле тебя искала
И именем своим подругам называла.

1820

Александр Пушкин

[757] Написано в Каменке, Киевском имении братьев Давыдовых, у которых Пушкин гостил с ноября 1820 г. по февраль 1821 г. В элегии отражены гурзуфские впечатления поэта. Она посвящена, по-видимому, одной из дочерей генерала Раевского. «Признаюсь, одной мыслию этой женщины, — писал Пушкин, — дорожу я более, чем мнениями всех журналов на свете и всей нашей публики» (письмо к А. А. Бестужеву от 29 июня 1824 г.). Поэт негодовал, что Бестужев напечатал три последних стиха этой элегии, в которых говорится о любимой им женщине.

* * *

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.[758]

6 июля 1816

Гаврила Державин

19 октября[759]

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружных гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,[760]
Минутное забвенье горьких мук.

---

[758] Последние стихи Державина. В заметке, приложенной к этим стихам в «Сыне отечества» (1816), сказано: «За три дня до кончины своей (8 июля 1816 г. — *И. Ф.),* глядя на висевшую в кабинете его известную историческую карту: *Река времен,* начал он стихотворение *На тленность* и успел написать первый куплет».
[759] 19 октября — день основания Лицея, постоянно отмечавшийся лицеистами первого выпуска.
[760] *Похмелье* — опьянение.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовет;
Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждет.

Я пью один, и на брегах Невы
Меня друзья сегодня именуют...
Но многие ль и там из вас пируют?
Еще кого не досчитались вы?
Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлек холодный свет?
Чей глас умолк на братской перекличке?
Кто не пришел? Кого меж вами нет?

Он не пришел, кудрявый наш певец,[761]
С огнем в очах, с гитарой сладкогласной:
Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русскою могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашел привет унылый
Сын севера, бродя в краю чужом.

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,

[761] Корсаков, Николай Александрович, композитор, умерший 26 сентября 1820 г. во Флоренции.

Чужих небес любовник беспокойный?[762]
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полунощных морей?
Счастливый путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальны нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечталися тебе;
Ты простирал из-за́ моря нам руку,
Ты нас одних в младой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!»[763]

Друзья мои, прекрасен наш союз
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастие куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Из края в край преследуем грозой,

---

[762] Матюшкин, Федор Федорович (1799—1872), моряк; он был в это время уже в третьем плаванье, кругосветном.
[763] Перифраз заключительных стихов "Прощальной песни воспитанников царскосельского лицея" Дельвига: «Судьба на вечную разлуку, / Быть может, здесь сроднила нас».

Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
Устав, приник ласкающей главой...
С мольбой моей печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет,
Друзьям иным душой предался нежной;
Но горек был небратский их привет.

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;[764]
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его лицея превратил.

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,[765]
Хвала тебе — фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Всё тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Когда постиг меня судьбины гнев,

---

[764] Пущин приезжал к Пушкину в Михайловское на один день, 11 января 1825 г. Он рассказал позднее об этом посещении в своих «Записках о Пушкине».
[765] А. М. Горчаков встретился с Пушкиным у своего дяди, А. Н. Пещурова, в имении Лямоново, недалеко от Михайловского, летом 1825 г.

Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев,
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.[766]

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел:
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар как жизнь я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся — но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм,[767] не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?

Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья!

---

[766] Дельвиг гостил у Пушкина в Михайловском в апреле 1825 г.
[767] Кюхельбекер.

Сокроем жизнь под сень уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый друг —
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!
О сколько слез и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует лицей!
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Полней, полней! и сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье.

Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал лицей.[768]

Пируйте же, пока еще мы тут!
Увы, наш круг час от часу редеет;
Кто в гробе спит, кто, дальный, сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день лицея
Торжествовать придется одному?

Несчастный друг! средь новых поколений
Докучный гость и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...[769]
Пускай же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш опальный,
Его провел без горя и забот.

---

[768] В первоначальной беловой редакции далее следовала строфа, которую Пушкин не ввел в окончательный текст:
Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию — и мертвым и живым,
К устам подняв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.
Куницын, Александр Петрович (1783—1840) — преподаватель «нравственных и политических наук» в Царскосельском лицее, один из самых любимых и уважаемых профессоров Пушкина, известный своими передовыми убеждениями.
[769] Пережил всех товарищей по выпуску А. М. Горчаков, умерший 84 лет.

1825

Александр Пушкин

* * *

Румяный критик мой, насмешник толстопузый,
Готовый век трунить над нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладим ли с проклятою хандрой.
Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий,
За ними чернозем, равнины скат отлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? где темные леса?
Где речка? На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца. И то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
И листья на другом, размокнув и желтея,
Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борея.[770]
И только. На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок, за ним две бабы вслед.
Без шапки он; несет подмышкой гроб ребенка
И кличет издали ленивого попенка,
Чтоб тот отца позвал да церковь отворил.
Скорей! ждать некогда! давно бы схоронил.

Что ж ты нахмурился? — Нельзя ли блажь оставить!

---

[770] *Борей* (греч.) — сильный северный ветер.

И песенкою нас веселой позабавить? —

——

Куда же ты? — В Москву, чтоб графских именин
Мне здесь не прогулять.
— Постой — а карантин![771]
Ведь в нашей стороне индейская зараза.
Сиди, как у ворот угрюмого Кавказа
Бывало, сиживал покорный твой слуга;[772]
Что, брат? уж не трунишь, тоска берет — ага!

1830

Александр Пушкин

Русалка

1

Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.

2

[771] Осенью 1830 г. Россию охватила эпидемия холеры. Вокруг Болдина были установлены карантины.
[772] На обратном пути из Арзрума в Тифлис, в июле 1829 г., Пушкин провел три дня в карантине в Гумрах (см. «Путешествие в Арзрум», глава V).

И шумя и крутясь колебала река
Отраженные в ней облака;
И пела русалка — и звук ее слов
Долетал до крутых берегов.

3

И пела русалка: «На дне у меня
Играет мерцание дня;
Там рыбок златые гуляют стада,
Там хрустальные есть города;

4

«И там на подушке из ярких песков,
Под тенью густых тростников,
Спит витязь, добыча ревнивой волны,
Спит витязь чужой стороны...

5

«Расчесывать кольца шелкóвых кудрей
Мы любим во мраке ночей,
И в чело и в уста мы, в полуденный час,
Целовали красавца не раз.

6

«Но к страстным лобзаньям, не знаю зачем,
Остается он хладен и нем;

Он спит, — и склонившись на перси ко мне,
Он не дышит, не шепчет во сне».

7

Так пела русалка над синей рекой,
Полна непонятной тоской;
И, шумно катясь, колебала река
Отраженные в ней облака.

1832

Михаил Лермонтов

* * *

Саван белый... Смерть — картина...
Ум смиряющая даль...
Ты уймись, моя кручина,
Пропади, моя печаль!

В этом царстве запустенья
И великой немоты,
Что же значат все мученья —
Что же значим я и ты?

Константин Случевский

* * *

Сад весь в цвету,
Вечер в огне,
Так освежительно-радостно мне!

Вот я стою,
Вот я иду,
Словно таинственной речи я жду.

Эта заря,
Эта весна
Так непостижна, зато так ясна!

Счастья ли полн,
Плачу ли я,
Ты — благодатная тайна моя.

1884

Афанасий Фет

* * *

Сад снегом занесло: метелица и вьюга!
И это всякий день! Нет мыслящего друга.
Кому мне передать со скукою борьбу?
Ветр воет и свистит в каминную трубу!
Читаю и пишу всё утро до обеда,
Но с книгами, с пером — безмолвная беседа!
Мне нужен разговор — его-то здесь и нет!
В двенадцати верстах от нас живет сосед,

Забытый человек которого-то века.
Поехал посмотреть живого человека —
К нему проезду нет! Снег пó грудь лошадям,
В ухабах — пропадешь: как по морским волнам
Кидает каждый миг ныряющие сани!
«Пошел назад!» А там, подалее к Сызрани,
Где верст пятнадцать степь в длину и ширину,
Обоз и спутники в ночь вьюжную одну
Дорогу, как в степях Сахары, потеряли,
Увязли и в снегу рассвета ожидали!
Той ночью волк поел у мельницы гусей,
А нынче на мосту перепугал людей!
Вот наши новости! О людях уж ни слова!
Подкатится к крыльцу вдруг тройка станового...
«О! чтоб его совсем!» — «Поставьте самовар,
Да рому!» — Вот чем здесь поддерживают жар
И тела и души! О родина святая!
Чье сердце не дрожит, тебя благословляя![773]

9 февраля 1849. Село Богородское

Михаил Дмитриев

Старый парк

Сбирались умирать последние цветы
И ждали с грустию дыхания мороза;
Краснели по краям кленовые листы,

---

[773] *О родина святая! Чье сердце не дрожит, тебя благословляя* — неточная цитата из «Певца во стане русских воинов» Жуковского.

Горошек отцветал, и осыпалась роза.

Над мрачным ельником проснулася заря,
Но яркости ее не радовались птицы;
Однообразный свист лишь слышен снегиря,
Да раздражает писк насмешливой синицы.

Беседка старая над пропастью видна.
Вхожу. Два льва без лап на лестнице встречают.
Полузатертые чужие имена,
Сплетаясь меж собой, в глазах моих мелькают.

Гляжу. У ног моих отвесною стеной
Мне сосен кажутся недвижные вершины,
И горная тропа, размытая водой,
Виясь как желтый змей, бежит на дно долины.

И солнце вырвалось из тучи, и лучи,
Блеснув как молния, в долину долетели.
Отсюда вижу я, как бьют в пруде ключи
И над травой стоят недвижные форели.

Один. Ничьих шагов не слышу за собой.
В душе уныние, усилие во взоре.
А там, за соснами, как купол голубой,
Стоит бесстрастное, безжалостное море.

Как чайка, парус там белеет в высоте.
Я жду, потонет он, но он не утопает
И, медленно скользя по выгнутой черте,

Как волокнистый след пропавшей тучки тает.

1854

Афанасий Фет

* * *

Сват Иван, как пить мы станем,
Непременно уж помянем
Трех Матрен, Луку с Петром,
Да Пахомовну потом.
Мы живали с ними дружно,
Уж как хочешь — будь что будь —
Этих надо помянуть,
Помянуть нам этих нужно.
Поминать так поминать,
Начинать так начинать,
Лить так лить, разлив разливом.
Начинай-ка, сват, пора.
Трех Матрен, Луку, Петра
В первый раз помянем пивом,
А Пахомовну потом
Пирогами да вином,
Да еще ее помянем:
Сказки сказывать мы станем —
Мастерица ведь была
И откуда что брала.
А куды разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,

Небылицы, былины
Православной старины!..
Слушать, так душе отрадно.
И не пил бы и не ел,
Всё бы слушал да сидел.
Кто придумал их так ладно?
Стариков когда-нибудь
(Жаль, теперь нам не досужно)
Надо будет помянуть —
Помянуть и этих нужно... —
Слушай, сват, начну первой,
Сказка будет за тобой.[774]

1833

Александр Пушкин

* * *

Свеж и душист твой роскошный венок,
Всех в нем цветов благовония слышны,
Кудри твои так обильны и пышны,
Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок,
Ясного взора губительна сила, —
Нет, я не верю, чтоб ты не любила:
Свеж и душист твой роскошный венок.

[774] Написано в стиле народных прибауток-поминаний, в которых неизменно фигурируют вошедшие и в стихотворение Пушкина три Матрены, Лука и Петр.

Свеж и душист твой роскошный венок,
Счастию сердце легко предается:
Мне близ тебя хорошо и поется.
Свеж и душист твой роскошный венок.

1847

Афанасий Фет

Сон русского на чужбине

Отечества и дым нам сладок и приятен!
Державин

Свеча, чуть теплясь, догорала,
Камин, дымяся, погасал;
Мечта мне что-то напевала,
И сон меня околдовал...
Уснул — и вижу я долины
В наряде праздничном весны
И деревенские картины
Заветной *русской* стороны!..
Играет рог, звенят цевницы,
И гонят парни и девицы
Свои стада на влажный луг.
Уж веял, веял теплый дух
Весенней жизни и свободы
От долгой и крутой зимы.
И рвутся из своей тюрьмы
И хлещут с гор кипучи воды.
Пловцов брадатых на стругах

Несется с гулом отклик долгой;
И широко гуляет Волга
В заповедны́х своих лугах...
Поляны муравы одели,
И, вместо пальм и пышных роз,
Густые молодеют ели,
И льется запах от берез!..
И мчится тройка удалая
В Казань дорогой столбовой,
И колокольчик — дар Валдая —[775]
Гудит, качаясь под дугой...
Младой ямщик бежит с полночи:
Ему сгрустнулося в тиши,
И он запел про *ясны очи*,
Про очи девицы-души:
«Ах, очи, очи голубые!
Вы иссушили молодца!
Зачем, о люди, люди злые,
Зачем разрознили сердца?
Теперь я горький сиротина!»
И вдруг махнул по всем по трем...
Но я расстался с милым сном,
И чужеземная картина
Сияла пышно предо мной.
Немецкий город... всё красиво,
Но я в раздумье молчаливо
Вздохнул по стороне родной...

---

[775] По преданию, когда в 1478 году царь Иван III приказал увезти мятежный новгородский вечевой колокол в Москву, при переезде через Валдайские горы он сорвался с повозки и разбился. Из его осколков якобы и родились знаменитые валдайские ямщицкие колокольчики. На самом же деле ямщицкие (почтовые) колокольчиков в России появились в последней четверти XVIII века.

1825

Федор Глинка

Элегия

Свободен я: уже не трачу
Ни дня, ни ночи, ни стихов
За милый взгляд, за пару слов,
Мне подарённых наудачу
В часы бездушных вечеров;
Мои светлеют упованья,
Печаль от сердца отошла,
И с ней любовь: так пар дыханья
Слетает с чистого стекла!

1825

Николай Языков

К Пельцеру[776]

Свободны, млады, в цвете сил,
Мы весело, мы шумно жили:
Нас Бахус пламенный любил,
Нас девы хищные любили;
В обгон летели наши дни,

[776] *Пельцер* Карл (1801—1863) — товарищ Языкова по университету.

Светились ярко наши ночи…
Так в туче реются огни,
Так блещут радостные очи!
И где ж она, товарищ мой,
Сия волшебная година;
Где наши песни, наши вина
И праздник жизни удалой?
Всё миновалось!.. На разлуку,
Задумчив, тих, твоей руке
Мою протягиваю руку;
Предвижу сон, предвижу скуку
В моем пустынном уголке,
Где мы, надежд могучих полны,
Пивали сладость бытия
И где вчера еще, как волны,
Шумели бурные друзья.
Но, милый мой, пройдет ненастье:
Когда-нибудь и где-нибудь,
Хотя на миг, земное счастье
Украсит жизненный наш путь:
Я обниму тебя, как брата,
Под кровом доброго пената
С твоим сольется мой досуг;
Тогда, мой друг, тогда, мой друг,
Последний грош ребром поставлю,
Упьюсь во имя прошлых дней
И поэтически отправлю
Поминки юности моей!

1826

Николай Языков

* * *

Свободы гордой вдохновенье!
Тебя не слушает народ:
Оно молчит, святое мщенье,
И на царя не восстает.

Пред адской силой самовластья,
Покорны вечному ярму,
Сердца не чувствуют несчастья
И ум не верует уму.

Я видел рабскую Россию:
Перед святыней алтаря,
Гремя цепьми, склонивши выю,
Она молилась за царя.

1824

Николай Языков

* * *

Изыде сеятель сеяти семена своя.[777]

[777] Эпиграф взят из Евангелия от Матфея, гл. 13, ст. 3. Оттуда же и образ первых стихов (пустынный — одинокий).

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

1823

Александр Пушкин

* * *

Своенравное прозванье
Дал я милой в ласку ей:
Безотчетное созданье
Детской нежности моей;
Чуждо явного значенья,
Для меня оно симво́л
Чувств, которых выраженья
В языках я не нашел.
Вспыхнув полною любовью

И любви посвящено,
Не хочу, чтоб суесловью
Было ведомо оно.
Что в нем свету? Но сомненье
Если дух ей возмутит,
О, его в одно мгновенье
Это имя победит;
Но в том мире, за могилой,
Где нет образов, где нет
Для узнанья, друг мой милой,
Здешних чувственных примет,
Им бессмертье я привечу,
Им в тебе воскликну я,
И душе моей навстречу
Полетит душа твоя.[778]

1829—1832

Евгений Боратынский

* * *

Святая ночь на небосклон взошла,
    И день отрадный, день любезный,
Как золотой покров, она свила,
    Покров, накинутый над бездной.
И, как виденье, внешний мир ушел...

[778] Обращено к жене поэта Анастасии (Настасье) Львовне Боратынской. Как отметил М. Л. Гофман, в домашнем быту «своенравное прозванье» «переводится на язык прозы словом “Попинька”». Этим именем Боратынский называл Настасью Львовну в письмах.

И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь и немощен и гол,
Лицом к лицу пред пропастию темной.

На самого себя покинут он —
Упразднен ум, и мысль осиротела —
В душе своей, как в бездне, погружен,
И нет извне опоры, ни предела...
И чудится давно минувшим сном
Ему теперь всё светлое, живое...
И в чуждом, неразгаданном ночном
Он узнает наследье родовое.

Между 1848 и мартом 1850

Федор Тютчев

Рыбная ловля

Посвящается С. Т. Аксакову, Н. А. Майкову, А. Н. Островскому, И. Л. Гончарову, С. С. Дудышкину, А. И. Халанскому и всем понимающим дело

Себя я помнить стал в деревне под Москвою.
Бывало, ввечеру поу́дить карасей
Отец пойдет на пруд, а двое нас, детей,
Сидим на берегу под елкою густою,
Добычу из ведра руками достаем
И шепотом о ней друг с другом речь ведем...
С летами за отцом по ручейкам пустынным
Мы стали странствовать... Теперь то время мне
Является всегда каким-то утром длинным,
Особым уголком в безвестной стороне,

Где вечная заря над головой струится,
Где в поле по росе мой след еще хранится...
В столицу приведен насильно точно я;
Как будто, всем чужой, сижу на чуждом пире,
И, кажется, опять я дома в Божьем мире,
Когда лишь заберусь на бережок ручья,
Закину удочки, сижу в траве высокой...
Полдневный пышет жар — с зарей я поднялся, —
Откинешься на луг и смотришь в небеса,
И слушаешь стрекоз, покуда сон глубокой
Под теплый пар земли глаза мне не сомкнет...
О, чудный сон! душа Бог знает где, далеко,
А ты во сне живешь, как всё вокруг живет...

Но близкие мои — увы! — всё горожане...
И странствовать в лесу, поднявшися с зарей,
Иль в лодке осенью сидеть в сыром тумане,
Иль мокнуть на дожде, иль печься в летний зной —
Им дико кажется, и всякий раз я знаю,
Что, если с вечера я лесы разверну
И новые крючки навязывать начну,
Я тем до глубины души их огорчаю;
И лица важные нередко страсть мою
Корят насмешками: «Грешно, мол, для поэта
Позабывать Парнас и огорчать семью».
Я с горя пробовал послушать их совета —
Напрасно!.. Вот вчера, чтоб только сон прогнать,
Пошел на озеро; смотрю — какая гладь!
Лесистых берегов обрывы и изгибы,
Как зеркалом, водой повторены. Везде

Полоски светлые от плещущейся рыбы
Иль ласточек, крылом коснувшихся к воде...
Смотрю — усач солдат сложил шинель на травку,
Сам до колен в воде и удит на булавку.
«Что, служба?» — крикнул я. «Пришли побаловать
Маленько», — говорит. «Нет, клев-то как, служивый?»
«А клев-то? Да такой тут вышел стих счастливый,
Что в час-от на уху успели натаскать».

Ну, кто бы устоять тут мог от искушенья?
Закину, думаю, я разик — и назад!
Есть место ж у меня заветное: там скат
От самых камышей и мелкие каменья.
Тихонько удочки забравши, впопыхах
Бегу я к пристани. Вослед мне крикнул кто-то,
Но быстро оттолкнул челнок я свой от плота
И, гору обогнув, зарылся в камышах.

Злодеи рыбаки уж тут давно: вон с чёлном
Запрятался в тростник, тот шарит в глубине...
Есть что-то страстное в вниманьи их безмолвном,
Есть напряжение в сей людной тишине:
Лишь свистнет в воздухе леса волосяная
Да вздох послышится — упорно все молчат
И зорко издали друг за другом следят.
Меж тем живет вокруг равнина водяная,
Стрекозы синие колеблют поплавки,
И тощие кругом шныряют пауки,
И кружится, сребрясь, снетков веселых стая
Иль брызнет в стороны, от щуки исчезая.

Но вот один рыбак вскочил, и, трепеща,
Все смотрят на него в каком-то страхе чутком:
Он, в обе руки взяв, на удили́ще гнутком
Выводит на воду упорного леща.
И черно-золотой красавец повернулся
И вдруг взмахнул хвостом — испуганный, рванулся.
«Отдай, отдай!» — кричат, и снова в глубину
Идет чудовище, и ходит, вся в струну
Натянута, леса... Дрожь вчуже пробирает!..
А тут мой поплавок мгновенно исчезает.
Тащу — леса в воде описывает круг,
Уже зияет пасть зубастая — и вдруг
Взвилась моя леса, свистя над головою...
Обгрызла!.. Господи!.. Но, зная норов щук,
Другую удочку за тою же травою
Тихонько завожу и жду едва дыша...
Клюет... Напрягся я и, со всего размаха,
Исполненный надежд, волнуяся от страха,
Выкидываю вверх — чуть видного ерша...
О, тварь негодная!.. От злости чуть не плачу,
Кляну себя, людей и мир за неудачу
И как на угольях, закинув вновь, сижу,
И только комары, облипшие мне щеки,
Обуздывают гнев на промах мой жестокий.

Чтобы вздохнуть, кругом я взоры обвожу.
Как ярки горы там при солнце заходящем!
Как здесь, вблизи меня, с своим шатром сквозящим,
Краснеют темных сосн сторукие стволы

И отражаются внизу в заливе черном,
Где белый пар уже бежит к подножьям горным.
С той стороны село. Среди сребристой мглы
Окошки светятся, как огненные точки;
Купанье там идет: чуть слышен визг живой,
Чуть-чуть белеются по берегу сорочки,
Меж тем как слышится из глубины лесной
Кукушка поздняя да дятел молодой...
Картины бедные полунощного края!
Где б я ни умирал, вас вспомню, умирая:
От сердца пылкого всё злое прочь гоня,
Не вы ль, миря с людьми, учили жить меня!..

Но вот уж смерклося. Свежеет. Вкруг ни звука.
На небе и водах погас пурпурный блеск.
Чу... тянут якоря! Раздался вёсел плеск...
Нет, видно, не возьмет теперь ни лещ, ни щука!
Вот если бы чем свет забраться в тростники,
Когда лишь по заре заметишь поплавки,
И то почти к воде припавши... Тут охота!..
Что ж медлить? Завтра же... Меж тем все челноки,
Толкаясь, пристают у низенького плота,
И громкий переклик несется на водах
О всех событьях дня, о порванных лесах,
И брань и похвальба, исполненные страсти.
На плечи, разгрузясь, мы взваливаем снасти,
И плещет ходкий плот, качаясь под ногой.
Идем. Под мокрою одеждой уж прохладно;
Зато как дышится у лодок над водой,
Где пахнет рыбою и свежестью отрадной,

Меж тем как и́з лесу чуть слышным ветерком,
Смолой напитанным, потянет вдруг теплом!..

О милые мои! Ужель вам не понятно,
Вам странно, отчего в тот вечер благодатный
С любовию в душе в ваш круг вбегаю я
И, весело садясь за ужин деревенской,
С улыбкой слушаю нападки на меня —
Невинную грозу запальчивости женской?
Бывало, с милою свиданье улучив
И уж обдумавши к свиданью повод новый,
Такой же приходил я к вам... Но что вы? что вы?
Что значит этот клик и смеха дружный взрыв?
Нет, полно! вижу я, не сговорить мне с вами!
Истома сладкая ко сну меня зовет.
Прощайте! Добрый сон!.. Уже двенадцать бьет...

Иду я спать... И вот опять перед глазами
Всё катится вода огнистыми струями
И ходят поплавки. На миг лишь задремал —
И кажется, клюет!.. Тут полно, сон пропал;
Пылает голова, и сердце бьется с болью.
Чуть показался свет, на цыпочках, как вор,
Я кра́дусь и́з дому и лезу чрез забор,
Взяв хлеба про запас с кристальной крупной солью,
Но на небе серо, и мелкий дождь идет,
И к стуже в воздухе заметен поворот;
Чуть видны берегов ближайшие извивы;
Не шелохнется лес, ни птица не вспорхнет, —
Но чувствую уже, что будет лов счастливый.

И точно. Дождь потом зашлепал всё сильней,
Вскипело озеро от белых пузырей,
И я промок насквозь, окостенели руки;
Но окунь — видно, стал бодрее с холодком —
Со дна и по верху гнался за червяком,
И ловко выхватил я прямо в челн две щуки...
Тут ветер потянул — и золотым лучом
Деревню облило. Э, солнце как высоко!
Уж дома самовар, пожалуй, недалеко...
Домой! И в комнату, пронизанный дождем,
С пылающим лицом, с душой и мыслью ясной,
Две щуки на снурке, вхожу я с торжеством
И криком все меня встречают: «Ах, несчастный!..»

Непосвященные! Напрасен с ними спор!
Искусства нашего непризнанную музу
И грек не приобщил к парнасскому союзу!
Нет, муза чистая, витай между озер!
И пусть бегут твои балованные сестры
На шумных поприщах гражданственности пестрой
За лавром, и хвалой, и памятью веков:
Ты, ночью звездною, на мельничной плотине,
В сем царстве свай, колес, и плесени, и мхов,
Таинственностью дух питай в святой пустыне!
Заслыша, что к тебе в тот час взываю я,
Заманивай меня по берегу ручья,
В высокой о́соке протоптанной тропинкой,
В дремучий, темный лес; играй, резвись со мной;
Облей в пути лицо росистою рябинкой;

Учи переходить по жердочке живой
Ручей, и, усадив за о́льхой серебристой
Над ямой, где лопух разросся круглолистый,
Где рыбе в затиши прохлада есть и тень,
Показывай мне, как родится новый день;
И в миг, когда спадет с природы тьмы завеса
И солнце вспыхнет вдруг на пурпуре зари,
Со всеми криками и шорохами леса
Сама в моей душе ты с Богом говори!
Да просветлен тобой, дыша, как часть природы,
Исполнюсь мощью я и счастьем той свободы,
В которой праотец народов, дни катя
К сребристой старости, был весел, как дитя!

1855

Аполлон Майков

* * *

Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло
С того блаженно-рокового дня,
Как душу всю свою она вдохнула,
Как всю себя перелила в меня.

И вот уж год, без жалоб, без упреку,
Утратив всё, приветствую судьбу...
Быть до конца так страшно одиноку,

Как буду одинок в своем гробу.[779]

15 июля 1865

Федор Тютчев

Поцелуй

Сей поцелуй, дарованный тобой,
Преследует мое воображенье:
И в шуме дня, и в тишине ночной
Я чувствую его напечатленье!
Сойдет ли сон и взор сомкнет ли мой,
Мне снишься ты, мне снится наслажденье;
Обман исчез, нет счастья! и со мной
Одна любовь, одно изнеможенье.

1822

Евгений Боратынский

Хандра
(Песня)

Сердца томная забота,
Безыменная печаль!
Я невольно жду чего-то,
Мне чего-то смутно жаль.

---

[779] Обращено, по всей вероятности, к близкому другу поэта А. И. Георгиевскому (1829—1911), мужу сестры Е. А. Денисьевой Марии.

Не хочу и не умею
Я развлечь свою хандру:
Я хандру свою лелею,
Как любви своей сестру.

Ей предавшись с сладострастьем,
Благодарно помню я,
Что сироткой под ненастьем
Разрослась любовь моя;

Дочь туманного созвездья,
Красных дней и ей не знать.
Ни сочувствий, ни возмездья
Бесталанной[780] не видать.

Дети тайны и смиренья,
Гости сердца моего
Остаются без призренья[781]
И не просят ничего.

Жертвы милого недуга,
Им знакомого давно,
Берегут они друг друга
И горюют заодно.

Их никто не приголубит,
Их ничто не исцелит...

---

[780] *Бесталанный* — (в народно поэтической речи) несчастный, обездоленный («бесталанная головушка»).
[781] *Призреть* — дать кому-либо приют и пропитание («призреть сироту»).

Поглядишь! хандра всё любит,
А любовь всегда хандрит.

1831

Петр Вяземский

Поэтам

Сердце трепещет отрадно и больно,
Подняты очи, и руки воздеты.
Здесь на коленях я снова невольно,
Как и бывало, пред вами, поэты.

В ваших чертогах мой дух окрылился,
Правду провидит он с высей творенья;
Этот листок, что иссох и свалился,
Золотом вечным горит в песнопеньи.

Только у вас мимолетные грезы
Старыми в душу глядятся друзьями,
Только у вас благовонные розы
Вечно восторга блистают слезами.

С торжищ житейских, бесцветных и душных,
Видеть так радостно тонкие краски,
В радугах ваших, прозрачно-воздушных,
Неба родного мне чудятся ласки.

5 июня 1890

Афанасий Фет

Осеннее утро

1800

Серы, волнисты, тучи дождливы
Медленно сеются врознь;
Сребряно ложе флёровых облак
Нежну покоит луну.

Мраки, редея, взору открыли
Спящу природу везде;
Изредка слышно карканье вранов,
Изредка гул в тишине,

Мало-помалу холмы яснеют,
Мрак исчезает с полей.
Дремлющи села петел будящий
К утренним кличет трудам.

Думы, заботы, горесть и радость
В оных проснулись теперь:
Скрыпнули створы, слышен уж частый
Бой молотящих цепов.

К темной дубраве путь я направлю,
К осени вниду во храм;
Ветер бушующ с свистом проносит
Бурю сквозь ветви древес.

Мертвые травы, желтые листья
Тщетно кропимы дождем:
Хладну лишь землю он напояя,
Сячется тихо в нее.

Образ истленья, скучную осень
Здесь оставляет мой дух,
В сладком забвеньи, с утренним паром
Медленно к небу взносясь.*

1800

Александр Востоков

Узник[782]

Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном,

Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно.
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай, улетим!

[782] Стихотворение создано в период южной ссылки и выражает душевное состояние поэта, чувствующего себя узником в политической обстановке царской России. Оно написано в то же время под впечатлением некоторых конкретных событий действительности: арест друга Пушкина декабриста В. Ф. Раевского; беседы с арестантами в кишиневском остроге, о посещении которого поэт писал в дневнике 1821 г.; ночное бегство оттуда нескольких человек, один из которых намекал Пушкину о готовящемся побеге; и, наконец, личные ощущения самого Пушкина, находившегося три недели под домашним арестом.

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!..»

1822

Александр Пушкин

* * *

Сияет солнце, воды блещут,
На всем улыбка, жизнь во всем,
Деревья радостно трепещут,
Купаясь в небе голубом.

Поют деревья, блещут воды,
Любовью воздух растворен,
И мир, цветущий мир природы,
Избытком жизни упоен.

Но и в избытке упоенья
Нет упоения сильней
Одной улыбки умиленья
Измученной души твоей...[783]

28 июля 1852

---

[783] Написано на Каменном острове (помета в рукописи) в Петербурге, где Тютчев жил с июня по сент. 1852 г. В последней строфе — обращение к Е. А. Денисьевой.

Федор Тютчев

* * *

Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас за песнию твоей.

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна — любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна — вся жизнь, что ты одна — любовь.

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!

1877

Афанасий Фет

Бородино[784]

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые?
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!»

— Да, были люди в наше время.
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют что ли командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:

---

[784] Написано, по всей вероятности, в январе 1837 г., в связи с исполнявшимся в этом году двадцатипятилетием со времени Отечественной войны 1812 г.

Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы тут-как-тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат, мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи;
«Пора добраться до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,

Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
— И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в бородинский бой.

Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,[785]
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

[785] Речь идет о французской кавалерии: уланы были вооружены пиками, к которым привязывались матерчатые флажки наподобие флюгеров; к каскам драгун прикреплялись конские хвосты для защиты от сабельных ударов.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена́, как тени,
В дыму огонь блестел.
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши груди;
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили басурманы.[786]
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы.

---

[786] *Басурман* — (искаженное из «мусульманин») — недоброжелательное обозначение магометанина (первонач. татарина), а также вообще иноверца, иноземца.

Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля.
Когда б на то не Божья воля,
    Не отдали б Москвы!

1837

Михаил Лермонтов

К мимопролетевшему знакомому гению[787]

Скажи, кто ты, пленитель безымянный?
С каких небес примчался ты ко мне?
Зачем опять влечешь к обетованной,
Давно, давно покинутой стране?

Не ты ли тот, который жизнь младую
Так сладостно мечтами усыплял
И в старину про гостью неземную —
Про милую надежду ей шептал?

Не ты ли тот, кем всё во дни прекрасны
Так жило там, в счастливых тех краях,
Где луг душист, где воды светло-ясны,
Где весел день на чистых небесах?

Не ты ль во грудь с живым весны дыханьем
Таинственной унылостью влетал,

[787] Вольный перевод стихотворения Шеллинга «Lied» («Песня»).

Ее теснил томительным желаньем
И трепетным весельем волновал?

Поэзии священным вдохновеньем
Не ты ль с душой носился в высоту,
Пред ней горел божественным виденьем,
Разоблачал ей жизни красоту?

В часы утрат, в часы печали тайной,
Не ты ль всегда беседой сердца был,
Его смирял утехою случайной
И тихою надеждою целил?

И не тебе ль всегда она внимала
В чистейшие минуты бытия,
Когда судьбы святыню постигала,
Когда лишь Бог свидетель был ея?

Какую ж весть принес ты, мой пленитель?
Или опять мечтой лишь поманишь
И, прежних дум напрасный пробудитель,
О счастии шепнешь и замолчишь?

О Гений мой, побудь еще со мною;
Бывалый друг, отлетом не спеши;
Останься, будь мне жизнию земною;
Будь ангелом-хранителем души.

1819

Василий Жуковский

Клен

Скажи, кудрявый сын лесов священных,
Исполненный могучей красоты,
Средь ка́мней, соков жизненных лишенных,
Какой судьбою вырос ты?

Ты развился перед моей тюрьмою...
Сколь многое напоминаешь мне!
Здесь не с кем мне... поговорю с тобою
О милой сердцу старине:

О времени, когда, подобно птице,
Жилице вольной средь твоих ветвей,
Я песнь свободную певал деннице
И блеску западных лучей;

Тогда с брегов смиренной Авиноры,[788]
В лесах моей Эстонии родной,
Впервые жадно в даль простер я взоры,
Мятежной мучимый тоской.

Твои всходящие до неба братья
Видали, как завешанную тьмой
Страну я звал, манил в свои объятья, —
И покачали головой.

---

[788] *Авинора* — река в Авинорме, имении родителей Кюхельбекера в Эстляндии, где прошло детство поэта.

А ныне ты свидетель совершенья
Того, что прорицали братья мне;
О ты, последний в мраке заточенья
Мой друг в далекой стороне![789]

2 июня 1832

Вильгельм Кюхельбекер

Ветка Палестины[790]

Скажи мне, ветка Палестины:
Где ты росла, где ты цвела?
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?

У вод ли чистых Иордана
Востока луч тебя ласкал,
Ночной ли ветр в горах Ливана
Тебя сердито колыхал?

Молитву ль тихую читали
Иль пели песни старины,
Когда листы твои сплетали

[789] Стихотворение написано в Свеаборге (совр. Суоменлинна) — крепости близ Хельсинки, в арестантских ротах.
[790] О «ветке Палестины» родственник и друг поэта А. П. Шан-Гирей рассказывает: «Пальмовая, искусно сплетенная ветка Палестины была привезена известным путешественником ко святым местам Андреем Николаевичем Муравьевым. С нею стоял он у заутрени в Вербное воскресенье в Иерусалиме и подарил ее Лермонтову». При виде этой ветки перед образами в доме Муравьева Лермонтов «по мгновенному вдохновению» записал стихотворение на том же листке, где была им оставлена записка хозяину дома.

Солима бедные сыны?[791]

И пальма та жива ль поныне?
Всё так же ль манит в летний зной
Она прохожего в пустыне
Широколиственной главой?

Или в разлуке безотрадной
Она увяла, как и ты,
И дольний прах ложится жадно
На пожелтевшие листы?..

Поведай: набожной рукою
Кто в этот край тебя занес?
Грустил он часто над тобою?
Хранишь ты след горючих слез?

Иль, Божьей рати лучший воин,
Он был, с безоблачным челом,
Как ты, всегда небес достоин
Перед людьми и божеством?..

Заботой тайною хранима
Перед иконой золотой
Стоишь ты, ветвь Ерусалима,
Святыни верный часовой!

---

[791] *Солим* — Иерусалим.

Прозрачный сумрак, луч лампады,
Кивот и крест, симво́л святой...[792]
Всё полно мира и отрады
Вокруг тебя и над тобой.

1837

Михаил Лермонтов

Осенние журавли

Сквозь вечерний туман мне, под небом стемневшим,
Слышен крик журавлей всё ясней и ясней...
Сердце к ним понеслось, издалёка летевшим,
Из холодной страны, с обнаженных степей.
Вот уж близко летят и, всё громче рыдая,
Словно скорбную весть мне они принесли...
Из какого же вы неприветного края
Прилетели сюда на ночлег, журавли?..

Я ту знаю страну, где уж солнце без силы,
Где уж савана ждет, холодея, земля
И где в голых лесах воет ветер унылый, —
То родимый мой край, то отчизна моя.
Сумрак, бедность, тоска, непогода и слякоть,
Вид угрюмый людей, вид печальный земли...
О, как больно душе, как мне хочется плакать!
Перестаньте рыдать надо мной, журавли!..

---

[792] *Кивот, киот* — ящик со стеклом или небольшой шкаф для икон, божница.

28 октября 1871. Югенгейм, близ Рейна

Алексей Жемчужников

Зимняя дорога[793]

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одне...

Скучно, грустно... Завтра, Нина,

[793] Стихотворение написано под впечатлением поездки во второй половине декабря 1826 г. из Пскова в Москву. Кто такая Нина — неизвестно.

Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

1826

Александр Пушкин

Освобожденный скворец

Скворушка, скворушка! Глянь-ко, как пышно
Дерево гибкие ветви развесило!
Солнце сверкает на листьях, и слышно,
Как меж собой они шепчутся весело.

Что ж ты сидишь такой чопорный, чинный?
Что не летаешь, не рéзвишься, скворушка?
Хвостик коротенький, нос зато длинный,
Ножки высокие, пестрое перышко.

Вскочишь на ветку, соскочишь обратно;
Смотришь лениво на листья зеленые;
Петь не поешь, а бормочешь невнятно,
Будто спросонья, слова заучённые.

Ты удивления, птица, достойна;
Этаких птиц на свободе не видано;
Очень уж что-то смирна и пристойна —
В клетке, знать, вскормлена, в клетке воспитана.

Скворушка, скворушка, ты с непривычки
Чуешь на воле тоску и лишения;
Ты ведь не то, что все прочие птички,
Дружные с волею прямо с рождения.

Вон как играют! Высоко, высоко
В небе их стая нестройная носится;
В поле, в лесу, за рекою далеко
Слышится звонкая разноголосица.

1857

Алексей Жемчужников

Мадонна Рафаэля

Склоняся к юному Христу,
Его Мария осенила,
Любовь небесная затмила
Ее земную красоту.

А он, в прозрении глубоком,
Уже вступая с миром в бой,
Глядит вперед — и ясным оком
Голгофу видит пред собой.

1858

Алексей Толстой

Старость

Сколько мне жить?.. Впереди — неизвестность.
Жизненный пламень еще не потух;
Бодрую силу теряет телесность,
Но, пробудясь, окрыляется дух.
Грустны и сладки предсмертные годы!
Это привычное мне бытие,
Эти картины родимой природы —
Всё это словно уже не мое.
Плоти не чувствую прежней обузы;
Жду перехода в обитель теней;
С милой землей расторгаются узы,
Дух возлетает всё выше над ней.
Чужд неспокойному страсти недугу,
Ведая тихую радость одну, —
Словно хожу по цветистому лугу,
Но ни цветов, ни травы уж не мну!..

1896

Алексей Жемчужников

Слезы

Сколько слез я про́лил,
Сколько тайных слез
Скрыться приневолил
В дни сердечных гроз!

Слезы, что пробились,
Позабыты мной;
Чувства освежились
Сладкой их росой.

Слезы, что осели
На сердечном дне,
К язвам прикипели
Ржавчиной во мне.

1829

Петр Вяземский

* * *

Скрип шагов вдоль улиц белых,
Огоньки вдали;
На стенах оледенелых
Блещут хрустали.

От ресниц нависнул в очи
Серебристый пух,
Тишина холодной ночи
Занимает дух.

Ветер спит, и всё немеет,
Только бы уснуть;
Ясный воздух сам робеет
На мороз дохнуть.

1858

Афанасий Фет

* * *

Скучная картина!
Тучи без конца,
Дождик так и льется,
Лужи у крыльца...
Чахлая рябина
Мокнет под окном;
Смотрит деревушка
Сереньким пятном.
Что ты рано в гости,
Осень, к нам пришла?
Еще просит сердце
Света и тепла!

Все тебе не рады!
Твой унылый вид
Горе да невзгоды
Бедному сулит.
Слышит он заране
Крик и плач ребят;
Видит, как от стужи
Ночь они не спят;
Нет одежды теплой,
Нету в печке дров...
Ты на чей же, осень,
Поспешила зов?

Вон и худ и бледен
Сгорбился больной...
Как он рад был солнцу,
Как был бодр весной!
А теперь — наводит
Желтых листьев шум
На́ душу больную
Рой зловещих дум!
Рано, рано, осень,
В гости к нам пришла...
Многим не дождаться
Света и тепла!

1860

Алексей Плещеев

* * *

Скучно мне вечно болтать о том, что высоко, прекрасно;
Все эти толки меня только к зевоте ведут...
Бросив педантов, бегу с тобой побеседовать, друг мой;
Знаю, что в этих глазах, черных и умных глазах,
Больше прекрасного, чем в нескольких стах фолиантах,[794]
Знаю, что сладкую жизнь пью с этих розовых губ.
Только пчела узнает в цветке затаенную сладость,
Только художник на всем чует прекрасного след.

1842

Афанасий Фет

В дороге

«Скучно! скучно!.. Ямщик удалой,
Разгони чем-нибудь мою скуку!
Песню, что ли, приятель, запой
Про рекрутский набор и разлуку;
Небылицей какой посмеши
Или, что ты видал, расскажи —
Буду, братец, за всё благодарен».

«Самому мне невесело, барин:
Сокрушила злодейка жена!..
Слышь ты, смолоду, сударь, она

[794] *Фолиант* — (нем. *Foliant*, от лат. *folium* лист) — книга форматом в сложенный пополам целый лист бумаги; (разг.) вообще толстая книга большого формата.

В барском доме была учена
Вместе с барышней разным наукам,
Понимаешь-ста, шить и вязать,
На варгане играть[795] и читать —
Всем дворянским манерам и штукам.
Одевалась не то, что у нас
На селе сарафанницы наши,
А, примерно представить, в атлас;
Ела вдоволь и меду и каши,
Вид вальяжный имела такой,[796]
Хоть бы барыне, слышь ты, природной,
И не то что наш брат крепостной,
Тоись, сватался к ней благородной
(Слышь, учитель-ста врезамшись был,
Баит кучер, Иваныч Торопка),
Да, знать, счастья ей Бог не судил:
Не нужна-ста в дворянстве холопка!

Вышла замуж господская дочь,
Да и в Питер... А справивши свадьбу,
Сам-ат, слышь ты, вернулся в усадьбу,
Захворал и на Троицу в ночь
Отдал Богу господскую душу,
Сиротинкой оставивши Грушу...
Через месяц приехал зятек —
Перебрал по ревизии души[797]
И с запашки ссадил на оброк,

---

[795] *Варган* — искаженное слово «орган»; здесь, очевидно, подразумевается пианино.
[796] *Вальяжный* — красивый, величественный.
[797] Т. е. проверил списки своих крепостных крестьян.

А потом добрался и до Груши.
Знать, она согрубила ему
В чем-нибудь, али напросто тесно
Вместе жить показалось в дому,
Понимаешь-ста, нам неизвестно.
Воротил он ее на село —
Знай-де место свое ты, мужичка!
Взвыла девка — крутенько пришло:
Белоручка, вишь ты, белоличка!

Как на грех, девятнадцатый год
Мне в ту пору случись... посадили
На тягло́[798] — да на ней и женили...
Тоись, сколько я нажил хлопот!
Вид такой, понимаешь, суровый...
Ни косить, ни ходить за коровой!..
Грех сказать, чтоб ленива была,
Да, вишь, дело в руках не спори́лось!
Как дрова или воду несла,
Как на барщину шла — становилось
Инда жалко подчас... да куды! —
Не утешишь ее и обновкой:
То натерли ей ногу коты,[799]
То, слышь, ей в сарафане неловко.
При чужих и туда и сюда,
А украдкой ревет как шальная...
Погубили ее господа,

---

[798] *Тя́гло* — трудоспособная крестьянская семья (муж с женой), которая принималась за хозяйственную единицу в имении помещика и которая обязана была отработать на барщине или выполнить установленную норму оброка.
[799] *Коты́* — здесь: род женских полусапожек.

А была бы бабенка лихая!

На какой-то патрет всё глядит
Да читает какую-то книжку...
Инда страх меня, слышь ты, щемит,
Что погубит она и сынишку:
Учит грамоте, моет, стрижет,
Словно ба́рченка, каждый день чешет,
Бить не бьет — бить и мне не дает...
Да недолго пострела потешит!
Слышь, как щепка худа и бледна,
Ходит, тоись, совсем через силу,
В день двух ложек не съест толокна[800] —
Чай, свалим через месяц в могилу...
А с чего?.. Видит Бог, не томил
Я ее безустанной работой...
Одевал и кормил, без пути не бранил,
Уважал, тоись, вот как, с охотой...
А, слышь, бить — так почти не бивал,
Разве только под пьяную руку...»

«Ну, довольно, ямщик! Разогнал
Ты мою неотвязную скуку!..»

1845

Николай Некрасов

---

[800] *Толокно́* — мука из поджаренного (предварительно заваренного) очищенного овса.

Думы беглеца на Байкале

Славное море — привольный Байкал,
Славный корабль — омулевая бочка.
Ну, баргузин, пошевеливай вал,
Плыть молодцу недалечко!

Долго я звонкие цепи носил;
Худо мне было в норах Акатуя.
Старый товарищ бежать пособил;
Ожил я, волю почуя.

Шилка и Нерчинск не страшны теперь;
Горная стража меня не видала,
В дебрях не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка — миновала.

Шел я и в ночь — и средь белого дня;
Близ городов я поглядывал зорко;
Хлебом кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.

Весело я на сосновом бревне
Вплавь чрез глубокие реки пускался;
Мелкие речки встречалися мне —
Вброд через них пробирался.

У моря струсил немного беглец:
Берег обширен, а нет ни корыта;
Шел я коргой — и пришел наконец

К бочке, дресвою замытой.

Нечего думать, — Бог счастье послал:
В этой посудине бык не утонет;
Труса достанет и на судне вал,
Смелого в бочке не тронет.

Тесно в ней было бы жить омулям;
Рыбки, утешьтесь моими словами:
Раз побывать в Акатуе бы вам —
В бочку полезли бы сами!

Четверо суток верчусь на волне;
Парусом служит армяк дыроватый,
Добрая лодка попалася мне, —
Лишь на ходу мешковата.

Близко виднеются горы и лес,
Буду спокойно скрываться под тенью;
Можно и тут погулять бы, да бес
Тянет к родному селенью.

Славное море — привольный Байкал,
Славный корабль — омулевая, бочка...
Ну, баргузин, пошевеливай вал:
Плыть молодцу недалечко!

Примечания

Беглецы из заводов и с поселений вообще известны под именем «прохожих». Они идут, не делая никаких шалостей, и питаются подаянием сельских жителей, которые не только не отказывают им никогда в куске хлеба, но

даже оставляют его в известных местах для удовлетворения голода прохожих. Беглецы не делают дорогою преступлений из боязни преследования; а жители не ловят их сколько потому, что это для них неудобно, а более из опасения, что пойманный, при новом побеге, отомстит поимщику. Беглецы боятся зверопромышленников и особенно бурят: существует убеждение, будто бы они стреляют прохожих (это и выражает стих: «Пуля стрелка — миновала»).
Беглецы с необыкновенною смелостию преодолевают естественные препятствия в дороге. Они идут через хребты гор, через болота, переплывают огромные реки на каком-нибудь обломке дерева; и были примеры, что они рисковали переплыть Байкал в бочках, которые иногда находят на берегу моря и в которых обыкновенно рыболовы солят омулей.
Шилка и Нерчинск. Под этими словами здесь разумеются всегда Шилкинский и Большой Нерчинский заводы. В последнем из них сосредоточено заводское управление. Говорят: «Партия ссыльных идет в Нерчинск»; значит — в Нерчинские заводы. Собственно же Нерчинск не что иное, как город, и туда никого за преступления не ссылают. *Акатуйский рудник* — место для самых злейших преступников. *Баргузин* — так называется на Байкале северо-восточный ветер, которым суда идут от Забайкалья на Иркутскую сторону. *Корга* — береговая отлогость.

1858

Дмитрий Давыдов (1811—1888)

Славянка[801]

(Элегия)

Славянка тихая, сколь ток приятен твой,

Когда, в осенний день, в твои глядятся воды

---

[801] Отрывок из элегии (ее начало). *Славянка* — река в Павловске. Здесь описываются некоторые виды ее берегов, и в особенности два памятника, произведение знаменитого Мартоса. Первый из них воздвигнут государынею вдовствующею императрицею в честь покойного императора Павла. В уединенном храме, окруженном густым лесом, стоит пирамида: на ней медальон с изображением Павла; перед ним гробовая урна, к которой преклоняется величественная женщина в короне и порфире царской; на пьедестале изображено в барельефе семейство императорское: государь Александр представлен сидящим; голова его склонилась на правую руку, и левая рука опирается на щит, на коем изображен двуглавый орел; в облаках видны две тени: одна летит на небеса, другая летит с небес, навстречу первой. — Спустясь к реке Славянке (сливающейся перед самым дворцом в небольшое озеро), находишь молодую березовую рощу: эта роща называется *семейственною,* ибо в ней каждое дерево означает какое-нибудь радостное происшествие в высоком семействе царском. Посреди рощи стоит уединенная *урна Судьбы.* (Прим. Жуковского.)

Холмы, одетые последнею красой
Полуотцветшия природы.

Спешу к твоим брегам… свод неба тих и чист;
При свете солнечном прохлада повевает;
Последний запах свой осыпавшийся лист
С осенней свежестью сливает.

Иду под рощею излучистой тропой;
Что шаг, то новая в глазах моих картина;
То вдруг сквозь чащу древ мелькает предо мной,
Как в дыме, светлая долина;

То вдруг исчезло всё… окрест сгустился лес;
Всё дико вкруг меня, и сумрак и молчанье;
Лишь изредка, струей сквозь темный свод древес
Прокравшись, днéвное сиянье

Верхи поблеклые и корни золотит;
Лишь, сорван ветерка минутным дуновеньем,
На сумраке листок трепещущий блестит,
Смущая тишину паденьем…

И вдруг пустынный храм в дичи́ передо мной;
Заглохшая тропа; кругом кусты седые;
Между багряных лип чернеет дуб густой
И дремлют ели гробовые.

Воспоминанье здесь унылое живет;
Здесь, к урне преклонясь задумчивой главою,

Оно беседует о том, чего уж нет,
С неизменяющей Мечтою.

Всё к размышленью здесь влечет невольно нас;
Всё в душу томное уныние вселяет;
Как будто здесь она из гроба важный глас
Давно минувшего внимает.

1815

Василий Жуковский

* * *

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой...
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистощимые, неисчислимые, —
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую порою ночной.[802]

Осень 1849

Федор Тютчев

* * *[803]

---

[802] И. С. Аксаков писал: «...однажды, в осенний дождливый вечер, возвратись домой на извозчичьих дрожках, почти весь промокший, он сказал встретившей его дочери: “j'ai fait quelques rimes” (я сочинил несколько стихов), и, пока его раздевали, продиктовал ей следующее прелестное стихотворение: “Слезы людские, о слезы людские”».
[803] Из поэмы «Саша».

Словно как мать над сыновней могилой,
Стонет кулик над равниной унылой,

Пахарь ли песню вдали запоет —
Долгая песня за сердце берет;

Лес ли начнется — сосна да осина...
Не весела ты, родная картина!

Что же молчит мой озлобленный ум?..
Сладок мне леса знакомого шум,

Любо мне видеть знакомую ниву —
Дам же я волю благому порыву

И на родимую землю мою
Все накипевшие слезы пролью!

Злобою сердце питаться устало —
Много в ней правды, да радости мало;

Спящих в могилах виновных теней
Не разбужу я враждою моей.

Родина-мать! я душою смирился,
Любящим сыном к тебе воротился.

Сколько б на нивах бесплодных твоих
Даром ни сгинуло сил молодых,

Сколько бы ранней тоски и печали
Вечные бури твои ни нагнали

На боязливую душу мою —
Я побежден пред тобою стою!

Силу сломили могучие страсти,
Гордую волю погнули напасти,

И про убитую Музу мою
Я похоронные песни пою.

Перед тобою мне плакать не стыдно,
Ласку твою мне принять не обидно —

Дай мне отраду объятий родных,
Дай мне забвенье страданий моих!

1855

Николай Некрасов

Проблеск

Слыхал ли в сумраке глубоком
Воздушной арфы легкий звон,[804]
Когда полуночь, ненароком,

[804] *Воздушная арфа* (или Эолова арфа) — музыкальный инструмент в виде ящика, в котором натянуты струны, звучащие от движения воздуха.

Дремавших струн встревожит сон?..

То потрясающие звуки,
То замирающие вдруг...
Как бы последний ропот муки,
В них отозвавшися, потух!

Дыханье каждое Зефира
Взрывает скорбь в ее струнах...
Ты скажешь: ангельская лира
Грустит, в пыли, по небесах![805]

О, как тогда с земного круга
Душой к бессмертному летим!
Минувшее, как призрак друга,
Прижать к груди своей хотим.

Как верим верою живою,
Как сердцу радостно, светло!
Как бы эфирною струею
По жилам небо протекло!

Но, ах! не нам его судили;
Мы в небе скоро устаем, —
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнем.

Едва усилием минутным

---

[805] *По небесах* — от старослав. «по небесъхъ», т. е. по небесам.

Прервем на час волшебный сон
И взором трепетным и смутным,
Привстав, окинем небосклон, —

И отягченною главою,
Одним лучом ослеплены,
Вновь упадаем не к покою,
Но в утомительные сны.

1825

Федор Тютчев

Бесенок

Слыхал я, добрые друзья,
Что наши прадеды в печали,
Бывало, беса призывали;
Им подражаю в этом я.
Но не пугайтесь: подружился
Я не с проклятым сатаной,
Кому душою поклонился
За деньги старый Громобой;[806]
Узнайте: ласковый бесенок
Меня младенцем навещал
И колыбель мою качал
Под шепот легких побасенок.
С тех пор я вышел из пеленок,

[806] *Громобой* — персонаж баллады Жуковского «Двенадцать спящих дев», продавший душу дьяволу Асмодею.

Между мужами возмужал,
Но для него еще ребенок.
Случится ль горе иль беда,
Иль безотчетно иногда
Сгрустнется мне в моей конурке —
Махну рукой: по старине
На сером волке, сивке-бурке
Он мигом явится ко мне.
Больному духу здравьем свистнет,
Бобами думу разведет,
Живой водой веселье вспрыснет,
А горе мертвою зальет.
Когда в задумчивом совете
С самим собой из-за угла
Гляжу на свет и, видя в свете
Свободу глупости и зла,
Добра и разума прижимку,
Насильем сверженный закон,
Я слабым сердцем возмущен;
Проворно шапку-невидимку
На шар земной набросит он;
Или, в мгновение зеницы,
Чудесный коврик-самолет
Он подо мною развернет,
И коврик тот в сады жар-птицы,
В чертоги дивной царь-девицы
Меня по воздуху несет.
Прощай, владенье грустной были,
Меня смущавшее досель:
Я от твоей бездушной пыли

Уже за тридевять земель.

1828

Евгений Боратынский

Весенний гром

Слышен в небе дальний гром;
Куст окинулся листом,
Из лазурной вышины
Канул первый дождь весны.[807]

Все девицы вереницей
Выбегают на крыльцо
Дождевой умыть водицей
Миловидное лицо.
Серебром в руках звенят;
С смехом брызги вдаль летят.

«О весенний гром, греми!
Зимний хлад с полей сними.
Мчись, огнистый Илия,
Теплый дождь с небес лия.
Молим кроткою душою:
В свежих каплях дождевых
Дай нам здравье с красотою,
Чтоб вгляделся в нас жених;

---

[807] *Кануть* — капнуть, упасть каплей.

Чтоб, увидя только раз,
Не сводил с нас ясных глаз!»
Дождь прошел; затихнул гром.
Веет ласточка крылом
В поднебесье голубом.
Соловьи в кустах поют;
Блещет листьев изумруд.

1833

Дмитрий Ознобишин

На перевод Илиады[808]

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой.

1830

Александр Пушкин

Синица

Слышу я: звенит синица
Средь желтеющих ветвей;
Здравствуй, маленькая птица,
Вестница осенних дней!

---

[808] «С чувством глубоким уважения и благодарности взираем на поэта, посвятившего гордо лучшие годы жизни исключительному труду, бескорыстным вдохновениям и совершению единого высокого подвига», — такими словами приветствовал Пушкин выход в свет труда Гнедича — перевода «Илиады» («Литературная газета», 1830).

Хоть грозит он нам ненастьем,
Хоть зимы он нам пророк —
Дышит благодатным счастьем
Твой веселый голосок.

В песенке твоей приветной
Слух пленен ужели ж мой
Лишь природы безответной
Равнодушною игрой?

Иль беспечно распевает
И в тебе охота жить —
Та, что людям помогает
Смерть и жизнь переносить?

Сентябрь 1863

Иван Тургенев

* * *

Смеркалось — жаркий день бледнел неуловимо,
Над озером туман тянулся полосой,
И кроткий образ твой, знакомый и любимый,
В вечерний тихий час носился предо мной.

Улыбка та ж была, которую люблю я,
И мягкая коса, как прежде, расплелась,
И очи грустные, по-прежнему тоскуя,

Глядели на меня в вечерний тихий час...

1856

Алексей Толстой

* * *

Смерть, души успокоенье!
Наяву или во сне
С милой жизнью разлученье
Объявить слетишь ко мне?

Днем ли, ночью ли задуешь
Бренный пламенник ты мой
И в обмен его даруешь
Мне твой светоч неземной?

Утром вечного союза
Ты со мной не заключай!
По утрам со мною муза,
С ней пишу я — не мешай!

И к обеду не зову я:
Что пугать друзей моих;
Их люблю, как есть люблю я,
Иль как свой счастливый стих.

Вечер тоже отдан мною
Музам, Вакху и друзьям;

Но ночною тишиною
Съединиться можно нам:

На одре один в молчаньи
О любви тоскую я,
И в напрасном ожиданьи
Протекает ночь моя.

1830 или 1831

Антон Дельвиг

* * *

Смотри, как на речном просторе,
По склону вновь оживших вод,
Во всеобъемлющее море
Льдина за льдиною плывет.

На солнце ль радужно блистая
Иль ночью, в поздней темноте,
Но все, неизбежимо тая,
Они плывут к одной мете.

Все вместе — малые, большие,
Утратив прежний образ свой,
Все — безразличны, как стихия, —
Сольются с бездной роковой!..

О, нашей мысли обольщенье,

Ты, человеческое *Я,*
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя?

1851

Федор Тютчев

Фонтан

Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится;
Как пламенеет, как дробится
Его на солнце влажный дым.
Лучом поднявшись к небу, он
Коснулся высоты заветной —
И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осужден.

О смертной мысли водомет,
О водомет неистощимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремит, тебя мятет?
Как жадно к небу рвешься ты!..
Но длань незримо-роковая
Твой луч упорный, преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.

1836

Федор Тютчев

* * *

Смотри, как роща зеленеет,
Палящим солнцем облита,
А в ней — какою негой веет
От каждой ветки и листа!

Войдем и сядем над корнями
Дерев, поимых родником, —
Там, где, обвеянный их мглами,
Он шепчет в сумраке немом.

Над нами бредят их вершины,
В полдневный зной погружены,
И лишь порою крик орлиный
До нас доходит с вышины...

Конец августа 1857

Федор Тютчев

* * *

Снилось мне утро лазурное, чистое,
Снилась мне родины ширь необъятная,
Небо румяное, поле росистое,
Свежесть и юность моя невозвратная...

Снилось мне, будто иду я дорогою, —
Ярче и ярче восток разгорается,
Сердце полно предрассветной тревогою,
Сердце от счастья любви разрывается.

Рощи и воды младенческим лепетом
Мне отвечают на чувство приветное;
Шепчут уста с умиленьем и трепетом
Имя любимое, имя заветное!..

1884

Арсений Голенищев-Кутузов

* * *

Снова дней весенних
Дождались мы:
Ласточки щебечут
Над окном тюрьмы.

Между гор зеленых
Темной полосой
Вьется вдаль дорога
К стороне родной.

1862

Михаил Михайлов (1829—1865)

Весенние мысли

Снова птицы летят издалека
К берегам, расторгающим лед,
Солнце теплое ходит высоко
И душистого ландыша ждет.

Снова в сердце ничем не умеришь
До ланит восходящую кровь,
И душою подкупленной веришь,
Что, как мир, бесконечна любовь.

Но сойдемся ли снова так близко
Средь природы разнеженной мы,
Как видало ходившее низко
Нас холодное солнце зимы?

1848

Афанасий Фет

Описание грозы, бывшей в Гаге[809]

С одной страны гром,[810]
С другой страны гром,
Смутно в воздýхе!
Ужасно в ухе!

[809] Поэт прибыл в Гаагу в начале 1726 г., чтобы затем отправиться в Париж для обучения в Сорбонне.
[810] *Страны* — стороны.

Набе́гли тучи
Воду несучи,
Небо закрыли,
В страх помутили!

Молнии сверкают,
Страхом поражают,
Треск в лесу с перуна,
И темнеет лу́на,[811]
Вихри бегут с прахом,
Полоса рвет махом,[812]
Страшно ревут воды
От той непогоды.

Ночь наступила,
День изменила,
Сердце упало:
Всё зло настало!
Пролил дождь в крышки,[813]
Трясутся вышки,
Сыплются грады,
Бьют вертограды.

Все животны рыщут,
Покоя не сыщут,
Биют себя в груди
Виноваты люди,

---

[811] Имеется в виду свет, от польск. *łuna* — свечение, зарево (гроза происходит днем).
[812] *Полоса* здесь — молния (*перун*).
[813] Т. е. в крыши.

Бояся напасти
И чтоб не пропасти,
Руки воздевают,
На небо глашают:[814]

«О солнце красно!
Стань опять ясно,
Разжени тучи,
Слезы горючи,
Столкай премену[815]
Отсель за Вену.
Дхнуть бы зефиром
С тишайшим миром!

А вы, аквилоны,
Будьте как и оны;[816]
Лютость отложите,
Только прохладите.
Побеги вся злоба
До вечного гроба:
Дни нам надо красны,
Приятны и ясны».

1726 или 1727

Василий Тредиаковский

---

[814] Т. е. вопиют к небу, обращаются с мольбой.

[815] Т. е. отгони грозу (перемену погоды).

[816] Т. е. как зафиры. *Аквилон* (лат. *aquilon*, от *aquila* орел) — сильный северный ветер, который древние называли так по его быстроте, подобной полету орла. *Зефир* — бог западного ветра (греч. миф.); приятный и мягкий ветер.

Утром

Солнечный свет, как сквозь сито просеян,
Сыплется мелко сквозь частые ветки,
И на тропинку мне падают с неба
Светлые сетки и темные сетки:
Словно опутан, иду я. Прохладно.
В чаще сокрытая птичка щебечет,
И ручеек через камешки змейкой
Вьется и шепотно что-то лепечет.
Как хорошо тут! Отрадная свежесть
Льется и в грудь мне и, кажется, в душу…
Так и боюсь я, что грешным дыханьем
Чистого утра святыню нарушу.

Владимир Бенедиктов

Вечер в саду

Солнце будто б с неохотой
Свой прощальный мечет взгляд
И червонной позолотой
Обливает темный сад.

На скамейке я у стенки
В созерцании сижу
И игривые оттенки
Пышной зелени слежу:

Там — висит густым развивом,
Там — так женственно-нежна,
Там — оранжевым отливом
Отзывается она.

Аромат разлит сиренью,
И меж дремлющих ветвей
Свет заигрывает с тенью,
Уступая место ей.

Что-то там — вдали — сквозь ветки
Мне мелькнуло и потом
Притаилось у беседки,
В липах, в сумраке густом.

Что б такое это было —
Я не знаю, но оно
Так легко, воздушно, мило
И, как снег, убелено.

Пронизав летучей струйкой
Темный зелени покров,
Стало там оно статуйкой,
Извая́нной из паров.

Напрягаю взор нескромный
(Любопытство — спутник наш):
Вот какой-то образ темный
Быстро движется туда ж.

Сумрак гуще. Твердь одета
Серых тучек в бахромы.
То был, мнится, ангел света,
А за ним шел ангел тьмы; —

И, где плотно листьев сетка
Прижимается к стене,
Скрыла встречу их беседка
В ароматной глубине.

И стемнело всё. Все виды
В смуглых очерках дрожат,
И внесла звезда Киприды[817]
Яркий луч свой в тихий сад.

Всё какой-то веет тайной,
И, как дева из окна,
В прорезь тучки белокрайной
Смотрит робкая луна,

И, как будто что ей видно,
Что в соблазн облечено,
Вдруг прижмурилась... ей стыдно —
И задернула окно.

Чу! Там шорох, шопот, лепет...
То колышутся листки.
Чу! Какой-то слышен трепет...

---

[817] Т. е. планета Венера.

То ночные мотыльки.

Чу! Вздыхают... Вновь ошибка:
Ветерок сквозит в саду.
Чу! Лобзанье... Это рыбка
Звонко плещется в пруду.

Всё как будто что играет
В этом мраке и потом
Замирает, замирает
В обаянии ночном, —

И потом — ни лист, ни ветка
Не качнется; ночь тиха;
Сад спокоен — и беседка
Там — вдали — темна, глуха.

1856

Владимир Бенедиктов

* * *

Солнце горы золотило,
    Золотило облака.
Воды светлые катила
    В яркой зелени река.

И казалось, эти воды
    Унесли с собою вдаль

И недавние невзгоды,
И недавнюю печаль.

И как будто воротилась
Снова дней моих весна;
Сердце весело так билось,
Так душа была ясна.

Всё, чего душа просила
Так напрасно с давних пор,
Всё природа ей дарила:
И свободу, и простор!

Июль 1862

Алексей Плещеев

* * *

Солнце нижет лучами в отвес,
И дрожат испарений струи
У окраины ярких небес;
Распахни мне объятья твои,
Густолистый, развесистый лес!

Чтоб в лицо и в горячую грудь
Хлынул вздох твой студеной волной,
Чтоб и мне было сладко вздохнуть;
Дай устами и взором прильнуть
У корней мне к воде ключевой!

Чтоб и я в этом море исчез,
Потонул в той душистой тени,
Что раскинул твой пышный навес;
Распахни мне объятья твои,
Густолистый, развесистый лес!

1863

Афанасий Фет

Русская песня

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Где всю ночку пропоешь?
Кто-то бедная, как я,
Ночь прослушает тебя,
Не смыкаючи очей,
Утопаючи в слезах?
Ты лети мой, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синие моря,
На чужие берега;
Побывай во всех страна́х,
В деревнях и в городах:
Не найти тебе нигде
Горемышнее меня.

У меня ли у младой
Дорог жемчуг на груди,
У меня ли у младой
Жар-колечко на руке,
У меня ли у младой
В сердце миленький дружок.
В день осенний на груди
Крупный жемчуг потускнел,
В зимню ночку на руке
Распаялося кольцо,
А как нынешней весной
Разлюбил меня милой.

1825

Антон Дельвиг

Горькая доля

Соловьем залетным
Юность пролетела,
Волной в непогоду
Радость прошумела.

Пора золотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая
С телом износилась.

От кручины-думы
В сердце кровь застыла;
Что любил, как душу, —
И то изменило.

Как былинку, ветер
Молодца шатает;
Зима лицо знобит,
Солнце сожигает.

До поры, до время
Всем я весь изжился;
И кафтан мой синий
С плеч долой свалился!

Без любви, без счастья
По миру скитаюсь:
Разойдусь с бедою —
С горем повстречаюсь!

На крутой горе
Рос зеленый дуб,
Под горой теперь
Он лежит, гниет...

4 августа 1837

Алексей Кольцов

* * *

Сосна так темна, хоть и месяц
Глядит между длинных ветвей.
То клонит ко сну, то очнешься,
То мельница, то соловей,

То ветра немое лобзанье,
То запах фиалки ночной,
То блеск замороженной дали
И вихря полночного вой.

И сладко дремать мне — и грустно,
Что сном я надежду гублю.
Мой ангел, мой ангел далекий,
Зачем я так сильно люблю?

1842

Афанасий Фет

Брайтон[818]

Сошел на Брайтон мир глубокий,
И, утомившись битвой дня,
Спят люди, нужды и пороки,
И только моря гул широкий
Во тьме доходит до меня.

---

[818] *Брайтон* — приморский город в Англии, где Вяземский провел осень 1838 г.

О чем ты, море, так тоскуешь?
О чем рыданий грудь полна?
Ты с тишиной ночной враждуешь,
Ты рвешься, вóпишь, негодуешь,
На ложе мечешься без сна.

Красноречивы и могучи
Земли и неба голоса,
Когда в огнях грохочут тучи
И с бурей, полные созвучий,
Перекликаются леса.

Но всё, о море! всё ничтожно
Пред жалобой твоей ночной,
Когда смутишься вдруг тревожно
И зарыдаешь так, что можно
Всю душу выплакать с тобой.

Конец 1838

Петр Вяземский

На улице

1. Вор

Спеша на званый пир по улице прегрязной,
Вчера был поражен я сценой безобразной:
Торгаш, у коего украден был калач,
Вздрогнув и побледнев, вдруг поднял вой и плач

И, бросясь от лотка, кричал: «Держите вора!»
И вор был окружен и остановлен скоро.
Закушенный калач дрожал в его руке;
Он был без сапогов, в дырявом сертуке;
Лицо являло след недавнего недуга,
Стыда, отчаянья, моленья и испуга...
Пришел городовой, подчаска[819] подозвал,
По пунктам отобрал допрос отменно строгой,
И вора повели торжественно в квартал.
Я крикнул кучеру: «Пошел своей дорогой!» —
И Богу поспешил молебствие принесть
За то, что у меня наследственное есть...

2. Проводы

Мать касатиком сына зовет,
Сын любовно глядит на старуху,
Молодая бабенка ревет
И всё просит остаться Ванюху,
А старик непреклонно молчит:
Напряженная строгость во взоре,
Словно сам на себя он сердит
За свое бесполезное горе.

Сивка дернул дровнишки слегка —
Чуть с дровней не свалилась старуха.
Ну! нагрел же он сивке бока,
Да помог старику и Ванюха...

---

[819] *Подчасок* — помощник часового на посту.

3. Гробок

Вот идет солдат. Под мышкою
Детский гроб несет, детинушка.
На глаза его суровые
Слезы выжала кручинушка.

А как было живо дитятко,
То и дело говорилося:
«Чтоб ты лопнуло, проклятое!
Да зачем ты и родилося?»

4. Ванька

Смешная сцена! Ванька-дуралей,
Чтоб седока промыслить побогаче,
Украдкой чистит бляхи на своей
Ободранной и заморенной кляче.
Не так ли ты, продажная краса,
Себе придать желая блеск фальшивый,
Старательно взбиваешь волоса
На голове, давно полуплешивой?
Но оба вы — извозчик-дуралей
И ты, смешно причесанная дама,—
Вы пробуждаете не смех в душе моей —
Мерещится мне всюду драма.

1850

Николай Некрасов

* * *[820]

Спеша на север из далека,
Из теплых и чужих сторон,
Тебе, Казбек, о страж востока,
Принес я, странник, свой поклон.

Чалмою белою от века
Твой лоб наморщенный увит,
И гордый ропот человека
Твой гордый мир не возмутит.

Но сердца тихого моленье
Да отнесут твои скалы
В надзвездный край, в твое владенье,
К престолу вечному Аллы.

Молю, да снидет день прохладный
На знойный дол и пыльный путь,
Чтоб мне в пустыне безотрадной
На камне в полдень отдохнуть.

Молю, чтоб буря не застала,
Гремя в наряде боевом,
В ущелье мрачного Дарьяла
Меня с измученным конем.

---

[820] Написано, вероятно, в конце 1837 г. перед отъездом Лермонтова в Петербург с Кавказа, где он отбывал первую ссылку.

Но есть еще одно желанье!
Боюсь сказать! — душа дрожит!
Что если я со дня изгнанья
Совсем на родине забыт!

Найду ль там прежние объятья?
Старинный встречу ли привет?
Узнают ли друзья и братья
Страдальца, после многих лет?

Или среди могил холодных
Я наступлю на прах родной
Тех добрых, пылких, благородных,
Деливших молодость со мной?

О если так! своей метелью,
Казбек, засыпь меня скорей
И прах бездомный по ущелью
Без сожаления развей.

1837

Михаил Лермонтов

* * *

Спи — еще зарею
Холодно и рано;
Звезды за горою

Блещут средь тумана;

Петухи недавно
В третий раз пропели,
С колокольни плавно
Звуки пролетели.

Дышат лип верхушки
Негою отрадной,
А углы подушки
Влагою прохладной.

1847

Афанасий Фет

Казачья колыбельная песня

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;

Злой чечен ползет на берег
Точит свои кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закален в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.
Я седельце боевое
Шелком разошью…
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой...
Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;

Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь
Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся Богу,
Ставь перед собой;
Да готовясь в бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

1840

Михаил Лермонтов

В Киеве ночью

Спит пращур городов! А я с горы высокой
Смотрю на очерки блестящих куполов,
Стремящихся к звездáм над уровнем домов,
Под сенью темною, лазурной и стоокой.
И Днепр уносится... Его не слышу я, —
За далью не шумит блестящая струя.

О, нет! Не месяц здесь живой красе причина!
Когда бы волю дать серебряным лучам

Скользить в безбрежности по темным небесам,
Ты не явилась бы, чудесная картина,
И разбежались бы безмолвные лучи,
Чтоб сгинуть, потонуть в неведомой ночи.

Но там, где им в пути на землю пасть случилось,
Чтобы светить на то, что в тягостной борьбе,
Так или и́наче, наперекор судьбе,
Бог ведает зачем, составилось, сложилось —
Иное тем лучам значение иметь:
В них мысль затеплилась! Ей пламенем гореть!

Суть в созданном людьми, их тяжкими трудами,
В каменьях, не в лучах, играющих на них,
Суть в исчезаньи сил, когда-то столь живых,
Сил, возникающих и гибнущих волнами, —
А кроткий месяц тут, конечно, ни при чем
С его бессмысленным, серебряным лучом.

Константин Случевский

Мечта

Спокойны спящие морей заливы,
Как синее стекло;
Уже сошли часы покоя молчаливы,
И небо светлые огни свои зажгло...
Горит росою сад душистый
Под легкой завесой теней,
И долго свищет меж ветвей

Любовник розы голосистый...
И мимолетный, сладкий сон
Навел на вежды мне златой покров дремоты
И отмахнул крылом заботы,
И веял на душу мечтой прелестной он...
Я спал... но сердце пробудилось
И к жизни ожило иной,
И, как дитя в объятия к родной,
Тоскуя, из груди просилось...
Мне что-то *милое,* бывалое явилось!
Я вздрогнул... грудь была унынием полна,
И растворились сердца раны...
Уже сливалися волнистые туманы
И раскрывалася цветущая страна...
Но мне нерадостен весенний сад природы,
Ни аромат младых цветов:
Мне вспомянулися во сне минувши годы
И прежняя любовь...
Я видел *милую*, как легкий призрак зыбкий,
Я слышал звук знакомых мне речей,
И, пробудясь, я всё ищу ее улыбки
И голубых ее очей...

1826

Федор Глинка

Цветы

С полей несется голос стада,

В кустах малиновки звенят,
И с побелевших яблонь сада
Струится сладкий аромат.

Цветы глядят с тоской влюбленной,
Безгрешно чисты, как весна,
Роняя с пылью благовонной
Плодов румяных семена.

Сестра цветов, подруга розы,
Очами в очи мне взгляни,
Навей живительные грезы
И в сердце песню зарони.

1857

Афанасий Фет

Колодники

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль, —
Колодников звонкие цепи
Взметают дорожную пыль.

Идут они с бритыми лбами,
Шагают вперед тяжело,
Угрюмые сдвинули брови,
На сердце раздумье легло.

Идут с ними длинные тени,
Две клячи телегу везут,
Лениво сгибая колени,
Конвойные с ними идут.

«Что, братцы, затянемте песню,
Забудем лихую беду!
Уж, видно, такая невзгода
Написана нам на роду!»

И вот повели, затянули,
Поют, заливаясь, они
Про Волги широкой раздолье,
Про даром минувшие дни,

Поют про свободные степи,
Про дикую волю поют,
День меркнет всё боле, — а цепи
Дорогу метут да метут...

1854

Алексей Толстой

Две песни Лихача Кудрявича

1

С радости-веселья
Хмелем кудри вьются;

Ни с какой заботы
Они не секутся.

Их не гребень чешет —
Золотая доля,
Завивает в кольцы
Молодецка удаль.

Не родись богатым,
А родись кудрявым:
По щучьему веленью
Всё тебе готово.

Чего душа хочет —
Из земли родится;
Со всех сторон прибыль
Ползет и валится.

Что шутя задумал —
Пошла шутка в дело;
А тряхнул кудрями —
В один миг поспело.

Не возьмут где лоском,
Возьмут кудри силой;
И что худо — смотришь,
По воде поплыло!

Любо жить на свете
Молодцу с кудрями,

Весело на белом
С черными бровями.

Вовремя да в пору
Медом речи льются;
И с утра до ночи
Песенки поются.

Про те речи-песни
Девушки все знают;
И о кудрях зиму
Ночь не спят, гадают.

Честь и слава кудрям!
Пусть их волос вьется;
С ними всё на свете
Ловко удается!

Не под шапку горе
Голове кудрявой!
Разливайтесь, песни!
Ходи, парень, браво!

2

В золотое время
Хмелем кудри вьются;
С горести-печали
Русые секутся.

Ах, секутся кудри!
Любит их забота;
Полюбит забота —
Не чешет и гребень.

Не родись в сорочке,
Не родись таланлив —
Родись терпеливым
И на всё готовым.

Век прожить — не поле
Пройти за сохою;
Кручину, что тучу,
Не уносит ветром.

Зла беда — не буря —
Горами качает,
Ходит невидимкой,
Губит без разбору.

От ее напасти
Не уйти на лыжах;
В чистом поле на́йдет,
В темном лесе сыщет.

Чуешь только сердцем:
При́дет, сядет рядом,
Об руку с тобою
Пойдет и поедет...

И щемит и ноет,
Болит ретивое —
Всё — из рук вон плохо,
Нет ни в чем удачи.

Тó — скосило градом,
Тó — сняло пожаром...
Чист кругом и легок;
Никому не нужен...

К старикам на сходку
Выйти приневолят, —
Старые лаптишки
Без онуч[821] обуешь;

Кафтанишка рваный
На плечи натянешь;
Бороду вскосматишь,
Шапку нахлобучишь...

Тихомолком станешь
За чужие плечи...
Пусть не видят люди
Прожитóва счастья.

1837

Алексей Кольцов

---

[821] *Онучи* — обмотки для ног под сапоги или лапти; портянки.

Поэзия

Среди громов, среди огней,
Среди клокочущих страстей,
В стихийном, пламенном раздоре,
Она с небес слетает к нам —
Небесная к земным сынам,
С лазурной ясностью во взоре —
И на бунтующее море
Льет примирительный елей.

1850

Федор Тютчев

* * *[822]

Среди долины ровныя
На гладкой высоте,
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте.

Высокий дуб, развесистый,
Один у всех в глазах;

[822] Относительно создания этой песни М. А. Дмитриев вспоминал: «Песня Мерзлякова “Среди долины ровныя...” написана была в доме Вельяминовых-Зерновых. Он разговорился о своем одиночестве, говорил с грустью, взял мел и на открытом ломберном столе написал почти половину этой песни. Потом ему предложили перо и бумагу: он переписал написанное и кончил тут же всю песню» (М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти). Дом Вельяминовых-Зерновых, о котором говорит Дмитриев, — подмосковное поместье Жодочи, куда Мерзляков ездил в период увлечения Анисьей Федоровной Вельяминовой-Зерновой (1788—1876), впоследствии в замужестве Кологривовой.

Один, один, бедняжечка,
Как рекрут[823] на часах!

Взойдет ли красно солнышко —
Кого под тень принять?
Ударит ли погодушка —
Кто будет защищать?

Ни сосенки кудрявыя,
Ни ивки близ него,
Ни кустики зеленые
Не вьются вкруг него.

Ах, скучно одинокому
И дереву расти!
Ах, горько, горько молодцу
Без милой жизнь вести!

Есть много сребра, золота —
Кого им подарить?
Есть много славы, почестей —
Но с кем их разделить?

Встречаюсь ли с знакомыми —
Поклон, да был таков;
Встречаюсь ли с пригожими —
Поклон — да пара слов.

---

[823] *Рекрут* — (в России с 1705 по 1874 гг.) солдат новобранец.

Одних я сам пугаюся,
Другой бежит меня.
Все други, все приятели
До черного лишь дня!

Где ж сердцем отдохнуть могу,
Когда гроза взойдет?
Друг нежный спит в сырой земле,
На помощь не придет!

Ни роду нет, ни племени
В чужой мне стороне;
Не ластится любезная
Подруженька ко мне!

Не плачется от радости
Старик, глядя на нас;
Не вьются вкруг малюточки,
Тихохонько резвясь!

Возьмите же всё золото,
Все почести назад;
Мне родину, мне милую,
Мне милой дайте взгляд!

1810

Алексей Мерзляков (1778—1830)

Нереида[824]

Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду,[825]
На утренней заре я видел Нереиду.
Сокрытый меж дерев, едва я смел дохнуть:
Над ясной влагою полубогиня грудь
Младую, белую как лебедь, воздымала
И пену из власов струею выжимала.

1820

Александр Пушкин

* * *

Среди событий ежечасных
Какой мне сон волнует ум?
Откуда взрыв давно безгласных,
И малодушных, и напрасных,
И неуместных ныне дум?

Из-под холодного покрова
Ужель встает немая тень?
Ужели я теперь готова,
Чрез двадцать лет, заплакать снова,
Как в тот весенний, грустный день?

Внимая гулу жизни шумной,

---

[824] *Нереиды* — нимфы моря, дочери морского старца Нерея.
[825] *Таврида* — Крым.

Твердя толпы пустой язык,
Боялась, словно вещи чумной,
Я этой горести безумной
Коснуться сердцем хоть на миг.

Ужель былое как отрада
Мне ныне помнится в тиши?
Ужели утолять я рада
Хоть этим кубком, полным яда,
Все жажды тщетные души!

Март 1848

Каролина Павлова

* * *

Среди сухого повторенья
Ночи за днем, за ночью дня —
Замолкших звуков пробужденье
Волнует сладостно меня.

Знакомый голос, милый лепет
И шелест тени дорогой —
В груди рождают прежний трепет
И проблеск страсти прожитой.

Подобно молодой надежде,
Встает забытая любовь,
И то, что чувствовалось прежде,

Всё так же чувствуется вновь.

И, странной негой упоенный,
Я узнаю забытый рай…
О! погоди, мой сон блаженный,
Не улетай, не улетай!

В тоске обычного броженья
Смолкает сна минутный бред,
Но долго ласки и томленья
Лежит на сердце мягкий след.

Так, замирая постепенно,
Исполнен счастия и мук, —
Струны внезапно потрясенной
Трепещет долго тихий звук.

1859—1860

Николай Огарев

Зима идет

Средь ночи бурной и ненастной,
Когда гудел со всех сторон
Осенний ветер, я напрасно
На помощь звал безмолвный сон.

Притом же близ меня нередко,
С двора, где было так темно,

Сухой постукивала веткой
Сирень тревожная в окно.

Мне было жутко и печально...
Однако всё же я заснул;
И нынче радостно из спальной
В окно веселое взглянул.

Кругом везде — светло и бело!
А было грязно так вчера.
С покровом чистым подоспела
Зимы опрятная пора.

Весь сельский быт, с явленьем снега,
Вдруг изменился там и тут...
В сарай уж вдвинута телега;
Зерно в амбар в санях везут.

Привет зиме у всех на лицах;
Вчерашней скуки нет ни в ком;
Всем веселее в рукавицах
И в полушубке с кушаком.

Сам одеваюсь я поспешней
И на дорогу выхожу:
Скорей на вид природы здешней
В уборе снежном погляжу.

Зима идет, морозом вея...
И я, как все, ей тоже рад;

И воробьи еще резвее
В кустах, чирикая, шуршат.

Гостеприимный запах дыма
Из труб доносится ко мне;
Роняя снег, проходят мимо
Под солнцем тучки в тишине.

Как тихо там в дубовой роще!
Как в чистом воздухе свежо!..
Что может быть на свете проще,
И как всё это хорошо!

15 октября 1886. Павловка

Алексей Жемчужников

Судьба Одиссея[826]

Средь ужасов земли и ужасов морей
Блуждая, бедствуя, искал своей Итаки
Богобоязненный страдалец Одиссей;
Стопой бестрепетной сходил Аида[827] в мраки;
Харибды яростной, подводной Сциллы стон[828]

---

[826] Вольный перевод стихотворения Ф. Шиллера «Одиссей», написанного гекзаметром. Батюшков, которому, подобно гомеровскому герою, пришлось много странствовать, в 1814 г. писал Жуковскому о своем участии в заграничном походе и возвращении через разные страны на родину: «Вот моя Одиссея, поистине Одиссея! Мы подобны теперь Гомеровым воинам, рассеянным по лицу земному». *Одиссей* — царь острова Итаки, главный герой гомеровской «Одиссеи» и один из персонажей «Илиады», отличившийся во время Троянской войны; после долгих и опасных странствий он вернулся на родину.
[827] *Аид (Айдес)* — бог подземного царства; царство мертвых (греч. миф.). Одиссей в XI песне поэмы Гомера посещает подземное царство мертвых.
[828] *Сцилла и Харибда* — чудовища, между которыми удалось проплыть лишь одному Одиссею (греч. миф.).

Не потрясли души высокой.
Казалось, победил терпеньем рок жестокой
И чашу горести до капли выпил он;
Казалось, небеса карать его устали
И тихо сонного домчали
До милых родины давножеланных скал.
Проснулся он: и что ж? Отчизны не познал.[829]

1814

Константин Батюшков

* * *

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.

Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.

Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид,
А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит.

---

[829] Одиссей в XIII песне поэмы, попадая на берег Итаки, не узнает родного острова, покрытого туманом.

В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь —
Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь;

И грустно я так засыпаю,
И в грезах неведомых сплю…
Люблю ли тебя — я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!

1851

Алексей Толстой

Переселение

Срок настал. Оставив город шумный,
От него я скрылся, как беглец:
От тревог той жизни неразумной
Отдохнуть пора мне наконец.

Душно там; громадность да огромность
Ждут меня, — и посреди всего
Сознаю я горькую бездомность:
Нет нигде домишка моего.

Что я там? — Не гость и не хозяин;
Чувствую — там не по мне земля.

«Город — мой» — мне всюду шепчет Каин,
Авелю отведены поля.

То ли дело в мирной сельской доле;
Вольное, широкое житье!
Выйду ль я, да разгуляюсь в поле —
Это поле, кажется, мое.

Где себе ни выберу я место,
Лягу тут: точь-в-точь пришел домой;
Ну, а лес-то… Боже мой! А лес-то —
Темный лес — весь совершенно мой!

Там — посев; там хижины, строенья.
Прохожу по каждому двору:
Кажется — тут всё мои владенья,
Только я оброка не беру.

У меня ковер тут под ногами —
Шелковистый, бархатный ковер,
Мягкий, пышный, затканный цветами —
Злаки, мох и травка вперебор.

Там просвет, там тени по утесам;
Виды, виды — любо посмотреть!
А с лугов мне веет сенокосом…
Запах-то! Дохнуть — и умереть!

Я иду: колосья ржи — взгляните!
Все под ветром кланяются мне.

«Здравствуйте, друзья мои, растите, —
Мыслю я, — и полнитесь в зерне!»

Царь я; солнце у меня в короне;
У меня вот зеркало — река!
У меня на голубом плафоне
В позолоте ходят облака.

Живопись-то, живопись какая!
Вы всмотритесь: что за колорит!
Эта краска, искрясь и сверкая,
Семьдесят столетий так горит.

Утром встал я: мне заря блеснула
Алой лентой; пред моим окном
Мельница мне крылья распахнула
И глядит торжественным крестом.

Жизнь ведет под тем крестом отшельник…
Не ищи других завидных мест!
Этот крест — твой орден, добрый мельник,
И тебя питает этот крест.

Всех здесь будит утра в час обычный
Гласом трубным мой герольд[830] — пастух,
Иль повеса и крикун публичный
С красным гребнем либерал-петух.

---

[830] *Герольд* — вестник, глашатай при дворах феодальных правителей, а также распорядитель на рыцарских турнирах.

В полдень вся горит моя палата
Золотом; всё в красках, всё пестро;
Вечер мне шлет пурпур свой с заката;
Ночь в звездáх мне сыплет серебро.

А роса-то — перлы, бриллианты!
Эти слезы чище всяких слез;
Птички мне певцы и музыканты,
Соловей — мой первый виртуоз.

Церковь тут, — и сельское кладбище
Близко так, — и ельник тут в виду.
Вот мое последнее жилище!
Хорошо. Я дальше не пойду.

1858

Владимир Бенедиктов

Портрет[831]

С своей пылающей душой,
С своими бурными страстями,
О жены Севера, меж вами
Она является порой
И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил,
Как беззаконная комета

[831] Обращено к Аграфене Федоровне Закревской (1800—1879), которая была известна своей страстностью и презрением к предрассудкам.

В кругу расчисленном светил.

1828

Александр Пушкин

* * *

Старый плющ здесь ползет
Вдоль мохнатых корней;
Ель, замшившись, растет —
Вся в дремоте ветвей...
Опуститься б в тени,
Поглядеть на закат,
Как ночные огни
В небесах заблестят,
И, с темнеющим днем,
Всем своим бытием,
Как и день, отойти
На иные пути...

Константин Случевский

Пророк

С тех пор как Вечный Судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром Божьей пищи;

Завет Предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами.
Глупец, хотел уверить нас,
Что Бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм и худ и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,

Как презирают все его!»

1841

Михаил Лермонтов

* * *

Стонет сизый голубочек,
Стонет он и день и ночь;
Миленький его дружочек
Отлетел надолго прочь.

Он уж боле не воркует
И пшенички не клюет;
Всё тоскует, всё тоскует
И тихонько слезы льет.

С нежной ветки на другую
Перепархивает он
И подружку дорогую
Ждет к себе со всех сторон.

Ждет ее... увы! но тщетно,
Знать, судил ему так рок!
Сохнет, сохнет неприметно
Страстный, верный голубок.

Он ко травке прилегает;
Носик в перья завернул;

Уж не стонет, не вздыхает;
Голубок... навек уснул!

Вдруг голубка прилетела,
Приуныв, издалека,
Над своим любезным села,
Будит, будит голубка;

Плачет, стонет, сердцем ноя,
Ходит милого вокруг —
Но... увы! прелестна Хлоя!
Не проснется милый друг!

1792

Иван Дмитриев

Мадонна

Стою пред образом Мадонны:
Его писал монах святой,
Старинный мастер, не ученый;
Видна в нем робость, стиль сухой;

Но робость кисти лишь сугубит[832]
Величье девы: так она
Вам сострадает, так вас любит,
Такою благостью полна,

---

[832] *Сугу́бить* — удваивать («согибать»), усиливать, увеличивать.

Что веришь, как гласит преданье,
Перед художником святым
Сама Пречистая в сиянье
Являлась, видима лишь им...

Измучен подвигом духовным,
Постом суровым изнурен,
Не раз на пóмосте церковном
Был поднят иноками он, —

И, призван к жизни их мольбами,
Еще глаза открыть боясь,
Он братью раздвигал руками
И шел к холсту, душой молясь.

Брался за кисть, и в умиленьи
Он кистью то изображал,
Что от небесного виденья
В воспоминаньи сохранял, —

И слезы тихие катились
Вдоль бледных щек... И, страх тая
Монахи вкруг него молились
И плакали — как плачу я...

1859, Флоренция

Аполлон Майков

* * *

Странное чувство какое-то в несколько дней овладело
Телом моим и душой, целым моим существом:
Радость и светлая грусть, благотворный покой и желанья
Детские, резвые — сам даже понять не могу.
Вот хоть теперь: посмотрю за окно на веселую зелень
Вешних деревьев, да вдруг ветер ко мне донесет
Утренний запах цветов и птичек звонкие песни —
Так бы и бросился в сад с кликом: пойдем же, пойдем!
Да как взгляну на тебя, как уселась ты там безмятежно
Подле окошка, склоня иглы ресниц на канву,
То уж не в силах ничем я шевельнуться, а только
Всю озираю тебя, всю — от пробора волос
До перекладины пялец, где вольно, легко и уютно,
Складки раздвинув, прильнул маленькой ножки носок.
Жалко... да нет — хорошо, что никто не видал, как взглянула
Ты на сестрицу, когда та приходила сюда
Куклу свою показать. Право, мне кажется, всех бы
Вас мне хотелось обнять. Даже и брат твой, шалун,
Что изучает грамматику в комнате ближней, мне дорог.
Можно ль так ложно его вещи учить понимать!
Как отворялися двери, расслушать я мог, что учитель
Каждый отдельный глагол прятал в отдельный залог:
Он говорил, что любить есть действие — не состоянье.
Нет, достохвальный мудрец, здесь ты не видишь ни зги;
Я говорю, что любить — состоянье, еще и какое!
Чудное, полное нег!.. Дай Бог нам вечно любить!

1847

Афанасий Фет

* * *

Странным чувством объята душа,
Будто хочет проститься с землею,
Будто всё, чем земля хороша,
С бесконечной и пестрой семьею,
Всё покинуть ей дóлжно спеша!..

И с порывом тоскливо-больным
Просит воли, — на миг позабыться,
Всё вместить, полюбить, всем земным,
Всем дыханием жизни упиться,
Всем блаженством ее молодым!..

1847

Иван Аксаков (1823—1886)

Часы

Стучат, стучат,
Не замолчат
Часы всю ночь,
И мне невмочь
Их слышать шум;
Тяжелых дум
Душа полна,

И стеснена

Тоской она.

Часы, часы,

Где все красы

Минувших лет?

Увял их цвет...

Постыл мне свет.

Часы, часы,

Что те красы, —

Ужель опять

Их не видать?

Часы в ответ

Ни да, ни нет;

И я вздохнул

И с тем уснул.

18 марта 1843

Иван Мятлев

Стансы[833]

Судьбой наложенные цепи[834]

Упали с рук моих, и вновь

Я вижу вас, родные степи,

Моя начальная любовь.

---

[833] Весной 1827 г. Боратынский вместе с женой и новорожденной дочерью посетил родовое имение Мара Кирсановского уезда Тамбовской губернии.

[834] *Судьбой наложенные цепи* — пребывание в Финляндии на положении рядового.

Степного неба свод желанный,
Степного воздуха струи,
На вас я в неге бездыханной
Остановил глаза мои.

Но мне увидеть было слаще
Лес на покате двух холмов
И скромный дом в садовой чаще —
Приют младенческих годов.

Промчалось ты, златое время!
С тех пор по свету я бродил
И наблюдал людское племя
И, наблюдая, восскорбил.

Ко благу пылкое стремленье
От неба было мне дано;
Но обрело ли разделенье,
Но принесло ли плод оно?..

Я братьев знал;[835] но сны младые
Соединили нас на миг:
Далече бедствуют иные,
И в мире нет уже других.[836]

Я твой, родимая дуброва!

---

[835] *Я братьев знал…* — Речь идет о декабристах: казненном К. Ф. Рылееве и ссыльных В. К. Кюхельбекере и А. А. Бестужеве.
[836] *Далече бедствуют иные, И в мире нет уже других.* — Перифраз пушкинского эпиграфа к поэме «Бахчисарайский фонтан», восходящего к персидскому поэту Саади; как впоследствии и у Пушкина (последняя строфа «Евгения Онегина»), намек на происшедшие исторические события. Текст эпиграфа: «Многие, так же как и я, посещали сей фонтан; но иных уже нет, другие странствуют далече. Сади».

Но от насильственных судьбин
Молить хранительного крова
К тебе пришел я не один.

Привел под сень твою святую
Я соучастницу в мольбах:
Мою супругу молодую
С младенцем тихим на руках.

Пускай, пускай в глуши смиренной,
С ней, милой, быт мой утая,
Других урочищей[837] вселенной
Не буду помнить бытия.

Пускай, о свете не тоскуя,
Предав забвению людей,
Кумиры сердца сберегу я
Одни, одни в любви моей.

1827

Евгений Боратынский

На суету человека

Суетен будешь
Ты, человек,

---

[837] *Урочище* — естественная граница, природная межа (напр.: река, лес, гора, овраг и т. п.); участок, местность, отличающаяся от окружающей какими нибудь естественными признаками, напр. лес среди поля, болото и т. п.

Если забудешь
Краткий свой век.
Время проходит,
Время летит,
Время проводит
Всё, что ни льстит.[838]
Счастье, забава,
Светлость корон,
Пышность и слава —
Всё только сон.
Как ударяет
Колокол час,
Он повторяет
Звоном сей глас:
«Смертный, будь ниже
В жизни ты сей;
Стал ты поближе
К смерти своей!»

1759

Александр Сумароков

Царскосельский сад зимою

1

[838] *Льстит* — услаждает.

С улыбкою оледенелой
Сошла небес суровых дочь,
И над землей сребристо-белой
Белеет северная ночь.

Давно ль здесь пестротою чудной
Сафир, рубин и бирюза[839]
Сливались с тенью изумрудной,
Чаруя жадные глаза?

Зимы покров однообразный
Везде сменил наряд цветной,
Окован сад броней алмазной
Рукой волшебницы седой.

В дому семьи осиротелой,
Куда внезапно смерть вошла,
Задернуты завесой белой
С златою рамой зеркала.

Так снежной скатертью печальной
Покрыты и объяты сном
И озеро с волной зерцальной,
И луг с цветным своим ковром.

Природа в узах власти гневной,
С смертельной белизной в лице,
Спит заколдованной царевной

---

[839] *Бирюза* — драгоценный камень голубого или зеленоватого цвета.

В своем серебряном дворце.

2

Но и природы опочившей
Люблю я сон и тишину:
Есть прелесть в ней, и пережившей
Свою прекрасную весну.

Есть жизнь и в сей немой картине,
И живописен самый мрак:
Деревьям почерневшим иней
Дал чудный образ, чудный лак.

Обрызгал их холодным блеском
Своих граненых хрусталей,
Он вьется ярким арабеском[840]
Вдоль обезлиственных ветвей.

Твой Бенвенуто,[841] о Россия,
Наш доморощенный мороз
Вплетает звезды ледяные
В венки пушисто-снежных роз.

Кует он дивные изделья
Зиме, зазнобушке своей,
И наряжает в ожерелья

---

[840] *Арабеск* — узорчатый орнамент из стилизованных листьев, цветов, геометрических фигур и т. п. (возникший в подражание арабскому стилю).
[841] *Бенвенуто Челлини* (1500—1571) — итальянский скульптор, ювелир и медальер.

Он шею, мрамора белей.

3

Когда наступит вечер длинный,
Объятый таинством немым,
Иду один я в сад пустынный
Бродить с раздумием своим.

И много призрачных видений
И фантастических картин
Мелькают, вынырнув из тени
Иль соскочив с лесных вершин.

Они сшибаются друг с другом
И, налетев со всех сторон,
То нежат лаской, то испугом
Тревожат мыслей чуткий сон.

А между тем во тьме безбрежной
Оцепенело всё кругом,
В волшебном царстве ночи снежной,
В саду, обросшем серебром.

Но в этой тишине глубокой,
Питающей дремоту дум,
Местами слышен одинокой
Переливающийся шум.

Под хладной снежной пеленою

Тень жизни внутренней слышна,
И, с ка́мней падая, с волною
Перекликается волна.

22 ноября 1861. Царское Село

Петр Вяземский

* * *

Сумрак вечерний тихо взошел,
Месяц двурогий звезды повел
    В лазурном просторе,
Время покоя, любви, тишины,
Воздух и небо сиянья полны,
Смолкло роптанье разгульной волны,
    Сравнялося море.

Сердцу отрадно, берег далек;
Как очарован, спит мой челнок,
    Упали ветрила.
Небо, как море, лежит надо мной;
Море, как небо, блестит синевой;
В бездне небесной и бездне морской
    Всё те же светила.

О, что бы в душу вошла тишина!
О, что бы реже смущалась она
    Земными мечтами!

Лучше, чем в лоне лазурных морей,
Полное тайны и полно лучей,
Вечное небо гляделось бы в ней
Со всеми звездами.

1841

Алексей Хомяков (1804—1860)

* * *

Суров и горек черствый хлеб изгнанья;
Наводит скорбь чужой страны река,
Душа рыдает от ее журчанья,
И брег уныл, и влага не сладка.
В изгнаннике безмолвном и печальном —
Туземцу непостижная тоска;
Он там оставил сердце, в крае дальном,
Там для него всё живо, всё цветет;
А здесь... не всё ли в крове погребальном,
Не всё ли вянет здесь, не всё ли мрет?
Суров и горек черствый хлеб изгнанья;
Изгнанник иго тяжкое несет.

1829

Вильгельм Кюхельбекер

* * *

Сухие, редкие, нечаянные встречи,
Пустой, ничтожный разговор,
Твои умышленно-уклончивые речи,
И твой намеренно-холодный, строгий взор, —
Всё говорит, что надо нам расстаться,
Что счастье было и прошло…

Но в этом так же горько мне сознаться,
Как кончить с жизнью тяжело.
Так в детстве, помню я, когда меня будили
И зимний день глядел в замерзшее окно, —
О, как остаться там уста мои молили,
Где так тепло, уютно и темно!
В подушки прятался я, плача от волненья,
Дневной тревогой оглушен,
И засыпал, счастливый на мгновенье,
Стараясь на лету поймать недавний сон,
Бояся потерять ребяческие бредни…
Такой же детский страх теперь объял меня.
Прости мне этот сон последний
При свете тусклого, грозящего мне дня!

1869, 1874

Алексей Апухтин

* * *

Сходня… Старая дорога…

А в душе как будто ново.
Фон осенний. Как немного
Остается от былого!

21 августа 1894

Владимир Соловьев

* * *

Счастливицы вольные птицы:
Не знают они ни темницы,
Ни ссылки, ни злой слепоты.
Зачем же родился не птицею ты?

Да! ласточкой, легкой касаткой![842]
Глядел бы на мир не украдкой,
Весь видел бы вдруг с высоты.
Зачем же родился не птицею ты?

Счастливицы вольные птицы:
Купаются в море денницы,
Им прах незнаком суеты.
Зачем же родился не птицею ты?

Нет Божией птичке работы,
Ни страха, ни слез, ни заботы,
Не слышит она клеветы!

---

[842] *Касатка* — деревенская ласточка.

Зачем же родился не птицею ты?

С утра и до вечера Бога
Ты славил бы в выси чертога[843]
Чудесной святой красоты.
Зачем же родился не птицею ты?

Ты пел бы с утра до зарницы
Созданье премудрой десницы,
И звезды, и луг, и цветы,
Зачем же родился не птицею ты?

Ты грязь ненавидишь земную,
Ты просишься в твердь голубую,
Ты рвешься из уз темноты,
Верь: некогда птицею будешь и ты!

Прильнут к раменам тебе крылья,
Взлетишь к небесам без усилья,
И твой искупитель и Бог
Возьмет тебя в райский нетленный чертог.

29 апреля 1846

Вильгельм Кюхельбекер

Элегия

---

[843] *Чертог* — большое, пышное, великолепно убранное помещение, великолепное здание, дворец.

Счастлив, кто с юношеских дней,
Живыми чувствами убогой,
Идет проселочной дорогой
К мете таинственной своей!
Кто рассудительной душою
Без горьких опытов узнал
Всю бедность жизни под луною,
И ничему не доверял!
Зачем не мне такую долю
Определили небеса?
Идя по жизненному полю,
Твержу: мой рай, моя краса,
А вижу лишь мою неволю!

1825

Николай Языков

Альпийские ледники

Сырая мгла лежит в ущелье,
А там — как призраки легки,
В стыдливом девственном веселье,
В багрянцах утра — ледники!

Какою жизнью веет новой
Мне с этой снежной вышины,
Из этой чистой, бирюзовой
И света полной глубины!

Там, знаю, ужас обитает,
И нет людского там следа, —
Но сердце точно отвечает
На чей-то зов: «Туда! Туда!»

1858

Аполлон Майков

Раздумье селянина

Сяду я за стол —
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

Нет у молодца
Молодой жены,
Нет у молодца
Друга вернова,

Золотой казны,
Угла теплова,
Бороны-сохи,
Коня-пахаря;

Вместе с бедностью
Дал мне батюшка
Лишь один талан —
Силу крепкую;

Да и ту как раз
Нужда горькая
По чужим людям
Всю истратила.

Сяду я за стол —
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

9 апреля 1837

Алексей Кольцов

Les revenants[844]

Тайною тропинкою, скорбною и милою,
Вы к душе пробрались, и — спасибо вам!
Сладко мне приблизиться памятью унылою
К смертью занавешенным, тихим берегам.

Нитью непонятною сердце всё привязано
К образам незначащим, к плачущим теням.
Что-то в слово просится, что-то недосказано,
Что-то совершается, но — ни здесь, ни там.

Бывшие мгновения поступью беззвучною

---

[844] Призраки (франц.).

Подошли и сняли вдруг покрывало с глаз.
Видят что-то вечное, что-то неразлучное
И года минувшие — как единый час.

16 января 1900

Владимир Соловьев

* * *

Так, в жизни есть мгновения
Их трудно передать,
Они самозабвения
Земного благодать.
Шумят верхи древесные
Высоко надо мной,
И птицы лишь небесные
Беседуют со мной.
Всё пошлое и ложное
Ушло так далеко,
Всё мило-невозможное
Так близко и легко.
И любо мне, и сладко мне,
И мир в моей груди,
Дремотою обвеян я —
О время, погоди!

1855

Федор Тютчев

1-е декабря 1837

Так здесь-то суждено нам было
Сказать последнее прости...
Прости всему, чем сердце жило,
Что, жизнь твою убив, ее истлило
В твоей измученной груди!..

Прости... Чрез много, много лет
Ты будешь помнить с содроганьем
Сей край, сей брег с его полуденным сияньем,
Где вечный блеск и долгий цвет,
Где поздних, бледных роз дыханьем
Декабрьский воздух разогрет.[845]

Декабрь 1837

Федор Тютчев

К Вяземскому[846]

Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой?
Ты славишь лирой золотой

[845] Написано в Генуе после свидания с Эрнестиной Пфеффель (будущей женой поэта). Расставаясь с нею, Тютчев действительно предполагал, что расстается навсегда. Впоследствии — 17 июля 1839 г. — она стала второй женой поэта.
[846] Написано в ответ на стихотворение Вяземского «Море». Вызвано неверным слухом, о котором писал Пушкин Вяземскому 14 августа 1826 г., когда посылал ему стихотворение: «Правда ли, что Николая Тургенева привезли на корабле в Петербург? Вот каково море наше хваленое!». Декабрист Н. И. Тургенев находился за границей и заочно был приговорен к смертной казни.

Нептуна грозного трезубец.

Не славь его. В наш гнусный век
Седой Нептун Земли союзник.
На всех стихиях человек —
Тиран, предатель или узник.

1826

Александр Пушкин

Осенью

Так полночь темная тепла,
Так в жаркий полдень много света,
Как будто осень не пришла
И длится пламенное лето.

Плывут и тают облака
В просторе ярком и спокойном;
На горизонте, как река,
Струится воздух паром знойным;

Освобожденные поля
Блестят под паутиной тонкой;
Порой на пашне вихрь, пыля,
Бежит крутящейся воронкой;

Плодами сильно пахнет сад;
Гумно — мякиной и соломой;

И дуба веет аромат
Из рощи, с детства мне знакомой.

Опять, как в юные года,
Я здесь живу в тиши привольной...
Мне было радостно тогда;
Теперь — мне радостно и больно.

21 августа 1889. Павловка

Алексей Жемчужников

Чужбина[847]

Там, где в блеске горделивом
Меж зеленых берегов
Волга вторит их отзывом
Песни радостных пловцов,
И как Нил-благотворитель
На поля богатство льет, —
Там отцов моих обитель,
Там любовь моя живет!

Я давно простился с вами,
Незабвенные края!
Под чужими небесами
Отцветет весна моя;
Но ни в громком шуме света,

[847] Стихотворение написано Языковым во время учебы в Дерптском университете.

Ни под бурей роковой,
Не слетит со струн поэта
Голос родине чужой.

Радость жизни, друг свободы,
Муза любит мой приют.
Здесь, когда брега и воды
Под туманами заснут,
И, как щит перед сраженьем,
Светел месяц золотой, —
С благотворным вдохновеньем,
Легкокрылою толпой,

Из страны очарованья,
В их эфирной тишине,
Утешители-мечтанья
Ниспускаются ко мне;
Пред очами оживает
Красота минувших дней,
Сладко грудь моя вздыхает,
Сердце бьется, взор ясней!

Это ты, страна родная,
Где весенние цветы
Мне дарила жизнь младая!
Край прелестный — это ты,
Где видением игривым
Каждый день мой пролетал,
Каждый день меня счастливым
Находил и оставлял!

Вы, холмы, леса, поляны,
Скаты злачных берегов
И старинные курганы —
Память смелых праотцов, —
Сохраненные веками
Как свидетели побед,
Непритворными струнами
Вас приветствует поэт!

Ваш певец в чужбине дышит
И один, во цвете дней,
Долго, долго не услышит
Песен волжских рыбарей.
Долго грустный проблуждает
Он по дальным сторонам;
Долго арфа не сыграет
Песни радостным друзьям.

Ты, которая вливаешь
Огнь божественный в сердца,
И цветами убираешь
Кудри юного певца,
Радость жизни, друг свободы,
Муза лиры! прилетай
И утраченные годы
Мне в мечтах напоминай!

Муза лиры! ты прекрасна,
Ты мила душе моей;

Мне с тобою не ужасна
Буря света и страстей.
Я горжусь твоим участьем;
Ты чаруешь жизнь мою, —
И забытый рано счастьем,
Я утешен: я пою!

1823

Николай Языков

* * *[848]

Там на земной границе
Блестящей багряницей
Оделись облака,
Прозрачное зерцало,
Лагуна зыбью алой
Подернулась слегка, —
И замер день усталый,
Как путник с далека.

Повеял сумрак свежий.
Рыбак раскинул мрежи
В водах, объятых сном:
В заботе рыболовной
Среди лагуны ровной,
Разлившейся стеклом,

---

[848] Стихотворение написано в Венеции.

Сам неподвижный, словно
Прирос он с челноком.

Как ни проста картина,
Но чуткая холстина
Под кистью мастерскóй,
Ни речь, ни дум свобода
Не скажет, чтó природа
Шепнет душе родной,
Без слов, без перевода
На наш язык земной.

1864

Петр Вяземский

* * *

Там на улице холодом веет,
Завывает метель под окном;
Еще ночь над землей тяготеет,
И всё спит безмятежно кругом.

Я один до рассвета проснулся
И безмолвно камин затопил,
И трескучий огонь встрепенулся
И блуждающий отблеск разлил.

Тяжело мне и грустно мне стало,
И невольно на память пришло,

Как мне в детские годы бывало
У камина тепло и светло.

1840

Николай Огарев

Фантастическая высказка

Таракан
Как в стакан
Попадет —
Пропадет,
На стекло
Тяжело
Не всползет.

Так и я:
Жизнь моя
Отцвела,
Отбыла;
Я пленен,
Я влюблен,
Но в кого?
Ничего
Не скажу;
Протужу,
Пока сил
Не лишил
Меня Бог;

Но чтоб мог
Разлюбить,
Позабыть —
Никогда.
Навсегда
Я с тоской,
Грусти злой
Не бегу:
Не могу
Убежать,
Перестать
Я любить —
Буду жить
И тужить.

Таракан
Как в стакан
Попадет —
Пропадет,
На стекло
Тяжело
Не всползет.

Апрель 1833

Иван Мятлев

* * *

Твой детский вызов мне приятен,

Но не желай моих стихов:
Немногим избранным понятен
Язык поэтов и богов.
Когда под звонкие напевы,
Под звук свирели плясовой,
Среди полей, рука с рукой,
Кружáтся юноши и девы,
Вмешавшись в резвый хоровод,
Хариты, ветреный Эрот,
Дриады, фавны[849] пляшут с ними
И гонят прочь толпу забот
Воскликновеньями своими,
Поодаль музы между тем,
Таяся в сумраке дубравы,
Глядят, не зримые никем,
На их невинные забавы;
Но их собор в то время нем.
Певцу ли ветрено бесславить
Плоды возвышенных трудов
И легкомыслие забавить
Игрою гордою стихов?
И той нередко, чье воззренье[850]
Дарует лире вдохновенье,
Не поверяет он его;
Поет один, подобный в этом
Пчеле, которая со цветом

---

[849] *Фавн* — бог лесов и полей, покровитель стад и пастухов; *фавны* — веселые козлоногие существа, постоянные спутники Вакха (рим. миф.).
[850] Т. е. чей вид (чье воззренье — воззренье на кого, на которую).

Не делит меда своего.

1820

Евгений Боратынский

Молитва

Творец! Ниспошли мне беды и лишенья,
Пусть будет мне горе и спутник и друг!
Но в сердце оставь мне недуг вдохновенья,
Глубокий, прекрасный, священный недуг!

Я чувствую, Боже: мне тяжко здоровье;
С ним жизни моей мне невидима цель.
Да будет же в мире мне грусть — изголовье,
Страдание — пища, терпенье — постель!

Земная надежда, как призрак исчезни!
Пусть мрачно иду я тропой бытия!
Но в сладких припадках небесной болезни
Да снидет мне в душу отрада моя!

Когда же, отозван небес произволом,
Меня он покинет — желанный недуг,
И дар мой исчезнет, и стройным глаголом
Не будет увенчан мой тщетный досуг, —

Дозволь мне, о небо, упадшему духом,
Лишенному силы струнами владеть, —

На звуки склоняясь внимательным слухом,
Волшебные песни душой разуметь!

С земли воздымаясь до горнего мира,
Пророческий голос отрадой мне будь!
До сердца коснется знакомая лира —
Увлажатся очи и двигнется грудь!

Владимир Бенедиктов

Смерть

Тебя из тьмы не изведу я,
О смерть! и, детскою мечтой
Гробовый стан тебе даруя,
Не ополчу тебя косой.

Ты дочь верховного Эфира,[851]
Ты светозарная краса,
В руке твоей олива мира,
А не губящая коса.

Когда возникнул мир цветущий
Из равновесья диких сил,
В твое храненье Всемогущий
Его устройство поручил.

И ты летаешь над твореньем,

---

[851] *Эфир* — олицетворение верхнего, лучезарного слоя воздуха, считавшегося местопребыванием Зевса (греч. миф.).

Согласье прям его лия,
И в нем прохладным дуновеньем
Смиряя буйство бытия.

Ты укрощаешь восстающий
В безумной силе ураган,
Ты, на брега свои бегущий,
Вспять повращаешь океан.

Даешь пределы ты растенью,
Чтоб не покрыл безмерный лес
Земли губительною тенью,
Злак не восстал бы до небес.

А человек! Святая дева!
Перед тобой с его ланит
Мгновенно сходят пятна гнева,
Жар любострастия бежит.

Дружится праведной тобою
Людей недружная судьба:
Ласкаешь тою же рукою
Ты властелина и раба.

Недоуменье, принужденье —
Условье смутных наших дней,
Ты всех загадок разрешенье,
Ты разрешенье всех цепей.

1828

Евгений Боратынский

* * *

Тебя так любят все; один твой тихий вид
Всех делает добрей и с жизнию мирит.
Но ты грустна, в тебе есть скрытое мученье,
В душе твоей звучит какой-то приговор;
Зачем твой ласковый всегда так робок взор
И очи грустные так молят о прощенье,
Как будто солнца свет, и вешние цветы,
И тень в полдневный зной, и шепот по дубравам,
И даже воздух тот, которым дышишь ты,
Всё кажется тебе стяжанием неправым?

1858

Алексей Толстой

* * *[852]

Тебя уж нет, но я тобою
Еще дышу;
Туда, в лазурь, я за тобою
Спешу, спешу!
Когда же ласточкой взовьюсь я
В тот лучший мир,

[852] Стихотворение посвящено матери поэта.

Растаю и с тобой сольюсь я
В один эфир,
Чтоб с неба пасть росой жемчужной,
Алмазом слез
На бедный мир, где крест я дружно
С тобою нес.
Но на земле, блеснув слезами,
Взовьюсь я вновь
Туда, где вечными зарями
Блестит любовь.

Между 1828 и 1835

Александр Одоевский

Две кометы

Текут в согласии и мире,
Сияя радостным лучом,
Семейства звездные в эфире
Своим указанным путем.

Но две проносятся кометы
Тем стройным хорам не в пример;
Они их солнцем не согреты,
Не сестры безмятежных сфер.

И в небе встретились уныло,
Среди скитанья своего,
Два безотрадные светила

И поняли свое родство.

И, может, с севера и с юга
Ведет их тайная любовь,
В пространстве вновь искать друг друга,
Приветствовать друг друга вновь.

И в розное они теченье
Опять влекомые судьбой,
Сойдутся ближе на мгновенье,
Чем все миры между собой.

Апрель 1855

Каролина Павлова

Бивак

Темно. Ни звездочки на черном неба своде.
Под проливным дождем на длинном переходе
Промокнув до костей, до сердца, до души,
Пришли на место мы — и мигом шалаши
Восстали, выросли. Ну слава Богу: дома!
И — роскошь! — вносится в отрадный мой шалаш
Сухая, свежая, упругая солома.
«А чайник что?» — «Кипит». О чай — спаситель наш!
Он тут. Идет денщик — служитель ратных станов,
И слаще музыки приветный звон стаканов
Вдали уж слышится; и чайная струя
Спешит стаканов ряд наполнить по края.

Садишься и берешь — и с сладострастной дрожью
Пьешь нектар, радость пьешь, глотаешь милость Божью.
Нет, житель городской: как хочешь, величай
Напиток жалкий свой, а только он — не чай!
Нет, люди мирные, — когда вы не живали
Бивачной жизнию — вы чаю не пивали.
Глядишь: всё движется, волнуется, кипит;
Огни разведены — и что за чудный вид!
Такого и во сне вы, верно, не видали:
На грунте сумрачном необозримой дали
Фигуры воинов, как тени, то черны,
То алым пламенем красно освещены,
Картинно видятся в различных положеньях,
Кругами, группами, в раскидистых движеньях,
Облиты заревом, под искрами огней,
Со всею прелестью голов их поседелых,
Мохнатых их усов, нависших их бровей,
И глаз сверкающих, и лиц перегорелых.
Забавник-шут острит — и красное словцо
И добрый, звонкий смех готовы налицо.
Кругом и крик, и шум, и общий слитный говор.
Пред нами вновь денщик: теперь уж он как повар
Явился; ужин наш готов уже совсем.
Спасибо, мой Ватель! Спасибо, мой Карем!
Прекрасно! И, делúм живой артелью братской,
Как вкусен без приправ простой кусок солдатской!
Поели — нá лоб крест — и на солому бух!
И уж герой храпит во весь геройский дух.
О, богатырский сон! Едва ль он перервется,
Хоть гром из тучи грянь, обрушься неба твердь.

Великолепный сон! Он глубже, мне сдается,
Чем тот, которому дано названье: смерть.
Там спишь, а душу всё подталкивает совесть,
А на́д ухом ее нашептывает повесть
Минувших дней твоих; а тут… но барабан
Вдруг грянул — и восстал, воспрянул ратный стан.

1836

Владимир Бенедиктов

* * *

Тени сизые смесились,
Цвет поблекнул, звук уснул —
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальный гул...
Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой!..
Всё во мне, и я во всем!..

Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души,
Тихий, темный, благовонный,
Всё залей и утиши.
Чувства мглой самозабвенья
Переполни через край!..
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!

1835

Федор Тютчев

Дождь

Тепло и тихо; ливень крупный
Гудит, стуча по мостовой.
Скорей, скорей! Приют доступный
Еще далек передо мной!
По желобам вода струится,
Шумящим падает ручьем;
По скатам бешено катится
Потоком грязи в водоем,
На кры́льца, под навес, тревожно
Досужий прячется народ;
Кой-где по камням, осторожно,
Ступает мокрый пешеход;
Да шляпу завернув в бумажный
Широкий клетчатый платок,
Закинув голову, отважный,
Спешит купеческий сынок.
Порой чрез улицу мелькает
Огромный зонтик иногда,
Тяжелый, синий; и вода
По прутьям звонко ниспадает.
Да в луже целою ступней,
Походкой пьяной и кривой,
Мужик шагает, распевая…

Порой мещанка молодая,
Подол забравши без затей,
Красуясь белыми чулками,
Проходит ловкими ногами
По ребрам вымытых камней!
Но вот блестящая карета
Несется шумно. В ней сидит,
С лорнетом, сморщен и сердит,
Какой-то франт большого света,
Небрежно смотрит, развалясь,
На дождик; зол и полон гнева…
Кругом направо и налево
Колеса вскидывают грязь!..

Но дальше, дальше. Мчатся кони
То мимо лавок и рядов,
То мимо разных благовоний
И ветхих низменных домов.
Пестреет всё в движеньи скором…
Вот дом огромный за забором.
Я мимо дома проскакал,
И мне, сквозь ряд окошек длинный,
Мелькнули быстро: желтый зал,
Две печи в голубой гостиной,
Да у последнего окна
Сидит красавица, одна…

И вот уносится и скачет
Моя досужая мечта:
О чем грустит и будто плачет,

О чем тоскует красота?
Пред нею даль; окно открыто;
Тепло и тихо; дождик льет…
Всё настоящее забыто,
Одно минувшее живет!
Зачем она поникла взором?..
Иль смущена теперь иным?
Заботой мелкой, женским вздором,
Тщеславьем жалким и смешным?..

А между тем приют доступный
Уж мне мелькнул издалека…
Не продолжи́тся ливень крупный,
И разойдутся облака!
И воздух чистый и прекрасный
Благоуханием пахнет,
И в вечер теплый, тихий, ясный
Душою каждый отдохнет!

13 июня 1846

Иван Аксаков

* * *

Теплый ветер тихо веет,
Жизнью свежей дышит степь,
И курганов зеленеет
Убегающая цепь.

И далеко меж курганов
Темно-серою змеей
До бледнеющих туманов
Пролегает путь родной.

К безотчетному веселью
Подымаясь в небеса,
Сыплют с неба трель за трелью
Вешних птичек голоса.

1845

Афанасий Фет

* * *

Теплым ветром потянуло,
Смолк далекий гул,
Поле тусклое уснуло,
Гуртовщик уснул.

В загородке улеглися
И жуют волы,
Звезды частые зажглися
По навесу мглы.

Только выше всё всплывает
Месяц золотой,
Только стадо обегает
Пес сторожевой.

Редко, редко кочевая
Тучка бросит тень...
Неподвижная, немая
Ночь светла, как день.

1842

Афанасий Фет

Дары Терека[853]

Терек воет, дик и злобен,
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят.
Но, по степи разбегаясь,
Он лукавый принял вид
И, приветливо ласкаясь,
Морю Каспию журчит:

«Расступись, о старец-море,
Дай приют моей волне!
Погулял я на просторе,
Отдохнуть пора бы мне.
Я родился у Казбека,
Вскормлен грудью облаков,
С чуждой властью человека

[853] В стихотворении отразилось знакомство Лермонтова с народными песнями и сказами гребенских казаков о Тереке.

Вечно спорить был готов.
Я, сынам твоим в забаву,
Разорил родной Дарьял
И валунов, им на славу,
Стадо целое пригнал».

Но, склонясь на мягкий берег
Каспий стихнул, будто спит,
И опять, ласкаясь, Терек
Старцу на ухо журчит:

«Я привез тебе гостинец!
То гостинец не простой:
С поля битвы кабардинец,
Кабардинец удалой.
Он в кольчуге драгоценной,
В налокотниках стальных:
Из Корана стих священный
Писан золотом на них.
Он угрюмо сдвинул брови,
И усов его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взор открытый, безответный,
Полон старою враждой;
По затылку чуб заветный
Вьется черною космой».

Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий дремлет и молчит;

И, волнуясь, буйный Терек
Старцу снова говорит:
«Слушай, дядя: дар бесценный!
Что другие все дары?
Но его от всей вселенной
Я таил до сей поры.
Я примчу к тебе с волнами
Труп казачки молодой,
С темно-бледными плечами,
С светло-русою косой.
Грустен лик ее туманный,
Взор так тихо, сладко спит,
А на грудь из малой раны
Струйка алая бежит.
По красотке-молодице
Не тоскует над рекой
Лишь один во всей станице
Казачина гребенской.
Оседлал он вороного,
И в горах, в ночном бою,
На кинжал чеченца злого
Сложит голову свою».

Замолчал поток сердитый,
И над ним, как снег бела,
Голова с косой размытой,
Колыхался, всплыла.

И старик во блеске власти
Встал, могучий, как гроза,

И оделись влагой страсти
Темно-синие глаза.

Он взыграл, веселья полный —
И в объятия свои
Набегающие волны
Принял с ропотом любви.

1839

Михаил Лермонтов

* * *

Теснятся все к тебе во храм,
И все с коленопреклоненьем
Тебе приносят фимиам,
Тебя гремящим славят пеньем;
Я одинок в углу стою,
Как жизнью, полон я тобою,
И жертву тайную мою
Я приношу тебе душою.

1821

Василий Жуковский

Серенада

Тихо вечер догорает,

Горы золотя;
Знойный воздух холодает, —
Спи, мое дитя.

Соловьи давно запели,
Сумрак возвестя;
Струны робко зазвенели, —
Спи, мое дитя.

Смотрят ангельские очи,
Трепетно светя;
Так легко дыханье ночи, —
Спи, мое дитя.

1844

Афанасий Фет

* * *

Тихо в озере струится
Отблеск кровель золотых,
Много в озеро глядится
Достославностей былых.
Жизнь играет, солнце греет,
Но под нею и под ним
Здесь былое чудно веет
Обаянием своим.

Солнце светит золотое,

Блещут озера струи...
Здесь великое былое
Словно дышит в забытьи;
Дремлет сладко-беззаботно,
Не смущая дивных снов
И тревогой мимолетной
Лебединых голосов...[854]

Июль 1866

Федор Тютчев

* * *

Тихо всё, глядится месяц
В воды зыбкие реки;
За рекою слышны песни
И мелькают огоньки.

Отчего так сердцу больно?
Дней ли прошлых стало жаль,
Иль грядущего пугает
Неразгаданная даль?

Отчего в груди томленье?
И туманит взор слеза?
Или снова надо мною

---

[854] В письме к жене от 31 июля 1866 г, из Царского Села, о котором идет речь в стихотворении, Тютчев писал: «В течение нескольких дней стоит довольно хорошая погода, и, когда солнце пригревает и небо ясно, царскосельские сады в самом деле очень красивы. Чувствуешь себя погруженным в более изысканную стихию: это прелестно и величественно в одно и то же время».

Собирается гроза?

Вот сокрылся месяц в тучи,
Огоньков уж не видать;
Стихли песни... Скоро ль, сердце,
Перестанешь ты страдать?

1858

Алексей Плещеев

* * *

Тихой ночью, поздним летом,
Как на небе звезды рдеют,
Как под сумрачным их светом
Нивы дремлющие зреют...
Усыпительно-безмолвны,
Как блестят в тиши ночной
Золотистые их волны,
Убеленные луной...

23 июля 1849

Федор Тютчев

* * *

Тихо я бреду одна по саду,
Под ногами желтый лист хрустит,

Осень льет предзимнюю прохладу,
О прошедшем лете говорит.
Говорит увядшими цветами,
Грустным видом выжатых полей
И холодными, сырыми вечерами —
Всей печальной прелестью своей.
Так тоска душе напоминает
О потере наших лучших дней,
Обо всем, чего не возвращает
Эта жизнь — жестокий чародей!

1857

Юлия Жадовская

Рябина

Тобой, красивая рябина,
Тобой, наш русский виноград,
Меня потешила чужбина,
И я землячке милой рад.

Любуюсь встречею случайной;
Ты так свежа и хороша!
И на привет твой думой тайной
Задумалась моя душа.

Меня минувшим освежило,
Его повеяло крыло,

И в душу глубоко и мило
Дней прежних запах нанесло.

Всё пережил я пред тобою,
Всё перечувствовал я вновь —
И радость пополам с тоскою,
И сердца слезы, и любовь.

Одна в своем убранстве алом,
Средь обезлиственных дерев,
Ты вся обвешана кораллом,
Как шеи черноглазых дев.

Забыв и озера картину,
И снежный пояс темных гор,
В тебя, родную мне рябину,
Впился мой ненасытный взор.

И предо мною — Русь родная,
Знакомый пруд, знакомый дом;
Вот и дорожка столбовая
С своим зажиточным селом.

Красавицы, сцепивши руки,
Кружок веселый заплели,
И хороводной песни звуки
Перекликаются вдали:

«Ты рябинушка, ты кудрявая,
В зелено́м саду пред избой цвети,

Ты кудрявая, моложавая,
Белоснежный пух — кудри-цвет твои.

Убери себя алой бусою,
Ярких ягодок загорись красой;
Заплету я их с темно-русою,
С темно-русою заплету косой.

И на улицу на широкую
Выйду радостно на закате дня,
Там мой суженый черноокую,
Черноокую сторожит меня!»

Но песней здесь по околотку
Не распевают в честь твою.
Кто словом ласковым сиротку
Порадует в чужом краю?

Нет, здесь ты пропадаешь даром,
И средь спесивых винных лоз
Не впрок тебя за летним жаром
Прихватит молодой мороз.

Потомка новой Элоизы[855]
В сей романтической земле,
Заботясь о хозяйстве мызы,
Или по-здешнему — шале,

---

[855] «Юлия, или Новая Элоиза» — роман в письмах, написанный Жан-Жаком Руссо в 1757—1760 годы. Одно из центральных произведений литературы сентиментализма, породившее моду на «сельский вкус» и швейцарские пейзажи.

Своим Жан-Жаком как ни бредит,
Свой скотный двор и сыр любя —
Плохая ключница, не цедит
Она наливки из тебя.

В сей стороне неблагодарной,
Где ты растешь особняком,
Рябиновки злато-янтарной
Душистый нектар незнаком.

Никто понятья не имеет,
Как благодетельный твой сок
Крепит желудок, душу греет,
Вдыхая сладостный хмелек.

И слава сахарной Коломны
В глушь эту также не дошла:
Сырам вонючим сбыт огромный,
А неизвестна пастила.

Средь здешних всех великолепий
Ты, в одиночестве своем,
Как роза средь безлюдной степи,
Как светлый перл на дне морском.

Сюда заброшенный случайно,
Я, горемычный как и ты,
Делю один с тобою тайно
Души раздумье и мечты.

Так, я один в чужбине дальной
Тебя приветствую тоской,
Улыбкою полупечальной
И полурадостной слезой.

2 ноября 1854, Вевe[856]

Петр Вяземский

* * *

То было раннею весной,
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парил зной,
И зелень рощ сквозила;

Труба пастушья поутру
Еще не пела звонко,
И в завитках еще в бору
Был папоротник тонкий;

То было раннею весной,
В тени берез то было,
Когда с улыбкой предо мной
Ты очи опустила...

То на любовь мою в ответ

---

[856] *Вевé* (Vevey) — город на западе Швейцарии, во франкоязычном кантоне Во (Vaud).

Ты опустила вежды —
О жизнь! О лес! О солнца свет!
О юность! О надежды!

И плакал я перед тобой,
На лик твой глядя милый, —
То было раннею весной,
В тени берез то было!

То было в утро наших лет —
О счастие! О слезы!
О лес! О жизнь! О солнца свет!
О свежий дух березы!

Май 1871

Алексей Толстой

* * *

Только в мире и есть, что тенистый
Дремлющих кленов шатер.
Только в мире и есть, что лучистый
Детски задумчивый взор.
Только в мире и есть, что душистый
Милой головки убор.
Только в мире и есть этот чистый
Влево бегущий пробор.

3 апреля 1883

Афанасий Фет

* * *

Только помыслишь о воле порой,
Словно повеет откуда весной.

Сердце охватит могучая дрожь;
Полною жизнью опять заживешь.

Мир пред тобою широкий открыт;
Солнце надежды над далью горит.

Ждет тебя дело великое вновь,
Счастье, тревога, борьба и любовь.

Снова идешь на родные поля,
Труд и надежды с народом деля.

Пусть будет снова боренье со злом,
Пусть и падешь ты, не сладив с врагом,

Пусть будут гибель, страданья, беда, —
Только б не эта глухая чреда.

1863 или 1864

Михаил Михайлов

Стансы

Только явя́тся
Солнца красы,
Всем одеваться
Прид́ут часы.

Боже мой, Боже!
Всякий день то же.

К должности водит
Всякого честь;
Полдень приходит —
Надобно есть.

Боже мой, Боже!
Всякий день то же.

Там разговоры
Нас веселят;
Вести и ссоры
Время делят.

Боже мой, Боже!
Всякий день то же.

Ложь и обманы
Сеет злодей;
Рвут, как тираны,

Люди людей.

Боже мой, Боже!
Всякий день то же.

Строги уставы
Мучат нас век:
Денег и славы
Ждет человек.

Боже мой, Боже!
Всякий день то же.

Тот богатится,
Наг тот бредет;
Тот веселится,
Слезы тот льет.

Боже мой, Боже!
Всякий день то же.

Счастье находим,
Счастье губи́м.
Чем жизнь проводим?
Ходим да спим.

Боже мой, Боже!
То же да то же.

Время, о! время,

Что ты? Мечта.
Век наш есть бремя,
Всё суета.

Боже мой, Боже!
Всякий день то же.

Сколько ни видим
В мире сует,
Не ненавидим —
Любим мы свет.

Боже, о! Боже,
Любим и то же.

1761

Михаил Херасков (1733—1807)

Былое

Томимся ль, странники, мы переходом дальним
И много на пути за нами дней легло, —
Под сумерками дни, под сумраком печальным,
Которым нашу жизнь кругом заволокло.
Надежде чуждые и бедные желаньем,
Покоя одного и молим мы и ждем;
Но в книге памяти с задумчивым вниманьем
Мы любим проверять страницы о былом.
Воспоминание, минувшего зарница,

Блеснет и озарит пройдённый нами путь
И прожитые дни и выбывшие лица —
Все тени милые — теснятся в нашу грудь.

1862

Петр Вяземский

Коляска[857]

Томясь житьем однообразным,
Люблю свой страннический дом,
Люблю быть деятельно-праздным
В уединеньи кочевом.
Люблю, готов сознаться в том,
Ярмо привычек свергнув с выи,
Кидаться в новые стихии
И обновляться существом.
Боюсь примерзнуть сиднем к месту
И, волю осязать любя,
Пытаюсь убеждать себя,
Что я не подлежу аресту.
Прости, шлагбаум городской
И город, где всегда на страже
Забот бессменных пестрый строй,
А жизнь бесцветная всё та же;
Где бредят, судят, мыслят даже
Всегда по таксе цеховой.

---

[857] Отрывок из стихотворения.

Прости, блестящая столица!
Великолепная темница,
Великолепный желтый дом,[858]
Где сумасброды с бритым лбом,
Где пленники слепых дурачеств,
Различных званий, лет и качеств
Кряхтят и пляшут под ярмом.
Не раз мне с дела и с безделья,
Не раз с унынья и с веселья,
С излишества добра и зла,
С тоски столичного похмелья
О четырех колесах келья
Душеспасительна была.
Хоть телу мало в ней простора,
Но духом на просторе я.
И недоступные обзора
Из глаз бегущие края,
И вольный мир воздушной степи,
Свободный путь свободных птиц,
Которым чужды наши цепи;
Рекой, без русла, без границ,
Как волны льющиеся тучи;
Здесь лес, обширный и дремучий,
Там море жатвы золотой —
Всё тешит глаз разнообразно
Картиной стройной и живой,
И мысль свободно и развязно
Сама, как птица на лету,

---

[858] *Желтый дом* — так по желтому цвету окраски фасадов первоначально называли отделение для умалишенных Обуховской больницы.

Парит, кружится и ныряет
И мимолетом обнимает
И даль, и глубь, и высоту.
И всё, что на душе под спудом
Дремало в непробудном сне,
На свежем воздухе, как чудом,
Всё быстро ожило во мне.
Несется легкая коляска,
И с ней легко несется ум,
И вереницу светлых дум
Мчит фантастическая пляска.
То по открытому листу,
За подписью воображенья,
Переношусь с мечты в мечту;
То на ночлеге размышленья
С собой рассчитываюсь я:
В расходной книжке бытия
Я убыль с прибылью сличаю,
Итог со страхом поверяю
И контролирую себя.

Так! Отъезжать люблю порою,
Чтоб в самого себя войти,
И говорю другим: прости! —
Чтоб поздороваться с собою.
.....

1826

Петр Вяземский

* * *

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит, —
То мое сердечко стонет,
Как осенний лист, дрожит.

Извела меня кручина,
Подколодная змея!..
Догорай, моя лучина,
Догорю с тобой и я!

Не житье мне здесь без милой,
С кем теперь идти к венцу?
Знать, судил мне рок с могилой
Обручиться молодцу.

Расступись, земля сырая,
Дай мне, молодцу, покой,
Приюти меня, родная,
В тесной келье гробовой.

Мне постыла жизнь такая,
Съела грусть меня, тоска…
Скоро ль, скоро ль гробовая
Скроет грудь мою доска!

1830-е годы

Семен Стромилов (1810—1860)

Плач Ярославны[859]

То не кукушка в роще темной
Кукует рано на заре —
В Путивле плачет Ярославна,
Одна, на городской стене:

«Я покину бор сосновый,
Вдоль Дуная полечу,
И в Каяль-реке бобровый
Я рукав мой обмочу;
Я домчусь к родному стану,
Где кипел кровавый бой,
Князю я обмою рану
На груди его младой».

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:

«Ветер, ветер, о могучий,
Буйный ветер! что шумишь?
Что ты в небе черны тучи
И вздымаешь и клубишь?
Что ты легкими крылами
Возмутил поток реки,
Вея ханскими стрелами

[859] *Ярославна* — жена северского князя Игоря Святославича, чей плач на стене г. Путивля передает «Слово о полку Игореве».

На родимые полки?»

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:

«В облаках ли тесно веять
С гор крутых чужой земли,
Если хочешь ты лелеять
В синем море корабли?
Что же страхом ты усеял
Нашу долю? для чего
По ковыль-траве развеял
Радость сердца моего?»

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:

«Днепр мой славный! ты волнами
Скалы половцев пробил;
Святослав с богатырями
По тебе свой бег стремил, —
Не волнуй же, Днепр широкий,
Быстрый ток студеных вод,
Ими князь мой черноокий
В Русь святую поплывет».

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:

«О река! отдай мне друга —

На волнах его лелей,
Чтобы грустная подруга
Обняла его скорей;
Чтоб я боле не видала
Вещих ужасов во сне,
Чтоб я слез к нему не слала
Синим морем на заре».

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:

«Солнце, солнце, ты сияешь
Всем прекрасно и светло!
В знойном поле что сжигаешь
Войско друга моего?
Жажда луки с тетивами
Иссушила в их руках,
И печаль колчан с стрелами
Заложила на плечах».

И тихо в терем Ярославна
Уходит с городской стены.

11 октября 1825

Иван Козлов

Еще тройка

Тройка мчится, тройка скачет,

Вьется пыль из-под копыт,
Колокольчик звонко плачет
И хохочет, и визжит.

По дороге голосисто
Раздается яркий звон,
То вдали отбрякнет чисто,
То застонет глухо он.

Словно леший ведьме вторит
И аукается с ней,
Иль русалка тараторит
В роще звучных камышей.

Русской степи, ночи темной
Поэтическая весть!
Много в ней и думы томной,
И раздолья много есть.

Прянул месяц из-за тучи,
Обогнул свое кольцо
И посыпал блеск зыбучий
Прямо путнику в лицо.

Кто сей путник? И отколе,
И далек ли путь ему?
По неволе иль по воле
Мчится он в ночную тьму?

На веселье иль кручину,

К ближним ли под кров родной
Или в грустную чужбину
Он спешит, голубчик мой?

Сердце в нем ретиво рвется
В путь обратный или вдаль?
Встречи ль ждет он не дождется
Иль покинутого жаль?

Ждет ли перстень обручальный,
Ждут ли путника пиры
Или факел погребальный
Над могилою сестры?

Как узнать? Уж он далеко!
Месяц в облако нырнул,
И в пустой дали глубоко
Колокольчик уж заснул.

1834

Петр Вяземский

Дорога

Тускло месяц дальний
    Светит сквозь тумана,
И лежит печально
    Снежная поляна.

Белые с морозу
Вдоль пути рядами
Тянутся березы
С голыми сучками.

Тройка мчится лихо,
Колокольчик звонок,
Напевает тихо
Мой ямщик спросонок.

Я в кибитке валкой
Еду да тоскую:
Скучно мне да жалко
Сторону родную.

1841

Николай Огарев

У камина

Тускнеют угли. В полумраке
Прозрачный вьется огонек.
Так плещет на багряном маке
Крылом лазурным мотылек.

Видений пестрых вереница
Влечет, усталый теша взгляд,
И неразгаданные лица

Из пепла серого глядят.

Встает ласкательно и дружно
Былое счастье и печаль,
И лжет душа, что ей не нужно
Всего, чего глубоко жаль.

1856

Афанасий Фет

Тучи[860]

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...

---

[860] Написано в апреле 1840 г. перед отъездом Лермонтова в ссылку на Кавказ. По воспоминаниям В. А. Соллогуба, стихотворение создавалось при следующих обстоятельствах: «Друзья и приятели собрались в квартире Карамзиных проститься с юным другом своим, и тут, растроганный вниманием к себе и непритворною любовью избранного кружка, поэт, стоя в окне и глядя на тучи, которые ползли над Летним садом и Невою, написал стихотворение “Тучки небесные, вечные странники!..” Софья Карамзина и несколько человек гостей окружили поэта и просили прочесть только что набросанное стихотворение. Он оглянул всех грустным взглядом выразительных глаз своих и прочел его. Когда он кончил, глаза были влажные от слез...»

Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

1840

* * *

Ты знаешь, что изрек,
Прощаясь с жизнию, седой Мельхиседек?[861]
Рабом родится человек,
Рабом в могилу ляжет,
И смерть ему едва ли скажет,
Зачем он шел долиной чудной слез,
Страдал, рыдал, терпел, исчез.

1821

Константин Батюшков

* * *

Ты не гонись за рифмой своенравной
И за поэзией, — нелепости оне:
Я их сравню с княгиней Ярославной,

[861] Мельхиседек (Мелхиседек) упоминается в Библии, в книге Бытия, как царь Салима и священник, благословляющий Авраама. В Новом завете (послание апостола Павла к евреям) Мелхиседек характеризуется как «царь мира», «по знаменованию имени — царь правды» и прообраз Христа. Воплощение мудрости, Мелхиседек — это человек с трагической судьбой: «Без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником навсегда».

С зарею плачущей на каменной стене.[862]

Ведь умер князь, и стен не существует,
Да и княгини нет уже давным-давно;
А всё как будто, бедная, тоскует,
И от нее не всё, не всё схоронено.

Но это вздор, обманное созданье!
Слова — не плоть... Из рифм одежд не ткать!
Слова бессильны дать существованье,
Как нет в них также сил на то, чтоб убивать...

Нельзя, нельзя... Однако преисправно
Заря затеплилась; смотрю, стоит стена;
На ней, я вижу, ходит Ярославна,
И плачет, бедная, без устали она.

Сгони ее! Довольно ей пророчить!
Уйми все песни, все! Вели им замолчать!
К чему они? Чтобы людей морочить
И нас, то здесь — то там, тревожить и смущать!

Смерть песне, смерть! Пускай не существует!..
Вздор рифмы, вздор стихи! Нелепости оне!..
А Ярославна всё-таки тоскует
В урочный час на каменной стене...

Константин Случевский

---

[862] *Ярославна* — жена северского князя Игоря Святославича, чей плач на стене г. Путивля передает «Слово о полку Игореве».

Чуру

Ты непородист был, нескладен и невзрачен,
И постоянно зол, и постоянно мрачен;
Не гладила тебя почти ничья рука, —
И только иногда приятель-забияка
Мне скажет, над тобой глумяся свысока:
«Какая у тебя противная собака!»
Когда ж тебя недуг сломил и одолел,
Все в голос крикнули: «Насилу околел!»
Мой бедный, бедный Чур! Тобою наругались,
Тобою брезгали, а в дверь войти боялись,
Не постучавшися: за дверью ждал их *ты!*
Бог с ними, с пришлыми!.. *Свои* тебя любили,
Не требуя с тебя статей и красоты,
Ласкали, холили — и, верно, не забыли.

А я... Но ты — со мной, я знаю — ты со мной,
Мой неотходный пес, ворчун неугомонный,
Простороживший мне дни жизни молодой —
От утренней зари до полночи бессонной!
Один ты был, один свидетелем тогда
Моей немой тоски и пытки горделивой,
Моих ревнивых грез, моей слезы ревнивой
И одинокого, упорного труда...
Свернувшися клубком, смирнехонько, бывало,
Ты ляжешь, чуть дыша, у самых ног моих,
И мне глядишь в глаза, и чуешь каждый стих...
Когда же о́т сердца порою отлегало

И с места я вставал, довольный чем-нибудь,
И *ты* вставал за мной — и прыгал мне на грудь,
И припадал к земле, мотая головою,
И пестрой лапою заигрывал со мною...
Прошли уже давно былые времена,
Давно уж нет тебя, но странно: ни одна
Собака у меня с тех пор не уживалась,
Как будто тень твоя с угрозой им являлась...

Теперь ты стал еще любовнее ко мне:
Повсюду и везде охранником незримым
Следишь ты за своим хозяином любимым;
Я слышу днем тебя, я слышу и во сне,
Как ты у ног моих лежишь и дремлешь чутко...
Пережила ль тебя животная побудка
И силой жизненной осталась на земле,
Иль бедный разум мой блуждает в тайной мгле —
Не спрашиваю я: на то ответ — у Бога...

Но, Чур, от моего не отходи порога
И береги покой моей родной семьи!
Ты твердо знаешь, кто чужие и свои, —
Остерегай же нас от недруга лихого,
От друга ложного и ябедника злого,
От переносчика усердного вестей,
От вора тайного и нéзваных гостей;
Ворчи на них, рычи и лай на них, не труся,
А я на голос твой в глухой ночи проснуся.
Смотри же, узнавай их поверху чутьем,
А впустят — сторожи всей сметкой и умом,

И будь, как был всегда, доверия достоин...
Дай лапу мне... Вот так... Теперь я успокоен:
Есть сторож у меня!.. Пускай нас осмеют,
Как прежде, многие: *немногие* поймут.

1859

Лев Мей

Ты печальна
Кому-то

Ты печальна, ты тоскуешь,
Ты в слезах, моя краса!
А слыхала ль в старой песне:
«Слезы девичьи — роса»?

Поутру на поле пала,
А к полудню нет следа...
Так и слезы молодые
Улетают навсегда,
Словно росы полевые,
Знает Бог один — куда.

Развевает их и сушит
Жарким пламенем в крови
Вихорь юности мятежной,
Солнце красное любви.

30 июля 1857. С. Кораллово

Лев Мей

* * *

Ты помнишь ли, Мария,
Один старинный дом
И липы вековые
Над дремлющим прудом?

Безмолвные аллеи,
Заглохший, старый сад,
В высокой галерее
Портретов длинный ряд?

Ты помнишь ли, Мария,
Вечерний небосклон,
Равнины полевые,
Села далекий звон?

За садом берег чистый,
Спокойный бег реки,
На ниве золотистой
Степные васильки?

И рощу, где впервые
Бродили мы одни?
Ты помнишь ли, Мария,
Утраченные дни?

1840-е годы

Алексей Толстой

Послание И. М. Муравьеву-Апостолу

Ты прав, любимец муз! От первых впечатлений,
От первых, свежих чувств заемлет силу гений
И им в теченье дней своих не изменит!
Кто б ни был: пламенный оратор иль пиит,
Светильник мудрости, науки обладатель,
Иль кистью естества немого подражатель,
Наперсник муз, — познал от колыбельных дней,
Что должен быть жрецом парнасских алтарей.
Младенец сча́стливый, уже любимец Феба,
Он с жадностью взирал на свет лазурный неба,
На зелень, на цветы, на зыбку сень древес,
На воды быстрые и полный мрака лес.
Он, к лону матери приникнув, улыбался,
Когда веселый май цветами убирался
И жавронок вился́ над зеленью полей.
Златая ль радуга, пророчица дождей,
Весь свод лазоревый подернет облистаньем —
Ее приветствовал невнятным лепетаньем,
Ее манил к себе младенческой рукой.
Что видел в юности, пред хижиной родной,
Что видел, чувствовал, как новый мира житель,
Того в душе своей до поздних дней хранитель
Желает в песнях муз потомству передать.
Мы видим первых чувств волшебную печать

В твореньях гения, испытанных веками:
Из мест, где Мантуа красуется лугами,
И Минций[863] в камышах недвижимый стоит,
От милых лар своих отторженный пиит,
В чертоги Августа судьбой перенесенный,[864]
Жалел о вас, ручьи отчизны незабвенной,
О древней хижине, где юность провождал
И Титира[865] свирель потомству передал.
Но там ли, где всегда роскошная природа
И раскаленный Феб с безоблачного свода
Обилием поля счастливые дарит,
Таланта колыбель и область пиерид?
Нет! Нет! И в Севере любимец их не дремлет,
Но гласу громкому самой природы внемлет,
Свершая славный путь, предписанный судьбой.
Природы ужасы, стихий враждебных бой,
Ревущие со скал угрюмых водопады,
Пустыни снежные, льдов вечные громады
Иль моря шумного необозримый вид —
Всё, всё возносит ум, всё сердцу говорит
Красноречивыми, но тайными словами
И огнь поэзии питает между нами.
Близ Колы пасмурной,[866] средь диких рыбарей
В трудах воспитанный, уже от юных дней
Наш Пиндар[867] чувствовал сей пламень потаенный

---

[863] *Мантуа* (Мантуя) — город в Италии, родина римского поэта Вергилия (70—19 до н. э.); *Минций* — р. Минчио, у берегов которой находится Мантуя.
[864] Имеется в виду Вергилий, живший при дворе императора *Августа.*
[865] *Титир* — пастух, персонаж из эклог Вергилия.
[866] Имеется в виду река *Кола* на Кольском полуострове, впадающая в Кольский залив Баренцева моря.
[867] *Наш Пиндар...* — Ломоносов. *Пиндар* (VI—V вв. до н. э.) —древнегреческий поэт, стиль которого отличается торжественностью и громозвучностью.

Сей огнь зиждительный, дар Бога драгоценный,
От юности в душе небесного залог,
Которым Фебов жрец исполнен, как пророк.
Он сладко трепетал, когда сквозь мрак тумана
Стремился по зыбям холодным океана
К необитаемым, бесплодным островам
И мрежи[868] расстилал по новым берегам.
Я вижу мысленно, как отрок вдохновенный
Стоит в безмолвии над бездной разъяренной
Среди мечтания и первых сладких дум,
Прислушивая волн однообразный шум...
Лице горит его, грудь тягостно вздыхает,
И сладкая слеза ланиту орошает,
Слеза, известная таланту одному!
В красе божественной любимцу своему,
Природа! Ты не раз на Севере являлась
И в пламенной душе навеки начерталась.
Исполненный всегда виденьем первых лет,
Как часто воспевал восторженный поэт:
«Дрожащий, хладный блеск полунощной Авроры
И льдяные, в морях носимы ветром, горы,
И Уну, спящую средь звонких камышей,
И день, чудесный день, без ночи, без зарей!..»[869]
В Пальмире Севера,[870] в жилище шумной славы,
Державин камские воспоминал дубравы,[871]

---

[868] *Мрежи (мережи)* — рыболовные сети.
[869] *Дрожащий, хладный блеск...* — строки из незаконченной поэмы Ломоносова «Петр Великий».
[870] *Пальмира Севера* — Петербург. *Пальмира* — пышный и богатый «город пальм», воздвигнутый, по библейскому преданию, царем Соломоном.
[871] Державин, который родился в Казани, ребенком жил в маленьком имении отца, находившемся в Казанской губернии, где протекает Кама.

Отчизны сладкий дым[872] и древний град отцов.
На тучны пажити приволжских берегов
Как часто Дмитриев, расторгнув светски узы,
Водил нас по следам своей счастливой музы,
Столь чистой, как струи царицы светлых вод,[873]
На коих в первый раз зрел солнечный восход
Певец сибирского Пизарра[874] вдохновенный!..
Так, свыше нежною душою одаренный,
Пиит, от юности до сребряных власов,
Лелеет в памяти страну своих отцов.
На жизненном пути ему дарует гений
Неиссякаемый источник наслаждений
В замену счастия и скудных мира благ:
С ним муза тайная живет во всех местах
И в мире дивный мир любимцу созидает.
Пускай свирепый рок по воле им играет:
Пускай незнаемый, без злата и честей,
С главой поникшею он бродит средь людей;
Пускай фортуною от детства удостоен
Он будет судия, министр иль в поле воин —
Но музам и себе нигде не изменит.
В самом молчании он будет всё пиит.
В самом бездействии он с деятельным духом,
Всё сильно чувствует, всё ловит взором, слухом,
Всем наслаждается, и всюду, наконец,
Готовит Фебу дань, — его грядущий жрец.

---

[872] *Отчизны сладкий дым...* — Ср. выражение Державина в стихотворении «Арфа»: «Отечества и дым нам сладок и приятен».
[873] Имеется с виду Волга; в имении отца, находившемся в Симбирской губернии у берегов Волги, родился поэт И. И. Дмитриев.
[874] Имеется в виду Ермак, о котором И. И. Дмитриев написал одноименную драматическую поэму. *Пизарро* Хуансиско (1475—1541) — испанский завоеватель Перу.

Между июлем 1814 и 24 мая 1815

Константин Батюшков

Бабочка

Ты прав. Одним воздушным очертаньем
Я так мила.
Весь бархат мой с его живым миганьем —
Лишь два крыла.

Не спрашивай: откуда появилась?
Куда спешу?
Здесь на цветок я легкий опустилась
И вот — дышу.

Надолго ли, без цели, без усилья,
Дышать хочу?
Вот-вот сейчас, сверкнув, раскину крылья
И улечу.

1884

Афанасий Фет

19 марта 1823[875]

---

[875] Написано, вероятно, в день получения известия из Дерпта о смерти М. А. Мойер (Протасовой), последовавшей 18 марта 1823 г. Мария Протасова — племянница поэта, дочь его единокровной сестры Е. А. Протасовой. Он просил у Е. А. Протасовой руки ее дочери, но та ответила категорическим отказом.

Ты предо мною
Стояла тихо.
Твой взор унылый
Был полон чувства.
Он мне напомнил
О милом прошлом…
Он был последний
На здешнем свете.

Ты удалилась,
Как тихий ангел;
Твоя могила,
Как рай, спокойна!
Там все земные
Воспоминанья,
Там все святые
О небе мысли.

Звёзды небес,
Тихая ночь!..

Василий Жуковский

* * *

Формальным поводом для отказа послужило близкое родство, согласно установлениям православной церкви препятствующее вступлению в брак. Реальным мотивом для отказа было, возможно, отношение Е. А. Протасовой к Жуковскому, основанное на его полукрепостном происхождении. После нескольких лет, посвященных тщетным попыткам переубедить сестру, Жуковский покорился. 14 января 1817 г. Мария Протасова вышла замуж за И. Ф. Мойера — хирурга и профессора Дерптского университета.

Ты светлая звезда таинственного мира,
Куда я возношусь из тесноты земной,
Где ждет меня тобой настроенная лира,
Где ждут меня мечты, согретые тобой.

Ты облако мое, которым день мой мрачен,
Когда задумчиво я мыслю о тебе
Иль измеряю путь, который нам назначен,
И где судьба моя чужда твоей судьбе.

Ты тихий сумрак мой, которым грудь свежеет,
Когда на западе заботливого дня
Мой отдыхает ум и сердце вечереет,
И тени смертные снисходят на меня.

1837

Петр Вяземский

Буря

Ты видел деву на скале
В одежде белой над волнами,
Когда, бушуя в бурной мгле,
Играло море с берегами,
Когда луч молний озарял
Ее всечасно блеском алым
И ветер бился и летал
С ее летучим покрывалом?

Прекрасно море в бурной мгле
И небо в блесках без лазури;
Но верь мне: дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури.

1825

Александр Пушкин

* * *

Mobile comme l'onde[876]

Ты волна моя морская,
Своенравная волна,
Как, покоясь иль играя,
Чудной жизни ты полна!

Ты на солнце ли смеешься,
Отражая неба свод,
Иль мятешься ты и бьешься
В одичалой бездне вод, —

Сладок мне твой тихий шепот,
Полный ласки и любви;
Внятен мне и буйный ропот,
Стоны вещие твои.

Будь же ты в стихии бурной

---

[876] «Подвижна / изменчива, как волна» (франц.). Как показал Б. М. Козырев в «Письмах о Тютчеве», в образе «своенравной волны» поэт создал символически обобщенный портрет Е. А. Денисьевой.

То угрюма, то светла,
Но в ночи твоей лазурной
Сбереги, что ты взяла.

Не кольцо, как дар заветный,[877]
В зыбь твою я опустил,
И не камень самоцветный
Я в тебе похоронил.

Нет — в минуту роковую,
Тайной прелестью влеком,
Душу, душу я живую
Схоронил на дне твоем.

Апрель 1852

Федор Тютчев

Утро

Ты грустна, ты страдаешь душою:
Верю — здесь не страдать мудрено.
С окружающей нас нищетою
Здесь природа сама заодно.

Бесконечно унылы и жалки
Эти пастбища, нивы, луга,

---

[877] Этот образ, в основе которого вариация на тему немецкой народной песни, построен на противопоставлении «законной» любви и роковой любви-самоубийства и заключает намек на то общественное положение, в котором оказалась Е. А. Денисьева из-за своих отношений с поэтом.

Эти мокрые, сонные галки,
Что сидят на вершине стога;

Эта кляча с крестьянином пьяным,
Через силу бегущая вскачь
В даль, сокрытую синим туманом,
Это мутное небо... Хоть плачь!

Но не краше и город богатый:
Те же тучи по небу бегут;
Жутко нервам — железной лопатой
Там теперь мостовую скребут.

Начинается всюду работа;
Возвестили пожар с каланчи;
На позорную площадь кого-то
Повезли — там уж ждут палачи.

Проститутка домой на рассвете
Поспешает, покинув постель;
Офицеры в наемной карете
Скачут за город: будет дуэль.

Торгаши просыпаются дружно
И спешат за прилавки засесть:
Целый день им обмеривать нужно,
Чтобы вечером сытно поесть.

Чу! из крепости грянули пушки!

Наводненье столице грозит...
Кто-то умер: на красной подушке
Первой степени Анна лежит.[878]

Дворник вора колотит — попался!
Гонят стадо гусей на убой;
Где-то в верхнем эта́же раздался
Выстрел — кто-то покончил с собой...

1874

Николай Некрасов

* * *

Ты скоро меня позабудешь,
Но я не забуду тебя;
Ты в жизни разлюбишь, полюбишь,
А я — никого, никогда!
Ты новые лица увидишь
И новых друзей изберешь;
Ты новые чувства узнаешь
И, может быть, счастье найдешь.
Я — тихо и грустно свершаю,
Без радостей, жизненный путь;
И как я люблю и страдаю —
Узнает могила одна!

---

[878] Орденом Святой Анны 1-й степени награждались исключительно генералы.

1844

Юлия Жадовская

* * *

Salut, salut, consolatrice!
Ouvre tes bras, je viens chanter.
Musset[879]

Ты, уцелевший в сердце нищем,
Привет тебе, мой грустный стих!
Мой светлый луч над пепелищем
Блаженств и радостей моих!
Одно, чего и святотатство
Коснуться в храме не могло;
Моя напасть! мое богатство!
Мое святое ремесло!

Проснись же, смолкнувшее слово!
Раздайся с уст моих опять;
Сойди к избраннице ты снова,
О роковая благодать!
Уйми безумное роптанье
И обреки всё сердце вновь
На безграничное страданье,
На бесконечную любовь!

---

[879] Привет, привет, утешительница! Открой объятия, я запою! *Мюссе* (франц.).

Февраль 1854. Дерпт

Каролина Павлова

* * *

Тяжело в ночной тиши
Выносить тоску души
Пред безглазым домовым,
Темным призраком немым,
Как[880] стихийная волна
Над душой одна вольна.

Но зато люблю я днем,
Как замолкнет всё кругом,
Различать, раздумья полн,
Тихий плеск житейских волн.
Не меня гнетет волна,
Мысль свежа, душа вольна;
Каждый миг сказать хочу:
«Это я!» Но я молчу.

15 сентября 1892

Афанасий Фет

После казни в Женеве

---

[880] *Как* — когда.

Тяжелый день... Ты уходил так вяло...
Я видел казнь: багровый эшафот
Давил, как будто бы, сбежавшийся народ,
И солнце ярко на топор сияло.

Казнили. Голова отпрянула, как мяч!
Стер полотенцем кровь с обеих рук палач,
А красный эшафот поспешно разобрали,
И увезли, и площадь поливали.

Тяжелый день... Ты уходил так вяло...
Мне снилось: я лежал на страшном колесе,
Меня коробило, меня на части рвало,
И мышцы лопались, ломались кости все...

И я вытягивался в пытке небывалой
И, став звенящею, чувствительной струной, —
К какой-то схимнице, больной и исхудалой,
На балалайку вдруг попал едва живой!

Старуха страшная меня облюбовала
И нервным пальцем дергала меня,
«Коль славен наш Господь»,[881] тоскливо напевала,
И я втори́л ей — жалобно звеня!..

Константин Случевский

* * *

[881] «Коль славен наш Господь» — начало псалма 47 в переложении М. М. Хераскова; исполнялся на музыку Д. С. Бортнянского как государственный гимн России.

Убей меня, Боже всесильный,
Предвечною правдой своей,
Всей грозною тайной могильной
И всем нерекомым убей —

Любви Ты во мне не погубишь,
Не сдержишь к бессмертью порыв:
Люблю я — затем, что Ты любишь,
Бессмертен — затем, что Ты жив!

19 октября 1857

Лев Мей

* * *

Увы, что́ нашего незнанья
И беспомо́щней и грустней?
Кто смеет молвить: *до свиданья*
Чрез бездну двух или трех дней?[882]

11 сентября 1854

Федор Тютчев

Странник

---

[882] В письме к Эрн. Ф. Тютчевой от 11 сент. 1854 г. из Петербурга.

Угоден Зевсу бедный странник,[883]
Над ним святой его покров!..
Домашних очагов изгнанник,
Он гостем стал благих богов!..

Сей дивный мир, их рук созданье,
С разнообразием своим,
Лежит, развитый перед ним
В утеху, пользу, назиданье...

Чрез веси, грады и поля,
Светлея, стелется дорога, —
Ему отверста вся земля,
Он видит всё и славит бога!..

1829

Федор Тютчев

* * *

Уж верба вся пушистая
Раскинулась кругом;
Опять весна душистая
Повеяла крылом.

Станицей тучки носятся,
Тепло озарены,

---

[883] Зевс считался покровителем странников.

И в душу снова просятся
Пленительные сны.

Везде разнообразною
Картиной занят взгляд,
Шумит толпою праздною
Народ, чему-то рад...

Какой-то тайной жаждою
Мечта распалена —
И над душою каждою
Проносится весна.

1844

Афанасий Фет

Вечер[884]

Уж вечер… облаков померкнули края,
Последний луч зари на башнях[885] умирает;
Последняя в реке блестящая струя
С потухшим небом угасает.

Всё тихо: рощи спят; в окрестности покой;
Простершись на траве под ивой наклоненной,
Внимаю, как журчит, сливаяся с рекой,
Поток, кустами осененный.

---

[884] Отрывок из элегии «Вечер».
[885] Т. е. на колокольнях.

Как слит с прохладою растений фимиам![886]
Как сладко в тишине у брега струй плесканье!
Как тихо веянье зефира[887] по водам
И гибкой ивы трепетанье!

1806

Василий Жуковский

Снежные горы

Уже полдневная пора
Палит отвесными лучами, —
И задымилася гора
С своими черными лесами.

Внизу, как зеркало стальное,
Синеют озера струи
И с камней, блещущих на зное,
В родную глубь спешат ручьи...

И между тем как полусонный
Наш дольний[888] мир, лишенный сил,
Проникнут негой благовонной,
Во мгле полуденной почил, —

---

[886] *Фимиам* — благовонное вещество, сжигаемое при богослужениях, ладан.
[887] *Зефир* — (у древних греков) западный ветер; в поэзии: легкий теплый ветер.
[888] *Дольний* — земной, человеческий.

Горé,[889] как божества родные,
Над издыхающей землей,
Играют выси ледяные
С лазурью неба огневой.

1829

Федор Тютчев

Неведомая странница[890]

Уже толпа последняя изгнанников
Выходит из родного Новагóрода,
Выходит на Московский путь.
В толпе идет неведомая женщина,
Горюет, очи ясные заплаканы,
А слово каждое — любовь.

С небесных уст святое утешение,
Как сок целебный, сходит в душу путников,
В них оживает свет очей.
Вокруг жены толпа теснится, слушает;
Услышит слово — сердце расширяется
И усыпляется печаль.

Уже темнеет небо, путь туманится.
Идут... Но в воздух чудная целебница

---

[889] *Горé* — ввысь, в вышине. (Горний — находящийся в вышине, небесный, духовный.)
[890] В стихотворении идет речь о покорении Новгорода Иваном III в 1478 г. *Неведомая странница* — св. София, покровительница Новгорода. Новгород для декабристов и близких им по духу людей был символом свободной России.

С пути подъемлется, как пар.
Чело звездами светлыми увенчано,
Чем выше, всё летучий стан воздушнее
И светозарнее чело.

В тумане с нею над главами странников
Не ангелы, но, как она, небесные,
Мерцая, медленно плывут.
Плывет она, и с неба слово тихое
Спадает, замирает в слухе путников,
Не прикасаясь до земли.

«Забыта Русью Божия посланница.
Мой дом был предан дыму и мечу,[891]
И я, как вы — земли родной изгнанница —
Уже в свой город не слечу.

Вас цепи ждут, бичи, темницы тесные;
В страданиях пройдет за годом год.
Но пусть мои три дочери небесные[892]
Утешат бедный мой народ.

Нет, веруйте в земное воскресение:
В потомках ваше племя оживет,
И чад моих святое поколение
Покроет Русь и процветет».

1829 или 1830

---

[891] *Мой дом* — Софийский собор.
[892] *Мои три дочери* — Вера, Надежда, Любовь.

Александр Одоевский

Ночь[893]

Уже утомившийся день
Склонился в багряные воды,
Темнеют лазурные своды,
Прохладная стелется тень;
И ночь молчаливая мирно
Пошла по дороге эфирной,
И Геспер[894] летит перед ней
С прекрасной звездою своей.

Сойди, о небесная, к нам
С волшебным твоим покрывалом,
С целебным забвенья фиалом.
Дай мира усталым сердцам.
Своим миротворным явленьем,
Своим усыпительным пеньем
Томимую душу тоской,
Как матерь дитя, успокой.

1823

Василий Жуковский

---

[893] Перевод романса неизвестного немецкого автора «Schon sank auf rosiger Bahn / Der Tag in wallende Fluten…» («Уже опускался по розовой дороге / День в кипящие волны…»).
[894] *Геспер* — (в греческой мифологии) божество вечерней звезды. Геспер — одно из прозвищ планеты Венеры, утренний и вечерний восходы которой в древности считались сиянием разных звезд. В римской мифологии — Веспер.

* * *

Уж ласточки, кружась, над крышей щебетали,
Красуяся, идет нарядная весна...
Порою входит так в дом скорби и печали
В цветах красавица, надменна и пышна.

Как праздничный мне лик весны теперь несносен,
Как грустен без тебя дерев зеленых вид!
И мыслю я: когда ж на них повеет осень
И, сыпля желтый лист, нас вновь соединит!

Весна 1857

Плач остающегося в городе при виде переезжающих на дачу

Уж май. Весь Петербург сбирается на дачу.
Все едут: я один смотрю и горько плачу.
Все едут: я один, опальный сын земли,
Жить должен в городе, томясь в сухой пыли,
Средь раскаленных плит и толстых стен кирпичных,
Пону́рив голову над грудой дел обычных!
Уж пусть бы, думаю, богатство лишь одно
На дачу ехало! Ему уж суждено
Все блага пить! так нет; — туда ж несет и бедность
Свою лохмотьями обвернутую бледность,
Свой волчий аппетит — природы щедрый дар,
Своих чреватых жен и свой любовный жар.

Весною бедность та в грязи со мною ж вязнет,
А тут и поднялась и мимоездом дразнит
Меня, бездачного. Мы едем: погляди! —
Всё это говорит, — а ты себе сиди!
Какой прекрасный день! Как солнце светит ярко!
Посмотришь: тянется с домашним скарбом воз
И разной утварью наполненная барка, —
И кофе пить спешит в страну лилей и роз
С блаженной прачкою счастливая кухарка.
И сколько чудных встреч на барке, на возу!
Подушка встретилась со щеткою в тазу;
Там, поглядишь, с бельем в союзе небывалом,
Фарфор или хрусталь под старым одеялом;
Перина и сундук знакомиться спешат,
И сколько тайных чувств выходит на поверку:
К кофейной мельнице тут ластится ушат,
А тут тюфяк привстал и обнял этажерку;
Там — хлама разного громадные узлы;
И — что за дерзкий вид! — И стулья и столы
Пред всею публикой (у них стыда ни крошки)
Сцепились, ножки вверх, и ножки через ножки
Продеты так и сяк, — трясутся, дребезжат,
Являя чудный вид подвижных баррикад;
Метла глядит в ведро и в спину трет гитару;
Там «здравствуй» говорит корыто самовару,
Который, уж давно не ездив со двора,
Прегордо высунул свой кран из-под ковра;
С вещами дамскими вверху бечевкой тонкой
Крест-накрест связаны картонка над картонкой,

Где скипетр и венец из кружев, блонд[895] и лент
С державой газовой до времени сокрыты,
Где все, пред чем потом поникнут без защиты
И свежий прапорщик, и розовый студент.
Вот едут курицы в корзине под лоханью,
Вот глиняный горшок с чахоточной геранью!
Ну вот, я думаю, поправится и та,
Когда ее свезут в эдемские места!
И эта тощая герань полуживая,
Держась позадь всего, меж кадок и корыт,
Колышется и, мне насмешливо кивая,
«На дачу едем мы: прощайте!» — говорит,
И кланяется всем проезжим и прохожим:
«Прощайте! — говорит: — вас взять с собой не можем;
На дачу едем мы». — И тронутый до слез,
Глазами грустными слежу я этот воз.
Вдруг взор мой поражен знакомым мне диваном,
С горбатой спинкою, обтянутой сафьяном,
Где прошлою зимой я часто восседал,
Как в дремлющем кругу стихи свои читал;
И словно Архимед, решивший вдруг задачу,
Кричу: открыл![896] Они поехали на дачу —
Они! — И стол их — вот! И этот мне знаком;
Он был опорою моих торжеств минувших;
В него я ударял, бывало, кулаком,
Чтоб стих усилить мой и разбудить уснувших,
А бедный стол страдал; на дачу едет он.

---

[895] *Блонды* — старинные шелковые кружева желтоватого оттенка.
[896] «Эврика!» («я нашел!») — восклицание Архимеда, открывшего закон тяжести тел; восклицание, сделавшееся поговоркой по разрешении трудной задачи.

Быть может, и диван в пружинах изнурен:
Лечиться надобно. Все это поюнеет,
Телесность всякая воскреснет, пополнеет
И поздоро́веет, — и в платьице ином
Придется уширять прекрасных мест объем.
Все вспрянет — каждая чуть дышащая личность,
И бодрость петуха, и курицы яичность,
Цыплята явятся. Не только мир живой,
Но и бездушное как будто обновится,
И мебель дряблая, трещавшая зимой,
Там трещины сожмет и в силах укрепится.
Воображаю я: приедет этот воз
К жилищу, скрытому под сению берез,
И разгрузи́т свое торжественное лоно;
Адель уж там — и ждет: она из пансиона
Недавно вырвалась и вдруг на дачу — прыг!
Сюда! Скорей — сюда! И нежный детский лик
Сияет прелестью и новостью заботы.
Помада, скляночки, флаконы, книги, ноты,
Картонки, зеркало, собачка — все ли тут?
И милой барышни все это подают.
О кухне между тем ее maman хлопочет;
Разбилось кое-что… дочь смотрит и хохочет:
«Оставьте, — говорит, — оставьте всё! Да вы
Взгляните, маменька, места-то каковы!
Ведь это — прелести! Вам разве не понятно,
Что воздухом одним питаться здесь приятно!
На это время пусть уж будет позабыт
Весь прозаический хозяйственный ваш быт!»
А маменька — свое, всё о своей потере

Толкует, думает: к какой прибегнуть мере
И все устроить так, чтобы не быть беде.
«Где ж рынок? — говорит: — говядину-то где
Мы будем покупать? Ты, Адичка, пустого
Мне не рассказывай: захочется мясного!»
А Адичка, давно стан легкий округля,
Подвысив платьице и выправляя ножки,
По полисаднику несется вдоль дорожки
И делает шассе с припевом: тра-ля-ля.
А там, преплыв Неву, у радостного брега
Явилась ладия — род ноева ковчега —
И высадку творит. А там уже давно
Все наслаждается и все населено:
Поутру на крыльцо с приветным звоном чашек
Выносится поднос; кудрява, как барашек,
Выходит Лидия; в пиджаке и в очках
Эрнест, с дымящейся гаванною в зубах,
Идет с небрежностью, не чуждою претензий,
И сел, раскинувшись под шапками гортензий;
Проснулся самовар, зафыркал, заворчал,
И с моккским нектаром кофейник зажурчал, —
Живой источник сил и всякого здоровья,
Тут масло, сливки, сыр — вся благодать коровья —
Соседней фермы дар. Уж подан тайный знак
Из меткого окна пригоженькой соседке…
И пестрый попинька, в своей качаясь клетке,
В привет хозяину, уж прокричал: дурак!
И Васька — старый кот, чтоб милую картину
Дополнить, развалясь на солнце, выгнул спину
И лег философом; — он чужд огня в крови,

Быв в юности лишен способности к любви.
Но что картины все, без них — моих любимых —
Сих истых дачников — детей неукротимых?
Вот, вот они — друзья! В бездетности своей
Я — старый холостяк — боготворю детей:
Не этих скованных, одетых по рисунку,
Ученых напоказ и вытянутых в струнку,
Но этих маленьких разбойников земных,
Растущих весело в разгульной их свободе,
Где светской петли нет на детской их природе,
И, кажется, что я люблю так крепко их,
Как крепко не люблю разбойников больших.
Творец мой! Как хорош раскинутый по дачам
Сей шумный мир детей с их смехом, визгом, плачем!
Вот вечер! Поглядишь: там садик, здесь балкон
Приезжих группами приятно оживлен:
Тут гости; в их кругу и старичок почтенный,
С звездой и лысиной, совета президент,
И Бетси, и Мими, и он — вышереченный —
Тот свежий прапорщик и розовый студент.
В саду скрипит качель; там сквозь деревьев ветки
Блаженная чета мелькает у беседки.
Вот август подойдет, стемнеют вечера:
Там музыка гремит, там — пенье, там — игра,
Блестят фонарики и хлопают ракеты;
У Излера восторг и прелестям нет сметы.[897]

---

[897] *Излер* Иван Иванович — швейцарец по происхождению, увеселитель петербургской публики, род. в 1811 г., умер 20 сентября 1877 г. В конце 30-х годов в Новой Деревне, на земле гр. Строганова, существовал вокзал заведения искусственных минеральных вод; здесь на эстраде два раза в неделю по вечерам играла музыка; в 1848 г. вокзал этот взял на аренду Излер; он завел хороший оркестр Ив. Гунгля, цыганский хор Васильева, труппу гимнастов-арабов, ставил входившие в моду живые картины, устраивал фейерверки, иллюминации и пр. Эти увеселения пришлись очень кстати: они развлекали жителей столицы, унывших во

Там угол оглашен веселым звоном чаш;
Там хохот; тут любовь; здесь шум и ералаш.[898]
О Боже! Май настал, а я сижу и плачу
При виде едущих на летний пир — на дачу.

1857

Владимир Бенедиктов

* * *

Уж поздно... Конь усталый мой
Храпит и просится домой...
Холмы пологие кругом —
Степные виды! За холмом
Печально светится пожар —
Овин горит. На небе пар;
На небе месяц золотой
Блестит холодной красотой,
И под лучом его немым
Туман волнуется, как дым.
Большие тени там и сям
Лежат недвижно по полям,
И различает глаз едва
Лесов высоких острова.
Кой-где, по берегам реки,
В кустах мерцают огоньки;

время свирепствовавшей тогда холеры. В 60-х годах сад стал приходить в упадок и Излер его оставил. (Пыляев «Забытое прошлое окрестностей Петербурга»).

[898] *Ералаш* — беспорядок, путаница (разг. фам.).

Внезапный крик перепелов
Гремит один среди лугов,
И синяя, ночная мгла
Как будто нехотя тепла.

1846

Иван Тургенев

Летний вечер

Уж солнца раскаленный шар
С главы своей земля скатила,
И мирный вечера пожар
Волна морская поглотила.

Уж звезды светлые взошли
И тяготеющий над нами
Небесный свод приподняли
Своими влажными главами.

Река воздушная полней
Течет меж небом и землею,
Грудь дышит легче и вольней,
Освобожденная от зною.

И сладкий трепет, как струя,
По жилам пробежал природы,
Как бы горячих ног ея
Коснулись ключевые воды.

1828

Федор Тютчев

Весна

Уж тает снег, бегут ручьи,
В окно повеяло весною...
Засвищут скоро соловьи,
И лес оденется листвою!

Чиста небесная лазурь,
Теплей и ярче солнце стало,
Пора метелей злых и бурь
Опять надолго миновала.

И сердце сильно так в груди
Стучит, как будто ждет чего-то,
Как будто счастье впереди
И унесла зима заботы!

Все лица весело глядят.
«Весна!» — читаешь в каждом взоре;
И тот, как празднику, ей рад,
Чья жизнь — лишь тяжкий труд и горе.

Но резвых деток звонкий смех
И беззаботных птичек пенье
Мне говорят — кто больше всех

Природы любит обновленье!

1872

Алексей Плещеев

Английский романс

Уймитесь, волнения страсти!
Засни, безнадежное сердце!
Я плачу, я стражду, —
Душа истомилась в разлуке.
Я плачу, я стражду!
Не выплакать горя в слезах...

Напрасно надежда
Мне счастье гадает, —
Не верю, не верю
Обетам коварным:
Разлука уносит любовь...

Как сон, неотступный и грозный,
Соперник мне снится счастливый,
И тайно и злобно
Кипящая ревность пылает...
И тайно и злобно
Оружия ищет рука...

Минует печальное время,
Мы снова обнимем друг друга.

И страстно и жарко
Забьется воскресшее сердце,
И страстно и жарко
С устами сольются уста.

Напрасно измену
Мне ревность гадает, —
Не верю, не верю
Коварным наветам!
Я счастлив! Ты снова моя!

И всё улыбнулось в природе;
Как солнце, душа просияла;
Блаженство, восторги
Воскресли в измученном сердце!
Я счастлив: ты снова моя.

Август 1838

Нестор Кукольник

Колокольчик

Улеглася метелица... путь озарен...
Ночь глядит миллионами тусклых очей...
Погружай меня в сон, колокольчика звон!
Выноси меня, тройка усталых коней!

Мутный дым облаков и холодная даль
Начинают яснеть; белый призрак луны

Смотрит в душу мою — и былую печаль
Наряжает в забытые сны.

То вдруг слышится мне — страстный голос поет,
С колокольчиком дружно звеня:
«Ах, когда-то, когда-то мой милый придет —
Отдохнуть на груди у меня!

У меня ли не жизнь!.. чуть заря на стекле
Начинает лучами с морозом играть,
Самовар мой кипит на дубовом столе,
И трещит моя печь, озаряя в угле,
За цветной занавеской, кровать!..

У меня ли не жизнь!.. ночью ль ставень открыт,
По стене бродит месяца луч золотой,
Забушует ли вьюга — лампада горит,
И, когда я дремлю, мое сердце не спит,
Всё по нем изнывая тоской».

То вдруг слышится мне, тот же голос поет,
С колокольчиком грустно звеня:
«Где-то старый мой друг?.. Я боюсь, он войдет
И, ласкаясь, обнимет меня!

Что за жизнь у меня! и тесна, и темна,
И скучна моя горница; дует в окно.
За окошком растет только вишня одна,
Да и та за промерзлым стеклом не видна
И, быть может, погибла давно!..

Что за жизнь!.. полинял пестрый полога цвет,
Я больная брожу и не еду к родным,
Побранить меня некому — милого нет,
Лишь старуха ворчит, как приходит сосед,
Оттого, что мне весело с ним!..»

1854

Яков Полонский

Измена

Улетает, улетает
Легкокрылая мечта;
Изменяет, изменяет
И весна и красота.

Что спешите? Поиграйте!
Оживите сердце вновь!
Улыбнитесь и отдайте
Первых лет моих любовь!

Всё напрасно: ни желанья,
Ни надежды не сбылись!
Не услышали призванья:
Полетели, унеслись.

Так осеннею порою
С увядающих полей

Поднимается грядою
Стадо вольных журавлей.

1824

Петр Плетнев

* * *[899]

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Всё ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.

Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;

[899] Вступление к поэме «Руслан и Людмила» (1820), написанное в Михайловском в 1824—1825 годах.

Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идет, бредет сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русской дух… там Русью пахнет!
И там я был, и мед я пил;
У моря видел дуб зеленый;
Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил.
Одну я помню: сказку эту
Поведаю теперь я свету…

1824 или 1825

Александр Пушкин

* * *

Улыбка томительной скуки
Средь общей веселия жажды...
Вы, полные, сладкие звуки, —
Знать, вас не услышать мне дважды!

Зачем же за тающей скрипкой

Так сердце в груди встрепенулось,
Как будто знакомой улыбкой
Минувшее вдруг улыбнулось?

Так томно и грустно-небрежно
В свой мир расцвечённый уносит,
И ластится к сердцу так нежно,
И так умилительно просит?

1844

Афанасий Фет

Певице

Уноси мое сердце в звенящую даль,
Где как месяц за рощей печаль;
В этих звуках на жаркие слезы твои
Кротко светит улыбка любви.

О дитя! как легко средь незримых зыбей
Доверяться мне песне твоей:
Выше, выше плыву серебристым путем,
Будто шаткая тень за крылом.

Вдалеке замирает твой голос, горя,
Словно за морем ночью заря, —
И откуда-то вдруг, я понять не могу,
Грянет звонкий прилив жемчугу.

Уноси ж мое сердце в звенящую даль,
Где кротка, как улыбка, печаль,
И всё выше помчусь серебристым путем
Я, как шаткая тень за крылом.

1857

Афанасий Фет

Царскосельская статуя[900]

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.
Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;
Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.

1830

Александр Пушкин

Полководец[901]

У русского царя в чертогах есть палата:[902]
Она не золотом, не бархатом богата;

---

[900] Стихотворение Пушкина посвящено бронзовой статуе «Молочница» (на тему басни Лафонтена «Молочница и кувшин», скульптор П. П. Соколов) в Царскосельском парке, изображающей девушку над разбитым кувшином, из которого льется неиссякаемый источник.
[901] Стихотворение посвящено памяти М. Б. Барклая де Толли (1761—1818), главнокомандующего русскими войсками в начале Отечественной войны 1812 г., выработавшего план отступления русской армии в глубь страны и руководившего (до 17 августа 1812 г.) операциями по отступлению.
[902] Имеется в виду «Военная галерея» в Зимнем дворце в Петербурге, где помещены портреты свыше трехсот генералов, участников Отечественной войны 1812 г. Портреты написаны английским художником Доу, приглашенным для этого в 1819 г. в Россию, и его помощниками.

Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
Но сверху донизу, во всю длину, кругом,
Своею кистию свободной и широкой
Ее разрисовал художник быстроокой.
Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадонн,
Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жен,
Ни плясок, ни охот, — а всё плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.
Нередко медленно меж ими я брожу
И на знакомые их образы гляжу,
И, мнится, слышу их воинственные клики.
Из них уж многих нет; другие, коих лики
Еще так молоды на ярком полотне,
Уже состарились и никнут в тишине
Главою лавровой...
Но в сей толпе суровой
Один меня влечет всех больше. С думой новой
Всегда остановлюсь пред ним — и не свожу
С него моих очей. Чем долее гляжу,
Тем более томим я грустию тяжелой.

Он писан во весь рост. Чело, как череп голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Там грусть великая. Кругом — густая мгла;
За ним — военный стан. Спокойный и угрюмый,
Он, кажется, глядит с презрительною думой.

Свою ли точно мысль художник обнажил,
Когда он таковым его изобразил,
Или невольное то было вдохновенье, —
Но Доу дал ему такое выраженье.

О вождь несчастливый!... Суров был жребий твой:
Всё в жертву ты принес земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчанье шел один ты с мыслию великой,
И, в имени твоем звук чуждый невзлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.
И тот, чей острый ум тебя и постигал,
В угоду им тебя лукаво порицал...
И долго, укреплен могущим убежденьем,
Ты был неколебим пред общим заблужденьем;
И на полупути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманный глубоко, —
И в полковых рядах сокрыться одиноко.
Там, устарелый вождь, как ратник молодой,
Свинца веселый свист заслышавший впервой,
Бросался ты в огонь, ища желанной смерти, —
Вотще! —[903]

.....

.....

---

[903] Барклай проявил необычайную храбрость в Бородинском сражении, появляясь в самых опасных местах. Он писал Александру I: «26 августа не сбылось мое пламеннейшее желание: провидение пощадило жизнь, которая меня тяготит».

О люди! жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколенье
Поэта приведет в восторг и в умиленье!

1835

Александр Пушкин

* * *

Утихла биза...[904] Легче дышит
Лазурный сонм женевских вод —
И лодка вновь по ним плывет,
И снова лебедь их колышет.

Весь день, как летом, солнце греет,
Деревья блещут пестротой,
И воздух ласковой волной
Их пышность ветхую лелеет.

А там, в торжественном покое,
Разоблаченная с утра,
Сияет Белая гора,[905]

---

[904] *Биза* (франц. *bise*) — холодный и сухой северный или северо-восточный ветер в горных районах Франции и Швейцарии.
[905] Монблан (*Mont-Blanc* — «белая гора», франц.).

Как откровенье неземное.

Здесь сердце так бы всё забыло,
Забыло б муку всю свою,
Когда бы там — в родном краю —
Одной могилой меньше было...[906]

11 октября 1864

Федор Тютчев

В дороге

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное далекое,
Слушая ропот колес непрестанный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

---

[906] Написано в Женеве. Одной могилой меньше было — имеется в виду могила Е. А. Денисьевой на Волковом кладбище в Петербурге.

Ноябрь 1843

Иван Тургенев

* * *

Учись у них — у дуба, у березы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слезы,
И треснула, сжимаяся, кора.

Всё злей метель и с каждою минутой
Сердито рвет последние листы,
И за сердце хватает холод лютый;
Они стоят, молчат; молчи и ты!

Но верь весне. Ее промчится гений,
Опять теплом и жизнию дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

31 декабря 1883

Афанасий Фет

Фонарики

Фонарики, сударики,
Скажите-ка вы мне,

Что видели, что слышали
В ночной вы тишине?
Так чинно вы расставлены
По улицам у нас:
Ночные караульщики,
Ваш верен зоркий глаз!

Вы видели ль, приметили ль,
Как девушка одна,
На цыпочках, тихохонько
И робости полна,
Близ стенки пробирается,
Чтоб друга увидать
И шепотом, украдкою
«Люблю!» ему сказать.

Фонарики, сударики
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Того не говорят.

Вы видели ль, как юноша
Нетерпеливо ждет,
Как сердцем, взором, мыслию
Красавицу зовет...
И вот они встречаются —
И радость, и любовь;
И вот они назначили
Свиданье завтра вновь.

Фонарики, сударики
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Того не говорят.

Вы видели ль несчастную,
Убитую тоской,
Как будто тень бродящую,
Как призрак гробовой,
Ту женщину безумную,
Заплаканы глаза:
Ее все жизни радости
Разрушила гроза.

Фонарики, сударики
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Того не говорят.

Вы видели ль преступника,
Как в горести немой
От совести убежища
Он ищет в час ночной?
Вы видели ль веселого
Гуляку в сюртуке,
Оборванном, запачканном,
С бутылкою в руке?

Фонарики, сударики
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Того не говорят.

Вы видели ль сиротушку,
Прижавшись в уголок,
Как просит у прохожего,
Чтоб, бедной, ей помог;
Как горемычной холодно,
Как страшно в темноте.
Ужель никто не сжалится,
И гибнуть сироте?

Фонарики, сударики
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Того не говорят.

Вы видели ль мечтателя,
Поэта в час ночной?
За рифмой своенравною
Гоняясь, как шальной,
Он хочет муку тайную
И неба благодать
Толпе, ему внимающей,
Звучнее передать.

Фонарики, сударики

Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Того не говорят.

Быть может, не приметили...
Да им и дела нет;
Гореть им только велено,
Покуда будет свет.
Окутанный рогожею
Фонарщик их зажег;
Но чувства прозорливости
Им передать не мог!..

Фонарики, сударики —
Народ всё деловой:
Чиновники, сановники —
Всё люди с головой!
Они на то поставлены,
Чтоб видел их народ,
Чтоб величались, славились,
Но только без хлопот.

Им, дескать, не приказано
Вокруг себя смотреть,
Одна у них обязанность:
Стоять тут и гореть.
Да и гореть, покудова
Кто не задует их.
Так что же и тревожиться

О горестях людских!

Фонарики, сударики —
Народ всё деловой:
Чиновники, сановники —
Всё люди с головой!

8 ноября 1841

Иван Мятлев

Элегия

«Хас-Булат удалой!
Бедна сакля твоя;
Золотою казной
Я осыплю тебя.

Саклю пышно твою
Разукрашу кругом,
Стены в ней обобью
Я персидским ковром.

Галуном твой бешмет[907]
Разошью по краям
И тебе пистолет
Мой заветный отдам.

---

[907] *Бешмет* — стеганый полукафтан.

Дам старее тебя
Тебе шашку с клеймом,
Дам лихого коня
С кабардинским тавром.[908]

Дам винтовку мою,
Дам кинжал Базалай,
Лишь за это свою
Ты жену мне отдай.

Ты уж стар, ты уж сед,
Ей с тобой не житье,
На заре юных лет
Ты погубишь ее.

Тяжело без любви
Ей тебе отвечать
И морщины твои
Не любя целовать.

Видишь, вон Ямман-Су[909]
Моет берег крутой,
Там вчера я в лесу
Был с твоею женой.

Под чинарой густой

[908] *Тавро* — клеймо, выжигаемое на коже лошадей и служащее отличительным знаком.
[909] *Ямман-Су* — горная река на Северном Кавказе.

Мы сидели вдвоем,
Месяц плыл золотой,
Всё молчало кругом.

И играла река
Перекатной волной,
И скользила рука
По груди молодой.

Мне она отдалась
До последнего дня
И Аллахом клялась,
Что не любит тебя!»

Крепко шашки сжимал
Хас-Булат рукоять
И, схватись за кинжал,
Стал ему отвечать:

«Князь! рассказ длинный твой
Ты напрасно мне рек,
Я с женой молодой
Вас вчера подстерег.

Береги, князь, казну
И владей ею сам,
За неверность жену
Тебе даром отдам.

Ты невестой своей
Полюбуйся поди,
Она в сакле моей
Спит с кинжалом в груди.

Я глаза ей закрыл,
Утопая в слезах,
Поцелуй мой застыл
У нее на губах».

Голос смолк старика,
Дремлет берег крутой;
И играет река
Перекатной волной.

1858

Александр Аммосов (1823—1866)

* * *

Ходит ветер избочась
Вдоль Невы широкой,
Снегом стелет калачи
Бабы кривобокой.

Бьется весело в гранит,
Вихри завивает,
И, метелицей гудя,

Плачет да рыдает.

Под мостами свищет он
И несет с разбега
Белогрудые холмы
Молодого снега.

Под дровнишки мужика
Всё ухабы сует,
Кляче в старые бока
Безотвязно дует.

Он за валом крепостным
Воет жалким воем
На соборные часы
С их печальным боем:

Много близких голосов
Слышно в песнях ваших,
Сказок муромских лесов,
Песен дедов наших!

Ходит ветер избочась
Вдоль Невы широкой,
Снегом стелет калачи
Бабы кривобокой.

Константин Случевский

Московские цыганы

Хор готов. Вожатый ярый
Вышел, волю дал плечу.
Заиграло; вспыхнул старый!
Стал, моргнул, качнул гитарой,
Топнул, брякнул; — тише! чу!
Груша поет: голосок упоительный
Тонкой серебряной нитью дрожит,
Как замирает он в неге мучительной…
Чу!.. Гром!.. Взрыв!.. Буря шумит.
Грянул хор; сверкнули брызги
От каскада голосов.
Пламя молний! Ветра взвизги!
Моря вой и шум лесов!
Град ударов звонкой сечи!
Перекрестная гроза!
Огнь из уст! Из глаз картечи!
Пышут груди; ноют плечи,
Рыщут дикие глаза.
Вот запевает *Любовь*-чародейка:
Звонкий напев ее душу сквозит,
Льется, как струйка, и вьется, как змейка,
Ластится к сердцу и сладко язвит.
Чу!.. Свист!.. Вопль!.. Пожар трескучий!
Гармоническая брань!
То разинул хор гремучий
Полну бешеных созвучий
Раскаленную гортань!
Вот разгульный клик несется:
«Мы живем среди полей!»

Весь в огне *Илья* трясется,
Размахнется, развернется:
«Живо! Веселей!»
А вот «В темном лесе» — *Матрёна* колотит,
Колотит, молотит, кипит и дробит,
Кипит и колотит, дробит и молотит,
И вот — поднялась, и взвилась, и дрожит…
Врозь руками размахнула —
Хочет целый мир обнять.
Вот плывет… скользит… вздрогну́ла,
Кости старые тряхнула,
Повернулась — да опять!
Чудо — ведьма ты, злодейка!
Вне себя *Илья* стучит,
Рвется, свищет и кричит:
«Жизнь для нас — копейка!»

1842

Владимир Бенедиктов

Леса

Хотите ль вы в душе проведать думы,
Которым нет ни образов, ни слов, —
Там, где кругом густеет мрак угрюмый,
Прислушайтесь к молчанию лесов;
Там в тишине перебегают шумы,
Невнятный гул беззвучных голосов.

В сих голосах мелодии пустыни;[910]
Я слушал их, заслушивался их,
Я трепетал, как пред лицом святыни,
Я полон был созвучий, но немых,
И из груди, как узник из твердыни,
Вотще кипел, вотще мой рвался стих.

1830

Петр Вяземский

Объявление любви

Хоть вся теперь природа дремлет,
Одна моя любовь не спит;
Твои движенья, вздохи внемлет
И только на тебя глядит.

Приметь мои ты разговоры,
Помысль о мне наедине;
Брось на меня приятны взоры,
И нежностью ответствуй мне.

Единым отвечай воззреньем
И мысль свою мне сообщи:
Что с тем сравнится восхищеньем,
Как две сольются в нас души?

---

[910] *Пустыня* — уединенное, безлюдное место.

Представь в уме сие блаженство
И ускоряй его вкусить:
Любовь лишь с божеством равенство
Нам может в жизни сей дарить.

1770

Гаврила Державин

Телега жизни

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка.

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел! . . . .[911]

Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшней
И косогоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

Катит по-прежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней

---

[911] Многоточие подразумевает матерное выражение, рифмующееся со «сломать».

И, дремля, едем до ночлега —
А время гонит лошадей.

1823

Александр Пушкин

* * *

Хоть я и свил гнездо в долине,
Но чувствую порой и я,
Как животворно на вершине
Бежит воздушная струя, —
Как рвется из густого слоя,
Как жаждет горних наша грудь,
Как всё удушливо-земное
Она хотела б оттолкнуть!

На недоступные громады
Смотрю по целым я часам, —
Какие росы и прохлады
Оттуда с шумом льются к нам!
Вдруг просветлеют огнецветно
Их непорочные снега:
По ним проходит незаметно
Небесных ангелов нога...

Октябрь 1860

Федор Тютчев

Апрельские мечты

Хотя рассыпчатый и с грязью пополам
Лежит пластами снег на улице сонливой,
Хотя и холодно бывает по утрам
И ветра слышатся стесненные порывы,

Но небо синее, прозрачное, без туч,
Но проницающей, крепительной струею
И свежий пар земли, но редкий солнца луч,
Сквозящий трепетно в час полдня над землею, —

Всё сладко шепчет мне: «На родине твоей
Уже давно весны повеяло дыханье,
Там гру́ди дышится просторней и вольней,
Там ближе чувствуешь природы прозябанье,

Там отсыревшая и рыхлая земля
Уж черной полосой мелькает в синей дали…
Из сохнувших лесов чрез ровные поля
Потоки снежные давно перебежали.

И сад, где весело ребенком бегал ты,
Такой же прелестью былого детства веет:
В нем всё под сладостным дыханьем теплоты
Стремительно растет, цветет и зеленеет».

Апрель 1856. Санкт-Петербург

Алексей Апухтин

* * *[912]

Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.

Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи, —
Храни меня, мой талисман.

В уединенье чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.

Священный сладостный обман,
Души волшебное светило…
Оно сокрылось, изменило…
Храни меня, мой талисман.

Пускай же ввек сердечных ран
Не растравит воспоминанье.

---

[912] "Сестра поэта, О. С. Павлищева, говорила нам, — писал П. В. Анненков, — что когда приходило из Одессы письмо с печатью, изукрашенною точно такими же кабалистическими знаками, какие находились и на перстне ее брата, — последний запирался в своей комнате, никуда не выходил и никого не принимал к себе". Речь шла о письмах Воронцовой, запечатанных таким же перстнем, как и перстень-талисман Пушкина, подаренный ему Воронцовой.

Прощай, надежда; спи, желанье;
Храни меня, мой талисман.

1825

Александр Пушкин

Царское Село

Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений,
О ты, певцу дубрав давно знакомый гений,
Воспоминание, рисуй передо мной
Волшебные места, где я живу душой,
Леса, где я любил, где чувство развивалось,
Где с первой юностью младенчество сливалось
И где, взлелеянный природой и мечтой,
Я знал поэзию, веселость и покой...

Веди, веди меня под липовые сени,
Всегда любезные моей свободной лени,
На берег озера, на тихий скат холмов!..
Да вновь увижу я ковры густых лугов,
И дряхлый пук дерев, и светлую долину,
И злачных берегов знакомую картину,
И в тихом озере, средь блещущих зыбей,
Станицу гордую спокойных лебедей.

1823

Александр Пушкин

Возрождение[913]

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.

Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.

Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней.

1819

Александр Пушкин

* * *[914]

Царей и царств земных отрада,

---

[913] Образы элегии возникли под впечатлением картины Рафаэля «Мадонна с безбородым Иосифом», выставленной в Эрмитаже. В начале XIX в. она была подвергнута реставрации, восстановившей подлинное рафаэлевское письмо. Этот факт излагался в начале каталога Эрмитажа, открывавшегося репродукцией этой картины. Он отразился позднее и в словах Сальери: «Мне не смешно, когда маляр негодный / Мне пачкает Мадонну Рафаэля» («Моцарт и Сальери»).

[914] Первая строфа из «Оды на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года». Несколько месяцев спустя после коронации Елизаветы закончилась война со шведами (1741—1743 гг.).

Возлюбленная тишина,
Блаженство сёл, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют,
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

1747

Михайло Ломоносов

Молитва

Царь небес! успокой
Дух болезненный мой!
Заблуждений земли
Мне забвенье пошли,
И на строгий твой рай
Силы сердцу подай.

1842—1844

Евгений Боратынский

Цветок

Цветок засохший, безуханный,

Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положён сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

1828

Александр Пушкин

* * *

Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит —
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.

И стоит он, околдован, —
Не мертвец и не живой —
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Легкой цепью пуховой...

Солнце зимнее ли мещет
На него свой луч косой —
В нем ничто не затрепещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.

31 декабря 1852

Федор Тютчев

Бессонница

Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть!

Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас?

Нам мнится: мир осиротелый

Неотразимый Рок настиг —
И мы, в борьбе, природой целой
Покинуты на нас самих.

И наша жизнь стоит пред нами,
Как призрак на краю земли,
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали...

И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло!

Лишь изредка, обряд печальный
Свершая в полуночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас!

1829

Федор Тютчев

Чего-то нет

1

Чего-то нет, чего-то жаль,
Душа о чем-то всё горюет;
Как будто друг уехал вдаль,

Как будто весть какую чует.

2

Кругом блестят ковры лугов,
Зеленым морем льется поле,
И много роз и соловьев,
А всё душа как не на воле! —

3

Но вот ей, звездочкой, во мгле
Блестит святое *упованье*,
Что *где-то*, темное земле,
Поймется же ее страданье...

4

И вот чего ей часто жаль:
И горлик[915] часто затоскует,
Как вспомнит про родную даль
И ветер *родины* почует.

Федор Глинка

* * *

Чему молилась ты с любовью,

---

[915] *Горлик* — голубь.

Что, как святыню, берегла,
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.

Толпа вошла, толпа вломилась
В святилище души твоей,
И ты невольно устыдилась
И тайн и жертв, доступных ей.

Ах, когда б живые крылья
Души, парящей над толпой,
Ее спасали от насилья
Безмерной пошлости людской!

Между июлем 1850 и серединой 1851

Федор Тютчев

* * *

Через ливонские я проезжал поля,[916]
Вокруг меня всё было так уныло...
Бесцветный грунт небес, песчаная земля —
Всё на́ душу раздумье наводило.

Я вспомнил о былом печальной сей земли
Кровавую и мрачную ту пору,[917]
Когда сыны ее, простертые в пыли,

---

[916] Ливонией в средние века называлась территория Латвии и Эстонии.
[917] В 1202—1562 гг. Ливония находилась под владычеством духовно-рыцарского Ордена меченосцев.

Лобзали рыцарскую шпору.

И, глядя на тебя, пустынная река,[918]
И на тебя, прибрежная дуброва,
«Вы, — мыслил я, — пришли издалека,
Вы, сверстники сего былого!»

Так! вам одним лишь удалось
Дойти до нас с брегов другого света.
О, если б про него хоть на один вопрос
Мог допроситься я ответа!..

Но твой, природа, мир о днях былых молчит
С улыбкою двусмысленной и тайной, —
Так отрок, чар ночных свидетель быв случайный,
Про них и днем молчание хранит.[919]

Начало октября 1830

Федор Тютчев

* * *[920]

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,

---

[918] Западная Двина.
[919] Тютчев сравнивает природу, скрывающую свое прошлое, с библейским отроком Самуилом (1-я кн. Царств, гл. 3-я), который боялся объявить, что ему ночью было видение Бога.
[920] Написано 5 января 1830 г. в ответ на просьбу красавицы польки Каролины Собаньской вписать ей в альбом свое имя. Пушкин познакомился с ней в феврале 1821 г. в Киеве, а позднее встречался в Одессе и в Петербурге. О чувстве поэта к Собаньской свидетельствуют два письма к ней, написанные 2 февраля 1830 г.

Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я…

1830

Александр Пушкин

* * *

Что за грустная обитель
И какой знакомый вид!
За стеной храпит смотритель,
Сонно маятник стучит!

Стукнет вправо, стукнет влево,
Будит мыслей длинный ряд;

В нем рассказы и напевы
Затверженные звучат.

А в подсвечнике пылает
Догоревшая свеча,
Где-то пес далеко лает,
Ходит маятник, стуча;

Стукнет влево, стукнет вправо,
Всё твердит о старине;
Грустно так! Не знаю, право,
Наяву я иль во сне?

Вот уж лошади готовы —
Сел в кибитку и скачу, —
Полно, так ли? Вижу снова
Ту же сальную свечу,

Ту же грустную обитель,
И кругом знакомый вид,
За стеной храпит смотритель,
Сонно маятник стучит...

Лето 1856

Алексей Толстой

К самому себе

Что мне, что мне суетиться,

Вьючить бремя должностей,
Если мир за то бранится,
Что иду прямой стезей?
Пусть другие работáют,
Много мудрых есть господ:
И себя не забывают,
И царям сулят доход.
Но я тем коль бесполезен,
Что горяч и в правде черт, —
Музам, женщинам любезен
Может пылкий быть Эрот.
Стану ныне с ним водиться,
Сладко есть и пить и спать;
Лучше, лучше мне лениться,
Чем злодеев наживать.
Полно быть в делах горячим,
Буду лишь у правды гость;
Тонким сделаюсь подьячим,
Растворю пошире горсть.
Утром раза три в неделю
С милой музой порезвлюсь;
Там опять пойду в постелю
И с женою обоймусь.

1798

Гаврила Державин

Невыразимое
(Отрывок)

Что наш язык земной пред дивною природой?
С какой небрежною и легкою свободой
Она рассыпала повсюду красоту
И разновидное с единством согласила!
Но где, какая кисть ее изобразила?
Едва-едва одну ее черту
С усилием поймать удастся вдохновенью…
Но льзя ли в мертвое живое передать?
Кто мог создание в словах пересоздать?
Невыразимое подвластно ль выраженью?..
Святые таинства, лишь сердце знает вас.
Не часто ли в величественный час
Вечернего земли преображенья,
Когда душа смятенная полна
Пророчеством великого виденья
И в беспредельное унесена, —
Спирается в груди болезненное чувство,
Хотим прекрасное в полете удержать,
Ненареченному хотим названье дать —
И обессиленно безмолвствует искусство?
Что видимо очам — сей пламень облаков,
По небу тихому летящих,
Сие дрожанье вод блестящих,
Сии картины берегов
В пожаре пышного заката —
Сии столь *яркие черты* —
Легко их ловит мысль крылата,
И есть *слова* для их *блестящей* красоты.
Но то, что слито с сей блестящей красотою —

Сие столь смутное, волнующее нас,
Сей внемлемый одной душою
Обворожающего глас,
Сие к далекому стремленье,
Сей миновавшего привет
(Как прилетевшее незапно дуновенье
От луга родины, где был когда-то цвет,
Святая молодость, где жило упованье),
Сие шепнувшее душе воспоминанье
О милом радостном и скорбном старины,

Сия сходящая святыня с вышины,
Сие присутствие Создателя в созданье —
Какой для них язык?.. Горé душа летит,
Всё необъятное в единый вздох теснится,
И лишь молчание понятно говорит.

1819

Василий Жуковский

* * *

Что ни день, как поломя со влагой,
Так унынье борется с отвагой,
Жизнь бежит то круто, то отлого,
Вьется вдаль неровною дорогой,
От беспечной удали к заботам
Переходит пестрым переплетом,
Думы ткут то в солнце, то в тумане

Золотой узор на темной ткани.

1858

Алексей Толстой

Чужеземное растение

«Что сделалось с тобою ныне?
О милый куст! ты бледен стал;
Где зелень, запах твой?» — «Увы! — он отвечал. —
Я на чужбине».

1826

Иван Дмитриев

Вакхическая песня

Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь, вакхальны припевы!
Да здравствуют нежные девы
И юные жены, любившие нас!
Полнее стакан наливайте!
На звонкое дно
В густое вино
Заветные кольца бросайте!
Подымем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!

Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

1825

Александр Пушкин

* * *

Что тут писано, писал совсем не я, —
Оставляла за собою жизнь моя;
Это — куколки от бабочек былых,
След заметный превращений временны́х.

А души моей — что бабочки искать!
Хорошо теперь ей где-нибудь порхать,
Никогда ее, нигде не обрести,
Потому что в ней, беспутной, нет пути...

Константин Случевский

Тройка

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу —
Всё лицо твое вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..
На тебя, подбоченясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь:
Вьется алая лента игриво
В волосах твоих, черных как ночь;

Сквозь румянец щеки твоей смуглой
Пробивается легкий пушок,
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровой дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь,
Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.

Поживешь и попразднуешь вволю,
Будет жизнь и полна и легка...
Да не то тебе пало на долю:
За неряху пойдешь мужика.

Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь,
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвесть,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоем, полном движенья,
Полном жизни, — появится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг.

И схоронят в сырую могилу,
Как пройдешь ты тяжелый свой путь,
Бесполезно угасшую силу
И ничем не согретую грудь.

Не гляди же с тоской на дорогу
И за тройкой вослед не спеши,
И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши!

Не нагнать тебе бешеной тройки:
Кони крепки, и сыты, и бойки, —
И ямщик под хмельком, и к другой
Мчится вихрем корнет молодой...

1846

Николай Некрасов

Снигирь[921]

Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый снигирь?
С кем мы пойдем войной на Гиену?[922]
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов,
С горстью россиян всё побеждать?

Быть везде первым в мужестве строгом,
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагать молитвой и Богом,
Скиптры давая, зваться рабом,[923]
Доблестей быв страдалец единых,
Жить для царей, себя изнурять?

Нет теперь мужа в свете столь славна:

---

[921] Стихотворение написано на смерть Суворова, скончавшегося 6 мая 1800 г. в присутствии Державина. «У автора в клетке был снигирь, выученный петь одно колено военного марша; когда автор по преставлении сего героя возвратился в дом, то, услыша, что сия птичка поет военную песнь, написал сию оду в память столь славного мужа» (объяснение Державина).
[922] «Гиена, злейший африканский зверь, под коей здесь разумеется революционный дух Франции» (объяснение Державина). Последние годы жизни Суворов командовал русско-австрийской армией, действовавшей против французов.
[923] На завоеванные Суворовым территории возвращались монархи, изгнанные оттуда французскими республиканскими войсками. В то же время сам Суворов находился в немилости у Павла I, подвергаясь с его стороны неоднократным унижениям и преследованиям.

Полно петь песню военну, снигирь!
Бранна музыка днесь не забавна,
Слышен отвсюду томный вой лир;
Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами! — что воевать?

Май 1800

Гаврила Державин

* * *

Что́ ты клонишь над водами,
Ива, ма́кушку свою
И дрожащими листами,
Словно жадными устами,
Ловишь беглую струю?..

Хоть томится, хоть трепещет
Каждый лист твой над струей,
Но струя бежит и плещет,
И, на солнце нежась, блещет,
И смеется над тобой...

1835

Федор Тютчев

* * *

Что ты спишь, мужичок?
Ведь весна на дворе;
Ведь соседи твои
Работáют давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Чтó ты был? И чтó стал?
И чтó есть у тебя?

На гумне — ни снопа;
В закромах[924] — ни зерна;
На дворе, по траве —
Хоть шаром покати.

Из клетей[925] домовой
Сор метлою посмел;
И лошадок за долг
По соседям развел.

И под лавкой сундук
Опрокинут лежит;
И, погнувшись, изба,
Как старушка, стоит.

Вспомни время свое:
Как катилось оно

---

[924] *Закром* — отгороженное место в амбаре для ссыпки зерна, муки.
[925] *Клеть* — холодная половина избы, через сени; кладовая при избе; отдельная нежилая постройка для хранения имущества.

По полям и лугам
Золотою рекой!

Со двора и гумна
По дорожке большой
По селам, городам,
По торговым людя́м!

И как двери ему
Растворяли везде,
И в почетном угле
Было место твое!

А теперь под окном
Ты с нуждою сидишь
И весь день на печи
Без просыпу лежишь.

А в полях сиротой
Хлеб нескошен стоит.
Ветер точит зерно!
Птица клю́ет его!

Что ты спишь, мужичок?
Ведь уж лето прошло,
Ведь уж осень на двор
Через прясло[926] глядит.

---

[926] *Прясло* — звено изгороди, забора; сооружение для сушки снопов.

Вслед за нею зима
В теплой шубе идет,
Путь снежком порошит,
Под санями хрустит.

Все соседи на них
Хлеб везут, продают,
Собирают казну —
Бражку ковшиком пьют.

25 сентября 1839

Алексей Кольцов

Рябина

«Что шумишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Низко наклоняясь
Головою к тыну?»

— «С ветром речь веду я
О своей невзгоде,
Что одна расту я
В этом огороде.

Грустно, сиротинка,
Я стою, качаюсь,
Что к земле былинка,
К тыну нагибаюсь.

Там, за тыном, в поле,
Над рекой глубокой,
На просторе, в воле,
Дуб растет высокой.

Как бы я желала
К дубу перебраться;
Я б тогда не стала
Гнуться да качаться.

Близко бы ветвями
Я к нему прижалась
И с его листами
День и ночь шепталась.

Нет, нельзя рябинке
К дубу перебраться!
Знать, мне, сиротинке,
Век одной качаться».

1864

Иван Суриков

* * *

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,

Полная луна,

Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокий бег.

1841

Афанасий Фет

* * *

Чудный град порой сольется
Из летучих облаков;
Но лишь ветр его коснется,
Он исчезнет без следов.
Так мгновенные созданья
Поэтической мечты
Исчезают от дыханья
Посторонней суеты.

1829

Евгений Боратынский

Орина мать солдатская

День-деньской моя печальница,
В ночь — ночная богомолица,

Векова моя сухотница...
(Из народной песни)

Чуть живые в ночь осеннюю
Мы с охоты возвращаемся,
До ночлега прошлогоднего,
Слава Богу, добираемся.

«Вот и мы! Здорово, старая!
Что насупилась ты, кумушка!
Не о смерти ли задумалась?
Брось! пустая эта думушка!

Посетила ли кручинушка?
Молви — может, и размыкаю». —
И поведала Оринушка
Мне печаль свою великую.

«Восемь лет сынка не видела,
Жив ли, нет — не откликается,
Уж и свидеться не чаяла,
Вдруг сыночек возвращается.

Вышло молодцу в бессрочные...
Истопила жарко банюшку,
Напекла блинов Оринушка,
Не насмотрится на Ванюшку!

Да недолги были радости.
Воротился сын больнехонек,

Ночью кашель бьет солдатика,
Белый плат в крови мокрехонек!

Говорит: «Поправлюсь, матушка!»
Да ошибся — не поправился,
Девять дней хворал Иванушка,
На десятый день преставился...»

Замолчала — не прибавила
Ни словечка, бесталанная.
«Да с чего же привязалася
К парню хворость окаянная?

Хилый, что ли, был с рождения?..»
Встрепенулася Оринушка:
«Богатырского сложения,
Здоровенный был детинушка!

Подивился сам из Питера
Генерал на парня этого,
Как в рекрутское присутствие
Привели его раздетого...

На избенку эту бревнышки
Он один таскал сосновые...
И вилися у Иванушки
Русы кудри как шелкóвые...»

И опять молчит несчастная...

«Не молчи — развей кручинушку!
Что сгубило сына милого —
Чай, спросила ты детинушку?»

— «Не любил, сударь, рассказывать
Он про жизнь свою военную,
Грех мирянам-то показывать
Душу — Богу обреченную!

Говорить — гневить Всевышнего,
Окаянных бесов радовать...
Чтоб не молвить слова лишнего,
На врагов не подосадовать,

Немота перед кончиною
Подобает христианину.
Знает Бог, какие тягости
Сокрушили силу Ванину!

Я узнать не добивалася.
Никого не осуждаючи,
Он одни слова утешные
Говорил мне умираючи.

Тихо по двору похаживал
Да постукивал топориком,
Избу ветхую обхаживал,
Огород обнес забориком;

Перекрыть сарай задумывал.
Не сбылись его желания:
Слег — и встал на ноги резвые
Только за день до скончания!

Поглядеть на солнце красное
Пожелал, — пошла я с Ванею:
Попрощался со скотинкою,
Попрощался с ригой, с банею.

Сенокосом шел — задумался.
«Ты прости, прости, полянушка!
Я косил тебя во младости» —
И заплакал мой Иванушка!

Песня вдруг с дороги грянула,
Подхватил, что было голосу,
«Не белы снежки», закашлялся,
Задышался — пал на полосу!

Не стояли ноги резвые,
Не держалася головушка!
С час домой мы возвращалися...
Было время — пел соловушка!

Страшно в эту ночь последнюю
Было: память потерялася,
Всё ему перед кончиною
Служба эта представлялася.

Ходит, чистит амуницию,
Набелил ремни солдатские,
Языком играл сигналики,
Песни пел — такие хватские!

Артику́л ружьем выкидывал[927]
Так, что весь домишка вздрагивал;
Как журавль стоял на ноженьке
На одной — носок вытягивал.

Вдруг метнулся... смотрит жалобно...
Повалился — плачет, кается,
Крикнул: «Ваше благородие![928]
Ваше!..» Вижу, задыхается.

Я к нему. Утих, послушался —
Лег на лавку. Я молилася:
Не пошлет ли Бог спасение?..
К утру память воротилася,

Прошептал: «Прощай, родимая!
Ты опять одна осталася!..»
Я над Ваней наклонилася,
Покрестила, попрощалася,

---

[927] *Арти́кул* — статья, глава; артикул, воинский устав, уложение; ружейные приемы, хватка.
[928] *Ваше благородие* — титулование обер-офицерских и равных им гражданских чинов; общее обращение к дворянину.

И погас он, словно свеченька
Восковая, предыконная...»

Мало слов, а горя реченька,
Горя реченька бездонная!..

1863

Николай Некрасов

* * *

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

1850

Афанасий Фет

Орел

Ширококрылый и могучий
Орел в поднебесьи летел,
Летел — под ним сбирались тучи,
Сердилось море, вал гремел!

Он око вверх — там солнце рдеет!
Он око вниз — там туч гряда!
Крыло лишь паруса белеет,
Как путь забывшая звезда!

И быстро вдаль он кинул взоры,
И вот, сквозь занавесы мглы,
Как с места сдвинутые горы,
Встают валы, идут валы!

И бьется чайкой над волнами
Корабль, ныряя между вод,
И ловит ветер парусами,
А ветер злой — вертит и рвет!

То вскинет вал, то хлябь глотает!
И вот, забитый волн бичом,
Припал — и ветра не хватает
Летун разодранным крылом!

Вдруг морю туча прогремела:

«Вставай! Бушуй! Иди на брань!»
И бездна туче проревела:
«Встаю! Иду! Сильнее грянь!»

И всё слилось! И море встало!
И грозно встречные пошли!
И море неба тяжко пало
На море, вставшее с земли!

А он, царь воздуха могучий,
Взлетал, не видимый земле,
И там, где плыть не смеют тучи,
Он плыл, простря свои крыле![929]

И думал он: «Как жалки люди!
Взлететь бы только до небес!»
Прорезал воздух силой груди,
Взмахнул крылами и исчез!

15 августа 1844. Зыково

Михаил Дмитриев

* * *

Шли путем неведомым...
Шли тропинкой скрытою,
Бог весть кем проложенной

---

[929] *Крыле́* — крылья.

И почти забытою!..

В сердце человеческом
Есть обетованные
Тропочки закрытые,
Вовсе безымянные!

Под ветвями темными
Издавна проложены,
Без пути протоптаны,
Без толку размножены.

И по ним-то крадутся,
По глубокой темени,
Чувства непонятные
Бе́з роду, без племени...

Чувства безымянные,
Си́роты бездомные,
Робкие, пугливые,
Иногда нескромные...

Константин Случевский

* * *

Шумела полночная вьюга
В лесной и глухой стороне.
Мы сели с ней друг подле друга.
Валежник свистал на огне.

И наших двух теней громады
Лежали на красном полу,
А в сердце ни искры отрады,
И нечем прогнать эту мглу!

Березы скрипят за стеною,
Сук ели трещит смоляной...
О друг мой, скажи, что́ с тобою?
Я знаю давно, что́ со мной!

1842

Афанасий Фет

Лес

Шуми, шуми, зеленый лес!
Знаком мне шум твой величавый,
И твой покой, и блеск небес
Над головой твоей кудрявой.
Я с детства понимать привык
Твое молчание немое
И твой таинственный язык
Как что-то близкое, родное.

Как я любил, когда порой,
Краса угрюмая природы,
Ты спорил с сильною грозой
В минуты страшной непогоды,

Когда больших твоих дубов
Вершины темные качались
И сотни разных голосов
В твоей глуши перекликались...

Или когда светило дня
На дальнем западе сияло
И ярким пурпуром огня
Твою одежду освещало.
Меж тем в глуши твоих дерев
Была уж ночь, а над тобою
Цепь разноцветных облаков
Тянулась пестрою грядою.

И вот я снова прихожу
К тебе с тоской моей бесплодной,
Опять на сумрак твой гляжу
И голос слушаю свободный.
И может быть, в твоей глуши,
Как узник, волей оживленный,
Забуду скорбь моей души
И горечь жизни обыдённой.

1849

Иван Никитин

Водопад

Шуми, шуми с крутой вершины,

Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзывом долины.

Я слышу: свищет аквилон,[930]
Качает елию скрыпучей,
И с непогодою ревучей
Твой рев мятежный соглашен.

Зачем с безумным ожиданьем
К тебе прислушиваюсь я?
Зачем трепещет грудь моя
Каким-то вещим трепетаньем?

Как очарованный, стою
Над дымной бездною твоею
И, мнится, сердцем разумею
Речь безглагольную твою.

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзывом долины!

1820

Евгений Боратынский

---

[930] *Аквилон* (лат.; греч. — *борей*) — сильный северный ветер.

* * *

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь небесный
Исходил, благословляя.

13 августа 1855

Федор Тютчев

У Саймы в полдень

Этот матово-светлый жемчужный простор
В небесах и в зеркальной равнине,
А вдали этот черный застывший узор, —
Там, где лес отразился в пучине.

Если воздух прозрачный доносит порой
Детский крик иль бубенчики стада —

Здесь и самые звуки звучат тишиной,
Не смущая безмолвной отрады.

Так остаться бы век — и светло, и тепло
Здесь на чистом нетающем снеге.
Злая память и скорбь — всё куда-то ушло,
Всё расплылось в чарующей неге.

11 октября 1894

Владимир Соловьев

* * *

Это утро, радость эта,
Эта мощь и дня и света,
    Этот синий свод,
Этот крик и вереницы,
Эти стаи, эти птицы,
    Этот говор вод,

Эти ивы и березы,
Эти капли — эти слезы,
    Этот пух — не лист,
Эти горы, эти долы,
Эти мошки, эти пчелы,
    Этот зык и свист,

Эти зори без затменья,
Этот вздох ночной селенья,

Эта ночь без сна,
Эта мгла и жар постели,
Эта дробь и эти трели,
Это всё — весна.

1881

Афанасий Фет

Улетела

Эх, ты молодость-злодейка!
Ты ушла от старика,
Что заветная копейка
Из кармана бедняка.*

1857

Владимир Бенедиктов

На статую играющего в бабки[931]

Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колено
Бодро опёрся, другой поднял меткую кость.
Вот уж прицелился... прочь! раздайся, народ любопытный,

[931] Стихотворение посвящено скульптуре, которую Пушкин увидел на выставке, открывшейся в конце сентября 1836 г. в Академии художеств в Петербурге. Статуя играющего в бабки принадлежала скульптору Н. С. Пименову (1812—1864). По преданию, при первом свидании с Пименовым «А. С. Пушкин в энергическом порыве и с навернувшимися на глазах слезами, взяв в обе руки руку ваятеля, сказал громко: слава Богу, наконец и скульптура на Руси явилась народною». По словам биографа Пименова, Пушкин тут же на выставке набросал четверостишие в записной книжке, вырвал листок и вручил художнику с приглашением к себе; Пименов не мог об этом вспоминать без волнения (П. Петров, Н. С. Пименов, профессор скульптуры, СПб. 1883).

Врозь расступись; не мешай русской уда́лой игре.

1836

Александр Пушкин

* * *

Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила;
К ней на плечо преклонен, юноша вдруг задремал.
Дева тотчас умолкла, сон его легкий лелея,
И улыбалась ему, тихие слезы лия.

1835

Александр Пушкин

Тень друга[932]

Sunt aliquid manes: letum non omnia finit;
Luridaque evictos effugit umbra rogos.
Propertius[933]

Я берег покидал туманный Альбиона:[934]
Казалось, он в волнах свинцовых утопал.
За кораблем вилася Гальциона,[935]

---

[932] Стихотворение посвящено другу Батюшкова Ивану Александровичу Петину, павшему в «битве народов» под Лейпцигом.
[933] Души усопших — не призрак: смертью не всё кончается; бледная тень ускользает, победив костер. Проперций (лат.).
[934] *Альбион* — древнее название Англии. После кратковременного пребывания в Англии (первая половина июня 1814 г.) Батюшков на пакетботе отплыл в Швецию, откуда в июле 1814 г. возвратился в Россию. По сообщению П. А. Вяземского, «Тень друга» была написана во время этого плавания.
[935] *Гальциона* (греч. миф.) — дочь Эола. Узнав, что ее муж Кейс утонул, бросилась в море и была превращена Нептуном в зимородка. Здесь же имеется в виду чайка.

И тихий глас ее пловцов увеселял.
Вечерний ветр, валов плесканье,
Однообразный шум и трепет парусов,
И кормчего на палубе взыванье
Ко страже, дремлющей под говором валов, —
Всё сладкую задумчивость питало.
Как очарованный, у мачты я стоял
И сквозь туман и ночи покрывало
Светила Севера любезного искал.
Вся мысль моя была в воспоминанье
Под небом сладостным отеческой земли.
Но ветров шум и моря колыханье
На вежды[936] томное сомненье навели.
Мечты сменялися мечтами,
И вдруг... то был ли сон?.. предстал товарищ мне,
Погибший в роковом огне
Завидной смертию, над плейсскими струями.[937]
Но вид не страшен был; чело
Глубоких ран не сохраняло,
Как утро майское, веселием цвело
И всё небесное душе напоминало.
«Ты ль это, милый друг, товарищ лучших дней!
Ты ль это? — я вскричал, — о воин вечно милый!
Не я ли над твоей безвременной могилой,
При страшном зареве Беллониных огней,[938]
Не я ли с верными друзьями
Мечом на дереве твой подвиг начертал

---

[936] *Вежды* — веки.
[937] *Плейсские струи* — воды находящейся в Германии реки Плейссы, близ которой был убит Петин.
[938] Т. е. военных огней. *Беллона* — богиня войны (рим. миф.).

И тень в небесную отчизну провождал
С мольбой, рыданьем и слезами?
Тень незабвенного! ответствуй, милый брат!
Или протекшее всё было сон, мечтанье;
Всё, всё — и бледный труп, могила и обряд,
Свершенный дружбою в твое воспоминанье?
О! молви слово мне! пускай знакомый звук
Еще мой жадный слух ласкает,
Пускай рука моя, о незабвенный друг!
Твою с любовию сжимает...»
И я летел к нему... Но горний дух исчез
В бездонной синеве безоблачных небес,
Как дым, как метеор, как призрак полуночи,
Исчез, — и сон покинул очи.

Всё спало вкруг меня под кровом тишины.
Стихии грозные казалися безмолвны.
При свете облаком подернутой луны
Чуть веял ветерок, едва сверкали волны,
Но сладостный покой бежал моих очей,
И всё душа за призраком летела,
Всё гостя горнего остановить хотела —
Тебя, о милый брат! о лучший из друзей!

1814

Константин Батюшков

Лето на острове Уайте

Я б с тоски бежал отсюда,
Если б здесь мне моря шум,
Резкий дождик, бьющий в стекла,
Не дарили прежних дум.

Ветра вой и гул, и взвизги,
Да лучи сквозь сумрак дня,
Здесь, в Британии далекой,
Тем отрадны для меня,

Что в смешеньи этих звуков,
Под туманом я живу,
Убаюканный природой,
Грежу Русью наяву...

Лишь они мне здесь родные,
Лишь от них мне есть привет:
Я в них вижу много, много
Русской осени примет,

Что хандру мне наводила
Темной ночью, серым днем,
Что мне раны растравляла
В сердце страждущем моем;

А теперь, и в пору лета,
И в отзвучиях своих,
Льет елей на раны сердца,
Умягчая боли их...

1861

Николай Щербина

* * *[939]

Я б тебя поцеловала,
Да боюсь, увидит месяц,
Ясны звездочки увидят;
С неба звездочка скатится
И расскажет синю морю,
Сине море скажет веслам,
Весла — Яни-рыболову,
А у Яни — люба Мара;
А когда узнает Мара —
Все узнают в околотке,
Как тебя я ночью лунной
В благовонный сад впускала,
Как ласкала, целовала,
Как серебряная яблонь
Нас цветами осыпала.

1860

Аполлон Майков

* * *

---

[939] Из цикла «Новогреческие песни».

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

1829

Александр Пушкин

Признание[940]

Я вас люблю, — хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно, — я зеваю;
При вас мне грустно, — я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Когда я слышу из гостиной

[940] Обращено к Александре Ивановне Осиповой (впоследствии, по мужу, Беклешовой), падчерице П. А. Осиповой. См. также Овидия — четырнадцатую элегию третьей книги любовных элегий.

Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь — мне отрада;
Вы отвернетесь — мне тоска;
За день мучения — награда
Мне ваша бледная рука.
Когда за пяльцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя, —
Я в умиленье, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!..
Сказать ли вам мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой, в ненастье,
Вы собираетеся вдаль?
И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем,
И путешествия в Опочку,
И фортепьяно вечерком?..
Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви.
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Всё может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!

1826

Александр Пушкин

Дориде

Я верю: я любим; для сердца нужно верить.
Нет, милая моя не может лицемерить;
Всё непритворно в ней: желаний томный жар,
Стыдливость робкая, харит бесценный дар,
Нарядов и речей приятная небрежность
И ласковых имен младенческая нежность.

1820

Александр Пушкин

Смерти

Я в жизни обмирал и чувство это знаю,
Где мукам всем конец и сладок томный хмель;
Вот почему я вас без страха ожидаю,
Ночь безрассветная и вечная постель!

Пусть головы моей рука твоя коснется
И ты сотрешь меня со списка бытия,
Но пред моим судом, покуда сердце бьется,
Мы силы равные, и торжествую я.

Еще ты каждый миг моей покорна воле,
Ты тень у ног моих, безличный призрак ты;

Покуда я дышу — ты мысль моя, не боле,
Игрушка шаткая тоскующей мечты.

1884

Афанасий Фет

К Рейну

Я видел, как бегут твои зелены волны:
Они, при вешнем свете дня,
Играя и шумя, летучим блеском полны,
Качали ласково меня;
Я видел яркие, роскошные картины:
Твои изгибы, твой простор,
Твои веселые каштаны и раины,[941]
И виноград по склонам гор,
И горы, и на них высокие могилы
Твоих былых богатырей,
Могилы рыцарства, и доблести, и силы
Давно, давно минувших дней!
Я волжанин: тебе приветы Волги нашей
Принес я. Слышал ты об ней?
Велик, прекрасен ты! Но Волга больше, краше,
Великолепнее, пышней,
И глубже, быстрая, и шире, голубая!
Не так, не так она бурлит,
Когда поднимется погодка верховая[942]

---

[941] *Раины* — тополя.
[942] *Погодка верховая* — северо-западный ветер на Волге.

И белый вал заговорит!
А какова она, шумящих волн громада,
Весной, как с выси берегов
Через ее разлив не перекинешь взгляда,
Чрез море вод и островов!
По царству и река!.. Тебе привет заздравный
Ее, властительницы вод,
Обширных русских вод, простершей ход свой славный,
Всегда торжественный свой ход,
Между холмов, и гор, и долов многоплодных
До темных Каспия зыбей!
Приветы и ее притоков благородных,
Ее подручниц и князей:
Тверцы, которая безбурными струями
Лелеет тысячи судов,
Идущих пестрыми, красивыми толпами
Под звучным пением пловцов;
Тебе привет Оки поемистой, дубравной,
В раздолье муромских песков
Текущей царственно, блистательно и плавно,
В виду почтенных берегов, —
И храмы древние с лучистыми главами
Глядятся в ясны глубины,
И тихий благовест несется над водами,
Заветный голос старины! —
Суры, красавицы задумчиво бродящей,
То в густоту своих лесов
Скрывающей себя, то на полях блестящей
Под опахалом парусов;

Свияги пажитной,[943] игривой и бессонной,
Среди хозяйственных забот,
Любя́щей стук колес, и плеск неугомонный,
И гул работающих вод;
Тебе привет из стран Биармии далекой,[944]
Привет царицы хладных рек,
Той Камы сумрачной, широкой и глубокой,
Чей сильный, бурный водобег,
Под кликами орлов свои валы седые
Катя в кремнистых берегах,
Несет железо, лес и горы соляные
На исполинских ладиях;
Привет Самары, чье течение живое
Не слышно в говоре гостей,
Ссыпающих в суда богатство полевое,
Пшеницу — золото полей;
Привет проворного, лихого Черемшана,
И двух Иргизов луговых,
И тихо-струйного, привольного Сызрана,
И всех и бо́льших и меньши́х,
Несметных данников и данниц величавой,
Державной северной реки,
Приветы я принес тебе!.. Теки со славой,
Князь многих рек, светло теки!
Блистай, красуйся, Рейн! Да ни грозы военной,
Ни песен радостных врага
Не слышишь вечно ты; да мир благословенный

---

[943] *Пажить* — пастбище, луг.
[944] *Биармия* — в скандинавских сказаниях VIII—X вв. страна на крайнем северо-востоке Европы, богатая мехом и серебром.

Твои покоит берега!
Да сладостно, на них мечтая и гуляя,
В тени раскидистых ветвей,
Целуются любовь и юность удалая
При звоне синих хрусталей!

1840

Николай Языков

Летняя ночь

Я видел ночь. Она передо мной
Вся в черном шла, прекрасная, живая,
Волшебница с поникшей головой,
Зарницами, как взглядами, сверкая.

Прозрачен был ее воздушный стан;
Но чуял я дыханья знойный трепет,
И в тишине, как ласковый обман,
Незримых уст призывный несся лепет.

Казалось мне, желанная зовет
Меня с собой к любви и наслажденью...
И я всё шел, всё шел за ней вперед,
Объятый весь огнем ее и тенью!

1878

Арсений Голенищев-Кутузов

* * *

Я видел свое погребенье.
Высокие свечи горели,
Кадил непроспавшийся дьякон,
И хриплые певчие пели.

В гробу на атласной подушке
Лежал я, и гости съезжались,
Отходную кончил священник,
Со мною родные прощались.

Жена в интересном безумьи
Мой сморщенный лоб целовала,
И, крепом красиво прикрывшись,
Кузену о чем-то шептала.

Печальные сестры и братья:
(Как в нас непонятна природа!)
Рыдали при радостной встрече
С четвертою частью дохода.

В раздумьи, насупивши брови,
Стояли мои кредиторы,
И были и мутны и страшны
Их дикоблуждавшие взоры.

За дверью молились лакеи,
Прощаясь с потерянным местом,

А в кухне объевшийся повар
Возился с поднявшимся тестом.

Пирог был удачен. Зарывши
Мои безответные кости,
Объелись на сытных поминках
Родные, лакеи и гости.

Константин Случевский

Спутница фея

1

Явилась впервой мне в час дивный она:
Лежал я под сенью цветущей сирени, —
Играли лучи сквозь дрожащие тени,
На высях и долах царила весна.

И солнце всходило, и пел соловей,
И ласточек в небе резвилася стая,
И ясные капли катились, блистая,
Как слезы блаженства с душистых ветвей.

И, вторя ликующей, пышной весне,
Резвились мечты мои, тешились смело,
И плакало сладко и радостно пело
Шестнадцатилетнее сердце во мне.

Мне новое словно далося чутье,

Звучали отвсюду мне звуки привета;
И весь этот мир ароматов и света,
И солнце, и небо — всё было мое.

Далёко стремить захотелось свой бег.
И вдруг мне она, улыбаясь, предстала,
Чудесная, сбросив с лица покрывало,
В наряде, блестящем как девственный снег;

С венком благовонным на ясном челе
Стояла, глазами в глаза мне сияя,
Она предо мною, посланница рая,
Несущая радость и счастье земле.

Сквозь шепот ветвей говорила она
И сквозь соловья переливные трели:
«Идем! нам есть в мире высокие цели;
Сподвижницей смелой тебе я дана.

Я силами грудь переполню твою,
Живительно буду ее волновать я,
Заветные в ум твой вложу я понятья,
И пламень восторга я в душу волью.

И всем помогу я стремленьям твоим,
Пойду, как слуга, за тобою повсюду;
И долго твоею я спутницей буду,
И много житейских мы зол победим,

И много блаженства нас ждет впереди».

Она говорила; и в светлую фею
Я взоры вперял, упоенные ею,
И слушало сердце, трепеща в груди.

2

Она в день грустный, в час невзгодный
В последний раз ко мне пришла:
Серела пеленой холодной
В полях туманов полумгла.

Бесцветны были и унылы,
Как дол и скаты, небеса,
Все замирали жизни силы,
И все немели голоса;

Невнятно, как больной тоскливый,
Роптал лишь бор издалека;
Чуть двигаясь над сжатой нивой,
Тянулись тяжко облака.

И тот же самый край был это,
И тот же дол, и тот же сад,
Где мы сошлись в лучах рассвета
Пятнадцать лет тому назад.

И гас заката луч багровый,
На землю листьев желтый рой
Ложился; и в игре суровой
Взвивал их ветр с земли сырой.

Вились, как пестрые их груды,
В уме моем, средь тишины,
Мои увядшие причуды,
И упования, и сны.

И вдруг, очнувшися душою
От горестного забытья,
Ее опять перед собою
Нежданную увидел я.

Не гостью радостной, как прежде,
Не с ясным взглядом торжества, —
В обезображенной одежде
Она стояла, чуть жива,

Вся одичалая, немая,
В унынье тяжком и тупом,
Изнеможенно поникая
Своим развенчанным челом.

«К чему ты здесь? — сказал я глухо. —
Ко мне вотще не приходи;
Ты сберегла ль мне силу духа,
Отвагу сердца, жар груди?

Я знал с тобой одни утраты
И бедоносные мечты;
Изменница! мне солгала ты,
Мне ненавистна стала ты».

— «Несчастный! — тихо прошептали
Ее дрожащие уста. —
Взгляни и вспомни: не была ли
Я и прекрасна и свята?

Припомни, что сбылося с нами
С тех дней до нынешнего дня;
Какими дикими путями
Повел, жестокий, ты меня.

Я отдалась тебе всецело,
Твоею сделалась рабой,
И расставаться не хотела,
Безумец жалкий, я с тобой.

Сует я часто гул презренный
Воззваньем честным прервала,
Твердя про труд благословенный,
Про долговечные дела.

Но дальше мчал меня ты люто
Стезею бедствий и грехов;
Тебе я мирного приюта
Не раз указывала кров, —

Но ты шел мимо, в злой тревоге
Бессмысленно меня губя.
Порой, измучась, на дороге
Я отставала от тебя.

Тогда ты звал меня сердито,
И вновь старалась я идти,
И вот, — тобою я убита,
Мне нет спасения, прости!»

И, говоря, она редела
Как сон, бледнее и бледней,
И чуть лишь отделялась бело
От окружающих теней.

И я, в вражде с самим собою,
Глядел, и сердце облилось
Внезапно теплою струею
Моих невыплаканных слез.

«Постой! пойдем мы вместе снова, —
Воскликнул я, — останься мне!
Дай мне безумия былого
Ошибку искупить вполне.

И если, бедная подруга,
Нам расставаться суждено,
Так пусть обнимем мы друг друга
Хоть на мгновение одно.

Святым лобзаньем примиренья
Мою ты душу оживи;
Дай мне минуту вдохновенья,
Минуту счастья и любви!»

Печальной дрогнули улыбкой
Ее черты; едва видна,
Мелькала полосою зыбкой
В вечернем сумраке она.

«Так кто ж ты? — вскрикнул я невольно. —
Откуда ты? зачем же вдруг
С тобой расстаться мне так больно?
Кто ты, скорбящий, странный друг?

Кто ты, пришедшая сначала
Ко мне как радость бытия?»
— «Меня у ж нет, — она сказала. —
Была я молодость твоя».

Август 1858. Москва

Каролина Павлова

* * *

Я всё еще его, безумная, люблю!
При имени его душа моя трепещет;
Тоска по-прежнему сжимает грудь мою,
И взор горячею слезой невольно блещет.

Я всё еще его, безумная, люблю!
Отрада тихая мне душу проникает,
И радость ясная на сердце низлетает,

Когда я за него Создателя молю.

1846

Юлия Жадовская

К. Б.

Я встретил вас — и всё былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас, —

Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...

Как после вековой разлуки
Гляжу на вас, как бы во сне, —
И вот — слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, —

И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..[945]

26 июля 1870

Федор Тютчев

* * *

Я долго стоял неподвижно,
В далекие звезды вглядясь, —
Меж теми звездами и мною
Какая-то связь родилась.

Я думал... не помню, что думал;
Я слушал таинственный хор,
И звезды тихонько дрожали,
И звезды люблю я с тех пор...

1843

Афанасий Фет

* * *

Я думал, сердце позабыло

---

[945] Скорее всего, стихотворение обращено к сестре первой жены Тютчева Клотильде Ботмер (1809 — 1882), в замужестве Мальтиц, которая находилась в июле 1870 г. в городе Кезене под Наумбургом (в 120 км от Карлсбада) и с которой Тютчев мог встретиться между 21 и 26 июля, перед поездкой в Теплиц.

Способность легкую страдать,
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! уж не бывать!
Прошли восторги, и печали,
И легковерные мечты...
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты.

1835

Александр Пушкин

Приметы

Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Сопровождал мой бег ретивый.

Я ехал прочь: иные сны...
Душе влюбленной грустно было,
И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло.

Мечтанью вечному в тиши
Так предаемся мы, поэты;
Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души.

1829

Александр Пушкин

* * *

Я ждал. Невестою-царицей
Опять на землю ты сошла.
И утро блещет багряницей,
И всё ты воздаешь сторицей,
Что осень скудная взяла.

Ты пронеслась, ты победила,
О тайнах шепчет божество,
Цветет недавняя могила,
И бессознательная сила
Свое ликует торжество.

1860

Афанасий Фет

* * *

Я жду... Соловьиное эхо
Несется с блестящей реки,
Трава при луне в бриллиантах,
На тмине горят светляки.

Я жду... Темно-синее небо
И в мелких, и в крупных звездах,

Я слышу биение сердца
И трепет в руках и в ногах.

Я жду... Вот повеяло с юга;
Тепло мне стоять и идти;
Звезда покатилась на запад...
Прости, золотая, прости!

1842

Афанасий Фет

* * *

Я задумался и — одинок остался;
Полюбил и — жизнь великой степью стала;
Дружбу я узнал и — пламя степь спалило;
Плакал я и — василиски нарождались.

Стал молиться я — пошли по степи тени;
Стал надеяться и — свет небес погаснул;
Проклял я — застыло сердце в страхе;
Я заснул — но не нашел во сне покоя...

Усомнился я — заря зажглась на небе,
Звучный ключ пробился где-то животворный,
И по степи, неподвижной и алкавшей,
Поросль новая в цветах зазеленела...

Константин Случевский

* * *[946]

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном.

Исполнен отвагой,
Окутан плащом,
С гитарой и шпагой
Я здесь под окном.

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу.
Проснется ли старый,
Мечом уложу.

Шелкóвые петли
К окошку привесь...
Что медлишь?.. Уж нет ли
Соперника здесь?..

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном.

---

[946] Издано Пушкиным вместе с нотами М. И. Глинки, сочинившего музыку на эти стихи. Написано за месяц до «Каменного гостя», под впечатлением чтения английского поэта Барри Корнуолла. Первый стих романса Пушкина воспроизводит первый стих «Серенады» Корнуолла.

1830

Александр Пушкин

Памяти А. И. Одоевского[947]

1

Я знал его: мы странствовали с ним
В горах востока, и тоску изгнанья
Делили дружно; но к полям родным
Вернулся я, и время испытанья
Промчалося законной чередой;
А он не дождался минуты сладкой:
Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений!

2

Он был рожден для них, для тех надежд,
Поэзии и счастья... Но, безумный —
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной,

[947] Написано в связи со смертью друга Лермонтова, поэта-декабриста Александра Ивановича Одоевского (1802—1839), сосланного после декабрьского восстания в Сибирь, а затем на Кавказ, где он и умер 15 августа 1839 г. от лихорадки. Лермонтов познакомился с Одоевским в 1837 г. во время своей кавказской ссылки. Оба поэта служили в Нижегородском драгунском полку.

И свет не пощадил — и Бог не спас!
Но до конца среди волнений трудных,
В толпе людской и средь пустынь безлюдных,
В нем тихий пламень чувства не угас:
Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей и жизнь иную.

3

Но он погиб далеко от друзей...
Мир сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужих полей,
Пусть тихо спит оно, как дружба наша
В немом кладбище памяти моей!
Ты умер, как и многие, без шума,
Но с твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челе твоем,
Когда глаза закрылись вечным сном;
И то, что ты сказал перед кончиной,
Из слушавших тебя не понял ни единый.

4

И было ль то привет стране родной,
Названье ли оставленного друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крик последнего недуга,
Кто скажет нам?.. Твоих последних слов
Глубокое и горькое значенье

Потеряно... Дела твои, и мненья,
И думы, — всё исчезло без следов,
Как легкий пар вечерних облаков:
Едва блеснут, их ветер вновь уносит —
Куда они? зачем? откуда? — кто их спросит..

5

И после их на небе нет следа,
Как от любви ребенка безнадежной,
Как от мечты, которой никогда
Он не вверял заботам дружбы нежной...
Что за нужда? Пускай забудет свет
Столь чуждое ему существованье:
Зачем тебе венцы его вниманья
И терния пустых его клевет?...
Ты не служил ему. Ты с юных лет
Коварные его отвергнул цепи:
Любил ты моря шум, молчанье синей степи —

6

И мрачных гор зубчатые хребты...
И, вкруг твоей могилы неизвестной
Всё, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно:
Немая степь синеет, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет;
Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет,
Как великан, склонившись над щитом,

Рассказам волн кочующих внимая,
А море Черное шумит не умолкая.

1839

Михаил Лермонтов

Недоносок

Я из племени духóв,
Но не житель Эмпирея,[948]
И, едва до облаков
Возлетев, паду, слабея.
Как мне быть? Я мал и плох;
Знаю: рай за их волнами,
И ношусь, крылатый вздох,
Меж землей и небесами.

Блещет солнце — радость мне!
С животворными лучами
Я играю в вышине
И веселыми крылами
Ластюсь к ним, как облачкó;
Пью счастливо воздух тонкой,
Мне свободно, мне легко,
И пою я птицей звонкой.

Но ненастье заревет

[948] *Эмпирей* — высшее небо, озаренное невещественным светом; обиталище богов в античной мифологии и ангелов, блаженных душ — в христианской.

И до облак, свод небесный
Омрачивши, вознесет
Прах земной и лист древесный:
Бедный дух! ничтожный дух!
Дуновенье роковое
Вьет, крути́т меня, как пух,
Мчит под небо громовое.

Бури грохот, бури свист!
Вихорь хладный! вихорь жгучий!
Бьет меня древесный лист,
Удушает прах летучий!
Обращусь ли к небесам,
Оглянуся ли на землю —
Грозно, черно тут и там;
Вопль унылый я подъемлю.

Смутно слышу я порой
Клик враждующих народов,
Поселян беспечных вой
Под грозой их переходов,
Гром войны и крик страстей,
Плач недужного младенца…
Слезы льются из очей:
Жаль земного поселенца!

Изнывающий тоской,
Я мечусь в полях небесных,
Надо мной и подо мной
Беспредельных — скорби тесных!

В тучу прячусь я и в ней
Мчуся, чужд земного края,
Страшный глас людских скорбей
Гласом бури заглушая.

Мир я вижу как во мгле;
Арф небесных отголосок
Слабо слышу… На земле
Оживил я недоносок.
Отбыл он без бытия:
Роковая скоротечность!
В тягость роскошь мне твоя,
О бессмысленная вечность!

1835

Евгений Боратынский

Валерик[949]

Я к вам пишу случайно; право,
Не знаю как и для чего.
Я потерял уж это право.
И что скажу вам? — ничего!

---

[949] Послание обращено, по всей вероятности, к В. А. Бахметевой (Лопухиной). Поэт рассказывает в нем о боевых действиях отряда генерал-лейтенанта Галафеева в Чечне. 11 июля 1840 г. на реке Валери́к (приток Сунжи, впадающей в Терек) разыгралось сражение, стоившее больших жертв той и другой стороне. Лермонтов участвовал в этом бою. Ему было поручено наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и держать связь с командиром, что было связано с величайшей опасностью, так как чеченцы скрывались в лесу. С первыми рядами храбрецов поэт ворвался в неприятельские завалы. За проявленное «отличное мужество» Лермонтов был представлен к ордену. Но высочайшим повелением опальному поэту было отказано в награде. В «Журнале военных действий» отряда Галафеева подробно описано валерикское сражение. Рассказ Лермонтова в стихотворном послании до деталей совпадает с этими журнальными записями.

Что помню вас? — но, Боже правый,
Вы это знаете давно;
И вам, конечно, всё равно.

И знать вам также нету нужды,
Где я? что я? в какой глуши?
Душою мы друг другу чужды,
Да вряд ли есть родство души.
Страницы прошлого читая,
Их по порядку разбирая
Теперь остынувшим умом,
Разуверяюсь я во всем.
Смешно же сердцем лицемерить
Перед собою столько лет;
Добро б еще морочить свет!
Да и притом что пользы верить
Тому, чего уж больше нет?..
Безумно ждать любви заочной?
В наш век все чувства лишь на срок?
Но я вас помню — да и точно,
Я вас никак забыть не мог!

Во-первых потому, что много
И долго, долго вас любил,
Потом страданьем и тревогой
За дни блаженства заплатил;
Потом в раскаянье бесплодном
Влачил я цепь тяжелых лет;
И размышлением холодным
Убил последний жизни цвет.

С людьми сближаясь осторожно,
Забыл я шум младых проказ,
Любовь, поэзию, — но вас
Забыть мне было невозможно.

И к мысли этой я привык,
Мой крест несу я без роптанья:
То иль другое наказанье?
Не всё ль одно. Я жизнь постиг;
Судьбе, как турок иль татарин
За всё я ровно благодарен;
У Бога счастья не прошу
И молча зло переношу.
Быть может, небеса востока
Меня с ученьем их Пророка
Невольно сблизили. Притом
И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы ночь и днем,
Всё, размышлению мешая,
Приводит в первобытный вид
Больную душу: сердце спит,
Простора нет воображенью...
И нет работы голове...
Зато лежишь в густой траве,
И дремлешь под широкой тенью
Чинар иль виноградных лоз;
Кругом белеются палатки;
Казачьи тощие лошадки
Стоят рядком, повеся нос;
У медных пушек спит прислуга,

Едва дымятся фитили;
Попарно цепь стоит вдали;
Штыки горят под солнцем юга.
Вот разговор о старине
В палатке ближней слышен мне;
Как при Ермолове[950] ходили
В Чечню, в Аварию,[951] к горам;
Как там дрались, как мы их били,
Как доставалося и нам;
И вижу я неподалеку
У речки, следуя Пророку,
Мирной татарин свой намаз
Творит, не подымая глаз;
А вот кружком сидят другие.
Люблю я цвет их желтых лиц,
Подобный цвету ноговиц,[952]
Их шапки, рукава худые,
Их темный и лукавый взор
И их гортанный разговор.
Чу — дальний выстрел! прожужжала
Шальная пуля... славный звук...
Вот крик — и снова всё вокруг
Затихло... но жара уж спала,
Ведут коней на водопой,
Зашевелилася пехота;
Вот проскакал один, другой!
Шум, говор. Где вторая рота?

---

[950] *Ермолов* Алексей Петрович (1777—1861) —полководец, дипломат, герой Отечественной войны 1812 г., в 1816—1827 гг. — главнокомандующий на Кавказе.
[951] *Авария* — в ту пору Аварское ханство в Дагестане.
[952] *Ноговицы* — род голенищ, застегивающихся вокруг голени.

Что, вьючить? — что же капитан?
Повозки выдвигайте живо!
Савельич! Ой ли? — Дай огниво! —
Подъем ударил барабан —
Гудит музы́ка полковая;
Между колоннами въезжая,
Звенят орудья. Генерал
Вперед со свитой поскакал...
Рассыпались в широком поле,
Как пчелы, с гиком казаки;
Уж показалися значки
Там на опушке — два, и боле.
А вот в чалме один мюрид[953]
В черкеске красной ездит важно,
Конь светло-серый весь кипит,
Он машет, кличет — где отважный?
Кто выдет с ним на смертный бой!..
Сейчас, смотрите: в шапке черной
Казак пустился гребенской;
Винтовку выхватил проворно,
Уж близко... выстрел... легкий дым…
Эй вы, станичники, за ним...
Что? ранен!.. — Ничего, безделка...
И завязалась перестрелка...

Но в этих сшибках удалых
Забавы много, толку мало;
Прохладным вечером, бывало,

---

[953] *Мюрид* — у мусульман последователь духовного наставника, в данном случае сподвижник Шамиля, возглавлявшего движение горцев Дагестана и Чечни за освобождение их от власти России.

Мы любовались на них
Без кровожадного волненья,
Как на трагический балет;
Зато видал я представленья.
Каких у вас на сцене нет...

Раз — это было под Гихами,
Мы проходили темный лес;
Огнем дыша, пылал над нами
Лазурно-яркий свод небес.
Нам был обещан бой жестокий.
Из гор Ичкерии далекой[954]
Уже в Чечню на братний зов
Толпы стекались удальцов.
Над допотопными лесами
Мелькали маяки кругом;
И дым их то вился столпом,
То расстилался облаками;
И оживилися леса;
Скликались дико голоса
Под их зелеными шатрами.
Едва лишь выбрался обоз
В поляну, дело началось;
Чу! в арьергард орудья просят;
Вот ружья из кустов выносят,
Вот тащат за ноги людей
И кличут громко лекарей;
А вот и слева, из опушки,

[954] *Ичкерия* — территория Сев. Кавказа, граничащая с Большой Чечней, находилась южнее Терека и Сунжи, населена была чеченцами и ичкеринцами.

Вдруг с гиком кинулись на пушки;
И градом пуль с вершин дерев
Отряд осыпан. Впереди же
Всё тихо — там между кустов
Бежал поток. Подходим ближе.
Пустили несколько гранат;
Еще подвинулись; молчат;
Но вот над бревнами завала
Ружье как будто заблистало;
Потом мелькнуло шапки две;
И вновь всё спряталось в траве.
То было грозное молчанье,
Не долго длилося оно,
Но в этом странном ожиданье
Забилось сердце не одно.
Вдруг залп... глядим: лежат рядами,
Что нужды? здешние полки
Народ испытанный... В штыки,
Дружнее! раздалось за нами.
Кровь загорелася в груди!
Все офицеры впереди...
Верхом помчался на завалы
Кто не успел спрыгну́ть с коня...
Ура — и смолкло. — Вон кинжалы,
В приклады! — и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть...

(И зной и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.

На берегу, под тенью дуба,
Пройдя завалов первый ряд,
Стоял кружок. Один солдат
Был на коленах; мрачно, грубо
Казалось выраженье лиц,
Но слезы капали с ресниц.
Покрытых пылью... на шинели,
Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал;
В груди его едва чернели
Две ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась. Но высоко грудь
И трудно подымалась, взоры
Бродили страшно, он шептал…
«Спасите, братцы. — Тащат в горы.
Постойте — ранен генерал...
Не слышат...» Долго он стонал,
Но всё слабей и понемногу
Затих и душу отдал Богу;
На ружья опершись, кругом
Стояли усачи седые...
И тихо плакали... потом
Его остатки боевые
Накрыли бережно плащом
И понесли. Тоской томимый,
Им вслед смотрел я недвижимый.

Меж тем товарищей, друзей
Со вздохом возле называли;
Но не нашел в душе моей
Я сожаленья, ни печали.
Уже затихло всё; тела
Стащили в кучу; кровь текла
Струею дымной по каменьям,
Ее тяжелым испареньем
Быд полон воздух. Генерал
Сидел в тени на барабане
И донесенья принимал.
Окрестный лес, как бы в тумане,
Синел в дыму пороховом.
А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы — и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?
Галуб прервал мое мечтанье,
Ударив по плечу; он был
Кунак мой: я его спросил,
Как месту этому названье?
Он отвечал мне: *Валерик,*
А перевесть на ваш язык,
Так будет речка смерти: верно,

Дано старинными людьми.
— А сколько их дралось примерно
Сегодня? — Тысяч до семи.
— А много горцы потеряли?
— Как знать? — зачем вы не считали!
«Да! будет, — кто-то тут сказал, —
Им в память этот день кровавый!»
Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал.

Но я боюся вам наскучить,
В забавах света вам смешны
Тревоги дикие войны;
Свой ум вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о конце;
На вашем молодом лице
Следов заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Как умирают. Дай вам Бог
И не видать: иных тревог
Довольно есть. В самозабвенье
Не лучше ль кончить жизни путь?
И беспробудным сном заснуть
С мечтой о близком пробужденье?

Теперь прощайте: если вас
Мои безыскусственный рассказ
Развеселит, займет хоть малость
Я буду счастлив. А не так? —

Простите мне его как шалость
И тихо молвите: чудак!..

1840

Михаил Лермонтов

На кладбище

Я лежу себе на гробовой плите,
Я смотрю, как ходят тучи в высоте,
Как под ними быстро ласточки летят
И на солнце ярко крыльями блестят.
Я смотрю, как в ясном небе надо мной
Обнимается зеленый клен с сосной,
Как рисуется по дымке облаков
Подвижной узор причудливых листов.
Я смотрю, как тени длинные растут,
Как по небу тихо сумерки плывут,
Как летают, лбами стукаясь, жуки,
Расставляют в листьях сети пауки...

Слышу я, как под могильною плитой,
Кто-то ежится, ворочает землей,
Слышу я, как камень точат и скребут
И меня чуть слышным голосом зовут:
«Слушай, милый, я давно устал лежать!
Дай мне воздухом весенним подышать,
Дай мне, милый мой, на белый свет взглянуть,
Дай расправить мне придавленную грудь.

В царстве мертвых только тишь да темнота,
Корни цепкие, да гниль, да мокрота,
Очи впавшие засыпаны песком,
Череп голый мой источен червяком,
Надоела мне безмолвная родня.
Ты не ляжешь ли, голубчик, за меня?»

Я молчал и только слушал: под плитой
Долго стукал костяною головой,
Долго корни грыз и землю скреб мертвец,
Копошился и притихнул наконец.
Я лежал себе на гробовой плите,
Я смотрел, как мчались тучи в высоте,
Как румяный день на небе догорал,
Как на небо бледный месяц выплывал,
Как летали, лбами стукаясь, жуки,
Как на травы выползали светляки...

Константин Случевский

* * *

Я ль буду в роковое время
Позорить гражданина сан
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся славян?
Нет, неспособен я в объятьях сладострастья,
В постыдной праздности влачить свой век младой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья.

Пусть юноши, своей не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенье века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека.
Пусть с хладною душой бросают хладный взор
На бедствия своей отчизны
И не читают в них грядущий свой позор
И справедливые потомков укоризны.
Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятьях праздной неги
И, в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риеги.[955]

1824

Кондратий Рылеев

Веселый пир

Я люблю вечерний пир,
Где веселье председатель,
А свобода, мой кумир,
За столом законодатель,
Где до утра слово *пей!*
Заглушает крики песен,
Где просторен круг гостей,
А кружок бутылок тесен.

[955] *Риего* — Рафаэль Риэго-и-Нуньес (1785—1823), вождь радикального крыла испанской революции 1820 г.; был казнен после ее поражения.

1819

Александр Пушкин

* * *

Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой, —
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.[956]

Не видите ль? Собравшися в дорогу,
В последний раз вам Вера предстоит:
Еще она не перешла порогу,
Но дом ее уж пуст и гол стоит, —

Еще она не перешла порогу,
Еще за ней не затворилась дверь...
Но час настал, пробил... Молитесь Богу,
В последний раз вы молитесь теперь.

16 сентября 1834

Федор Тютчев

Молитва

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою

---

[956] Убранство лютеранских церквей отличается строгой простотой и лишено украшений.

Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного, —
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.

Окружи счастием душу достойную,
Дай ей сопутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную —
Ты восприять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

1837

Михаил Лермонтов

На мосту

Я на мосту стоял. Река
В ночи недвижно широка
Под ледяным своим покровом
Светилась пологом свинцовым.

Далеко трепетным огнем
В тумане фонари мерцали;
Высоко в воздухе ночном
Дома угрюмые стояли,
И редко в тишине звучал
По жестким плитам шаг пустынный,
Иль стук кареты дребезжал,
Спешащей путь покончить длинный.
Рождало чувство пустоты
Вопрос — подобие мечты,
И не могла мне до рассвета
Пустая ночь подать ответа.

Первая половина 1850-х

Николай Огарев

Соловей во сне

Я на хóлме спал высоком,
Слышал глас твой, соловей,
Даже в самом сне глубоком
Внятен был душе моей:
То звучал, то отдавался,
То стенал, то усмехался
В слухе издалече он;
И в объятиях Калисты[957]

[957] *Каллисто* — аркадская нимфа, возлюбленная Зевса. В данном случае это имя употреблено как нарицательное и означает: «возлюбленная», «милая» (см. в конце стихотворения).

Песни, вздохи, клики, свисты
Услаждали сладкий сон.

Если по моей кончине,
В скучном, бесконечном сне,
Ах! не будут так, как ныне,
Эти песни слышны мне;
И веселья, и забавы,
Плясок, ликов, звуков славы
Не услышу больше я, —
Стану ж жизнью наслаждаться,
Чаще с милой целоваться,
Слушать песни соловья.

1797

Гаврила Державин

* * *

Я не люблю иронии твоей.
Оставь ее отжившим и не жившим,
А нам с тобой, так горячо любившим,
Еще остаток чувства сохранившим, —
Нам рано предаваться ей!

Пока еще застенчиво и нежно
Свидание продлить желаешь ты,
Пока еще кипят во мне мятежно
Ревнивые тревоги и мечты —

Не торопи развязки неизбежной!

И без того она не далека:
Кипим сильней, последней жаждой полны,
Но в сердце тайный холод и тоска...
Так осенью бурливее река,
Но холодней бушующие волны...

1850

Николай Некрасов

* * *

Я не люблю тебя: мне суждено судьбою,
Не полюбивши, разлюбить.
Я не люблю тебя; больной моей душою
Я никого не буду здесь любить.

О, не кляни меня! Я обманул природу,
Тебя, себя, когда в волшебный миг
Я сердце праздное и бедную свободу
Поверг в слезах у милых ног твоих.

Я не люблю тебя, но, полюбя другую,
Я презирал бы горько сам себя,
И, как безумный, я и плачу и тоскую,
И всё о том, что не люблю тебя!..

1838

Иван Клюшников (1811—1895)

Не жди

Я не приду к тебе... Не жди меня! Недаром,
Едва потухло зарево зари,
Всю ночь зурна звучит за Авлабаром,[958]
Всю ночь за банями поют сазандари.[959]

Здесь теплый свет луны позолотил балконы,
Там углубились тени в виноградный сад,
Здесь тополи стоят, как темные колонны,
А там, вдали, костры веселые горят —

Пойду бродить! — Послушаю, как льется
Нагорный ключ во мгле заснувших Саллалак,[960]
Где звонкий голос твой так часто раздается,
Где часто, вижу я, мелькает твой личак.[961]

Не ты ли там стоишь на кровле под чадрою,
В сиянье месячном?! — Не жди меня, не жди!
Ночь слишком хороша, чтоб я провел с тобою
Часы, когда душе простора нет в груди;

---

[958] *Авлабар* — часть города Тифлиса.
[959] *Сазандар* — певец.
[960] *Саллалаки* — юго-западная часть Тифлиса. В повести Полонского «Тифлисские сакли» есть подробное описание Салалак: «Кто живал в Тифлисе, тот, конечно, не может не узнать одного из самых живописных уголков его: этот уголок — Салалакское ущелье или просто *Салалаки,* некогда одно из предместий небольшой столицы Грузии, теперь небольшой квартал одного из обширнейших городов в России».
[961] *Личак* — головной убор грузинки, в виде длинной вуали, обыкновенно откинутой назад.

Когда сама душа — сама душа не знает,
Какой любви, каких еще чудес
Просить или желать — но просит — но желает —
Но молится пред образом небес,

И чувствует, что уголок твой душен,
Что не тебе моим моленьям отвечать, —
Не жди! — я в эту ночь к соблазнам равнодушен —
Я в эту ночь к тебе не буду ревновать.

Яков Полонский

* * *

Я очи знал, — о, эти очи!
Как я любил их — знает Бог!
От их волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не мог.

В непостижимом этом взоре,
Жизнь обнажающем до дна,
Такое слышалося горе,
Такая страсти глубина!

Дышал он грустный, углубленный
В тени ресниц ее густой,
Как наслажденья, утомленный
И, как страданья, роковой.

В эти чудные мгновенья

Ни разу мне не довелось
С ним повстречаться без волненья
И любоваться им без слез.

Между июлем 1850 и серединой 1851

Федор Тютчев

* * *

Exegi monumentum[962].

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,

---

[962] Я воздвиг памятник (лат.).

Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью Божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспоривай глупца.[963]

1836

Александр Пушкин

Памятник[964]

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.

Так! — весь я не умру, но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.

Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных,

---

[963] Написано на тему оды Горация «К Мельпомене» (XXX ода книги III), откуда взят и эпиграф. Эту же оду Горация перевел Ломоносов; ей подражал Державин в своем стихотворении «Памятник». *Александрийский столп* — Александровская колонна, памятник Александру I в Петербурге на Дворцовой площади; Пушкин «выехал из Петербурга за 5 дней до открытия Александровской колонны, чтоб не присутствовать при церемонии вместе с камер-юнкерами, моими товарищами» (запись в дневнике 28 ноября 1834 г.).
[964] Использовав основную мысль и отчасти форму оды Горация «К Мельпомене» (кн. III, ода 30), переведенной до него Ломоносовым, Державин создал самостоятельное стихотворение, которое в известной степени отозвалось в стихах Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал;[965]
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о Боге
И истину царям с улыбкой говорить.

О муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой неторопливой
Чело твое зарей бессмертия венчай.

1795

Гаврила Державин

Я пережил

Я пережил и многое, и многих,
И многому изведал цену я;
Теперь влачусь в одних пределах строгих
Известного размера бытия.
Мой горизонт и сумрачен, и близок,
И с каждым днем всё ближе и темней;
Усталых дум моих полет стал низок,
И мир души безлюдней и бедней.

---

[965] *Рифей* — Уральские горы.

Не заношусь вперед мечтою жадной,
Надежды глас замолк — и на пути,
Протоптанном действительностью хладной,
Уж новых мне следов не провести.
Как ни тяжел мне был мой век суровый,
Хоть житницы моей запас и мал,
Но ждать ли мне безумно жатвы новой,
Когда уж снег из зимних туч напал?
По бороздам серпом пожатой пашни
Найдешь еще, быть может, жизни след;
Во мне найдешь, быть может, след вчерашний,
Но ничего уж завтрашнего нет.
Жизнь разочлась со мной; она не в силах
Мне то отдать, что у меня взяла
И что земля в глухих своих могилах
Безжалостно навеки погребла.

1837

Петр Вяземский

* * *

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Под бурями судьбы жестокой

Увял цветущий мой венец —
Живу печальный, одинокой,
И жду: придет ли мой конец?

Так, поздним хладом пораженный,
Как бури слышен зимний свист,
Один — на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист!..

1821

Александр Пушкин

Взгляд

Я помню взгляд, мне не забыть тот взгляд! —
Он предо мной горит неотразимо:
В нем счастья блеск, в нем чудной страсти яд,
Огонь тоски, любви невыразимой.
Он душу мне так сильно взволновал,
Он новых чувств родил во мне так много,
Он сердце мне надолго оковал
Неведомой и сладостной тревогой!

1847

Юлия Жадовская

* * *

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край.
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.

И на холму, там, где, белея,
Руина замка в дол глядит,
Стояла ты, младая фея,
На мшистый опершись гранит,

Ногой младенческой касаясь
Обломков груды вековой;
И солнце медлило, прощаясь
С холмом, и замком, и тобой.

И ветер тихий мимолетом
Твоей одеждою играл
И с диких яблонь цвет за цветом
На плечи юные свевал.

Ты беззаботно вдаль глядела...
Край неба дымно гас в лучах;
День догорал; звучнее пела
Река в померкших берегах.

И ты с веселостью беспечной
Счастливый провожала день:
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.

1836

Федор Тютчев

* * *

Я помню всё: и голос милый,
И ласки, ласки без конца;
Я буду помнить до могилы
Черты любимого лица.

И сад я помню над рекою,
Где мы, в вечерний, поздний час,
Бродили тихою стопою,
Где мы сошлись в последний раз.

Какой глубокой, страшной муки
Была душа моя полна,
Когда, мои сжимая руки,
«Прости!» — сказала мне она...

Прошли года... Но образ милый
Еще живет в душе моей,
И буду помнить до могилы
Я кроткий свет ее очей...

1860-е годы

Алексей Плещеев

Иная зима

Я помню, как детьми, с румяными щеками,
По снегу хрупкому мы бегали с тобой —
Нас добрая зима косматыми руками
Ласкала и к огню сгоняла нас клюкой;
А поздним вечером твои сияли глазки
И на тебя глядел из печки огонек,
А няня старая нам сказывала сказки,
О том, как жил да был на свете дурачок.

Но та зима от нас ушла с улыбкой мая,
И летний жар простыл — и вот, заслыша вой
Осенней бури, к нам идет зима иная,
Зима бездушная —и уж грозит клюкой.

А няня старая уж ножки протянула —
И спит себе в гробу, и даже не глядит,
Как ты, усталая, к моей груди прильнула,
Как будто слушаешь, что сердце говорит.
А сердце в эту ночь, как няня, к детской ласке
Неравнодушное, раздуло огонек
И на ушко тебе рассказывает сказки,
О том, как жил да был на свете дурачок.

1860

Яков Полонский

К ***[966]

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,

---

[966] *Керн*, Анна Петровна (1800—1879) — племянница соседки Пушкина П. А. Осиповой. Гостила летом 1825 г. в Тригорском. В первой строфе поэт вспоминает первую встречу с ней, в 1819 г., в Петербурге, в доме Олениных. Керн писала о том, как Пушкин передал ей эти стихи в день ее отъезда из Тригорского. «Он пришел утром и на прощание принес мне экземпляр 2-й главы «Онегина», в неразрезанных листках, между которых я нашла вчетверо сложенный почтовый лист бумаги со стихами: «Я помню чудное мгновенье» и проч. и проч. Когда я собиралась спрятать в шкатулку поэтический подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать; насилу выпросила я их опять; что у него промелькнуло тогда в голове — не знаю». Керн ошиблась, вторая глава еще не вышла тогда. Вероятно, это была первая глава «Евгения Онегина».

Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

1825

Александр Пушкин

Запустение[967]

Я посетил тебя, пленительная сень,
Не в дни веселые живительного мая,
Когда, зелеными ветвями помавая,
Манишь ты путника в свою густую тень,
Когда ты веешь ароматом
Тобою бережно взлелеянных цветов, —
Под очарованный твой кров
Замедлил я моим возвратом.
В осенней наготе стояли дерева
И неприветливо чернели;
Хрустела под ногой замерзлая трава,
И листья мертвые, волнуяся, шумели;
С прохладой резкою дышал
В лицо мне запах увяданья;

[967] Навеяно воспоминаниями о посещении осенью 1833 г. родового имения Мара Тамбовской губернии, где Боратынский родился и где провел детские годы.

Но не весеннего убранства я искал,
А прошлых лет воспоминанья.
Душой задумчивый, медлительно я шел
С годов младенческих знакомыми тропами;
Художник опытный их некогда провел.
Увы! рука его изглажена годами!
Стези заглохшие, мечтаешь, пешеход
Случайно протоптал. Сошел я в дол заветный,
Дол, первых дум моих лелеятель приветный!
Пруда знакомого искал красивых вод,
Искал прыгучих вод мне памятной каскады;
Там, думал я, к душе моей
Толпою полетят виденья прежних дней…
Вотще! лишенные хранительной преграды,
Далече воды утекли,
Их ложе поросло травою,
Приют хозяйственный в нем улья обрели,
И легкая тропа исчезла предо мною,
Ни в чем знакомого мой взор не обретал!
Но вот по-прежнему, лесистым косогором,
Дорожка смелая ведет меня… обвал
Вдруг поглотил ее… Я стал
И глубь нежданную измерил грустным взором,
С недоумением искал другой тропы.
Иду я: где беседка тлеет
И в прахе перед ней лежат ее столпы,
Где остов мостика дряхлеет.
И ты, величественный грот,
Тяжело-каменный, постигнут разрушеньем,
И угрожает уж паденьем,

Бывало, в летний зной, прохлады полный свод!
Что ж? пусть минувшее минуло сном летучим!
Еще прекрасен ты, заглохший Элизей,
И обаянием могучим
Исполнен для души моей.
Он не был мыслию, он не был сердцем хладен,[968]
Тот, кто, глубокой неги жаден,
Их своенравный бег тропам сим указал,
Кто, преклоняя слух к мечтательному шуму
Сих кленов, сих дубов, в душе своей питал
Ему сочувственную думу.
Давно кругом меня о нем умолкнул слух,
Прияла прах его далекая могила,[969]
Мне память образа его не сохранила,
Но здесь еще живет его доступный дух;
Здесь, друг мечтанья и природы,
Я познаю его вполне:
Он вдохновением волнуется во мне,
Он славить мне велит леса, долины, воды;
Он убедительно пророчит мне страну,
Где я наследую несрочную[970] весну,
Где разрушения следов я не примечу,
Где в сладостной тени невянущих дубров,
У нескудеющих ручьев,
Я тень, священную мне, встречу.

---

[968] Речь идет об отце поэта, генерал-лейтенанте Абраме Андреевиче Боратынском (1767/68—1810); имение Мара было пожаловано ему Павлом I в 1796 г. Поселившись там после отставки, он превратил Мару в цветущую усадьбу, проявив при этом большой вкус и чувство изящного. По проектам А. А. Боратынского в саду были сооружены беседки, мостики, гроты, каскады, проложены аллеи и тропы.
[969] Отец поэта умер в Москве и похоронен в Спасо-Андрониковом монастыре.
[970] *Несрочный* — вечный (не имеющий временного ограничения — срока).

1833

Евгений Боратынский

* * *

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа все так же счастью
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что́ буду
Петь, — но только песня зреет.

1843

Афанасий Фет

Друзьям

Я пью за здоровье не многих,
Не многих, но верных друзей,
Друзей неуклончиво строгих
В соблазнах изменчивых дней.

Я пью за здоровье далеких,
Далеких, но милых друзей,
Друзей, как и я, одиноких
Средь чуждых сердцам их людей.

В мой кубок с вином льются слезы,
Но сладок и чист их поток;
Так с алыми — черные розы
Вплелись в мой застольный венок.

Мой кубок за здравье не многих,
Не многих, но верных друзей,
Друзей неуклончиво строгих
В соблазнах изменчивых дней;

За здравье и ближних далеких,
Далеких, но сердцу родных,
И в память друзей одиноких,
Почивших в могилах немых.

1861

Петр Вяземский

* * *

Я рад, когда с земного лона,
Весенней жажде соприсущ,
К ограде каменной балкона
С утра кудрявый лезет плющ.

И рядом, куст родной смущая,
И силясь и боясь летать,
Семья пичужек молодая
Зовет заботливую мать.

Не шевелюсь, не беспокою.
Уж не завидую ль тебе?
Вот, вот она здесь, под рукою,
Пищит на каменном столбе.

Я рад: она не отличает
Меня от камня на свету,
Трепещет крыльями, порхает
И ловит мошек на лету.

1879

Афанасий Фет

* * *

Ярким солнцем в лесу пламенеет костер,
И, сжимаясь, трещит можжевельник;
Точно пьяных гигантов столпившийся хор,
Раскрасневшись, шатается ельник.[971]

Я и думать забыл про холодную ночь, —
До костей и до сердца прогрело;
Что смущало, колеблясь умчалося прочь,
Будто искры в дыму улетело.

Пусть на зорьке, всё ниже спускаясь, дымок
Над золою замрет сиротливо;
Долго-долго, до поздней поры огонек
Будет теплиться скупо, лениво.

И лениво и скупо мерцающий день
Ничего не укажет в тумане;
У холодной золы изогнувшийся пень
Прочернеет один на поляне.

Но нахмурится ночь — разгорится костер,
И, виясь, затрещит можжевельник,
И, как пьяных гигантов столпившийся хор,
Покраснев, зашатается ельник.

1859

Афанасий Фет

---

[971] Ельник кажется шатающимся от идущих по нему огненных бликов.

* * *

Ярко звезд мерцанье
В синеве небес;
Месяца сиянье
Падает на лес.

В зеркало залива
Сонный лес глядит;
В чаще молчаливой
Темнота лежит.

Слышен меж кустами
Смех и разговор;
Жарко косарями
Разведен костер.

По траве высокой,
С цепью на ногах,
Бродит одиноко
Белый конь впотьмах.

Вот уж песнь заводит
Песенник лихой,
Из кружка выходит
Парень молодой.

Шапку вверх кидает,
Ловит — не глядит,

Пляшет-приседает,
Соловьем свистит.

Песне отвечает
Коростель в лугах,
Песня замирает
Далеко в полях...

Золотые нивы,
Гладь да блеск озер,
Светлые заливы,
Без конца простор,

Звезды над полями,
Глушь да камыши...
Так и льются сами
Звуки из души!

Июль 1858

Иван Никитин

Думы

Я снова здесь, под сенью крова,
Где знала столько тихих грез:
И шепот слушаю я снова
Знакомых кедров и берез;
И как прошедшею весною,
Несутся вновь издалека

Над их зыбучей головою
За облаками облака.

И вы опять несетесь мимо,
О тени лучших снов моих!
Опять в уста неотразимо
Играющий ложится стих;
Опять утихнувших волнений
Струя живая бьет в груди,
И много дум и вдохновений,
И много песен впереди!

Свершу ли их? Пойду ли смело,
Куда мне Бог судил идти?
Увы! окрестность опустела,
Отзывы смолкли на пути.
Не вовремя стихов причуда,
Исчез поэтов хоровод,
И ветер русский ниоткуда
Волшебных звуков не несет.

Пришлось молчать мечтам заветным;
Зачем тому, кто духом нищ,
Тревожить ныне словом тщетным
Безмолвный мир святых кладбищ!..

Июнь 1847. Гиреево[972]

---

[972] *Гиреево* — дачное место под Москвой, где в 40-е гг. Павловы жили летом. С Гиреевом связаны у Павловой воспоминания о встречах с Н. М. Языковым и Е. А. Баратынским, которым она отправляла отсюда послания. В последних стихах «Думы» речь идет о рано умерших Пушкине, Лермонтове, Языкове.

Каролина Павлова

Молодой месяц

Ясный месяц, ночной чародей!..
Вслед за зорькой вечерней пурпурною
Поднимись ты стезею лазурною,
Посвети мне опять поскорей...
Сердце молотом в грудь мне колотится,
Сердце чует: к нему не воротится
Всё, с чего обмирало оно...
Всё далёко теперь... Но далекую
Пережил бы я ночь звездоокую —
При надежде... А то — всё темно.

1861

Лев Мей

* * *

Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что́ я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.

Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдет,

Раскрываются тихо листы
И я слышу, как сердце цветет.

И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной... я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу.

2 сентября 1885

Афанасий Фет

Осень

Я узнаю тебя, время унылое:
Эти короткие, бледные дни,
Долгие ночи, дождливые, темные,
И разрушенье — куда ни взгляни.
Сыплются с дерева листья поблекшие,
В поле, желтея, поникли кусты;
По́ небу тучи плывут бесконечные...
Осень докучная!.. Да, это ты!

Я узнаю тебя, время унылое,
Время тяжелых и горьких забот:
Сердце, когда-то так страстно любившее,
Давит мертвящий сомнения гнет;
Гаснут в нем тихо одна за другою
Юности гордой святые мечты,
И в волосах седина пробивается...

Старость докучная!.. Да, это ты!

1863

Алексей Плещеев

* * *[973]

……...

Я умирал. Меня томил
Предсмертный бред. Казалось мне,
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки — и была
Кругом таинственная мгла.
И, жажду вечную поя,
Как лед холодная струя,
Журча, вливалася мне в грудь...
И я боялся лишь заснуть,
Так было сладко, любо мне...
А надо мною в вышине
Волна теснилася к волне.
И солнце сквозь хрусталь волны
Сияло сладостней луны...
И рыбок пестрые стада
В лучах играли иногда.
И помню я одну из них:
Она приветливей других
Ко мне ласкалась. Чешуей

---

[973] Отрывок из поэмы «Мцыри» (Песня рыбки).

Была покрыта золотой
Ее спина. Она вилась
Над головой моей не раз,
И взор ее зеленых глаз
Был грустно нежен и глубок...
И надивиться я не мог:
Ее сребристый голосок
Мне речи странные шептал,
И пел, и снова замолкал.

Он говорил: «Дитя мое,
Останься здесь со мной:
В воде привольное житье
И холод и покой.

*

«Я созову моих сестер:
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И дух усталый твой.

*

«Усни, постель твоя мягка,
Прозрачен твой покров.
Пройдут года, пройдут века
Под говор чудных снов.

*

«О милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю как вольную струю,
Люблю как жизнь мою...»

1839

Михаил Лермонтов

N. N.

(В. В. Энгельгардту)[974]

Я ускользнул от Эскулапа[975]
Худой, обритый — но живой;
Его мучительная лапа
Не тяготеет надо мной.
Здоровье, легкой друг Приапа,[976]
И сон, и сладостный покой,
Как прежде, посетили снова
Мой угол тесный и простой.
Утешь и ты полубольного!
Он жаждет видеться с тобой,
С тобой, счастливый беззаконник,
Ленивый Пинда[977] гражданин,

---

[974] *Энгельгардт* Василий Васильевич (1785—1837) — член кружка «Зеленая лампа», являвшегося филиалом Союза благоденствия. Пушкин входил в общество с самого начала его существования, с марта 1819 г.
[975] Летом 1819 г. Пушкин тяжело болел «гнилой горячкой». После болезни, в середине июля, он уехал в Михайловское (Меня зовут холмы, луга и т. д.).
[976] *Приап* (греч. миф.) — бог садов и полей, сын Диониса. Статуи Приапа (с эрегированным половым органом) устанавливались в садах.
[977] *Пинд* — горный хребет в Греции, на горах которого обитали Аполлон и музы (греч. миф.).

Свободы, Вакха верный сын,
Венеры набожный поклонник
И наслаждений властелин!
От суеты столицы праздной,
От хладных прелестей Невы,
От вредной сплетницы молвы,
От скуки, столь разнообразной,
Меня зовут холмы, луга,
Тенисты клены огорода,
Пустынной речки берега
И деревенская свобода.
Дай руку мне. Приеду я
В начале мрачном сентября:
С тобою пить мы будем снова,
Открытым сердцем говоря
Насчет глупца, вельможи злого,
Насчет холопа записного,
Насчет небесного царя,
А иногда насчет земного.

1819

Александр Пушкин

Болото

Я целый час болотом занялся.
Там белоус торчит, как щетка жесткий;
Там точно пруд зеленый разлился;
Лягушка, взгромоздясь, как на подмостки,

На старый пень, торчащий из воды,
На солнце нежится и дремлет... Белым
Пушком одеты тощие цветы;
Над ними мошки вьются роем целым;
Лишь незабудок сочных бирюза
Кругом глядит умильно мне в глаза,
Да оживляют бедный мир болотный
Порханье белой бабочки залетной
И хлопоты стрекозок голубых
Вокруг тростинок тощих и сухих.
Ах! прелесть есть и в этом запустенье!..
А были дни, мое воображенье
Пленял лишь вид подобных тучам гор,
Небес глубоких праздничный простор,
Монастыри, да белых вилл ограда
Под зеленью плюща и винограда...
Или луны торжественный восход
Между колонн руины молчаливой,
Над серебром с горы падущих вод...
Мне в чудные гармоний переливы
Слагался рев катящихся зыбей;
В какой-то мир вводил он безграничный,
Где я робел душою непривычной
И радостно присутствие людей
Вдруг ощущал, сквозь этот гул упорный,
По погремушкам вьючных лошадей,
Тропинкою спускающихся горной...
И вот — теперь такою же мечтой
Душа полна, как и в былые годы,
И так же здесь заманчиво со мной

Беседует таинственность природы.

1856

Аполлон Майков

* * *

Я чувствую, во мне горит
Святое пламя вдохновенья,
Но к темной цели дух парит...
Кто мне укажет путь спасенья?
Я вижу, жизнь передо мной
Кипит, как океан безбрежный...
Найду ли я утес надежный,
Где твердой обопрусь ногой?
Иль, вечного сомненья полный,
Я буду горестно глядеть
На переменчивые волны,
Не зная, что любить, что петь?

Открой глаза на всю природу, —
Мне тайный голос отвечал, —
Но дай им выбор и свободу,
Твой час еще не наступал:
Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый миг в ней воскрешай,
На каждый звук ее призывный —
Отзывной песнью отвечай!
Когда ж минуты удивленья,

Как сон туманный, пролетят
И тайны вечного творенья
Ясней прочтет спокойный взгляд, —
Смирится гордое желанье
Весь мир обнять в единый миг,
И звуки тихих струн твоих
Сольются в стройные созданья.

Не лжив сей голос прорицанья,
И струны верные мои
С тех пор душе не изменяли.
Пою то радость, то печали,
То пыл страстей, то жар любви,
И беглым мыслям простодушно
Вверяюсь в пламени стихов.
Так соловей в тени дубров,
Восторгу краткому послушный,
Когда на долы ляжет тень,
Уныло вечер воспевает
И утром весело встречает
В румяном небе светлый день.

1826 или 1827

Дмитрий Веневитинов

* * *

Я шел среди высоких гор,
Вдоль светлых рек и по долинам...

И всё, что ни встречал мой взор,
Мне говорило об едином:
Я был любим! любим я был!
Я всё другое позабыл!

Сияло небо надо мной,
Шумели листья, птицы пели...
И тучки резвой чередой
Куда-то весело летели...
Дышало счастьем всё кругом,
Но сердце не нуждалось в нем.

Меня несла, несла волна,
Широкая, как волны моря!
В душе стояла тишина
Превыше радости и горя...
Едва себя я сознавал:
Мне целый мир принадлежал!

Зачем не умер я тогда?
Зачем потом мы оба жили?
Пришли года... прошли года —
И ничего не подарили,
Что б было слаще и ясней
Тех глупых и блаженных дней.

Ноябрь 1878

Иван Тургенев

Список поэтов

Василий Тредиаковский (1703—1768)

Михайло Ломоносов (1711—1765)

Александр Сумароков (1717—1777)

Михаил Херасков (1733—1807)

Василий Петров (1736—1799)

Гаврила Державин (1743—1816)

Юрий Нелединский-Мелецкий (1752—1828)

Михаил Муравьев (1757—1807)

Иван Дмитриев (1760—1837)

Алексей Мерзляков (1778—1830)

Иван Козлов (1779—1840)

Александр Востоков (1781—1864)

Василий Жуковский (1783—1852)

Николай Гнедич (1784—1833)

Денис Давыдов (1784—1839)

Федор Глинка (1786—1880)

Константин Батюшков (1787—1855)

Павел Катенин (1792—1853)

Петр Плетнев (1792—1865)

Петр Вяземский (1792—1878)

Николай Коншин (1793—1859)

Кондратий Рылеев (1795—1826)

Александр Грибоедов (1795—1829)

Иван Мятлев (1796—1844)

Михаил Дмитриев (1796—1866)

Николай Цыганов (1797—1831)

Вильгельм Кюхельбекер (1797—1846)

Антон Дельвиг (1798—1831)

Александр Пушкин (1799—1837)

Федор Туманский (1799—1853)

Евгений Боратынский (1800—1844)

Василий Туманский (1800—1860)

Александр Одоевский (1802—1839)

Николай Языков (1803—1847)

Федор Тютчев (1803—1873)

Александр Полежаев (1804—1838)

Алексей Хомяков (1804—1860)

Дмитрий Ознобишин (1804—1877)

Дмитрий Веневитинов (1805—1827)

Степан Шевырев (1806—1864)

Владимир Бенедиктов (1807—1873)

Владимир Печерин (1807—1885)

Каролина Павлова (1807—1893)

Алексей Кольцов (1809—1842)

Нестор Кукольник (1809—1868)

Семен Стромилов (1810—1860)

Николай Макаров (1810—1890)

Евдокия Растопчина (1811—1858)

Дмитрий Давыдов (1811—1888)

Иван Клюшников (1811—1895)

Евгений Гребенка (1812—1848)

Николай Огарев (1813—1877)

Михаил Лермонтов (1814—1841)

Эдуард Губер (1814—1847)

Надежда Теплова (1814—1848)

Константин Аксаков (1817—1860)

Алексей Толстой (1817—1875)

Федор Миллер (1818—1881)

Иван Тургенев (1818—1883)

Алексей Разоренов (1819—1891)

Яков Полонский (1819—1898)

Афанасий Фет (1820—1892)

Николай Щербина (1821—1869)

Николай Некрасов (1821—1878)

Аполлон Майков (1821—1897)

Алексей Жемчужников (1821—1908)

Лев Мей (1822—1862)

Аполлон Григорьев (1822—1864)

Александр Аммосов (1823—1866)

Иван Аксаков (1823—1886)

Иван Никитин (1824—1861)

Юлия Жадовская (1824—1883)

Алексей Плещеев (1825—1893)

Михаил Михайлов (1829—1865)

Петр Вейнберг (1831—1908)

Платон Кусков (1834—1909)

Константин Случевский (1837—1904)

Алексей Апухтин (1840—1893)

Федор Берг (1840—1909)

Иван Суриков (1841—1880)

Дмитрий Садовников (1847—1883)

Арсений Голенищев-Кутузов (1848—1913)

Владимир Соловьев (1853—1900)